

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

132 [1]

1877 Nov.

Pe. 27897 d. 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

1877

НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХЪ НАЧАЛЪ. Гл. I—V. В. С. Соловьева.
- II. ПОСЛѢДНІЯ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ГЕРМАНИИ. Сравнительный этюдъ. С. П. Матвѣева.
- III. ОТЪ ОКОНЧАНІЯ УНИВЕРСИТЕТСКАГО КУРСА ДО НАЧАЛА ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ. (1826—1832) Изъ записокъ челоѣка. Сто-одного.
- IV. РУССКІЙ ХУДОЖНИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ ВЪ Сороковыхъ годахъ. Семейныя письма покойнаго Николая Александровича Рамазанова.
- V. МАДОННА. Повѣсть въ трехъ частяхъ. (Изъ одной семейной хроники.) Часть третья. Гл. I—X. Графа Е. А. Саліаса.
- VI. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Р.
- VII. ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ОТРОЦЕНКО. Гл. IX—XIII.
- VIII. КАМЕНЬ СИЗИФА. Еще изъ воспоминаній Одисея Полихроніадеса, загорскаго Грека. Гл. VI—X. Е. Н. Леонтьева.
- IX. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. Поездка по Ломбардіи и Австріи. Гл. VII. Виктора Тиссо.
- X. ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ. Гл. I—V. Петра Петрова.
- XI. ЯНТАРНАЯ КОМНАТА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ДВОРЦА. Е. А. Щученко.
- XII. НОВЫЙ ТИПЪ ВЪ НАШЕЙ БЕЛЕТРИСТИКѢ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НАБАБЪ. Французскіе нравы. Альфонсъ Фодэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Окончаніе. Часть вторая. Гл. I—V.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1878 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1878 году стѣбитъ въ Москвѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англию, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. . . . . 18 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1878 года

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1878 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей, имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. (За время войны таковыя прибавленія выпускаются почти послѣ каждого праздника.) По понедѣльникамъ (кромя слѣдующихъ за табельнымъ праздникомъ или за двумя праздничными днями) издается полный листъ газеты, но безъ передовыхъ статей.

Въ 1878 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и болѣе, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1878 году слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	6 р.
6 мѣсяцевъ.....	9 „ —	6 мѣсяцевъ.....	10 „
12 „.....	14 „ 50.	12 „.....	16 „ 50 к.

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	7 р. 25 к.
6 мѣсяцевъ.....	10 „ 50.	6 мѣсяцевъ.....	12 „ —
12 „.....	17 „ —	12 „.....	19 „ 50.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтъ 16^о, подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Герма- нію, Грецію, Дакію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Порту- галию, Молдавію, Валахію, Сербію, Еро- пейскую Турцію, Голландію, Черно- горію и Северо-Американскіе Соеди- ненные Штаты	8 р.	14 р.	26 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	9 р.	15 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ привиссинскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 10 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 12 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 6 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій, 7 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи*, съ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1877

КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХ НАЧАЛЪ

I. Предварительныя замѣчанія о необходимости верховныхъ принциповъ и критеріевъ въ жизни, познаніи и творествѣ.

Двойственность жизни и сознанія человѣческаго есть настоящее основаніе всякаго размышленія и философіи. Человѣкъ находитъ въ себѣ чувство внутренней свободы и фактъ внѣшней необходимости; онъ твердо увѣренъ что движущее начало его бытія и жизни лежитъ въ немъ самомъ и въ то же время онъ ясно сознаетъ что это начало не зависитъ отъ него, что онъ самъ опредѣляется чѣмъ-то другимъ, для него внѣшнимъ. Эта основная недѣльность, это коренное противорѣчіе вызываетъ въ мыслящемъ существѣ величайшее изумленіе, и это-то изумленіе (а не удивленіе предъ какими-нибудь фактами внѣшней природы) и составляетъ то по преимуществу философское чувство — *μάλα φιλοσοφικὸν πάθος*, съ котораго начинается всякая философія *διὰ τὰρ τὸ θαυμάζεσθαι οἱ ἀνθρώποι καὶ τὸ πρῶτον ἡρεῖσθαι φιλοσοφεῖν*.

Разсматривая совершенно объективно всѣ дѣятельности человѣка, все что онъ познаетъ и творитъ, мы можемъ видѣть во всемъ этомъ только естественные процессы, опредѣляемые необходимыми законами:

По вѣчнымъ, великимъ,
Железнымъ законамъ
Кругъ нашей жизни
Всѣ мы свершаемъ.

Но съ другой стороны всѣ дѣятельности (какъ практическія, такъ равно познавательныя и творческія), помимо ихъ вѣшной закономѣрности, одинаковой для нихъ всѣхъ, имѣютъ для насъ еще особенное внутреннее значеніе согласно той *оцѣнкѣ* которую мы имъ дѣлаемъ и которая опредѣляется степенью ихъ соответствія цѣлямъ, заранее нами поставляемымъ для всѣхъ этихъ дѣятельностей.

Такимъ образомъ, оставляя совершенно въ сторонѣ объективную необходимость *всего* совершающагося, мы всегда относимся къ нему съ нѣкоторымъ сужденіемъ или оцѣнкой, полагая опредѣленное различіе между дѣйствіями добрыми или полезными и дѣйствіями дурными или вредными, между познаніями подлинными или вѣрными и познаніями мнимыми или ошибочными, между истинными и ложными мыслями, между прекрасными и безобразными произведеніями, между чувствами благородными и низкими; и только перваго рода дѣятельности, произведенія и состоянія признаются нами какъ *долженствующія быть* или *нормальныя*, вторыя же осуждаются какъ *недолжное*. Что можетъ быть проще и тривиальнѣе такого отношенія, а между тѣмъ совершенно ясно что съ чисто-объективной точки зрѣнія мы не имѣемъ права на это различіе, которое въ предметной дѣйствительности не имѣетъ никакого смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, со стороны естественной необходимости *все* существующее и совершающееся одинаково *должно быть*: дурное дѣло, ложная мысль суть такія же необходимыя явленія какъ и все другое; нелѣпый бредъ сумасшедшаго есть такой же натурально-необходимый процессъ какъ и идея гениальнаго мыслителя или открытіе великаго ученаго; и однако въ различіи добра и зла, истины и лжи заключается весь существенный интересъ человѣческой жизни.

Для синтетическаго ума заранее ясно что эти двѣ точки зрѣнія: вѣшняя или объективная, по которой есть это произведеніе одинаковой необходимости, и внутренняя или субъективная, которая различаетъ долженствующее быть

отъ недолжнаго,—не составляютъ безусловнаго противорѣчiя, но могутъ быть примирены въ одномъ высшемъ воззрѣнiи какъ двѣ стороны одной и той же идеи. Но въ чемъ состоитъ ихъ дѣйствительное примиренiе, или что содержится въ этой синтетической идеѣ — это можемъ показать философія только въ своемъ концѣ *. Теперь же пока, принимая субъективную точку зрѣнiя какъ несомнѣнный фактъ, неизбежно опредѣляющій собою всю нашу жизнь, посмотримъ что отсюда логически слѣдуетъ.

Во всѣхъ трехъ главныхъ сферахъ человѣческаго существованiя (т.-е. въ сферѣ нравственной или практической, теоретической, или познавательной, и эстетической, или сферѣ творчества) различаемъ мы должствующее быть отъ того что быть не должно. Мы признаемъ должствующими быть или нормальными такія познанiя и мысли которыя имѣютъ своимъ предметомъ и содержанiемъ истину, такія дѣйствiя которыя имѣютъ своимъ предметомъ благо или добро, наконецъ такія художественныя произведенiя которыя имѣютъ своимъ предметомъ красоту. Но очевидно все это еще только словесныя опредѣленiя. Если нормальныя познанiя суть тѣ которыя содержатъ въ себѣ истину, т.-е. истинныя познанiя, то опять спрашивается: какія же познанiя суть истинныя? Точно также спрашивается: какія дѣйствiя суть добрыя, и какія художественныя произведенiя прекрасны? Дѣло въ томъ что именно истина, благо и красота и суть великія неизвѣстныя доселѣ неразрѣшаемой задачи.

Очевидно для того чтобы рѣшить въ каждомъ случаѣ истинно ли данное познанiе или нѣтъ (а это суть того что требуется), необходимо имѣть нѣкоторый положительный критерiй или мѣрило истины; критерiй же этотъ возможенъ лишь тогда, когда мы обладаемъ всеобщимъ и первымъ началомъ (принципомъ) истины, содержанiе котораго и есть именно отвѣтъ на вопросъ: что есть истина? Въ самомъ дѣлѣ, когда мы признаемъ какое-нибудь познанiе или мысль

---

* Нѣкоторое предварительное примиренiе заключается уже въ томъ что первая (объективная) точка зрѣнiя, признавая необходимость *всего* существующаго, должна признавать и необходимость второй (субъективной) точки зрѣнiя какъ *существующей*, т.-е. какъ *факта*.

истинными, то мы высказываемъ о нихъ общее понятіе истины какъ ихъ предикатъ; но для этого мы должны знать содержаніе, то-есть, существенные признаки того общаго понятія: ибо иначе на какомъ основаніи можемъ мы утверждать что оно соответствуетъ какъ предикатъ содержанію данной мысли? Точное и полное опредѣленіе этого основнаго понятія истины и составляетъ верховный принципъ познанія, а отношеніе даннаго познанія или мысли къ этому принципу и есть критерій истины. Столь же очевидна необходимость верховнаго принципа практической дѣятельности для опредѣленія нравственнаго достоинства данныхъ дѣйствій, а равно и необходимость верховнаго принципа творческой дѣятельности для опредѣленія эстетическаго достоинства данныхъ художественныхъ произведеній. Въ такомъ общемъ смыслѣ необходимость высшихъ принциповъ и критеріевъ одинаково признается всѣми философскими направленіями и системами, разногласіе же между ними относится къ предполагаемому источнику или генетическимъ основаніямъ этихъ принциповъ, а равно и къ самому содержанію ихъ.

Въ виду всеобщаго разногласія по этому предмету для безпристрастнаго изслѣдователя необходимы принципы и критеріи въ жизни, знаніи и творествѣ предварительно являются, какъ сказано, лишь великими *неизвѣстными* доселѣ неразрѣшенной задачи.

Этимъ я хочу сказать не то чтобы человѣчество не знало ничего вѣрнаго объ истинѣ, благѣ и красотѣ, а только то что первыя основанія тѣхъ вѣрныхъ свѣдѣній которыя мы всѣ имѣемъ остаются проблематическими, вслѣдствіе чего и сами эти вѣрные свѣдѣнія имѣютъ характеръ лишь случайный и произвольный. Человѣческій умъ сдѣлалъ много великихъ открытій, творчество человѣческое создало много прекрасныхъ произведеній, и много высокихъ подвиговъ совершила человѣческая воля. Но истинность всѣхъ этихъ открытій отвергалась и доселѣ можетъ отвергаться, красота величайшихъ художественныхъ произведеній доселѣ подвергается сомнѣнію, а героизмъ высочайшихъ подвиговъ можетъ выводиться изъ низкихъ побужденій или же совсѣмъ отвергаться какъ безуміе. Не говоря уже о полубразованныхъ массахъ, если существуютъ ученые для которыхъ гениальныя мысли Платона или Канта суть празд-

ныя выдумки или же просто желѣлости; если существуютъ художники и эстетическіе критики, съ презрѣніемъ смотрящіе на Шекспира и Рафаеля; если наконецъ такъ много моралистовъ которые въ индійскихъ и христіанскихъ аскетахъ и мистикахъ видятъ только слѣпыхъ фанатиковъ или даже грубыхъ животныхъ: то спрашивается, для чего работали лучшія силы человѣчества? Пока общіе принципы которыми опредѣляется достоинство и значеніе нашихъ мыслей, дѣлъ и произведеній, остаются сомнительными или неизвѣстными, до тѣхъ поръ челоѣчество со всѣми своими пріобрѣтеніями похоже на богача обладающаго совершенно реальными сокровищами, но только по спорнымъ или и совсѣмъ незаконнымъ документамъ, вслѣдствіе чего онъ не можетъ распоряжаться какъ слѣдуетъ своимъ имуществомъ, и оно имѣетъ для него лишь ничтожную цѣну. Кромѣ того, чтобы продолжить это сравненіе, нашему богачу остались отъ предковъ и такіе тайные клады о которыхъ онъ ничего не знаетъ и не хочетъ знать считая ихъ дѣтскою сказкой, а людей которые ему говорятъ о нихъ признаетъ за суевѣровъ или шарлатановъ.

Итакъ, удовлетворительное опредѣленіе верховныхъ началъ необходимо не только для новыхъ пріобрѣтеній духа челоѣческаго, но также и для упроченія и оправданія старыхъ.

Отъ начала исторіи верховныя принципы многократно и многообразно опредѣлялись; этихъ опредѣленій столько же сколько было и есть религіозныхъ и философскихъ системъ и, безъ сомнѣнія, каждое изъ нихъ имѣетъ свое оправданіе. Было бы крайне печально еслибы все, въ чемъ доселѣ люди убѣждались, было только ложью и вздоромъ. Такой отрицательный результатъ въ прошедшемъ, хотя и не исключалъ бы безусловно возможность лучшаго въ будущемъ, но оставлялъ бы на него только плохую надежду; такъ какъ едва ли бы нашелся гдѣ-нибудь, кромѣ дома умалишенныхъ, такой челоѣкъ который взялся бы или самъ найти, или у боговъ вынудить то чего все челоѣчество во многія тысячелѣтія своего существованія не было въ состояніи ни само достигнуть, ни отъ боговъ получить. Къ счастью въ такомъ Прометеевскомъ предпріятіи нѣтъ никакой надобности. Опредѣленія верховныхъ началъ во всѣхъ настоящихъ и бывшихъ религіозныхъ и философскихъ

воззрѣнiяхъ имѣютъ свою правду. Но самая ихъ множественность и разногласiе между ними, вслѣдствiе котораго каждое исключаетъ всѣ другiя, не даетъ имъ мѣста, ясно показываетъ ограниченный и частный характеръ этихъ опредѣленiй и невозможность окончательно остановиться ни на одномъ изъ нихъ; и если духъ человѣческiй не осужденъ на безконечную работу Сизифа, то ему необходимо придти къ такому опредѣленiю верховныхъ началъ которое не было бы ограниченнымъ и исключительнымъ, не было бы однимъ изъ многихъ, а обнимало бы собою всѣ остальные, заключая въ себѣ ихъ внутреннюю связь. Разумѣется, я здѣсь не имѣю въ виду механическаго соединенiя различныхъ началъ во внѣшнемъ эклектизмѣ который менѣе всего можетъ удовлетворить сколько-нибудь глубокии умъ; я разумѣю воссоединенiе всѣхъ опредѣленiй на основанiи внутренней синтетической силы одного всеобъемлющаго начала которое относится къ нимъ какъ душа организма къ различнымъ его органамъ и элементамъ, являясь въ нихъ какъ *се во естѣхъ*. Но возможенъ ли такой синтезъ? Не обуславливается ли разногласiе и противоборство различныхъ воззрѣнiй на верховныя начала помимо ихъ исключительнаго самоутвержденiя (которое можетъ быть устранено), самою сущностью или объективною природою этихъ воззрѣнiй, которая устранена быть не можетъ? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ намъ необходимо изслѣдовать самимъ эти частныя начала или частныя опредѣленiя верховныхъ началъ, изъ коихъ каждое само имѣетъ притязанiе на значенiе верховнаго начала и стремится исключить всѣ остальные. Изъ этого изслѣдованiя будетъ ясно, имѣютъ ли эти начала внутреннее логическое основанiе для такой исключительности или нѣтъ; другими словами: есть ли эта исключительность безусловно необходима, или же она имѣетъ только относительную и временную необходимость какъ историческiй моментъ въ развитiи общечеловѣческаго сознанiя.

II. Верховныя начала положительныя и отвлеченныя. — Раздѣленіе первыхъ на традиціонныя и мистическія, а вторыхъ на отвлеченно-эмпирическія или матеріальныя, и отвлеченно-раціоналистическія или формальныя.

Обращаясь къ рассмотрѣнію частныхъ опредѣленій верховныхъ началъ, я разумѣется не имѣю ни возможности, ни надобности останавливаться на всѣхъ идеяхъ и положеніяхъ которыя когда либо принимались въ качествѣ верховныхъ началъ. Мнѣ совершенно достаточно рассмотреть во внутренней логической послѣдовательности основныя или типическія изъ нихъ, предоставляя собственному соображенію читателя примѣнять сказанное объ этихъ типическихъ принципахъ къ ихъ второстепеннымъ видоизмѣненіямъ.

Обозрѣвая всю совокупность принциповъ, опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ человѣческое сознаніе, легко видѣть что они принадлежатъ къ двумъ главнымъ родамъ. Первый родъ составляютъ такія начала которыя являются для сознанія какъ готовыя, уже данныя, существенно независимыя отъ разума, принимаются слѣдовательно *въроу*, а не разумнымъ изслѣдованіемъ, и отношеніе къ нимъ личнаго сознанія есть первоначально и преимущественно пассивное. * Такъ какъ этими началами опредѣляется первое, субстанціальное содержаніе человѣческаго сознанія, и они непосредственно

---

* Я говорю *первоначально* пассивное, ибо въ послѣдствіи, будучи разъ приняты *въроу*, эти начала могутъ *secundo loco* оправдываться и объясняться разумнымъ изслѣдованіемъ (*credo ut intelligam* Ансельма Кантерберійскаго), но никогда они не могутъ *основываться* на такомъ изслѣдованіи. Я говорю далѣе *преимущественно* пассивное, потому что *безусловно* пассивное отношеніе вообще немыслимо, ибо таковое равнялось бы полному сліянію и безразличію, въ которомъ уже нѣтъ *отношенія*, такъ какъ нѣтъ *относящихся*; потому и въ самой первоначальной *вѣрѣ* есть нѣкоторый активный элементъ, и вообще каждый разъ когда говорится о пассивномъ отношеніи, слѣдуетъ разумѣть сравнительно пассивное, то-есть такое въ которомъ пассивность преобладаетъ надъ активностью.

оказываютъ положительную силу надъ этимъ сознаніемъ, то я называю ихъ *положительными* или *субстанціальными*; это есть самое общее и широкое для нихъ обозначеніе. * Принципы *второго рода* не являются какъ уже данныя и прямо несомнѣнные для сознанія, а происходятъ, напротивъ, когда личное сознаніе, *отрицательно* относясь ко всему непосредственно данному и преимущественно къ первымъ, положительнымъ началамъ, слѣдовательно освободившись отъ ихъ власти и потерявъ въ нихъ вѣру, стремится путемъ разумаго изслѣдованія всѣхъ міровыхъ отношеній установить извѣстныя общія положенія или нормы необходимо *отвлеченнаго* свойства; полученные такимъ способомъ принципы, къ которымъ личное сознаніе находится преимущественно въ активномъ отношеніи, такъ какъ они суть вообще лишь результаты собственной дискурсивной дѣятельности этого сознанія, я называю *отвлеченными* или *отрицательными*.

Положительныя начала очевидно только тогда могутъ имѣть силу надъ сознаніемъ когда за ними признается непосредственно сверхчеловѣческое происхожденіе, когда ихъ настоящая подлинная основа полагается въ міръ божественномъ, отъ котораго они и получаютъ свою санкцію; такимъ образомъ эти начала имѣютъ необходимо *религіозный* характеръ. Далѣе, положительныя начала по субстанціальности своего содержанія и по своей непосредственной силѣ надъ сознаніями способны овладѣть *всѣмъ* человѣкомъ и цѣлыми народными массами и слѣдовательно воплощаться въ дѣйствительной жизни; имъ такимъ образомъ преимущественно принадлежитъ характеръ *жизненный*.

Принципы второго рода представляютъ намъ противоположные признаки. Будучи результатомъ собственной работы личнаго сознанія, опираясь на изслѣдованіе нашего разума, они не могутъ имѣть и не требуютъ никакой высшей сверхчеловѣческой санкціи. Далѣе по отвлеченному характеру своего содержанія эти принципы не могутъ соответствовать *всѣмъ* жизненнымъ потребностямъ цѣльнаго чело-

---

* Но всѣ вѣрованія имѣютъ свой глубочайшій смыслъ за предѣлами личнаго сознанія; это признается и современною наукой, которая отвергаетъ ребяческую теорію о происхожденіи вѣрованій изъ сознательнаго вымысла отдѣльныхъ лицъ.

вѣческаго духа, а по своему происхожденію какъ общіе *результаты* дискурсивныхъ процессовъ, какъ обусловленные *продукты* разсудочной дѣятельности самого человѣка, они не могутъ имѣть дѣйствительной силы и верховной власти надъ его сознаніемъ и волей, и еще менѣе надъ субстанціальнымъ чувствомъ и глубокими инстинктами народныхъ массъ; а потому эти принципы являются только какъ безсильныя и безплотныя тѣни живыхъ идей, не могущія воплотиться въ дѣйствительной жизни и ограниченыя стѣнами ученыхъ кабинетовъ и школъ.

Итакъ, если положительнымъ началамъ необходимо при-
суще значеніе *религіозное и жизненное*, то начала отвлеченныя или отрицательныя имѣютъ напротивъ характеръ *научный * и школьный*.

Легко видѣть однако что безусловная, никакого общенія не допускающая противоположность между положительными и отвлеченными началами существуетъ только въ стремленіи, а не въ дѣйствительности. Какъ положительныя начала въ ихъ дѣйствительности, проявляющіяся въ религіяхъ и мистическихъ ученіяхъ, не могутъ быть совершенно лишены отвлеченнаго философскаго элемента, точно также и отвлеченныя начала осуществляющіяся въ философскихъ системахъ и научныхъ теоріяхъ никогда не могутъ освободиться вполнѣ отъ догматическаго элемента. Въ религіозной области безусловное отрицаніе всякаго разумаго изслѣдованія, всякаго логическаго оправданія догматовъ вѣры, Тертулліановское *credo quia absurdum*, есть явленіе исключительное, большинство же лучшихъ представителей религіи всегда держались Ансельмова: *credo ut intelligam*; да и самому Тертулліану его *credo quia absurdum* (высказанное впрочемъ мимоходомъ) не помѣшало въ его богословскихъ сочиненіяхъ разсуждать и философствовать о предметахъ вѣры. Во всѣхъ культурныхъ ** религіяхъ неизбежно

---

* Здѣсь слово „научный“ употребляется въ своемъ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ вмѣстѣ и умозрительную философію, и эмпирическую науку.

** Я называю культурными религіями тѣ которыя не остаются на степеніи стихійной силы нѣмой для сознанія, но выражаются и въ ономъ. Таковы по преимуществу браманизмъ, буддизмъ и христіанство.

является стремленіе привести свои догматы въ логическій порядокъ и внутреннюю систему, является слѣдовательно элементъ *философскій*. Далѣе, поскольку религія является въ видѣ историческаго откровенія, она необходимо имѣетъ дѣло съ историческими фактами и преданіями и такимъ образомъ необходимо вступаетъ въ область исторической и археологической *науки*. Вслѣдствіе всего этого, религія, достигая извѣстной степени развитія, необходимо пораждаетъ цѣлую область религіозныхъ или богословскихъ наукъ, имѣющихъ частію философскій, частію историческій характеръ; посредствомъ этихъ наукъ религія переходитъ изъ жизни въ школу и вступаетъ въ тѣсную связь съ отвлеченными началами разсудочнаго просвѣщенія. Уже одно существованіе богословскихъ наукъ, а также тотъ фактъ что всякому историку философіи приходится имѣть дѣло съ философіей браминовъ и буддистовъ, съ философіей каббалы, съ философіей христіанскихъ отцовъ Церкви и схоластиковъ, и что съ другой стороны не было ни одной системы умозрительной философіи которая не заключала бы въ себѣ религіозныхъ элементовъ, ясно показываетъ что безусловная отдѣльность между отвлеченными началами научнаго изслѣдованія и положительными началами религіозной вѣры есть вымыселъ не имѣющій никакой дѣйствительности. Даже тѣ школьныя ученія которыя по принципу отрицаютъ всякое религіозное содержаніе и съ рѣшительною враждою относятся ко всякой вѣрѣ и всякому догматизму, каково напримѣръ ученіе материалистовъ, и эти ученія на самомъ дѣлѣ кладутъ въ свою основу такіа предположенія которыя не имѣя ни логическаго, ни эмпирическаго оправданія, могутъ приниматься только на вѣру, вслѣдствіе чего и основанныя на этихъ предположеніяхъ системы имѣютъ рѣшительно догматическій характеръ, такъ что съ этой стороны борьба этихъ ученій противъ существующихъ религій не есть борьба разума противъ вѣры, а только борьба одной вѣры противъ другой *. Такимъ

---

* Для всякаго способнаго къ философскому мышленію ясно что такъ какъ съ одной стороны ни въ какомъ опытѣ не даны атомы, матерія и т. п., а съ другой стороны самыя понятія матеріи какъ вещи о себѣ (*Ding an sich*), или атомовъ какъ вещественныхъ не нефѣлихъ элементовъ заключаютъ въ себѣ очевидное логи-

образомъ отсутствіе религіознаго содержанія нисколько не ручается за отсутствіе основнаго формальнаго характера религіи который состоитъ въ независимой отъ разумаго изслѣдованія вѣры въ извѣстныя положенія: такой вѣры столь же много въ матеріализмъ, натурализмъ и другихъ абстрактныхъ ученіяхъ какъ и въ любой изъ положительныхъ религій.

Но нераздѣльность религіозныхъ и научныхъ началъ не есть только фактъ дѣйствительности, эта нераздѣльность необходима по существу дѣла, ибо невозможно предположить чтобы религіозный человекъ не мыслилъ о предметѣ своей вѣры, и точно также съ другой стороны невозможно предположить чтобы ученый и философъ признавалъ свои общіе принципы исключительно на основаніи строго-научнаго изслѣдованія, такъ какъ самое это изслѣдованіе необходимо требуетъ уже нѣкоторой вѣры,—по крайней мѣрѣ вѣры въ разумъ.

Подобнымъ же образомъ и та противоположность между религіозными и разсудочными началами что одни воплощаются въ жизни народныхъ массъ, а другія ограничиваются только отвлеченнымъ признаніемъ среди отдѣльныхъ умовъ и ученыхъ школъ, эта противоположность также не можетъ быть безусловною уже потому что между жизнью и школой, между большинствомъ живущаго мѣрой народа и меньшинствомъ научно-образованныхъ людей нѣтъ безусловной границы, нѣтъ непроходимой пропасти. Съ одной стороны, и тѣ люди, сознаніе которыхъ опредѣляется отвлеченными принципами, не могутъ однако вполне устраниваться отъ вліяній общенародной жизни, а съ другой стороны отвлеченныя ученія, выработанныя въ ученыхъ кабинетахъ и школахъ, выходятъ на улицу и площадь, и овладѣвая сначала сознаніемъ того смѣшаннаго и полуобразованнаго класса людей который составляетъ большинство такъ-называемаго „общества“ или „публики“, и теряя, разумѣется, въ этомъ сознаніи свою научную обосновку, но сохраняя свой отвлеченный, разсудочный характеръ, оказываютъ затѣмъ постепенное дѣйствіе и на сознаніе коренной народной массы.

чское противорѣчіе, то атомизмъ и матеріализмъ вообще суть лишь догматическія утвержденія связанныя съ научными данными.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ что ни въ какомъ отношеніи нельзя положить безусловной границы между положительными и отвлеченными началами, между вѣрой и разумомъ въ ихъ дѣйствительности; ибо нѣтъ такой вѣры, которая не соединялась бы съ разумнымъ мышленіемъ, и нѣтъ такого отвлеченнаго изслѣдованія которое не предполагало бы какой-нибудь вѣры, ясно различаясь въ своемъ основаніи и исходной точкѣ, положительно-религіозныя и отвлеченно научныя системы и ученія въ своемъ дѣйствительномъ развитіи и конкретномъ осуществленіи необходимо взаимно проникають другъ друга и многообразно между собою переплетаются. Разумѣется, эта связь между ними не можетъ никакъ прелатствовать не только общему ихъ различію, но и противоборству ихъ частныхъ проявленій. Съ другой же стороны эта внутренняя связь ручается за *возможность* такого синтеза, въ которомъ эти начала, сохраняя свое различіе, находились бы въ совершенномъ гармоническомъ равновѣсіи. Потенціальное основаніе для такого синтеза заключается уже въ томъ что одно и то же содержаніе можетъ быть въ одно и то же время, но съ различныхъ сторонъ, какъ предметомъ религіозной вѣры и мистическаго созерцанія, такъ равно и предметомъ философскаго мышленія и научнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ предметѣ мы необходимо различаемъ слѣдующія три стороны: вопервыхъ, *субстанціальное существованіе* или внутреннюю дѣйствительность,—его собственную *суть*; вовторыхъ, его *общую сущность*, тѣ всеобщія и необходимые опредѣленія и свойства которыя составляютъ *логическія условія* его существованія, или тѣ условія, при которыхъ онъ только мыслимъ; и наконецъ втретьихъ, его *внѣшнюю видимую дѣйствительность*, его проявленіе или обнаруженіе, т.-е. бытіе для другаго; другими словами: мы различаемъ всякій предметъ какъ *сущій*, какъ *мыслимый* и какъ *дѣйствующій*. Очевидно что собственное существованіе предмета, его внутренняя не обнаруженная дѣйствительность можетъ утверждаться только вѣрой или мистическимъ воспріятіемъ и соответствуетъ такимъ образомъ началу религіозному; мыслимость же предмета очевидно принадлежитъ философскому умозрѣнію, а его обнаруженіе или внѣшняя феноменальная дѣйствительность подлежитъ изслѣдованію опытной науки. Столь же очевидно что

эти три стороны не только не исключаютъ другъ друга, а напротивъ лишь соединеніе ихъ составляетъ полную, цѣльную истину предмета, и слѣдовательно только гармоническій синтезъ религіознаго, философскаго и опытно-научнаго знанія есть нормальное состояніе нашей умственной жизни, и внѣ его никакой стремящійся къ подлинной, цѣльной правдѣ умъ не можетъ найти удовлетворенія. Но говорить объ этомъ синтезѣ пока не мѣсто, и мы должны возвратиться къ частной разрозненной дѣйствительности господствующимъ началъ.

Положительныя, или религіозныя начала могутъ основываться или непосредственно на личномъ воспріятіи и созерцаніи божественныхъ вещей, или же предполагаютъ посредство историческаго преданія, вѣру въ авторитетъ. Религіозныя начала въ первомъ видѣ я называю *мистическими*, во второмъ—*традиционными*. Такъ какъ вообще положительныя или религіозныя начала сами по себѣ не составляютъ предмета настоящихъ очерковъ, то я не буду останавливаться и на этомъ ихъ различіи; замѣчу только что помимо фактической неотдѣлимости мистическаго элемента отъ традиціоннаго, самое существованіе этого послѣдняго, имѣя лишь историческія основанія, представляется временнымъ явленіемъ, а не безусловною необходимостью. Я хочу сказать что по существу дѣла ничто не прелятствуетъ представить такое состояніе общечеловѣческаго сознанія, въ которомъ традиціонное основаніе религіи будетъ совершенно поглощено мистическимъ, т.е. религія для всѣхъ будетъ основана на непосредственномъ воспріятіи божественныхъ вещей, а историческое преданіе останется только въ сознаніи какъ идея пережитаго прошлаго.

Гораздо существеннѣе основное различіе въ области отвлеченныхъ началъ, которое мы уже имѣли случай мимоходомъ замѣтить говоря о всеобщемъ синтезѣ. Какъ мы знаемъ, отвлеченныя начала суть результаты нашей собственной умственной дѣятельности. Всякая же дѣятельность нашего ума складывается изъ двухъ элементовъ: изъ эмпирическихъ данныхъ, составляющихъ матеріальное содержаніе этой умственной дѣятельности и изъ собственныхъ чисто рacionales формъ нашего ума, которыми необходимо обуславливается его дѣятельность. Смотря по

тому какой изъ этихъ двухъ элементовъ принимается за основаніе, въ какомъ изъ нихъ полагается центръ тяжести. При отвлеченномъ изслѣдованіи, возникаютъ два вида отвлеченныхъ началъ: первыя выводятъ истину, благо и красоту изъ эмпирическаго содержанія или матеріи нашихъ дѣятельностей, и должны быть потому названы *эмпирическими* или *материальными* началами; другія полагаютъ сказанныя верховныя идеи въ собственныхъ формальныхъ опредѣленіяхъ чистаго разума и называются поэтому *формальными* или *чисто-раціональными* началами.

Въ каждомъ изъ этихъ двухъ направленій отвлеченнаго изслѣдованія устанавливаются свои верховныя принципы—практическій, теоретическій и эстетическій, и соотвѣтствующія имъ критеріи. Такъ какъ въ предметъ настоящихъ очерковъ не входятъ никакіе историческіе вопросы, то дальнѣйшее изложеніе будетъ опредѣляться не историческимъ порядкомъ въ развитіи этихъ двухъ направленій, а только логическою послѣдовательностью самихъ принциповъ. Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нужнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Ставя своею задачей критику отвлеченныхъ началъ, я разумѣю не такую критику которая старается опровергнуть то или другое ученіе, выставляя противъ него различныя возраженія. Помимо того что я считаю такую критику вообще дѣломъ маловажнымъ и не достигающимъ своей цѣли,—что конечно есть только личное мнѣніе,—во всякомъ случаѣ очевидно что такая, чисто отрицательная критика можетъ примѣняться только къ отдѣльнымъ частнымъ ученіямъ и системамъ въ ихъ конкретной, исторической дѣйствительности, а никакъ не къ самимъ основнымъ принципамъ въ ихъ логической чистотѣ. Критическій же методъ по отношенію къ самимъ этимъ принципамъ долженъ состоять въ томъ чтобы, пользуясь ими какъ необходимыми предварительными ступенями, переходить постепенно къ полному синтетическому опредѣленію великихъ неизвѣстныхъ нашей положительной задачи.

III. Эмпирическій принципъ нравственности въ своихъ элементарныхъ формахъ. — Идо-низмъ, эвдемонизмъ, утилитаризмъ.

Основной вопросъ всякаго нравственнаго ученія состоитъ въ опредѣленіи нормальной цѣли нашей практической дѣятельности, т.-е. такой цѣли которая желательна сама по себѣ, и къ которой всѣ остальные относятся какъ средства. Такая цѣль называется въ объективномъ смыслѣ благомъ по преимуществу или высшимъ благомъ, *summi bonum* (въ относительно же или субъективномъ смыслѣ благомъ называется все что въ данную минуту удовлетворяетъ даннаго субъекта). Мораль эмпиризма имѣетъ задачей вывести изъ опыта верховный принципъ нравственности, т.-е. опредѣленіе высшаго блага или нормальной цѣли практической дѣятельности. Въ безконечномъ разнообразіи субъективныхъ и относительныхъ благъ нѣтъ ли какого-нибудь общаго и постояннаго элемента, одинаково имъ возмъ присущаго? Прежде всего такимъ элементомъ представляется удовольствіе или наслажденіе. Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе какого бы то ни было блага необходимо доставляетъ намъ удовольствіе физическое или духовное; такимъ образомъ удовольствіе въ широкомъ смыслѣ есть общій и постоянный признакъ всякаго блага, слѣдовательно необходимый признакъ блага вообще или блага какъ такого.

Этическое ученіе, ограничивающееся этимъ, однимъ этимъ признакомъ или этимъ опредѣленіемъ высшаго блага какъ удовольствія, и слѣдовательно въ удовольствіи полагающее нормальную цѣль жизни человѣческой, называется *идонизмомъ* (отъ греческаго слова *ἡδονή*—удовольствіе или наслажденіе). Согласно сказанному выше, идоническій принципъ нравственности не есть случайный, а имѣетъ необходимыя логическія основанія. Это есть первое этическое опредѣленіе имѣющее научное значеніе, то-есть представляющее характеръ всеобщности и необходимости. Отсюда разумѣется не слѣдуетъ чтобы это опредѣленіе въ своей общности и простотѣ было полнымъ и окончательнымъ выраженіемъ нравственнаго начала даже въ эмпирическомъ направленіи. И въ

самомъ дѣлѣ очевидно что мыслящій умъ не можетъ на этомъ остановиться. И прежде всего необходимо нѣкоторое формальное ограниченіе или поправка.

Такъ какъ по этическимъ условіямъ человѣческой природы, равно какъ и по логическимъ условіямъ конечнаго или ограниченнаго бытія вообще, удовольствіе или наслажденіе не можетъ быть постояннымъ непрерывнымъ состояніемъ, а необходимо перемежается противоположными состояніями неудовольствія или страданія, то принципъ идонизма можетъ имѣть практическое значеніе только въ томъ случаѣ, если онъ ставитъ послѣднюю цѣлью не достиженіе непрерывнаго состоянія удовольствія, которое невозможно, а лишь достиженіе такого существованія, въ которомъ пріятныя состоянія преобладаютъ и постоянно господствуютъ надъ состояніями непріятными. Такое существованіе называется счастьемъ, счастливою или блаженною жизнью, и такимъ образомъ принципъ идонизма въ болѣе точномъ выраженіи превращается въ принципъ *эвдемонизма* (отъ греческаго слова *eudaimonia*—блаженство, счастье).

Нормальная цѣль практической дѣятельности есть достиженіе блаженства, или счастливой жизни. Въ такомъ общемъ видѣ этотъ принципъ эвдемонизма безъ сомнѣнія вѣренъ, и если устранить споръ о словахъ, то его одинаково признаютъ всѣ, самыя разнообразныя, этическія ученія. Что послѣдняя цѣль нашей дѣятельности есть блаженство, это въ сущности одинаково допускается всѣми, и основное различіе въ этомъ пунктѣ состоитъ лишь въ томъ что одни полагаютъ блаженство въ этой временной жизни и этомъ конечномъ мірѣ, другіе полагаютъ его въ будущей вѣчной жизни и другомъ абсолютномъ мірѣ, третьи наконецъ, придавая страданію значеніе положительное, а наслажденію и слѣдовательно счастью только отрицательное, признавая что всякое дѣйствительное бытіе есть необходимо страданіе, и что блаженство состоитъ лишь въ отсутствіи этого страданія, указываютъ на совершенное уничтоженіе дѣйствительнаго бытія какъ на высшее блаженство, составляющее нашу послѣднюю цѣль. Очевидно такимъ образомъ что эвдемоническій характеръ принадлежитъ не только христіанской этикѣ, проповѣдующей вѣчное блаженство небеснаго царства, но также и лессимистической, отрицательной этикѣ буддизма, какъ древняго такъ и новѣйшаго, развитаго въ философіи

Шопенгауэра и Гартмана; ибо и здѣсь какъ послѣдняя цѣль ставится блаженство—блаженство *нирваны*, уничтоженія.

Но именно это обстоятельство что эвдемоническій принципъ въ своемъ общемъ видѣ одинаково присущъ всемъ самымъ противоположнымъ этикамъ, нисколько не устранивая при этомъ ихъ противоположности и не соединяя ихъ высшимъ синтезомъ, ясно показываетъ совершенную неопредѣленность этого принципа, требующую дальнѣйшаго развитія. Самая несомнѣнность эвдемоническаго опредѣленія высшаго блага происходитъ лишь отъ того что это опредѣленіе является почти тождествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго свободнаго отъ школьныхъ предразсудковъ ума положеніе что высшее благо есть счастье вообще,—должно казаться очевиднымъ трюизмомъ, ничего не говорящимъ и только вызывающимъ новый вопросъ: что же есть счастье, въ чемъ состоитъ настоящее блаженство? То опредѣленіе что счастье есть преобладаніе пріятныхъ состояній надъ непріятными есть только словесное опредѣленіе, и для того чтобъ оно одѣлалось реальнымъ и получило практическое значеніе, необходимо опредѣлить содержаніе пріятныхъ и непріятныхъ состояній или удовольствія и страданія.

Мы находимъ въ опытѣ что человѣку свойственны наслажденія или удовольствія четырехъ родовъ: во первыхъ, матеріальныя наслажденія человека какъ животнаго организма; во вторыхъ, наслажденія эстетическія; въ третьихъ, наслажденія умственныя, и наконецъ въ четвертыхъ — наслажденія воли или наслажденія собственно нравственныя.

Наслажденія перваго рода не принадлежатъ собственно *человѣческой* природѣ: будучи связаны съ необходимыми функциями животнаго организма, они входятъ лишь въ общую матеріальную основу всякой жизни и никакъ не могутъ сами по себѣ составлять *человѣческаго* счастья. Ни природа человека, ни природа самихъ чувственныхъ наслажденій не позволяетъ имъ стать собственно цѣлью и содержаніемъ *человѣческой* жизни. Хотя случкомъ часто встрѣчаются люди, полагающіе единственную цѣль своего существованія въ матеріальныхъ наслажденіяхъ, но это всегда и неизбежно оказывается иллюзіей, ибо какъ только достигается это мнимое счастье, то-есть постоянная возможность удовлетворять *всѣмъ* матеріальнымъ

хотѣнія (а они имѣютъ очень тѣсные предѣлы), такъ необходимо является пресыщеніе, скука, внутренняя пустота, а за нею отвращеніе къ жизни, *taedium vitae*, и очень часто какъ послѣднее заключеніе—самоубійство, печальное, но убѣдительное доказательство высшей природы человѣка.

Не подлежитъ сомнѣнію что нѣкоторая степень матеріальнаго довольства составляетъ необходимое отрицательное условіе человѣческаго счастья, то-есть такое условіе безъ котораго это счастье невозможно; но отсюда никакъ не слѣдуетъ чтобы матеріальное довольство могло составлять само положительное содержаніе человѣческаго счастья или быть собственно цѣлью человѣческой жизни. Прежде чѣмъ быть счастливымъ, конечно, необходимо существовать, имѣть воздухъ для дыханія и т. под., но никто еще я думаю не заключалъ изъ этого чтобы счастье или цѣль человѣка могли состоять въ томъ чтобы существовать, дышать воздухомъ и т. под. Но точно то же должно сказать и о матеріальномъ довольствѣ вообще, которое точно также есть лишь отрицательное условіе и, общая матеріальная основа счастливой жизни, а не сама эта жизнь, и слѣдовательно никакимъ образомъ не можетъ давать положительнаго опредѣленія человѣческой дѣятельности или служить ей подлинною цѣлью. Такія азбучныя истины не стоило бы и высказывать, еслибы не существовало еще довольно много добрыхъ и благонамѣренныхъ людей, смѣшивающихъ всеобщее счастье со всеобщей сытостью и думающихъ окончательно осчастливить всѣхъ людей, обильно и равномерно распредѣливъ между ними всѣ земныя блага. Для этихъ людей высшимъ выраженіемъ истины являются, напримѣръ такіе стихи Гейне:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten:
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.
Wir wollen auf Erden glücklich seyn,
Und wollen nicht mehr darben;
Verschlemmen soll nicht der faule Bauch,
Was fleissige Hände erwarben.
Es wächst hienieden Brod genug
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust,

Und Zuckererbsen nicht minder.
 Ja, Zuckererbsen für jedermann
 Sobald die Schoten platzen!
 Den Himmel überlassen wir
 Den Engeln und den Spatzen.

Изъ трехъ родовъ собственно человѣческихъ наслажденій, эстетическія и умственные хотя и составляютъ необходимый ингредиентъ человѣческаго счастья, но по своему чисто-идеальному характеру они не имѣютъ прямого отношенія къ дѣятельной жизни, не могутъ сами по себѣ опредѣлять практическую дѣятельность человѣка и потому не имѣютъ непосредственнаго значенія для нашего настоящаго вопроса, — вопроса о высшемъ благѣ какъ опредѣляющей цѣли именно *практической* дѣятельности. Значеніе для этого нравственнаго или практическаго вопроса * можетъ имѣть такимъ образомъ только третій родъ человѣческихъ наслажденій — наслажденія воли, имѣющія специфически нравственный или практическій характеръ.

Нашъ внутренній опытъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи такихъ положительныхъ наслажденій или удовольствій (пріятныхъ состояній) которыя не проистекаютъ ни изъ удовлетворенія тѣлесныхъ, ни умственныхъ, ни эстетическихъ стремленій, а имѣютъ характеръ чисто практическій или нравственный, относясь непосредственно къ области воли. Наша воля и проистекающая изъ нея практическая дѣятельность въ точномъ смыслѣ этого слова имѣетъ необходимо своимъ непосредственнымъ предметомъ другія существа, ибо всякая дѣятельность есть отношеніе дѣйствующаго субъекта къ чему-нибудь другому; но такая дѣятельность которая имѣетъ своимъ предметомъ вещество или тѣла и проистекаетъ изъ физическихъ хотѣній и потребностей, не есть собственно практическая дѣятельность, а только физиологическое отправленіе организма (въ тѣсномъ смыслѣ) или же механическая работа; точно также не имѣ-

---

* Слово „практическій“ я прилагаю ко всему что непосредственно относится къ воли и ея дѣйствию, такъ что термины „практическій“ и „нравственный“, принимаемые оба въ широкомъ смыслѣ, совпадаютъ (въ тѣсномъ же смыслѣ слово „нравственный“ обозначаетъ уже нѣкоторыя опредѣленные проявленія практическаго начала, именно проявленія нормальныя или одобряемыя).

еть практическаго характера, т.-е. не относится прямо къ воли, такая дѣятельность, предметъ которой составляютъ общія идеи сами по себѣ,—все равно является ли эта дѣятельность въ формѣ чисто теоретическаго познанія этихъ идей, или же въ формѣ ихъ художественнаго воспріятія и воспроизведенія; собственно же практическая или нравственная дѣятельность, проистекающая непосредственно изъ воли, всегда относится такимъ образомъ къ *сущностямъ* индивидуальнымъ и одушевленнымъ, и въ этомъ отношеніи наша дѣятельность представляетъ двойкій характеръ.

Дѣйствуя на другія существа, мы можемъ стремиться къ исключительному самоутвержденію по отношенію къ этимъ существамъ и слѣдовательно къ ихъ отрицанію, т.-е. къ подчиненію ихъ намъ, къ господству нашему надъ ними, или даже къ совершенному ихъ уничтоженію *. Удовлетвореніе этихъ стремленій воли является безспорно въ видѣ положительныхъ наслажденій, которыя вообще могутъ быть названы наслажденіями самоутвержденія или эгоизма. И какъ общее стремленіе воли къ самоутвержденію является въ частности какъ гордость, честолюбіе, властолюбіе, а въ крайнемъ случаѣ какъ злость, кровожадность и изысканная жестокость, такъ и удовлетвореніе каждаго изъ этихъ частныхъ стремленій даетъ намъ соотвѣтствующіе частные виды эгоистическихъ наслажденій—наслажденій гордости, властолюбія, жестокости и т. д.

Противоположный родъ нашей вольной дѣятельности имѣетъ другія существа своимъ *положительнымъ*, а не отрицательнымъ предметомъ, или точнѣе не только своимъ *предметомъ*, но и своею настоящею *цѣлью*. Здѣсь наша воля стремится къ утвержденію бытія другихъ существъ и къ увеличенію ихъ благосостоянія. Такое стремленіе въ противоположность эгоизму можно назвать альтруизмомъ (отъ alter—другой) **, и удовлетвореніе этого стремленія также несомнѣнно является въ видѣ положительныхъ наслажденій.

* Здѣсь слѣдовательно хотя предметъ нашей дѣятельности составляютъ другія существа, но послѣднюю цѣлью являемся мы сами, наше собственное самоутвержденіе.

** Этотъ терминъ, насколько мнѣ извѣстно, впервые введенъ въ употребленіе Огюстомъ Контомъ, и долженъ быть удержанъ какъ точное соотвѣтствующій противоположному термину „эгоизмъ“.

Эгоизмъ и его наслажденія очевидно не могутъ обосновывать нравственнаго принципа, то-есть объективнаго и всеобщаго начала практической дѣятельности, ибо исключительное самоутвержденіе одного для своего осуществленія предполагаетъ лассивность другихъ, но еслибъ исключительное самоутвержденіе было *всеобщимъ* принципомъ, еслибы дѣятельность *всѣхъ* одинаково управлялась активнымъ эгоизмомъ, тогда очевидно эгоизмъ каждаго былъ бы парализованъ эгоизмомъ *всѣхъ*, и такимъ образомъ исключительное самоутвержденіе, возведенное въ значеніе объективнаго и всеобщаго начала, само себя уничтожаетъ во внутреннемъ противорѣчіи.

Итакъ, только наслажденія альтруизма могутъ имѣть опредѣляющее значеніе для нормальной практической дѣятельности. Если всякая практическая дѣятельность, какъ было признано, имѣетъ послѣднюю цѣлью счастье, то подъ этимъ должно разумѣть счастье *всѣхъ* или общую пользу. Эвдемонизмъ такимъ образомъ опредѣлившійся есть *утилитаризмъ*, то-есть этика общей пользы или наибольшаго счастья.

Въ утилитаризмъ эвдемоническій и идоническій элементъ теряетъ свою матеріальную исключительность и получаетъ уже нѣкоторое формальное опредѣленіе. Хотя основаніемъ нравственнаго принципа признаются наслажденіе и счастье, но уже не какъ такія, то-есть не всякое наслажденіе и счастье допускается какъ нормальный мотивъ практической дѣятельности. Различается *качество* наслажденій * и нравственное значеніе признается только за тѣми которыя имѣютъ характеръ альтруизма.

„Счащеніе, составляющее утилитарный критерій праведной дѣятельности, не есть собственное счастье дѣйствующаго, но счастье *всѣхъ*. Утилитаризмъ требуетъ чтобы каждый былъ бы также строго безпристрастенъ по отношенію къ своему счастью и счастью другихъ, какъ еслибъ онъ былъ благосклоннымъ, но непричастнымъ дѣлу зрителемъ. Въ сущности вся этика пользы заключается въ золотомъ правилѣ Іисуса Назарейскаго: поступать такъ какъ каждый желаетъ чтобы съ нимъ поступали и любить своего ближ-

---

* J. S. Mill, *Utilitarianism*, 5th edition. London, 1874, стр. 11 и 12.

няго какъ самого себя составляетъ идеальное совершенство утилитарной нравственности.“ *

Но если такъ, если счастье, польза, наслаждение сами по себѣ еще не имѣютъ нравственнаго значенія, то не могутъ служить послѣднею и высшею цѣлью нормальной практической дѣятельности, а получаютъ такое значеніе лишь тогда когда они суть польза, счастье и наслаждение *другихъ*, то-есть въ концѣ-концовъ *всѣхъ*; если такимъ образомъ эти общіе мотивы нашей дѣятельности только чрезъ привходящій къ нимъ элементъ альтруизма могутъ составлять *нравственный* принципъ, то-есть опредѣляющее начало для *нормальной* практической дѣятельности, то въ такомъ случаѣ очевидно нѣтъ никакого логическаго основанія опредѣлять этотъ нравственный принципъ чрезъ эти общія понятія счастья, пользы, наслажденія, которыя, какъ признано, сами по себѣ еще не могутъ имѣть значенія для нравственного принципа какъ такого.

Всякая дѣятельность имѣетъ въ своей послѣдней цѣли необходимый признакъ наслажденія, счастья, пользы въ какой бы то ни было формѣ, въ этомъ несомнѣнная истинность идонизма, эвдемонизма, утилитаризма. Но кромѣ того что одинъ изъ необходимыхъ признаковъ предмета не есть еще самый предметъ и изъ того что достиженіе окончательной цѣли необходимо соединено съ наслажденіемъ и блаженствомъ, не слѣдуетъ чтобы сама окончательная цѣль или высшее благо и состояло только въ наслажденіи или блаженствѣ. Кромѣ этого, вопросъ вѣдь не о принципѣ *всякой* дѣятельности или дѣятельности вообще, а о принципѣ *нормальной* практической дѣятельности, о *нравственномъ* принципѣ въ собственномъ смыслѣ. Исходную точку для всякаго моральнаго изслѣдованія, для всякой разсудочной

---

* Mill, *ibid.* 24—25: „I must again repeat, what the assailants of utilitarianism seldom have the justice to acknowledge, that the happiness which forms the utilitarian standard of what is right in conduct, is not the agent's own happiness, but that of all concerned. As between his own happiness and that of others, utilitarianism requires him to be as strictly impartial as a disinterested and benevolent spectator. In the golden rule of Jesus of Nazareth we read the complete spirit of the ethics of utility. To do as one would be done by, and to love one's neighbour as one self, constitute the ideal perfection of utilitarian morality.“

этики составляет тотъ фактъ что мы полагаемъ существенное различіе и противоположность между нашими дѣйствіями: одни изъ нихъ признаются нормальными, нравственно добрыми, долженствующими быть, другія же осуждаются какъ безнравственныя, дурныя или недолжныя. Но наслажденіе, счастье, польза входятъ въ конечный мотивъ или послѣднюю цѣль *всѣхъ* этихъ дѣйствій безразлично, какъ добрыхъ, и праведныхъ, такъ равно дурныхъ или недолжныхъ, и слѣдовательно еслибъ эти общіе мотивы имѣли опредѣляющее нравственное значеніе, то человѣкъ наслаждающійся мученіями другихъ или находящій свое счастье и пользу въ эксплуатаціи и разореніи другихъ дѣйствовалъ бы столь же нормально и нравственно какъ и тотъ кто находитъ свое наслажденіе и счастье только во благѣ всѣхъ своихъ ближнихъ. Съ точки зрѣнія наслажденія, счастья, пользы, оба одинаково правы, слѣдовательно съ этой точки зрѣнія всѣ дѣйствія безразличны, поскольку всѣ одинаково опредѣляются тѣми общими мотивами; но такъ какъ различіе нравственныхъ и безнравственныхъ дѣйствій несомнѣнно существуетъ и основаніе этого различія составляетъ собственную задачу всякаго моральнаго ученія, то отсюда ясно что общія понятія счастья, удовольствія или пользы совершенно недостаточны для опредѣленія собственно нравственнаго начала.

Противъ такого требованія особеннаго специфически-нравственнаго принципа для обоснованія нормальной практической дѣятельности отъ людей мало привыкшихъ къ логическому мышленію можно слышать такое возраженіе: хорошо понятый эгоизмъ достаточенъ для того чтобы люди находили свою пользу, счастье и наслажденіе во благѣ другихъ и всеобщей пользѣ. Въ словахъ „хорошо понятый“ очевидно заключается грубѣйшая *petitio principii*, такъ какъ всякій необходимо считаетъ свое пониманіе хорошимъ. Богатый кулакъ, основывающій свое благосостояніе на разореніи и бѣдствіяхъ множества людей, но за то доставляющій себѣ всѣ возможныя наслажденія не только матеріальныя, но и эстетическія и умственныя, ибо солнце искусства и науки одинаково даетъ свой свѣтъ и праведнымъ и неправеднымъ, конечно считаетъ хорошимъ свое пониманіе эгоизма, и я не вижу какимъ способомъ можно было бы ему логически доказать противное. Дѣло въ томъ что

наслажденіе, счастье и т. п. суть понятія совершенно субъективныя, и когда человѣкъ сознаетъ или чувствуетъ себя наслаждающимся или счастливымъ, было бы совершенно нелѣпо разубѣждать его въ этомъ. Другое дѣло еслибы можно было дать ему самому почувствовать, осязательно показать ему другое лучшее и сильнѣйшее благо, предъ которымъ его прежнее счастье должно ему самому показаться призрачнымъ и ничтожнымъ. Но такой положительный аргументъ не можетъ опираться на отвлеченныя понятія и общія мѣста, хорошо извѣстныя всякому мошеннику, но нисколько не дѣлающія его лучшимъ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ уже формальная логика запрещаетъ опредѣлять видовое понятіе одними родовыми признаками, то и невозможно полагать содержаніе *нравственнаго* принципа или послѣдней цѣли *нормальной* дѣятельности въ такихъ понятіяхъ какъ наслажденіе, счастье, польза, которыя входятъ въ послѣднюю цѣль *всякой* дѣятельности *вообще*, какъ нормальной, такъ и не нормальной. Долженствующая быть или нравственно одобряемая дѣятельность, составляя особенный видъ практической дѣятельности, требуетъ, помимо общихъ основаній и началъ всякой дѣятельности, еще своего особеннаго специфическаго начала и основанія, которое и составляетъ собственно искомое въ этической задачѣ.

Это собственно нравственное начало указывается уже въ утилитарной этикѣ, въ понятіи альтруизма, но это понятіе, являясь здѣсь въ своей неопредѣленной общности, заслоняется понятіемъ пользы. Вообще должно замѣтить что опредѣленіе *общей пользы* въ качествѣ высшаго нравственнаго начала необходимо представляетъ характеръ неопредѣленный и двусмысленный, такъ какъ смотря по тому, дѣлается ли удареніе на „общей“ или же на „пользѣ“, и самый принципъ получаетъ различное значеніе.

Вообще въ идолизмѣ, эдемизмѣ и утилитаризмѣ нравственное начало еще не опредѣляется въ своей особенности, не выделяется вполне изъ своего противоположнаго, т. е. эгоизма. Но уже въ послѣднемъ изъ этихъ ученій ясно обнаруживается необходимость такого выдѣленія и обособленія нравственнаго начала, что и осуществляется въ той этикѣ которая показываетъ особенное и самостоятельное основаніе нравственной дѣятельности въ эмпирически

несомнѣнномъ элементѣ *симпатіи*, коренящемся во внутреннемъ субстанціальномъ тождествѣ всѣхъ существъ. Наибольше опредѣленное и полное развитіе этого начала мы находимъ въ нравственномъ ученіи Шопенгауэра, за которымъ и будемъ слѣдовать при разсмотрѣніи этого окончательнаго вида эмпирической этики.

IV. Эмпирическое начало нравственности въ своей высшей формѣ. Основаніе морали по Шопенгауэру.

При разрѣшеніи этической задачи, необходимо прежде всего различать два вопроса: однимъ относится къ *принципу*, другой къ *основанію* этики,—двѣ вещи совершенно различныя, хотя ихъ часто смѣшиваютъ.

„Принципъ или верховное основоположеніе какой-нибудь этики есть самое краткое и сжатое выраженіе для того образа дѣйствій который предписывается этою этикой, или же, если она не имѣетъ повелительной формы,—того образа дѣйствій, за которымъ она признаетъ подлинную нравственную цѣну. Это такимъ образомъ есть ея, въ одномъ положеніи выраженное, наставленіе къ добродѣтели вообще, слѣдовательно содержаніе—*дти* (что)—добродѣтели. Основа (*das Fundament*) какой-нибудь этики, напротивъ, есть *дѣти* (почему) добродѣтели, основаніе (*der Grund*), по которому признается обязательнымъ, или рекомендуется, или одобряется такой образъ дѣйствій—ищутъ ли этого основанія въ природѣ человѣка, или во внѣшнихъ отношеніяхъ міра, или гдѣ-нибудь еще.“ *

Относительно собственнаго содержанія, *дти*, нравственности, или ея верховнаго принципа, всѣ нравственныя ученія въ сущности согласны между собою, хотя облачаютъ его въ самыя разнообразныя формы. Въ самомъ простомъ и чистомъ видѣ этотъ принципъ сводится къ слѣдующему выраженію: *neminem laede; imo omnes, quantum potes, juva*, т.-е. никому не вреди, но всѣмъ сколько можешь помогай.

„Это есть собственно то положеніе, обосновать которое

---

* *Die beiden Grundprobleme der Ethik*, von Arthur Schopenhauer. Zweite Auflage. Leipzig. 1860, стр. 136.

стараятся всѣ моралисты, общій результатъ ихъ столь разнообразныхъ выведеній: это есть *дѣи*, къ которому *дѣи* все еще ищется, слѣдствие къ которому требуется основаніе, слѣдовательно само это положеніе есть еще только *Datum* (данное), къ которому *Qaesitum* (искомое) есть задача всякой этики. Разрѣшеніе этой задачи даетъ собственное основаніе этики, котораго, какъ философскаго камня, ищутъ уже тысячелѣтія. А что *datum*, *дѣи*, принципъ имѣетъ свое чистѣйшее выраженіе въ сказанной формулѣ, видно изъ того что она относится ко всякому другому моральному принципу какъ заключеніе къ посылкамъ, т.-е. какъ то къ чему собственно хотать придти; такъ что на всякій другой моральный принципъ должно осмотрѣть какъ на описаніе, не прямое или иносказательное выраженіе того простаго положенія. Это, напримѣръ, относится даже ко мнимо-простому, тривиальному основоположенію: *Quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*, т.-е. чего себѣ не хочешь и другому не дѣлай, котораго недостатокъ, именно что оно выражаетъ только отрицательныя, а не положительныя обязанности, можетъ быть легко устраненъ чрезъ повтореніе его безъ частицъ *non* и *ne* (т.-е. чего себѣ хочешь дѣлай и другому). Тогда и это правило означаетъ собственно *neminem laede, imo omnes, quantum potes, juva*, но только косвеннымъ путемъ, причемъ получается та видимость, будто здѣсь содержится и реальное основаніе такого предписанія, чего однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ изъ того что я не хочу чтобы со мною что-нибудь дѣлалось никакъ не слѣдуетъ что я не долженъ дѣлать этого другимъ. То же самое нужно сказать о каждомъ изъ доселѣ выставленныхъ принциповъ или верховныхъ основоположеній морали.*

Безъ сомнѣнія этотъ простой нравственный принципъ или точнѣе — нравственное правило, выставленное Шопенгауэромъ, имѣетъ дѣйствительное этическое значеніе и далѣе этого правила не можетъ идти эмпирическая, на обыкновенномъ всѣдневномъ опытѣ основанная мораль; изъ чего однако не слѣдуетъ чтобы этотъ принципъ самъ по себѣ былъ вполне достаточенъ, чтобы онъ покрывалъ нравственное содержаніе жизни во всей его глубинѣ и объемѣ. Самъ Шопенгауэръ, какъ мы увидимъ, не можетъ ограничиться этой простою моралью и идетъ гораздо далѣе ея. Но объ

* Ibid. стр. 137 и 138.

этомъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ, теперь же намъ слѣдуетъ остановиться на томъ основаніи которое Шопенгауэръ находитъ для приведеннаго принципа.

Держась эмпирическаго направленія мысли, можно искать требуемаго основанія морали только въ эмпирической природѣ человека, т.е. въ тѣхъ данныхъ которыя отвлечены отъ повседневныхъ фактовъ человеческого опыта. Въ такомъ случаѣ опредѣленіе этого основанія въ границахъ установленнаго принципа не представляетъ никакихъ трудностей. А именно, разсмотрѣвъ основныя побужденія всякой практической дѣятельности и исключивъ тѣ изъ нихъ, которыя по существу дѣла не могутъ обуславливать собственно нравственной (т.е. соответствующей принятому нравственному принципу) дѣятельности и слѣдовательно не могутъ обосновывать этого нравственнаго принципа, мы получимъ въ остаткѣ то что можетъ служить ему основаніемъ, и если этотъ остатокъ будетъ сведенъ къ одному основному побужденію, то очевидно возможность совпадетъ съ дѣйствительностью и мы найдемъ единственное дѣйствительное основаніе нравственности.

Переходя къ дѣйствительному разрѣшенію своей задачи, Шопенгауэръ прежде всего высказываетъ въ видѣ аксіомъ слѣдующія уже упомянутыя нами положенія. То что вообще двигаетъ волю или побуждаетъ ее къ дѣйствию есть единственно *благо* и *зло* * въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ этихъ словъ; какъ и наоборотъ *благо* и *зло* означаютъ собственно согласное съ волей или противное волѣ. Слѣдовательно, всякій мотивъ или побужденіе должно относиться ко благу и злу. Слѣдовательно, всякое дѣйствіе воли имѣетъ своимъ послѣднимъ предметомъ какое-нибудь воспріимчивое ко благу и злу существо. Это существо есть или самъ дѣйствующій или кто-либо другой въ такомъ случаѣ пассивно участвующій въ дѣйствиіи поскольку оно совершается къ его вреду или пользѣ. Въ первомъ случаѣ всѣ побужденія имѣютъ характеръ эгоистиче-

---

* Шопенгауэръ употребляетъ выраженіе Wohl und Wehe, которому нѣтъ соответствующаго въ русскомъ языкѣ. Я вообще предпочитаю термины „благо и зло“ какъ самые общіе и широкіе, но иногда, гдѣ нѣмецкое Wehe имѣетъ болѣе опредѣленный смыслъ, я употребляю, вмѣсто „зло“, слова „страданіе“ или „бѣдствіе.“

скій и не могутъ очевидно обосновывать нравственнаго принципа, такъ какъ этотъ принципъ ставитъ собственною цѣлью для дѣйствующаго другихъ, а не его самого — *ne mihi laede, imo omnes quantum potes juva*, тогда какъ въ побужденіяхъ эгоизма другіе могутъ являться только какъ средства и къ нимъ можетъ примѣняться противоположное правило: *ne mihi laede* (никому не помогай), или даже *omnes laede* (всѣмъ вредь). Итакъ моральное значеніе можетъ вообще принадлежать только тѣмъ побужденіямъ которыя непосредственно заключаются во благо или страданіи другихъ, и дѣйствительно только такимъ побужденіямъ и происходящимъ изъ нихъ дѣйствіямъ общечеловѣческое сознаніе придаетъ нравственную цѣну *.

Но если нравственную цѣну имѣютъ только тѣ дѣйствія, побужденія которыхъ суть благо или бѣдствіе другаго, то спрашивается: какимъ образомъ возможно чтобъ это благо или бѣдствіе другаго стало прямымъ мотивомъ моихъ дѣйствій? Очевидно это возможно лишь въ томъ случаѣ, если тотъ другой или тѣ другіе становятся послѣднею цѣлью моей воли, совершенно такъ какъ въ другихъ случаяхъ я самъ составляю эту послѣднюю цѣль, слѣдовательно это

---

* Schopenhauer, *ibidem* стр. 205—7. Такъ какъ зло или страданіе является для насъ непосредственнымъ мотивомъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ поскольку именно мы хотимъ избавить отъ него себя или другихъ, избавленіе же отъ зла и страданія есть благо, то слѣдовательно настоящій мотивъ нашихъ дѣйствій всегда есть благо—свое въ дѣйствіяхъ эгоистическихъ, чужое—въ дѣйствіяхъ альтруистическихъ. Въ другомъ мѣстѣ Шопенгауэръ указываетъ еще на третій родъ дѣйствій, въ которыхъ зло или страданіе, именно страданіе другаго, является положительнымъ мотивомъ, когда дѣйствующій прямо хочетъ причинить зло или страданіе другому; и на этомъ основаніи Шопенгауэръ присоединяетъ къ побужденіямъ эгоистическимъ и альтруистическимъ еще третій родъ побужденій, именно побужденія злости и жестокости. Но это очевидно есть ошибка. Ибо если я хочу зла или страданія другаго, то только потому что оно доставляетъ мнѣ удовольствіе, т.-е. составляетъ для меня благо. Въ страданіи другаго я проявляю свое самоутвержденіе и слѣдовательно побужденія злости и жестокости должны быть отнесены къ разряду побужденій эгоистическихъ, причемъ однако должно сохранять различіе „эгоизма скотскаго“ отъ „эгоизма дьявольскаго“.

возможно только когда я совершенно непосредственно хочу его блага (этого другаго существа) и не хочу его бѣдствія, такъ же непосредственно какъ въ другихъ случаяхъ только своего собственнаго. Но это необходимо предполагаетъ что я при бѣдствіи этого другаго прямо ему сострадаю, чувствую это его бѣдствіе или страданіе, какъ въ другихъ случаяхъ только свое, и по-этому непосредственно хочу его блага, какъ въ другихъ случаяхъ только своего. Но это требуетъ чтобы я какимъ-нибудь способомъ былъ съ нимъ отождествленъ, т.-е. чтобы то безусловное различіе между мною и всякимъ другимъ, на которомъ (различіи) прямо основывается мой эгоизмъ, чтобы это различіе было въ нѣкоторой степени снято или устранено. *

Такое отождествленіе мы находимъ въ дѣйствительности, именно въ несомнѣнномъ и далеко не рѣдкомъ явленіи состраданія (симпатіи), т.-е. совершенно непосредственнаго, ото всякихъ постороннихъ соображеній независимаго участія сначала въ страданіи другаго, а чрезъ то и въ воспрепятствованіи или устраненіи этого страданія, следовательно въ его благѣ и счастіи. Это состраданіе есть единственное дѣйствительное основаніе всякой свободной праведности и всякаго настоящаго человеколюбія. Лишь поскольку какое-либо дѣйствіе изъ него происходитъ, имѣетъ оно нравственную цѣну; происходящее же изъ другихъ мотивовъ никакой нравственной цѣны не имѣетъ. **

При ближайшемъ разсмотрѣніи этого кореннаго эгоистическаго явленія состраданія легко видѣть что существуютъ двѣ ясно раздѣльныя степени, въ которыхъ страданіе другаго можетъ стать непосредственно моимъ мотивомъ, то-есть опредѣлять меня къ дѣйствію или воздержанію отъ дѣйствія, а именно: сначала лишь въ той степени когда оно (состраданіе), противодействуя эгоистическимъ или злымъ мотивамъ, удерживаетъ меня отъ того чтобы нанести другому страданіе, стать самому причиной чужаго бѣдствія; а затѣмъ и на высшей степени, гдѣ состраданіе, дѣйствуя положительно, побуждаетъ меня къ дѣятельной помощи. Отсюда такимъ образомъ естественно вытекаютъ двѣ основ-

* Ibid., стр. 208.

** Ibid., стр. 208—9.

ныя добродѣтели: *справедливость* или *правда* и *милосердіе* или *любовь* (*charité*), * которыя прямо соотвѣтствуютъ двумъ частямъ указаннаго нравственнаго принципа или правила, а именно, во первыхъ, *neminem laede* (соотвѣтствуетъ справедливости и изъ нея проистекаетъ), а затѣмъ *omnes, quantum potes, juva* (соотвѣтствуетъ любви и изъ нея вытекаетъ). Очевидно что есть натуральное непреложное и рѣзкое различіе между отрицательнымъ и положительнымъ, между нанесеніемъ обиды и помощью. **

Хотя и отрицательная добродѣтель справедливости, выражающаяся въ правилѣ *neminem laede*, можетъ имѣть своимъ первоначальнымъ нравственнымъ основаніемъ только состраданіе, именно по первой или отрицательной степени его проявленія, однако этимъ нисколько не требуется чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствительно возбуждалось состраданіе, причемъ оно часто являлось бы слишкомъ поздно; но изъ разъ достигнутаго опытнымъ знанія о тѣхъ страданіяхъ, которыя необходимо каждое несправедливое дѣйствіе причиняетъ другимъ, возникаетъ общее правило *neminem laede*, которое у праведныхъ людей и становится разъ на всегда принятымъ рѣшеніемъ не нарушать ни чьихъ правъ и не сваливать силой или хитростью на чужія плечи тѣ тяжести жизни которыя суждены каждому, а нести свое бремя чтобы не удваивать бремя другихъ. ***

Согласно съ этимъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ справедливости, въ отдѣльныхъ поступкахъ справедливаго человека, состраданіе дѣйствуетъ лишь косвенно, посредствомъ общихъ правилъ и не столько актуально сколько потенциально; но что и здѣсь настоящимъ моральнымъ основаніемъ служить все-таки состраданіе, ясно изъ того что въ

---

* Для обозначенія второй (положительной) добродѣтели Шопенгауэръ по большей части употребляетъ слово *Menschenliebe*, то-есть человеколюбіе; но такъ какъ самъ онъ распространяетъ эту добродѣтель и на животныхъ (и въ этомъ, какъ увидимъ, полагаетъ и справедливо особенную заслугу своей этики), то слово человеколюбіе является неумѣстнымъ, такъ какъ „чело́вѣколюбіе къ животнымъ“ было бы выраженіемъ нецѣльнымъ. Впрочемъ и самъ Шопенгауэръ иногда обозначаетъ эту добродѣтель какъ *caritas* или *дѣяніе*, то-есть милосердіе или любовь.

** Ibid., стр. 212.

*** Ibid., стр. 214.

тѣхъ случаяхъ когда общее правило справедливости колеблется или оказывается недостаточно сильнымъ, нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго для его подкрѣпленія какъ живое представленіе тѣхъ страданій которыя могутъ быть причинены несправедливымъ поступкомъ: это представленіе вызываетъ состраданіе, которое и является кореннымъ мотивомъ для воздержанія отъ несправедливаго дѣйствія. *

Такъ какъ требованіе справедливости есть только отрицательное, то исполненіе его можетъ быть вынуждено, ибо правило *ne minem laede* можетъ быть вѣрни одинаково и совѣстно примѣняемо. Принудительное учрежденіе для этого есть государство, единственная цѣль котораго состоитъ въ томъ чтобы защищать отдѣльныхъ лицъ другъ отъ друга, а цѣлый народъ отъ вѣншихъ враговъ **. Но разумѣется, нравственную цѣну имѣетъ не эта законная, а только свободная справедливость, вытекающая изъ внутренняго источника—состраданія.

Вторая степень того состоянія, когда чужое страданіе само по себѣ какъ такое становится непосредственно моимъ мотивомъ (въ указанномъ смыслѣ), ясно отличается отъ предъидущей положительнымъ характеромъ вытекающихъ изъ нея дѣйствій, такъ какъ здѣсь состраданіе не только удерживаетъ меня отъ нанесенія обиды другому, но и заставляетъ помогать ему. Поскольку, съ одной стороны, это непосредственное участіе живо и глубоко во мнѣ, и поскольку съ другой стороны чужая нужда велика и настоятельна, тотъ чисто нравственный мотивъ подвигнетъ меня принести ради потребности или нужды другаго болшую или меньшую жертву, которая можетъ состоять въ напряженіи для него моихъ тѣлесныхъ или духовныхъ силъ, въ моей собственности, здоровьѣ, свободѣ и даже жизни. Здѣсь такимъ образомъ въ непосредственномъ, ни на какой аргументаціи не основанномъ и ни въ какой аргументаціи не нуждающемся участіи, лежитъ единственно чистый источникъ милосердія или любви (*caritas, ἀγάπη*), т.-е. добродѣтели, правило которой есть: *omnes, quantum potes, juva* и которая составляетъ вторую и высшую (такъ какъ положительную) изъ двухъ основныхъ добродѣтелей. Это совер-

* Ibid., стр. 215, 216.

** Ibid., стр. 217.

шенно непосредственное, можно сказать инстинктивное участие въ чужомъ страданіи, т.-е. состраданіе должно быть единственнымъ источникомъ милосердныхъ дѣйствій, для того чтобы они имѣли нравственную цѣну, т.-е. были чисты отъ всякихъ эгоистическихъ мотивовъ, и именно вслѣдствіе этого возбуждали въ дѣйствующемъ то внутреннее довольство, которое называется добромъ, удовлетвореніемъ, одобряющею *совѣстью*, а также и въ свидѣлѣхъ этихъ дѣйствій вызывали бы нравственное сочувствіе и одобреніе *.

Но какъ же возможно чтобы страданіе, которое не есть мое, поражаетъ не меня,—сдѣлось однако столь же непосредственно, какъ въ другихъ случаяхъ только мое собственное, мотивомъ для меня и побуждало бы меня къ дѣйствію? Какъ сказано, это возможно лишь чрезъ то что я это страданіе, хотя и отдѣленное отъ меня или отчужденное во вѣншемъ представленіи, тѣмъ не менѣе внутренне соощую или *сочувствую*, т.-е. чувствую какъ мое, хотя и не во мнѣ, а въ другомъ, такъ что здѣсь случается высказанное Кальдерономъ:

que entre el ver
Padecer, y el padecer —
Ninguna distancia habia.

(т.-е. между *видѣть страданіе* и *страдать* нѣтъ никакого различія).

Но это предполагаетъ что я съ другимъ въ нѣкоторой мѣрѣ отождествился, и что слѣдовательно граница между *я* и *не я* на этотъ разъ снята: только тогда положеніе другаго, его потребность, его нужда, его страданіе непосредственно становятся моими: тогда я уже больше не вижу его такимъ какимъ онъ все-таки дается мнѣ въ эмпирическомъ представленіи,—какъ нѣчто мнѣ чуждое, для меня базразличное, совершенно отъ меня отдѣльное; но напротивъ въ немъ страдаю и я, несмотря на то что его кожа не покрываетъ моихъ нервовъ. Только чрезъ такое отождествленіе можетъ *его* страданіе, *его* нужда стать мотивомъ для *меня*, каковымъ помимо этого можетъ быть только мое собственное страданіе. Это явленіе въ высшей степени таинственно—это настоящее таинство этики, ибо это есть

* Ibid, стр. 227.

нѣчто такое, о чемъ разумъ не можетъ дать прямого отчета, и основанія этого явленія не могутъ быть найдены путемъ опыта. И между тѣмъ это есть нѣчто вседневное. Каждый испыталъ это на себѣ и видѣлъ въ другихъ. Это таинство совершается каждый день на нашихъ глазахъ въ частныхъ случаяхъ каждый разъ, когда по непосредственному влеченію, безъ дальнихъ разсужденій, человѣкъ помогаетъ другому и защищаетъ его, подвергая иногда очевидной опасности свою жизнь ради человѣка котораго онъ видитъ въ первый разъ, и не думая при этомъ ничего болѣе какъ только то именно что онъ видитъ великую нужду и опасность другаго; обнаруживается это таинство и въ широкихъ размѣрахъ когда цѣлый народъ жертвуетъ своимъ достояніемъ и кровью для защиты или освобожденія другаго угнетеннаго народа. И всегда необходимымъ условіемъ для того чтобы подобныя дѣйствія заслуживали безусловное нравственное одобреніе,—является именно присутствіе этого таинственнаго акта состраданія или внутренняго отождествленія себя съ другимъ безо всякихъ иныхъ мотивовъ.

Изъ двухъ основныхъ добродѣтелей, отрицательная, т.е. справедливость составляетъ все этическое содержаніе Ветхаго Завѣта, Новый же Завѣтъ имѣетъ своимъ нравственнымъ содержаніемъ положительную добродѣтель милосердія или любви: она есть та *καὶνὴ ἐντολή* (новая заповѣдь), въ которой по апостолу Павлу заключаются всѣ христіанскія добродѣтели *.

Къ подтвержденію той истины, что состраданіе есть подлинная основа нравственности, могутъ служить между прочимъ слѣдующія соображенія. Безграничное состраданіе ко всѣмъ живущимъ существамъ есть самое твердое и вѣрное ручательство за нравственный образъ дѣйствій и не нуждается ни въ какой казуистикѣ. Тотъ кто исполненъ этимъ чувствомъ уже *напрямь* никого не обидитъ, никому не причинитъ страданія, но всѣ его дѣйствія неизбѣжно будутъ носить печать правды и милости: Пусть попробуютъ, напротивъ, сказать: „этотъ человѣкъ добродѣтеленъ, но онъ не вѣдаетъ состраданія“, или: „это неправедный и злой человѣкъ, однако онъ очень сострадателенъ“—и противо-

* Ibid, 230.

рѣше будетъ сразу чувствительно. Вкусы различны; но я не знаю болѣе прекрасной молитвы какъ та которую заканчиваются древне-индіискія драмы, а именно: „да будутъ всѣ живыя существа свободны отъ страданія“ *.

Такъ какъ состраданіе относится ко всему что страдаетъ, то это основаніе нравственности имѣетъ и то преимущество, что оно позволяетъ расширить нравственный принципъ настолько чтобы принять подъ его защиту и животныхъ, къ которымъ всѣ другія европейскія системы морали относятся неизвинительно дурно. Мнимое безправіе животныхъ, тотъ вымыселъ, что наши дѣйствія относительно ихъ не имѣютъ нравственного значенія ** или, говоря языкомъ этой морали, что относительно животныхъ нѣтъ *обязанностей*,—это есть именно возмутительная грубость и варварство имѣющее свой источникъ въ жидовствѣ. Философское основаніе для этого варварства заключается въ допущеніи, вопреки всякой очевидности, кореннаго или substantialнаго различія между человекомъ и животнымъ, что, какъ извѣстно, съ наибольшою рѣшительностью и рѣзкостью было высказано Декартомъ какъ необходимое слѣдствіе его заблужденій ***.

Изъ сказаннаго ясно что любовь, составляющая положительное и высшее проявленіе основнаго моральнаго фактора—симпатіи—представляетъ различныя степени какъ по силѣ своего напряженія (*степени интензивности*) такъ и по широтѣ своего объема (*степени экстензивности*). Перваго рода степени, т.-е. степени интензивности или силы высшаго нравственнаго чувства, представляя величину *непрерывную*, не допускаютъ никакого положительнаго опредѣленія.

* *ibid.*, 236.

** По распространеннымъ моральнымъ понятіямъ, если не слѣдуетъ дурно обращаться съ животными, то не ради ихъ самихъ, а ради себя и другихъ людей, т.-е. чтобы жестокость къ животнымъ, ставъ привычкой, не была перенесена и на людей. Это мнѣніе встрѣчается и у Канта, по ученію котораго только человекъ, какъ разумное существо, можетъ составлять *цѣль* нравственной дѣятельности.

*** *Ibid.*, 238. Здѣсь мы оставляемъ пока самого Шопенгауэра. Впрочемъ слѣдующія въ текстѣ замѣчанія о степеняхъ любви составляютъ лишь примѣненіе его моральной идеи къ классификаціи нравственныхъ отношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, сила чувствъ, какъ и всякая непрерывная величина, можетъ представлять безконечное число степеней, опредѣленіе которыхъ всегда будетъ совершенно относительно и условно. Степени экстензивности, напротивъ, будучи связаны съ опредѣленными вѣшними предметами, представляютъ величину ясно-раздѣльную и могутъ подлежать положительному опредѣленію. Главныя изъ этихъ экстензивныхъ степеней, выражающихъ широту или объемъ положительной симпатіи, суть слѣдующія: *

1. *Индивидуальная любовь*, то-есть относящаяся къ отдѣльной особѣ или лицу *какъ такому*, причемъ опредѣляющее значеніе имѣютъ индивидуальныя свойства предмета, физическія или духовныя. Самый обыкновенный и основной изъ частныхъ случаевъ этой первой степени есть любовь половая, которая хотя и связана съ извѣстнымъ общимъ физиологическимъ инстинктомъ, но не можетъ быть къ нему одному сведена, а несомнѣнно имѣетъ и нравственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ половой любви (и даже въ ней обыкновенно *болѣе* чѣмъ въ какой-либо другой) мы находимъ что одно существо внутренне и непосредственно отождествляетъ себя съ другимъ, благо и страданіе этого друга становятся для него непосредственнымъ мотивомъ, и слѣдовательно здѣсь происходитъ то внутреннее снятіе безусловной границы между *я* и *не я*, которое составляетъ всю матеріальную суть нравственности, за этою первою степенью непосредственно слѣдуетъ генетически съ нею связанная.

2. *Семейная любовь*, которая уже не ограничивается отдѣльнымъ лицомъ *какъ* такимъ, но можетъ разомъ обнимать многихъ, причемъ опредѣляющее значеніе кромѣ индивидуальныхъ свойствъ имѣетъ уже болѣе общій и идеальный элементъ семейной связи.

3. Третья экстензивная степень положительной симпатіи есть *любовь національная* (или патріотизмъ), которая уже рѣшительно переступаетъ за предѣлы непосредственной реальности, ибо цѣлый народъ *какъ* такой никогда не

---

* Эта классификація (какъ и всякая другая) разумѣется не представляетъ сама по себѣ никакого философскаго интереса, но она принадлежитъ къ подготовительному матеріалу настоящей философской этики. Впрочемъ, вся эмпирическая мораль имѣетъ лишь значеніе такого матеріала.

можетъ быть моимъ реальнымъ предметомъ, то-есть предметомъ чувственнаго воспріятія, и такимъ образомъ на этой степени идеальный элементъ имѣетъ рѣшительное значеніе. Еще болѣе рѣшительное значеніе имѣетъ онъ въ слѣдующей степени любви, которая есть

4. *Общеловѣческая любовь* или челоѡколюбіе, въ собственномъ смыслѣ, обнимающее собою въ идеѣ все челоѡчество. Разумѣется это послѣднее не можетъ быть для насъ реальнымъ предметомъ, но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ общеловѣческая любовь была фантазіей. Всякій разъ когда кто-нибудь чувствуетъ состраданіе и помогаетъ челоѡку совершенно для него чуждому и не принадлежащему даже къ его народу или племени, онъ тѣмъ самымъ показываетъ что его челоѡколюбіе не ограничивается никакими личными, родовыми или національными связями и слѣдовательно обнимаетъ потенціально *все* челоѡчество. Точно также когда кто-нибудь жертвуетъ своими личными благами и самою жизнью ради какой-нибудь общеловѣческой идеи, дѣйствительный хотя и невидимый предметъ его любви есть все челоѡчество.

5. Въ послѣднемъ самомъ широкомъ объемѣ своемъ положительная симпатія, милосердіе или любовь не ограничивается уже и цѣлымъ челоѡчествомъ, а распространяется на *всѣ живыя существа* и на все существующее, обнимаетъ собою „и въ полѣ каждую былинку, и въ небѣ каждую звѣзду.“ Хотя страннымъ можетъ показаться серіозное уломианіе о такой *міровой любви*, такъ какъ она не можетъ быть ничѣмъ болѣе какъ пустымъ словомъ для Европы XIX вѣка, для которой даже простое челоѡколюбіе принадлежитъ къ чуждымъ богамъ; но отъ такой центробѣжной эпохи, какова наша, было бы неосновательно заключать къ челоѡческой природѣ вообще. И несомнѣнно что въ природѣ челоѡка есть мѣсто и для такой всеобъемлющей симпатіи. Чтобы не ходить далеко къ браминамъ и буддистамъ, у которыхъ такая міровая симпатія опредѣляла всю нравственную жизнь, легко найти и у христіанскихъ мистиковъ и аскетовъ такія простыя и безыскусственныя описанія этой всеобъемлющей или міровой любви *какъ дѣйствительнаго состоянія*, которыя по своей необычайной наивности никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ реторическомъ лаеостѣ. Таково напримѣръ слѣдующее: „И былъ спрошенъ что та-

кое сердце милующее? И отвѣчалъ: возгорѣніе сердца у человека о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о *демонахъ* и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при возвращеніи на нихъ, очи у человека источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости объемлющей сердце и отъ великаго страданія сжимается сердце его и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть *какого-либо* вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему и о безсловесныхъ и о *врагахъ истинны*хъ и о дѣлающихъ ему вредъ ежечасно со слезами приносить молитву чтобы сохранились они и были помилованы; а также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцахъ его до уподобленія въ семь Богу.*

По существу дѣла, каждая изъ этихъ *экстензивныхъ* степеней можетъ заключать въ себѣ все безконечное разнообразіе степеней *интензивности*, такъ что симпатіи одного и того же объема могутъ безконечно различаться по степени своей внутренней силы. Но въ эмпирической дѣйствительности мы находимъ другой законъ. Хотя бываетъ въ отдѣльных случаяхъ что самая широкая любовь представляетъ и высокую степень силы, но это только рѣдкое исключеніе, въ общемъ же правилѣ мы находимъ что *сила положительной симпатіи* или любви *обратно пропорціональна* ея *объему*, такъ что *наибольше широкое* чувство всегда бываетъ *наименѣе сильнымъ*, наибольшая же сила обыкновенно соединяется съ самыми узкими чувствами. Безспорно всего сильнѣе и дѣйствительнѣе любовь индивидуальная (особенно въ половой формѣ), то-есть именно самая узкая по объему. Любовь же мировая и даже общечеловѣческая по большей части сводится къ громкимъ фразамъ и сентиментальнымъ заявленіямъ, столь же безплоднымъ для другихъ сколько и спокойнымъ для себя. Между тѣмъ нравственный принципъ даже въ эмпирической этикѣ не оправдываетъ такого явленія. Его требованіе: „*всѣмъ помогай*“ не заключаетъ въ себѣ никакого внутренняго ограниченія, и очевидно полное соотвѣтствіе этому принципу представляла бы

---

* Иже во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сиріянина подвижника и отшельника, бывшаго епископомъ христіанскаго града Ниневіи, *Слова подвѣщныя*. Москва 1858, стр. 299.

такая положительная симпатія которая съ наибольшимъ объемомъ соединяла бы наивысшую степень силы. Очевидно здѣсь чѣмъ больше тѣмъ лучше. Въ дѣйствительности же выходитъ напротивъ, чѣмъ больше (то-есть по объему) тѣмъ хуже (то-есть по содержанію и силѣ).

Это обстоятельство что опытный законъ которымъ опредѣляются проявленія того моральнаго фактора, который эмпирическою этикой признается какъ единственное основаніе нравственности, что этотъ законъ нисколько не гармонируетъ съ верховнымъ принципомъ той же эмпирической этики, это обстоятельство, говорю я, уже содержитъ въ себѣ нѣкоторый намекъ на несостоятельность эмпирическаго начала нравственности самого по себѣ и побуждаетъ къ критическому его разсмотрѣнію.

V. Недостаточность эмпирическаго или матеріальнаго начала нравственности и переходъ къ началу чисто-разумному или формальному.

Прежде всего должно замѣтить что основныя опредѣленія Шопенгауэровой этики уже содержатся *implicite* и въ другихъ низшихъ формахъ эмпирической морали. Не говоря уже о томъ что формула утилитаризма: работай для наибольшаго счастья или пользы всѣхъ, равносильна формулѣ *omnes quantum potes juva*, и что то единственное основаніе которое можетъ быть указано для этого нравственнаго правила, именно социальное чувство или альтруизмъ есть не что иное какъ симпатія или состраданіе, по существу дѣла ясно что если нравственный элементъ нашихъ дѣйствій опредѣляется ихъ отношеніемъ къ другимъ какъ такимъ, т.е. требуетъ непосредственнаго участія въ этихъ другихъ, то единственнымъ эмпирическимъ основаніемъ морали можетъ быть только фактъ этого непосредственнаго участія въ другихъ, то-есть фактъ симпатіи, и слѣдовательно этика Шопенгауэра есть послѣднее выраженіе эмпирической этики вообще.

Какъ принципъ, такъ и основаніе этики, выставленные Шопенгауэромъ, заключаютъ въ себѣ несомнѣнную истину и поэтому цѣль слѣдующихъ замѣчаній состоитъ не въ

опроверженіи этого ученія, а въ указаніи его границъ, которыя не суть границы этики вообще.

Задача философской этики, если только эта послѣдняя имѣетъ *raison d'être*, не можетъ состоять только въ томъ чтобы выразивъ въ краткой формулѣ общее качественное моральныхъ дѣйствій, констатировать затѣмъ ихъ дѣйствительность и наконецъ свести ихъ къ одному коренному факту, каковымъ является фактъ симпатіи или состраданія. Что существуютъ справедливыя и человеколюбивыя дѣйствія и что внутреннее естественное основаніе ихъ заключается въ состраданіи или симпатіи, для убѣжденія въ этомъ достаточно простаго житейскаго опыта и обыкновеннаго здраваго смысла, слѣдовательно философское изслѣдованіе нравственности не можетъ имѣть только эту задачу. Существованіе моральныхъ фактовъ и ихъ фактическое основаніе признаются и утверждаютъ обыкновенною житейскою моралью, и слѣдовательно философская этика должна имѣть собственною задачей не константированіе этихъ общеизвѣстныхъ и несомнѣваемыхъ фактовъ, а ихъ объясненіе.

Въ дѣйствительности намъ даны два рода практической дѣятельности. Одинъ изъ нихъ именно тотъ, въ которомъ имѣется въ виду благо другихъ, мы признаемъ нравственно добрымъ, долженствующимъ быть, то-есть нормальнымъ; другой, именно тотъ, въ которомъ имѣется въ виду исключительно свое благо, мы признаемъ напротивъ нравственно дурнымъ, недолжнымъ, то-есть ненормальнымъ. * Вотъ настоящее *Datum* этики, ея дѣй. *Quaesitum* же ея, т.-е. объясненіе этого даннаго, этого факта, должно очевидно состоять въ томъ чтобы показать разумное, внутренне-обязательное основаніе такого фактическаго различенія, то-есть показать почему перваго рода дѣятельность есть долженствующая быть или нормальная, а втораго нѣтъ. Вотъ настоящее *biôt* этики. Но элементовъ такого объясненія мы не находимъ ни въ томъ что Шопенгауэръ называетъ основаніемъ морали, ни въ тѣхъ метафизическихъ соображеніяхъ которыми, какъ мы увидимъ, онъ его подкрѣпляетъ.

Само эмпирическое основаніе этики, ближайшій источникъ

---

* Существованіе третьяго рода дѣйствій, именно дѣйствій нравственно безразличныхъ, подразумевается само собою и не входитъ въ нравственную задачу.

моральной дѣятельности — состраданіе, есть опять только *фактъ* человеческой природы. Такой же и еще болѣе могущественный фактъ есть эгоизмъ — источникъ дѣятельности анти-моральной. Если такимъ образомъ та и другая дѣятельность одинаково основываются на коренныхъ фактахъ человеческой природы, то здѣсь еще не видно, почему одна изъ нихъ есть нормальная, а другая ненормальная. Фактъ самъ по себѣ или какъ такой не можетъ быть ни лучше ни хуже другого. Фактъ, разсматриваемый какъ только фактъ, не заключаетъ еще въ себѣ своего рациональнаго оправданія.

Такъ какъ эгоизмъ или стремленіе къ исключительному самоутвержденію есть такое же непосредственное свойство нашей психической природы какъ и противоположное чувство симпатіи или альтруизма, то съ точки зрѣнія человеческой природы (эмпирически данной) эгоизмъ и альтруизмъ какъ два одинаково реальныхъ свойства этой природы совершенно равноправны, и слѣдовательно та мораль которая не знаетъ ничего выше наличной человеческой природы не можетъ дать рациональнаго оправданія тому преимуществу которое на самомъ дѣлѣ дается одному свойству и вытекающей изъ него дѣятельности предъ другимъ.

Но, говорятъ, и не нужно никакого рациональнаго оправданія, никакой теоретической обосновки для нравственнаго начала. Достаточно непосредственнаго нравственнаго чувства, или интуитивнаго различенія добра и зла, выражающагося въ совѣсти, другими словами: достаточно морали какъ инстинкта, вѣтъ надобности въ морали какъ разумномъ убѣжденіи. Не говоря уже о томъ что подобное утвержденіе очевидно не есть отвѣтъ на основной теоретическій вопросъ этики, а простое отрицаніе самаго этого вопроса, — помимо этого ссыла на инстинктъ въ данномъ случаѣ лишена даже практическаго смысла. Ибо извѣстно что для человѣка общіе инстинкты совершенно не имѣютъ того безусловнаго, опредѣляющаго всю жизнь значенія, какое они безслѣдно имѣютъ для другихъ животныхъ находящихся подъ неограниченною властью этихъ инстинктовъ, не допускающему никакого уклоненія. У нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ мы находимъ особенно сильное развитіе именно соціальнаго или альтруистическаго инстинкта, и въ этомъ отношеніи человѣкъ далеко уступаетъ напримѣръ пчеламъ и муравьямъ.

амъ. Вообще если имѣть въ виду только непосредственную или инстинктивную нравственность, то должно признать что большая часть низшихъ животныхъ гораздо нравственнѣе челоѣка. Такая половица, какъ „воронъ ворону глазъ не выкалываетъ“ не имѣетъ никакой аналогіи въ челоѣчествѣ. Даже широкая общественность челоѣка вовсе не есть слѣдствіе социальнаго инстинкта въ нравственномъ альтруистическомъ смыслѣ; напротивъ, большею частію эта внѣшняя общественность по внутреннему своему источнику имѣетъ самый анти-моральный и анти-социальный характеръ, будучи основана на общей враждѣ и борьбѣ, на насильственномъ и незаконномъ порабощеніи и эксплуатаціи однихъ другими; тамъ же, гдѣ общественность дѣйствительно представляетъ нравственный характеръ, это имѣетъ другія болѣе высокія основанія нежели природный инстинктъ.

Во всякомъ случаѣ нравственность, основанная на непосредственномъ чувствѣ, на инстинктѣ, можетъ имѣть мѣсто только у тѣхъ животныхъ, у которыхъ брюшная нервная система (составляющая ближайшую матеріальную подкладку непосредственной или инстинктивной душевной жизни) рѣшительно преобладаетъ надъ головною нервною системою (составляющею матеріальную подкладку сознанія и рефлексіи); но такъ какъ у челоѣка къ несчастію или къ счастію мы видимъ обратное явленіе, а именно рѣшительное преобладаніе головныхъ нервныхъ центровъ надъ брюшными, вслѣдствіе чего теоретическій элементъ сознанія и разумной рефлексіи необходимо входитъ и въ нравственныя его опредѣленія, то тѣмъ самымъ исключительно-инстинктивная нравственность оказывается для него непрігодною.

Эта интуитивная или инстинктивная мораль сама отказывается отъ всякаго теоретическаго значенія, такъ какъ въ самомъ принципѣ своемъ отрицаетъ основное теоретическое требованіе этики дать разумное объясненіе или оправданіе основному нравственному факту, а признаетъ только этотъ фактъ въ его непосредственномъ эмпирическомъ существованіи. Но, съ другой стороны, какъ было сейчасъ показано, эта мораль не можетъ имѣть и практическаго реальнаго значенія вслѣдствіе слабости у челоѣка нравственныхъ *инстинктовъ* (соотвѣтственно сравнительно малому развитію у него брюшныхъ нервныхъ центровъ и брюшной части вообще). Но если такимъ образомъ эта интуитивная

мораль не можетъ имѣть ни теоретическаго значенія, ни практической силы, то очевидно она вообще не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія, а должна быть принята только какъ указаніе той инстинктивной или непосредственной стороны которая существуетъ во всякой нравственной дѣятельности, хотя и не имѣетъ у человѣка опредѣляющей силы по указаннымъ причинамъ.

Итакъ, оставляя эту непосредственную или инстинктивную мораль ad usum bestiarum, которымъ она принадлежитъ по праву, мы должны искать для *человѣческой* нравственности разумнаго основанія. Съ этимъ согласенъ и Шопенгауэръ, который обращается для подкрѣпленія своего эмпирическаго начала къ извѣстной умоизобразительной, метафизической идее.

То, что есть само по себѣ, Ding an sich, или метафизическая сущность, нераздѣльно едино и тождественно во всемъ и во всяхъ; множественность же, раздѣльность и отчужденіе существъ и вещей, опредѣляемая principio individuationis, то-есть началомъ обособленія, существуютъ только въ явленіи или представленіи по закону причинности, реализованному въ матеріи, въ условіяхъ пространства и времени. Такимъ образомъ, симпатія и вытекающая изъ нея нравственная дѣятельность, въ которой одно существо отождествляется или внутренне соединяется съ другимъ, тѣмъ самымъ утверждаетъ метафизическое единство сущаго, тогда какъ напротивъ эгоизмъ и вытекающая изъ него дѣятельность, въ которой одно существо относится къ другому какъ къ совершенно отъ него отдѣльному и чужому, соответствуетъ лишь физическому закону явленія. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Въ томъ что фактъ симпатіи выражаетъ субстанціальное тождество существъ, а противоположный фактъ эгоизма выражаетъ ихъ феноменальную множественность и раздѣльность, еще не заключающая объективное преимущество одного предъ другимъ; ибо эта феноменальная множественность и раздѣльность существъ совершенно также необходима какъ и ихъ субстанціальное единство. Логически ясно что всѣ существа необходимо тождественны въ субстанціи и столь же необходимо раздѣльны въ явленіи:—это только двѣ стороны одного и того же бытія, не имѣющія какъ такія никакого объективнаго преимущества одна предъ другою. Еслибы эти двѣ сто-

ромъ исключали другъ друга, тогда конечно только одна изъ нихъ могла бы быть истинною, а другая необходимо была бы ложною, но тѣмъ самымъ эта послѣдняя была бы и невозможна. Такъ было бы въ томъ случаѣ еслибы дѣло шло о примѣненіи двухъ противоположныхъ предикатовъ, каковы единство и множественность, къ одному и тому же субъекту *въ одномъ и томъ же отношеніи*: тогда по логическому закону тождества происходила бы дилемма, то есть нужно было бы признать одинъ изъ предикатовъ истиннымъ, а другой ложнымъ. Но такъ какъ въ нашемъ случаѣ единство и множественность утверждаются не въ одномъ и томъ же отношеніи, а въ различныхъ, именно: единство въ отношеніи къ субстанціи, а множественность въ отношеніи къ явленію, то тѣмъ самымъ отрицается ихъ исключительность, и дилемма не имѣетъ мѣста.

Кромѣ этого логическаго соображенія, уже самая дѣйствительность обѣихъ сторонъ бытія показываетъ что онѣ вообще совместимы; а потому если вслѣдствіе, необходимаго закона историческаго развитія различныя религіозныя и философскія ученія останавливались попеременно то на субстанціальномъ единствѣ, то на феноменальной множественности, жертвуя одно другому, то это есть заблужденіе необходимое исторически, но не безусловно, изъ того что умъ человѣческій долженъ былъ пройти чрезъ это заблужденіе не слѣдуетъ чтобъ онъ долженъ былъ съ нимъ оставаться.

Разумѣется, логическая и физическая совместимость универсализма и индивидуализма, симпатіи и эгоизма не исключаетъ нравственной неравноправности этихъ двухъ началъ.

Но чтобъ утверждать положительно такую неравноправность нужно показать, *въ чемъ* она заключается, въ чемъ состоитъ внутреннее преимущество одного предъ другимъ. Для того чтобы показать ложность или внутреннюю несостоятельность эгоизма, недостаточно утверждать подобно Шопенгауэру, что всякая особность, какъ существующая только въ представленіи, есть призракъ и обманъ, что *principium individuationis* (начало особности) есть покровъ Майи и т. п.; ибо такія утвержденія или суть фигуральныя выраженія безъ опредѣленнаго логическаго содержанія, или же говорятъ *слишкомъ* много. А именно, если міръ множественныхъ явленій потому есть призракъ и обманъ, что

онъ есть представленіе, а не Ding an sich, и такъ какъ представленіемъ определяется какъ объектъ такъ равно и субъектъ, то-есть по соотносительности этихъ двухъ терминовъ и субъектъ какъ такой возможенъ только въ представленіи,— то въ этомъ случаѣ какъ дѣйствующій субъектъ такъ равно и тѣ субъекты, въ пользу которыхъ онъ морально дѣйствуетъ, суть только призракъ и обманъ, а слѣдовательно и самая моральная дѣятельность, которая стремится къ утвержденію призрачнаго существованія другихъ субъектовъ, есть призракъ и обманъ не менѣе чѣмъ противоположная ей эгоистическая дѣятельность, стремящаяся къ утвержденію призрачнаго существованія самого дѣйствующаго субъекта.

Такимъ образомъ и съ этой метафизической точки зрѣнія нравственная дѣятельность является ничѣмъ не лучше, не истиннѣе и не нормальнѣе дѣятельности безнравственной или эгоистической. Когда вы изъ состраданія помогаете кому-нибудь, избавляете отъ опасности, дѣлаете благодѣяніе, вы вѣдь утверждаете индивидуальное, особое существованіе этого другого субъекта, вы хотите, чтобъ онъ какъ таковой существовалъ и былъ счастливъ—онъ, эта индивидуальная особа, а не всеединая метафизическая сущность, которая не можетъ нуждаться въ вашей помощи. Слѣдовательно нравственная дѣятельность, которая вообще стремится къ утвержденію и развитію индивидуальнаго бытія всѣхъ существъ въ ихъ множественности, тѣмъ самымъ по понятіямъ Шопенгауэра стремится къ утвержденію призрака и обмана, слѣдовательно она не нормальна, и такимъ образомъ метафизическая идея монизма вмѣсто того чтобъ обосновывать нравственность обращается противъ нея. А отсюда слѣдуетъ что мы должны искать другихъ рациональных основаній для этики.

Къ такому же заключенію приведетъ насъ и разсмотрѣніе того верховнаго принципа эмпирической морали, который формулованъ Шопенгауэромъ: *neminem laede, imo omnes, quantum potes, juva*. Это верховное нравственное правило не ограничивается отрицательнымъ требованіемъ „никому не вреди“, но содержитъ въ себѣ непременно и положительное требованіе „всѣмъ помогай“; т. е. оно требуетъ отъ насъ не только того чтобы мы сами не нанесли другимъ страданія, но также, и главнымъ образомъ, того чтобы

мы освобождали другихъ отъ всякаго страданія и не сами причиненнаго, отъ насъ не зависящаго; и такъ какъ здѣсь не можетъ быть никакаго внутреннего ограниченія (ибо здѣсь очевидно чѣмъ больше тѣмъ лучше, ограниченіе же quantum potes „сколько можешь“ относится лишь къ физической возможности исполненія, а не къ нравственной воли), то окончательный смыслъ этого положительнаго нравственнаго принципа, указывающій преслѣдую цѣль нормальной практической дѣятельности и высшее нравственное благо или добро, можетъ быть точнее и опредѣленнѣе выраженъ такъ: *стремись къ освобожденію всякаго существа отъ всякаго страданія или отъ страданія какъ таковаго.*

Но для того чтобы это требованіе имѣло дѣйствительное значеніе очевидно необходимо знать, въ чемъ состоитъ сущность страданія и какъ возможно избавленіе отъ него.

Страданіе вообще происходитъ тогда, когда дѣйствительныя состоянія извѣстнаго существа опредѣляются чѣмъ-либо для него внѣшнимъ, чуждымъ и противнымъ. Мы страдаемъ когда внутреннее движеніе нашей воли не можетъ достигнуть исполненія или осуществленія, когда стремленіе и дѣйствительность, то что мы хотимъ и то что мы испытываемъ, не совпадаютъ и не соотвѣтствуютъ. Итакъ, страданіе состоитъ въ зависимости нашей воли отъ внѣшняго, чуждаго ей бытія, въ томъ что эта воля не имѣетъ сама въ себѣ условій своего удовлетворенія.

Страдать значитъ опредѣляться другимъ внѣшнимъ, слѣдовательно основаніе страданія для воли заключается въ ея *гетерономіи*, т.-е. чужезаконности, и слѣдовательно высшая, послѣдняя цѣль нормальной практической дѣятельности состоитъ въ освобожденіи міровой воли, т.-е. воли всѣхъ существъ отъ этой гетерономіи, т.-е. отъ власти этого чуждаго ей бытія.

Такимъ образомъ сущность нравственности опредѣляется *автономіей* или самозаконностью воли, и прямая задача этики показать возможность этой автономіи или *условія*, при которыхъ она можетъ быть дѣйствительною. Опредѣленіе этихъ условій будетъ заключать въ себѣ и объясненіе основнаго моральнаго различія между должнымъ и недолжнымъ, такъ какъ нормальность нравственной дѣятельности прямо зависитъ отъ условій ея *автономичности*.

Такая задача очевидно лежитъ за пределами всякой эмпи-

рической этики, ибо въ опытѣ мы познаемъ только волю оказавшую чуждымъ ей бытіемъ, проявляющуюся по законамъ внешней для насъ необходимости, волю *гетерономичную*. Такимъ образомъ, чрезъ опытъ мы можемъ получить только условія гетерономіи воли, следовательно истинныя условія ея автономіи могутъ быть найдены лишь чистымъ или апіорнымъ разумомъ.

Читатель знакомый съ философіей видитъ что понятіями гетерономіи воли и ея автономіи, опредѣляемой а ріогі или изъ чистаго разума, мы неожиданно перешли въ сферу моральныхъ идей Канта. Такимъ образомъ, послѣдній *результатъ* эмпирической или матеріальной этики естественно переходитъ въ *требованіе* этики чисто разумной или формальной, къ которой мы и должны теперь обратиться.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ПОСЛѢДНІЯ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНІЯ

ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ГЕРМАНИИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЭТЮДЪ

Если, какъ это высказывалъ еще Кетле, изученіе народонаселенія есть истинная область статистики, а по мнѣнію некоторыхъ современныхъ ученыхъ, въ особенности же Др. Бертильона, даже и исключительный предметъ этой науки, то понятно какое важное для насъ значеніе должна имѣть перепись населенія. Эта операція, по обилію доставляемыхъ ею матеріаловъ для научныхъ статистическихъ изслѣдованій, можетъ быть поставлена въ одинъ рядъ развѣ только еще съ тѣмъ которая доставляетъ свѣдѣнія о движеніи народонаселенія. Она касается такихъ важныхъ какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи сторонъ общественной жизни что является несомнѣнно однимъ изъ самыхъ существенныхъ источниковъ науки статистики. Прибавимъ къ этому и то что перепись народонаселенія представляетъ собою также и одну изъ самыхъ трудныхъ статистическихъ операцій, такъ что хотя наукой давно уже выработаны тѣ требованія, отъ исполненія которыхъ зависитъ въ значительной степени самый успѣхъ ея, уже давно

указанъ тотъ путь и тѣ приемы которые наиболѣе могутъ гарантировать удовлетворительность ея результатовъ; но самое осуществленіе этихъ требованій, самое приложеніе этихъ приемовъ на практикѣ представляетъ столько трудностей, коренящихся частью въ существѣ дѣла, частью въ болѣе или менѣе побочныхъ ему обстоятельствахъ, что въ дѣйствительности лока возможно въ этомъ отношеніи никакъ не полное осуществленіе научнаго идеала, а лишь только приближеніе къ нему въ извѣстной степени. Въ подтвержденіе сказаннаго укажу хотя на то требованіе науки которое ставитъ непремѣннымъ условіемъ всякой хорошо выполненной переписи народонаселенія совершеніе ея въ возможно-короткій періодъ времени, напримѣръ въ одинъ день. Это требованіе въ основаніи своемъ имѣетъ тотъ доводъ что только при исполненіи упомянутаго условія есть вѣроятность сколько-нибудь приблизиться къ истинной цифрѣ населенія, и что чѣмъ короче будетъ періодъ въ который окончится перепись, тѣмъ легче будетъ избѣжать пропусковъ или двойныхъ записей, а стало-быть тѣмъ точнѣе будутъ и добытыя свѣдѣнія. Но съ практической стороны строгое исполненіе вышеприведеннаго условія, понятнo, представляетъ всегда очень большія неудобства, хотя бы уже потому что непремѣнно влечетъ за собою значительное увеличеніе издержекъ на производство работъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ короче будетъ тотъ періодъ въ который должна быть произведена перепись, тѣмъ очевидно потребуется и большее число лицъ для исчисленія населенія. Я не стану приводить здѣсь слишкомъ извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ переписямъ англійской и бельгійской; скажу лишь что такъ какъ одинъ счетчикъ въ состояніи переписать въ теченіе дня едва ли болѣе 500 человекъ, и эта цифра представляетъ собою maximum, — по инструкціи германской переписи, напримѣръ, требуется чтобы на каждаго счетчика приходилось не болѣе 40 хозяйствъ (Haushaltungen), следовательно, считая хозяйство состоящимъ среднимъ числомъ даже изъ 8 лицъ (6 человекъ семейныхъ и 2 прислуги), получимъ не болѣе 320 человекъ на одного счетчика, — то значитъ на тридцати шести милліонное населеніе Франціи потребовалось бы семьдесятъ двѣ тысячи счетчиковъ, а на сорокъ одинъ милліонъ населенія Германской Имперіи даже восемьдесятъ двѣ тысячи. Кромѣ издержекъ, которыя вызвало бы такое количе-

ство счетчиковъ, необходимо не упускать изъ вида и трудности найти столь громадное число способныхъ къ дѣлу лицъ. Устраненіе этихъ и подобныхъ имъ затрудненій, которыхъ во всей операціи переписи найдется немало, представляется на практикѣ дѣломъ конечно далеко не легкимъ; а между тѣмъ отъ болѣе или менѣе удачнаго преодоленія ихъ зависитъ и весь успѣхъ переписи, все научное и практическое значеніе добытыхъ посредствомъ нея результатовъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не сознаться что послѣдняя французская перепись 1876 года во многомъ уступаетъ послѣдней германской переписи 1875 года, и ближайшимъ подтвержденіемъ сказаннаго является весь процессъ производства какъ той, такъ и другой операціи.

Въ самомъ дѣлѣ, оставивъ въ сторонѣ, какъ это даже является и необходимымъ для возможности сравненія, то обстоятельство что германская перепись была не только народною, подобно французской, но также и промысловую, остановимся прежде всего на организаціи работъ по исполненію этой операціи во Франціи и въ Германіи. Конечно, никто не станетъ сомнѣваться что отъ того какимъ образомъ организовано записываніе свѣдѣній о населеніи зависитъ въ очень значительной степени самый успѣхъ переписи, и что потому необходимо обратить на эту часть дѣла по возможности больше вниманія. Между тѣмъ, во Франціи, при производствѣ въ ней послѣдней переписи, означенною стороною операціи занимались очевидно слишкомъ мало, и въ инструкціи, разосланной министрами внутреннихъ дѣлъ префектамъ департаментовъ, при циркулярѣ отъ 15го октября 1876 года, касательно ея едва можно найти нѣсколько словъ. Инструкція, упоминая въ этомъ отношеніи прежде всего о томъ что перепись населенія есть операція существенно муниципальная (*essentiellement municipale*) и должна быть въ этомъ своемъ качествѣ произведена агентами муниципалитета (*par les agents de la municipalité*), рекомендуетъ затѣмъ мерамъ исполненіе ея съ величайшею тщательностью и точностью, но какъ достигнуть той и другой, объ этомъ она не говоритъ ничего; напротивъ, въ ней даже встрѣчаются далѣе такіа по меньшей мѣрѣ странныя выраженія, которыя невольно заставляютъ предполагать что едва ли бы можно было поручиться чтобы послѣдняя французская перепись доставила очень

точные свѣдѣнія о населеніи Франціи. Именно, инструкція продолжаетъ: „хорошо бы, чтобы операція, разѣ была-
 ться, производилась безъ перерыва, для избѣжанія съ одной
 стороны двойныхъ вписываній, а съ другой пропусковъ,
 которые бы могла быть причислены перерывами и источни-
 тельства“, и далѣе: „въ общинахъ съ большимъ населе-
 ніемъ гдѣ мѣры *могутъ* раздѣлить переписи на отдѣлы и
 кварталы (*par sections et quartiers*) и поручить производство
 въ нихъ этой операціи комиссарамъ, которымъ они должны
 въ такомъ случаѣ снабдить письменнымъ приказомъ для
 сообщенія имъ офіціального характера“. „Большое раздѣ-
 ление этой работы (т.е. переписи), продолжаетъ далѣе ин-
 струкція, *можетъ* облегчить быстрое исполненіе ея, осо-
 бенно *если* комиссары займутся ею на всѣхъ пунктахъ
 одновременно.“ Итакъ, приведенныя цитаты изъ француз-
 ской инструкціи показываютъ совершенно ясно что, вопер-
 выхъ, производство операціи переписи предоставлено было
 во Франціи не особымъ специальнымъ агентамъ, а главнымъ
 образомъ мерамъ, на которыхъ такимъ образомъ и возло-
 жены были обязанности счетчиковъ, такъ что лишь только
 тогда, когда эти меры нашли бы нужнымъ, имъ предостав-
 лено было раздѣлить данную общину на участки, переписи
 которыхъ и поручалась тогда особымъ комиссарамъ; а впро-
 чемъ такое раздѣленіе было для меръ вовсе не обязатель-
 но еслибъ они нашли возможнымъ обойтись безъ него; во-
 вторыхъ же (и что всего важнѣе), что послѣдняя перепись
 во Франціи была не только не однократною, но даже и не
 одновременною, такъ какъ министерская инструкція ни-
 сколько не обязывала производить ее безъ перерыва, а
 лишь высказывала что хорошо бы еслибъ это было такъ
 сдѣлано, мотивируя подобное свое желаніе (потому что
 вышеприведенныхъ словъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ при-
 знать за распоряженіе или постановленіе) тѣмъ что тогда
 удобнѣе бы было избѣжать какъ повтореній и двойныхъ
 записей, такъ и пропусковъ. Но вѣдь, говоря серьезно, даже
 не такимъ путемъ возможно и устраненіе того и другого,
 какъ указываютъ постановленія международнаго статистиче-
 ского конгресса и подтверждаетъ опытъ. Для этого необхо-
 димо прежде всего точно опредѣлить самый день производ-
 ства переписи, необходимо назначить даже и часъ, къ кото-
 рому должны относиться собираемыя свѣдѣнія, какъ то и

встрѣаемъ мы при последней германской переписи. Тамъ эта операція дѣйствительно была не только въ самомъ смыслѣ слова однодневною, именно: днемъ ея исполненія назначено было 1е декабря 1875 года,—къ этому числу и должны были относиться все свѣдѣнія, вписываемыя въ переписные листки,—но даже совершенно опредѣленно установлено было, *какъ* нужно понимать съ точностью этотъ срокъ, что имѣетъ особенную важность съ одной стороны по отношенію къ умирающимъ и рождающимся, а съ другой по отношенію къ той части народонаселенія, которую день переписи засталъ бы въ кратковременной отлучкѣ, въ домѣ, въ пути и т. л. Что касается до первой категоріи, то германская инструкция требовала чтобы моментомъ переписи для умирающихъ и рождающихся было принято 12 часовъ ночи съ 30го ноября на 1е декабря, такъ чтобы съ одной стороны каждый кто былъ еще живъ въ этотъ моментъ внесенъ былъ бы и въ переписные листки, и хотя бы потомъ умеръ въ теченіе дня переписи, но уже не исключался бы изъ общаго счета жителей; а изъ родившихся включены были бы въ переписные листки лишь тѣ которые увидѣли свѣтъ до вышеозначеннаго срока, но никакъ не тѣ которые родились послѣ него. Нельзя не признать подобной мѣры превосходною и не пожалѣть что во Франціи она совершенно была упущена изъ виду, между тѣмъ какъ помимо ея является во всякомъ случаѣ невозможною та степень точности переписныхъ данныхъ которая составляетъ непремѣнное требованіе современной науки и практики.

Перехода теперь къ населенію застигнутому переписью въ домѣ, замѣтимъ прежде всего что во французской инструкціи есть только указаніе на то что *бродячее* населеніе (*population flottante*), подъ которымъ, согласно той же инструкціи, должно разумѣть сабдующія категоріи лицъ: рабочихъ, совершающихъ свое путешествіе по Франціи, (*faisant leur tour de France*, по выраженію инструкции); артистовъ входящихъ въ составъ бродячихъ театралныхъ труппъ (*des troupes ambulantes*); лицъ занимающихся такими промыслами которые требуютъ постоянныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто; лодочниковъ не имѣющихъ другихъ жилищъ кромѣ своихъ лодокъ, и наконецъ бродягъ въ собственномъ смыслѣ, что все это бродячее населеніе должно

быть переписано въ известный опредѣленный день, именно 15го декабря 1876 года (а это еще разъ подтверждаетъ высказанное мною выше мнѣнiе что послѣдняя французская перепись вовсе не была однодневною и не имѣетъ ни малѣйшаго права на такое названiе). Что же касается до Германiи, то тамъ болѣе серьезно отнеслись къ населенiю которое перепись могла бы застать внѣ дома. Разумѣя подъ нимъ не одиѣ только выше перечисленныя категорiи лицъ, охарактеризованныя во Францiи наименованiемъ бродячаго населенiя, но также и всякаго кто въ моментъ производства переписной операцiи находился бы въ дорогѣ, въ кратковременной отлучкѣ и вообще внѣ дома, германская инструкцiя требовала чтобы всѣ подобныя лица были записаны тамъ гдѣ они провели ночь съ 30го ноября на 1е декабря, или если они нигдѣ не вочевали, то тамъ гдѣ они находились поутру 1го декабря. Конечно, для Францiи отчасти и не было необходимости въ подобномъ постановленiи, такъ какъ ея перепись, повторяю, вовсе не была однодневною, да и кромѣ того относилась не къ наличному, а главнымъ образомъ къ постоянному населенiю. На послѣднемъ пунктѣ я подробнѣе останавлиюсь далѣе, а пока только замѣчу что все это вовсе не представляетъ ручательства за точность французской переписи и вовсе не говоритъ о ея совершенствѣ.

Установивъ столь точно самый моментъ къ которому должны были относиться собираемыя въ переписи данныя, германская инструкцiя позаботилась поболѣе чѣмъ французская и о томъ чтобы эти данныя были дѣйствительно по возможности тщательно собраны. Она не ограничилась, подобно послѣдней, лишь рекомендацiей подлежащимъ лицамъ соблюдать величайшую точность при переписныхъ работахъ, и не оставила уже затѣмъ совершенно на ихъ произволъ какъ организацiю, такъ и производство этихъ работъ. Хотя и она признала также что перепись населенiя есть дѣло мѣстныхъ или коммунальныхъ властей (Orts-Communal-Behörden), но тѣмъ не менѣе постаралась строго опредѣлить какъ права, такъ и обязанности каждаго изъ органовъ и лицъ прикосновенныхъ какимъ-либо образомъ къ дѣлу переписи, какъ-то: провинциальныхъ, окружныхъ и мѣстныхъ властей, комиссiй по переписи, счетчиковъ, наконецъ самого населенiя.

Посмотримъ же теперь, какое развитіе получила тамъ вся эта сторона дѣла.

Въ Германіи, такъ же какъ и во Франціи, во главѣ мѣстной переписи были поставлены мѣстные власти; но на нихъ возложена была обязанность лишь оказывать содѣйствіе операціи, а никакъ не прямое и непосредственное исполненіе ея, и даже не заведываніе и не руководство ея работами. Послѣднее входило въ область дѣйствія особыхъ такъ-называемыхъ *коммиссій по переписи* (*Zählungscommissionen*), которыя, на основаніи инструкціи, учреждены были вездѣ, гдѣ только это оказалось возможнымъ и гдѣ обстоятельства не представили неодолимыхъ къ этому препятствій. Къ участію въ такихъ коммиссіяхъ приглашены были вообще лица обладавшія довѣріемъ мѣстныхъ жителей, знаніемъ мѣстныхъ условій и отношеній, и сознававшія всю важность предпринимаемой операціи. Лишь только тамъ гдѣ подобныхъ коммиссій абсолютно невозможно было устроить, ихъ замѣняли мѣстные власти. Обязанности коммиссіи состояли главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

а) въ раздѣленіи общинъ (*Gemeinden*) на переписные участки;

б) въ приглашеніи счетчиковъ, ознакомленіи ихъ съ ихъ обязанностями, разъясненіи имъ формуляровъ и инструкцій касательно ихъ дѣятельности по переписи;

в) наконецъ въ провѣркѣ, по окончаніи переписи, собранныхъ свѣдѣній, составленіи общаго ихъ обзора и пересылкѣ переписныхъ листковъ и списковъ къ окружнымъ властямъ.

Въ непосредственной же переписи жителей члены коммиссіи или замѣнявшія ихъ въ случаѣ выше указанномъ мѣстные власти могли принимать участіе только лишь, какъ сказано въ инструкціи, вслѣдствіе *необходимости*. Вообще роль власти относительно переписной операціи ограничивалась въ Германіи разсылкой формуляровъ, разъясненіемъ того какъ производить по этимъ формулярамъ перепись, растолкованіемъ инструкцій, въ случаѣ еслибы послѣднія оказались въ чемъ-либо неясными для кого-нибудь изъ ихъ подчиненныхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу переписи, и наконецъ общимъ наблюденіемъ и контролемъ надъ производствомъ работъ, а также устраненіемъ такихъ

авленій которыя могли бы повліять такъ или иначе на правильный ходъ операціи, какъ-то: армарокъ, общественныхъ праздниковъ и собраний, пришедшихся на день переписи и т. п. Къ этому въ сущности можно свести всѣ обязанности и права провинціальныя, окружныя и мѣстныхъ властей по отношенію къ этой послѣдней. Самое же исполненіе работъ по производству переписи составляло въ Германіи область дѣйствія особыхъ, специальныхъ агентовъ, счетчиковъ. Но прежде чѣмъ переходить къ послѣднимъ, я позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ дѣйствіяхъ которыя составляли кругъ вѣдомства комиссіи по переписи и о которыхъ я упоминалъ уже выше; при этомъ прежде всего я останавливаюсь немного подробно на раздѣленіи общинъ на переписные участки (Zahlbezirke).

Мы выше видѣли что французская инструкция предоставляетъ совершенно произволу меровъ дѣлить или нѣтъ ихъ общины на участки, смотря по тому, найдутъ ли она это нужнымъ вслѣдствіе многочисленности населенія или подвѣдомственнаго, или же нѣтъ. Германская инструкция, напротивъ того, прямо обязываетъ къ такому дѣленію комиссіи по переписи и при этомъ постановляетъ чтобы на каждого счетчика приходилось при упомянутомъ дѣленіи никакъ не болѣе 40 хозяйствъ (Haushaltungen), расположенныхъ по возможности совокупно. Она требуетъ, да-ле, чтобы при переписи не было оставлено безъ вниманія ни одного жилого или нежилого дома, ни одного иного жилого или фабричнаго строенія. Согласно ей, на каждый переписной участокъ назначается особый счетчикъ, и кромѣ того комиссіями, насколько возможно, прилагается стараній о томъ чтобы сверхъ нормальнаго, соответственнаго числу участковъ числа счетчиковъ, было еще нѣкоторое излишнее количество послѣднихъ, въ виду всегда могущихъ произойти случайностей.

Выборъ счетчиковъ и ознакомленіе ихъ съ ихъ дѣятельностью лежали также на обязанности комиссій по переписи, и при этомъ выборъ инструкция рекомендовала обращать особенное вниманіе на то чтобы счетчики были все люди способные къ точному и тщательному исполненію привимаемыхъ ими на себя обязанностей и смотрѣли серьезно на дѣло переписи. Наконецъ, въ принципѣ было

поможетъ что они должны исправлять свои обязанности бесплатно; противное допускалось лишь какъ рѣдкое исключеніе.

На счетчиковъ, какъ я уже упоминалъ выше, и лежало непосредственное исполненіе переписи. Обязанности ихъ въ этомъ отношеніи заключались въ слѣдующемъ: каждый счетчикъ, тотчасъ же по полученіи необходимыхъ ему инструкцій и формуляровъ, и по ознакомленіи своемъ съ ними, что дѣлалось имъ иногда подъ руководствомъ мѣстной коммиссіи по переписи, приступалъ къ составленію на основаніи частію уже существовавшихъ ранѣе домовыхъ списковъ, главнымъ же образомъ на основаніи личнаго ознакомленія съ назначеннымъ ему участкомъ, списки всѣхъ жилыхъ зданій находившихся въ упомянутомъ его участкѣ, не обращая вниманія на то, обитаемы ли были они въ тотъ моментъ или нѣтъ, а равно и всѣхъ хозяйствъ, предназначенныхъ для совместнаго жительства учреждений, какъ-то: училищъ, больницъ, тюремъ, казармъ, гостиницъ и т. д. Онъ обозначалъ въ спискѣ также фамиліи хозяевъ и приблизительно число потребныхъ для каждаго хозяйства переписныхъ карточекъ и прочихъ формуляровъ. Затѣмъ онъ принимался за подготовленіе самыхъ формуляровъ къ раздачѣ, надписывалъ въ заголовкахъ ихъ имена хозяевъ, которымъ они предназначались, отсчитывалъ для каждаго хозяйства карточки, завертывалъ ихъ въ особо для того предназначенныя обертки, на которыхъ, между прочимъ, была напечатана въ видахъ экономіи и инструкція хозяевамъ касательно составленія отвѣтовъ на поставленные въ формулярахъ вопросы. Всѣ работы эти должны были быть имъ окончены къ 25му ноября, а съ того дня и по 30е число, значить въ теченіе пяти сутокъ, онъ занимался раздачей формуляровъ хозяевамъ, такъ чтобы къ полудню послѣдняго дня, какъ того требуетъ инструкция, въ рукахъ каждаго изъ этихъ послѣднихъ были всѣ необходимыя имъ переписныя карточки и другіе формуляры въ совершенно достаточномъ для совершенія переписи количествѣ. Вписываніе же отвѣтовъ на поставленные въ этихъ формулярахъ вопросы возлагалось по инструкціи уже на самихъ хозяевъ, а счетчикъ лишь объяснялъ имъ, какъ то нужно сдѣлать; на себя же принималъ онъ обязанность вписыванія лишь только въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ хозяевъ

наотрѣзъ отказывался исполнить это самъ, или когда въ семействѣ не находилось ни одного члена достаточно грамотнаго и способнаго на такое дѣло, или наконецъ когда все семейство поголовно находилось въ отлучкѣ въ послѣднемъ случаѣ свѣдѣнія о лицахъ составлявшихъ его отбирались у сосѣдей. При распредѣленіи жителямъ формуляровъ, счетчикъ въ то же время отиѣчалъ въ своемъ спискѣ домовъ и то, которыя изъ квартиръ оказывались въ день переписи незанятыми.

Наконецъ, въ 12 часовъ дня 1го декабря счетчикъ приступалъ къ обратному сбору карточекъ и таблицъ, въ которыя къ тому времени уже должны были быть вписаны хозяевами всѣ требуемыя свѣдѣнія. При сборѣ онъ ихъ просматривалъ, и въ случаѣ пропусковъ, неясностей и неточностей исправлялъ тутъ же на мѣстѣ, согласно устнымъ показаніямъ присутствовавшихъ. Германская инструкция требовала чтобы свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ лицѣ были внесены въ общую карточку и чтобы затѣмъ всѣ лица входившія въ составъ хозяйства, были еще вписаны въ особый списокъ (*Hausverzeichnis*), въ которомъ находили себѣ мѣсто даже всѣ отсутствующіе члены семейства, хотя особыхъ карточекъ для послѣднихъ и не составлялось, такъ какъ карточка въ принципѣ представляла непремѣнно присутствующее на мѣстѣ переписи лицо. Цѣль названныхъ списковъ я укажу ниже, а теперь уломяу лишь что идея системы переписи народонаселенія посредствомъ отдѣльныхъ карточекъ для каждаго лица принадлежитъ Dr. Энгелю, директору прусскаго статистическаго бюро, и одобрена была на VIII сессіи статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ. Не могу также пройти здѣсь молчаніемъ и еще одной стороны этой системы въ приложеніи ея къ Германіи, именно того что тамъ, какъ я и указалъ выше, переписныя карточки составлялись вообще не счетчиками, а самими жителями; первые же лишь провѣряли и контролировали послѣднихъ. Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, можно было лучше и удачнѣе разрѣшить трудный вопросъ объ исполненіи переписи населенія въ возможно кратчайшій періодъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ при посредствѣ наименьшаго числа счетчиковъ. Нѣсколько лѣтъ пришлось Dr. Энгелю отстаивать и проводить въ практику эту свою мысль, пока наконецъ ему не удалось увидѣть ея осуществленія сва-

чала въ переписномъ народонаселенія 1871 года, а затѣмъ и въ последней переписи 1875 года. Опытъ показала, насколько онъ былъ правъ ратуя такъ горячо за активное, а не одно лишь пассивное участіе населенія въ столь важной статистической операціи...

Сборъ переписныхъ листовъ и списковъ долженъ былъ, по германской инструкціи, быть оконченъ счетчиками никакъ не позднѣе 2го декабря. Этимъ собственно и заключалась въ Германіи первая часть операціи переписи, именно самое собираніе свѣдѣній о населеніи. Я указывалъ уже выше какъ это собираніе производилось въ послѣднюю перепись во Франціи, гдѣ даже собственно не было и счетчиковъ, а все дѣло лежало на мерахъ, которыми въ случаѣ нужды помогали особо выбранные комиссары. Хотя и тамъ свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ лицѣ вписывались въ отдѣльную карточку, составленіе которой даже могло быть поручено главѣ семейства, впрочемъ послѣднее очевидно лишь въ видѣ исключенія, такъ какъ во французской инструкціи прямо сказано что агенты переписи „doivent à moins d'une impossibilité absolue (курсивъ въ подлинникѣ) voir chaque habitant et recueillir de sa propre bouche les renseignements nécessaires“, но все-таки нельзя не видѣть насколько французская система собиранія свѣдѣній во время послѣдней переписи во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже германской. Напомнимъ въ подтвержденіе хотя тѣ слова изъ программы еще первой (Брюссельской) сессіи международнаго статистическаго конгресса, въ которыхъ говорится что выгоды представляемыя при переписи системой специальныхъ агентовъ (т.-е. особыхъ счетчиковъ) настолько уже въ то время считались въ наукѣ дѣломъ общезвѣстнымъ и безспорнымъ что даже тогда уже не было, по мнѣнію авторовъ программы, никакой необходимости входить по этому поводу въ какія-либо разсужденія; а мы видѣли что подобныхъ специальныхъ агентовъ при послѣдней французской переписи вовсе и не было. Да наконецъ и самое употребленіе тамъ карточекъ для каждаго отдѣльнаго лица является совершенно непонятнымъ и даже отчасти прямо безцѣльнымъ, потому что при той системѣ разработки переписныхъ данныхъ которая была принята во Франціи (о ней мы будемъ еще говорить ниже), карточки могли оказать лишь весьма и весьма ограниченную

лостью; кромѣ того, онъ и по своему своему громадному формату (19 сантим. ширины и 25 сантим. длины; германскія карточки были 12,5 и 19 с., следовательно равно вдвое меньше) едва ли были бы удобны для употребленія при разработкѣ, такъ что, повторю, вѣроятно представляется вопросъ, вѣ�къ же онъ была введенъ при французской переписи?...

Но все это еще вовсе не единственные основанія, заставившія меня уже въ самомъ началѣ настоящей статьи выказать за германскую перепись противъ французской, и предпочесть первую послѣдней. Мы сейчас увидимъ, что и дѣла, рассмотрѣніе того *какое* (въ статистическомъ смыслѣ) населеніе подверглось переписи въ той и другой странѣ, представятъ намъ еще новыя подтвержденія выказаннаго мною выше мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣ�тъно, что еще въ первую же сессію статистическаго конгресса было постановлено чтобы перепись втегдѣ относилась къ наличному населенію (*population de fait*); отдѣльна же о приписномъ населеніи (*population de droit*), какъ дающіи слишкомъ несовершенное понятіе о населенности мѣстъ, допускались лишь въ качествѣ совершенно побочныхъ, а въ томъ лишь случаѣ еслибы они вѣ�тъкъ-либо оказались необходимыми для административныхъ цѣлей. Затѣмъ, во время VIII Петербургской сессіи, было сверхъ того принято чтобы при переписяхъ собирались кромѣ очевиднѣйшій о наличномъ населеніи также данныя о постоянномъ населеніи. Въ Германіи, во время послѣдней переписи, такъ и было поступлено: если карточки, составлявшіеся тамъ о каждомъ отдѣльномъ присутствовавшемъ на мѣстѣ переписи лицѣ, показывали такимъ образомъ количество наличнаго населенія, то такъ-называемые описки хозяйствъ (*Haushaltungs-Verzeichnisse*), въ которые включались также и отсутствовавшіе члены семействъ, давали въ случаѣ надобности возможность опредѣлять для каждаго населеннаго мѣста цифру постояннаго населенія. Это и могло быть одною изъ цѣлей употребленія въ германской переписи вышеупомянутыхъ списковъ наряду съ карточками, хотя они служили кромѣ того и чрезвычайно удобнымъ средствомъ для проверки: всѣ ли карточки состоятъ налицо. Во Франціи при послѣдней переписи не только ничего подобнаго для контроля числа карточекъ не было, но даже тамъ и наличное-то

населеніе совершенно игнорировалось при совершеніи этой операціи, а все свѣдѣнія, на основаніи инструкціи, должны были относиться и дѣйствительно относились только къ постоянному населенію. Французская инструкція довольно подробно останавливается на разъясненіи того что должно понимать подъ этимъ постояннымъ населеніемъ, а такое разъясненіе тамъ совершенно необходимо для предупрежденія разныхъ могущихъ вкрасться, въ виду неясности самаго понятія, особенно въ приложеніи его къ дѣйствительности; ошибокъ, хотя и нельзя сказать чтобъ инструкція совершенно удачно разбивала все возможные тутъ недоразумѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и сама не представляла поводовъ къ ошибкамъ, ввода иногда уже слишкомъ тонкія для практики различія, напримѣръ между рабочими занятыми работою въ мѣсто своего постоянного жительства и возвращающимися на извѣстное время домой и рабочими лишь на короткое время приходящими домой, между лицами подвергнутыми аресту какъ наказанію и подвергнутыми предварительному аресту, между такими учениками, интернами учебныхъ заведеній, родители которыхъ живутъ въ той же мѣстности, гдѣ находится и само учебное заведеніе, и такими, коихъ родители имѣютъ другое мѣстопробываніе и т. п. Едва ли все подобныя различія не въ состояніи подать поводъ къ ошибкамъ и двойнымъ записямъ. Наконецъ, нѣкоторые разряды населенія, какъ-то: войска, лица содержащіеся въ тюрьмахъ и подъ арестомъ, больные, помѣщавшіеся въ сумасшедшихъ домахъ и больницахъ, учащіеся въ разнаго рода школахъ, лицейхъ, семинаріяхъ и пансіонахъ, члены различныхъ религіозныхъ конгрегацій, моряки, находившіеся въ долговременномъ плаваніи, переписывались во Франціи не поименно, какъ остальное населеніе и какъ то имѣло мѣсто въ Германіи, а огуломъ, en bloc, и причина мотивировавшая во французской инструкціи такое изыятіе ихъ изъ общей поименной переписи замѣчательна для насъ особенно въ томъ отношеніи что она указываетъ на побужденіе которое заставило во Франціи обойти при переписи и наличное населеніе, въ противность всемъ постановленіямъ международнаго статистическаго конгресса и требованіямъ науки. Причина этого заключается просто въ томъ что все вышеприведенныя разряды населенія (войска и т. д.) не принимаются во

Франціи въ разчетъ ни при разложеніи налоговъ, ни при приложеніи дѣйствій муниципальныхъ законовъ, между тѣмъ какъ всѣ жители подлежавшіе тамъ поименной переписи составляли изъ себя то нормальное, по выраженію французской инструкціи, населеніе (population normale), на которое разлагались налоги. Не ясно ли изъ этого что французская перепись имѣла въ виду главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, лишь одни фискальные и административные интересы и довольно мало, чтобы не сказать большаго, заботилась о научныхъ? А это едва ли можно поставить ей въ огромное достоинство: извѣстно какъ строго осуждаетъ наука статистики образъ дѣйствій подобный вышеупомянутому при производствѣ статистическихъ операцій.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ свѣдѣніямъ которыя собирались о населеніи въ послѣднія переписи во Франціи и въ Германіи. Что касается первой, то тамъ въ карточкахъ поставлены были нижеслѣдующіе вопросы: 1) имя и фамилія, 2) полъ, 3) возрастъ, 4) семейное состояніе (холостъ, женатъ, вдовъ), 5) занятіе, 6) происхожденіе, 7) національность, 8) тѣлесные и душевные недостатки (глухъ, слѣпъ, сумашедшій, идиотъ и т. п.). Въ Германіи эти вопросы касались: 1) имени и фамиліи, 2) пола, 3) возраста, 4) семейнаго состоянія, 5) вѣроисповѣданія, 6) національности, 7) мѣстожительства, наконецъ 8) занятія (послѣдній вопросъ разбивался тамъ на нѣсколько). Слѣдовательно, если мы и замѣчаемъ нѣкоторую разницу между обѣими странами, то вообще весьма незначительную, конечно, не принимая во вниманіе того факта что въ Германіи перепись населенія 1875 года была соединена съ промысловою и отдавая изъ поставленныхъ вопросовъ все то что касалось непосредственно послѣдней. Такъ обозначеніе возраста въ нѣмецкой переписи требовалось по дню рожденія (родился такого-то дня, мѣсяца и года), что очевидно предпочтительнѣе въ отношеніи къ точности доставляемыхъ результатовъ предъ обозначеніемъ возраста по годамъ (такихъ-то лѣтъ), какъ то было принято въ большей части случаевъ во французской переписи (замѣтимъ что и тамъ въ инструкціи также упоминалось что хорошо было бы еслибы вмѣсто возраста спрашивался вездѣ, гдѣ только возможно, годъ рожденія). Кромѣ того, во Франціи былъ выкинутъ вопросъ о вѣроисповѣданіи; наоборотъ, въ Германіи вопросы о

происхожденіи и о тѣлесныхъ и душевныхъ недостаткахъ, хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, напримѣръ въ Берлинѣ, свѣдѣнія о послѣднихъ и собирались. Далѣе, вопросъ о степени образованности былъ опущенъ какъ въ той, такъ и въ другой странѣ, о чемъ конечно нельзя не пожалѣть. Наконецъ свѣдѣнія о занятіяхъ собирались въ первой безо всякихъ подробностей, и по инструкціи требовалось лишь указаніе на то, къ какой изъ поименованныхъ въ ней довольно малочисленныхъ и крупныхъ группъ относилось данное лицо по своей профессіи, между тѣмъ какъ въ послѣдней, по причинѣ уже выше названной, этому вопросу дано было особое развитіе; такъ напримѣръ главное занятіе данного лица (Hauptberuf) обозначалось отдѣльно отъ побочных (Nebenbeschäftigung), причемъ подъ главнымъ разумѣлось то которое составляло и главный источникъ дохода его, а подъ побочными тѣ которыя, не совмѣщая въ себѣ указаннаго признака, тѣмъ не менѣе носили характеръ промысловый; требовалось также обозначеніе качества, въ какомъ данное лицо занималось извѣстнымъ промысломъ, самостоятельно ли, какъ хозяинъ, какъ компаніонъ, арендаторъ, администраторъ, или не самостоятельно, какъ прикащикъ, надсмотрщикъ, какъ простой работникъ, подмастерье, ученикъ, поденщикъ. Впрочемъ болѣе подробное разсмотрѣніе всего этого отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашего предмета.

Но я не могу удержаться чтобы не сказать здѣсь хотя вѣсколько еще словъ о томъ, какъ вообще ставится въ переписяхъ народонаселенія вопросъ о занятіяхъ. Замѣчательно что вопросъ этотъ обыкновенно всегда и вездѣ подаетъ поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, безъ которыхъ, кажется, до нынѣ дѣло еще ни разу не обходилось. И это, по моему мнѣнію, происходитъ главнымъ образомъ отъ того что онъ въ той формѣ, въ которой его обыкновенно предлагаютъ въ переписныхъ формулярахъ, далеко не заключаетъ въ себѣ достаточной ясности. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ что самое понятіе занятія само по себѣ болѣе или менѣе неопредѣленно и что подъ нимъ можно разумѣть всякую вообще дѣятельность, на что бы она ни была направлена и какой бы характеръ она ни имѣла, между тѣмъ какъ переписи есть дѣло только до производительной въ экономическомъ смыслѣ слова дѣя-

тельности населенія, нельзя не замѣтить что самый вопросъ въ переписяхъ о томъ, чѣмъ занимается данное лицо, распадается естественнымъ образомъ по крайней мѣрѣ на два самостоятельныхъ вопроса, изъ которыхъ первый касается собственно занятія лица, а второй того, на какія средства оно живетъ. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, стоитъ лишь внимательно ознакомиться съ инструкціями касательно производства переписей въ любомъ государствѣ, гдѣ эти переписи существуютъ, а тѣмъ болѣе съ отвѣтами даваемыми населеніемъ на означенный вопросъ и часто гласящими что извѣстное лицо *занимается тѣмъ что живетъ на средства родныхъ* и т. п. Очевидно, что такіе отвѣты не относятся къ вопросу, а между тѣмъ они даже допускаются инструкціями. Слѣдовательно тутъ непремѣнно должно быть недоразумѣніе, корень котораго несомнѣнно лежитъ въ неясности вопроса. Дѣйствительно, извѣстное лицо можетъ въ данное время или даже вообще ничѣмъ не заниматься въ томъ смыслѣ, въ какомъ я говорилъ выше, а жить на средства полученные имъ, напримѣръ, въ наслѣдство; оно и лишеть въ переписномъ формулярѣ послѣднее, такъ какъ отвѣтъ „ничѣмъ“ вообще инструкціями не допускается. Или лицо можетъ получать средства къ существованію вовсе не отъ своего занятія, напримѣръ оно можетъ заниматься даровымъ обученіемъ дѣтей, жить же на свой капиталъ; а этотъ случай при производствѣ переписи обыкновенно даже вовсе и не предвидится. Наконецъ можно привести даже такой случай, когда извѣстное занятіе не только не будетъ доставлять данному лицу средствъ къ жизни, но напротивъ требовать отъ него на себя издержекъ. Послѣднее имѣетъ обыкновенно мѣсто тогда когда лицо еще только готовится къ той или другой профессіи; таковы, напримѣръ, студенты университетовъ и разныхъ специальныхъ школъ, а равно и учащіеся въ разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, также обучающіеся разнымъ ремесламъ и мастерствамъ и т. д. Назвать занятія всѣхъ этихъ лицъ непроизводительными было бы совершенно ошибочно, а между тѣмъ едва ли многія изъ такихъ лицъ получаютъ средства къ существованію именно отъ этихъ своихъ занятій. Напримѣръ, даже весьма часто самыя эти ихъ занятія требуютъ отъ нихъ на себя еще издержекъ, на которыя они и достаютъ иногда средства помощью другихъ занятій,

напримѣръ суденты помощью частныхъ уроковъ. Въ переписяхъ всѣ такіе случаи обыкновенно не имѣютъ мѣста; а между тѣмъ о подобныхъ занятіяхъ, которыя даже нельзя назвать и побочными въ томъ смыслѣ, въ какомъ это, какъ мы видѣли, было принято въ последней германской переписи, было бы очень важно имѣть свѣдѣнія. Такимъ образомъ, вопросъ о занятіяхъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ обыкновенно ставится въ переписяхъ, не обнимая собою всѣхъ возможныхъ въ дѣйствительной жизни случаевъ и составляя въ сущности соединеніе въ одно двухъ различныхъ вопросовъ, необходимо является причиной многихъ неточностей въ отвѣтахъ на него, а слѣдовательно и неудовлетворительности получаемыхъ результатовъ. Между тѣмъ устроить все это очевидно дѣло вовсе не такой трудности и именно путемъ болѣе ясной постановки самого вопроса. Будемъ же надѣяться что намъ недолго придется ждать такого улучшенія въ переписныхъ формулахъ.

Мнѣ остается рассмотреть теперь разработку во Франціи и въ Германіи собранныхъ во время переписи данныхъ. Что касается до первой страны, то тамъ эта разработка, какъ и все остальное, лежала опять-таки на обязанности мѣстныхъ властей и производилась слѣдующимъ образомъ. Тотчасъ же по окончаніи сбора переписныхъ карточекъ, меромъ или его агентами составлялся на основаніи заключающихся въ этихъ карточкахъ свѣдѣній поименный списокъ всѣхъ жителей общины, причѣмъ послѣдніе располагались въ списокѣ по кварталамъ, внутри кварталовъ по улицамъ, въ улицахъ по домамъ, наконецъ въ домахъ по хозяйствамъ (*menages*). Списокъ заключалъ въ себѣ также еще слѣдующія свѣдѣнія противъ имени каждаго лица: о занятіяхъ его, семейномъ состояніи, возрастѣ, происхожденіи (точнѣе мѣторожденіи его, *son lieu de naissance*), національности и въ заключеніе еще одну графу для особыхъ замѣчаній, какъ-то: объ отсутствіи даннаго лица изъ общины, о томъ не принадлежитъ ли оно къ числу нищихъ, не найденышъ ли оно, не имѣетъ ли какихъ-либо тѣлесныхъ или душевныхъ недостатковъ. Закачивался этотъ списокъ краткимъ свѣдомъ свѣдѣній объ общемъ числѣ жителей общины какъ переписанныхъ поименно, такъ и сосчитанныхъ огуломъ (*en bloc*), по каждой категоріи отдѣльно, съ обозначеніемъ ихъ семейнаго состоянія и національности, а также о количествѣ

населенія живущаго скученно (*population agglomérée*) т.-е. составляющаго извѣстное населенное мѣсто, и живущаго разбросанно (*population éparse*), въ домахъ стоящихъ отдѣльно и не входящихъ по своему изолированному положенію въ составъ какой-либо общины непосредственно, какъ фермы, усадьбы, дачи и т. д., находящіяся за чертой населеній. Такимъ образомъ списокъ этотъ представлялъ собою повтореніе въ извѣстномъ указанномъ мѣсто порядкѣ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ о населеніи во время переписи; онъ предназначался преимущественно быть источникомъ для послѣдующихъ административныхъ справокъ всякаго рода. Нельзя не сознаться что съ теоретической точки зрѣнія весьма трудно объяснить себѣ цѣль и пользу подобныхъ списковъ. Замѣчательно то что они составляются нынѣ едва ли не въ одной только Франціи; да и вообще такіе списки съ научной стороны мало заслуживаютъ одобренія, особенно въ виду ихъ слишкомъ явнаго фискальнаго и полицейскаго характера. На послѣднее указываетъ между прочимъ и самая пошленность ихъ, которую положительно слѣдуетъ признать вредящею въ сильной степени дѣлу и возбуждающею недовѣріе населенія ко всей операціи переписи, да къ тому же и нисколько не нужною для тѣхъ видовъ которымъ должна и можетъ служить перепись и въ числѣ которыхъ конечно нѣтъ никакого мѣста интересамъ принадлежащимъ къ вышеупомянутымъ категоріямъ. Повторю еще разъ, наука статистики строго требуетъ чтобы въ статистическія операціи не приходили никоимъ образомъ чисто административные, а тѣмъ болѣе полицейскіе интересы, если желается чтобы собранныя свѣдѣнія отличались сколько-нибудь достоверностью.

По окончаніи пошленнаго списка, одинъ экземпляръ котораго отсылался немедленно въ префектуру, а другой оставался въ архивахъ мѣстной меріи, приступалось опять тѣмъ же меромъ и его агентами къ составленію дальнѣйшихъ таблицъ, указанныхъ въ министерской инструкціи, а именно таблицъ представлявшихъ распредѣленіе жителей по ихъ національностямъ (подробно), возрастамъ (погодню до 25 лѣтъ и по понятілѣтіямъ далѣе), семейному состоянію, занятіямъ; при этомъ послѣднія раздѣлялись на слѣдующія семь группъ: 1) земледѣліе, 2) промышленность, 3) торговля, 4) свободныя профессіи (*professions libérales*), 5) лица

живущія исключительно доходами со своихъ капиталовъ и государственные пенсіонеры, 6) нищіе, бродяги и лубличныя женщины, и наконецъ 7) лица занятія которыхъ неизвѣстны или неопредѣлены. Группировку эту можно очевидно упрекнуть во многихъ недостаткахъ, изъ коихъ главнымъ являются слишкомъ крупныя подраздѣленія въ ней группы. Такъ во второй группѣ промышленность подраздѣлена была всего лишь на 1) крупную, заключавшую въ себѣ и горную и заводскую всѣхъ родовъ и фабричную и мануфактурную, и 2) мелкую, куда были отнесены заодно всѣ, выражаясь словами инструкции, ремесла и искусства (*arts et métiers*); далѣе въ группѣ торговой находилось всего два подраздѣленія: торговля оптовая и торговля мелочная и т. д.

Если къ вышеназваннымъ таблицамъ прибавить еще одну о тѣлесныхъ и душевныхъ недостаткахъ жителей, то для Франціи перечень и будетъ совершенно полнымъ. Всѣ эти таблицы, по окончаніи ихъ составленія, отсылались меромъ въ префектуру, гдѣ изъ нихъ уже и вырабатывались общія таблицы по цѣлому департаменту. Изъ числа послѣднихъ прежде всего составлялась таблица показывавшая распредѣленія населенныхъ мѣстъ департамента по числу жителей (ниже 100 человекъ, отъ 100—200, отъ 200—300 и т. д.), затѣмъ таблица населенія департамента по округамъ, кантонамъ и коммунамъ сравнительно съ ихъ населеніемъ по предшествовавшей переписи. Послѣ этого и изъ остальныхъ доставленныхъ мерами таблицъ, въ префектурѣ составлялись общія таблицы по цѣлому департаменту совершенно по той же формѣ и касательно тѣхъ же самыхъ предметовъ какъ и тѣ. Дубликаты всѣхъ составленныхъ таблицъ препровождались немедленно въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Парижъ, откуда они наконецъ поступали въ статистическое отдѣленіе министерства земледѣлія и торговли, и тамъ уже производился общій сводъ ихъ для всей Франціи. Таковъ былъ процессъ обработки послѣдней французской переписи.

Что касается Германіи, то въ ней этотъ процессъ совершался нѣсколько иначе. Именно, тамъ тотчасъ же по окончаніи переписи каждый счетчикъ, внеся только въ свой списокъ домовъ число лицъ оказавшихся въ каждой квартирѣ, препровождалъ всѣ собранныя имъ карточки,

списки и т. п. немедленно въ переписную комиссію, гдѣ они подвергались вновь тщательной провѣркѣ и гдѣ затѣмъ составлялся на основаніи домовыхъ списковъ счетчиковъ общій краткій обзоръ результатовъ переписи для той мѣстности, которая была райономъ дѣйствія комиссіи. Въ обзорѣ этомъ помѣщались наименованія населенныхъ мѣстъ, число оказавшихся въ нихъ домовъ, обитаемыхъ и необитаемыхъ особо, а также число хозяйствъ и учреждений (Anstalten), наконецъ количество жителей съ раздѣленіемъ послѣднихъ на мужчинъ и женщинъ, на наличныхъ и отсутствующихъ. Послѣ этого комиссія пересылала всѣ находившіеся у нея въ рукахъ матеріалы и таблицы къ окружному начальству (Kreisbehörden). Тамъ ихъ еще разъ провѣряли, составляли такой же общій обзоръ результатовъ переписи для всего округа, какъ и предыдущій, и въ той же самой формѣ, а затѣмъ препровождали все прямо въ статистическія бюро, гдѣ матеріалы, карточки, таблицы и т. д., послѣ новаго окончательнаго просмотра, подвергались уже обработкѣ въ собственномъ смыслѣ слова, тогда какъ до того времени они въ сущности лишь провѣрялись и контролировались въ разныхъ инстанціяхъ. Въ статистическихъ бюро на основаніи ихъ прежде всего составлялась таблица показывавшая для каждаго населеннаго мѣста число находящихся въ немъ хозяйствъ одиначныхъ, т. е. состоящихъ только изъ одного лица (Einzelhaushaltungen), и многочисленныхъ, состоящихъ изъ болѣе чѣмъ одного члена, число находящихся въ немъ разныхъ учреждений для совместнаго жительства (Anstalten) и наконецъ количество его населенія, причеиъ послѣднее подраздѣлялось въ таблицѣ на военное и гражданское и какъ то такъ и другое показывалось съ различеніемъ по національностямъ, хотя и очень кратко; такъ въ прусскомъ статистическомъ бюро различались: Пруссы, остальные Нѣмцы, иностранцы. Слѣдующая составлявшаяся таблица представляла распредѣленіе населенія по возрастамъ въ связи съ національностью, опять для гражданского и военного населенія особо; возрастать при этомъ показывался отъ 0 до 10 лѣтъ годово, отъ 10 до 20 лѣтъ до лѣтислѣтіямъ, выше же 20 лѣтъ до десятилѣтіямъ. Что касается наконецъ до третьей таблицы, имѣвшей своимъ предметомъ занятія жителей, то она

отличалась очень обширнымъ объемомъ и очень подробною классификаціей, именно всѣ промыслы были въ ней раздѣлены на 19 группъ и болѣе чѣмъ на 225 отдѣловъ; но конечно сравнивать эту таблицу съ соотвѣтственною ей французскою таблицей было бы большою ошибкой, такъ какъ въ Германіи данныя о занятіяхъ жителей собирались въ послѣднюю перепись народонаселенія особенно полно, потому что тамъ съ этою переписью соединена была и промысловая.

Бросая теперь общій взглядъ на разработку переписныхъ данныхъ въ Германіи и во Франціи, мы можемъ сказать что въ первой изъ нихъ въ основу этого послѣдняго акта народной переписи положено было то что можно назвать принципомъ централизаціи работъ, если касательно еще не всей Германской Имперіи, что очевидно пока еще невозможно, то по крайней мѣрѣ касательно каждаго изъ отдѣльных входящихъ въ составъ ея государствъ: Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга и т. д. Выгоды такой системы слишкомъ очевидны, потому что, не говоря уже о томъ что посредствомъ ея получалось очень значительное сокращеніе труда и времени, потребныхъ на обработку матеріаловъ, но кромѣ того она давала еще возможность достигнуть такой точности въ результатахъ и такого единообразія въ разработкѣ матеріаловъ, какія положительно невозможны были бы при другихъ условіяхъ. Именно, скорость и точность достигались въ ней тѣмъ что таблицы составлялись непосредственно изъ переписныхъ карточекъ, а единообразіе тѣмъ что всею разработкой руководило одно и то же лицо. Особенно послѣднее гораздо болѣе важно, чѣмъ обыкновенно кажется съ перваго взгляда, такъ какъ на практикѣ, какъ бы ни были точно выработаны теоретическія рубрики, какъ бы ни были ясны и тверды опредѣленія и разграниченія, все-таки постоянно встрѣтятся такъ много случаевъ не подходящихъ прямо подъ нихъ, такъ много недоразумѣній, и притомъ самыхъ разнообразныхъ, что необходимо появляются весьма значительныя разности при ихъ разрѣшеніи, если всею разработкой не завѣдуетъ одно и то же опытное и компетентное въ дѣлѣ лицо. Это явленіе хорошо извѣстно всякому занимавшемуся практическою разработкой вообще всякихъ статистическихъ

данныхъ, а особенно переписныхъ *. Между тѣмъ во Франціи не только не было хотя какой-нибудь централизаціи работъ, но даже почти совершенно не встрѣчаемъ мы и приложенія столь упрощающаго трудъ и сберегающаго время метода разработки статистическихъ матеріаловъ при посредствѣ карточекъ. Наконецъ къ тому же и самая разработка поручена была тамъ такимъ некомпетентнымъ въ дѣлѣ статистики лицамъ, каковы меры, которые лишь очень рѣдко имѣютъ возможность или надобность обращаться со статистическими данными. Понятно, насколько можно ожидать тамъ при такихъ условіяхъ отъ этой разработки хорошихъ результатовъ и насколько тщательно и единообразно могло быть производство ея.

Въ одномъ изъ засѣданій Парижскаго Общества Политической Экономіи, происходившемъ, если я не ошибаюсь, въ маѣ или іюнѣ прошлаго года, двумя изъ его членовъ, и въ томъ числѣ извѣстнымъ Гарнье, было высказано мнѣніе что французская статистика въ теченіе послѣднихъ 30—40

---

* Приведу здѣсь въ доказательство хотя слѣдующее изъ моей собственной практики. Когда я, занимаясь разработкой матеріаловъ послѣдней переписи въ прусскомъ королевскомъ статистическомъ бюро, приступилъ къ составленію по порученному мнѣ округу промысловыхъ таблицъ, то несмотря на чрезвычайно подробный классификаціонный списокъ промысловъ, составленный для Германіи на основаніи всевозможныхъ технологій, каталоговъ всемірныхъ и иныхъ выставокъ, прежнихъ классификацій и т. д. особою комиссіей изъ лучшихъ нѣмецкихъ статистиковъ для усовершенствованія нѣмецкой промысловой статистики и данный намъ въ руководство, мнѣ не только попадались, какъ впрочемъ и другимъ моимъ соотаварищамъ по работѣ, въ переписныхъ карточкахъ такіе промыслы и занятія, которыхъ въ этомъ списокѣ не находилось, но даже часто возникали недоразумѣнія въ родѣ того, къ какой изъ двухъ родственныхъ группъ отнести извѣстный промыселъ, получившій вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ такой особенный мѣстный характеръ, который ставилъ его въ связь и съ тою и съ другою группой. А двойныя занятія и промыслы, особенно когда они не могутъ быть подведены подъ понятіе главнаго и побочнаго (*Haupt- und Nebenbeschäftigung*), каковы напримѣръ, портные зимой—штукатуры лѣтомъ Бронцакаго уѣзда, Московской губерніи? Сколько такіе случаи способны вызвать недоразумѣній, такъ какъ въ дѣйствительности едва ли есть какая-нибудь возможность знать или предвидѣть ихъ всѣ.

лѣтъ положительно нисколько не пошла впередъ, а скорѣе назадъ, и что въ настоящее время она во всякомъ случаѣ находится далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, въ какомъ была въ 1830хъ годахъ, когда во главѣ ея стоялъ Моро - де - Жюинесъ. Мы можемъ теперь прибавить что последняя французская перепись не только не опровергаетъ такого мнѣнія, но напротивъ даже даетъ еще новыя доказательства тому что Франція за последнее время осталась совершенно равнодушною къ усилѣніямъ сдѣланнымъ вообще статистикой и статистическою практикой и нисколько не воспользовалась ими, такъ что нельзя еще разъ не сознаться, что образъ производства и разработки въ ней этой столь важной статистической операціи стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ много ниже того который годомъ ранѣе примѣнялъ былъ въ сосѣдней ей странѣ, Германіи.

С. МАТВѢЕВЪ.

Іюль 1877.

ОТЪ ОКОНЧАНІЯ УНИВЕРСИТЕТСКАГО КУРСА

ДО НАЧАЛА ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ

(1826—1832)

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕЛОВѢКА) *

Окончивъ курсъ ученія, я не разстался съ университетомъ: я началъ въ немъ мою службу. Григорій Ивановичъ Фишеръ предложилъ мнѣ одну изъ Стевенскихъ стипендій, опредѣленныхъ на содержаніе двухъ студентовъ, которые преимущественно занимаются зоологіей и ботаникой. Это предложеніе было мнѣ вдвойнѣ пріятно: я получалъ жалованья триста рублей (ассигнаціями) и кромѣ того оставался при мѣстѣ моего высшего образованія, имѣя въ виду вести его дальше, то-есть готовиться къ магистерскому экзамену. На занятіе кафедры я вовсе не разчитывалъ, зная что были лица уже пріобрѣтшія на нее несомнительныя права, и особенно сынъ Григорія Ивановича. И независимо отъ кафедры, степень магистра представляла выгоду: она давала девятый классъ. А если ужъ думать о чинахъ (кто тогда о нихъ не думалъ?), то не лучше ли выбрать для того путь ученыхъ

---

* Статья лятая. Первые четыре напечатаны въ *Русск. Вѣстн.* 1875 ноябрь и 1876 май, октябрь и ноябрь.

занятій, приходившихся мнѣ по сердцу, нежели путь гражданской службы, къ которой я не чувствовалъ наклонности?

Обязанность Стевенскихъ стипендіатовъ была очень льготная. Все дѣло заключалось въ томъ чтобы присутствовать въ Зоологическомъ музеѣ каждое воскресенье, когда онъ открывался для публики, показывать и объяснять посетителямъ неизвѣстные имъ предметы. Могли, конечно, даваться и особыя порученія отъ профессора зоологіи какъ директора музея, но таковыхъ въ мое время видно не представлялось. Въ замѣнъ ихъ я переводилъ съ французскаго нѣкоторыя статьи Г. И. Фишера объ ископаемыхъ животныхъ и переводы помѣщалъ въ *Новомъ Магазины Натуральной Исторіи*. Для того же журнала началъ я переводить знаменитое твореніе Кювье: *Discours sur les révolutions du globe*, но трудъ оказался неудачнымъ по недостаточному знакомству съ предметомъ книги, требовавшимъ зрѣло научнаго изложенія; почему я прекратилъ его по напечатаніи нѣсколькихъ отрывковъ.

Въ 1827 году кандидатъ Григоровичъ, исполнявшій въ правленіи Университета должность переводчика и при цензурномъ комитетѣ лица, заболѣлъ серіозною болѣзнію. Для совершеннаго выздоровленія его потребовалось продолжительное время, и правленіе поручило эти два занятія мнѣ. Секретаремъ цензурнаго комитета, состоявшаго при Университетѣ, былъ тогда П. В. Побѣдоносцевъ, преподаватель на первомъ курсѣ русской словесности. Комитетъ собирался разъ въ недѣлю, и моя работа состояла въ переписываніи набѣло комитетскихъ журналовъ. Я съ удовольствіемъ занимался этимъ дѣломъ, потому что могъ видѣть и профессоровъ, заходившихъ къ секретарю побесѣдовать, или взглянуть на новыя произведенія русской словесности, и на господъ сочинителей и переводчиковъ, приносившихъ свои рукописи, и на посыльныхъ изъ книжныхъ лавокъ и типографіи, получавшихъ билеты на выпускъ отпечатанныхъ книгъ. Последнему разряду посѣтителей Петръ Васильевичъ обыкновенно говаривалъ: „скажи, братецъ, своему хозяину чтобъ онъ и мою бібліотеку не обошелъ экзemplарикомъ.“ Цензорами были профессора, иногда по назначенію комитета, а иногда по собственному ихъ желанію. Такъ Д. М. Перевощиковъ усердно просилъ присылать ему переводы романовъ Вальтеръ Скотта, которые начали тогда

появляться и которые онъ читалъ съ жадностію; ради интереснаго содержанія онъ мирился съ самымъ плохимъ переводомъ, въ добавокъ иногда написаннымъ дурнымъ, нечеткимъ почеркомъ. Чаше другихъ являлся И. М. Снигиревъ, не столько за дѣломъ сколько за оборотомъ матеріаловъ для гауленія и сатирико-скандальныхъ разказовъ. Нерѣдко навѣщали насъ профессоръ медицинскаго факультета В. М. Котельницкій, о которомъ будетъ рѣчь впереди, и Мерзляковъ, бравшій на прочтеніе новыя книги изъ библіотеки комитета. Живо помню, какъ послѣдній, возвращая *Цыганъ* Пушкина, съ негодованіемъ бросилъ ихъ на столъ.

— Ну что, Алексѣй Федоровичъ, понравилось ли вамъ? спросилъ его Побѣдоносцевъ.

— Низко, скверно, пусто и больше ничего.

Въ цензурномъ же комитетѣ встрѣтилъ я въ первый разъ пріятеля Пушкина, блистательнаго Соболевскаго. Я былъ пораженъ изящнымъ его костюмомъ, здоровьемъ, красивостью и свободною ловкостью обращенія, выказывавшаго самоувѣренность. Онъ представилъ экземпляръ *Братьевъ Разбойниковъ* для втораго изданія. На заглавномъ листѣ вмѣсто прежней цѣны (20 коп.) выставлено было 10 коп.

— Развѣ первое изданіе все разошлось? полюбопытствовалъ секретарь.

— Нѣтъ, не все, но книгопродавецъ Ширяевъ, купившій его, сталъ возвышать своевольно цѣну; между тѣмъ публика и безъ того жалуется что Пушкинъ дорого пускаетъ въ продажу свои сочиненія. Второе изданіе будетъ вдвое дешевле: это и остановитъ расчеты торгашей книгопродавцевъ.

Но Ширяевъ, арендаторъ университетской книжной лавки, былъ самъ не промахъ: находчивый и неподатливый, когда съ нимъ хотѣли обращаться безцеремонно, онъ провѣдалъ о замыслѣ Соболевскаго и немедленно подвелъ контръ-ману. Черезъ нѣсколько дней явилось въ *Московскія Вѣдомостя* объявленіе отъ Ширяева о продажѣ *Братьевъ Разбойниковъ*. Цѣна значилась прежняя 20 коп., но вслѣдъ за симъ прибавлено: „а по выходѣ въ свѣтъ втораго изданія будетъ продаваться по 5 копѣекъ“.

Я упомянулъ о Васильѣ Михайловичѣ Котельницкомъ, посѣщавшемъ церзурный комитетъ. Здѣсь онъ познако-

мился со мною и почему-то почувствовалъ ко мнѣ особенное расположеніе. Въ 1826 году онъ занималъ должность инспектора своекоштныхъ студентовъ, но чрезъ годъ былъ поставленъ въ инспекторы надъ казенными, находившимися въ вѣдѣніи профессора прикладной математики Ѳедора Ивановича Чумакова,—говорю „поставленъ“, такъ какъ перемѣна совершилась словеснымъ распоряженіемъ новаго полечителя, генералъ-майора Александра Александровича Писарева. Котельницкій жаловался ему на трудность надзора за приходящими слушателями.

— Понимаю, отвѣчалъ смѣясь полечитель:—твое брюшко мѣшаетъ дѣятельности. Ну что жь? помѣняйся ролью съ Ѳедоромъ Ивановичемъ: ты будешь инспекторомъ надъ студентами живущими въ стѣнахъ университета, а онъ займетъ твоѣ мѣсто.

Надобно замѣтить что Писаревъ, хотя и могъ считаться литераторомъ, какъ устроитель литературныхъ собраній въ Калугѣ, гдѣ находился штабъ его, и какъ издатель сборника (*Калужскіе Вечера*, 1825) сочиненій и переводовъ, которые были читаны на этихъ собраніяхъ военными литераторами и надъ которыми, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, современная критика посмѣивалась, однакожъ, привыкнувъ въ своемъ прежнемъ кругу къ патріархальному обращенію съ подчиненными, онъ, въ сущности добрый челоѣкъ, позволялъ себѣ и въ университетскомъ обществѣ фамильярность съ нѣкоторыми лицами, конечно не видѣвшими въ томъ никакой порухи ихъ значенію. Другіе думали не такъ и потому держали себя иначе, что и давало поводъ къ столкновеніямъ. Однажды Сандуновъ, профессоръ русскаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, завелъ съ полечителемъ свободное и неуступчивое сужденіе о какомъ-то дѣлѣ. Послѣдній, раздраженный возраженіями, громко замѣтилъ:

— Вы забываете съ кѣмъ говорите.

— Нѣтъ, рѣзко отвѣчалъ Сандуновъ,—я очень хорошо помню что мое превосходительство говорить съ вашимъ превосходительствомъ.

Итакъ переименованный, по щучьему велѣнію, изъ инспектора своекоштныхъ студентовъ въ инспектора казеннокоштныхъ, Котельницкій сталъ уговаривать меня вступить въ число его помощниковъ. Я сдался на уговоръ. Хотя должность субъ-инспектора не приносила никакого вознагра-

жденія, но вѣдь и обязанности, съ нѣю соединенныя и очень точно изложенныя въ инструкціи, на самомъ дѣлѣ никогда почти не исполнялись, не потому что служба была *gratis* и слѣдовательно не стоила труда, а потому что и при окладѣ она не могла отправляться иначе. Чтò предписывалось помощникамъ инспектора? „Имѣть надзоръ за тишиною и пристойностію въ классахъ; смотрѣть чтобы студенты приходили на лекціи въ форменной одеждѣ, слушниковъ же высылать изъ аудиторіи и въ спискахъ отмѣчать ихъ выбывшими“ (т.-е. не бывшими на лекціяхъ). Правила очень простыя, но надобно представить себѣ характеръ тогдашнихъ отношеній студентовъ и къ инспекторамъ изъ профессоровъ и къ субъ-инспекторамъ изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ,—между которыми нѣкие, какъ я напримѣръ, были въ прошломъ году ихъ товарищами—чтобы понять, какъ на подобныя правила смотрѣли обѣ стороны. Эти отношенія отличались близостью, нестѣснительностію. Студенты не смотрѣли на инспектора какъ на личнаго врага, съ одинаковымъ вкусомъ и любовью отыскивающего и крупныя и мелкія провинности. Они не сторонились отъ него и не боялись его, но легко могли питать къ нему доброе расположеніе. Такимъ же инспекторомъ какъ Котельницкій они даже забавлялись и, не избѣгая съ нимъ встрѣчи словно какой-то бѣды, напротивъ, любили зрѣть его, какъ занимательный въ своемъ родѣ субъектъ. Самыя изысканія, соотвѣтственно характеру изыскивающихъ, не представляли обидно-раздражающихъ свойствъ.

Василій Михайловичъ былъ дѣйствительно *занятою*, всѣми искомою личностію. Не знаю почему студенты прозвали его Котельфисомъ. Цѣлый циклъ сказаній сложили они объ его профессорской и инспекторской карьерахъ и даже думали вослѣть его въ „Котельфисіадѣ“. Читатель дозволить мнѣ подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми подвигами героя этой предположенной, но не явившейся въ свѣтъ поэмь.

Начну съ его профессорства. Читалъ онъ фармакологию, руководствуясь сочиненіемъ Пленка или какъ онъ говорилъ „по Пленку“. Прочитавъ известное число страницъ, онъ каждую лекцію заключалъ однимъ и тѣмъ же финаломъ: „вотъ какъ думаетъ господинъ Пленкъ; что касается до меня, то и я... того же мнѣнія.“ За тѣмъ запи-

балъ уголокъ въ книгѣ, чтобы видѣть, откуда должна начаться слѣдующая лекція. Приносилъ онъ „господина Пленка“ въ заднемъ карманѣ фрака. Войдя въ аудиторію, онъ обыкновенно обращался къ ближайшему студенту: „ну-ка, батенька, ты молодой челоѣкъ, помоги достать книжку изъ кармана: у меня, старика, и руки ужъ не гибки, да и спина что-то ломить.“ Студентъ, разумѣется, помогаетъ охотно. Но однажды, ради смѣха; онъ, вынувъ книгу, отогнулъ уголокъ и загнулъ новый, чрезъ нѣсколько страницъ впередъ. Ничего не подозревая, Котельницкій начинаетъ лекцію: „Въ прошлый разъ, господа, мы говорили о свойствахъ тростника; перейдемъ теперь къ его употребленію. *Изъ него строятъ дома...* то-есть домики, дѣтскія игрушки, что продаются въ лавкахъ. *Корабли...* ну да, тоже кораблики и лодочки для забавы ребятъ; вы чай видали какъ въ деревняхъ мальчишки спускали такіа лодочки на лужи и любовались ихъ плаваніемъ. *Въ вышину достигаетъ десяти и болѣе саженъ, въ діаметръ бываетъ....* в, э! господа, это что-то не такъ. А вотъ что: по ошибкѣ раскрылъ я книгу не на той страницѣ. Ну, это не бѣда: сказанное о тростникѣ надобно разумѣть о дубѣ.“ *

Какъ профессоръ медицинскаго факультета, Котельницкій имѣлъ пациентовъ, но его врачебная практика была очень неважная. На этомъ поприщѣ первенствовали тогда терапевтъ—Мудровъ и хирургъ Мухинъ. Одно время Василій Михайловичъ читалъ лекціи въ нижнемъ этажѣ университетскаго флигеля, въ верхнемъ этажѣ котораго помещалась аптека. Окна аудиторіи выходили на улицу (Моховую); въ нихъ были уже выставлены внутреннія рамы. Разъ, какъ-то въ апрѣлѣ или въ маѣ, при самомъ началѣ лекціи, раздалось на улицѣ похоронное пѣніе. Василій Михайловичъ остановился: „ну-ка, господа, посмотримъ, кто отправился ad patres.“ Съ этими словами онъ, а за нимъ и всѣ студенты гурьбой встаютъ съ своихъ мѣстъ, растворяютъ окна и по-полюсъ высовываются изъ нихъ. Хоронили какого-то кулца миллионера; за траурною колесницей тянулся длинный рядъ экипажей. Минутъ чрезъ двадцать, когда аудиторія пришла въ порядокъ, профессоръ наивно замѣтилъ: „вотъ, господа, и видно что не нашего брата работа,

* Слышано отъ покойнаго Ѳ. Л. Морошкина.

а либо Мудрова, либо Мухина; нашему брату дураку такихъ богатыхъ тузовъ не дадутъ лѣчить.“ Онъ не сердился, если его слова производили hilarité générale; но иногда случалось ему, какъ говорятъ, входить въ амбицію и тогда онъ въ выговорѣ не стѣснялся. При одной изъ его простодушныхъ выходокъ какой-то студентъ улыбнулся. „Чему жъ ты смѣешься, рябой чортъ?“ закричалъ онъ: „вотъ я тебя въ карцеръ засажу.“

Передаемъ еще одинъ пассажъ, сообщенный мнѣ главнымъ дѣйствовавшимъ въ немъ лицомъ, уважаемымъ Г. Е. Щуровскимъ. Съ малолѣтства любознательный и трудолюбивый, Григорій Ефимовичъ и въ университетѣ не хотѣлъ оставлять праздными два-три свободныхъ часа, которые приходились между его обязательными лекціями. Онъ выбралъ Котельницкаго, безъ сомнѣнія ради удобства, а не ради интереса лекцій. Однажды, какъ была назначена релетиція пройденнаго, одинъ изъ студентовъ медиковъ, Щуровскій, не явился. Щуровскій, образецъ добросовѣстности, хотя и добровольный слушатель, пришелъ. Профессоръ, спросивъ того-другаго, вызываетъ наконецъ Щуровскаго. Глаза всѣхъ студентовъ обратились на Щуровскаго, который, будучи весьма застѣнчивъ, сконфузился и покраснѣлъ jusqu'au blanc des yeux, по французскому выраженію.

— Господинъ Щуровскій! повторяетъ Василій Михайловичъ.

Г. Е. Щуровскій рѣшился встать съ мѣста и робко промолвилъ:

— Я васъ не слушаю, господинъ профессоръ.

— Какъ смѣешь говорить что не слушаешь меня? Коли ходишь ко мнѣ на лекціи, стало-быть слушаешь. Отвѣчай!

— Вы спрашиваете Щуровскаго, а моя фамилія Щуровскій.

— Экая важная разница! одна только буква! отвѣчай-ка... Что, братъ, покраснѣлъ? значить не приготовился... То-то, господа, я вижу, онъ за васъ прячется чтобъ я его не замѣтилъ... Вотъ тебѣ за лѣность нуль.... будешь насъ знать и слушать.

Такимъ образомъ отсутствующій Щуровскій, благодаря присутствовавшему Щуровскому, получилъ наихудшую аттестацію.

Не меньше забавныхъ фактовъ представляла и исторія

инспекторства Котельницкаго. Онъ, напримѣръ, считалъ какъ бы подвигомъ своей служебной ревности, если число посаженныхъ въ карцерѣ достигало двѣнадцати. Почему именно двѣнадцать, а не меньше или не больше, мы никакъ не могли догадаться. И къ какимъ орудіямъ ни прибѣгалъ онъ для укомплектованія этой таинственной цифры! Встрѣтится ему студентъ въ одномъ изъ университетскихъ корридоровъ—онъ тотчасъ къ нему:

— Куда батенька идешь?

— На лекцію.

— Ну, вѣтъ, братъ, не надуешь. Ты просто слоняешься безъ дѣла или направляешь свои стопы въ трактиръ... По глазамъ это вижу... Пойдемъ-ка лучше со мной.

— Куда?

— Въ карцеръ.

— Помилуйте, Василій Михайловичъ, за что?

— Пойдемъ, пойдемъ. Я знаю за что... У меня же кстати не достаетъ двѣнадцатаго.

И засадить, безъ дальнихъ разговоровъ. Это бы еще ничего. Плохо то что, засадивъ, онъ, по разсѣянности, забывалъ срокъ наложеннаго ареста и студенту приходилось голодать. Но въ такомъ случаѣ сторожъ, свыкшійся съ обычаемъ инспектора, самосудомъ выпускалъ заключеннаго. Если корридорная вербовка не удавалась, Котельницкій отправлялся за ловлей на университетскій дворъ. Но тутъ дѣло выходило иначе. Арена была обширнѣй и ловцу довольно грузному и не легкому на ходу нельзя было состязаться съ ювонами, быстроногими не хуже Ахиллеса. Полечитель, знавшій за инспекторомъ указанную слабость, любилъ обращаться къ нему съ вопросомъ: ну, сколько у тебя въ карцерѣ?—„Двѣнадцать, ваше превосходительство,“ отвѣчалъ этотъ съ самодовольствомъ.

Другою характеристичною слабостію Василія Михайловича было какое-то дѣтски-наивное тщеславіе: онъ любилъ показывать студентамъ свое превосходство предъ ними въ учености. Особенно претендовалъ онъ на знаніе химіи съ той поры какъ прочиталъ одно изъ сочиненій Тенара котораго еще не было въ нашихъ рукахъ. По праву инспектора посвящать лекціи, онъ чаще всего выбиралъ лекціи Рейса, читавшаго химію на латинскомъ языкѣ. Садился онъ въ это время не рядомъ съ профессоромъ, а по близости

къ студентамъ чтобъ имъ подсказывать. И дѣйствительно подсказывалъ шепотомъ, но не съ цѣлю оказать помощь незнающему, вывести его изъ затрудненія, а единственно съ тѣмъ чтобы показать себя всѣмъ сидящимъ. „Вотъ дескать, какъ мы знаемъ химію,“ или какъ онъ нерѣдко говаривалъ, „химичку“. Иногда онъ являлся и въ отсутствіе Рейса. Тогда онъ самъ предлагалъ вопросы. Если студентъ отвѣчалъ удовлетворительно, это ему не нравилось и онъ обыкновенно замѣчалъ: „ты, братъ, не думай о себѣ много; вѣдь не велика еще важность вы зубрить тетрадишку. Вотъ я тебя, постой-ка, изъ Тенара жигану; посмотримъ, какъ-то ты вывернешься?“ Студентъ незнакомый съ Тенаромъ хранилъ молчаніе. А Василью Михайловичу то и надо. Незнанію, которымъ успокоивалось его наивное тщеславіе, онъ радовался больше, чѣмъ обрадовался бы знанію, въ этомъ-то и комизмъ: „что, братъ, прильпе языкъ къ гортани? Вѣдь я говорилъ—не важничай; мы сами химичку-то смыслимъ“.

Изъ событій внутренней университетской жизни самымъ интереснымъ и пріятнымъ для студентовъ было возобновленіе профессуры И. И. Давыдова въ 1828—29 учебномъ году. Мнѣ очень памятна вступительная лекція профессора, нѣкоторое время состоявшаго, такъ-сказать, въ заштатѣ и неожиданно воздвигшагося. За неимѣніемъ подходящихъ каедръ, назначили Давыдову преподавать высшую алгебру. Она-то и служила предметомъ вступительнаго чтенія. Но какая разница между двумя лекціями: прежнею философскою и новою математическою! Тогда съ гордою самоуверенностью держалъ себя ораторъ предъ слушателями; теперь, наученный опытомъ, онъ смирился и привизился, по крайней мѣрѣ до поры до времени. Самый предметъ чтенія не допускалъ ни того тона, ни тѣхъ пріемовъ, какими отличалось чтеніе о возможности философіи какъ науки. Впрочемъ сочувствіе студентовъ къ профессору не охладѣло. Задолго до его прихода, они изъ всѣхъ факультетовъ собрались въ аудиторію и заняли мѣста амфитеатра. На скамьяхъ у противоположной стороны сѣли нѣкоторые профессоры и сторонніе лица, между прочими М. П. Погодинъ и С. А. Масловъ, секретарь Московскаго общества сельскаго хозяйства. Но этому многочисленному сборищу пришлось разойтись самымъ забавнымъ образомъ, бла-

годаря нецеремонности и безтактности университетскихъ властей, въ лицѣ И. А. Двигубскаго (ректора) и Ѳ. И. Чумакова (инспектора). Имъ была не по вутру реставрація Давыдова. Не имѣвъ силъ запретить ему двери въ университетъ, они хотѣли, по крайней мѣрѣ, нанести ударъ его тщеславію, лишивъ его слушателей. И вотъ, едва вступили они въ аудиторію, какъ Чумаковъ закричалъ грознымъ голосомъ: „что это значитъ? откуда такая толпа? Математиковъ не много: пусть они и останутся; всѣ другіе—вонъ!... вонъ, вонъ!“ повторялъ онъ, больше и больше разгораясь, и наконецъ до того расходился что даже къ постороннимъ посетителямъ началъ подходить съ тѣмъ же грознымъ возгласомъ. Напрасно сконфуженный С. А. Масловъ указывалъ ему Анненскій крестъ на шеѣ, давая тѣмъ знать что онъ не студентъ; напрасно и Погодинъ объяснялъ ему что за лицо Масловъ, онъ долго не могъ придти въ себя. Наконецъ какъ-то опомнился и попросилъ извиненія у кавалера Св. Анны. Представьте положеніе студентовъ и мое, субъ-инспекторское! Не смѣяться было невозможно, а смѣяться, на виду у властей—другая бѣда. Самая лекція прошла благополучно, то-есть тихо и смирно. Давыдовъ читалъ по тетради, не думая объ эффектахъ. Вообще его лекціи оказались ниже его дарованій и извѣстности. Онъ занимался математикой какъ дилеттантъ, хотя и перевелъ курсъ высшей алгебры Франкера. На новую кафедру смотрѣлъ онъ какъ на переходящую ступень къ третьей кафедрѣ (по русской словесности), которую и занялъ по смерти Мерзлякова.

Боюсь, какъ бы при чтеніи того что мною высказано о Котельницкомъ, Чумаковъ и нѣкоторыхъ другихъ профессорахъ, не залодоврили меня въ желаніи налегать особенно на слабости и странности членовъ тогдашняго профессорскаго персонала. Но что же дѣлать, когда тѣ о которыхъ у меня идетъ рѣчь были дѣйствительно такими, а не иными? Нѣтъ спора что въ свое прошлое время они, по своимъ ученымъ трудамъ, пользовались извѣстностью и оказали, каждый въ своемъ родѣ, заслуги Московскому Университету, съ которыми обстоятельно знакомитъ биографическій словарь его профессоровъ и преподавателей. Чумаковъ, напримѣръ, слылъ когда-то замѣчательнымъ математикомъ. Но я воспоминаю мое время, а не предшествовавшее ему. Въ мое же

время этогѣ si-devant замѣчательный математикъ очень плохо готовился къ лекціямъ, почему и путался въ объясненіяхъ и выкладкахъ. Стоило только студенту спросить: „отчего это, Федоръ Ивановичъ, вышелъ у васъ плюсъ? Кажется тутъ слѣдуетъ быть минусу“, какъ Федоръ Ивановичъ, конфузясь и не смотря есть ли какая-нибудь ошибка въ вычисленіи, стиралъ все написанное имъ на доскѣ, или, вмѣсто отвѣта, сердился на спрашивающаго и давалъ на него окрикъ: „а вы что, милостивый государь, сидите такъ невѣжливо—положили ногу на ногу, да еще облокотились?“... *Transit gloria mundi*: отчего же не проходить и славѣ профессоровъ?

Что же мои приготовленія къ магистерскому экзамену? Подвигался ли я сколько-нибудь къ предположенной цѣли? Съ сожалѣніемъ долженъ признаться что нѣтъ.

Каждый трудъ, и всего болѣе трудъ научный, для своего успѣха требуетъ благоприятныхъ обстоятельствъ. Ему-то въ особенности нужны содѣйствіе извѣстной жизненной среды, извѣстный градусъ умственной и нравственной атмосферы. Та же среда, въ которой суждено мнѣ было провести четыре года по окончаніи курса, не представляла не только помощи, но даже сочувствія задуманному мною намѣренію. Всѣмъ своимъ складомъ и бытомъ она, напротивъ, неодолимо ему противодѣйствовала. Я жилъ въ Замоскворѣчьи, у родной тетки, женщины очень доброй, но совершенно необразованной, не имѣвшей понятія о томъ что такое ученныя занятія и ученныя стелени, и видѣвшей въ каждомъ студентѣ по малой мѣрѣ либерала, по большей—безбожника. Ни въ ея семьѣ, ни между ея знакомыми не встрѣтилъ я ни единого лица которое своимъ примѣромъ или хоть совѣтомъ могло бы поддержать добрыя начинанія юности. Да и откуда было ему явиться? Тетка моя принадлежала къ дворянскому сословію и гордая этою принадлежностью, несмотря на свою бѣдность, такъ какъ ей по раздѣлѣ имуществъ родителей между шестью дочерьми досталась неважная часть—какихъ-нибудь душъ двадцать, вѣрѣдко говаривала она съ гоноромъ: „я сама родилась въ каретѣ“, давая знать этими словами что ее, при воспоминаніи о прежнемъ нераздѣленномъ имуществѣ, не удивишь никакимъ экилажемъ, хотя при настоящемъ ея состояніи,

она вынуждена была трястись на калиберъ * или даже дѣлать визиты лѣшкомъ. Описать времяпровождение молодыхъ людей Замоскворѣчья въ томъ именно кругу, въ какомъ, по житію моему у тетки, я вынужденъ былъ обращаться—дѣло не легкое. Оно такъ далеко отъ нынѣшняго, такъ на него не похоже что едва ли воображеніе современнаго читателя легко перенесется слишкомъ за сроки дѣтъ назадъ и влопая пойметъ нравы и обычаи тогдашняго московскаго люда по ту сторону рѣки. Если Американцы говорятъ: „время—деньги“, и потому каждый потерянный часъ измѣряютъ карманнымъ уцербомъ: то мы поступали совершенно наоборотъ: мы не цѣнили денегъ, и можетъ-быть потому не дорожили временемъ, а тратили его непроизводительно. Короче, наше времяпровождение было бездѣльно. Стыдно въ этомъ сознаться, а не сознаться—совѣстно. Большая часть года уходила на пріемъ гостей и на хожденіе въ гости. При той дешевизнѣ на всѣ предметы, которая теперь сдѣлалась археологическою рѣдкостью, при томъ расположеніи довольствоваться малымъ и обходиться по-просту, а главное при томъ отсутствіи серьезныхъ интересовъ, которые и не могли быть доступны Замоскворѣчью по низкому уровню его умственной развитости, иной житейскій обиходъ былъ и немислимъ. Существенный запросъ былъ запросъ на беззаботное и безцеремонное веселье. Удовлетворять ему не представлялось трудности. Тетка моя, при небольшомъ доходѣ за наемъ ея деревяннаго дома и съ малоземельнаго имѣнія, однакожъ, нерѣдко давала танцевальныя вечера, которые, при произвольномъ расширеніи значенія слова, назывались даже балами, потому что приглашалось человѣкъ пять музыкантовъ, по сивенькой (пять рублей ассигнаціями) на брата. Но музыка была единственною дорогою статей; все прочее обходилось безъ ощутительныхъ издержекъ. Въ конфетахъ, напримѣръ, весь интересъ состоялъ въ русскихъ стихахъ на бумажкахъ съ завернутымъ въ нихъ сахаромъ: стихи отличались безграмотностію, а сахаръ дурнымъ качествомъ. Комнаты освѣщались свѣчами, рѣдко восковыми и часто салными, нагаръ съ которыхъ прислуга-то и дѣло снимала щипцами. Въ иныхъ домахъ музыканты замѣнялись домашними

---

* Экипажъ, въ родѣ дрожекъ, вышедшій изъ употребленія.

органомъ, не новаго устройства, когда онъ заводится, а прежняго, съ ручкой, которую вертѣлъ лакей, приводя въ движеніе валъ съ извѣстнымъ количествомъ лѣсъ и смѣняя ихъ передвиженіемъ винта съ одного рубчика на другіе. Лакей иногда ошибался, по скорости или усталости: подвигаетъ винтъ на лишній рубчикъ и органъ вмѣсто французской кадрили заиграетъ унылую лѣсню или „Коля славея“, что производило общій веселый смѣхъ.

На танцы смотрѣли какъ на важное, серіозное дѣло. Въ характерѣ ихъ выражался эстетическій законъ: искусство само себѣ цѣль. Танцовали ради танцевъ, потому что любили танцевать. И кавалеры и дамы тщательно соблюдали правила искусства, не такъ какъ теперь, когда танцы обратились въ хожденіе по комнатамъ. Матуски обыкновенно разсаживались вокругъ залы, выбирая каждая мѣсто позади дочки, чтобы восхищаться ея красотой или граціей и сверхъ того присматривать съ одной стороны за ея кавалеромъ, а съ другой за аккуратнымъ исполненіемъ танца. Замѣтивъ какую-нибудь небрежность, тамаш шелотомъ наломинала дочкѣ обязанность: „*ma chère, выдѣлывай хорошенько ла.*“ Танцы были разнообразны: польскій, которымъ открывался вечеръ и въ которомъ принимали участіе всѣ гости, безъ различія возрастовъ, затѣмъ экоссеэ, матрадуръ, вальсъ, кадрили (русская и французская), котильйонъ, мазурка. Последніе два танца нравились особенно. Котильйонъ, съ своими безконечными фигурами, давалъ возможность заинтересованнымъ парамъ долгое время пребывать неразлучно и бесѣдовать сколько душѣ угодно. Мазурка, кромѣ этого субъективнаго значенія, имѣла и самостоятельное, объективное: она была хороша сама по себѣ, какъ ловкій и красивый танецъ; поэтому, какъ только раздавались ея звуки, такъ всѣ гости высыпали въ залу; даже старички, игравшіе въ заднихъ комнатахъ въ бостонъ или вистъ, выходили изъ-за ломберныхъ столовъ полюбоваться на бойкихъ мазуристовъ. Въ танцорахъ могъ быть избытокъ, но ужь никакъ не недостатокъ. Они сами напрашивались на веселье. Хозяйка старались только уравнивать число танцующихъ обоюго пола, боясь, какъ бы иная дѣвица или иной кавалеръ не остались за штатомъ по невозможности составить пару. И что бы сталъ дѣлать приглашенный кавалеръ безъ танцевъ? Играть въ карты или смотрѣть на играющихъ? Но его пристыдили

бы и старые и молодые. Курить трубку или папирасы? Но, во первыхъ, папирсы тогда не было и, во вторыхъ, курить на балу или вечеринкѣ считалось невозможнымъ. Ходить въ буфетъ? Увы, буфетовъ тогда не устраивалось и закуска подавалась въ одно свое время, а не стояла готовая на всякое время. Оставалось одно—быть дѣйствующимъ лицомъ; дѣйствовать же значило плясать. Кромѣ общихъ, бывшихъ въ модѣ танцевъ, иногда угощали присутствующихъ и танцами характерными: гавотомъ, съ палью, даже казачкомъ или венгеркой. Это дѣлалось по общей просьбѣ гостей или по желанію какихъ-нибудь почтенныхъ личностей. Самособою разумѣется что танцовавшіе награждались громкими аплодисиментами. На вечеринку или пожалуй на балъ собиравались рано, часовъ въ семь или восемь и, не теряя драгоценныхъ минутъ, приступали къ дѣлу и продолжали его почти безъ перерыва часовъ до двухъ, трехъ и болѣе. Затѣмъ садились ужинать. Ужинъ былъ не затѣйливъ: ветчина съ горошкомъ или телячьи котлеты, жареное и пирожное. Потомъ снова начинался плясъ, который часто завершался шумнымъ гротескомъ. Помню какъ одинъ изъ такихъ баловъ кончился въ пять часовъ утра. Это было лѣтомъ, такъ что гости разъѣзжались и расходились при дневномъ свѣтѣ. Я принадлежалъ къ числу лѣвшихъ. Путь предстоялъ мнѣ длинный—съ Донской улицы къ Петровскимъ воротамъ, куда я въ то время перѣхалъ отъ тетки на квартиру. Это составляло не меньше пяти верстъ. Весь въ лоту, не чувствуя подъ собою ногъ, я досадовалъ что по ранней порѣ не встрѣчалось извозчиковъ. На подорогѣ одинъ и встрѣтился, но тутъ другая бѣда: не на что было нанять его. За то какой крѣпкій сонъ! Поутру вставалъ я бодрый, не раскаиваясь въ лусто проведенномъ времени, а только вспоминая пословицу: охота лучше неволи.

Кромѣ частныхъ вечеринокъ молодежь посѣщала и общественныя увеселенія въ собраніяхъ, которыхъ было три: Благородное (Дворянское), Купеческое и Нѣмецкое. Въ первое изъ нихъ не могли имѣть входа лица той дворянско-мѣщанской смѣси, съ которою вела знакомство моя тетка: для этого требовались значительные расходы на костюмъ и экипажъ. Но послѣднія два приходились намъ по плечу: здѣсь и за малые деньги легко было и натапцоваться вдоволь и поужинать; такъ ужинъ стоилъ лѣтъдесять копѣекъ

ассигнаціями. Впрочемъ я не любилъ шустеръ-клуба по причинѣ скандаловъ тамъ случавшихся. Каждый разъ выводять подъ руки одного, двухъ визитеровъ за учиненные ими дебошъ или проказу. Выводъ совершался просто или торжественно, то-есть безъ музыки или съ музыкой (трубнымъ звукомъ), смотря по важности вины и по желанію виноватаго. Справедливость требуетъ сказать что провинялись по преимуществу русскіе посѣтителі, которые иногда намѣренно выбирали мѣстомъ своихъ подвиговъ Нѣмецкое собраніе, зная что въ немъ сойдеть имъ съ рукъ то что никакъ не сошло бы въ Благородномъ.

На святкахъ танцы перемежались съ игрой въ фанты. Мы очень любили ее: она давала законный способъ высказывать расположеніе взаимно заинтересованныхъ молодыхъ людей и пользоваться льготами, запретными въ обычномъ обращеніи. При розыгрышѣ фантовъ, когда, напримѣръ, кавалеру назначалось быть продавцомъ лентъ или фруктовъ и, подходя къ каждой изъ игравшихъ, спрашивать, сколько ей угодно купить, онъ, послѣ отвѣта, отмѣривалъ требуемое, то-есть цѣловалъ ручку по мѣрѣ запрошеннаго. Въ болѣе интимныхъ кружкахъ, при короткомъ знакомствѣ, цѣловали не руку, а въ щеку или въ уста. Всего болѣе интересовала роль исповѣдника, если ее приходилось исполнять дѣвицѣ, которую, въ такомъ случаѣ, сажали на кресло и покрывали большимъ платкомъ. Исповѣдывающійся становился предъ ней на колѣна и подсовывалъ голову подъ платокъ чтобъ исповѣдь сохраняла тайну. Признаваясь въ грѣхахъ, ему не трудно было признаться и въ любви, пожать ручку, сорвать поцѣлуй. По крайней мѣрѣ онъ не считалъ этого грѣхомъ.

Наконецъ послѣднюю и самую занимательную статью увеселеній составлялъ благородный театръ. Не удивительно если онъ устраивался въ домахъ зажиточныхъ, гдѣ не было недостатка ни въ помѣщеніи, ни въ средствахъ на значительные расходы, ни въ извѣстной образованости, нужной какъ распорядителю, такъ и исполнителямъ; удивительно то что тѣ домашніе спектакли, въ которыхъ я былъ или зрителемъ, или дѣйствующимъ лицомъ, давались въ квартирѣ Квартальнаго надзирателя, г. Худякова. Самъ онъ не принималъ въ нихъ участія, даже косился на нихъ, какъ на затѣю неприличную его званію, но терпѣливо подчинялся

ся желанію своей супруги, страстной театралки. Здѣсь-то въ теченіе двухъ зимъ было разыграно нѣсколько піесъ: *Сынъ любви* (Коцебу), *Воспитаніе, или вотъ приданое* (Кокоткина), *Великодушіе или рекрутскій наборъ* (Ильина), *Воздушныя замки* (Хмѣльницкаго), *Романъ на большой дорогѣ* (Загоскина) и др. При постановкѣ ихъ помогали намъ артисты Московскаго театра: Ленскій, талантливый водевильщикъ, и Козловскій, бездарный трагикъ. Въ числѣ любителей-актеровъ находился Ѳ. А. Кови, водевили котораго имѣли успѣхъ на сценѣ, и который съ тѣмъ вмѣстѣ обладалъ сценическою способностью.

Независимо отъ частныхъ и общественныхъ удовольствій, сколько времени тратилось на волокитство, отличавшееся сентементально-романтическимъ характеромъ. Не надо забывать что образованный въ тогдашнее время юноша состоялъ подъ двойнымъ вліяніемъ—Карамзина и Жуковскаго. Сочиненія послѣдняго дѣйствовали сильнѣе; и вотъ, при короткомъ съ ними знакомствѣ, сложился у насъ идеалъ любви со всѣмъ ея процессомъ: завязкой, перипетіями и катастрофой. Первымъ условіемъ для возбужденія чувства служила, конечно, вѣжливость, красивое личико—*conditio sine qua non*; вторымъ—прелесть душевныхъ качествъ. Въ первомъ невозможно было ошибиться, но второе, какъ недоступное глазамъ, сплошь и рядомъ предполагалось. Это предположеніе усложняло совѣсть и принципы влюбленнаго романтика. О приданомъ нисколько не думали: мы презирали бракъ по расчету, видѣли въ немъ или преступленіе, или знакъ черстватаго эгоизма, противоестественнаго въ молодомъ человѣкѣ. Бѣдность дѣвушки считалась даже достоинствомъ своего рода, потому что влюбленный могъ выставить ее какъ вѣрное свидѣтельство неподкупности, искренности своей любви, возбужденной единственно субъектомъ, безъ всякой мысли о какихъ-либо другихъ, побочныхъ предметахъ. Обоюдное чувство должно было отличаться платонизмомъ. Насколько въ этомъ платонизмѣ было дѣйствительно идеальнаго элемента, и насколько онъ дѣйствительно былъ безупреченъ, то-есть свободенъ отъ чувственныхъ позывовъ—исторія каждой романтической любви умалчивала. При самообольщеніи, которое охватывало умъ и чувство влюбленныхъ, они сами не сознавали что чисто и что нечисто, какая доля чистоты приходи-

лась на принципъ и воображеніе, и какая доля нечистоты на фактическую дѣйствительность, раскрашиваемую принципомъ и воображеніемъ. Выражалась любовь различными средствами: взглядами (большою частію унылыми), вздохами, молчаніемъ и проч., и проч.,—все какъ слѣдовало по элегіямъ и балладамъ Жуковского. Видное же гласное выраженіе предоставлялось альбомнымъ стихамъ, и самый интересный изъ подарковъ какіе могла получить дѣвушка былъ альбомъ, разумѣется съ золотымъ обрѣзомъ, со стихотвореніями различныхъ формъ—элегіями, лѣснями, сонетами, акростихами. Въ такомъ обращеніи съ предметомъ сердца и состояла, по нашему убѣжденію, суть любви. Отъ Петровскихъ воротъ на Донскую улицу, почти подъ самый Донской монастырь, хаживалъ я на цѣлыя днѣвки, съ десяти утра до десяти вечера, хаживалъ и лѣтомъ, и зимой, несмотря ни на сильные жары, ни на сильные морозы, доходившіе до 25 и болѣе градусовъ, собственнымъ опытомъ доказывая несправедливость одного водевильнаго куллета:

А тридцать градусовъ мороза
Какой любви не прохладатъ?

Моей любви они не прохладали.

Пустота лустотъ и всяческая лустота! замѣтитъ, можетъ-быть, современный юноша, прочитавъ описаніе моей замоскворецкой жизни въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ. И онъ будетъ правъ. Я не расхожусь съ нимъ во мнѣніи. Я самъ выше назвалъ это четырехлѣтнее времяпровожденіе пустымъ и бездѣльнымъ. Такимъ названіемъ я привнесъ повинную. Но, сознаваясь въ винѣ, надобно опредѣлить ея качество и степень. Она была скорѣе отрицательная чѣмъ положительная; иначе сказать она не нанесла существеннаго вреда тому что всего дороже цѣнится въ человѣкѣ. А сравнивая ее съ поведеніемъ другихъ молодыхъ людей того времени, я нахожу себѣ нѣкоторое оправданіе, своего рода „смягчающее обстоятельство“. Если мы вмѣняемъ въ заслугу Карамзину и Жуковскому что одинъ своимъ сентиментализмомъ, а другой идеализмомъ полезно дѣйствовали на читателей, представляя имъ образцы нравовъ, противоположныхъ господствовавшей грубости, то вѣдь и провозженіе времени въ танцахъ, въ безцѣльномъ волокитствѣ и кропаніи стиховъ конечно извинительнѣе сидѣнія въ трактирахъ, азартной игры, полоекъ, разврата.

Не говорю, что смѣшнѣе, говорю: что хуже—ухаживать нѣсколько лѣтъ за дѣвушкой и кончить ухаживанье ничѣмъ, и, подъ льяную руку, не думая долго, завершить безпутную связь безпутнымъ бракомъ? Послѣдній актъ безпутно губить человека; акты моего времяпровожденія же погубили меня. Позывъ любознательности, дающій возможность юношѣ образумиться въ своемъ застоѣ, нравственная совѣстливость, которая при всей пустотѣ окружающей среды останавливаетъ малѣйшее покушеніе на лѣзость и толкаетъ въ сторону благородства, сохранились во мнѣ непотемненными. Природа моя спасла меня; однакожь, воля ваша, извѣстную долю спасенія надобно откинуть и на романтизмъ.

Вѣявшимъ поводомъ вытаскившимъ меня изъ болота замосворѣцкой жизни послужила холера. Общественная благотворительность, помогая страждущимъ, приняла кромѣ того средства обезлечить положеніе сиротъ, которые остались безъ пріюта послѣ ихъ родителей, похищенныхъ эпидеміей. На первый разъ для дѣвочекъ устроено было помѣщеніе въ домѣ князя Павла Павловича Гагарина. Здѣсь, подъ надзоромъ трехъ дамъ высшаго московскаго круга, должны были оставаться сироты до дальнѣйшаго ихъ устройства правительствомъ. По возрасту и домашней учебной подготовкѣ, образовали изъ нихъ два класса. Объявленіемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* князь приглашалъ гг. учителей оказать содѣйствіе доброму дѣлу—удѣлить нѣсколько свободныхъ часовъ на безвозмездные уроки сиротамъ. Я обрадовался случаю заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ. Князь въ то время занималъ мѣсто оберъ-прокурора въ Сенатѣ и пользовался общимъ, вполне заслуженнымъ уваженіемъ. Его имя произносилось какъ имя человека благороднаго, справедливаго и самостоятельнаго. Какъ въ служебныхъ, такъ и въ частныхъ сношеніяхъ онъ держалъ себя не то что гордо, а съ сознаніемъ своего достоинства, не смотрѣлъ на лицъ и не боялся становиться имъ въ оппозицію, если на его сторонѣ были законность и правда. Онъ привѣтливо принялъ мое предложеніе обучать сиротъ русскому языку, а потомъ, увидѣвъ ихъ успѣхи, просилъ заняться тѣмъ же предметомъ съ его сыномъ, Сергѣемъ Павловичемъ, очень даровитымъ юношей. Но здѣсь, къ сожалѣнію, успѣхи не соответствовали его дарованіямъ, что зависѣло единственно

отъ тогдашняго образа воспитанія въ высш^{ихъ} обществахъ. Молодой князь четырнадцати лѣтъ уже о^{чень} владѣлъ французскимъ языкомъ, гораздо лучше чѣмъ о^{днимъ}. А преподаваніе послѣдняго идетъ очень туго, то время, когда ему обучаются какъ иностранному и при^{чемъ} теоретически, безъ должной практики, такъ какъ, въ семействѣ князя и въ кругу его знакомства почти постоянно слышалась французская рѣчь. Благодаря рекомендаціи князя, скоро нашлись у меня уроки въ другихъ домахъ, гдѣ предстояла мнѣ та же трудность, т.-е. господство французскаго языка. Впрочемъ моими занятіями оставались довольны и учащіеся, и ихъ родители. Тѣмъ и другимъ привилась, какъ они выражались, моя метода, а все достоинство этой методы заключалось въ ясности толкованій, да развѣ еще въ томъ что я, зная французскую грамматику, нерѣдко прибѣгалъ къ ней для объясненія правилъ грамматики русской. Не маловажною вещью считалось и то что я былъ дворянскаго сословія и держалъ себя на урокахъ иначе, чѣмъ преподаватели изъ семинаристовъ, или вовсе не знавшіе французскаго языка или, при знаніи, лгузавшіе своихъ учениковъ и ученицъ пресквернымъ выговоромъ, на который тогда обращали особенное вниманіе, цѣня его выше теоретическаго знанія, какъ бы оно ни было капитально.

Кромѣ дома князя Гагарина памятенъ мнѣ еще домъ гжи Есиловой (въ первомъ замужествѣ гжи Сольданъ), очень обходительной и образованной женщины, интересовавшейся литературой. Я давалъ уроки двумъ дочерямъ ея и племянницѣ, гжѣ Лубяновской, дочери извѣстнаго и по службѣ и въ литературѣ О. О. Лубяновскаго. У ней собирались молодые представители умственной жизни Москвы. Изъ числа ихъ часто бывалъ И. В. Кирѣевскій, въ то время оскорбленный запрещеніемъ своего журнала *Europeen*. Здѣсь же, на большомъ балу, въ первый разъ увидалъ я Пушкина, князя П. А. Вяземскаго и обѣихъ Гончаровыхъ, изъ которыхъ одна была уже невѣста поэта.

По поводу моей учебной практики въ великосвѣтскихъ московскихъ семействахъ я долженъ замѣтить что запросъ на уроки русскаго языка происекалъ вовсе не изъ настоящей въ немъ потребности, еще менѣе изъ любви къ родному слову, какъ бы внезапно восчувствованной. На то, ни другое не могло явиться тамъ, гдѣ безъ роднаго слова

обходились очень удобно, гдѣ каждый и каждая гораздо свободнѣе объяснялись на французскомъ діалектѣ. Фактъ объясняется взглядомъ правительства на народное образованіе и сообразно тому принятыми мѣрами. Оно, согласно съ намѣреніемъ и волею государя, должно было совершаться „въ духѣ православія, самодержавія и народности“, какъ выражено въ циркулярѣ графа С. С. Уварова, при занятіи имъ министерскаго поста. Подчиняясь этой формулѣ, русское юношество стало предпочтительно воспитываться въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а не въ пансіонахъ содержимыхъ иностранцами, или дома, подъ крыломъ иностранныхъ гувернеровъ. Конечно, знаніе русскаго языка, не только научное, но и просто практическое, не имѣло еще обязательной силы для лицъ женскаго пола,—для дочерей богатыхъ и знатныхъ семействъ: онѣ учились русской грамотѣ, слѣдуя модѣ, по чисто-формальному склоненію въ ту сторону, въ которую хотя-нехотя направлялись ихъ братья.

Послѣ двухлѣтняго ученія въ домѣ князя Гагарина, сиротъ перевели въ домъ графа Разумовскаго (на Гороховомъ Полѣ), гдѣ онѣ и должны были оставаться до устройства новаго для нихъ заведенія. Мнѣ было жалко покинуть моихъ ученицъ, которыя полюбили меня. И вотъ романтическая привязанность опять взяла верхъ надъ расчетами. Явившись къ новымъ лицамъ, заступившимъ мѣсто князя, я предложилъ безвозмездно продолжать мои занятія. Предложеніе приняли очень охотно, и я въ новомъ помѣщеніи велъ прежнее дѣло до 1832 года, когда утверждены были штаты особаго воспитательнаго заведенія, названнаго Александринскимъ Сиротскимъ Институтомъ.

СТО-ОДИНЬ.

РУССКІЙ ХУДОЖНИКЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ

СЕМЕЙНЫЯ ПИСЬМА ПОКОЙНАГО НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РАМАЗАНОВА.

Николай Александровичъ Рамазановъ получилъ солидное академическое образованіе, довершенное имъ за границей. Его мастерскія произведенія по части ваянія извѣстны всѣмъ. Воспоминанія о немъ еще настолько свѣжи въ обществѣ и въ средѣ его друзей и знакомыхъ что излагать здѣсь его біографію было бы излишнимъ. Предлагаемая письма писанныя имъ къ роднымъ во время заграничной посылки кромѣ общаго литературнаго интереса имѣютъ еще историческую цѣнность. Въ нихъ виденъ художникъ замѣчательной лоры нашего искусства и эстетическаго развитія общества. Это была натура весьма рѣдкая по своей цѣльности и по широтѣ того художественнаго чувства, которымъ она вся была преисполнена. Специальность искусства не есть признакъ внутренняго совершенства; напротивъ въ Н. А. Рамазановѣ одновременно дѣйствовало поэтическое чувство, выражаясь и въ словѣ и въ музыкальных звукахъ и въ пластическихъ образахъ, набрасываемыхъ карандашомъ, кистью, или исполняемыхъ рѣзцомъ. Главнымъ предметомъ его творчества и прибавимъ профессуры—было ваяніе; но онъ прекрасно владѣлъ также и перомъ. Кромѣ нѣсколькихъ опытовъ поэзіи,

онъ много писалъ и всегда изъ-подъ пера его возставали живые образы, исполненные обаяннѣ тихаго, прочувствованнаго присутствія красоты, дающіе знать что есть въ мірѣ нѣчто высшее, благороднѣйшее и болѣе прочное, чѣмъ неразборчивое себялюбіе матеріализма: оттого выраженія его языка отличаются живостью, бойкостью и легкостью непринужденности. Онъ былъ и музыкантъ въ душѣ; его импровизаціи глубоко западали въ душу, благодаря той непосредственности, съ которою выливались движенія его внутренняго міра въ совершенно своеобразныхъ мелодіяхъ и музыкальномъ ритмѣ. Онъ отлично владѣлъ карандашомъ. Разумѣется, нельзя быть въ одно время въ одинаковой степени по исполненію и писателемъ и музыкантомъ и живописцемъ и ваятелемъ; но если наука изящнаго дѣлать искусство на разряды по способу исполненія, то она все-таки признаетъ внутреннее единство художественнаго чувства, и чѣмъ богаче и полнѣе это чувство, тѣмъ послушнѣе ему становятся средства для его творчества. Примеръ истинныхъ талантовъ подтверждаетъ это замѣчаніе; къ числу такихъ талантовъ безспорно принадлежалъ и Н. А. Рамазановъ. Пусть читатель обратитъ вниманіе на нѣкоторые мѣста въ его писмахъ, посвященные наброскамъ Тироля или картинамъ италянскій природы и жизни: трудно сказать чтобы они не вышли изъ-подъ пера истиннаго поэта-писателя.

Возможностію получить серіозное художественное образованіе Рамазановъ какъ и всѣ его прославившіеся сверстники обязанъ щедротамъ и вниманію покойнаго императора Николая Павловича, истиннаго цѣнителя и любителя искусства.

Глубокимъ строгимъ взглядомъ покойный монархъ въ одно мгновеніе опредѣлялъ достоинства каждаго художественнаго произведенія и наставительно указывалъ въ немъ признаки истинной красоты. Его милостивымъ вниманіемъ постоянно пользовались профессора живописи и ваянія, члены и лучшіе ученики Академіи Художествъ; и нерѣдко мастерскія ихъ бывали очастливлены его посѣщеніемъ. Во время пребыванія своего въ Римѣ, обозрѣвая въ залахъ Ватикана безсмертныя созданія древняго рѣзца, чудно озаренныя при полномъ блескѣ свѣтильниковъ, прозрачныя и какъ бы трепещущія жизнью, онъ пожелалъ чтобы въ эти же минуты его окружали молодые русскіе художники, находившіеся въ то время въ Римѣ. Не разъ подзывалъ онъ къ себѣ кого-нибудь изъ нихъ и заставлялъ вмѣстѣ съ собою любоваться красотою античныхъ изваяній. Тамъ же въ Римѣ онъ обходилъ студіи русскихъ художниковъ и отмѣчалъ для себя лучшія изъ ихъ оригинальныхъ произведеній. Когда знаменитый скульпторъ Орловскій возвращался изъ-за границы, Торвальдсенъ не затруднился писать съ нимъ прямо къ гоударю о предметахъ

касавшихся искусства. Нельзя безъ благоговѣнія вспоминать о томъ высокомъ покровительствѣ, о той отеческой заботливости, какими постоянно исполненъ былъ монархъ во все время своего царствованія къ русскому художественному міру и его представителямъ. Создавалась ли Орловскимъ статуя ангела для Александровской колонны, вырабатывались ли модели коней для Аничковского моста барономъ Клодтомъ, появлялось ли что изъ-подъ кисти Брюлова, Бруни, Басина, Воробьева и др., государь посѣщалъ ихъ мастерскія, слѣдилъ за работой, открывалъ всѣ вспомоگательныя средства, радовался успѣшному ходу дѣла, ободрялъ труды ихъ. Пріѣзды монарха въ Академію Художествъ не ограничивались одними выставками; посѣщая ее во всякое время, государь удостоивалъ своего высокаго вниманія и ветерановъ искусства и молодые таланты. Не разъ президентъ Академіи Оленинъ представлялъ государю болѣе даровитыхъ воспитанниковъ, которые и заслуживали личное одобреніе его величества. Лучшія произведенія русскихъ художниковъ приобретались государемъ для собственныхъ покоевъ ихъ величества. Однажды императору понравилась картина одного извѣстнаго живописца, не бывшаго академикомъ; государь приказалъ поставить ее въ кабинетъ ея величества и спросилъ, почему этотъ живописецъ не академикъ? Ему отвѣчали что онъ не представилъ ничего въ академическій совѣтъ. „Вотъ его экзаменъ“, возразилъ государь, указывая на картину. Щедротамъ покойнаго монарха обязано цѣлое поколѣніе русскихъ художниковъ. Широкомъ путемъ, который открывалъ имъ самъ монархъ своею любовью къ искусству, шли они быстрые, со свѣжими силами и талантами. Ихъ произведенія прославили свое время, а потому что они же прикрыли собою и скудость нашихъ дней, дѣлая ее не столь разительною замѣтною.

Да, то была пора истинно художественная. Патріархальныя любовныя отношенія наставниковъ къ ученикамъ, сердечная горячая преданность искусству, возбуждаемая и поддерживаемая ими въ юныхъ дарованіяхъ, безкорыстное служеніе своему дѣлу единственно по призванію, взаимныя дружбыя отношенія—все это далеко на задній планъ отодвигало житейскіе разчеты и ложилось свѣтлою полосой на всея академическомъ строѣ того времени.

I

Сентябрь 1843.

Первымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ для нашихъ глазъ былъ Ямбургъ. Нарва уже поразила насъ особенностью своей архитектуры. Вамъ извѣстна жадность съ которою мы обогащаемъ свои альбомы въ поѣздкахъ; около Нарвы встрѣчались мѣстечки которыя напрашивались на карандашъ; но быстрота съ которою катится почтовая карета по шоссе и скорая перемѣна лошадей на станціяхъ отняли всякую возможность занести въ альбомъ то что насъ интересовало. Въ Нарвѣ, въ трактиръ Петербургъ, гдѣ мы остановились завтракать, ѣхавшій съ нами знаменитый романистъ Бальзакъ любопытствовалъ узнать какое блюдо намъ подали. Я назвалъ: минюги, и онъ, разсмотрѣвъ ихъ пристально, сдѣлалъ гримасу, которую можно безошибочно перевести на русскій языкъ словами: фу какая бяка! Минюги были началомъ моего съ нимъ знакомства, мы изрядка перебрасывались всеупотребительными вопросами и отвѣтами путешественниковъ, куда, откуда, зачѣмъ вы ѣдете, и т. д. Одинъ рижскій негодіантъ, хорошо говорившій по-французски и сидѣвшій съ нимъ рядомъ въ каретѣ, былъ постояннымъ его собесѣдникомъ. Въ Вайварѣ онъ замѣтилъ мнѣ что русскіе скульпторы столько же курятъ какъ французскіе; я было придрался къ этому замѣчанію, надѣясь поговорить съ нимъ о самой скульптурѣ Французовъ, но рожекъ кондуктора заставилъ меня въ ту же минуту броситься въ карету. Въ Эввѣ у самаго трактира предъ нами раскинулась грязная площадь, усеянная несмѣтнымъ числомъ крестьянъ, собравшихся на конную ярмарку. Въ самыхъ живописныхъ групплахъ они то толпились, то расходились, то объѣзжали свои живыя локулки; вдали рисовалась небольшая церковь и нѣсколько березъ, такъ что вся эта картина какъ бы нарочно была поставлена по рисунку Теньера. Я и мой товарищъ были готовы раздѣлить полемамъ трудъ, только бы успѣть накинуть на скорую руку миленькую картинку; но времени ставало только на обѣдъ, который также не мало занимаетъ путешественника. Въ Эввѣ мы обѣдали съ Бальзакомъ и онъ угостилъ насъ

превосходнымъ сотерномъ; русская природа не выдержала, я поставилъ на столъ бутылку шампанскаго.

Послѣ похвалъ Давиду онъ началъ хвалить съѣденную имъ спячку жареной индѣйки; между тѣмъ кондукторъ пришелъ объявить что подаютъ экипажъ. Мы вышли на крыльцо; восемь лошадей, запряженныхъ въ карету, рисовали красивую дугу, заворачивая на скаку къ подъѣзду трактира. Бальзакъ замѣтилъ что мы любимся этимъ; *c'est très bien à dessiner, ce mouvement des chevaux*, сказалъ онъ. Мы заключили изъ этого что Бальзакъ чувствуетъ прелесть рисунка. Вотъ услыхъ и поѣхали далѣе. Ночью насъ засталъ ужаснѣйшій вѣтеръ, который туземцы приписывали близъ находящемуся озеру Пейлусъ; предоставляю вамъ разобрать это. Я знаю только то что мы терпѣли жестокий холодъ. Рано утромъ мы прѣехали въ Дерлтъ. Что-то грустно было на душѣ и я очень былъ радъ нашедши фортепiano; присѣлъ — пофантазировалъ; надоѣло, присѣлъ къ Бальзаку. Послѣдній негодовалъ на бифтекъ: *if faut avoir bien faim pour manger ça, c'est un tour de force*, говорилъ онъ; потомъ держалъ краснорѣчивую рѣчь противъ табаку; доказывалъ медицински и психологически что это совершенное подобіе опиума, что это ядъ, который разрушаетъ физическаго и нравственнаго человѣка, вредитъ пищеваренію, ослабляетъ память и фантазію. Я съ удовольствіемъ слушалъ его остроумные доводы и въ то же время не безъ удовольствія докуривалъ мою сигару. Въ Валкѣ намъ посудили обѣдъ въ какой-то кондитерской; мы мечтали объ обѣдѣ; но увы это была лишь одна мечта. Проходились напрасно, видѣли лишь только выѣску со сладкими пирогами. Забавно было видѣть Бальзака закутаннаго въ шубу, въ огромныхъ мѣховыхъ салогахъ, съ мѣховою шалкой на головѣ и съ женскою муфтой на рукахъ, путешествующаго по грязи и ворчавшаго: *voilà une ville!* На счастье въ эту самую минуту намъ встрѣтился какой-то франтъ города Валки который своимъ костюмомъ и какою-то особенно важною постоулюю разсмѣшилъ Бальзака и всѣхъ насъ. Булочница Робенальтъ, прехорошенькая женщина, которая замѣчательнѣе всего въ Валкѣ; у ней мы заморили червяка, запаслись булками. Достигли Гульбена и мечта осуществилась, здѣсь мы обѣдали славно и повеселили, не исключая и Бальзака, который разговорился.

Карамзина Бальзакъ знаетъ; имя же Державина я нарочно повторялъ нѣсколько разъ, но имя нашего поэта ему неизвѣстно. Разговоръ перешелъ на дороги въ Россіи и на другіе предметы. Бальзакъ всталъ изъ-за стола въ очень веселомъ расположеніи духа; при расплатѣ онъ кричалъ дѣвушкамъ, ударяя пальцами въ кошелекъ: „*Mademoiselle, combien coûte mon diner? C'est la langue universelle!*“ прибавилъ онъ смѣясь.

Когда мы вечеромъ двинулись въ путь, насъ застала въ лѣсу очаровательная лунная ночь; мѣсяцъ перегонялся съ нами, бѣгая по развѣсистымъ вѣтвямъ елей и сосенъ. Брикъ, садовавшій за нами въ нѣкоторомъ разстояніи, рисовался красивымъ темнымъ пятномъ въ туманѣ. Въ Вольмарѣ негоціантъ, ѣхавшій съ Бальзакомъ, объявилъ ему что онъ оставитъ его въ Ригѣ, и Бальзакъ обратился ко мнѣ чтобы помогать ему въ сношеніяхъ съ Нѣмцами. На этой же станціи намъ прислуживала горбатая, крайне уродливая старушка, которую Бальзакъ прозвалъ *la sorcière* и удивлялся какъ я ее не нарисую; но что за охота марать альбомъ старыми лицами, когда безпрестанно встрѣчаются хорошенькія, лухленькія и румяныя личики молоденькихъ Нѣмочекъ, портреты которыхъ не успѣваешь дѣлать, а могла бы составиться цѣлая галлерей деревенскихъ красавицъ. Вольмаръ мы проѣзжали поздно вечеромъ, когда всѣ окна обывательскихъ домовъ были освѣщены свѣчами. Удивленный Бальзакъ спросилъ что это значитъ; мы отвѣчали что сегодня (26го сентября) царскій день. Удаляясь болѣе и болѣе отъ Петербурга, мы часто выглядывали изъ оконъ кареты и, глядя какъ предъ нами исчезаетъ дорога, посылали поклоны родному городу, гдѣ мы выросли, были взлелѣяны и родными и правительствомъ. Вѣхавши въ узкія улицы Риги, загроможденныя высокими домами оригинальной архитектуры, мы встрѣтили шумную дѣятельность торговаго города. Мостовая, усыпанная ельникомъ, гремѣла отъ безпрестанно проѣзжавшихъ экипажей и длинныхъ повозокъ, которые были запряжены красивыми и породными лошадьми. „Что означаетъ этотъ ельникъ? Вѣроятно его разбрасываютъ по улицамъ для очищенія воздуха?“ спросилъ я ѣхавшаго съ нами молодого доктора, смотря на узкія улицы и высокіе дома, не пропускавшіе лучей солнца на мостовую. „Нѣтъ, замѣтилъ докторъ,

Рижане дѣлають это просто изъ любви къ зелени; вы знаете какая у Нѣмцевъ страсть къ зелени; они даже не говорятъ: мы живемъ на дачѣ, а мы живемъ въ зелени.“ Мы остановились въ порядочномъ трактирѣ, а Бальзакъ остался въ каретѣ на почтовомъ дворѣ, въ чемъ послѣ раскаивался. Въ трактирѣ мы встрѣтили нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ посѣдившаго одного старика, кажется служащаго, готовыхъ указать намъ достопримѣчательности Риги; но мы предпочли всѣмъ вожатаямъ любезнаго доктора, который указалъ намъ ратушу, прекрасное большое строеніе, и напротивъ ея Schwarzhäupter-Haus. Этотъ домъ существуетъ съ 1390 года и имѣетъ очень незавидную наружность; вообще фасадъ и въ особенности расписныя украшенія не возбуждаютъ въ зрителѣ другаго чувства кромѣ смѣха; но когда узнаешь назначеніе этого дома, то душа радуется. Въ немъ собирается для совѣщаній общество, состоящее изъ пятнадцати членовъ, всегда холостыхъ людей, дающихъ обѣтъ помогать бѣднымъ, также обанкротившимся кулцамъ; въ настоящее время нѣсколько человѣкъ студентовъ содержится на ихъ счетъ въ Дерптѣ. Послѣ этого мы еще успѣли видѣть Домъ призрѣнія престарѣлыхъ; архитектуру его опредѣлить очень трудно, но двѣ статуи возбудили во мнѣ непремѣнное желаніе нарисовать ихъ. Толпа любопытныхъ окружила меня у дѣтницы, на ступеняхъ которой я помѣстился съ моею книжкой. О, еслибы группа любопытствующихъ узнала что я намѣренъ отвести эти статуи къ эпохѣ возрожденія рижской скульптуры — не одобровать бы мнѣ! Въ Ригѣ негоціантъ оставилъ насъ и я по просьбѣ Бальзака сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ чрезвычайно былъ радъ что я смѣнилъ большаго негоціанта, не соглашавшагося открывать окна кареты, и тотчасъ же напустилъ на меня нѣсколько струй сквознаго вѣтра. Я самъ люблю прохладу и вѣтеръ и потому охотно съ нимъ согласился. Первымъ моимъ стараніемъ было завязать съ нимъ разговоръ, назвавъ по именамъ нѣсколько знаменитостей Франціи и разспрашивая о красотѣ народныхъ памятниковъ которыми гордится Франція. Я задѣлъ за живую струну Француза и Бальзакъ залился въ похвалахъ своему отечеству. Пріятно было видѣть эту привязанность къ родной землѣ, которая высказывалась въ порывистой рѣчи, въ за-

блестѣвшихъ огнемъ глазахъ, въ каждомъ движеніи Бальзака; но непріятно было слышать въ то же время его сравненія и отзывы о другихъ земляхъ. Господи! да неужели только и есть хорошаго что во Франціи; неужели и счастливымъ можно быть только на берегахъ Сены, Роны и т. п.? Меня это бѣсило, но я молчалъ, желая выслушать до конца все что говорилъ Бальзакъ о законахъ, полиціи, войскахъ, искусствахъ, наукахъ и пр. во Франціи. „Самые лучшіе скульпторы во Франціи“, говорилъ Бальзакъ и называлъ группу Леандра и Геро, созданную Этексомъ, которую превозносилъ выше всего античнаго; а ужъ Торвальдсея и другіе извѣстные скульпторы, въ сравненіи съ Этексомъ, въ глазахъ французскаго литератора ни почемъ!

Послѣ Этекса онъ называлъ Давида, сдѣлавшаго между прочими произведеніями бюсты Шатобриана, Виктора Гюго, Гёте, Беранже и колоссальный бюстъ Бальзака, который и подарилъ послѣднему; чтобы сдѣлать бюстъ Гёте художникъ ѣздилъ въ Веймаръ. Тутъ онъ уломянулъ еще молодого скульптора Прео, сдѣлавшаго его статуэтку; художника этого Бальзакъ въ благодарность свезъ въ Римъ. Я хотѣлъ узнать его мнѣніе о памятникахъ Петра Великаго, о группахъ барона Кладта и о нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ скульптуры въ Петербургѣ. Онъ отвѣсилъ о нихъ какъ нельзя лучше; но не могъ не сказать тутъ же: „mais nous avons aux Champs Elysées deux superbes chevaux en marbre, ils sont je crois les meilleurs du monde“.

Пріѣхали въ Митаву; Бальзакъ крѣпко проголодался, а хорошенькія прислужницы какъ нарочно медлили обѣдомъ. Въ Ригѣ свѣлъ на мое мѣсто вмѣстѣ съ Климченкой какой-то старикъ, который несмотря на преклонныя лѣта удивилъ насъ своею живостью. Въ Митавѣ онъ подселъ къ фортепиано, которое едва держалось на ножкахъ; на билетѣ ихъ было написано: Carl Codel, Amsterdam. 1806. Старикъ началъ поколачивать косточками своихъ пальцевъ по оловяннымъ косточкамъ инструмента, которыя чуть ли не были ровесниками между собою; онъ игралъ на какой-то особенный тактъ какой-то танецъ. Мы подлюбопытствовали узнать отъ него о цѣли его путешествія. Онъ съ видомъ, что называется, бывалаго человѣка, отвѣчалъ что онъ нидерландскій помѣ-

щикъ, путешествуетъ для своего удовольствія, большой любитель балетовъ, и по его расчетамъ долженъ застать Фанни Эльслеръ въ Берлинѣ; что наконецъ отъ последней онъ въ восхищеніи. Мы едва держались отъ смѣха, глядя на эту старую, низенькую фигурку, прикрытую старою же, съ несмѣтнымъ числомъ воротничковъ шинелью и говорившую скороговоркой разомъ на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ, и на всѣхъ трехъ прескверно. Въ Митавѣ мы встрѣтили А. П. Лоди и едва узнали другъ друга. Въ усахъ, постарѣлъ. Кажется, далеко ли еще мы отъѣхали отъ Петербурга, а ужъ такъ были рады встрѣчѣ съ Русскимъ. Я сказалъ ему что съ нами обѣдаетъ Бальзакъ, который въ это время негодовалъ на бурду подаванную намъ подъ именемъ сула. „Chez nous on donne ça aux cochons!“ кричалъ онъ и въ то же время отвѣчалъ очень мило на привѣтствія Лоди. Мы простились съ послѣднимъ, пославъ всѣмъ вамъ поклоны. Бальзакъ былъ утомленъ яичницей, которая составляла единственное его утѣшеніе въ продолженіе всей дороги. Въ этомъ же трактирѣ мы нашли акватянту *Судъ Париса*: и Парисъ и три богини во французскихъ костюмахъ. Пріѣхавъ въ Таурогенъ Бальзакъ былъ въ большомъ ударѣ, и неудивительно: онъ привыкъ къ хорошему, изысканному столу и нашелъ здѣсь прекрасный завтракъ и хорошій чай. „Est ce que c'est vraiment un sculpteur?“ спросилъ онъ меня, указывая на моющагося Климченку. Я отвѣчалъ на его вопросъ утвердительно. „Mais il est trop propre pour être sculpteur.“ Предъ завтракомъ онъ просилъ у насъ почтовой бумаги; мы его снабдили и въ то же время сами писали письма, которыя не знаю получили ли вы. Изъ треска сквернѣйшихъ перьевъ составилось трио, которому мы не мало смѣялись. По окончаніи писемъ Бальзакъ вытащилъ изъ своей корзинки бутылку сотерна. „Voilà la dernière bouteille, il faut la boire glorieusement!“ вскрикнулъ онъ, и бутылки какъ не бывало. При расплатѣ дѣвушка начала болтать съ намъ по-нѣмецки; онъ отвѣчалъ ей прерывающе: „jeune fille, je ne vous comprends pas, mais ça m'est égal.“ Подъѣзжая къ заставѣ нашей границы съ Пруссіей мы совершенно не замѣтили часового, который вмѣстѣ съ своею будкой былъ скрытъ за зеленью, а предъ нами на всемъ необъятномъ пространствѣ проха-

живались только двѣ курицы. „Voyez, un grand empire comme la Russie est gardé par deux poules“, сказалъ Бальзакъ, разсмѣясь своему замѣчанію, и я вторилъ ему невольно. Вотъ и Пруссія! Прощайте, я надѣюсь съ вами увидѣться въ слѣдующемъ лѣсѣмъ въ Берлинѣ или въ Мюнхенѣ.

II.

Вотъ и Пруссія! Начались хлопоты съ деньгами; я самъ плохо ихъ разбиралъ, а Бальзакъ по-нѣмецки ни слова; пришлось и за него разчитываться. Проѣзжая пограничныя мѣста Россіи мы очень рѣдко встрѣчали селенія, а все пустыя поля, или длинныя лѣса. Тѣмъ чувствительнѣе для нашихъ глазъ былъ переходъ въ Пруссію, которая похожа на картину нарисанную аккуратною нѣмецкою кистью, гдѣ помѣщены и овцы, и гуси, и свиньи. Бальзакъ не переставалъ сердиться то на скверный хлѣбъ, то на тухлую говядину, то на пересоленное масло. „Mon Dieu, quel pays!“ восклицалъ онъ. Къ тому же дряхлый обожатель бабета, взявшій снова мѣсто въ дилижансѣ до Тильзита, выводилъ литератора изъ терпѣнія своими докучливыми и невнятными разспросами, такъ что Бальзакъ потерялъ совершенно свое веселое расположеніе. Забавно было видѣть какъ онъ сердился во снѣ на неудобство своего изголовья: его все бѣсило.

Кондукторъ, узнавъ отъ меня что со мною ѣдетъ Бальзакъ, французскій литераторъ, немедленно началъ съ нимъ разговоръ ломанымъ французскимъ языкомъ. Бальзакъ просилъ меня пересказать слова кондуктора.—Онъ говоритъ что вашъ профиль очень похожъ на профиль сочинителя, передалъ я Бальзаку. Тотъ, засмѣявшись кондукторскою любезности, отвѣтилъ: *il est difficile de se ressembler plus*. Дорогой мы попали подъ ужаснѣйшій дождь. „Voilà le bouillon que nous avons eu ce matin“, сказалъ Бальзакъ, не перемѣняя прежняго расположенія духа.

Я предложилъ Бальзаку для разсвѣнія пересмотрѣть мой альбомъ. Ему особенно нравились рисунки сдѣланные бойко, на скорую руку: сейчасъ видно Француза. Однако онъ поразилъ меня тутъ же чрезвычайно

тонкимъ замѣчаніемъ, свойственнымъ самому опытному художнику. Именно: разсматривая знакомый вамъ рисунокъ *Купанье Венеры, которую погружаютъ въ воду зефиры*. Этотъ рисунокъ многимъ нравился; я и самъ былъ доволенъ его составомъ; но слова Бальзака: „il y a trop d'enfants; ça ôte la figure principale“, навели меня на улучшение этой группы. Въ Тильзитъ пріѣхали мы около четырехъ часовъ вечера и остановились въ Hôtel de Russie. Первымъ дѣломъ было омовеніе. Бальзакъ, перемѣняя бѣлье, щеголялъ и хвалился предъ нами своею грудью и торсомъ. Я ему сказалъ что лучшей модели для Бахуса не желалъ бы имѣть. За обѣдомъ шутили и смѣялись вдоволь; послѣ обѣда Бальзакъ пошелъ къ директору почты, дочери котораго сказали что онъ умретъ, если его не увидать; а мы еще не знали что предпринять. Mädchen совѣтовала намъ идти въ театръ, и принялась объяснять достоинства игры Листа, который не задолго до насъ былъ въ Тильзитѣ. Мы слушали ея болтовню охотно, потому что у нея очень мило двигался ротикъ. Наконецъ я узналъ что въ отелѣ есть рояль, и сходивъ при лунномъ свѣтѣ купить сигаръ, мы съ Климченкой воротились въ прекрасно меблированную комнату нижняго этажа, гдѣ нашли очень недурной рояль, на которомъ я игралъ, родныя лѣсны. Климченко, облокотясь на диванъ, призадумался; я пересталъ играть и тоже призадумался, я былъ между вами въ эти минуты. Перебравъ на клавишахъ все что могло мнѣ напомнить лучшія минуты моей жизни въ Петербургѣ, я возвратился въ свою комнату. Поздно вечеромъ Бальзакъ воротился отъ почтъ-директора; громко и радостно объявилъ намъ что онъ переговорилъ съ послѣднимъ, и мы рано утромъ другаго дня ѣдемъ съ легкою почтой. Вслѣдъ за этимъ мы начали укладываться спать. Въ комнатѣ была одна кровать и мы предоставили ее Бальзаку, который не переставалъ хлопотать обо мнѣ, когда я помѣстился на диванѣ, потомъ о Климченкѣ, котораго онъ бранилъ за недогадливость и самъ уложилъ для него шубу вмѣсто тюфика на стульяхъ, а вмѣсто простыни прикрылъ ее полотенцемъ. Мы благодарили его за вниманіе и хлопоты, и, смѣясь остротамъ Француза, заснули сладчайшимъ сномъ. Въ Кенигсбергъ пріѣхали около шести часовъ вечера и прямо начали хлопотать объ отпращиваніи въ Берлинъ. Но хло-

лоты оказались излишними: мѣста Бальзаку и намъ были уже записаны, и мы снова благодарили его. Обѣдать отправились въ *Hôtel de Berlin*. Бальзакъ все боялся опоздать, торопился; однако мы успѣли покушать вдоволь и поохотатъ надъ вкусомъ Нѣмцевъ, которые гипсовую фигуру Наполеона раскрасили разными красками и помѣстили на кровштейнѣ въ столовой отеля. За столомъ мы еще много смѣялись надъ Климченкой, который, развернувъ свой билетъ, прочиталъ что онъ ѣдетъ изъ Кенигсберга въ Тильзитъ, то-есть обратно, и опрометью бросился въ почтамтъ, дабы успѣть исправить ошибку аккуратныхъ Нѣмцевъ. Кенигсберга мы почти не видали; съ почты въ трактиръ, потомъ опять на почту, тамъ въ карету, вотъ и все... Въ окна же послѣдней предъ нами мелькала грязь рядомъ съ прекрасными магазинами; да еще замѣтили мы что право напрасно клеветуютъ на Нѣмцевъ будто воѣ они честны. Нахальство съ которымъ здѣсь обираютъ деньги у иностранцевъ замѣчательно. У насъ на Руси мошенникъ такъ ужъ и смотритъ мошенникомъ; сразу видишь что содрать хочетъ, такъ и держишь себя; а подобнаго разбора Нѣмецъ въ началѣ подвернется такимъ услужливымъ, кажется одно благородное желаніе угодить иностранцу двигаетъ имъ; не знаешь какъ отблагодарить его, *ich danke* цѣлыми пригоршнями сылаешь, а какъ придетъ дѣло къ концу, кромѣ денегъ ничѣмъ и не отдѣдаешься. По дорогѣ къ Фридбергу дождь былъ нашимъ вторымъ кондукторомъ; не разъ Бальзакъ, отворивъ окно кареты, которое уже долженъ былъ заперать отъ брызговъ, говорилъ съ видомъ отчаянія: *nous sommes toujours en Prusse*. Отъ Конецца до Фридберга я уступилъ свое мѣсто одной Нѣмочкѣ, которая хотя была и не въ первой порѣ, но недурна. Я былъ разжалобенъ ея положеніемъ, потому что она была принуждена сидѣть между тремя сигарокурами и пересаживаться подъ дождемъ изъ кареты въ карету на каждой станціи. Когда мы остановились въ Ландсбергѣ, меня мучила ужасная жажда и я торопился достать лива; въ это самое время старикъ высокаго роста, весьма почтенной наружности, съ ленточкой Краснаго Ора, подошелъ къ окну дилижанса, около котораго сидѣлъ Бальзакъ, и рекомендовался ему, показывая ему какую-то книжку. Изъ движеній того и другаго можно было угадать что они говорили другъ другу въживости. Пиво помѣшало мнѣ слышать ихъ

разговоръ; я послѣлъ только къ послѣднимъ словамъ Бальзака... „*Il est agréable de rencontrer un confrère!*“ Послѣ я узналъ что старикъ этотъ былъ Неренбергъ—докторъ, философъ, астрономъ и почтъ-директоръ. Сцена была удивительная! По выѣздѣ изъ Ландсберга, мы увидѣли закатающееся солнце, которое, освѣтивъ простенькій пейзажъ, превратило его въ безплодную картину. Я это замѣтилъ Бальзаку.

— *Oui, le soleil est un grand artiste*, сказалъ онъ.

Стало вдругъ тепло, свѣтло; мы ощущали всю прелесть прекраснаго осенняго вечера, и тѣмъ сильнѣе онъ на насъ подѣйствовалъ что явился послѣ долгихъ дождей и несносныхъ вѣтровъ. Я говорилъ Бальзаку что мы намѣрены сдѣлать вояжъ лѣшкомъ по Саксонской Швейцаріи.

— Отлично, подхватилъ Бальзакъ, — мы возьмемъ палки, лошадь... Лошадь необходима, я не молодъ. А сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать шесть.

— А вашему товарищу.

— Мы ровесники.

— Ну такъ вы оба вмѣстѣ старше меня.

— Въ такомъ случаѣ мы оба сядемъ на лошадь, а вы пойдете лѣшкомъ, сказалъ я.

Мы смѣялись и обдумывали планъ нашего лѣшеходства. Послѣ этого онъ сталъ насъ благодарить за помогу ему въ сношеніяхъ съ Нѣмцами, далъ намъ свой адресъ въ Парижѣ, замѣтивъ что тамъ онъ постоянно скрывается, и, не имѣя вѣрнаго адреса, найти его трудно. Обѣщалъ доставить намъ возможность видѣть въ Парижѣ все любопытное, избѣгая лишнихъ издержекъ: показать дворцы, галлеи, мастерскія художниковъ и дать билетъ въ Палату Депутатовъ. Дорогой и дрянной ужиной измѣнилъ совершенно доброе расположеніе духа Бальзака, такъ что онъ въ сердцахъ вскрикнулъ:

— *Si ça va de cette manière—j'irais tout droit de Berlin à Paris!*

Сомъ часто въ минуты голода оказывалъ намъ услуги, и на этотъ разъ случилось также; шоссе, съ своей стороны, было такого мягкаго характера что убаюкивало въ каретѣ. Къ утру, въ шесть часовъ, кондукторъ толкнулъ меня локотъ, и вскрикнулъ:

— Вотъ Берлинъ!

Не назовите кондуктора невѣжей: я самъ его просилъ разбудить меня когда подъѣдемъ къ Берлину. Прощайте, увижусь съ вами въ Берлинѣ или Мюнхенѣ. Addio.

III.

Приѣхали въ Берлинъ въ шесть часовъ утра, и остановились въ Hôtel de Russie. Это былъ первый большой городъ который мы встрѣтили на пути. Первые два дня мы бѣгали по его улицамъ вдвоемъ съ Климченкой, не отдаляясь, впрочемъ, отъ центра гдѣ соединено все любопытное. Въ отелѣ насъ испугала дороговизна; пошли на удачу отыскивать обѣдъ подешевле, и попали въ колбасную лавку Юнга, гдѣ наѣлись *карбонадо* (прекрасное блюдо), и потомъ учились по-нѣмецки у очень хорошенькой дочери хозяина Матильды. Самъ Юнгъ былъ нѣкогда въ Петербургѣ, жилъ на Острову, и встрѣтилъ и угощалъ насъ какъ своихъ знакомыхъ. На третій день Бальзакъ, узнавъ что мы уже кое-что поразвѣдали, просилъ походить съ нимъ по городу; а вечеромъ, въ шесть часовъ, звалъ въ свой номеръ отобѣдать. Мнѣ любопытно было слышать сравнительное мнѣніе Бальзака о Берлинѣ и Петербургѣ, и я охотно отправился съ нимъ. Мы приблизились къ музею Шинкеля, на наружной стѣнѣ котораго теперь лишутся фрески. Стройность и такъ сказать стильность этого зданія дѣлаютъ его лучшимъ въ прусской столицѣ. Расположеніе залъ прекрасно, въ особенности въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ находятся антики, между которыми отличаются Ариадна, Бахусъ, Мальчикъ съ виноградомъ, Меркурій; Флора и Аполлонъ замѣчательны драпировками. Большая часть всѣхъ этихъ антиковъ безъ головъ, рукъ и ногъ, которыя реставрированы иногда удачно, но чаще очень не хорошо. Въ верхнемъ этажѣ размѣщены картины, и какъ нельзя лучше. Круглая зала прекрасна; она, какъ и другія, нисколько не обременена украшеніями, которыя были бы излишними въ музеумѣ, гдѣ должны играть главную роль сокровища скульптуры и живописи. Шинкель совершенно понялъ это, и все вниманіе, какъ это видно, обратилъ на пропорціи. Бальзакъ замѣтилъ что музей Шинкеля прекраснѣйшій памятникъ и построенъ изъ камня, не изъ

кирлича, какъ это дѣлаютъ въ Петербургѣ. Внутри онъ не былъ и, повидимому, мало интересовался. На цоколѣ музея поставлена бронзовая группа Кисса: амазонка на конѣ поражаетъ тигра. Это произведение мнѣ нравилось еще въ гравюрѣ, приложенной когда-то къ *Художественной Газетѣ*, и потому я нѣсколько разъ приходилъ любоваться этою красивою группой исполненной жизни, несмотря на слова Бальзака что въ лошади не достаеъ бѣшенства, что хвостъ ея долженъ бы былъ разстилаться въ воздухѣ, что голова ея не имѣетъ достаточно огня, и что амазонка кольемъ не можетъ убить тигра. Что касается хвоста, то французскій литераторъ забылъ что, художникъ имѣлъ дѣло не съ перомъ, а съ металломъ. На площадкѣ предъ музеемъ находится огромная чаша изъ камня; полированіе ея производилось паровою машиною, силою въ десять лошадей, и производилось два года съ подовиной. Она Бальзаку чрезвычайно понравилась. Отсюда мы перешли черезъ большую площадь, посреди которой фонтанъ, къ королевскому дворцу. Хотя Бальзакъ и старался меня увѣрить что онъ красивѣе петербургскаго Зимняго Дворца, но я все-таки отдаю преимущество Растрелли. „C'est plus majestueux!“ говорилъ онъ, и тутъ же осыпалъ чрезвычайными похвалами Лувръ, который называлъ чудомъ, и насчиталъ громадныя суммы на него потраченныя; превозносилъ также въ немъ плафонъ написанный Эггромъ. Въ Берлинскомъ королевскомъ дворцѣ онъ окритиковалъ только главныя ворота, которыя, несмотря на свою огромность, дѣйствительно не представляютъ ничего величественнаго.

— Надо чтобы маленькая дверь казалась большою—вотъ архитектура! говорилъ онъ. Я, по привычкѣ моей, усиленной еще люболытствомъ, почти бѣгалъ по городу; запыхавшійся Бальзакъ безпрестанно сдерживалъ меня. Каждый разъ я просилъ извиненія и потомъ забывшись снова утомлялъ его скорою ходьбой. Прохожіе безпрестанно останавливались и глазѣли на него; я подозреваю не узнавали ли его по извѣстной всѣмъ его каррикатурѣ; къ тому же широчайшій фракъ, порядочное брюшко, на шеѣ яркій малиновый платокъ, полная, цвѣтущая фizioномія и какая-то особенная походка увальня, которая подала поводъ здѣсь русскимъ студентамъ прозвать его *каракамуцей*, не могли не останавливать на себѣ глазъ мимопроходившихъ. Пере-

ходя черезъ Дворцовой мостъ спутникъ мой остановился и вскрикнулъ: „очень красиво; такого нѣтъ въ Парижѣ.“ И точно, тумбы изъ шлифованнаго гранита, соединенныя бронзовыми, хорошаго рисунка, рѣшетками, придаютъ большую красоту этому мосту; жаль только что перила, идущія отъ него по набережной, составляютъ совершенную ему противоположность своею бѣдностью и безобразіемъ. Съ моста мы сошли по прямому направленію въ Липовую аллею (Unter den Linden). Здѣсь университетъ (основанъ въ 1809) очень красивое зданіе. Бальзакъ нашелъ, впрочемъ, что оно какъ-то голо; при колоннахъ Коринтскаго стиля необходимо было украсить орнаментами фасадъ; боковыя стороны не соотвѣтствуютъ портику; и я совершенно съ нимъ согласенъ въ этомъ случаѣ. Когда мы подошли любоваться статуей Блюхера, то онъ мнѣ замѣтилъ: „Это лучше статуи Суворова“. Я самъ думалъ такъ и потому согласился; но въ барельефахъ, помѣщенныхъ на пьедесталѣ, смѣсь мифологіи съ дѣйствительностью не шла, на что спутникъ мой въ свою очередь тоже согласился. „Что это за статуи?“ спросилъ меня Бальзакъ, указывая на двѣ мраморныя статуи, помѣщенныя по бокамъ королевской караульни (построенной также по проекту Шинкеля). Я называлъ статуи Шарнгорста и Бюлова. Онѣ достоинствомъ ниже статуи Блюхера. Мы продолжали нашу прогулку. Бранденбургскія ворота очень хороши; но колесница, поставленная на нихъ, еще болѣе занимала меня: она была лѣтвицей Французовъ и снова воротилась въ Берлинъ. Желая разыграть вполнѣ роль чичероне я и это объяснилъ Бальзаку, не разбирая понравится ли Французу или нѣтъ маленькій эпизодъ изъ войны 1814 года.

Въ шесть часовъ въ комнатѣ Бальзака былъ приготовленъ щегольски сервированный столъ, съ бутылкой шато-марго и графиномъ чудесной мадеры. Обѣдъ былъ очень сытенъ и изященъ, и неувидительно! Бальзакъ, такъ увлекательно описывающій обѣды, самъ назначалъ блюда. „Въ Германіи не умѣютъ ѣсть. Надо чтобъ вы побывали во Франціи. Это страна кухни и танцовщицъ,“ говорилъ онъ. Мы ѣли съ Клаимченкой съ большимъ аппетитомъ, Бальзакъ не отставалъ, въ то же время шутилъ и безпрестанно подливалъ намъ то того, то другаго вина. Надо было видѣть какъ онъ восхищался прекрасными фаянсовыми

тарелками и вообще всё въ сервизомъ стола. Поблагодаривъ его, мы распрощались, и такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ въ подобныхъ случаяхъ оставаться въ долгу, то я пригласилъ его на слѣдующее утро на завтракъ. Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Бальзакъ. Мы разстались, пожелавъ другъ другу спокойной ночи. Въ нашей комнатѣ былъ ужасный холодъ; но спасительное свойство перинъ, которыми здѣсь покрываются, отогрѣло тѣло, а звуки фортепіанъ, раздававшіеся въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщался какой-то музыкантъ, отогрѣли душу. Незвѣстность, къ которой стремился, воспоминанія прошедшаго, мечты, все это перевивалось, сплеталось въ головѣ, и наконецъ сонъ такъ пріятно, такъ сладко сомкнулъ глаза. Климченко писалъ письма.

16го октября къ десяти съ половиною часамъ, къ самому завтраку, явились Салианиковъ и Теофилактовъ, встрѣча съ которыми намъ была очень пріятна; они потомъ помогали намъ видѣть еще нѣкоторыя достопримѣчательности. Были въ Thiergarten, который пусть и скученъ, и гдѣ мы, кромѣ вѣлки, никого не встрѣтили; посетили церковь Св. Маріи, вышина колокольни которой 286 футовъ; Lagerhaus, древнѣйшее строеніе, бывшее мѣстопребываніемъ курфюрстовъ, потомъ обращенное въ шерстяную мануфактуру; нынѣ въ немъ помѣщаются присутствія по разнымъ администраціямъ; католическую церковь на подобіе Пантеона въ Римѣ; осмотрѣли статую великаго курфюрста Фридриха Вильгельма, изваяніе которой принадлежитъ Шлитеру, а отливка Якоби. Статуя эта любопытна затѣйливымъ сочиненіемъ.

Салианиковъ сообщилъ намъ, указавъ на бабу которая торговала яблоками у самаго входа на лѣстницу дворца, что разъ какъ-то король возвратившись во дворецъ удивился что нѣтъ торговли на лѣстницѣ и узнавши что полиція согнала ее съ этого мѣста, велѣлъ отыскать ее чтобы она постоянно тутъ торговала, если находить мѣсто удобнымъ. Узнали также что Unter den Linden живетъ баронесса фонъ-Арнимъ, бывшая Беттина, возлюбленная Гёте, которая говорятъ теперь ужасно сумашествуетъ. Намъ очень интересовала Вильгельмова площадь, на которой мы знали что находятся мраморныя статуи героев Семилѣтней войны. Взяли фіакръ, причемъ Климченко разбранилъ меня

за напрасную трату пяти зильбергрошей. Срединѣ площади служить для объѣздки лошадей и окружена деревьями, между которыми едва замѣтны помѣщенные статуи, не имѣющія никакого художественнаго достоинства. Чуть было не забылъ сказать о театрѣ Шинкеля, который хотя и очень хорошъ, но имѣетъ характеръ слишкомъ серьезный; въ немъ только и играть Софокловы трагедіи. Бальзакъ имъ чрезвычайно восхищался.

Въ день именинъ короля мы обѣдали въ Hôtel de Belvédère, гдѣ кормятъ хорошо и дешево; сразились съ Теофилактовымъ на билліардѣ, а потомъ отправились на квартиру Салианикова, гдѣ возникъ ужаснѣйшій споръ, который мы заѣдали превкусными фруктами. Салианиковъ учится здѣсь на свой счетъ; человекъ совершенно поглощенный философіей, безпрестанно теряющій или забывающій что-нибудь, или хватающій по ошибкѣ чужой зонтикъ, энтузіастъ и страстный послѣдователь Шеллинга, бился не на животь, а на смерть, отстаивая идею что *быть* и *не быть*—одно и то же. Какъ нарочно онъ попалъ на Теофилактова и Паровицкаго, которые партизаны только точныхъ и положительныхъ наукъ: одинъ натуралистъ, другой химикъ. Въ этотъ же вечеръ мы были въ театрѣ, гдѣ давали оперу. Театръ очень малъ, но не дуренъ; проходы между креселъ несомненно тѣсны, лаафонъ безвкусенъ, оркестръ бѣденъ и плохъ. Въ театрѣ мы нѣсколько запоздали, и кантаты которую пѣли въ честь короля мы не слышали за исключеніемъ конца; въ углубленіи сцены былъ поставленъ бюстъ Фридриха. Странно что въ антрактахъ Нѣмцы не курятъ, а заѣдаютъ свой восторгъ только яблочными пирогами. Послѣ спектакля мы опять собрались у Салианикова и начались толки и споры о музыкѣ. Я спросилъ о Тикѣ, и мнѣ сказали что онъ живетъ въ Санъ-Суси у короля, который его очень любитъ. Кстати о Санъ-Суси. Тамъ въ былое время одинъ мельникъ имѣлъ водяную мельницу; король не знаю почему захотѣлъ ее уничтожить; мельникъ началъ процессъ. Дѣло длилось не долго, рѣшили, и послѣдній тяжбу выигралъ.

Мнѣ очень любопытно было видѣть Египетскій музей, находящійся въ королевскомъ замкѣ Монбизу, и мы въ него попали. Здѣсь богатое собраніе предметовъ относя-

щихся къ религіи, къ погребальнымъ обрядамъ и къ общегитію древнихъ Египтянъ. Замѣчательна гробница, найденная въ одномъ склепѣ. Эта гробница состоитъ изъ трехъ деревянныхъ гробовъ, вложенныхъ одинъ въ другой, и послѣдній заключалъ въ себѣ мумію первосвященника. Небольшая модель лодки, выдолбленной изъ сикомора и раскрашенной, снабженной снастями и наполненной фигурками, была найдена также въ склепѣ и даетъ точное понятіе о плаваніи древнихъ по Нилу. Эта драгоценная модель показываетъ всѣ подробности обрядовъ которые были употребляемы Египтянами при погребальномъ похоронѣ по ихъ священной рѣкѣ. На носу лодки стоитъ мужская фигура, которая по видимому показываетъ луть; сейчасъ за ней другая, закалываетъ быка; потомъ третья, читающая книгу съ іероглифами. Подъ балдахиномъ, устроеннымъ посреди лодки, помѣщена гробница, въ которой заключена мумія священника; съ обѣихъ сторонъ гробницы по три плакальщицы. На кормѣ Египтянинъ съ весломъ управляетъ лодкой. Найдены также модель храма, два жезла первосвященника и черепъ быка, которые помѣщены тутъ же подъ большимъ стекляннымъ кофлакомъ. Подъ гробницей сдѣлана надпись: *Chambre sepulcrale intacte, découverte dans les souterrains de la Necropolis de Thèbe par Joseph Passalacqua de Trieste. Le 4 decembre 1823.* Между другими предметами мы замѣтили одну удивительно сохранившуюся голову муміи, женскій туалетъ, ожерелья, кольца, гребень, булавки, алтеку въ небольшомъ ящикѣ; бальзамъ, каменные ножи, оружія, палитру съ кистями, ультрамаринъ въ горшечкѣ, краски въ раковинкахъ, сандалии, гребни для льна, орудія для вязанья, виноградъ, рожь, орѣхи. Въ гробничкахъ и безъ гробничекъ, обожаемыя Египтянами кошки, собаки, ибисъ, змѣи, крокодилы, рыбы, лягушки, орлята, нѣтъкомыя разныхъ родовъ. Предъ нами подъ стеклами лежала вся египетская религія!

17го октября Бальзакъ пришелъ утромъ въ нашу комнату и сказалъ что на другой день ѣдетъ съ нами вмѣстѣ въ Лейпцигъ, и хлопоталъ очень, чтобъ успѣть видѣть тотъ погребокъ, въ которомъ пивалъ Гофманъ. Онъ насъ надомнилъ и мы послѣ довольно долгихъ поисковъ, узнали что этотъ погребокъ находится въ Шарлотенъ-Штрассе, въ № 32. Сейчасъ туда! Намъ показали комнату и столъ, гдѣ Гофманъ просиживалъ цѣлые вечера и ночи. Надъ

самымъ столомъ виситъ картинка, сдѣланная, если не ошибаюсь, самимъ Гофманомъ; на ней изображенъ портретъ фантастика, смѣющагося надъ своимъ пріятелемъ Девріеномъ, хорошимъ актеромъ, который залилъ какъ-то вечеромъ вмѣстѣ съ Гофманомъ и совершенно позабылъ что долженъ въ этотъ вечеръ играть. На картинкѣ изображенъ моментъ когда Девріенъ опомнился, но это уже было за полночь; на столѣ опорожненныя бутылки шампанскаго. Баальзакъ досадовалъ что хозяина погребка не было дома; у хозяина этого хранятся нѣсколько рукописей Гофмана, которыя тотъ лично давалъ хозяину отъ вечера до вечера на сбереженіе. Вечеромъ насъ собралось пять человѣкъ, сѣли въ фіакръ и покатили въ концертъ. Нашли пространную залу, освѣщенную очень хорошо люстрами: множество столовъ были разставлены въ разныхъ направленіяхъ, и каждый былъ занятъ или цѣлыми семействами, или партіей ремесленниковъ, или ватагой шалуновъ, или группой студентовъ, которые большею частію были очень серьезны. Когда мы вошли уже оркестръ музыки гремѣлъ какимъ-то вальсомъ; мы заняли также особенный столъ и совершенно нечаянно встрѣтили еще троихъ Русскихъ, съ которыми уже познакомились за прекраснымъ общимъ столомъ въ нашемъ отелѣ. Они присоединившись къ намъ начали шампанскимъ, которое здѣсь очень дешево; намъ оставалось кончить тѣмъ же,—мы такъ и сдѣлали. Нѣмцы, наслаждаясь музыкой, сопровождали звуки глотками лива изъ огромнѣйшихъ стакановъ, а Нѣмочки, между которыми было очень, очень много хорошенькихъ, вязали чулки или хозяйничали въ своемъ кружкѣ, разливая чай. Тихое удовольствіе царствовало повсюду и несмотря на большое число присутствующихъ, было очень скромно и тихо; никому не запрещалось и прогуливаться здѣсь; но на это рѣшались только тѣ, которые были половчѣе, потому что приходилось лавировать въ узкихъ промежуткахъ между столами.

18го октября нашу поклажу сложили въ одинъ фіакръ, а сами мы сѣли въ другой. Содержатель отеля, очень хлопоталъ объ удобствѣ нашей отправки и мы распрощались. Саліаниковъ хотѣлъ также съ нами ѣхать въ Лейпцигъ, а оттуда въ Дрезденъ, и положивъ свой сюртукъ въ мой чемоданъ, просилъ взять ему также билетъ на желѣзной дорогѣ; но не явился въ назначенный часъ. Мы ждали,

ждали, наконецъ боялись уже опоздать; Бальзакъ бѣсился... Мы поѣхали! Только-что вышли на Unter den Linden, видимъ поклонникъ Шеллинга бѣжить сломя голову по тротуару. Мы ему кричимъ, машемъ руками. Онъ отвѣчаетъ что паспортъ его еще не визированъ, что онъ бѣжитъ въ полицію. Вотъ до чего доводитъ философія! подумалъ я. Бальзакъ спросилъ меня что онъ говоритъ и почему не садится. Я объяснилъ въ чемъ дѣло и нетерпѣливый Французъ снова началъ кричать и горячиться; спустя же нѣсколько времени самъ началъ смѣяться, а потомъ опять сердиться, и эти переходы повторялись пока мы не доѣхали до желѣзной дороги. Я не могъ надивиться въ немъ этой переходчивости отъ досады къ смѣху и обратно. Мы пошли къ самому часу отправления машины; сѣли въ вагонъ, раздакъ свистокъ,—мы понеслись, а билетъ Салианикова остался у меня въ карманѣ.

Поѣздка по желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Лейпцигъ была для насъ совершеннымъ наслажденіемъ. Втроемъ мы занимали цѣлое отдѣленіе вагона; дилижансы намъ надоели ужасно. Погода была прекрасная, безпрестанно мелькали города со своими церквями, башнями, съ толпами любопытнаго народа, бѣжавшаго смотрѣть поѣздъ машины. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ мы останавливались на самое короткое время, въ которое одни пассажиры высаживались и прибывали другіе. Во время остановокъ являлись съ услугами большею частію всегда хорошенькія Нѣмочки (политика хитрыхъ Нѣмцевъ трактирщиковъ), предлагая кофе, бутербродъ, шнабсъ. Солнечный день, почти каждые полчаса появленіе новаго города, непрерывная перемѣна въ лицахъ пассажировъ, часто возобновлявшійся смѣхъ Бальзака—все располагало насъ быть веселыми и мы кажется не миновали ни одной Нѣмочки чтобы не отвѣдать либо бутерброда, или шнабсу, или фруктовъ. Бальзакъ не могъ надивиться постоянству нашего аппетита, да не мало удивлялся и Нѣмцамъ, которые ѣли на каждомъ шагу. На половинѣ дороги мы пересѣли въ открытый вагонъ чтобы лучше любоваться окрестностями; но къ вечеру раскаявались; потому что при поднавшемся вѣтрѣ прозябли, а Бальзакъ такъ не зналъ куда дѣваться отъ холода. Это заставило его еще съ большимъ усердіемъ разспрашивать о лучшихъ отеляхъ Лейпцига у нѣмецкаго студента въ изношенной фуражкѣ, въ

очкахъ, съ длиннѣйшими волосами, который называлъ *Hôtel de Rome*. Въ шесть часовъ было уже совершенно темно, только безчисленные огни въ окнахъ городскихъ домовъ сказали о Лейпцигѣ. При выходѣ изъ вагона мы окружены были фалангой локлакеевъ, которые прожужжали намъ уши, крича: *Hôtel Breslau, Hôtel de Saxe, Hôtel такой, другой, иной*; вслѣдъ за этимъ ватага мальчишекъ приступила къ намъ при выходѣ на улицу, хватая наши мѣшки, зонтики, дабы отнестъ въ отель. Однако мы храбро выдержали атаку и отправились въ *Hôtel de Rome*. Бальзакъ взялъ номеръ рядомъ съ нами; начались хозяйственные распоряженія: онъ отперъ дверь въ нашу комнату, и какъ содержатель отеля говорилъ по-французски, то самъ заказалъ и обѣдъ; намъ уже не впервые приходилось полагаться на его вкусъ и потому мы оставались въ полной надеждѣ пообѣдать хорошо, что и случилось. Въ Бальзакъ, несмотря на то, что онъ, по словамъ его, кромѣ воды ничего не пьетъ, явилось желаніе испробовать хорошаго вина и онъ взявши карту читалъ: *Haut Sotterne... bon soir! Mosel... bon soir! Madéga.... bon soir!* и такъ продолжалъ прощаться и съ другими винами, пока глаза его не встрѣтились съ лафитомъ. Онъ спросилъ бутылку и выпилъ не безъ удовольствія, которое не замедлило высказаться въ его расположеніи пошалить, какъ шалили и мы грѣшныя, опорожнивъ бутылку мадеры. Началось веселье; я показывалъ фокусъ съ рюмками, и въ ту минуту когда ловкость моя должна была увѣнчаться успѣхомъ, Бальзакъ меня разсмѣшилъ и я брызнулъ виномъ на скатерть, проигравъ въ то же время бутылку вина которая шла на лари съ Климченкой. Вслѣдъ за этимъ Климченко принялась учить Бальзака по-русски; мы хохотали ужасно, наконецъ утомленные дорогой, почувствовали наклонность ко сну, но прежде захотѣли пересчитать наши деньги. Бальзакъ вложилъ постоянно за моими червонцами, которые при каждомъ удобномъ случаѣ вымѣнивалъ на свои наполеондоры. Наконецъ явилась горничная которая принесла намъ чистыя полотенца къ утру. „*Jeune fille, parlez vous français?*“ спросилъ ее Бальзакъ. Она покраснѣлась и отвѣтила: *nein*. — *Bon soir!* сказалъ Бальзакъ; это намъ напомнило его выборъ вина и мы снова смѣялись. Намъ еще предстояло въ этотъ вечеръ дѣло, именно отыскать Благовѣщенскаго чтобы передать ему сюртукъ Саліаникова. Я отправился; въ потьмахъ

извѣдиль чуть ли не весь городъ, попалъ къ студенту Курвуазье, но не нашелъ его дома. На походѣ кучеръ называлъ мнѣ Августову площадь, указывалъ мнѣ на ней университетъ и другія зданія, но я ничего не видѣлъ и ужасно досадовалъ на философа Саліаникова. Возвратился домой безъ успѣха и заплатилъ напрасно талеръ и двѣнадцать зильбергрошей; слугаиковъ моихъ засталъ уже спящими и самъ поторопился послѣдовать ихъ примѣру.

Въ пять часовъ Бальзакъ проснулся первый и разбудилъ насъ криками: *какой! другой!* Не знаю почему онъ напалъ именно на эти слова и каждый разъ произнося ихъ спрашивалъ что они значать, потомъ прибавлялъ: *je suis tout à fait un perroquet!* Естественность обхожденія, доступность и частое веселое расположеніе духа привязали насъ къ Бальзаку, и совершенно неожиданное путешествіе съ нимъ останется навсегда въ нашей памяти однимъ изъ пріятѣйшихъ воспоминаній. Онъ разказывалъ о своихъ вояжахъ, о своихъ намѣреніяхъ, о Парижѣ и пр. Однако я заболтался, а машина готова отправиться; мы мигомъ собрались. Бальзакъ, проученный наканунѣ холоднымъ вѣтромъ, взялъ второе мѣсто, а мы, какъ артисты жадные до красоты природы, сѣли на третьи мѣста. Вагоны были наполнены большимъ числомъ Жидовъ, Грековъ и Армянъ; они возвращались съ Лейпцигской армарки, которая кончилась 15го октября; мы очень жалѣли что не застали ея. Потѣшка наша была совершенно такая же какъ наканунѣ. Точно также блестяло солнце, дулъ холодный вѣтеръ; были остановки въ городахъ, въ которыхъ то садились, то высаживались пассажиры; опять повторялись появленія хорошенькихъ прислужницъ съ закусками; только и было новаго что мы замѣтили у многихъ Нѣмокъ билеты пришитые ленточками къ шейнымъ платкамъ, такъ чтобы право сидѣть на скамейкѣ было постоянно предъ глазами, и чтобы уже не было никакой возможности потерять билета. Вотъ урокъ аккуратности! Чему ни научишься въ путешествіи. Мы проѣзжали тоннель, который имѣетъ порядочную длину и крайнія точки вагоновъ отстоятъ отъ стѣнъ каменной галлерей не болѣе какъ на поларшина. Когда мы вѣхали въ это отверстіе, мною овладѣло какое-то новое, странное чувство. Совершенное отсутствіе свѣта; быстрота съ которою несутся вагоны, гулъ колесъ и звучаніе цѣпей,

отдающіеся въ каменномъ сводѣ, невольное молчаніе воѣхъ пассажировъ; искры, освѣщающія только вдали первое отверстіе тоннеля; все это выѣстъ то тревожитъ мыслью объ опасности, то заставляетъ удивляться изобрѣтательности человѣка, то представляется адомъ, то блеститъ лучемъ разума. И это смѣшеніе чувствъ такъ противоположныхъ между собою, ничтожества и гордости—дѣло вѣсколькихъ минутъ; ни то, ни другое не можетъ овладѣть вами совершенно. Вотъ уже намъ опять улыбается солнце, еще вѣскольکو миль и мы завидѣли по обѣимъ сторонамъ дороги горы, на которыхъ ютятся въ живописномъ безпорядкѣ домики поселянъ, виноградники какъ пышные ковровые узоры покрываютъ покатости; то здѣсь, то тамъ видны церкви. Какое-то тихое, безмятежное удовольствіе вѣетъ съ этихъ горъ, невольно задумаешься, но не успѣвъ я одуматься какъ мы уже пріѣхали въ Дрезденъ.

Почему слово Дрезденъ звучитъ какъ-то особенно для художниковъ, имѣетъ въ себѣ что-то манящее, привлекательное и представляется какъ бы сокровищницей чего-то великаго, чему мы научились удивляться по слухамъ, по преданію, еще съ малолѣтства? Католическое духовенство хотѣло причислить умершаго Рафаеля къ лику святыхъ; намъ остается боготворить того кто свелъ небо на земаю. Можетъ-быть вы отъ меня ожидаете описанія Дрезденской Мадонны? Это невозможно. Скажу только что съ перваго взгляда она меня не поразила, и чтобы созерцать это видѣніе надо возвыситься до него; нужно очищеніе души, которая сбросила бы съ себя всю скорлупу ежедневныхъ впечатлѣній и отдалась бы вся единственному чувству—чувству вѣры. Вглядываясь болѣе и болѣе въ чудо Рафаеля удивляешься какъ художникъ сталъ на эту высоту творчества. Чтобы передать намъ божественные лики, онъ долженъ былъ самъ въ себѣ найти тѣ неземныя чувства, которыми одушевилъ ихъ. *Sacré Dieu! comment l'homme a-t-il pu faire une chose pareille?* вскрикнувъ Балзакъ, всплеснувъ руками, когда мы выходили изъ галлерей. Копіи съ Дрезденской Мадонны, которыя у насъ въ Академіи, не могутъ дать понятія о красотахъ этой картины; для этого не довольно было приблизительнаго смѣшенія красокъ. Не даромъ Миллеръ, гравировавшій Мадонну съ чужаго рисунка, по окончаніи гравюры увидѣлъ оригиналъ и сошелъ съ ума. Дрезденская галлерей вообще чрезвычайно богата произве-

деніями живописи. Я было хотѣлъ сдѣлать ей большое описаніе, но не хватаетъ терпѣнія; назову нѣкоторыя вещи. Картина Карла Чиньяни, ученика Альбано: *Іосифъ вырывается изъ объятій жены Пентефрія*, исполнена жизни и естественности колорита; въ особенности же близка къ натурѣ сама сластолюбца. Она полная страсти и жажды наслажденія, которыя разливаются во всѣхъ чертахъ ея лица и движеніи тѣла, заставляетъ насъ, нецѣломудренныхъ юношей, желать быть на мѣстѣ Іосифа. Надъ этимъ произведеніемъ помѣщена картина Симона Кантарини, представляющая тотъ же сюжетъ. Съ перваго взгляда сочиненіе мнѣ показалось холодно, и не удивительно! За минуту я любовался Чиньяни; но когда всмотрѣлся пристально въ послѣднюю картину, то угадалъ прекрасную мысль художника. Положеніе жены Пентефрія показываетъ уже потерянную надежду обольстить Іосифа; по безпорядку волосъ и одежды видно что она употребляла послѣднія усилія дабы заключить въ свои объятія непорочнаго юношу. Теперь она обижена, пристыжена, въ ней проснулось достоинство красавицы и царицы; она дышетъ гнѣвомъ и готова опустить изъ рукъ одежду Іосифа, уже замышляетъ мщеніе равнодушному къ ея красотамъ. Имѣя въ виду переслать вамъ мое описаніе Дрезденской галлерей, я теперь совершенно ее оставляю, болѣе же потому что статья моя не приведена въ порядокъ.

Поговоримъ о самомъ Дрезденѣ. Что это за милый городокъ: совершенная игрушка! Шума здѣсь почти нѣтъ; все двигается медленно, тихо; не слышно криковъ: лади, правѣе, лѣвѣе; каждый идетъ своею дорогою, никто никому не мѣшаетъ. Скромныя фіакры не перемѣняютъ своего черепашьяго движенія; милыя Нѣмочки слѣзаетъ на рынокъ; у мушницъ на лицахъ видна забота, которую повидимому они выполняютъ съ удовольствіемъ. Тихая Эльба тихо несетъ свои воды, которыми омываетъ берега живописныхъ окрестностей города; черезъ нее красиво перегибается большой каменный мостъ, на которомъ водруженъ крестъ. Тутъ же вблизи католическая церковь, которая замѣчательна украшающими ее статуями,—потомъ превосходный, небольшой театръ, недавно выстроенный по рисунку Семлера и украшенный статуями Гаяка, Моцарта, Шекспира, Аристофана, Софокла, Вебера и Лессинга. Внутри театръ также чрезвычайно малъ, за исключеніемъ балюстрады и огромныхъ раковинъ, помѣщен-

ныхъ надъ ложами; плафоны и завѣсы отличаются превосходною художественною отдѣлкой; декорации написаны съ большимъ вкусомъ. Мы слышали здѣсь *Фрадиаволо*, который былъ выполненъ прекрасно съ перваго до послѣдняго сюжета, а оркестръ такъ хорошъ что просто заслушаешься; да и неудивительно, — Липинскій имъ дирижируетъ. Первую ночь въ Дрезденѣ я провелъ довольно безлокойно, потому что слышался безпрестанный бой часовъ на нѣсколькихъ колокольняхъ и часто также раздавались звуки рога, съ которымъ ходилъ ночной сторожъ, вооруженный сверхъ того огромною палкой. На другой день по прїѣздѣ я, Климченко и Бальзакъ бродили по городу съ двѣнадцати часовъ до семи вечера и наконецъ заблудились. Каждый изъ насъ хотѣлъ похвастать памятью мѣстности и снова вводилъ въ новую ошибку, такъ что мы переходя долго отъ незнакомаго къ незнакомому мѣсту, добрали до большой аллеи, лѣкрытой народомъ; оттуда переходя съ террасы на террасу, вышли на высокій берегъ Эльбы, откуда намъ открылся видъ очаровательный, освѣщенный закатывавшимся солнцемъ. Мы долго любовались красивыми берегами Эльбы, не нарушивши молчанія и предавшись каждый своимъ мечтамъ; но вскорѣ тихое наше наслажденіе было нарушено звуками музыки, которая раздавалась въ находившемся сзади насъ, такъ-называемомъ, Дрезденскомъ Бельведерѣ. Мы не замедлили войти въ послѣдній, гдѣ нашли уже большое общество, раздѣленное на маленькіе кружки, помѣщавшіеся за отдѣльными столами съ чаемъ или съ ливомъ. Не желая измѣнить обычаю, мы спросили лива, закурили сигарки, а сердца наши закурились еиміакомъ любви къ скромнымъ хорошенькимъ Нѣмочкамъ, которыхъ было очень много, съ своими маменьками и папеньками. Оркестръ музыкантовъ, сыгравъ увертюру изъ *Оберона*, началъ выполнять самые милые вальсы; въ антрактахъ я Климченко сообщалъ свои замѣчанія объ обществѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ тѣмъ же; мы смѣялись, острили, лѣпили свои кружки. Вдругъ раздался оглушительный аккордъ оркестра и заиграли престранный галопъ, съ лѣвіемъ музыкантовъ, въ который примѣшано было и *Крамбамбулы*. „On joue de la musique à faire fuir les chiens!“ вскрикнулъ Бальзакъ, который послѣ усталости былъ совершенно не въ духѣ; но намъ смѣхъ разсѣялъ его, и онъ улыбаясь началъ бить головой тактъ.

Въ остальные дни нашего пребыванія въ Дрезденѣ мы часто посѣщали галерею и сверхъ того видѣли Японскій дворецъ, въ которомъ очень замѣчательны двѣ старыя группы, прекрасно реставрированныя. Обѣ изображаютъ Пана и Гермафродита, не совсѣмъ въ приличномъ положеніи, отъ котораго, впрочемъ, Гермафродитъ убѣгаетъ. Бальзакъ просилъ нарисовать ему ихъ и переслать въ письмѣ въ Парижъ; я ихъ и начертилъ въ книжку Климченки. Центавръ похищаетъ кого-то; кого именно—забылъ, извините! Небольшая, но прекрасная бронзовая группа. Прочіе антики вѣсь реставрированныя, не богаче Берлинскаго музея, но встрѣчаются недурныя вещи. Въ Японскомъ же дворцѣ мы нашли всевозможные фарфоры: саксонскій, японскій, китайскій, англійскій, голландскій, неолитанскій и пр. Здѣсь также изъ фарфора модель памятника Августу III, многосложнаго сочиненія, которое предполагалось выполнить въ настоящую величину изъ фарфора. Потомъ памятникъ Екатерины II; она представлена въ фигурѣ Славы, въ племѣ Минервы и сидящую около трехъ лалымъ, на одной изъ которыхъ помѣщенъ медальонъ императрицы; тутъ же находится и фарфоровый портретъ собачки Екатерины. Прохаживаясь въ нижнихъ комнатахъ Японскаго дворца видимъ предъ собою цѣлое царство фарфоровъ, превосходныхъ по качеству и принимающихъ на себя всевозможные виды и формы; то они обращены въ изображенія великихъ людей, то въ китайскую вазу, то изображаютъ дикихъ звѣрей, то игрушку; а домашнимъ фарфоровымъ птицамъ, собакамъ, кошкамъ и числа нѣтъ. Несмотря на всю затѣйливость формы и красокъ, которыми блестятъ фарфоровыя вазы, ломпейскіе горшки гораздо больше облачаютъ вкуса и изящества, стоя съ ними рядомъ. Сверхъ того мы здѣсь встрѣтили три бокала для шампанскаго, принадлежавшіе Августу Крѣйкову, изъ которыхъ два чуть-чуть не по сажени; любопытно бы было видѣть послѣ этого брюхо Августа Крѣйкаго, которое необходимо бы было помѣстить рядомъ съ этими бокалами для исторической вѣрности. Забылъ сказать вамъ что человекъ водившій насъ по Японскому дворцу научилъ насъ ударять пальцами по китайскимъ вазамъ, дабы не только увидѣть, но и услышать ихъ достоинства, и я вамъ признаюсь, что мнѣ странно показалось какъ до сихъ поръ изъ этого фарфора не придумаютъ какого-нибудь инструмента, потому что звуки которые мы издавали ударяя

по вазамъ были такъ полны, звонки и явны что мы въ этомъ необыкновенномъ концертѣ нашли огромное удовольствіе, которымъ и воспользовались сколько позволяло время и терпѣніе сторожа, боявшагося чтобы мы подъ конецъ не разбили оркестра. Послѣ Японскаго дворца мы были въ Grüne-Gewölbe и не мало удивлялись богатству брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней въ этой галерей. Въ бытность мою въ Москвѣ Оружейная Палата передѣлывалась, ее нельзя было видѣть, а потому я не могу сравнивать эти двѣ знаменитыя сокровищницы. Здѣсь же мы встрѣтили работы якоего Динтлингера, изъ которыхъ заслуживаетъ особенное вниманіе Монгольскій дворецъ, представленный въ очень маломъ видѣ, по рисункамъ и описаніямъ. Маленькія фигурки съ вершокъ, сдѣланныя изъ золота съ наведенною эмалью, обличаютъ искуснаго художника, который сохранивъ архитектуру Монгольскаго дворца, помѣстилъ самого Великаго Могола, окруженнаго дворомъ и принимающаго пословъ. Каминъ, украшенный всевозможныхъ родовъ камнями, великолѣпенъ; онъ былъ приготовленъ въ подарокъ императору Павлу I. Не безъ большаго удовольствія мы нашли здѣсь портретъ Петра I, написанный братомъ Динтлингера, у котораго Петръ проживалъ бывъ въ Дрезденѣ. Портретъ очень схожъ. Въ той же комнатѣ намъ указали золотой ковшъ — подарокъ Іоанна Васильевича, на которомъ вычеканенъ царскій титулъ. Здѣсь много также работъ изъ слоновой кости; потомъ насъ очень заняли каррикатуры, сдѣланныя изъ перловъ, неправильная форма которыхъ подава идею художнику сдѣлать уморительныя лица.

На послѣднихъ дняхъ насъ нашелъ въ Дрезденѣ Салиа-никовъ и познакомилъ насъ съ молодыми композиторами Слалецкимъ и Стаковичемъ, которые присоединились къ намъ въ прогулкахъ, — и мы всѣ вмѣстѣ препріятно проводили время. Нѣтъ ничего досаднѣе какъ дѣлать знакомства въ путешествіи; только-что сойдешься съ лицомъ покороче и захочешь быть вмѣстѣ, глядь, оно прощается, ѣдетъ совершенно въ другую сторону или тебя торопятъ съ нимъ проститься и сѣсть въ дилижансъ. Такъ случилось и здѣсь; мы отправились вмѣстѣ обѣдать въ трактиръ, раскупили бутылку шампанскаго, поцѣловались и черезъ пять минутъ уже махали имъ платками на желѣзной дорогѣ. Совер-

шенно забылъ разказать о встрѣчѣ нашей съ какими-то русскими дамами въ театрѣ, которыя услышавъ родной языкъ безпрестанно оборачивались къ намъ и разсматривали насъ съ ногъ до головы. Мы съ своей стороны были также очень довольны слыша ихъ говорившими по-русски, и презабавно было когда онѣ и мы вслухъ разсуждали объ игрѣ актеровъ, мы слегка и осторожно противорѣчили имъ, на что онѣ дѣлали свои возраженія; но замѣтите, что мы не смотрѣли другъ на друга и не сдѣлали знакомства; дамы же, къ чести русскихъ дамъ, были прехорошенькія. *Гугенотомъ* мнѣ не удалось здѣсь слышать, о чемъ я очень до сихъ поръ сожалею. Почти постоянно каждый вечеръ мы были въ Бельведерѣ и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Какъ-то воротившись поздно въ нашъ отель мы спросили ужинать; вслѣдъ за нами вошли, съ большой компаніей мушкетъ, двѣ стройныя и прекрасно одѣтыя дамы. Мы остолебенѣли, а Бальзакъ началъ чесать себѣ затылокъ. Это были такія типы нѣмецкой красоты, какихъ я еще никогда не видывалъ, и хотя теперь живу уже подтора года въ рассадникѣ красотъ, но эти двѣ головы очаровательныхъ Нѣмокъ до сихъ поръ не изглаживаются изъ памяти.

Я говорилъ уже что Бальзакъ непременно собирался идти съ нами лѣшкомъ въ Саксонскую Швейцарію; но намѣренія его перемѣнились, и онъ отказался. Въ послѣдній вечеръ мы поужинали съ Бальзакомъ. Онъ написалъ мнѣ въ альбомѣ двѣ строки на память и свой адресъ въ Парижѣ. 22го октября я проснулся, но уже не нашелъ Бальзака; узнавъ, между прочимъ, что онъ будилъ меня, я поторопился на желѣзную дорогу, гдѣ нашелъ его уже сидящимъ въ вагонѣ. Онъ мнѣ желалъ счастливаго пути, совѣтовалъ ѣхать черезъ Мюнхенъ на Вѣну, выхваляя ужасно послѣдній городъ; потомъ обѣщалъ увидѣться въ Римѣ и звалъ въ Парижъ; я ему пожелалъ также доброй дороги, мы помѣнялись привѣтствіями; онъ благодарилъ меня за внимательность въ путешествіи. *Adieu!* сказалъ онъ; — *adieu!* сказалъ я, — и вагоны покатились. Еще было 7 часовъ утра, когда я ворочался въ отель; солнце пробиралось между туманами, которыми были покрыты городъ и окрестности. Свежесть утра и надежда на хороший день измѣнили мой планъ идти въ католическую церковь слушать пѣніе, и я предложилъ Климченкѣ отправиться лѣшкомъ за городъ. Окрестности Дрездена имѣютъ большую прелесть противъ петербургскихъ; деревья, трава и кусты

уже смотреть веселѣе и небо ласковѣе, а самая каменоломня есть начало живописныхъ горъ Саксонской Швейцаріи. Когда мы вдались глубже въ горы, то глаза у насъ разбѣжались; мы хотѣли и здѣсь и тамъ рисовать; но уже утомленные зашли въ трактиръ лежавшій въ оврагѣ и подкрѣпили себя биф-стекомъ и пивомъ. Вотъ и видъ изъ окна этого трактира; у меня есть еще другіе рисунки, но оставляю ихъ до поры до времени. Дальше мы увидѣли грозныя, суровыя скалы, а посреди ихъ какъ игрушку долину съ живописными домиками, пригрѣтую солнышкомъ, на которомъ блестѣлъ стремительный потокъ съ горъ. Весь день мы провели въ совершенной нѣтѣ; возвращаясь же вечеромъ въ городъ мы встрѣтили очень много гуляющихъ лѣшкомъ и въ кабриолетахъ. Если бы было лѣто, то мы бы непременно прошли лѣшкомъ всю Саксонскую Швейцарію, а то по ночамъ было холодно.

Наконецъ мы должны были оставить много поправившійся намъ Дрезденъ и его милые форштаты. На вопросъ нашъ: какъ проводить жизнь Дрезденцы, одинъ изъ гражданъ отвѣчалъ: если вы не найдете довольства и веселья въ первомъ этажѣ дома, то встрѣтите во второмъ; если тамъ нѣтъ, то непременно найдете въ третьемъ этажѣ. Наканунѣ отъѣзда опять зашли въ Бельведеръ, а 24го октября бросили прощальный взглядъ Дрездену и поспѣшили на желѣзную дорогу, по которой должны были отправиться въ Альтенбургъ. Пріѣхали мы на желѣзную дорогу слишкомъ рано и потому скучали. Я же воспользовался скукой и нарисовалъ съ натуры эмблему путешественника, т.-е. мой плащъ и салоги, которые уже мнѣ оказались ненужными. Такъ какъ гостиница эта только-что была устроена, то все съѣдомое и пьемое было загорожено ширмами, и вы можете догадаться почему меня на картинѣ едва видно.

Въ Альтенбургѣ обѣдъ нашъ украшался живыми, пахучими цвѣтами. Въ Плаценѣ, стремившись изъ кареты въ кафе, я испугалъ лошадей. Въ Гофѣ мы встрѣтили одного лонскаго негодянта, который намъ не мало былъ полезенъ советами на дальнѣйшій вояжъ; онъ же научилъ насъ счету баварскихъ денегъ. Въ этомъ же городѣ мы испробовали знаменитаго баварскаго пива, напоили почталіоновъ и собирали поцѣлуи съ баварскихъ красавицъ. Все это такъ обыкновенно, что писать скучно, а вамъ вѣроятно читать не веселѣе. Въ Гофѣ же въ нашу карету сѣла рыжая Итальянка съ своимъ отцомъ, которая взбѣсила меня сначала тѣмъ

что разомъ стерла съ воображенія созданный мною идеалъ Италіянки; представьте себѣ: *рыжая Италіянка!* а потомъ слабость ея нервовъ помѣшала намъ курить сигары. Несмотря на золотой блескъ ея волосъ фигура ея могла бы служить славною моделью, и потому Климченко постоянно мечталъ какъ бы уласть ей на колѣни; при одномъ сильномъ толчкѣ кареты она упала сама, только на мои колѣни... Отецъ, который берегъ ее лучше своего глаза, ужасно перепугался. Ему, кажется, показалось что дочь его начала со мной любовное изъясненіе. Подъѣзжая къ Байрейту мы встрѣчали то горы, то долины, то ручьи. Однимъ словомъ, мѣстность разнообразилась болѣе и болѣе; безпрестанно тормозили колеса дилижанса, почему мы часто выходили изъ экипажа и шли лѣшкомъ, дабы лучше любоваться видами. Къ нашему обществу присоединилось еще новое лицо, не вселявшее къ себѣ никакого особеннаго уваженія, но постоянно лѣвшее лѣсни, мотивы которыхъ заставили насъ думать что это былъ Швейцарецъ. Оказалось что онъ родомъ былъ точно таковъ; а на вопросъ чѣмъ онъ занимается, мы получили отвѣтъ что онъ *сырникъ*; расскажем о томъ какъ дѣлается сыръ, конца не было. Наконецъ перешелъ разговоръ и на другіе предметы, и упрямый сырникъ никакъ не хотѣлъ согласиться что солнышко стоитъ, и земля вертится; онъ рѣшительно утверждалъ что солнышко вертится. Удивительно какъ еще онъ, по своей системѣ, не заставилъ вертѣться міръ около каравая сыра.

Въ Байрейтѣ за ужиномъ мы простились съ милымъ негодіантомъ, а на утро 26го октября уже завтракали въ Амбергѣ. Отъ Гофа до Регенсбурга окна кареты служили намъ рамами, въ которыхъ мелькали непрерывные ряды картинъ. Регенсбургъ чрезвычайно живописенъ, имѣетъ замѣчательную церковь и множество водяныхъ мельницъ. Кондукторы оказались здѣсь ужасными грубиянами. Это была первая непріятность, вторая состояла въ томъ что обѣдъ состоялъ ни въ чемъ, а третья въ томъ что меня на возвратномъ пути изъ трактира встрѣтила безчисленная толпа Баваренковъ, шедшихъ изъ школы, которые мою сѣрую шляпу и плащъ передали жестокому досматриванію. Къ вечеру закатывавшееся солнце освѣтило одѣтыя туманомъ и облаками горы и произвело великолѣпную картину, какой мы еще до того не видали. Въ ночь на 27е октября я испробовалъ лихорадку, а наутро отъ прерывчатого путе-

ваго сна былъ разбуженъ сильнымъ холодомъ, который повѣялъ съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ. Въ 9 часовъ утра мы прѣехали въ Мюнхенъ и остановились въ одномъ изъ лучшихъ отелей.

Тѣмъ изъ восторженниковъ Мюнхена которые называютъ его Новыми Афинами можно отвѣтить моею виныеткой, потому что Нѣмецъ надѣвши на себя греческую тунику и мантию забылъ снять свой колапъ и туфли, по которымъ его сейчасъ узнаешь. Что встрѣчаешь хорошее, — противъ этого ни слова; но при близкомъ разсмотрѣніи затѣливыхъ зданій Мюнхена уронишь слезу по Афинамъ и пожалѣешь о щедрости крикуновъ на пышныя и громкія названія, которыя они даютъ неудачному обезьянничеству, принимая его за совершенство въ искусствѣ. Что же касается до любви короля къ художествамъ и художникамъ и до дѣятельности артистовъ, то этимъ надо здѣсь залюбоваться! Надо вамъ замѣтить что первое впечатлѣніе Мюнхена на меня было гораздо выгоднѣе; но послѣ знакомства съ Италіей, ужь не родится вновь желаніе увидѣть Мюнхенъ, развѣ только какъ историкъ искусства, на что я мѣчу, заѣду еще разъ въ Новыя Афины.

Новая часть города съ преширочайшею улицей покрыта огромнѣйшими зданіями: университетъ, библіотека, новостроящаяся церковь и пр. Проходя по этой улицѣ вами одолеваетъ смертельная скука, которая естественно рождается отъ сухой правильности и монотонности улицы и зданій. Симметрическая планировка улицъ точно безподобна для того чтобъ удобно развѣзжались экипажи; въ городѣ все опрятно, выглажено, правильно, вымыто, все удобно, но врядъ ли живописно; а ужь для глазъ скучно навѣрное. Хотя въ Италіи встрѣчаются такія лѣстницы въ домахъ по которымъ нельзя пройти чтобы не рисковать сломать голову. „Чудесно! кричитъ художникъ;—пусть я сломаю голову, но это живописно!“ Подите, угодите на людей! Ходя по Мюнхену видишь все претензіи на красоту, да только этими претензіями все и оканчивается. Посмотрите каковъ неуклюжій театръ! Тутъ же подлѣ почтамтъ, испещренный раскраской греческихъ всадниковъ, которые не имѣютъ никакой связи съ подлѣ стоящими фіакрами. Вотъ представился отдыхъ за общимъ столомъ и подлѣ меня очутилась рыжая. Я хочу ѣсть, а она съ разспросами; — когда я уже былъ сытъ, то нашелъ что она очень

умна и любезна. Она замѣтила мнѣ что нарѣчія Піемонтцевъ и Миланцевъ едва ли не худшія въ Италіи и что Италіянцы вообще не любятъ нѣмецкаго языка, который для нихъ очень труденъ, и наконецъ что въ Генцѣ только два нѣмецкихъ учителя. Послѣ этого толо-учено-общество-филолого-графическаго разговора мы разговорились о самомъ Мюнхенѣ; но въ это время подали чудесную телятину, которая показалась мнѣ гораздо интереснѣ Новыхъ Аѳинъ, къ которымъ надо однако снова обратиться. Описанія Глин-тотеки, Пинакотеки, Королевскаго дворца, фресокъ Испора, найдете въ *Живописномъ Обзорѣ* и у Греча; право не лежитъ сердце описывать Мюнхенъ, живя въ Римѣ! Мнѣ кажется что тамъ самое замѣчательное, это колокольчики которые аккуратность Нѣмцевъ придумала вѣшать подъ лузами билліарда. Въ Новомъ дворцѣ, въ тронной залѣ находятся прекрасныя статуи баварскихъ курфирстовъ, чудесно поставленныя, вытѣлѣянныя и отчеканенныя. Онѣ принадлежатъ Шванталеру, какъ и барельефы тянущіеся лентами по всему дворцу; но барельефы лестны, потому что имѣютъ фономъ то золото, то черный, то красный, то желтый цвѣтъ.

Прежде нежели разказать о мастерской Шванталера, упомяну о встрѣчѣ съ Листомъ. Какъ-то послѣ обѣда сгрустнулось намъ съ Климченкой и мы спросили бутылку шампанскаго. Въ это самое время явился на другомъ концѣ залы Листъ, давшій здѣсь свой послѣдній концертъ; около него обѣдали въ большой толпѣ его поклонники. Наполнивъ бокалъ шампанскимъ, я написалъ на своей визитной карточкѣ: *l'usage de Pétersbourg*, прикрылъ ею бокалъ и отослалъ на подносѣ съ прислужникомъ къ Листу. Послѣдній немедленно всталъ съ своего мѣста, привѣтствовалъ меня, расспрашивалъ о Брюлловѣ, называлъ его гениемъ живописи, расспрашивалъ чѣмъ онъ занятъ въ настоящее время. Я называлъ *Осаду Пскова*. Я также отпустилъ ему нѣсколько фразъ выражая удивленіе его искусству и сожалѣлъ что мало его слышалъ. „А сколько разъ?“ спросилъ онъ. — „Пять разъ.“ — „Ну этого довольно“, замѣтилъ онъ. Узнавъ что я ѣду черезъ Флоренцію въ Римъ, онъ просилъ поклониться скульптору Бартолини и мадамѣ Солнцевой, къ которой, какъ я узналъ, онъ былъ неравнодушенъ. Недаромъ онъ просилъ меня отыскать ее и даже сдѣлать съ нею медалионъ, дабы переслать ему въ Кёльнъ, — что я обѣщалъ, если

будетъ возможность. Послѣ нѣсколькихъ фразъ еще, которыя мы перебросили другъ другу, мы простились, и онъ просилъ также: если я буду писать къ Брюляову, то чтобы отъ него ему поклонился. Не мало также интересовался онъ Булгаковымъ, спрашивая меня: „Est ce que vous connaissez ce brave homme?“—„Кто не знаетъ его въ Петербургѣ?“ отвѣчалъ я.

На другой день мы постучались въ калитку ведущую къ мастерской Шванталера. Двое уроковъ, помощниковъ, хлопотавшіе около большой статуи, закричали-было: нельзя! Мы пошли въ мастерскую, которая подлѣ дома; тамъ уже былъ Листъ, разговаривавшій съ самимъ Шванталеромъ; въ послѣднемъ я едва узналъ дѣятельнѣйшаго художника Баваріи, глядя на его высокую, сухощавую и большую фигуру, одѣтую въ фуфайку. Всмотрѣвшись въ глаза я былъ пораженъ ихъ страннымъ блескомъ, высказывавшимъ умъ, но въ то же время не сулящимъ долгой жизни Шванталеру. Листъ помогъ намъ отрекомендоваться ему и когда Шванталеръ узналъ что мы сами скульпторы, то обошелся съ нами очень ласково, и приказалъ одному изъ своихъ учениковъ выводить насъ по всѣмъ мастерскимъ. Въ нихъ мы встрѣтили очень много прекраснаго: статую Іоанна Гуса, двѣ танцовщицы съ кастаньетами, маленькія модели статуй тронной залы въ Пинакотеки, статую Жана Поль Рихтера; и множество другихъ фигуръ и группъ алебастровыхъ и мраморныхъ. Когда мы воротились опять къ Шванталеру, Листъ пригласилъ насъ посмотрѣть въ маленькомъ кабинетѣ художника лучшую вещь,—щитъ Ахиллеса, только-что выполненный съ необыкновеннымъ искусствомъ; онъ уже былъ отлитъ изъ металла. „Я его сдѣлалъ для своего удовольствія“, замѣтилъ Шванталеръ. Мы удивлялись числу работъ которыя онъ сдѣлалъ.—Я всегда работаю, отвѣчалъ онъ. Указывая на свою *Нимфу*, онъ подводилъ насъ съ той стороны, откуда она лучше рисуется, но замѣтивъ что онъ просто боленъ и ему тяжело выносить долгіе разговоры, мы съ нимъ распростились. Онъ насъ благодарилъ за посѣщеніе. Вышедши изъ мастерской Шванталера мы вынесли въ душѣ пріятное впечатлѣніе, полученное вѣроятно отъ ласковаго пріема талантливаго и дѣятельнаго художника. Да и самая мѣстность гдѣ онъ живетъ, именно у протестанской церкви, въ чистой улицѣ, въ веселой мастерской, оказала на насъ

не малое вліяніе. Оттуда мы отправились въ литейную, устройство которой превосходно. Тамъ мы увидѣли колоссальную статую Баваріи, вышина которой 780 дюймовъ, а вышина пьедестала 300 дюймовъ. Боюсь не совралъ ли я, прикиньте какъ будетъ по нашему 65 peds и 25 peds. Она превосходна какъ декорація; имѣетъ въ одной рукѣ мечъ, въ другой лавровый вѣнокъ, голова и руки при насъ уже были сняты. Представьте, чтобы перевезти эту статую изъ модельни въ литейную, устроена желѣзная дорога; но мнѣ кажется это болѣе фарсъ нежели необходимость. Тамъ же мы нашли статуи Гёте, герцога Дармштатскаго. Также статую Булвера и Неаполитанскаго короля, работы Террани. Чекалять здѣсь безплодно, и чекашникъ имѣетъ передъ глазами оригиналъ. На отливку и чекашку статуи Баваріи опредѣлено семь лѣтъ, такъ что она будетъ готова къ 1850 году. Пушки присланные въ подарокъ Англичанами будутъ употребляемы въ ея отливку. Шванталеръ, которому теперь 44 года, подымался на особенно устроенной лѣстницѣ чтобы ее лѣлить, и его больнаго не мало сердили во время работы визиты иностранцевъ; а для того чтобы видѣть нѣсколько поодаль общую фигуру, разбирали одну изъ стѣнъ мастерской. Тогда Шванталеръ имѣлъ двадцать человѣкъ помощниковъ, а теперь имѣетъ двѣнадцать. Весело такъ работать! Еще мы видѣли у него лампачикъ Максимилиану I, курфирсту Баварскому, который очень красивъ. Статуя Баваріи пьедесталомъ будетъ служить лантеонъ, который уже теперь строится за городомъ и будетъ наполненъ бюстами великихъ баварскихъ мужей.

Въ Мюнхенѣ мы еще застали солнце, которое насъ лекало во время завтрака въ саду. Разъ какъ-то мы встрѣтили кого-то изъ королевской фамиліи въ каретѣ, запряженной шестеркой, и впереди для очищенія дороги ѣхалъ жокей; надо было видѣть какъ была мила одна Нѣмочка сдѣлавъ книксенъ предъ каретой. Въ отелѣ Баваріи мы встрѣтились съ Коцебу, который былъ въ Молдавіи, мы этому были очень рады, обѣдали вмѣстѣ, потомъ у него въ номерѣ провели время за кофе въ разговорахъ; послѣ же обѣда карточекъ распрощались. 30го октября въ 4 часа полудни мы оставили Мюнхенъ.

(Продолж. слѣдуетъ.)

МАДОННА*

ПОВѢСТЬ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

(ИЗЪ ОДНОЙ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Часа въ четыре ночи двѣ тройки въѣзжали въ одну изъ московскихъ заставъ. У шлагбаума ихъ задержали лишь на минуту: и лошади и люди были старые знакомые часовымъ. Впереди въ маленькихъ санкахъ ѣхалъ Хорватъ, за нимъ въ возкѣ княгиня. Лошади были сильно утомлены и взмылены. Они выѣхали поздно и ѣхали шибко.

Когда и санки и возокъ проѣхали подъ поднятый шлагбаумъ, Хорватъ вдругъ остановилъ кучера, и велѣвъ пропустить возокъ впередъ, вышелъ изъ саней и вернулся къ караулкѣ. Внезапная мысль, показавшаяся ему блестящею, пришла ему въ голову. Давъ на чай часовымъ, онъ спросилъ не видали ли они часовъ лять назадъ проѣзжаго, на парѣ хорошихъ лошадей, въ санкахъ, съ молодчикомъ вмѣсто кучера.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 9 и 10.

Часовые, переспросивъ подробности, вспомнили что дѣйствительно былъ такой проѣзжій и кони такіе, часа четыре тому. Самого его они не видали и не знаютъ, онъ сидѣлъ укутавшись, а молодчика и коней они какъ будто видали и прежде,

— Но должно изъ вашихъ же, Агаринскихъ, разсудить однихъ изъ караульныхъ.

— Чего врешь. Кабы ихніе, такъ баринъ не спрашивалъ бы кто такой, рѣшилъ другой. Хорватъ молча вернулся въ сани и велѣлъ догонять возокъ.

Тихою рысью по пустынь и соннымъ улицамъ доѣхали путники до Москвы-рѣки. Но вскорѣ изъ-за крышъ домовъ вдругъ показались палаты князя.

— Вотъ онъ! невольно вырвалось у Хорвата, и онъ съ ненавистью въ сердцѣ поглядѣлъ на темную широко раскинувшуюся во все стороны кровлю огромнаго дома. Ему представилось вдругъ, какъ въ этомъ огромномъ, богатомъ домѣ, въ одной изъ горницъ, на большой постели лежитъ теперь и спитъ сладко старый князь Агаринъ, шибко прожившій за свою жизнь, не мало поболтавшійся въ разныхъ заморскихъ земляхъ.

Хорвату пришло на умъ что князь тотъ самый Змѣй Горынычъ, который въ какой-то сказкѣ, похитивъ красавицу, заперъ ее въ теремъ, моритъ въ неволѣ и бродитъ кругомъ башни, гдѣ томится она. Ходитъ днемъ и ночью и губитъ, пожираетъ всѣхъ кто отважится подойти близко къ этой башнѣ. Но вѣдь въ сказкѣ является витязь который отрубаетъ всѣ головы этого змѣя, освобождаетъ красавицу и увозитъ съ собой въ свое царство.

„Да, подумалъ Хорватъ, — только въ сказкахъ-то дѣло проще. Красавицы эти рады-радехоньки что есть кому сласти ихъ. А наяву бываетъ наоборотъ: всякая челуха, разныя выдумки людскія. И рада бы красавица спастися, и витязь есть налицо, да мѣшаютъ ей долгъ да обязанность, да людскіе толки и пересуды.“

Хорватъ велѣлъ кучеру вѣзжать на дворъ тише. Прѣхавъ впередъ, онъ вышелъ изъ саней, помогъ княгинѣ выйти изъ возка и холодно простился съ ней на подѣздѣ, потому что два или три лакея вышли изъ дому и свѣтили фомарями.

Княгиня не вѣла шумѣть, чтобы не разбудить князя, а поутру приказала разбудить себя пораньше. Эта тихая и мирная полувесенная ночь прошла такъ бурно для нея что она чувствовала страшное утомленіе и едва - едва добрела до своей комнаты. Когда вошла она къ себѣ въ комнату, то ей показалось что для нея начнется новая жизнь. Теперь она пріѣхала другая. Особенно ярко возстало въ ея памяти все пережитое нѣсколько часовъ назадъ: и его появленіе неожиданное, и эти нѣсколько минутъ въ уединенной горницѣ, и этотъ незнакомецъ на террасѣ, ломѣшавшій или вѣрнѣе сказать спасшій ее отъ гибели. Она снова ясно, какъ бы въ дѣйствительности, чувствовала вокругъ своего стана его крѣпкія руки, которыми онъ привлекаетъ ее къ себѣ на грудь, потомъ какъ ребенка опускаетъ въ кресло.

„Я убью тебя, но возьму!“ грозился онъ, но она спасла и себя и его.

Княгиня черезъ силу раздѣлась и легла въ постель, уткнувшись лицомъ въ подушку и сладко замирая съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ она невольно, безъ конца перебирала подробности прошлаго вечера. Ясно чувствовала она что между вчерашнимъ днемъ и завтрашнимъ—пропасть. Эта ночь переломила ея существованіе надвое. Если прежде она прямо шла предъ собой твердою поступью, то теперь свернула въ бокъ. Конечно, еще есть возможность снова вернуться на прежній путь, который еще на подачу руки. Но она не находила въ себѣ силы сдѣлать это.

„Нѣтъ! назадъ не вернешься, думала она. Въ одну ночь, въ одну минуту я стала другая. Я его теперь, ему принадлежу!“

И горячіе поцѣлуи, которые она, казалось, чувствовала еще на лицѣ своемъ и на рукахъ, говорили ей что между прошедшими днями и будущими отнынѣ не будетъ ничего общаго. Однако она чувствовала себя не только вполне спокойною, но даже мирно счастливою. Вскорѣ она заснула крѣпкимъ сномъ...

И во снѣ снова пережила она тѣ же минуты. Пораженный мозгъ снова вызвалъ тотъ же дорогой образъ, ту же обстановку Подмосковной и во снѣ снова горѣло лицо ея отъ его поцѣлуевъ.

Хорватъ между тѣмъ былъ у себя вблизи и не ложился спать. Онъ рѣшилъ просидѣть до утра и какъ можно ранѣе

видѣть князя. Ему хотѣлось увидѣть его первымъ, хотѣлось скорѣе вызвать князя на открытую борьбу, прервать съ нимъ всякія сношенія и получить право дѣйствовать для себя, въ свою пользу. Ему хотѣлось первому дать почувствовать князю что ночной пришлецъ былъ на половину понятъ, что онъ не считаетъ его тѣмъ чѣмъ считали его сторожа Каменки. Хорватъ хотѣлъ предупредить княгиню, чтобы первыя слова, первый взглядъ озадаченнаго князя, по объявленіи объ этомъ, можно было ему подмѣтить и оцѣнить. Онъ сказалъ людямъ что какъ только князь проснется и выйдетъ въ кабинетъ чтобы его тотчасъ предупредили. Часовъ въ девять, ему доложили что князь кушаетъ кофе и проситъ его пожаловать. Хорватъ облилъ лицо холодною водою, пригладилъ волосы и придавъ себѣ бодрый и менѣе озабоченный видъ, отправился къ князю.

Едва переступилъ онъ порогъ, какъ князь вымолвилъ, встрѣчая его изумленнымъ взглядомъ:

— Что жъ это такъ!! Почему вы прискакали среди ночи назадъ?

— Княгиня очень безпокоилась о васъ, захотѣла тотчасъ же ѣхать и чрезъ часть времени мы выѣхали обратно.

— Да ты вѣрно налугалъ ее; сказалъ что я боленъ.

— Нѣтъ, князь, я передалъ что вы хвораете. Но кромѣ того была и другая причина.—И Хорватъ прямо смотрѣлъ въ глаза князю.—Покуда я былъ тамъ, всего какой-нибудь часть времени, случилось нѣчто необыкновенное что слегка налугало княгиню и она захотѣла ѣхать.

— Что такое? почти испуганно спросилъ князь.

Хорватъ, стараясь сосредоточить на лицѣ князя все свое вниманіе и всю свою проникательность, разказалъ подробно про появленіе незнакомца. При этомъ онъ старался разказать такъ чтобы догадка его и даже его личное убѣжденіе въ томъ, кто могъ быть этотъ незнакомецъ, явилась въ разказѣ сразу болѣе или менѣе эффектно, чтобы князь вдругъ сообразилъ что они не обмануты, а догадались.

Князь выслушалъ не сморгнувъ, но по мѣрѣ того какъ разказывалъ Хорватъ, лицо его стало спокойнѣе, и когда молодой человекъ кончилъ, онъ вымолвилъ.

— Ну что же, и все?

— Все.

— Такъ что же княгиня-то поскакала въ Москву! Въдѣ тамъ цѣлая орда народу; да, наконецъ, и ты былъ тамъ, хоть и безъ сабли, усмѣхнулся князь.—Одна, я понимаю, она могла испугаться, не понадѣялась бы на болвановъ людей. Да въдѣ ты былъ тамъ. Да наконецъ, ты и самъ говоришь что этотъ человѣкъ не былъ похожъ на мошенника, а чортъ знаетъ на что. Въдѣ тутъ не мошенничество выходитъ, а какой-то романъ. Что-то въ родѣ Грандисона!

Хорватъ терялся въ догадкахъ... Князь былъ далеко не актеръ; да и нельзя было смотрѣть такъ благодушно и шутить такъ просто, еслибы предполагать, что онъ игралъ. Хорватъ даже невольно опустилъ голову. Наконецъ чрезъ минуту онъ рѣшился снова заговорить и спросилъ князя, кто могъ быть этотъ ночной пришлецъ, по его мнѣнію.

Князь подумалъ секунду, пожимая плечами, и вымолвилъ:

— Ума приложить не могу! Я готовъ согласиться съ Семеномъ, который, какъ ты говоришь, убѣжденъ что это самъ сатана. Oui, mon cher! satan, lui même. Другому некому.—И князь сталъ смѣяться.—Однако я все-таки прикажу это дѣло разъяснить. Эти романы кончаются всегда покражей серебра изъ буфета или бронзы изъ гостиной.

Хорватъ такъ настроилъ себя на совершенно иную бесѣду съ княземъ, такъ готовъ былъ на нападеніе полутемными фразами и рѣзкими намеками что теперь не зналъ что дѣлать, о чемъ говорить.

Онъ сослался на плохо проведенную ночь и на желаніе пойти снова отдохнуть.

— Ступай, ступай! сказалъ князь.—Какой вздоръ! Самъ виноватъ. Усталъ задаромъ: да и она бѣдная вѣрно устала. Какъ можно вдругъ поскакать среди ночи Богъ вѣсть изъ чего. Охъ, молодежь! И она-то ребенокъ, да и ты-то георгиевскій кавалеръ, тоже младенцемъ оказался. Вотъ, пустилъ двухъ дѣточекъ однихъ, они и напашили. Ну, ступай, отдохни. И князь ласково и весело протянулъ ему руку.

Чрезъ силу подаль Хорватъ свою. На совѣсти его будто шевельнулось что-то. И снова, злоба сказала въ немъ, но злоба безсмысленная, безцѣльная. Онъ самъ не зналъ на кого и за что. Виноватаго теперь не было, а если и былъ

виноватый, такъ онъ же самъ. Вернувшись къ себѣ внизъ, онъ бросился на постель, чувствуя дѣйствительно сильную усталость. Онъ усталъ даже думать о чемъ-либо и только одно ясно представлялось его разуму: невозможность остаться теперь въ этомъ домѣ. Всякій день холодно и почти-тельно раскланиваться съ княгиней, послѣ того что было вчера; всякій день видѣться, бесѣдовать и шутить съ княземъ, выслушивать его совѣты, жутьбу, выносить нестерпимыя ласки и ненавистное ему теперь радшіе я, быть-можетъ, искреннее чувство къ себѣ.

Хорватъ вскорѣ заснулъ и послѣдняя мысль его была найти въ себѣ силы чтобы выѣхать изъ этого дома.

II.

Когда княгиня съ нѣкоторымъ волненіемъ вошла къ мужу, то произошелъ почти тотъ же разговоръ. Князь пожурилъ и жену за ночное путешествіе, и потолковалъ и съ ней о ночномъ посѣщеніи незнакомца.

Видя спокойствіе съ какимъ князь отнесся къ случаю на террасѣ, спокойствіе доказывавшее что онъ непричастенъ тому дурному поступку, оскорбительному для нея, который взваливали на него они, княгиня стало невыразимо больно и стыдно. Какъ хотѣлось ей чтобы она и онъ были правы, а князь виноватъ! Это облегчило бы нѣсколько ея душу и безъ того изнывающую отъ тяжелаго гнета.

Въ ту минуту, когда они сидѣло молча у стола и княгиня въ какомъ-то странномъ душевномъ состояніи не знала уйти ли, оставаться ли, въ комнату вошелъ человѣкъ и подалъ князю записку. Онъ сталъ искать очки, но не находя ихъ ни на столѣ, ни на каминѣ, послалъ человѣка въ спальню. Тотъ вернулся со словами что очковъ тамъ нѣтъ. Княгиня встала, обшарила всѣ столы въ кабинетѣ, но очковъ не было и слѣда.

— Опять пропали. *Quel tourment!* пробурчалъ князь.— Отвѣта ждутъ? прибавилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. Подалъ какой-то человѣкъ и ушелъ.

— Отъ кого?

— Ничего не сказалъ-съ.

— Знакомый?

— Никакъ нѣтъ-съ! Былъ кажись прежде крѣпостнымъ генерала Полуехтова, въ фореиторахъ его видали наши; а а гдѣ теперь служить, да и кто таковъ онъ—мы не знаемъ.

— Ну, довольно! разболтался! буркнулъ князь.—Спрашиваютъ: знакомъ, ну и отвѣчай—незнакомъ, а не болтай дѣлаую исторію. Болтуны! Убирайся!

Князь бросилъ записку на столъ и сталъ съ досадою снова шарить въ карманахъ.

— Позвольте, я прочту вамъ, предложила княгиня холодно.

— Пожалуста! Просто хотъ пришивай очки къ носу.

Княгиня развернула записку, быстро пробѣжала ее чтобы затѣмъ уже прочесть не запинаясь, но когда нѣсколько первыхъ строкъ были поняты ею, она поблѣднѣла какъ смерть, руки ея опустились и ей казалось что каждую минуту сердце ея разорвется на части и что она умретъ сейчасъ, тутъ же, на креслѣ.

Это была анонимная записка, написанная рѣзко и даже грубо и предупреждавшая князя что „молодчина гусаръ“ подъ носомъ у князя давно сталъ возлюбленнымъ княгини. Послѣ подписи „нездѣданный вамъ доброжелатель“ была приписка „къ Успеньеву даю пріѣду поздравить съ насѣдникомъ“.

— Что такое? вскрикнулъ князь, замѣтившій перемѣну въ женѣ.

Княгиня, столько работавшая надъ собою и убѣжденная что она, наконецъ, выработала въ себѣ сильную волю, умѣнье вполнѣ владѣть собой, что она выработала въ себѣ твердость и хладнокровіе, которыя не оставляютъ ея въ самую страшную минуту жизни,—теперь вдругъ почувствовала что она потерялась совсѣмъ. Ей казалось что она тонетъ, и если утопающій въ послѣднюю минуту хватается за соломенку, то княгиня чувствовала что даже на это не хватаетъ у нея силъ воли. Разумъ говорилъ ей что эти соломенки всегда есть, и теперь есть на подачу руки, но она чувствовала только что всѣ силы оставили ее, что она только слособна, выронивъ записку изъ рукъ, закрыть себѣ лицо руками.

Князь, не добившись отвѣта, бросился къ шкалу, вынулъ оттуда изъ ящика нѣсколько вещей, забирая ихъ горстями и роняя половину на полъ и наконецъ досталъ футляръ съ дюжиной запасныхъ очковъ. Быстро дрожащими руками поднялъ онъ записку и на одну секунду остановился, глядя на безпомощную, безсильную, понурившуюся жену. Онъ боялся начать читать и умъ его напрасно хотѣлъ отгадать заранее что могло случиться такое чтобы такъ страшно могло поразить жену.

„Отецъ умеръ! вдругъ пришло ему на умъ. Другаго ничего не могло быть!“ Князь спокойно началъ читать, но прочитавъ до конца, скомкалъ записку и швырнулъ ее на полъ.

— *Saligand! Coquin!* проворчалъ князь и двинулся.

И вдругъ княгиня вздрогнула веѣмъ тѣломъ и даже вскрикнула! Князь стоялъ на коѣннѣхъ около ея кресель, такъ же какъ онъ, вчера... Князь бралъ и отнималъ отъ лица ея руки, такъ же какъ онъ, вчера... И вотъ, сейчасъ губы его могутъ коснуться ея рукъ или лица; коснуться тамъ, гдѣ еще чувствовала она его горячіе поцѣлуи.

— Нѣтъ! нѣтъ! ни за что! хотѣла подумать потерявшаяся жена; но вмѣсто того вслухъ вскрикнула эти слова.

Этой нечаянной неосторожности уже было слишкомъ для ея уже измученнаго и почти надломленнаго тѣла, и подъ натискомъ страха она вдругъ потеряла сознание.

Когда она снова пришла въ себя, то двое людей и дѣвушка хлопотали около нея. Князь давалъ ей нюхать спиртъ изъ своего розоваго флакончика, и когда она открыла глаза, онъ говорилъ ей.

— *Marie! Marie!* Какъ не стыдно! стоить ли того этотъ негодяй!

И онъ сталъ что-то говорить, но княгиня почти не понимала того что слышала.

— Чѣмъ же я виноватъ? вдругъ поняла она.—*Un infame* посылаетъ мнѣ записку; мы оба прочли, а потомъ ты кричишь на меня же: нѣтъ! ни за что! Чѣмъ же я виноватъ? Подумаешь, я писатель записки. Я понимаю что кровное оскорбленіе можетъ довести женщину до безпамятства, до того что называется *les vapeurs*... Потеря чувствъ. Но чтобы оскорбленіе вызывало несправедливость, это, *Marie*, не хорошо! Чѣмъ же я-то виноватъ!

Княгиня, которая окончательно пришла въ себя, слушала и соображала.

Князь ничего не появлялъ, все объяснилъ на свой ладъ. Князь ничего не подозревалъ; напротивъ, онъ такъ глубоко вѣрилъ въ нее что и тѣнь подозрѣнія, тѣнь безпокойства, была недоступна ему. Какъ высоко поднялся онъ теперь и какъ низко упала она! Онъ же просилъ прощенія, онъ же хотѣлъ цѣловать ея руки и не зналъ, почему ихъ выдернули у него.

„Какъ не чувствуетъ онъ, думалось княгинѣ, какъ не видитъ онъ на мнѣ его вчерашнихъ поцѣлуевъ, которые я чувствую и вижу. Вотъ они! Вотъ!... Всюду я вижу ихъ!... Всѣ ихъ вижу!...“

Вѣроятно въ эту минуту взглядъ княгини показался князю полубезумнымъ, даже страшнымъ, такъ какъ онъ вдругъ воскликнулъ.

— Ступай! Иди къ себѣ! Лягъ въ постель... Я боюсь ты заболѣешь. Смотри, какіе глаза у тебя! Богъ съ тобой! Можно ли *pour une bagatelle* приходить въ такое волненіе. Ну, да, да! Ты смотришь точно безумная. Господь съ тобой! Ступай, ложись скорѣй! Я пошлю за докторомъ.

Княгиня машинально встала и слегка пошатываясь, не глядя вокругъ себя, боясь взглянуть мужу въ лицо, обмирая вышла изъ комнаты.

— Проводи барыню! слышала она за собой голосъ мужа, и кака-то дѣвушка пошла за ней, помогла ей отворить дверь спальни, сѣсть около кровати, затѣмъ безсознательно сбросить съ себя всю одежду, которая, казалось княгинѣ, тяжело душитъ ее. И будто исполняя строгое приказаніе, она послушно какъ ребенокъ легла въ постель. Однако, чрезъ полчаса она была дѣйствительно въ какомъ-то забытіи, и вѣроятно въ бреду, потому что, открывая иногда глаза, она сама ловила себя на томъ что говорила вслухъ. Одна мысль, главная, важная, но полусознательная, спутавшись, окрестившись съ какими-то другими неясными и непонятными ей мыслями, возникла въ головѣ ея и она вслухъ повторила ее нѣсколько разъ.

— Не надо называть! Говорить объ этомъ... Можно бредить, но не надо называть Юрія; надо говорить Юрій Петровичъ... Неужели я сама выдамъ все. Надо запомнить, затвердить: Петровичъ. Какой Петровичъ?... Петровичъ

идеть по террасѣ.... ползеть. Вотъ подползъ.... хватается ее за ноги.... Она падаетъ, и что-то лохматое, получеловѣкъ, полудвѣрь давить ей грудь и голову, замахиваясь громаднымъ ножомъ. Она вскрикиваетъ и снова открываетъ глаза. И испугъ въ бреду заставилъ княгиню съѣсть на постель. Полное сознаніе вернулось къ ней на минуту.

— Я, кажется, дѣйствительно заболѣла; это лихорадка. А если это горячка?... Если я умру? Теперь. Да, это *теперь* хорошее, дорогое теперь. Я люблю это теперь: оно дорого мнѣ, дороже всего на свѣтѣ. Что жь, мнѣ смерть не страшна: лучше не будетъ! Навѣрно не будетъ; никогда не будетъ. Да! лучше умереть въ Каменкѣ. Да, да! Но что такое сейчасъ было? Петровичъ! Юрій Петровичъ? Да, я боюсь. Если будетъ бредъ, то будетъ Петровичъ!.. Не надо Петровича. Онъ душитъ! Ахъ Юрій! Юрій! Эти поцѣлуи все жгутъ. Возьми ихъ, возьми! Я не хочу.

Княгиня опрокинулась въ подушки и сверкающимъ взоромъ озираясь вокругъ себя, громко, безъ связи, равнодушно и однозвучно говорила о томъ что круговоротомъ шло веревидей въ ея горячей головѣ.

III.

Вечеру, когда Хорватъ, пробывшій у себя въ комнатѣ весь день, поднялся наверхъ и твердою поступью шелъ въ кабинетъ князя чтобъ объявить ему о своемъ отъѣздѣ, ради будто бы желанія снова начать серьезно службу,—его встрѣтилъ въ гостиной одинъ изъ бѣжавшихъ людей. На вопросъ Хорвата онъ сказалъ что князь у княгини, потому что „имъ очень не хорошо“ и что четыре доктора съѣхались и хлопочутъ. Лакей пробѣжалъ далѣе. Хорватъ стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ пораженный громомъ. Но однако чрезъ минуту онъ оправился. Разсудокъ говорилъ ему что болѣзнь княгини не можетъ быть опасна, что это просто сильное нервное потрясеніе. Онъ все приписывалъ вчерашнему вечеру, ихъ объясненію и все говорило ему о великости чувства которое было въ княгинѣ.

„Какъ чиста! какъ свято чиста она! думалъ онъ: нѣсколько минутъ вчерашнихъ наединѣ привели ее чуть не къ горячкѣ!“

Не зная что дѣлать, желая имѣть поскорѣе вѣсть о томъ насколько серьезно заболѣла княгиня, Хорватъ прошелъ въ кабинетъ, сталъ ходить по немъ въ ожиданіи князя. Наконецъ князь показался; онъ шелъ спокойно.

— Что княгиня? робко, даже виновато выговорилъ Хорватъ.

— Ничего, Богъ милостивъ! Просто что называется во Франціи *les vapeurs*. Ну, дурно... дурнота; руки холодны; забывается.... И все этотъ діаволъ ей мерещится, ужъ именно діаволъ. Этакое пустакъ, а какъ подѣйствовалъ!

— Что? вымолвилъ Хорватъ.

— Какъ забудется, такъ бредить объ этомъ анонимѣ, объ мужикѣ. Да! Вѣдь теперь ужъ два анонима. И въ Каменкѣ, и здѣсь. Вѣдь главное не тотъ мужикъ, главное, главное теперь вотъ оно.

Князь сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ, поднялъ съ полу скомканную записку, протянулъ было ее Хорвату, но вдругъ остановился и колебался—дать прочесть или нѣтъ.

— Нѣтъ! выговорилъ онъ вдругъ. — Прочесть не дамъ; это и тебя смутитъ.... обидитъ. Въ обморокъ ты, положимъ, не упадешь! — усмѣхнулся князь, — но зачѣмъ? Да, вотъ что, милый мой, ее смутило; подбавило ко вчерашнему страху. А знаете ли вы что это? Это скверная записка отъ какого-то анонима, т.-е. *de la part d'une saignée*! Что ты смотришь такъ? сказалъ князь, увидя изумленное и сильно перемѣнившееся лицо Хорвата.

— Что? Не вѣрнѣе? Да, записка анонимная. О чемъ? Не стоить и говорить! Только Магге могла принять это такъ близко къ сердцу!

Изъ дверей показались одинъ за другимъ вереницей всѣ четыре доктора. Былъ одинъ длинный, тощій и желтый; былъ одинъ толстенькій, кругленькій и съ такою веселою и радостною физиономіей, какъ будто онъ шелъ только-что локушавъ именинаго пирога.... Былъ одинъ сѣдой, сгорбленный старичокъ, въ громадныхъ очкахъ, едва передвигавшій ноги. Не мало народу переморилъ онъ, должно-быть чтобы смотрѣть самому такую живую мертвечину. Былъ наконецъ и четвертый, крошечный, розовенькій, пухленькій, кудрявый, точъ въ точъ вербный херувимъ. Этотъ собой олицетворялъ лчтеніе до боязни. Онъ шелъ высоко подбирая ноги, будто боялся раздавить коверъ, держался

сьежившись; двигался осторожно, 'будто боялся зацѣпить кого-либо или что-либо. Глаза его бѣгали не останавливаясь ни на чемъ, ни на комъ, будто боялся онъ пристально по-смотреть на что-либо, сдѣлать невѣжество.

Вниманіе съ которымъ Хорватъ осматрѣлъ всѣхъ четырехъ было какое-то неестественное, пытлиное. Тайный голосъ подсказалъ ему что если она больна, если болѣзнь ея станетъ опасною, то вопросъ ея жизни или смерти въ рукахъ этихъ людей. Все у нихъ въ рукахъ: она, ея молодость, ея красота, ея и его счастье, ихъ будущее, ихъ радужныя надежды и мечты—все въ ихъ рукахъ! Захочетъ одинъ изъ нихъ, то однимъ почеркомъ пера убьетъ все и даже не извинится! Это не принято! Можно всегда свалить на безотвѣтную смерть.

Однако, когда эти четыре фигуры заговорили, т.-е. трое заговорили, а херувимъ только поддакивалъ и какъ-то все ежился, усмѣхался ради вѣжливости, Хорватъ узналъ что у княгини легкая простуда, но сильное нервное потрясеніе.

Маленькій старичокъ въ громадныхъ очкахъ собрался уже прописывать два лѣкарства, одно внутреннее и одно наружное, но первый вошедшій, высокій и тощій, заговорилъ какъ изъ бочки и заявилъ довольно круто свое мнѣніе что надо напиться малины, вслотѣть хорошенько и спокойно выспаться часовъ двадцать. Предложеніе его было сдѣлано товарищамъ такъ положительно и фундаментально что всѣ трое тотчасъ согласились на малину и на двадцати часахъ сна. Всѣ четверо немедленно вышли изъ кабинета.

Князь не попросилъ захватить снова ни одного изъ нихъ, потому что собирался послать за пятымъ, за одною московскою знаменитостью, котораго не нашли дома въ этотъ день. Провожая глазами эти четыре фигуры, князь покачалъ головой, будто и ему пришла на умъ та же мысль что и Хорвату.

— Да! усмѣхнулся онъ, показывая головой къ дверямъ.— Вотъ, попадись имъ, такъ прописутъ что если и выздоровѣешь такъ недолго проживешь. И князь разсмѣялся.

Хорватъ при мысли что княгиня все-таки больна, что она въ эту минуту одна-одинехонька въ своей спальнѣ съ какою-нибудь гаулою горничной, не могъ выносить этихъ шутокъ и смѣха князя.

„Боже мой, думалось ему, еслибъ я былъ на мѣстѣ этого

человѣка! Онъ пропуститъ тутъ покуда она и въ самомъ дѣлѣ будетъ при смерти.“

— Что вы думаете, князь, какъ княгиня? прибавилъ онъ.

— Ничего. Слышалъ! Малины надо, да выспаться. Все эта проклятая записка, да этотъ чортъ вчерашній; да и ты тоже, извини! Нельзя развѣ было ее удержатъ! Поскакали среди ночи. Ночь была свѣжая и люди говорятъ морозъ сильнѣйшій былъ. А безъ сна на морозѣ, да напуганная... А тутъ этотъ дьяволъ съ запиской. Однако же *me sens fatigué*, пробормоталъ князь и сѣлъ въ свое любимое кресло.

— Позвольте приказать на счетъ малины, вымолвилъ Хорватъ.

— Ахъ, да! пожалуйста.

Хорватъ воспользовался этимъ поводомъ чтобы выскочить изъ кабинета. Первый разъ подумалъ онъ про князя.

„Да вѣдь онъ эгоистъ. Онъ неспособенъ заботиться, безпокоиться о комъ-либо! Игрушка нужна ему, онъ обожаетъ ее, покуда она годится, но чуть игрушка попортилась, то скучно возиться съ ней. Неужели она ему игрушка?“

И озлобленіе Хорвата на князя заставило его сдѣлать довольно дерзкую и отчасти опасную выходку. Не найдя никого изъ людей въ передней онъ увидѣлъ предъ собой длинный корридоръ по которому еще никогда не ходилъ. Что-то подсказало ему, отчасти и соображеніе, что вотъ въ концѣ этого корридора, направо, дверь къ ней. Она тамъ быть-можетъ одна. Онъ у себя, воображаетъ себя уставшимъ; отдыхаетъ отъ трудовъ и заботъ.

Не успѣвъ Хорватъ все сообразить, какъ уже быстро, хотя и умышленно легкимъ шагомъ шелъ по корридору.

„Слугу бросился искать!... Спѣшилъ, запутался!“ мелькнуло въ головѣ его объясненіе. Онъ отворилъ дверь и очутился въ первой горницѣ изъ трехъ принадлежавшихъ княгинѣ. Смѣло хотѣлъ шагнуть онъ во вторую, думая навѣрное что это можетъ-быть и спальня, но на порогѣ появилась горничная.

„Не судьба! мелькнуло въ головѣ его; и онъ выговорилъ:

— Князь приказалъ скорѣй сдѣлать княгинѣ питье изъ малины. Я тамъ не нашелъ никого. Слышите?“

— Слушаю-съ! отвѣчала горничная.

— Что? какъ княгиня?

— Ничего; слава Богу! сейчасъ со мною разговаривали.

— Скажи княгинѣ, нарочно громко заговорилъ Хорватъ, чтобъ она могла сама услышать его голосъ,—скажи княгинѣ.....

Хорватъ вдругъ залнулъся, какъ въ одной фразѣ сказать все что нужно сказать?

— Скажи, все слава Богу! Что надо княгинѣ выздоравливать; что князь не безпокоится, потому что думаетъ что все слава Богу.

Хорватъ повернулся, быстро вышелъ и снова прошелъ по всему корридору, никѣмъ не замѣченный.

IV.

Къ вечеру княгинѣ стало хуже, а на утро она уже была въ полномъ бреду, не узнавала никого, металась въ постели и безсвязныя рѣчи неумолкаемымъ потокомъ нарушали тяжелую тишину ея спальни. Лучшій докторъ Москвы былъ еще въ тотъ же вечеръ и сказалъ что у княгини и отъ сильнаго нервнаго потрясенія и сильной простуды сдѣлалась нервная горячка. Князь провелъ въ спальнѣ жены часть ночи и подъ утро послалъ гонца съ письмомъ въ Троицкое извѣстить Лукьяна Ивановича объ опасности, а самъ легъ отдохнуть. Среди дня онъ проснулся и снова отправился къ женѣ.

Хорватъ сидѣлъ у себя; онъ зналъ что болѣзнь приняла опасный оборотъ, но почему-то не боялся за нее. Онъ почему-то твердо вѣрилъ что княгиня непременно выздоровѣетъ и отчаивался только въ томъ что быть-можетъ долго не суждено ему видѣться съ ней. За это время въ своемъ уединеніи онъ думалъ и передумывалъ, переворачивалъ въ головѣ своей все тотъ же ворохъ сомнѣній о случаѣ въ деревнѣ, о притворствѣ князя, о письмѣ полученномъ отъ неизвестнаго, содержаніе котораго онъ конечно разгадалъ по намекамъ князя. Что дѣлать? повторялъ себѣ Хорватъ и мѣнѣ чѣмъ когда-нибудь могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Убѣхавъ повидавшись съ ней послѣ ея выздоровленія, убѣжать на край свѣта, онъ положительно не чувствовалъ въ себѣ силы.

На другой день вечеромъ, почти чрезъ полутора сутокъ, онъ узналъ что князь у себя въ кабинетѣ, и пошелъ къ нему.

Дверь была залерта на ключъ. Онъ постучалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и камердинеръ князя доложилъ ему что князь приказалъ сказать что очень усталъ и ложится въ постель.

— Какъ здоровье княгини? Скажи что я пришелъ узнать объ этомъ.

Человѣкъ сходилъ въ спальню князя, вернулся и отвѣчалъ.

— Князь приказали сказать что все въ томъ же положеніи.

Хорвату ничего болѣе не оставалось какъ повернуться на каблукахъ и идти къ себѣ. Комнаты его казались ему теперь какою-то тюрьмой, гдѣ бился онъ какъ узникъ, отбиваясь отъ своихъ неотвязныхъ мыслей, своихъ опасеній на счетъ близкаго будущаго и отъ тоски, которая все сильнѣе наваливалась на сердце.

Утромъ, въ часъ завтрака, онъ поднялся на верхъ. Вчера князь не присутствовалъ, потому что спалъ послѣ бессонной ночи, и онъ завтракалъ одинъ; сегодня князя снова не было и человѣкъ доложилъ что князь завтракать не будетъ. Хорватъ послалъ спросить не можетъ ли онъ повидать князя. Человѣкъ принесъ отвѣтъ что князь извиняется, потому что долженъ идти къ княгинѣ, которой все еще не полегчало.

За обѣдомъ случилось то же самое: князь отсутствовалъ. Дико и какъ-то неловко, какъ-то почти совѣстно стало Хорвату обѣдать одному въ столовой безъ хозяина. Люди, служившіе за столомъ, какъ будто тоже чувствовали неловкость этого положенія. Княгиня хвораетъ, князь не спитъ по ночамъ, сидитъ около больной, а онъ, не имѣя правъ родственника, не можетъ быть тамъ около больной. Какъ-то странно и неумѣстно казалось имъ его присутствіе въ домѣ.

Вечеромъ на попытку Хорвата видѣться съ княземъ онъ получилъ краткій отвѣтъ что князь не можетъ его видѣть.

Не оставалось никакого сомнѣнія. Это не случайность.

Что же это могло значить?

Проведя ночь безъ сна, выѣ себя отъ волненія и страха,

тѣмъ болѣе что ему удалось услышать отъ людей что княгиня еще хуже, Хорватъ поутру послалъ сказать князю что непременно желаетъ его видѣть.

На этотъ разъ его позвали.

Войдя въ кабинетъ и увидя князя, услышавъ его привѣтствіе, Хорватъ сразу понялъ что другой князь сидитъ предъ нимъ, и что этотъ князь играть и притворяться не будетъ. Лицо князя было повидимому спокойное, но онъ говорилъ какъ-то тише, медленнѣе, отчеканивая каждое слово, но не глядя прямо въ лицо молодого человѣка. Изрядка вскидывалъ князь на него глаза, и несмотря на эти мгновенные взгляды, Хорватъ прочиталъ въ нихъ то, въ чемъ боялся сознаться себѣ.

„Я все знаю!“ говорилъ этотъ взглядъ.

Сомнѣнія въ этомъ быть не могло. Хорватъ стоялъ какъ приговоренный къ казни и будто придавая особую важность вопросу, какъ узналъ князь, повторялъ про себя: „но какъ? какъ-мъ образомъ?“...

Онъ не зналъ, конечно, что съ княгиней случилось именно то чего она боялась; т.-е. въ бреду своемъ днемъ и ночью она сама все разказала въ своей комнатѣ, въ которой сидѣлъ князь. У княгини прорывались фразы:

— Онъ послалъ подсмотрѣть!... Милый Юрій!... Я боюсь за себя!... Поздно, я погибла!

Наконецъ чаще всего княгиня повторяла:

— Оставь меня!... Возьми!... Эти поцѣлуи жгутъ!

Князь имѣлъ силу воли выдержать этотъ бредъ, понавъ все. Въ первую же ночь онъ воротился и снова прислушивался.

Переворотъ, который открытіе это совершило въ немъ, былъ такъ силенъ что одну минуту, вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, князь почувствовалъ себя дурно, но не имѣлъ силы вскрикнуть и позвать кого-либо. Когда онъ очнулся и пришелъ въ себя, то узналъ по расчету времени что около часу пролежалъ безъ памяти на своемъ диванѣ. Онъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ и разбитымъ. Онъ сталъ ходить изъ кабинета въ спальню жены и обратно, какъ-то машинально, безсознательно, будто дѣлалъ что-то такое что ни къ чему не поведетъ, ничего не поправитъ, но что нужно дѣлать, какъ будто кто-то приказалъ. По временамъ онъ начиналъ; искать и спрашивать себя

мысленно гдѣ его жена, и когда глаза его находили ея блѣдное лицо съ открытыми, но бессмысленными глазами, князю казалось что это какая-то другая, чуждая ему женщина; что жена его исчезла куда-то безслѣдно. Князь самъ начиналъ бредить и говорить вслухъ то у изголовья жены, то въ корридорѣ, то у себя въ кабинетѣ и въ спальнѣ.

Князь повторялъ: „кто же это сдѣлалъ? Кто виновать? Петръ Ильичъ! Оглянись, посмотри, кто это сдѣлалъ!“

Когда за это время человѣкъ приходилъ съ докладомъ и съ вопросами отъ Хорвата, то князь, несмотря на то что хотѣлъ еще нѣсколько времени скрыть свое нравственное состояніе, не имѣлъ силы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ молодымъ человѣкомъ.

Наконецъ въ это утро онъ рѣшился повидаться съ нимъ. Князь былъ убѣжденъ что виновать во всемъ Хорватъ, что онъ своимъ преслѣдованіемъ довелъ княгиню до паденія и разбилъ все... но объясняться съ нимъ князь не хотѣлъ.

Теперь, когда Хорватъ вошелъ въ его кабинетъ и спросилъ о здоровьи княгини, князь, стараясь сдержаться, быть хладнокровнымъ, отвѣчалъ на вопросъ кратко и сухо.

Затѣмъ, когда наступило молчаніе, когда эти два человѣка очутились другъ предъ другомъ, понимая другъ друга и не зная какъ начать говорить и о чемъ, князь сѣлъ за свой письменный столъ. Ненависть и злоба сдавливали ему горло.

— Ну-съ! выговорилъ вдругъ князь задыхаясь, — теперь я все сижу около больной, да и самъ боленъ совсѣмъ... Вамъ должно быть очень скучно одному. Вы бы воспользовались этимъ временемъ и проѣхались куда-нибудь... Впрочемъ, какъ только жена поправится, мы поѣдемъ въ деревню или за границу. Я право не знаю какъ, не знаю куда... т.-е. не имѣю возможности васъ пригласить. Вы можете теперь ѣхать...

Князь все медленнѣе тянулъ послѣднія слова, онъ не запинался отъ смущенія, не путался, онъ медлилъ отъ желанія выразиться какъ можно вѣжливѣе и приличнѣе. А чувство бушевавшее въ его груди едва-едва позволяло ему говорить и рвало слова на части.

Когда князь кончилъ, наступило молчаніе. Князь не

т. сxxxii.

поднималъ глазъ, ждалъ каждую секунду какого-нибудь пустого слова и затѣмъ поклона; но вдругъ услышалъ мѣрный голосъ, сильно измѣнившійся, но твердый.

— Вы желаете избавиться отъ моего присутствія?

Князь, не поднимая глазъ, тихо отвѣчалъ:

— Да-съ!

— Почему? такъ же мѣрно вымолвилъ Хорватъ.

Князь подыбалъ на него глаза, и эти старческіе глаза, еще недавно почти тусклые, загорѣлись яркимъ огнемъ. И оба посмотрѣли прямо и улорно другъ другу въ лицо.

— Почему? также мѣрно и спокойно повторилъ Хорватъ.

Князь молчалъ нѣсколько минутъ и наконецъ заговорилъ, отчеканивая каждое слово и каждое это слово было полно не то ненавистью, не то отчаяніемъ.

— Жена бредитъ уже три дня! Я все знаю! Довольно ли... съ васъ!

— Нѣтъ, не довольно.

— Чего же вы хотите? прошилъ князь.

— Я хочу чтобы вы говорили не намеками, а прямо. Прямо! Чтò вы узнали? Вы узнали что она любитъ меня!

Князь всталъ съ своего мѣста и карандашъ бывшій въ его рукѣ переломился на двое.

— Это дерзости! задыхаясь вымолвилъ онъ.

— Успокойтесь, князь! Это дерзко можетъ-быть, но не желаніе оскорбить васъ и не желаніе нисколько быть дерзкимъ заставляетъ меня покорнѣе просить васъ объясниться прямо и просто. А затѣмъ я выйду изъ вашего дома навсегда.

— А если я васъ прикажу сейчасъ... громко раздался голосъ князя.

— Воздержитесь, князь! еще нѣсколько словъ—и я выйду. Но эти нѣсколько словъ необходимы для насъ обоихъ. Она любитъ меня; вы это знаете. Я также безумно люблю ее. Кто въ этомъ виноватъ? Не знаю, но не она, и не я. Вспомните, вы...

Князь не далъ ему договорить. Онъ подыбалъ со стола шавалъ и пустилъ его въ Хорвата.

— Вонъ! прогремѣлъ голосъ князя и онъ ступилъ впередъ.

Хорватъ разсмѣялся злобно на весь кабинетъ и крикнулъ:

— Спасибо вамъ. Этимъ оскорбленіемъ вы дали мнѣ право увезти ее какъ только она поправится!

И молодой человекъ быстро вышелъ, почти выбѣжалъ изъ кабинета, а князь едва добравшись до кресла свалился въ него и схвативъ себя за голову какъ-то глухо простоналъ.

Хорватъ, спустившись внизъ, надѣлъ фуражку и шинель, взялъ изъ стола цѣпочку, первую вещь подаренную ему княгиней, и лѣшкомъ пошелъ со двора.

— На прогулку! шелуалъ одинъ изъ лакеевъ.—Что ему. Чужей человекъ! Больна, не больна—ему какое дѣло. Хотя помри—ему ровно ничего. Чужая!

Нѣсколько другихъ лакеевъ переглянулись, усмѣхаясь; наконецъ одинъ изъ нихъ вымолвилъ вслухъ.

— Чужая, братъ. Да! Знаешь, сказывается: чужая она мнѣ жена, когда не со мной.

Нѣсколько холоповъ фыркнули.

— Тите вы, дьяволы! прикрикнулъ кто-то сверху лѣстницы.

Камердинеръ князя спустился въ швейцарскую и повторилъ снова.

— Ишь, дьяволы, горлы дерутъ! Дурачье! Сидятъ тутъ черти, не видать... князь ходитъ вонъ по всѣмъ горницамъ. Теперь держи ухо востро! Въ одну минуту въ Сибирь уйдешь. И лакей прибавилъ тите:—На немъ лица Божьяго, братцы, нѣтъ; рыщеть какъ волкъ! И это, братцы мои, ужь не съ горя! Гдѣ нашъ-то племянникъ?

— На прогулку ушелъ.

— Чудно! вымолвилъ камердинеръ.—Право, чудно! А я такъ полагаю: назадъ онъ не сунется.

V.

Прошло десять дней съ тѣхъ поръ какъ княгиня внезапно заболѣла. Опасность прошла и ей было гораздо лучше. Быть-можетъ она уже совсѣмъ бы поправилась, если бы не извѣстie, полученное чрезъ горничную, что Хорвата въ домъ нѣтъ, что на третій день послѣ ея болѣзни онъ вышелъ лѣшкомъ изъ дома, бросивъ всѣ свои вещи, и не возвращался. Та же горничная намекомъ объявила княгине, что предъ выходомъ молодаго барина, у него былъ разговоръ съ княземъ и что они повздорили.

Какъ только княгиня стало лучше, князь приходилъ къ ней только на нѣсколько минутъ по два раза въ день. Одни и тѣ же вопросы его, немного холодные, объ ея здоровьи, и его нежеланіе, очевидно, говорить о чемъ-либо другомъ, окончательно убѣдили княгиню что нѣчто свершилось и когда она поднимется на ноги, то отношенія ея къ мужу будутъ другія. Глубокая, но тихая тоска, овладѣвшая ею, помѣшала выздоровленію. Однако, еще черезъ недѣлю, она уже могла сидѣть въ своей комнатѣ и пробовала работать, т.-е. садилась за пядьцы, къ которымъ однако чрезъ силу едва прикоснулась нѣсколько разъ. По мѣрѣ того какъ силы возвращались къ ней, блѣдность лица замѣнилась прежнимъ румянцемъ молодости; княгиня чувствовала что вмѣстѣ со здоровьемъ возвращается къ ней та твердость и непоколебимость воли, которую она когда-то старалась воспитать, выработать въ себѣ. Несмотря на ея новое странное положеніе въ домѣ, тяготили ее съ одной стороны косые взгляды лакеевъ, горничной, въ которыхъ она невольно могла прочесть что-то особенное, или непріязненное, или сочувственное, но все равно одинаково оскорбительное для себя, съ другой стороны ея мужъ явно враждебно, отчасти свысока относился къ ней, даже какъ бы не позволялъ ей говорить съ собою о чемъ-либо, помимо самыхъ простыхъ вещей ежедневной жизни. Княгиня чувствовала себя одинокою болѣе чѣмъ когда-нибудь и это одиночество душевное укрѣпляло, закаляло ее. Не по днямъ, а по часамъ чувствовала она что все растетъ въ ней какаа-то новая, страшная сила и что предъ этою силой все кругомъ нея, и самъ князь, кажутся мизерны, малы, ничтожны. Ея нравственное чувство говорило ей что она не настолько виновата, насколько наказана. Неизвѣстность гдѣ находится Хорватъ: въ Москвѣ ли онъ, или уѣхалъ, что съ нимъ, какъ живетъ ему теперь, сначала огечаливала ее, а наконецъ теперь уже озлобила противъ того, кто былъ виновникомъ ихъ разлуки. Она мысленно воссоздавала предъ собою всю прошлую зиму, затѣмъ и на всю прошлую жизнь свою оглянулась тщательно, разглядывая ее, взвѣшивая и оцѣнивая всякій фактъ, всякій поступокъ свой и другихъ лицъ и наконецъ убѣжденіе что главный виновникъ всего тотъ же князь, укрѣпилось въ ней сильнѣе чѣмъ когда-либо.

Однимъ словомъ, когда княгиня, вполнѣ оправившись, могла выходить въ другія горницы, то князь встрѣтилъ окончательно сформировавшуюся женщину, видимо готовую на самую отчаянную, энергическую борьбу на жизнь и на смерть.

Между тѣмъ, за то же время, самъ князь вдругъ опустился физически и нравственно и постарѣлъ чуть не на десять лѣтъ. Князь Петръ Ильичъ былъ вполнѣ старикъ. Только послѣ какой-нибудь сильнѣйшей и опаснѣйшей болѣзни можно было такъ измѣниться лицомъ, какъ измѣнился онъ во время болѣзни жены. Въ лицѣ его явнѣ всего видна была какая-то нерѣшительность, какая-то растерянность. Ударъ нравственный, полученный имъ, сломилъ, нравственно обезсилилъ его. Даже въ головѣ чувствовалъ онъ по временамъ какую-то чисто физическую боль, невозможность остановиться ясно и твердо на одной какой-либо мысли и довести нить мышленія до конца. Такимъ образомъ князь мысленно дошелъ до того что чаще всего повторялъ себѣ теперь что надобно было жениться раньше, что не надо было жениться на Дужинской барышнѣ, чуть не дѣвочкѣ, что надо бы было вмѣсто женитьбы вообще выѣхать за-границу и продолжать жить прежнею, распущенною жизнью.

Эти позднія сожалѣнія, раскаяніе въ томъ что поправить было невозможно, безцѣльное думанье о томъ, каково могло бы быть его настоящее еслибы было иное прошлое, — все это доказывало ясно что князь ослабъ разсудкомъ, что въ его годы иныя душевныя боли уже не могутъ проходить безслѣдно. Когда князь снова увидѣлъ предъ собой выздоравливающую жену съ холодно строгимъ лицомъ, которая двигалась твердою поступью, высоко держала голову, смотрѣла съ укоромъ прямо ему въ лицо, то онъ почувствовалъ что это уже не та прежняя, покорная и послушная жена, а новый и быть-можетъ злой врагъ его. Казалось, каждую минуту княгиня вызоветъ его прямо и твердо на объясненіе и на окончательное рѣшеніе вопроса: уяснить ихъ отношенія для того чтобы положить имъ конецъ. И дѣйствительно это было такъ. Съ той минуты что княгиня не шла въ этомъ домѣ дорогаго образа, въ которомъ сосредоточивалась вся ея жизнь, она чувствовала себя готовою на все чтобы снова увидеть Хорвата, услышать его.

Это время, полное неизвестности о томъ, гдѣ живетъ онъ, казалось утроило ея чувство къ нему, и глубокое, ясное чувство перешло теперь въ жгучую страсть, отъ которой изнывала и сгорала она и день и ночь. Ея душевное состояніе конечно не было естественно; въ такія минуты страстная женская натура способна не только на проступки, но даже на преступленія которыя наводятъ ужасъ. Какъ бы ни представляла ей ея раздраженная и быть-можетъ болѣзненная фантазія ея ближайшее будущее, ея собственные поступки, она находила въ себѣ силу на все, и то что нѣсколько недѣль назадъ казалось ей безумнымъ и позорнымъ, теперь вдругъ казалось ей не только ея правомъ, но даже ея обязанностью, ея святымъ долгомъ относительно любимого и любящаго ее человѣка.

Извѣстіе полученное ею наконецъ объ образѣ жизни Хорвата окончательно привело ее разомъ чуть не къ помѣшательству. Не только теперь она готова была на все ради этого человѣка, но сердце ея, измученное и озлобленное, говорило ей: скорѣе! скорѣе!

Она узнала случайно что Хорватъ, проживъ недѣлю въ деревнѣ у друга своего отца, вернулся въ Москву, сошелся съ кучкой самыхъ разнохарактерныхъ, разнородныхъ и сомнительныхъ личностей и сталъ членомъ небольшого кружка отчаянныхъ кутиль, которыхъ благодушное московское общество боялось какъ грозы, но конечно все-таки принимало и допускало въ свой кружокъ. Большая часть молодежи этой шайки „душегубовъ“, какъ говорили старыя барыни, были военные, бѣльшая часть были дворяне, и хотя не коренные Москвичи, но имѣвшіе кой-какую родню въ Москвѣ. Главныя занятія этого кружка были карты, азартныя игры, буйныя попойки по вѣсьмъ извѣстнымъ трактирамъ; затѣмъ, въ лѣтнее и осеннее время охота и наконецъ отъ времени до времени огромные скандалы въ какой-нибудь мирной семьѣ, гдѣ если не героями, то помощниками и участниками являлись всегда члены этого кружка.

За время болѣзни княгини, жена одного изъ высшихъ членовъ администраціи, которую она видѣла нѣсколько разъ, обратила на себя вниманіе всей Москвы. Она бѣжала отъ мужа съ однимъ польскимъ графомъ, чуть не коноводомъ

этого кружка, и при этомъ даже увезла всѣ деньги мужа, т.-е. обокрала его вмѣстѣ съ любовникомъ.

Хорватъ, очевидно, по всѣмъ слухамъ и тѣломъ и душой принадлежалъ этому кружку и когда польскій графъ ускорилъ съ возлюбленною въ Варшаву, онъ занялъ его мѣсто и руководилъ всѣми безумными выходками и всѣми оргіями этого кружка.

Вскорѣ княгиня завела шпиона, выбравъ изъ своихъ людей умнаго и расторопнаго малаго, который сдружась съ денщикомъ Хорвата, могъ всякій день передавать ей малѣйшія подробности объ образѣ жизни Хорвата. Каждый разъ что въ его докладахъ появлялись намеки на какую бы то ни было женщину, княгиня чувствовала острую боль въ сердцѣ, какъ еслибы каждый разъ вонзали ей острый ножъ. И вотъ она уже рѣшилась однажды на отчаянный и гибельный шагъ, когда неожиданный пріѣздъ ея отца и неожиданное несчастье измѣнили на время ея душевное настроеніе.

VI.

Собакинъ, получивъ извѣстіе отъ князя объ опасномъ положеніи дочери, тотчасъ же выѣхалъ изъ Троицкаго въ Москву. Какъ ни быстро доскакалъ гонецъ въ стѣнные предѣлы города Ломова, какъ ни быстро пріѣхалъ въ Москву Лукьянъ Ивановичъ, но времени прошло много и онъ засталъ свою дочь на ногахъ. Страшную перемѣну, которую онъ замѣтилъ въ ней, онъ приписалъ, конечно, болѣзни. Это дорогое для него существо такъ измѣнилось, что бѣдный старикъ уже не зналъ какъ отнестись къ дочери. Это была уже не только не прежняя Дужинская Машуна, но даже была не прежняя княгиня. Старикъ обожалъ въ княгинѣ прежнюю Машуню, но женщина которую онъ встрѣтилъ теперь была уже вполнѣ ему чужая.

Княгиня встрѣтила отца ласково, радостно, съ искренними чувствами любви, цѣловала и ухаживала за нимъ, какъ бывало и прежде. Лукьянъ Ивановичъ, не обладавшій особенною провицательностью, въ первые три дня по пріѣздѣ не замѣтилъ ничего новаго въ отношеніяхъ князя и дочери.

„Она измѣнилась вѣроятно отъ опасной болѣзни, думалъ онъ; а онъ просто постарѣлъ, только что ужъ очень удивительно скоро. Этакъ еще чрезъ годъ ему будетъ на видъ сто лѣтъ.“

На третій день случилось то что княгиня считала при появленіи отца совершенно невозможнымъ. Она была увѣрена что князь, не рѣшившись заговорить съ нею прямо и откровенно, конечно не рѣшится сдѣлать этого со старикомъ отцомъ ея. Княгиня ошиблась. На третій же день вечеромъ, когда она, чувствуя легкую слабость, а главное, желая выслушать новое донесеніе своего повѣреннаго на счетъ Хорвата, ушла къ себѣ, Лукьянъ Ивановичъ остался въ кабинетѣ князя. Случайно ли, пользуясь ли отсутствіемъ жены, или съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ, князь заговорилъ со старикомъ тестемъ о себѣ и о женѣ. Сознавшись намеками въ томъ что послужило началомъ ихъ семейнаго несчастья, князь перешелъ къ послѣднему времени и подробно, даже преувеличивая, передалъ все что онъ зналъ и даже что онъ предполагалъ. Темно ли выражался князь, или рѣшился на ложь, но старый инвалидъ узналъ, что на сцену появился молодой гусаръ, какой-то Молдованинъ, чуть не Турка, красавецъ и забіяка, а теперь по слухамъ картежникъ и трактирный герой... и что онъ, этотъ проходимецъ—любовникъ княгини, любовникъ его обожаемой Машуки, которую онъ считалъ превыше всѣхъ. Почему сразу повѣрилъ старикъ, объяснить трудно, но онъ повѣрилъ. И вдругъ показалось ему, сидя въ ярко освѣщенной комнатѣ князя, что свѣчи всѣ потухли, что онъ качается изъ стороны въ сторону, какъ будто на лодкѣ ѣдетъ, что князь, бывшій около него въ креслѣ, далеко отодвинулся и говорить издали, что-то даже кричить ему, но странное что-то и непонятное. Онъ кричитъ кажется что Машука умерла, онъ кричитъ что есть скверная, злая, подлая женщина, которая называется княгиней Агапиной и что это чудовище убило Машуку и приняло на себя ея образъ.

Когда чрезъ нѣсколько минутъ Лукьянъ Ивановичъ снова пришелъ въ себя, вздохнулъ и раскрылъ глаза, то тихо вымолвилъ:

— Господи помилуй! Что такое тутъ вышло! Князь,

голубчикъ, задремалъ я, что ли! Приснилось мнѣ... Какъ? какъ? Этотъ Хорватъ! Турка! Чтò такое! Это вы все разказали!

Князь молча глядѣлъ на тестя и Лукьянъ Ивановичъ лоялъ изъ этого взгляда что онъ не задремалъ, что ему не приснилось ничего, что все это правда, что все это совершилось на яву.

Машуни нѣтъ, а это... это не Машуна! Да и не княгиня, которую онъ встрѣтилъ по возвращеніи изъ-за границы!

Старикъ облокотился на столъ, подперъ руками голову; челюсти его задрожали и нѣсколько слезинокъ показались на морщинистомъ лицѣ его, выкатившись изъ старыхъ и тусклыхъ глазъ полинявшихъ отъ времени.

Князь всталъ и молча, медленно и нетвердо ходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину. Но потеря жены не была для него такъ страшна, такъ ужасна, какъ для стараго инвалида потеря его обожаемой дочери. Князь чувствовалъ что онъ виновать предъ княгиней, а старикъ Сабакинъ не намелъ во глубинѣ души ни одной вины противъ дочери за всю ея жизнь, кромѣ одной выдачи ее замужъ за этого князя.

Въ дверяхъ кабинета появился человекъ и доложилъ что ужина готовъ. Онъ хотѣлъ выходить, но замѣтилъ что ни Сабакинъ, сидившій за столомъ, ни князь, стоявшій какъ-то странно въ углу кабинета, въ полуоборотъ, не слышали его словъ, не замѣтили его присутствія. Выйдя изъ вѣжливости и боязни гнѣва барина, онъ однако вернулся чрезъ четверть часа и снова позвалъ ихъ кушать. Князь первый пришелъ въ себя, обратился къ тестю и вымолвилъ:

— Батюшка, кушать пойдемте! и онъ прибавилъ язвительно: — Желудокъ, не виновать ни въ чемъ, говоритъ: ты горюй, а пить, ѣсть надо мнѣ.

Сабакинъ не слышалъ, а можетъ не понялъ шутки, медленно поднялся, и заковылялъ за княземъ на своей деревянной ногѣ. Они сѣли за столъ и поджидали минуту прихода княгини. Когда платье ея зашумѣло въ прихожей, Сабакинъ вздрогнулъ и дико глянулъ на дверь, но замѣтившій это князь молвилъ старику едва слышно:

— Батюшка, при ней покуда ни слова.

— Нѣтъ, проговорилъ старикъ-инвалидъ. Но это: *нѣтъ!* разорвалось на нѣсколько частей, проходя черезъ его горло. Голосъ его такъ дрожалъ что даже это одно слово не могъ онъ выговорить сразу и отчетливо.

Когда же вошла въ столовую эта женщина, эта княгиня Агарина, эта будто бы его Машуна прежняя, а въ сущности какая-то колдунья, которая убила его Машуню и подъ ея образомъ грѣшитъ предъ Богомъ и людьми, старикъ пристально глядѣлъ на нее, глядѣлъ какъ она сѣла на свое мѣсто и окинула холоднымъ, недобрымъ взглядомъ и князя и отца и этотъ накрытый столъ. Старикъ вдругъ ахнулъ, всплеснулъ руками, хотѣлъ вскрикнуть что-то, но зарыдалъ, какъ-то замѣтался изъ стороны въ сторону на своемъ стулѣ и зашепталъ едва слышно, будто самому себѣ:

— Ахъ, Машуна, Машуна! гдѣ же ты научилась...

Но послѣдніе звуки, вырвавшіеся изъ горла, были уже не слова, это былъ какой-то хрипъ, какое-то тьяканье. Ротъ старика раскрылся, все лицо искривилось, руки упали на столъ и все тѣло наклонилось на бокъ, скользя со стула на полъ. Княгиня бросилась къ отцу, блѣдная какъ снѣгъ, обхватила его, прижалась къ нему, но ужасъ вдругъ проникъ въ нее, что-то подсказало ей: *конечъ!*

Старикъ дѣйствительно былъ полумертвъ и съ помощью людей Лукьяна Ивановича тотчасъ перенесли въ его спальню. Княгиня хлопотала около него цѣлый часъ, вмѣстѣ съ горничными; князь послалъ за докторомъ; но прежде чѣмъ тотъ пріѣхалъ, одна изъ двѣшекъ, помогавшихъ княгинѣ, уже пятидесяти-лѣтняя женщина, сказала ей:

— Матушка, барыня, что тутъ бѣгать да шумѣть. Выспите всѣхъ, да ставьте на колѣнки около кровати, да помолитесь; Лукьянъ Ивановичъ уже не здѣсь; душевьяка его у Господа.

Княгиня тотчасъ же опустила на колѣна, но какъ-то безсознательно, машинально, будто сама не зная зачѣмъ она это дѣлаетъ. Также безсознательно взяла она протянутую вдоль одѣяла руку и припала къ ней холодными губами.

Пріѣхавшій черезъ часъ докторъ нашелъ лишь холодный трупъ, вошелъ на минуту и тотчасъ вышелъ; поглядывая на часы свои и очевидно слѣша куда-то, онъ выговорилъ.

— Это, ваше сіятельство, самая простая вещь: ударъ. Оно въ этотъ возрастъ, знаете, и при такой комплекціи, слашъ да рядомъ бываетъ.

Когда княгиня уже ночью, какъ бы прїѣда въ себя, поняла вполнѣ что отецъ ея скончался, она поняла тоже что онъ убить и убитъ безжадно все тѣмъ же человекомъ, который какъ злой духъ былъ посланъ въ ея жизнь на погибель всего что ей дорого.

Похороны старика Собакина были не блестящи и не шумны. Крупная сумма денегъ пошла на эти похороны, но не ради званыхъ гостей. За гробомъ, который изъ церкви, послѣ отпѣванія, повезли изъ Москвы въ Троицкое, ѣхала до заставы только одна карета, въ которой сидѣла княгиня. Князь, чувствуя себя дѣйствительно почти опасно больнымъ, не присутствовалъ на отпѣваньи; онъ былъ въ постели; докторъ лѣчившій его мысленно рѣшилъ что пожалуй скоро въ этомъ домѣ будетъ другой покойникъ.

„То-то рада будетъ она,“ думалось доктору, который зналъ всѣ московскіе слухи и сплетни по поводу семейнаго житья-бытья князя Агарина.

„Кому-то все достанется, думалъ докторъ, хлопотавшій около больного, чей-то будетъ этотъ домъ и всѣ безчисленныя имѣнія; неужто дурень старый все ей оставить, чтобы тотъ сорви-голова могъ въ карты все спустить.“

Вернувшись домой княгиня прошла прямо къ себѣ, заперлась на ключъ, опустилась на колѣна предъ своими образами и долго молилась; наконецъ, усталая, едва держась на ногахъ, она подошла къ комоду, взяла и отложила въ сторону одно черное платье, нѣсколько вещей и немного бѣлья, завязала все это въ узелокъ и спрятала въ маленькомъ шкапчикѣ. Въ минуту когда она узнала что отецъ ея убить и убитъ-княземъ, она рѣшилась точно также пѣшкомъ выйти изъ этого дома и идти куда глаза глядятъ.

Внѣшній видъ дома князя сталъ вдругъ таковъ что Москвичи уже думали что, пользуясь весной, князь съ супругой выѣхали въ деревню. Дѣйствительно, на дворѣ, въ саду и въ самыхъ палатахъ князя царствовала мертвая тишина. Князь былъ боленъ, два доктора не отходили отъ него, не выѣзжали изъ дому и даже ночевали въ сосѣдней комнатѣ. Вновь появившійся Андрианъ спалъ уже на полу спальни и не отходилъ ни на шагъ отъ кровати больного. Многочисленная дворня ходила на цыпочкахъ будто перелуганная или угрюмо, задумчиво сидѣла по своимъ угламъ.

Княгиня совершенно не выходила изъ своихъ комнатъ. Князь ни разу не позвалъ ее къ себѣ, а сама она не могла, да и не хотѣла видѣть его. Андрианъ будто замѣнялъ ее около князя, да и въ домѣ.

„Какъ выздоровѣть, думалось княгинѣ, такъ надо это кончить.“

Княгиня думала что мужъ не откажетъ ей и даже будетъ радъ, узнавъ о ея намѣреніи уѣхать жить къ себѣ въ Дужино. Она хотѣла только предъ отъѣздомъ попросить князя снова взять назадъ свой подарокъ свадебный, т.-е. Троицкое, хотя тамъ и были похоронены телерь отецъ и мать ея. При выѣздѣ изъ этихъ палатъ княжскихъ, она рѣшилась взять съ собою только тотъ узелокъ бѣлья, который съ какою-то нервною послѣдностью отложила тотчасъ по возвращеніи съ похоронъ отца.

VII.

Между тѣмъ слава о подвигахъ Хорвата прошла по всей Москвѣ. Онъ заткнулъ за поясъ самого польскаго графа, когда сдѣлался коноводомъ отчаяннаго кружка игроковъ и бунцовъ. На одной изъ лучшихъ улицъ Москвы, въ большомъ красивомъ домѣ, помѣщалась квартира коновода „душегубовъ“. Хорватъ жилъ очень широко, держалъ до двухъ дюжины лошадей, выѣзжалъ всякій день въ разныхъ экипажахъ. Человѣкъ двѣнадцать дворни, въ разныхъ ливреяхъ, наполняли прихожую и людскую. Постоянно отъ зари до зари у крыльца его дома не прекращалось движеніе отъ пріѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ гостей, большею частію, конечно, мужчинъ; но бывали и гости. Убранство дома было тоже роскошное. Наконецъ всякій день бывали обѣды и въ особенности многолюдные и веселые ужины, продолжавшіеся далеко за полночь, иногда и всю ночь до разсвѣта. Мирные члены московскаго общества, отцы семействъ въ особенности, проѣзжая мимо дома извѣстнаго сорви-головы, косились на этотъ домъ, или качали головой. Возможность жить такъ не имѣя никакихъ средствъ дали Хорвату карты. Съ первыхъ дней, когда онъ сошелся съ этою разнородною кучкой веселой, беззаботной и буйной молодежи, онъ началъ играть и игралъ такъ счастливо что многіе, за

исключеніемъ настоящихъ шулеровъ, сочи было его шулеромъ. Въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль Хорватъ выигралъ до сорока тысячъ рублей; и какъ легко достались ему эти деньги, такъ же легко швырнулъ онъ ими. Теперь уже было у него выиграно за все время около ста тысячъ, но надѣло не было и десяти. Все пошло на обстановку, на разныя затѣи и прихоти и наконецъ на пріятелей и пріятельницъ, жившихъ за все это время на его счетъ. Однако эти новые друзья его тайно, мысленно предсказывали Хорвату плохой конецъ. Это счастье въ игрѣ должно было непременно обернуться противъ него, и тогда, начавъ проигрывать, ему предстояло продавать все что есть. Такъ какъ личный опытъ говорилъ имъ что никто еще никогда не останавливался на этомъ пути, то они ждали конечно что и Хорватъ будетъ продолжать играть до тѣхъ поръ покуда не войдетъ въ долги и наконецъ не попадетъ въ яму. Кромѣ того, эти друзья Хорвата видѣли что причина его безобразной жизни и безалаберной траты денегъ была не простая. Москва говорила что это буйный сорви-головъ, не знающій какъ убить свое время, но близко стоявшіе къ нему люди видѣли что несмотря на буйную жизнь, проводимую среди картъ, вина и женщинъ, Хорватъ былъ угрюмъ, будто вѣчно озабоченъ чѣмъ и неестественно грубъ и рѣзокъ. За это время уже три раза онъ изъ всѣхъ силъ придирался и искалъ случая имѣть поединокъ; но это не удалось ему. Кромѣ того, не было сумашедшей выходки, безразсудной оласности на которую онъ не рѣшился бы тотчасъ и не исполнилъ ее съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ.

Дѣйствительно, молодой человѣкъ чувствовалъ себя какъ будто въ чадѣ, какъ будто онъ не сознавалъ вполнѣ всего совершающагося вокругъ него. Онъ бросился въ этотъ омутъ, какъ многіе другіе, какъ сотни другихъ такихъ же натуръ какъ и его. Но если другіе когда-либо находили забвеніе самого себя и своей мертвящей тоски или своего глубокаго горя, то Хорватъ, и день и ночь окруженный буйною полулунною компаніей, оставался всегда нравственно и мысленно одинокимъ. Въ мечтахъ его вѣчно стояла предъ нимъ какъ живая и грустно глядѣла на него та которую онъ уже однажды называлъ Машей и поэтому называлъ такъ мысленно и теперь. Хорватъ зналъ что угроза,

брошенная имъ князю: увести ее, была только хвастливою выходкой. Княгиня къ несчастію не такова чтобы рѣшиться на побѣгъ, который обезславить ее и убьетъ старика отца, а ждать десять, двадцать лѣтъ, какъ рѣшила она,—Хорвату теперь казалось болѣе чѣмъ когда-либо ребячествомъ или безуміемъ.

„Надо просто покончить съ собою!“ думалось ему, и онъ надѣялся, ждалъ что эта безшабашная жизнь быстрее приведетъ его поневолѣ къ какому-нибудь болѣе или менѣе страшному и быстрому концу.

Однажды въ домѣ Хорвата начались какія-то особенныя приготовленія. Вся молодежь, считавшаяся членами этого кружка, собралась въ домѣ и весело швыряла то въ домъ, то изъ дома, скакала по магазинамъ, по знакомымъ, и снова ворочалась къ Хорвату. Въ то же время показалось въ домѣ и духовенство: былъ приглашенъ священникъ съ причтомъ. Въ то же время приходилъ губернаторскій чиновникъ; явилась и полиція. Произошло что-то особенное.

„Должно-быть конецъ пришелъ!“ думалось протѣзжавшимъ Москвичамъ.

Случай былъ очень простой. Недавно пріѣхавшій въ Москву изъ провинціи какой-то богатый барченокъ—недоросль изъ дворянъ, двадцати-двухъ-лѣтній Митрофанушка, вступилъ въ кружокъ Хорвата. Глупенькій, научившійся до ребячества, но добрый малый, въ нѣсколько дней проигралъ все свое состояніе. Наканунѣ, получивъ изъ Опекунскаго Совѣта послѣднія десять тысячъ, онъ сталъ играть съ Хорватомъ у него въ домѣ и проигралъ все до копѣйки. Хорватъ не замѣтилъ даже своего выигрыша. Когда онъ узналъ это, то взялъ деньги, швырнулъ ихъ въ какой-то столъ и вышелъ подышать воздухомъ въ небольшой садъ, принадлежавшій къ его дому. Съ тоской на сердцѣ какъ всегда, ходилъ онъ задумчиво по дорожкамъ сада и думалъ все о ней же. Вдругъ нѣсколько человѣкъ пріятелей выскочили изъ дому съ перепуганными лицами и добѣжавъ до него передали извѣстіе что молодой новобранецъ зарѣзался бритвой. Держуль такъ ловко что чуть не отхватилъ себѣ голову съ плечъ.

Хорватъ пристально поглядывалъ на испуганную кучку этихъ людей, называвшихся его пріятелями, и молчалъ.

Наконецъ онъ выговорилъ:

— И хорошее дѣло! Разъ, и готово! молодецъ мальчуганъ! Онъ вздохнулъ и прибавилъ:

— Да изъ-за чего же? Съ чего зарѣзлся-то?

— Какъ съ чего? воскликнулъ одинъ изъ пріятелей.—Да вѣдь онъ нынче вечеромъ до колѣйки все сплутилъ! Последнія деньги, вѣдь ты же эти десять тысячъ выигралъ.

Хорватъ невольно разинулъ ротъ. Онъ этого не сообразилъ, или не зналъ, или забылъ. Во всякомъ случаѣ, покуда проигрывался юноша, онъ объ этомъ не думалъ и ничего не замѣчалъ и, конечно, не ожидалъ такой катастрофы.

— Ну! вымолвилъ онъ быстро.—Вы, маршъ! Устраивай похороны! Я даю на нихъ его же проигранныя деньги. Чтобы похороны были царскія. Всѣ десять тысячъ на нихъ!...

И вотъ эта именно прихоть Хорвата или поступокъ для очистки совѣсти, нежеланіе взять себѣ и истратить на себя хоть грошъ изъ этого послѣдняго выигрыша, привели къ тому, что въ его домѣ справляли буйныя и веселыя, богатые по виду и безобразныя по смыслу похороны.

Однако этотъ случай въ домѣ Хорвата заставилъ серьезно обратить на него вниманіе начальника столицы. Полиція, явившаяся въ домъ, хотѣла повернуть дѣло довольно дурно для хозяина дома. Началось было слѣдствіе, но деньги, т.-е. взятка, предотвратили бѣду.

VIII.

Вечеромъ послѣ похоронъ весь кружокъ собрался къ Хорвату на тризну. Всѣ были веселы и довольны, исключая хозяина. Во время самого ужина любимый деньщикъ Хорвата вызвалъ его на минуту въ другую горницу. Тамъ увидѣлъ онъ того дворового человѣка князя Агарина, который, подъ предлогомъ дружбы съ деньщикомъ, бывалъ у него довольно часто.

— Чтò такое? вымолвилъ онъ.

— Да вотъ, Юрій Петровичъ, онъ прибѣжалъ, вѣсточку новую принесъ изъ княжескихъ палатъ. Тамъ скончался....

Хорватъ бросился на деньщика, схватилъ его за горло и крикнулъ на весь домъ:

— Кто?!..

Деньщикъ поперхнулся, и испуганно, не сразу выговорилъ робко и боязливо:

— Батюшка княгини Лукьянъ Ивановичъ!

Вся кровь, хлынувшая было къ сердцу Хорвата, отлила тихонько; ноги его задрожали и онъ ухватился за дверь, чтобы не упасть. Какъ ударъ молніи явилась въ его сердцѣ надежда, какъ молнія сверкнула и отдалась во всемъ его существѣ, и какъ молнія исчезла. Только глухой рокотъ, какъ отъ дальняго грома, слышалъ онъ въ самомъ себѣ, но постепенно и рокотъ этотъ стихъ и все улеглось.

— Нѣтъ! Не оны! тихо и грустно повторилъ нѣсколько разъ молодой человекъ;—нѣтъ, этотъ не издохнетъ. Всѣ умрутъ: и старые, и молодые, и мы умремъ, и она, и я, а этотъ старый лѣсъ все будетъ жить!

Но вдругъ новая мысль блеснула въ его головѣ.

„Она говорила, что ее удерживаетъ теперь лишь одно—отецъ. Теперь отца нѣтъ, и стало-быть....“ Хорватъ боялся додумать до конца.

— Да, да, выговорилъ онъ вслухъ, — теперь нѣтъ преграды!

Гости, сидѣвшіе за столомъ, начали уже беспокоиться о внезапномъ отсутствіи хозяина. Многие боялись, что это продолженіе утренняго визита губернаторскаго чиновника, но, черезъ нѣсколько минутъ, они увидѣли хозяина, быстро входящаго въ залу. Но это былъ уже другой Хорватъ, какимъ до сихъ поръ ни разу не видали они его. Онъ быстро, бодро и весело подошелъ къ столу и, не садясь на свое мѣсто, велѣлъ людямъ наливать скорѣе вина во всѣ стаканы. Всѣ глаза съ изумленіемъ остановились на коноводѣ и наконецъ всѣ услышали:

— Вылейте, друзья, за добрую вѣсть! Умеръ одинъ человекъ, одинъ добрый старичокъ, котораго я никогда и въ глаза не видалъ, котораго не могу ни любить, ни ненавидѣть, которому отъ души, отъ всего сердца, желаю царствія небеснаго. Но этотъ старичокъ лежалъ у меня на дорогѣ, не пропускалъ меня.... И теперь добрая голубушка—смерть взяла его за ноги и убрала съ дороги. Предлагаю вамъ выпить за здоровье покойника! Нѣтъ, вздоръ, это грѣхъ! Богъ съ нимъ!... Ну такъ просто: да здравствуетъ смерть!

Съ этой минуты Хорватъ повеселѣлъ и, пропустивъ и проболтавъ за столомъ до утра, объявилъ своимъ друзьямъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Москвы на время. Мысленно Хорватъ рѣшилъ, что пришла минута бросить свой безобразный

образъ жизни, снова перейти въ тишину скромнаго уединенія и снова постараться увидѣться съ нею.

„Если теперь она не будетъ моею, если теперь не рѣшится бѣжать со мною, рѣшилъ Хорватъ,—то тогда и я попробую послѣдовать примѣру молодца-мальчугана.“

Дѣйствительно, на другой же день, домъ въ которомъ такъ часто по ночамъ гудѣли десятки пьяныхъ голосовъ, гдѣ люди не имѣющіе ни алтына за душой ворочали каждый день кучами золота и банковыхъ билетовъ, домъ на который косились проѣзжіе и всѣ порядочные люди—быстро опустѣлъ и, запертый со всѣхъ сторонъ, угрюмо и отчасти таинственно глядѣлъ на прохожихъ. Многие изъ Москвичей были убѣждены что губернаторъ сдержалъ слово, сказанное имъ вскользь на какомъ-то балу, и выслалъ всѣхъ этихъ „душегубовъ“ вмѣстѣ съ ихъ коноводомъ вонъ изъ Москвы.

Однако кучка картежниковъ и буяновъ перебралась въ другой кварталъ Москвы, въ другой домъ, менѣе красивой наружности, а Хорватъ, котораго проводили во временную отлучку въ Серпуховскую заставу, въ тотъ же вечеръ вернулся снова въ Москву.

Хорватъ вѣхалъ въ ту же заставу, но на простыхъ крестьянскихъ дровняхъ, запряженныхъ парой маленькихъ, едва бѣжавшихъ лошадокъ. Не ямщикъ, а простой мужиченко, простыми веревочками и кнутомъ кое-какъ погонялъ своихъ кляченокъ, а за нимъ сидѣлъ Хорватъ и его деньщикъ, оба въ простыхъ полушубкахъ и простыхъ шалкахъ, будто два парня изъ подмосковнаго села, или два мѣщанина. Только красивая и щеголеватая наружность Хорвата мѣшала обману.

Черезъ нѣсколько дней Хорватъ, или лучше сказать, красивый малый мѣщанинъ, съ маленькою, курчавою, недавно отлущенною бородкой, назвавшійся кулеческимъ сыномъ Петровымъ, нанялъ квартиру и поселился за нѣсколько домовъ отъ громадныхъ палатъ князя Агарина, но за то прямо противъ ограды большого княжаго сада. Днемъ онъ почти не выходилъ и не позволялъ своему деньщику болтаться. Вечеромъ всякій день онъ по нѣскольку разъ проходилъ мимо дома князя и пытливо устремлялъ взоръ на два ряда темныхъ оконъ. Мертвая тишина, царившая въ это время въ домѣ князя, подтверждала извѣстіе пріятеля

деньщика что князь хвораеть. Хорватъ ждалъ и надѣялся и рѣшилъ ничего не предпринимать до тѣхъ поръ покуда князь не выздоровѣетъ вполне или не умретъ.

Однажды вечеромъ, когда снова къ деньщику явился его пріятель, то-есть дворовый князя, Хорватъ выслаалъ зачѣмъ-то деньщика и отъ нечего дѣлать сталъ самъ болтать съ дворовымъ. Послѣ краткой бесѣды съ нимъ, пронырливый малый Ванька замѣтилъ и уразумѣлъ что молодой баринъ точно также интересуется княгиней, какъ она уже давно занята имъ. Это было давно ужъ не новостью для всей дворни князя, но почему-то было новостью для него. Не боясь попасть въ просакъ и зная что не проиграетъ, а выиграетъ, молодой Ванька откровенно сознался барину что онъ уже давно служить *докладчикомъ* у княгини, что и дружба его съ деньщикомъ барина изъ-за этого заведена, и что каждый разъ ворочаясь отъ барина онъ ищетъ случая поглядѣть княгиню, и передаетъ ей все что знаетъ самолично.

Хорватъ, прежде нежели пришелъ въ себя, уже обнялъ Ваньку, потащилъ его къ себѣ въ кабинетъ, и чуть не усадилъ его на диванъ, чуть не сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Да ты врешь! врешь! повторялъ онъ и изъ глазъ его готовы были брызнуть слезы.

Смущеніе, радость, волненіе молодого барина были такъ сильны что Ванька совсѣмъ растерялся и раскаивался въ своей откровенности; но однако скоро оправился и успокоился. Двадцать рублей данныя ему на первый разъ и обѣщанная сотня рублей успокоили Ваньку, но только чуть не свели съ ума. Онъ тоже былъ готовъ залакать.

Хорватъ сѣлъ къ столу и написалъ:

„Намъ надо видѣться. Не вѣрь слухамъ обо мнѣ. Я хотѣлъ утопить въ винѣ и въ картахъ мою тоску. Умоляю, согласись на свиданье. Позволь видѣть тебя. Только позволь, и я все устрою!...“

Онъ отдалъ записку Ванькѣ и ждалъ отвѣта на другое же утро. Но прошло три дня, Ванька не являлся, а въ домѣ князя началось движеніе.

Деньщикъ Хорвата, который не могъ отправиться на княжій дворъ днемъ, боясь быть узнаннымъ, узналъ уже-вечеромъ въ соседней лавочкѣ что князь и княгиня собираются на лѣто въ подмосковную вотчину.

Вѣсть эта какъ громомъ поразилъ Хорвата. Онъ ничего не понималъ.

IX.

Когда княгиня узнала что мужъ настолько поправился что всталъ съ постели и уже сидитъ у себя въ кабинетѣ, она написала на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ, въ которыхъ вѣжливо и кратко, но холодно просила у князя позволенія повидаться чтобы переговорить по дѣлу. Она послала записку со своею горничной. Горничная однако нисколько не удивилась этой перепискѣ между баринѣмъ и барыней. Всѣ люди давно поняли все и ожидали развязки.

Князь, прочитавъ записку, поднялся и пошелъ было къ женѣ, но остановился. Ему казалось что чувство собственнаго достоинства мѣшаетъ ему идти къ ней.

„Она должна придти,“ подумалъ онъ.

— Скажи княгинѣ, добавилъ онъ, — что когда угодно, пусть пожалуетъ хоть сейчасъ.

Дѣвушка вышла. Князь сѣлъ въ кресло около окна, облокотился и закрылъ глаза рукой.

„Что хочетъ она? Какъ рѣшила она выйти изъ этого нестерпимаго для обоихъ положенія?“ думалось князю и онъ робко ожидалъ появленія жены. Дверь отворилась и княгиня тихо вошла, тихо приблизилась къ мужу.

Князь привсталъ и едва слышно вымолвилъ: Здравствуйте! И вскользь глянулъ на нее. Она была блѣдна, но совершенно спокойна. Молча, не отвѣчая на привѣтствіе князя, она сѣла противъ него и нѣсколько секундъ какъ будто собиралась съ силами чтобы заговорить.

— Что вамъ угодно? вымолвилъ князь нѣсколько болѣе рѣзкимъ голосомъ. Эти слова прозвучали сугубо и какъ будто съ оттѣнкомъ негодованія, котораго не было въ перъвомъ словѣ: здравствуйте.

Княгиня неподвижно сядя, не поднимая глазъ на мужа и сложивъ руки на колѣняхъ, опустила голову и заговорила тихо, но отчетливо:

— Объясняться намъ, конечно, князь, нечего. И вы, и я одинаково знаемъ то невозможное положеніе къ которому пришли мы или къ которому привела насъ судьба. Я хочу теперь только спросить у васъ: что вы намѣрены дѣлать?

Считаете ли вы возможнымъ продолжать такое существованіе? Считаете ли вы возможнымъ чтобы мы жили въ одномъ домѣ и видѣлись всякій день? Затѣмъ, если вы что рѣшили, я буду повиноваться вамъ, если могу.

Князь усмѣхнулся.

— Да, если могу... вздохнула княгиня и прибавила поднявъ голову:—я буду повиноваться вашему рѣшенію, если въ немъ есть смыслъ, если въ немъ есть справедливость. Но, если оно безъ смысла, если неисполнимо, то я, конечно, повиноваться не буду.

— Вы вѣроятно забыли, княгиня, быстро выговорилъ онъ,—или не знаете, что по закону вы также въ моей власти, какъ послѣдній изъ моихъ холоповъ.

Княгиня вневольно снова подняла голову и устремила глаза на мужа.

— Нѣтъ, я знаю, князь! Я знаю, на примѣръ, что если уйду, то вы можете вернуть меня домой насильно, кажется, даже съ солдатами, даже съ будочниками!

— Да-съ. Хотя бы пѣшкомъ, по этапу! какъ-то странно выговорилъ князь, не то ядовито шутя, не то просто озлобленно.

— Но, неужели же вы думаете, князь, что если я рѣшусь уйти изъ вашего дома, то я буду настолько простовата, настолько, прямо сказать, глупа, что не сумѣю укрыться, и буду поймана вами.... Но позвольте, не объ этомъ рѣчь! Я пришла спросить у васъ, что вы рѣшили. О законахъ намъ говорить нечего, такъ какъ вы, очевидно знающій законы лучше меня, знаете и то что по законамъ.... по русскимъ, князь, законамъ, я въ правѣ требовать развода.

Князь слегка вздрогнулъ, задвигаясь на своемъ мѣстѣ и яркая краска выступила на лицѣ его. На секунду изъ-подъ лба сверкнулъ его взглядъ.

— Покойникъ батюшка, тихо продолжала княгиня,—когда мы ѣздили съ вами въ Дужино, говорилъ со мной объ этомъ. Еслибъ я попросила его, то онъ готовъ бы былъ ѣхать самъ въ Петербургъ хлопотать о моемъ разводѣ. Но я не хотѣла сдѣлать васъ, князь, посмѣшищемъ всѣхъ вашихъ знакомыхъ.

Князь сильно измѣнился въ лицѣ. Въ первый разъ говорила жена съ вами такъ прямо и просто. Онъ глубже опро-

кинулся въ кресло и чувствовалъ себя какъ бы придавленнымъ. Эта минута была быть-можетъ самая тяжелая въ его пустой жизни.

— Итакъ, позвольте узнать ваше рѣшеніе, настойчиво и холодно вымолвила княгиня послѣ минутнаго молчанія.

— Я ничего не рѣшилъ. Я былъ пораженъ.... пробормоталъ князь.—Если я виноватъ, то согласитесь, княгиня, какъ дорого я заплатилъ за это.

Теперь княгиня съ изумленіемъ взглянула на мужа.

— Узнавъ во время вашего бреда что у васъ любовникъ,— и князь улыбнулся криво, гримасой,—я ничего не сдѣлалъ; я не хотѣлъ даже видѣться съ нимъ покуда вы не выздоровѣете. Онъ самъ пришелъ! Онъ самъ бросилъ мнѣ въ лицо всѣ тѣ оскорбленія, какія только могъ придумать. Онъ самъ сказалъ мнѣ все.—Князь возвысилъ голосъ и загорячился.—Я только выгналъ его. Я виноватъ, конечно, но вѣдь и вы тоже виноваты и больше меня. Женясь, я не обманывалъ никого, а обманулся самъ. Вы же дерзко обманывали меня. Если у васъ не было мужа, то утѣштесь же тѣмъ что у васъ былъ и есть любовникъ. Теперь я ничего не могу рѣшить. Я прошу только оставаться покуда, временно.... такъ, вмѣстѣ. Если люди или знакомые васъ смущаютъ, если вамъ невыносимы ихъ оскорбительные, хотя заслуженные вполнѣ, взгляды и намеки, поѣдьте въ деревню, въ глушь или за границу. Черезъ нѣсколько лѣтъ я...

Голосъ князя дрогнулъ и оборвался. Неподдѣльное чувство и горе сказались въ его голосѣ.

— Я освобожу васъ, черезъ какихъ-нибудь пять, шесть лѣтъ. Я навѣрно болѣе этого не....

Князь опять запнулся.

— Ну.... вы понимаете. Я не безсмертенъ.

Князь смолкъ и изумился самъ себѣ. Развѣ эдакъ хотѣлъ онъ объясниться съ ней, съ преступною женой! Что же это, какое чувство заговорило вдругъ въ немъ само за себя, помимо его воли?

— Итакъ.... снова забормоталъ князь, но голосъ его минутно прерывался.—Черезъ нѣсколько лѣтъ вы будете свободны и богаты. Все мое состояніе по завѣщанію достанется вамъ. Я хочу чтобы послѣ моей смерти вы могли когда-нибудь отнестись ко мнѣ безъ злобы. Вѣдь я все-таки.... да, я все-таки не могу презирать васъ. Я все-таки чувствую что люблю васъ. Да! Ну да! Да! воскликнулъ онъ

вдругъ закрывая лицо руками. И въ доказательство моей любви,—продолжалъ онъ чрезъ минуту измѣнившимся голосомъ,—я позволю вамъ оставить въ домѣ, при себѣ, назвать моимъ именемъ вашего ребенка. Поймите, что больше этого человѣкъ не въ силахъ сдѣлать. Совершенно чуждый мнѣ ребенокъ будетъ носить мое имя и будетъ владѣть со временемъ всѣмъ состояніемъ князей Агариныхъ.

Князь не говорилъ, а бормоталъ не поднимая головы. Слезы давно уже показались на его морщинистомъ и изнуренномъ болѣзнью лицѣ. Губы дрожали и голосъ постоянно прерывался. Онъ замолчалъ, ожидая молчаливаго согласія. Но, въ то же время, услышалъ едва слышно произнесенныя слова:

— Ребенокъ? Какой? Чтò вы говорите? Да говорите же! Я не пойму... Чей ребенокъ? Какой?... Мой? Чтò это? Шутка? Оскорбленіе? Безуміе это?..

Князь подвѣл глаза на жену и увидѣлъ ея изумленное лицо, широко раскрытые блестящіе глаза. Она подвѣла руки и вымолвила снова:

— Чтò вы, князь? Вы бредите? Объяснитесь. Неужели вамъ говорили?... Неужели вы подумали? Неужели какой-нибудь негодяй могъ убѣдить васъ?..

Князь пристально и пытливо глядѣлъ женѣ въ лицо.

— Я оставила васъ два раза произнести слово „любовникъ“, потому что чувство мое къ нему—любовь, потому что онъ дѣйствительно дороже мнѣ всего на свѣтѣ. Это правда. Но вѣдь вы теперь говорите другое! Чтò вы? Шутите? Такъ это глупая и неприличная шутка, или же это желаніе оскорблять меня такъ, просто, даже безъ цѣли...

Но князь такъ выпрямился въ своемъ креслѣ, лицо его такъ измѣнилось что княгиня вдругъ замолчала.

— Такъ онъ, Хорватъ, никогда не... не былъ вашимъ?... почти задыхаясь выговорилъ князь.—Ну называйте какъ хотите... Да говорите же!

Княгиня покачала головой, закрыла себѣ лицо руками и вымолвила едва слышно:

— Вотъ какъ мало... какъ странно вы меня любили, что вы даже не постарались узнать меня! Вы не знали меня, да и теперь не знаете. Вы не знаете на чтò я способна и на чтò никогда не была бы способна! Однажды въ жизни, нечаянно очутившись въ Каменкѣ съ нимъ вдвоемъ.... вспо-

мите, вы сами устроили это — я забыла свой долг! Я забыла про вас! Человекъ этотъ, дороже котораго у меня ничего нѣтъ и не было и не будетъ никогда на свѣтѣ, пользуясь моимъ смущеніемъ, моимъ чувствомъ къ нему, провелъ вечеръ около меня на колѣнахъ и... цѣловалъ мои руки!... Нѣтъ, я лгу! Это не все! Когда со мною сдѣлался обморокъ, почти припадокъ отъ смущенія и стыда, онъ обнялъ меня и цѣловалъ...

Князь сдѣлалъ движеніе рукой.

— Нѣтъ, слушайте! горячо воскликнула она. — Вѣдь вы обвиняете. Я оправдываюсь. Эти поцѣлуи не сдѣлали меня счастливою. Они были мнѣ лишь страшны... Они такъ поразили меня, перевернули все мое существо, что я, боясь за себя, тотчасъ поскакала въ Москву чтобы быть поближе къ вамъ, быть въ безопасности. Тогда же я дала себѣ слово никогда не оставаться болѣе наединѣ съ нимъ. Но эти поцѣлуи привели меня къ болѣзни, къ бреду... Вы все узнали тогда, и выгнали его, лишивъ меня даже возможности видать его, говорить съ нимъ... Но это еще не все! Вы вызвали моего отца, и теперь я только вполнѣ поняла что вы сдѣлали... Вы убили его! Убили ложью, клеветой, неправдой! И теперь если онъ видитъ меня, если онъ видитъ васъ, если душа его въ эту минуту можетъ быть около васъ, то...—И княгиня вдругъ зарыдала и выговорила теряя силы:—онъ прощаетъ и благословляетъ меня, а васъ проклинаетъ! проклинаетъ!...

— Marie, Marie! закричалъ вдругъ князь страшнымъ голосомъ, и едва прижавъ, упалъ къ ногамъ жены,—Marie, прости меня! прости меня!

И князь вдругъ повалился на полъ: съ нимъ сдѣлался обморокъ. На крикъ княгини прибѣжали люди, подняли князя и перенесли въ постель. Княгиня вѣя себя, теряя голову, бессознательно распорядилась послать за докторомъ, и такъ какъ лицо князя было страшно и мертвенно блѣдно, она не вышла, а сѣла около его кровати. Доброе сердце княгини громко заговорило въ ней.

Въ тотъ же вечеръ князь чувствовалъ себя настолько бодрымъ и здоровымъ что поздно пріѣхавшій докторъ нагнулъ его въ креслѣ и изумился, глядя и на него, и на пришедшую въ себя княгиню. Онъ не узналъ что причина которая свела въ могилу бѣднаго старика Собакина, вдругъ

оказалась тѣнью, страшнымъ привидѣніемъ явившійся князю, услугавшимъ князя и мгновенно исчезнувшимъ безъ слѣда. Едва только успѣлъ князь спроводить доктора и остался наединѣ съ женой, какъ снова опустился предъ нею на колѣна и умолялъ ее о прощеніи. Слезы были на лицѣ князя. Невольно и все болѣе чувствовала она жалость къ этому старику. Въ чемъ виновенъ онъ? Въ женитьбѣ? Да. Въ томъ что убилъ ея отца. Правда. Но вѣдь не клеветой, не умышленною ложью. Онъ самъ вѣрилъ въ то что сообщалъ старику тестю. Онъ самъ былъ серьезно боленъ за все это время, и благодаря исключительно тому что считалъ себя обманутымъ и опозореннымъ... А она? Развѣ она не виновна? Подозрѣвая мужа способнымъ подослать шпіона, устроить западню,— она позволяла ему... то что не позволила бы при иныхъ обстоятельствахъ, эти горячіе поцѣлуи, отъ которыхъ она даже слегла въ постель, были тоже... обманъ. Надо было прежде объясниться съ княземъ, развѣхаться и тогда принадлежать Хорвату совѣстнѣ. Да... И она виновна! Онъ, этотъ старый мужъ, оскорбилъ ее подозрѣніемъ въ томъ чего не было въ дѣйствительности, но могло легко быть... Они были тогда въ Каменкѣ на волоскѣ отъ пропасти, гдѣ погибло бы ея честное имя женщины. А сама она съ своей стороны оскорбила его подозрѣніемъ въ шпіонствѣ, въ томъ чего не было и не могло быть, такъ какъ князь оказывается неспособнымъ на такую низость.

Княгиня сидѣла задумчивая, блѣдная, понурившись.... Князь не переставая, тихо и съ чувствомъ говорилъ и повторялъ ей все то же. Умолялъ ее подумать, не дѣлать себя и его посмѣшищемъ всей Москвы, согласиться остаться съ нимъ честно и мирно еще нѣсколько лѣтъ, которыя ему остается прожить, и затѣмъ если его любовь такъ сильна, такъ серьезна, а не есть вспышка молодого сердца... то тогда она можетъ сдѣлаться его законною женой и вполнѣ счастливою, ибо все состояніе князя будетъ ей принадлежать...

— Да!... Но когда? Когда это будетъ?! хотѣла воскликнуть княгиня... но удержалась. Этотъ вопросъ ровняется вопросу: Да! Но когда ты умрешь? Быть-можетъ не скоро!...

И это былъ крикъ того же сердца которое чувствовало жалость къ старику.

— Что же, Marie, скажи мнѣ хоть одно слово....

— Что же я скажу! беспомощно вымолвила она, взявъ себя за голову.—У меня все спуталось.. тутъ... Я ничего не понимаю! Мнѣ жалъ васъ. Да! Я говорю прямо... Но вѣдь я не могу... Да! Безъ него жить!? Не видать его?.. Столько лѣтъ?... Да онъ и не переживетъ этого! Женщины способны на сверхъестественное терпѣніе, а мужчины — никогда... Какъ же я рѣшу свою судьбу, когда отъ нея зависитъ и другая, судьба, другая жизнь... Ахъ нѣтъ, я ничего не знаю... Все это невозможно. Мнѣ остается одно: умереть или идти въ монастырь!..

Наступило молчаніе. Наконецъ князь нерѣшительно вымолвилъ:

— Хотите... Хочешь... Онъ снова будетъ съ нами... здѣсь...

Княгиня подняла на мужа опущенные глаза и поглядѣла странно и очевидно не понимая вопроса.

— Здѣсь! Въ домѣ! Жить! Какъ-то глухо произнесъ князь.

Княгиня выпрямилась и едва слышно проговорила, какъ-то страшно усмѣхаясь:

— Развѣ это возможно!

— *Par rapport aux domestiques?*... Или что скажутъ въ Москвѣ? Или же наконецъ... тебѣ это.. кажется невозможнымъ?

— Ахъ, полноте князь... Прежде, когда вы ничего не знали... И кромѣ того до моей несчастной поѣздки въ Каменку и до этого случая съ ночнымъ бродягой... До всего этого, я мечтала о возможности жить такъ просто и не преступно втроемъ... Мирно, честно... и даже пожалуй счастливо... Но теперь!.. Да это была бы попытка... И кромѣ того это просто... Я не знаю какъ и назвать... это оскорбительно...

— Для меня? Обо мнѣ ничего уже думать. Я иду на все, на всякую жертву.

— Нѣтъ! Оскорбительно можетъ быть и для васъ, князь. Но главное, оскорбительно для того чувства которое во мнѣ и въ немъ... Это святотатство!

Князь всталъ, отошелъ и помолчавъ вымолвилъ:

— Боже мой! Что же дѣлать?.. Ну рѣшайте вы сами! Я, повторяю, на все готовъ кромѣ разрыва и позора на всю Москву. Этого я не переживу. Если хотите ускорить свое счастье съ нимъ, то разумѣется этимъ срамомъ можете ускорить, потому что убьете меня.

Наступило молчаніе. Княгиня тихо встала и вымолвила черезъ силу:

— Я пойду... Покуда ничего... Пусть все такъ останется. Я пойду... къ себѣ.

И она пошатываясь какъ опьяенная вышла изъ комнаты.

X.

На другой день князь, выйдя по докладу лакея въ столовую завтракать, первый разъ послѣ болѣзни, съ изумленіемъ оставившись предъ столомъ, найдя на немъ одинъ приборъ. Онъ хотѣлъ уже крикнуть: что это значить? но сдержался и спросилъ у дворецкаго стоявшаго тутъ съ тарелкой и салфеткой въ рукахъ:

— А княгинѣ докладывали?

Тотъ смутился и пробормоталъ едва слышно:

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Почему? Что это значить?

Тотъ не нашелъ ничего отвѣчать.

— Кто же поставилъ одинъ приборъ? Кто распорядился не докладывать княгинѣ?

Дворецкій, блѣдный какъ полотно, едва стоялъ на подкашивающихся ногахъ, но отвѣчать ему было нечего. Зная все происшедшее за послѣднее время, зная новыя отношенія возникшія между княземъ и княгиней, предполагая что княгиня не нынче, завтра, по выраженію дворни, улетитъ куда Макаръ телятъ не гонялъ, дворецкій самъ распорядился накрыть завтракать одному князю. Князь, видъ себя отъ гнѣва, обернулся къ ближайшему лакею и крикнулъ:

— Отбери у него ключи! Ты будешь дворецкій, а его сейчасъ свести къ управителю, и чтобы черезъ три дня былъ сданы... на поселеніе!

Несчастный дворецкій, человѣкъ уже лѣтъ сорока, упалъ въ ноги, но князь крикнулъ видъ себя какимъ-то дикимъ голосомъ:

— Тащи его вонъ!

Дворецкаго повели, почти потащили изъ столовой. Князь вымолвилъ глухо:

— Накрыть скорѣе какъ слѣдуетъ!

И онъ направился въ комнату княгини. Князь въ разсѣ-

янности забылъ постучать въ дверь, что онъ дѣлалъ всегда, даже въ болѣе спокойныя времена, и тихо войдя въ первую горницу, неслышно вдругъ предсталъ предъ княгиней. Она невольно, тихонько вскрикнула. Первое движеніе ея было спрятать въ карманъ какой-то клочокъ бумаги который она очевидно перечитывала. Это была записка Хорвата. Но вдругъ она остановилась, удержала эту бумажку въ рукахъ, и холодно повдоровалась съ княземъ. Онъ сдѣлалъ видъ что ничего не замѣчаетъ.

— Я васъ попрошу, сказалъ князь, — выйти завтракать, а за этимъ пришелъ. Если намъ не хочется, то сдѣлайте это хотя бы для вида, ради всѣхъ этихъ холоповъ, которые думаютъ *Dieu sait quoi!*

Княгиня молча встала, какъ бы направляясь къ дверямъ.

— Позвольте. Сядемте на минуту. Мнѣ надо сказать два слова, остановилъ ее нерѣшительно князь. — Я хотѣлъ бы прежде всего.. Да! Я попрошу васъ еще разъ... Скажите мнѣ. Скажите, положи руку на сердце. — Голосъ князя опять измѣнился и задрожалъ. — Скажите прямо, откровенно, искренно. Чувствуете ли вы себя способною, чувствуете ли вы что сердце ваше способно... — Онъ залулся и прибавилъ: — простить меня? Я умоляю васъ объ этомъ. Наконецъ, если не теперь, то въ будущемъ, какое бы рѣшеніе вы ни приняли, найдете ли вы въ себѣ силу искренно, вполне простить за подозрѣніе, за смерть отца... за всю эту невѣроятную, да! невѣроятную, фатальную ошибку? Отвѣчайте мнѣ.

Княгиня вздохнула и, промолчавъ нѣсколько секундъ, произнесла тихо, наклоняясь и не глядя на мужа:

— Откровенно говорю вамъ, князь: не знаю. Мнѣ сердце мое именно говоритъ что оно не знаетъ. Еслибы вы иначе поставили вопросъ, я бы сказала: прощаю. Все это такъ Богу было угодно. Но, отвѣчая на вашъ вопросъ честно, я должнаказать, что трудно, почти невозможно забыть все это! Но вѣдь не въ томъ дѣло... не все ли это равно...

— Нѣтъ, мнѣ не все равно. Я хочу чтобы въ васъ была, осталась ко мнѣ хоть капля чувства... дружбы и уваженія, наконецъ, сожалѣнія.

— Я могу только отвѣчать: можетъ-быть... Время покажетъ... Главное не въ этомъ для васъ. Для васъ, умышленно налегая она на эти слова, — главное: не развѣзжаться, оста-

ваться жить вмѣстѣ. Ради приличій, ради самолюбія, вы желаете продолжать ту же жизнь, какъ ни страшно тяжела она для насъ обоихъ. Я согласна... Условіе которое я поставлю принять вамъ будетъ не трудно.

— Я на все... воскликнулъ быстро князь.—Сто разъ: да! На всѣ ваши условія впередъ отвѣчаю: да!

— Вы предоставите мнѣ право извѣдка, хоть разъ въ мѣсяцъ, видаться съ тѣмъ ради кого только я и дорожу моею жизнью. Я могла бы даже видѣться при третьемъ лицѣ. То что я могу сказать ему, и то что я могу слышать отъ него, можетъ быть сказано при всякомъ, хоть при васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Marie, дѣлайте что хотите. Дѣлайте какъ хотите! Я уже сказалъ вчера: я вѣрю вамъ. Marie! Я вѣрю тебѣ!

Новый дворецкій появился въ дверяхъ и доложивъ что завтракъ готовъ вышелъ.

Князь хотѣлъ продолжать говорить, но она вдругъ встала и выговорила:

— Пойдемте. Вотъ все... Я сказала: согласна.

И она быстро пошла въ залу; князь послѣдовалъ за ней.

За столомъ князь, ради людей, нарочно избѣгалъ говорить фразы въ которыхъ встрѣчалась бы необходимость сказать ты или онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ завелъ почти веселый разговоръ о деревнѣ, о переѣздѣ и о томъ какъ устроиться на лѣто. Затѣмъ приказалъ вскользь дворецкому обираться въ отъѣздъ. Послѣ завтрака князь рѣшилъ выѣхать со двора съ визитомъ, чтобы прекратить толки въ Москвѣ о своей отчаянной болѣзни.

Этотъ разговоръ между бариномъ и женой, и вѣсти объ отъѣздѣ и о судьбѣ стараго дворецкаго громомъ разразились надо всею дворней. Самые хитрые и дальновидные, и тѣ ничего не могли понять. Дворецкаго многіе сожалѣли, и жена его собралась идти бухнуться въ ноги княгинѣ и просить о мужѣ.

Княгиня, какъ-то быстро и нервно, вернувшись снова къ себѣ, сѣла за столъ и написала Хорвату что она давно желаетъ свидѣться и предоставляетъ ему теперь придумать какъ и гдѣ устроить ихъ свиданіе. Въ концѣ записки она прибавила:

„Не обламывайте себя мечтами, несбыточною надеждой.

Я пишу вамъ и соглашаюсь на свиданіе съ вѣдема и съ позволенія мужа.“

Написавъ это, княгиня задумалась. Последняя фраза показалась ей слишкомъ нечаянною для него и даже слишкомъ обидною, почти унижительною. Она вымарала тщательно слово *мужа* и вмѣсто этого поставила другія два слова, которыя много говорили. Записка кончалась теперь словами: *съ вѣдома и съ позволенія князя Агарина*. И она подписала просто: *Маша*. Написавъ эту записку, она бросила перо, облокотилась на столъ и долго смотрѣла на этотъ маленький клочокъ бумаги, гдѣ были написаны эти нѣсколько строкъ. Письмо это имѣло слишкомъ большое значеніе, съ отсылкой его начиналась почти новая эпоха ея жизни. Этою запиской она говорила ему ясно, что если не примирилась съ мужемъ, то обрекала на жертву и себя и его. Имъ снова оставалась одна надежда: ждать и ждать, покуда судьба не явится къ нимъ на помощь. Судьба? Лучше сказать прямо: его смерть!

Княгиня видѣла глубоко задумавшись. Стукъ въ дверь изъ корридора насилу вывелъ ее изъ этой задумчивости. Кто-то какъ будто давно уже стучалъ чуть не кулакомъ. Она встала изъ-за стола, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ двери, сказала громко и недоумѣвая:

— Да войдите!...

(До слѣд. №.)

ГРАФЪ Е. САЛАСЪ.

О Ч Е Р К И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Вопросъ о причинахъ вызвавшихъ французскую революцію конца XVIII вѣка принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые никогда не будутъ достаточно исчерпаны. Созданная имъ обширная литература продолжаетъ обогащаться, но каждое изъ сколько-нибудь замѣчательныхъ новыхъ ея произведеній, проливая свѣтъ на это событіе, вызываетъ въ то же время ожесточенные споры. Въ истекшемъ году весьма извѣстный ученый г. Фюстель-Куланжъ обратилъ между прочимъ вниманіе Парижской Академіи Политическихъ и Нравственныхъ Наукъ на книгу г. Фонсена о Тюрго ** какъ на трудъ который по обилію матеріаловъ и основательности изслѣдованія заслуживаетъ всякой похвалы. Почтенный академикъ послѣдовалъ однако въ говорить что онъ далеко не согласенъ со всеми сужденіями автора: г. Фонсенъ принадлежитъ къ той партіи которая считаетъ французскую революцію прошлаго столѣтія однимъ изъ величайшихъ и наиболее благотворныхъ событій въ исторіи человѣчества; по мнѣнію его законность этой революціи доказывается между прочимъ совершенною ея неизбѣжностью; никакая человѣческая мудрость, говоритъ онъ, не въ состояніи была предотвратить постигшій Францію пере-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

** *Essai sur le ministère de Turgot*, par Foncin. 1 vol. 1876.

воротъ, ибо онъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ всего предшествовавшаго развитія Французскаго народа, еслибы даже на престолѣ сидѣлъ тогда истинно гениальный государь, а около него стоялъ столь же гениальный министр; все-таки это нисколько не измѣнило бы неизбежнаго хода событій. Г. Фовсенъ вполнѣ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ. Онъ написалъ свою книгу о Тюрго именно съ цѣлью подтвердить его: посмотрите, какъ бы говоритъ онъ на каждой ея страницѣ, вотъ предъ вами человѣкъ который значительно превосходилъ и умомъ и способностями своихъ современниковъ, который сгаралъ желаніемъ оградить страну отъ ожидавшихъ ее потрясеній, и всѣ его усилія не привели ровно ни къ чему. Чѣмъ же объяснить подобное явленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по словамъ г. Фовсена, не можетъ быть сомнителенъ. „Было бы большою ошибкой, восклицаетъ онъ, преувеличивать значеніе личности въ исторіи; событія имѣютъ свою логику; точно такъ же какъ каждое живое существо подчиняется извѣстнымъ законамъ, и каждое учрежденіе развивается на основаніи своего принципа. Въ самой сущности старой Французской монархіи лежало то чтобы она уклонялась все болѣе и болѣе отъ нормальнаго пути и похоронила бы наконецъ себя подъ своими развалинами. Когда въ 1774 году Тюрго занялъ мѣсто во главѣ управленія, то уже поздно было бороться съ революціоннымъ потокомъ. Еслибы даже и осуществились предложенныя имъ реформы, это отдалило бы революцію, но отдалило бы ее лишь на непродолжительное время, на нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ все-таки она вспыхнула бы и даже съ гораздо большимъ ожесточеніемъ.“

Г. Фовсенъ утверждаетъ что нѣкоторымъ изъ существующихъ нынѣ политическихъ партій во Франціи никогда не слѣдовало бы опускать изъ виду эту, по словамъ его, несомнѣнную истину. Если революція была событіемъ и необходимымъ и неизбежнымъ, то не легкомысленно ли осуждать ее и отвергать провозглашаемые ею принципы? Не слѣдуетъ ли преклониться предъ ея послѣдствіями и признать созданный ею порядокъ вещей?

Мы уже замѣтили выше что г. Фюстель-Кузанжъ, рекомендуя книгу о которой говоримъ мы, не соглашался съ основною ея мыслью. Онъ доказывалъ что если реформы Тюрго не удалось, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать будто уже нельзя было излѣчить ими то зло, отъ

котораго страдала Франція. Успѣхъ этихъ реформъ зависѣлъ отъ гениальности людей которые принимались за нихъ, а Тюрго, по мнѣнію г. Фюстель-Куланжа, не былъ государственнымъ человѣкомъ въ высокомъ значеніи этого слова, ибо не обладалъ самыми необходимыми для того качествами: умѣемъ выбирать людей и сообразовать свою программу съ существующими условіями; онъ былъ теоретикъ и въ заботахъ о примѣненіи своихъ любимыхъ теорій не обращалъ достаточно вниманія на прелатствія, стоявшія на его пути; онъ имѣлъ въ виду только экономическія реформы, но не сознавалъ что реформы политическія были еще необходимѣе среди тогдашняго состоянія Франціи; онъ хотѣлъ осуществить одновременно всѣ свои планы, прибѣгая для этого къ столь крутымъ мѣрамъ что возстановилъ противъ себя различные классы общества; король поддерживалъ его до послѣдней возможности и если рѣшился наконецъ пожертвовать имъ, то отнюдь не подъ вліяніемъ его вратовъ, а вслѣдствіе вполне основательнаго убѣжденія что Тюрго утратилъ свою кратковременную популярность, что онъ не имѣлъ опоры въ общественномъ мнѣніи. Г. Фюстель-Куланжъ отдавалъ полную справедливость простѣщеннымъ, великодушнымъ намѣреніямъ перваго министра, не находилъ никакого преувеличенія въ словахъ сказанныхъ ему Мальзербомъ: „вы питаете не любовь только, но ярость къ общественному благу (vous en avez la rage)“, и замѣчанія его касались лишь вопроса о томъ, обладалъ ли Тюрго государственными способностями высшаго разряда, безъ которыхъ человѣкъ въ его положеніи, даже при самомъ искреннемъ желаніи посвятить свои силы великому дѣлу, не можетъ разчитывать на успѣхъ. Но позволительно ли утверждать что еслибы вмѣсто Тюрго появилась другой болѣе гениальный дѣятель, то старый порядокъ вещей во Франціи все-таки не поддавался бы реформамъ и что ему суждено было погибнуть среди революціоннаго разгрома?

Вопросъ поставленный такимъ образомъ вызвалъ весьма оживленныя пренія въ Академіи Политическихъ и Нравственныхъ Наукъ, продолжавшіяся нѣсколько засѣданій сряду; гг. Леонъ-Лавернь, Бодрильяръ, Генри Мартень, Нуррисонъ, Парье принимали въ нихъ участіе, стараясь пролить свѣтъ на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Франціи конца прошлаго вѣка. Пренія эти были

любопытны главным образом потому что они доказали до какой степени еще не установился взгляд и на действительность Тюрго и вообще на характер событий предшествовавших революції 1789 года. Такъ какъ поводъ къ означеннымъ преніямъ подаде книга г. Фонсена, то мы считаемъ не лишнимъ остановиться на этой книгѣ нѣсколько подробно.

Прежде чѣмъ говорить о ней не бесполезно однако упомянуть о другой, которой она не мало обязана своимъ происхожденіемъ. Давно уже въ исторической литературѣ господствуетъ взглядъ что если Тюрго палъ не довершивъ своихъ предначертаній, то объясняется это ни чѣмъ инымъ какъ бесиліемъ Людовика XVI, не умѣвшего оказать ему энергической поддержки, и интригами партіи привилегированныхъ сословій, во главѣ коихъ занимала мѣсто королева Марія-Антуанета. Г. Фонсенъ вполнѣ усвоилъ себѣ между прочимъ эту тему: онъ не щадитъ несчастную королеву и возлагаетъ на нее главную отвѣтственность за тѣ бѣдствія которыя постигли ея семейство. Доказательства этого черпаетъ онъ изъ появившагося не такъ давно чрезвычайно интереснаго сборника документовъ подъ заглавіемъ: *Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau*, изданіемъ котораго обязана публика совокупнымъ трудамъ директора Вѣнскаго государственнаго архива г. Арнета и члена Французскаго Института г. Жефруа. Г. Арнетъ не перестаетъ до сей минуты оказывать неоцѣненные услуги исторической наукѣ; вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ какъ трудится онъ надъ превосходною своею монографіей о царствованіи императрицы Маріи-Терезіи, которой вышло до сихъ поръ восемь томовъ, но имѣя въ своемъ распоряженіи множество неизданныхъ и въ высшей степени важныхъ документовъ, относящихся къ избранной имъ эпохѣ, онъ не переставалъ дѣлиться ими съ читателями. Они представляютъ обильный матеріалъ для оцѣнки дѣятельности Иосифа II, Леопольда Тосканскаго, отношеній Екатерины Великой къ императору Иосифу; между прочимъ тотъ же ученый обнародовалъ интимную переписку Маріи-Терезіи съ Маріей-Антуанетой, начинающуюся съ тѣхъ поръ какъ эта послѣдняя отправилась во Францію, гдѣ ее ожидалъ престолъ. Нѣтъ ничего интереснѣе этой корреспонденціи, выставляющей въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ Австрій-

скую императрицу, которая въ каждомъ письмѣ своемъ обнаруживала столько же нѣжной, тревожной заботливости о судьбѣ дочери сколько глубокаго политическаго смысла.

Тонъ ея писемъ иногда очень строгъ: она обращается къ дочери съ увѣщаніями, упрекаетъ ее въ легкомысліи, въ неясномъ сознаніи той важной роли которая выпала на ея долю; видно что она имѣла самыя подробныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ при Версальскомъ дворѣ. Марія-Антуанета оправдывается, утверждаетъ что ея поступки съ преднамѣренною враждой были истолковываемы въ другую сторону и не разъ задаетъ вопросъ, изъ какого источника слухи о нихъ доходили до Вѣны? Это послѣднее обстоятельство, остававшееся загадкой для Маріи-Антуанеты, вполнѣ разъяснилось теперь для насъ. При ней находился человекъ не только не литавшій къ ней вражды, но напротивъ исполненный къ ней безграничною преданностію и на которомъ Марія-Терезія остановила свой выборъ чтобъ онъ могъ быть руководителемъ ея дочери съ той минуты какъ Марія-Антуанета вступила на французскую почву; онъ-то съ совершенною искренностію сообщалъ въ Вѣну свои впечатлѣнія, подробно упоминая въ своихъ письмахъ о всемъ что касалось юной принцессы. То былъ графъ Мерси-Аржанто, австрійскій посланникъ при Версальскомъ дворѣ, личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ находился онъ въ Россіи, въ минуту самую критическую для Австріи, когда послѣ смерти императрицы Елисаветы Петръ III вознамѣрился не только отдѣлаться отъ коалиціи противъ Фридриха Великаго, но вступить въ тѣсный союзъ съ Прусскимъ королемъ—и изъ обнародованныхъ недавно делешъ Мерси-Аржанто * видно съ какою провицательностію и тактомъ дѣйствовалъ онъ среди этихъ затруднительныхъ для его двора обстоятельствъ. Затѣмъ въ 1766 году прибылъ онъ во Францію, гдѣ при посредствѣ его былъ заключенъ договоръ о бракѣ дофина съ эрцгерцогиней Маріей-Антуанетой и гдѣ оставался онъ почти безвыѣздно до 1790 года, обнаруживая дѣятельное вмѣшательство во внутреннія дѣла этой страны. Онъ убѣдилъ между прочимъ королеву призвать Бриенна къ управленію, онъ служилъ посредникомъ между коро-

* См. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XVIII, 1876.

лемъ и Неккеромъ и онъ же, когда разразилась революція, пытался чрезъ Дамарка привлечь Мирабо на сторону двора. Секретная переписка его съ императрицею Маріей-Терезіей важна въ томъ отношеніи что на основаніи ея мы можемъ составить себѣ наиболѣе вѣрное понятіе о характерѣ и образѣ дѣйствій супруги Лудовика XVI, ибо на кого же лучше положитья какъ не на человека который подмѣчалъ каждый ея промахъ, каждую ея ошибку, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обсужденіе этихъ промаховъ вносилъ чувство совершенно противоположное недоброжелательству и злорадству. Мы хотимъ сказать теперь же нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи какое производитъ корреспонденція графа Мерси-Аржанто, ознакомившись съ придворною атмосферою въ которой пришлось дѣйствовать Тюрго, тѣмъ легче будетъ судить о значеніи этой дѣятельности.

Извѣстно что Марія-Антуанета въ первые годы своего пребыванія во Франціи пользовалась популярностью, доходившею до энтузіазма. Повсюду только и говорили что о ней, ея вліянію приписывали всякую удачную правительственную мѣру и едва ли можно заподозрить въ преувеличеніи и лести извѣстный комплиментъ маршала Бриссака, который, указывая принцессѣ на толпу народа восторженно приветствовавшаго ее на площади предъ Тюильрійскимъ дворцомъ, воскликнулъ: „*Madame, n'en déplaise à M. le dauphin, ce sont autant d'amoureux qui vous regardent*“. Сама Марія-Антуанета, исполнѣвъ, вознамеривъ всю силу этой народной любви. „Прошлый вторникъ, говоритъ она въ письмѣ къ своей матери, былъ для меня днемъ такого праздника, какого я не забуду до конца жизни, въ этотъ день происходила торжественная явка въ залъ въ Парижѣ. Бодрымъ всякими почестями я была тронута преданностью и одушевленіемъ этого бѣднаго народа, который, несмотря на то что обремененъ налогами, съ восторгомъ, стремится къ намъ на встречу. Трудно изобразить ту искренность, съ какою выражалъ онъ намъ свои чувства. Какъ счастливо наше лжраженіе что любовь народа добровѣтается нами, столь дешевою цѣной! А между тѣмъ дѣтъ ничего драго цѣните этой любви, я сознаю это какъ нельзя болѣе ясно“. Прощая немощю аѣтъ, и популярность, которою гордилась Марія-Антуанета исчезла не оставивъ послѣ себя и слѣдовъ, маде того, она уступила мѣсто совершенно протги-

вдоложному чувству, и предметъ всеобщаго обожанія сдѣлался предметомъ всеобщей вражды. Какъ объяснить подобный переверотъ? Для любителей революціонной школы онъ не представляетъ ничего загадочнаго: она утверждаетъ что королева не оправдала довѣрія народа, что сердце ея никогда не было отвергнато его страданіями и бѣдствіями, что она умышленно соединилась со врагами Франціи и что слѣдовательно нечего сожалѣть о постигшей ее участи. При этомъ не принимаются въ разчетъ ни опасности окружавшія ее, ни оскорбленія которымъ она подвергалась безпрерывно, ни тѣ безвыходныя критическія обстоятельства среди коихъ легко было потерять голову не только женщинамъ, но даже опытнымъ и одареннымъ сильною волею политическимъ людямъ. Но именно потому что на все это не обращается вниманія, сужденія въ родѣ упомянутыхъ сейчасъ никогда не будутъ имѣть цѣны въ глазахъ здраво-мыслящаго и безпристрастнаго историка. Никакими софизмами не удастся снять проклятіе съ людей которые довели Марию-Антуанету до гибели. Изъ этого однако не слѣдуетъ чтобы была права другая партія, которая не хочетъ видѣть въ несчастной королеви ни малѣйшихъ недостатковъ; окружаетъ ее ореоломъ святости и старается доказать что на ней не лежитъ никакой отвѣтственности за событія совершившіяся во Франціи въ исходѣ прошлаго столѣтія. Истину нужно искать въ срединахъ: возмутительно обвинять Марию-Антуанету въ приписываемыхъ ей „преступленіяхъ“, но нужно согласиться что легкомысленно присвоила она себѣ такую роль которую не въ состояніи была исполнить, смотрѣла на жизнь легко и искала въ ней только развлеченій, въ то время когда грозныя тучи собирались со всехъ сторонъ; безо всякой выгоды для себя согласилась сдѣлаться орудіемъ придворнаго кружка, оставшаго выше всего въ мірѣ свои корыстные интересы, и только потому что въ сущности совѣсть ея была совершенно спокойна, не знала мѣры своей неосторожности, не отступала предъ поступками казавшимися ей невинными, но которые не могли не возстановлять противъ нея общественное мнѣніе. Такова была Мария-Антуанета: этотъ взглядъ на нее находить полное оправданіе въ письмахъ ея матери и Мерси-Аржанто.

Она начала съ того что безъ большого труда приобрѣла

почти безграничное влияние на своего супруга. Наблюдения графа Мерси над характером Людовика XVI вполне подтверждают то что уже известно нам о нем: еще до вступления своего на престолъ является онъ предъ нами такимъ какимъ былъ въ послѣдствіи—человѣкомъ съ умомъ довольно здравымъ, но ограниченнымъ, человѣкомъ лишеннымъ всякой воли и до такой степени мало впечатлительнымъ, что все происходившее вокругъ него не оставяло на немъ никакого слѣда. До вступленія своего въ бракъ онъ почти вовсе не показывался при дворѣ, не интересовался ни лицами, ни событіями, избѣгалъ разговоровъ, а въ случаѣ необходимости отдѣлялся нѣсколькими незначущими словами; особенно тяготило его присутствіе людей которые славилась умомъ, образованіемъ, самъ онъ не читалъ ничего и единственнымъ серьезнымъ для него занятіемъ служила охота. Не слѣдуетъ заключать изъ этого будто дофинъ былъ лишенъ уметственныхъ способностей, напротивъ, въ случаѣ нужды онъ умѣлъ здраво обсудить всякое дѣло, но для этого нужно было ему дѣлать усиліе надъ собою, а всякое усиліе, при крайней слабости его характера, казалось ему невыносимымъ. Братъ его, графъ Прованскій (въ послѣдствіи король Людовикъ XVIII), сравнивалъ его относительно характера съ намазанными костяными шариками, которые непрерывно скользятъ въ рукѣ. Императрица Марія-Терезія хорошо была известна всѣ эти недостатки и въ началѣ она утѣшала себя мыслью что дочь ея сумѣетъ перевоспитать своего супруга, „civiliser se rustre“ (фраза эта встрѣчается въ одномъ изъ ея писемъ), но къ сожалѣнію Марія-Антуанета понимала свою задачу совершенно иначе. Ее обольщала мысль что она можетъ достигнуть безграничнаго господства надъ дофиномъ и цѣль эта была достигнута ею какъ нельзя лучше, но средство было выбрано самое неудачное, а именно принцесса не щадила насмѣшекъ надъ привычками, застенчивостью, робостью своего супруга. Подчиняя его все болѣе и болѣе своей волѣ, она внушала ему вмѣстѣ съ тѣмъ чувство страха къ себѣ и настоящей близости между ними не было. Напрасно Мерси-Аржанто почтительно советовалъ ей избрать другой путь: „мои увѣщанія, додосилъ онъ императрицѣ, о необходимости быть какъ можно любезнѣе съ дофиномъ, стараться чѣмъ-нибудь заинтере-

ресовать его не производить никакого дѣйствія, ибо принцесса слишкомъ не-высокаго мѣтнія о его характерѣ и нравственныхъ качествахъ“, т.-е. другими словами, она вовсе не считала нужнымъ примѣяться къ нему, видя какъ мало онъ этого требовалъ и какъ безпрекословно подчинялся ей. Дѣйствительно; уступчивость его въ этомъ отношеніи не знала границъ. „Король, говоритъ графъ Мерси уже по вступленіи Лудовика XVI на престолъ, до такой степени подчиняется своей супругѣ что это нельзя назвать иначе какъ повиновеніемъ съ его стороны. Онъ держится предъ нею какъ самый внимательный придворный и всегда готовъ оказывать особенное вниманіе даже тѣмъ изъ лицъ окружающихъ королеву, къ которымъ, какъ хорошо извѣстно, онъ не питаетъ симпатіи.“ Марія-Антуанета страстно любила танцы; король началъ принимать въ нихъ участіе, хотя замѣчаетъ Мерси-Аржанто, „онъ не оказываетъ въ нихъ рѣшительно никакихъ успѣховъ“; Марія-Антуанета не отказывалась посѣщать балы Парижской оперы; король слѣдовалъ за нею, оставаясь тамъ по цѣлымъ часамъ съ выраженіемъ томлящей скуки на лицѣ; Марія-Антуанета все болѣе и болѣе увлекалась игрой въ лото; король, до того времени ненавидѣвшій это развлеченіе, считалъ долгомъ не отставать отъ своей супруги. Постоянно и во всемъ являлся онъ безпрекословнымъ исполнителемъ всѣхъ ея желаній, даже всѣхъ ея прихотей,—положеніе такого рода правилось Маріи-Антуанетѣ, но нельзя сказать чтобъ оно усиливало вѣжность и привязанность ея къ Лудовику XVI. Въ письмахъ ея къ матери слышатся жалобы и упреки. „Наши вкусы, говоритъ она, совершенно различны, да и можетъ ли быть иначе? Вѣдь въ сущности онъ не любитъ ничего, кромѣ охоты и механическихъ упражненій.“ Однажды весьма откровенно разказала она Маріи-Терезіи, какое средство было избрано ею чтобы видѣться съ графомъ Шуазелемъ, котораго Лудовикъ упорно держалъ вдали отъ двора, весьма основательно считая его однимъ изъ такихъ дѣятелей, которые наиболѣе компрометтировали предшествовавшее царствованіе. „Я видѣла Шуазеля не безъ вѣдома короля, говоритъ Марія-Антуанета, но вамъ ни за что не угадать къ какой уловкѣ прибѣгла я чтобы не показать будто мнѣ нужно его позволеніе. Просто-на-просто сказала я ему что свиданіе произойдетъ, но что меня затрудняетъ только ка-

кой именно назначить для этого день. Все это было подведено мною такъ ловко что бѣднякъ (*le pauvre homme*) самъ помогъ мнѣ въ этомъ отношеніи.“ Признанія такого рода сильно возмущали Марію-Терезію. Она сообщила графу Мерси-Аржанто содержаніе полученнаго ею письма, и когда тотъ попытался оправдать королеву, императрица отвѣчала ему: „О нѣтъ, она угостила своего мужа именно эпитетомъ *бѣднякъ* (*pauvre homme*); признаюсь вамъ, это поразило меня до глубины сердца. Чтò за выраженія! Чтò за образъ мыслей! Все это какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мои всегдашнія опасенія: дочь моя идетъ большими шагами къ своей гибели (*ma fille court à grands pas à sa ruine*) и будетъ еще счастьемъ для нея, если, погубивъ себя, она сохранитъ добродѣтели свойственныя ея сану. Если Шуазель займетъ мѣсто въ министерствѣ, онъ будетъ обращать на нее еще менѣе вниманія чѣмъ на Помпадуръ, которой обязанъ былъ всѣмъ и которую все-таки погубилъ.“

Сдѣлавъ все съ своей стороны для того чтобы не имѣть возможности найти опору въ королѣ, Марія-Антуанета не встрѣчала ея и въ другихъ членахъ своего семейства. При дворѣ была не малочисленная партія, всегда искавшая случая компрометтировать ее, пользовавшаяся для этого всякимъ легкомысленнымъ ея поступкомъ, и во главѣ этой партіи стоялъ родной братъ короля графъ Прованскій (царствовавшій въ послѣдствіи подъ именемъ Лудовика XVIII). „Все въ немъ отзывается фальшью, писалъ Мерси-Аржанто, и онъ литаешь кажется такіе политическіе планы, которыхъ трудно было бы ожидать отъ столь молодаго чловѣка.“ Графъ Прованскій началъ съ Маріей-Антуанетой войну—войну злыхъ намековъ, элиграммъ, даже клеветы—еще въ то время когда она была дофиной и упорствовалъ до конца. „Молодой король (Лудовикъ XVI), по словамъ Мерси-Аржанто, перебирая бумаги своего предшественника, нашелъ между ними письма графа и графини Прованскихъ, сообщавшія свѣдѣнія о мнимыхъ и крайне неблагоприятныхъ разговорахъ, которые будто бы происходили въ интимномъ кружкѣ дофина.“ Лудовикъ XVI былъ въ высшей степени возмущенъ подобнымъ поступкомъ. Вскорѣ послѣ того на придворномъ театрѣ въ Версали давали *Тартюфа* и графъ Прованскій исполнялъ главную роль: „Комедія была разыграна превосходно, воскликнулъ король; тотчасъ видно что

она вполнѣ по характеру дѣйствующимъ лицамъ.“ Особенно ненавидѣла королеву супругу графа Прованскаго. Марія-Антуанета платила имъ обоимъ тою же монетою и не стѣсняясь говорить имъ въ лицо самыя жестокия вещи.

Взамѣнъ того вступила она въ тѣсную дружбу съ другимъ братомъ короля, графомъ Артуа (въ послѣдствіи королемъ Карломъ X), который причинилъ ей конечно несравненно болѣе вреда чѣмъ злѣйшіе ея враги. Вкусы ихъ были совершенно одинаковы: графъ Артуа, точно также какъ королева, не терпѣлъ этикета, отличался самъ и любилъ чтобъ отличались другіе крайнею свободой въ обращеніи и былъ до страсти преданъ развлеченіямъ и забавамъ. Онъ приобрѣлъ извѣстность своими успѣхами у женщинъ, а такъ какъ Марія-Антуанета была ближайшимъ его другомъ, то онъ не нашелъ ничего лучше какъ повѣрять ей свои, не рѣдко весьма скандальныя лохожденія. „Графъ Артуа, пишетъ Мерси-Аржанто, не имѣетъ тайнъ отъ королевы, но въ поведеніи его такъ много неприличнаго что ея величеству не слѣдовало бы его слушать“,—не слѣдовало бы уже и потому что въ то время когда были писаны эти строки, Маріи-Антуанетѣ едва минуло двадцать лѣтъ. Графъ Артуа болѣе чѣмъ кто-нибудь втянулъ ее въ тотъ отмѣченный легкомысліемъ и разсѣянностью образъ жизни, безпечно предаваясь коему она подавала поводъ къ возмутительнымъ клеветамъ. Неизмѣнный спутникъ ея во всѣхъ удовольствіяхъ былъ постоянно окруженъ молодыми людьми вѣтренными, дерзкими, расточительными и въ сопровожденіи этой-то свиты появлялась Марія-Антуанета на балахъ Парижской оперы. „На балахъ, говоритъ Мерси-Аржанто, она разговариваетъ со всѣми безъ различія, ходитъ по заламъ окруженная молодыми людьми, въ томъ числѣ иностранцами, преимущественно Англичанами, которымъ оказываетъ особое вниманіе, и все это съ такою фамиллярностью, къ какой публика едва ли когда-нибудь привыкнетъ.“ Марія-Терезія и Іосифъ II старались объяснить королевѣ всю неосторожность подобнаго образа дѣйствій. „Вспомните только, писалъ ей братъ, о приключеніяхъ на которыя приходилось вамъ наталкиваться въ оперѣ и о которыхъ вы сами мнѣ разказывали. Смѣшиваться съ толпой всѣхъ этихъ гулякъ, женщинамъ подозрительной нравственности, иностранцевъ, выслушивать свойственныя имъ выраженія,

а быть-может иногда и самой прибѣгать къ нимъ—что за неприличіе! Я обязанъ васъ предупредить, что относительно всего этого наиболѣе скандализованы люди которые питаютъ къ вамъ искреннюю преданность...” Марія-Терезія повторяла то же самое: „Изъ газетъ съ крайнимъ прискорбіемъ узнала я что все чаще и чаще появляетесь на прогулкахъ въ Булонскомъ Лѣсу безъ короля и въ сопровожденіи графа Артуа; вамъ должно быть хорошо извѣстно что этотъ принцъ отнюдь не пользуется уваженіемъ, а вслѣдствіе того отвѣтственность за его поступки падаетъ и на васъ... Не могу достаточно настойчиво указывать вамъ на послѣдствія подобнаго образа дѣйствій чтобъ оградить васъ отъ проласти въ которую вы стремитесь.“ Несмотря на эти увѣщанія Марія-Антуанета продолжала упиваться весельемъ, не обращая вниманія ни на что, и Мерси-Аржанто, при описаніи какого-либо праздника, не рѣдко употребляетъ фразы въ родѣ слѣдующей: „никакого важнаго безпорядка не произошло, но благопристойность была изгнана (aucun désordre grave ne se produisait, mais la décence était exclue).

Съ особенною страстью графъ Артуа, большой англо-манъ, предавался скачкамъ. Вотъ какъ изображаетъ ихъ Мерси-Аржанто: „Для королевы построили эстраду, на которой помѣщается она чтобы любоваться зрѣлищемъ и гдѣ можно всегда встрѣтить далеко не избранное общество, много молодыхъ людей неряшливо одѣтыхъ, что не соответствуетъ конечно—особенно если присоединить къ этому суматоху и шумъ—достоинству подобающему августѣйшей особѣ. На первую скачку отправился я верхомъ и съ большимъ трудомъ удалось мнѣ, среди толпы народа, занять мѣсто недалеко отъ королевскаго лавильйона, куда молодежь входила въ длинныхъ сапогахъ и охотничьимъ костюмъ. Вечеромъ во время игры королева спросила меня, отчего я не присоединился къ ея обществу въ лавильйонѣ? Я нарочно отвѣчалъ какъ можно громче, чтобы могли слышать меня присутствовавшіе здѣсь молодые вѣтренники, что я былъ въ сапогахъ и охотничьемъ платьѣ и никогда не допущу мысли о возможности появиться въ подобномъ костюмѣ предъ ея величествомъ. Въ другой разъ присутствовалъ я на скачкѣ въ парадномъ платьѣ: въ лавильйонѣ увидѣлъ я роскошно сервированный

столъ, который буквально осаждала молодежь, одѣтая самымъ неприличнымъ образомъ, шумѣвшая и кричавшая такъ что нельзя было ничего слышать, и посреди всего этого королеву, графиню Прованскую, сестру короля и графа Артуа. Графъ безпрерывно бѣгалъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ, держалъ лари, приходилъ въ отчаяніе когда проигрывалъ и предавался самому мизерному восторгу въ случаѣ выигрыша; онъ бросался въ толпу народа чтобы одобрять своихъ жокеевъ и подводилъ къ королевѣ тѣхъ изъ нихъ которые получали призъ. Сердце сжималось у меня при этомъ зрѣлищѣ; надо замѣтить впрочемъ что посреди всей этой суетни королева сохраняла свойственную ей грацію и величіе, что ослабляло отчасти непригодность этой сцены, но подобный отбѣнокъ ускользалъ отъ народа, который видѣлъ предъ собою только фамильярность въ высшей степени опасную въ такой странѣ какъ Франція.“

Въ письмахъ Мерси-Аржанто къ императрицѣ Маріи-Терезіи содержится еще одна подробность, по истинѣ невѣроятная, еслибъ она не была засвидѣтельствована такимъ лицомъ,—подробность по которой можно судить до какой степени простиралось легкомысліе Маріи-Антуанеты и какъ нагло пользовались этимъ легкомысліемъ ея приближенные. Она заболѣла корью; изъ страха прилипчивости этой болѣзни отстранили отъ королевы ея супруга, отстранили отъ нея всѣхъ ея штатсъ-дамъ и фрейлинь и обязанность ухаживать за нею приняли на себя молодые люди весьма сомнительной нравственности — герцогъ Куаньи, герцогъ Гинь, графъ Эстергази и баронъ Базанваль. „Вполнѣ справедливо, замѣчаетъ Мерси, что король, не привыкшій ни въ чемъ отказывать королевѣ, согласился на то чтобы герцоги Куаньи и Гинь, графъ Эстергази и баронъ Базанваль оставались при ея особѣ, но согласіе это вынуждено было у него королевой, которая видимо не сообразила послѣдствій подобнаго поступка. Послѣдствіемъ же были неблагоприятные толки при дворѣ, различныя остроты въ родѣ той что если заболѣетъ король, то необходимо будетъ попеченіе о немъ ввѣрить четыремъ дамамъ. Лишь только упомянутыя мною выше лица расположились въ апартаментахъ королевы, они заявили притязаніе дежурить при ней и ночью. Я формально воспротивился этой смѣшной (ridicule) затѣѣ; я заставилъ вмѣшаться въ это дѣло доктора

Ланона, человека весьма трусливого, никогда почти не дерзающего противоречить даже въ тѣхъ случаяхъ когда требуется того его званіе. Словомъ, я хлопоталъ такъ сильно вмѣстѣ съ аббатомъ Вермономъ, что названнымъ мною господамъ приказано было удалиться изъ комнаты королевы въ одиннадцать часовъ вечера и возвращаться къ ней лишь утромъ.“

Факты въ родѣ сейчасъ изложеннаго нами были аккуратно сообщаемы императрицѣ Маріи-Терезіи графомъ Мерси-Аржанто и вотъ почему императрица имѣла полное право не сомнѣваться въ ихъ достовѣрности. Напрасно оправдывалась Марія-Антуанета, напрасно писала она письма въ родѣ слѣдующаго: „Еслибы только, милая матушка, вы находились въ эту минуту при мнѣ, то увидали бы собственными глазами до какой степени преувеличиваютъ, искажаютъ мои поступки и придаютъ имъ ненавистный характеръ. Неужели вы рѣшаетесь судить о вашей дочери по клеветамъ распускаемымъ вашимъ отвратительнымъ соседямъ (т.-е. Фридрихомъ II)? Опасайтесь также вѣрить лутешественникамъ; эти лутешественники составляютъ язву всякой страны, между ними не встрѣчается людей умныхъ и честныхъ.“ Императрица знала что ни Фридрихъ Великій, ни лутешественники тутъ ни при чемъ и тонъ ея увѣщаній съ каждымъ днемъ становился строже. Какъ уже замѣчено нами выше, въ наставленіяхъ своихъ она обнаруживала не только материнскую заботливость, но и глубокій политическій смыслъ. Между нею и графомъ Мерси-Аржанто обнаруживалось замѣтное разногласіе относительно того должна ли была королева принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ. Австрійскій дипломатъ былъ убѣжденъ въ совершенной неспособности Лудовика XVI, онъ полагалъ что вслѣдствіе того Марія-Антуанета не будетъ въ состояніи устроить себя отъ политики, а потому ему казалось необходимымъ приготовить ее мало-по-малу къ этой роли, развить въ ней интересъ къ государственнымъ дѣламъ. Императрица держалась совершенно противнаго взгляда. „Признаюсь вамъ откровенно, читаемъ мы въ одномъ изъ ея писемъ ко графу Мерси, для меня было бы вовсе не желательно чтобы дочь моя пользовалась осязательнымъ вліяніемъ на дѣла; мнѣ извѣстны и ея молодость и ея легкомысліе, извѣстно что ей чуждо всякое прилежаніе и что

она ничего не знаетъ; все это заставляетъ меня тѣмъ болѣе сомнѣваться чтобъ она достигла успѣха въ управленіи такою расшатанною монархіею какою представляется въ настоящее время монархія Французская. Если странѣ этой не суждено переродиться, если положеніе ея ухудшится, то пусть лучше обвиняютъ въ этомъ какого-либо министра чѣмъ мою дочь, пусть отвѣтственность падетъ на другаго... Я слишкомъ люблю королеву Неаполитанскую (королеву Каролину, другую дочь Маріи-Терезіи), слишкомъ люблю и дофину чтобы посоветовать имъ выступить на такой скандальскій путь, на которомъ, въ случаѣ неудачи, ожидаютъ ихъ и недовольство подданныхъ, и интриги партій. Зная по опыту это деликатное и неблагодарное ремесло (*ce métier délicat et ingrat*), я не хотѣла бы чтобъ они предавались ему.“ При жизни Лудовика XV императрица постоянно советовала своей дочери стоять вѣдь всякихъ партій и не принимать на себя такой роли которая могла бы ее только компрометтировать; она убѣждала ее въ этомъ даже среди такихъ важныхъ обстоятельствъ въ которыхъ Австрія была непосредственно заинтересована, напримѣръ во время паденія Шуазёля. Мнѣніе ея о Маріи-Антуанеттѣ вполне подтверждается и другими лицами. Базанваль говорить въ своихъ мемуарахъ что „умъ ея былъ поверхностный, неспособный къ прилежанію (*incapable d'application*), не терпѣвшій ничего серьезнаго и слишкомъ склонный увлекаться удовольствіями“. Аббатъ Вермонъ надѣялся заинтересовать дофину чтеніемъ, но это никакъ не удавалось ему. „Увы, восклицалъ онъ, она рѣшительно не способна углубиться во что-нибудь.“ Не приносили пользы и совѣты императрицы, которая писала ей: „старайтесь обогатить свой умъ хорошими чтеніемъ; чтеніе необходимо вамъ болѣе чѣмъ кому-нибудь; у васъ нѣтъ никакихъ знаній, никогда не любилъ вы труда“.

При первомъ извѣстіи о смерти короля Лудовика XV у Маріи-Терезіи вырвались слѣдующія строки въ письмѣ ея къ Мерси-Аржанто: „Я очень огорчена кончиною короля и нашего друга; а еще болѣе озабочена судьбой моей дочери, которая не можетъ быть такою какъ вполнѣ великою или очень несчастною. Положеніе короля, министровъ, даже всей страны не представляетъ ничего успокоительнаго; королева

молода, никогда не отпадала и не будет отпадать прилежанием. Я полагаю что счастливые дни ее прекратились... Верная всегдашней своей мысли о том что Марии-Антуанетт необходимо устраниваться от политики, императрица от самого начала требовала от нее лишь одного, чтобы она положила конец разнузданности господствовавшей при прежнем дворе, постаралась сделать этот двор более чинным и позаботилась бы равнать небогатые о нем толки в публике. „Вместо от тѣмъ, говорила она, сѣбитую вамъ показываться какъ, можно чаще въ народѣ; не страшитесь его; остерегайтесь подражать различнымъ членамъ королевскаго семейства, которое отсутствиемъ приличности и величавости не умѣетъ внушить къ себѣ ни уваженія, ни любви.“ Къ сожалѣнію собитія эти не произвели никакого дѣйствія. Мерси-Аржанто замѣчаетъ, и замѣчаніе это вполне подтверждается мемуарами того времени, что дворъ Людовика XVI отнюдь нельзя было назвать ни многолюднымъ, ни блестящимъ; королева не терпѣла ни официальныхъ приемовъ, ни нарядныхъ баловъ, она желала веселиться только въ интимномъ семейномъ кружкѣ, и развлечения которымъ предавалась она отнюдь не соответствовали ее достоинству. Игра привала громадные размеры. „Версальскій дворъ не болѣе какъ игорный домъ“ (*n'est plus qu'un trépot*), говорилъ Иосифъ II. Полиція строго пресѣдовала азартную игру въ фараонъ, а между прочимъ эта игра процвѣтала въ апартаментахъ королевны, у пріятельницы ея гжи Ламбаль и у другихъ ее приближенныхъ, и притомъ такъ какъ будто она имѣла видъ публичной игры. „Банкометы, рассказываетъ Мерси-Аржанто, прибывъ въ Фонтенбло 30го октября и всю ночь, а также часть утра метали банкъ у принцессы Ламбаль; королева оставалась до пяти часовъ утра; затѣмъ вечеромъ приказала она метать банкъ у себя и это продолжалось до разсвѣта слѣдующаго дня.“ Общество участвовавшее въ подобныхъ развлеченияхъ было далеко не избранное. „Банкометы, говоритъ тотъ же Мерси, обращаются нередко съ упреками къ придворнымъ дамамъ что онѣ играютъ не совсемъ правильно.“ По словамъ его, „королевскій салонъ открытъ кому угодно; мошенники проникаютъ въ него и недавно схватили одного изъ нихъ, который отдавъ въ уплату банкомету свертокъ жетонновъ вмѣсто червонцевъ“.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ императрицѣ, уже не дошедшемъ до нея, Мерси-Аржанто упоминаетъ о какомъ-то господинѣ, который во время игры въ апартаментѣхъ королевѣ „вытащилъ у графа Диллона изъ кармана бумажникъ съ банковыми билетами“. Слухи обо всемъ этомъ доходили до публики и понятно къ какимъ толкамъ подавали они поводъ, къ тому же „многіе изъ придворныхъ положительно разоряются отъ игры, что порождаетъ сильную тревогу въ ихъ семействахъ“.

Все это показываетъ что Марія-Антуанета была отнюдь не безупречна, но съ другой стороны все это служитъ опроверженіемъ тѣхъ подлыхъ клеветъ, которыя были распространяемы о ней ея врагами предъ 1789 годомъ и въ самый разгаръ революціи. Свѣдѣнія сообщаемыя графомъ Мерси-Аржанто служатъ доказательствомъ что въ клеветахъ этихъ не было ни тѣни основанія. Австрійскій дипломатъ исполнялъ принятую имъ на себя обязанность съ неусыпнымъ рвеніемъ: онъ зорко слѣдилъ за всеми дѣйствіями королевы, онъ не щадилъ Маріи-Терезіи, сообщая ей самыя непріятныя подробности обо всемъ что происходило въ Триумовѣ и Версалѣ, отъ него не уболѣвало бы конечно все то, въ чемъ въ послѣдствіи обвиняла Марію-Антуанету народная толпа подъ влияніемъ слуховъ распространяемыхъ о ней ея же безсовѣстными и негодными фаворитами. Королева является въ письмахъ графа Мерси совершенно такою какою она была на самомъ дѣлѣ: женщиной чрезвычайно доброю и не лишенною ума, но въ высшей степени безлечною, доверчивою, легкомысленною и не имѣвшею твердости колю чтобы устоять противъ того круговорота, который увлекалъ все высшее французское общество. Она беззащитно и искренно предавалась мечлѣ, не замѣчая что вокругъ нея тысячи глазъ злобно слѣдили за каждымъ ея поступкомъ и готовы были истолковать его въ самомъ неинтересномъ смыслѣ. Императрица Марія-Терезія сознавала ясно послѣдствія всего этого, когда она говорила: „я не ожидаю ничего хорошаго для своей дочери, зная характеръ и способности злодѣевъ и при Французскомъ дворѣ и въ средѣ Французскаго народа“. Надежды ея опирались лишь на то что королева не будетъ вышиваться въ политикѣ и по крайней мѣрѣ умѣетъ оградить себя отъ овладѣнія партій, но и такія надежды не суждено было осуществиться. Марія-

Антуанета не умѣла устраниваться отъ политической роли. Она жаждала ее вовсе не изъ властолюбія, отнюдь не потому чтобы преслѣдовала осуществленіе какихъ-нибудь плановъ, а единственно по той причинѣ что была побуждаема принять на себя эту роль окружающими ее лицами, которыя при ея содѣйствіи достигали корыстныхъ выгодъ. Какъ справедливо замѣтилъ Мерси-Аржанто, политика была для нея дѣломъ не честолюбія, а „мелкаго недоброжелательства и низкопоставленныхъ интересовъ“. Если она способствовала на примѣръ удаленію Эгильйона и старалась поставить во главѣ министерства Шуазеля, то лишь потому что Шуазель былъ другомъ ея друзей, а противъ д'Эгильйона вопилъ весь интимный ея кружокъ. Въ документахъ изданныхъ гг. Арнетомъ и Жефруа помѣщено между прочимъ весьма рѣзкое по этому поводу письмо Іосифа II къ королеви: „Во что вы вмѣшиваетесь? говорилъ онъ ей,—вы хотите мѣнять министровъ? Но задавали ли вы себѣ хотя однажды вопросъ, по какому праву намѣрены вы управлять судьбами Французской монархіи? Изучали ли вы хоть что-нибудь для этого? Какими свѣдѣніями обладаете вы?“ Безполезныя предостереженія! Та непривычка „углубляться во что бы то ни было“, которую аббатъ Вермонъ считалъ отличительнымъ свойствомъ ея ума, не допускала Марію-Антуанету замѣтить все что было ненормальнаго и опаснаго въ тогдашнемъ состояніи французскаго общества....

Глубокое разложеніе этого общества — вотъ что поражаетъ при чтеніи документовъ и мемуаровъ относящихся къ исторіи Франціи конца XVIII вѣка. Набросанный нами очеркъ даетъ понятіе о томъ во что превратилось высшее сословіе, но если обратимся къ другимъ сословіямъ, то увидимъ столь же неутѣшительное зрѣлище. Никогда не говорили такъ много о реформахъ какъ въ описываемое время и никогда господствовавшія относительно ихъ теоріи не отличались такою отвагой, но лишь только возникали попытки энергически приняться за нихъ, какъ узкій и грубый эгоизмъ противопоставлялъ имъ непреодолимые препятствія. Доказательствомъ этого служить между прочимъ судьба одного изъ замѣчательнѣйшихъ реформаторовъ, которыми обладала Франція предъ наступленіемъ революціи.

Конечно, слабость или лучше сказать отсутствіе воли составляло отличительную черту въ характеръ Людовика XVI,

но нельзя однако не замѣтить что когда вступалъ онъ на престолъ и когда представлялась его взору мрачная картина тогдашняго состоянія страны, онъ былъ испуганъ лежащею на немъ отвѣтственностью и у него родилось искреннее и ревностное желаніе помочь залу. Шуазель былъ удалецъ и назначено было новое министерство, во главѣ коего занялъ мѣсто графъ Морелла, человекъ съ умомъ блестящимъ, но поверхностнымъ, всю жизнь свою проведеній при дворѣ и удаленный отъ него за язвительныя сатиры противъ гжи Помпадуръ, снискавшій этимъ нѣкоторую популярность, никогда не отличавшійся способностью къ усидчивому труду и легко относившійся къ самымъ важнымъ вопросамъ. Новому кабинету придавало особенное значеніе то обстоятельство что управленіе сначала морскихъ министерствомъ, а затѣмъ финансами было ввѣрено Тюрго, занимавшему до того времени должность интенданта въ Лиможѣ. Это было въ полномъ смыслѣ слова важнымъ событіемъ. Тюрго уже пользовался большою извѣстностью въ Парижѣ; его знали за человека находившагося въ близкихъ отношеніяхъ съ такъ-называемыми въ то время „философами“, сообщавшими столь оригинальный и отважный характеръ умственному движенію своей страны, знали что онъ особенно занимался вновь возникающею тогда наукой—политическою экономіей, знали что если въ главныхъ основаніяхъ слѣдовалъ онъ Кене и Гурне, но выработалъ однако себѣ самостоятельныя экономическія понятія, которыя развивалъ въ различныхъ сочиненіяхъ, знали, что всякая должность въ рукахъ его не останется sinecурой что нѣтъ для него ничего дороже какъ практическое примѣненіе своихъ теорій, что онъ уже старался примѣнить ихъ будучи интендантомъ и во многихъ случаяхъ достигъ счастливыхъ результатовъ. Самостоятельность и даже непреклонность его характера не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Дѣйствуя въ провинціи онъ умѣлъ говорить съ министрами такимъ языкомъ, какого не приходилось имъ слышать отъ своихъ подчиненныхъ. Чтобы судить о томъ съ какимъ восторгомъ появленіе Тюрго въ совѣтахъ короля встрѣчено было людьми чуждыми для Франціи новаго порядка вещей, достаточно провести слѣдующія строки изъ письма Вольтера къ Кондорсе. „Вы уже слышали конечно о назначеніи Тюрго; ничего болѣе счастливаго не могло произойти для Франціи и

для человеческого разума (*à la raison humaine*). Никогда еще между приближенными того или другого монарха не было человека который въ такой мѣрѣ соединялъ бы добродѣтель, мужество, безкорыстіе, стремленіе къ общественному благу и рвеніе чтобы утвердить его. Съ этой минуты я ложусь спать и просыпаюсь такъ же спокойно, какъ если бы находилась подъ охраной всѣхъ англійскихъ законовъ. Г. Тюрго—одинъ изъ нашихъ и мы имѣли бы особыя причины радоваться его возвышенію если бы подобныя соображенія могли при этомъ входить въ расчетъ...“ Дѣйствительно было чему радоваться; человекъ науки, человекъ твердыхъ и просвѣщенныхъ принциповъ, чуждый мелкимъ интригамъ партій занималъ мѣсто къ государственному управленію. Вглядимся же пристальнѣе въ черты его характера чтобы судить о томъ положеніи которое занялъ онъ среди совершенно новой для него обстановки.

Въ 1776 году братъ короля графъ Прованскій, до глубины души ненавидѣвшій Тюрго, издалъ, конечно, не подъ своимъ именемъ, брошюру (*Leconte de M. Maurepas*, въ которой начерталъ слѣдующій его портретъ: „Былъ во Франціи человекъ неуклюжій, неловоротаивый, отличавшійся по природѣ болѣе суровостью чѣмъ силой характера, болѣе упрямствомъ чѣмъ твердостью, болѣе запальчивостью чѣмъ тактомъ, шарлатанъ въ администраціи и добродѣтели, какъ бы нарочно созданный для того чтобы компрометтировать одну изъ нихъ и возбудить отвращеніе къ другой, застѣчивый вслѣдствіе избытка гордости, столь же чуждый людямъ, которыхъ онъ никогда не зналъ, сколько и государственнымъ дѣламъ, о которыхъ судилъ вкривъ и вкось: назывался онъ Тюрго.“ Другіе враги знаменитаго министра точно также выставляютъ на видъ отсутствіе въ немъ практическаго смысла и непоколебимую вѣру въ свои теоріи; по словамъ Монтиона онъ „раздѣлялъ весь родъ человѣческій на три разряда: къ первому относилъ массу публики, никогда не занимавшуюся экономическими вопросами, и видѣлъ въ ней не болѣе какъ бессмысленное стадо; второй разрядъ составляли противники его ученія,—этихъ считалъ онъ глупцами или людьми недобросовѣстными; только третій разрядъ, весьма не многочисленный и состоявшій изъ ревностныхъ приверженцевъ его теорій, казался ему достойнымъ его уваженія.“ Несмот-

тра на свое расположеніе къ Тюрго, г. Фовсенъ, приводя этотъ отзывъ Монтіона, замѣчаетъ что „отчасти нельзя не признать его основательнымъ“. Дѣйствительно, подтвержденіе того что высказано въ немъ можно найти и у тѣхъ изъ современниковъ Тюрго которые были связаны съ нимъ узами тѣсной дружбы. „Мы съ нимъ знаемъ людей только по книгамъ,“ говорилъ Мальзербъ. „Онъ не принималъ въ расчетъ ни людскихъ слабостей, ни людскихъ пороковъ, замѣчаетъ Сенакъ де-Меланъ: неспособный ни къ какимъ сдѣлкамъ и уступкамъ онъ шелъ къ своей цѣли не щадя ничьего самолюбія; г. Тюрго походилъ на хирурга, который дѣлаетъ операциі надъ трупомъ, и ему какъ бы не приходило въ голову что предъ нимъ находятся не трупы, а живыя существа. Онъ имѣлъ прежде всего въ виду самое дѣло, а не людей; и объяснять это слѣдуетъ чистотой его помысловъ, вслѣдствіе которой онъ полагалъ что всѣ наравнѣ съ нимъ одушевлены любовью къ общественному благу.“ Но можно быть весьма искренно преданнымъ общественному благу и тѣмъ не менѣе не сходить въ убѣжденіяхъ о томъ какими путями достигать его; нужно стараться внушить свои убѣжденія другимъ, дѣйствовать на ихъ умъ и сердце, но Тюрго рѣдко прибѣгалъ къ подобному средству. Происходило это, быть-можетъ, отъ того что онъ не обладалъ способностью излагать увлекательно свои мысли. „Изложеніе его—говоритъ опять-таки одинъ изъ его друзей, Дюпонъ Немурскій—было затруднительно, непослѣдовательно, темно; разговоръ почти постоянно переходилъ у него въ диссертацию.“ Дѣлая сводъ всего что было высказано о знаменитомъ министрѣ его сторонниками и недоброжелателями, г. Фовсенъ приходитъ къ такому заключенію: „Тюрго судилъ о людяхъ по самому себѣ, избиралъ мѣриломъ для этого собственный просвѣщенный и обширный умъ. Онъ вѣрилъ въ непреодолимое могущество разума и не допускалъ чтобы другіе могли не подчиняться этому могуществу. Онъ полагалъ что истина сама по себѣ всегда очевидна, и такъ какъ ему казалось что онъ обладалъ истиной, то не въ состояніи былъ понять чтобы кто-либо не присоединялся къ его мнѣніямъ и не довѣрялъ тому чему учила политическая экономія. Всякое противорѣчіе онъ готовъ былъ объяснять недостаткомъ искренности. Надлежало быть съ нимъ или противъ него: Тюрго не допускалъ другаго выбора.“

Конечно, такой человекъ представлялъ собою давно невиданное зрѣлище при дворѣ подобномъ Версальскому. Онъ оставался морскимъ министромъ всего лишь одинъ мѣсяцъ, до августа 1774 года, и получалъ затѣмъ гораздо болѣе важную должность государственнаго контролера финансовъ (*contrôleur général des finances*). Права сопряженные съ нею были чрезвычайно обширны: такъ какъ въ концѣ XVIII вѣка финансовыя вопросы, находящіеся въ непосредственной связи со всѣми другими, получили во Франціи преобладающее значеніе, то генераль-контролеръ сдѣлался въ сущности первымъ министромъ. Ничего не совершалось безъ его вѣдома; онъ имѣлъ рѣшающій голосъ во всемъ что касалось внутренней администраціи, торговли, морскаго и военнаго вѣдомствъ, даже иностранныхъ дѣлъ, когда заходила рѣчь о такихъ важныхъ государственныхъ интересахъ какъ сохраненіе мира или объявленіе войны. Административная централизація все болѣе и болѣе пускала корни въ странѣ; интенданты сдѣлались почти всемогущими лицами въ провинціи, а всѣ они находились въ зависимости отъ генераль-контролера. Тюрго облеченъ былъ такимъ образомъ широкою властью для примѣненія излюбленныхъ имъ теорій.

Прежде всего нѣсколько словъ объ этихъ теоріяхъ. Давно уже указано было на общую отличительную черту французскихъ экономистовъ XVIII вѣка, среди которыхъ знаменитый министръ Лудовика XVI занималъ столь видное мѣсто. Они не были, конечно, революціонерами, но въ ученіяхъ ихъ—подъ вліяніемъ идей, все болѣе и болѣе распространенныхъ въ обществѣ—заключалось много такого, изъ чего выработались въ послѣдствіи догматы революціи: ненависть къ привилегіямъ, простиравшаяся до того что, по выраженію Токвиля, „всякое разнообразіе было имъ ненавистно и они готовы были прекаяться предъ равенствомъ даже въ рабствѣ“; презрѣніе съ какимъ относились они ко всѣмъ стариннымъ учрежденіямъ; страсть ихъ къ насильственной регламентаціи, находившаяся повидимому въ противорѣчій съ основнымъ ихъ принципомъ „laissez faire, laissez passer“, если не обращать вниманія на то что принципъ этотъ они примѣняли исключительно къ промышленности и торговлѣ, но отнюдь не къ другимъ сферамъ общественной жизни. Они никогда не были приверженцами политической свободы; по твердому ихъ убѣжденію дѣломъ перво-

степенной важности было воспитать народъ въ вѣстныхъ идеяхъ, задачу эту долженствовало принять на себя правительство, которое—до тѣхъ поръ пока она не исполнена—обязано было относиться крайне недовѣрчиво къ общественной инициативѣ. Впрочемъ даже и послѣ того едва ли слѣдовало ему измѣнять свой характеръ: еслибы правительство, такъ рассуждалъ упомянутый нами кружокъ людей, вполнѣ усвоило себѣ принципы которые экономисты считали единственно здравыми, если оно рѣшилось энергически примѣнять ихъ, то чего же болѣе, какую пользу могло бы принести обществу расширение его правъ? Тюрго своими способностями и, главное, своею практическою дѣятельностью рѣзко выдѣлялся изъ среды экономистовъ, съ которыми онъ не былъ всегда согласенъ и въ различныхъ теоретическихъ вопросахъ, но вполнѣ раздѣлялъ однако упомянутыя нами сейчасъ воззрѣнія. Назначенный министромъ въ минуту крайняго броженія умовъ, онъ страстно желалъ принести пользу народу, но никогда не приходило ему на мысль искать себѣ опоры въ общественномъ мнѣніи. Съ самаго вступленія своего въ должность и до тѣхъ поръ пока онъ вынужденъ былъ ее покинуть, Тюрго разчитывалъ что для осуществленія своихъ реформъ ему нужно лишь одно: заручиться содѣйствіемъ короля; что касается вопроса, обладала ли королевская власть при тогдашнихъ обстоятельствахъ достаточнымъ могуществомъ чтобы пересоздать государственннй строй, вопросъ этотъ разрѣшался для него очень просто: она не могла бы произвести ничего прочнаго, еслибы держалась прежняго пути, и могла бы совершить чудеса, еслибы усвоила себѣ начала „справедливости и разума“, представителемъ которыхъ считалъ Тюрго самого себя и во всякомъ случаѣ свою школу. Въ высшей степени характеристична записка, представленная имъ, при назначеніи его министромъ, Лудовику XVI, записка, въ которой нѣсколько доктринерскимъ тономъ излагалъ онъ какъ понималъ свою задачу и при какихъ условіяхъ надвѣялся ее выполнить. Онъ не задумывался утверждать что именно теперь долженъ былъ наступить переворотъ въ самомъ характерѣ королевской власти. „Относительно будущаго власти вашего величества можетъ оказаться непоколебимою въ томъ лишь случаѣ если *разумъ* будетъ руководить издаваемыми ею законами и если *справедливость* будетъ служить

ихъ основой.“ Подъ этимъ условіемъ королевская власть имѣетъ право не смущаться никакою оппозиціей. „До тѣхъ пока ваше величество не уклонитесь отъ справедливости, вы можете считать себя вполнѣ самодержавнымъ законодателемъ и разчитывать на безусловное повиновеніе націи вашимъ приказаніямъ.“ Идя по этому пути нужно было проикнутья непреклонною твердостью воли и болѣе всего избѣгать колебаній и уступокъ. „Вспомните что слабость довела Карла I англійскаго до гибели, что она была причиной возникновенія лиги при Генрихѣ III, что она превратила Лудовика XIII и тепершняго Португальскаго короля въ коронованныхъ рабовъ и она же была причиной всѣхъ бѣдствій предшествовавшаго вашему царствованію.“ Предлагая свою программу, Тюрго указывалъ на блестящіе результаты отъ нея въ близкомъ будущемъ,—результаты совершенно въ духѣ тѣхъ теорій которыми обольщали себя экономисты. „Могу ручаться, говорилъ онъ королю, что чрезъ десять лѣтъ ваши подданные сдѣлаются неузнаваемы и что относительно образованія, чистоты нравовъ и просвѣщенной ревности къ общественному благу они неизмѣримо превзойдутъ всѣ остальные народы. Дѣти, которымъ теперь десять лѣтъ, явятся тогда людьми вполнѣ подготовленными для службы государству, преданными своей странѣ, локорными властямъ не изъ страха, а по сознанію, готовыми оказывать всякую помощь своимъ согражданамъ, привыкшими уважать справедливость.“ Чтобы достигнуть этого нужно было только предоставить полную власть министру и оказывать ему энергическую поддержку. Самъ Тюрго указывалъ какія трудности ожидаютъ на этомъ пути короля: „Я предвижу что мнѣ одному придется бороться противъ всякаго рода злоупотребленій и противъ предразсудковъ, прелатствующихъ услѣху какой бы то ни было реформы; мнѣ нужно будетъ вести борьбу со врожденною добротой вашего величества и великодушіемъ вашимъ и *лицъ наиболее вамъ близкихъ*. Большинство придворныхъ будетъ меня бояться и ненавидѣть; но не только они, а даже народъ, который такъ не трудно вовлечь въ обманъ, проникнется ко мнѣ недоброжелательствомъ вслѣдствіе именно тѣхъ мѣръ, какія будутъ приняты мною для облегченія обременяющихъ его тягостей...“

Оказалъ ли Лудовикъ XVI поддержку своему министру? Справедливо ли что Тюрго палъ жертвой только придворной камариллы? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ служить краткій очеркъ его управленія.

Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ послѣ назначенія его въ должность генераль-контролера какъ зашла рѣчь о такой мѣрѣ которая именно для него должна была имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія—о возстановленіи прежняго Парижскаго парламента, раслуценнаго въ 1770 году канцлеромъ Молу. Парламенты (провинціальныя подверглись при Лудовикѣ XV такой же участи какъ и Парижскій) давно уже сдѣлались притономъ рѣзкой оппозиціи противъ королевской власти; никакъ нельзя сказать чтобъ они опирались въ этой борьбѣ на общественное мнѣніе, ибо отнюдь не потворствовали новымъ идеямъ, новымъ требованіямъ, отстаивали, напротивъ, держась строго легальной почвы, старый порядокъ вещей, и противились реформамъ, необходимость коихъ была очевидна. Правительство потеряло наконецъ терпѣніе и нанесло имъ рѣшительный ударъ. Именно съ этой минуты однако старый Парижскій парламентъ сдѣлался какъ нельзя болѣе популяренъ,—популяренъ потому что онъ представлялъ собой оппозицію, а оппозиція какая бы то ни было пользовалась безграничными симпатіями лублики. Когда Лудовикъ XVI вступилъ на престолъ, со всѣхъ сторонъ приходилось ему слышать что если отмѣнить онъ распоряженіе Эгильйона и Молу, то вызоветъ всеобщій восторгъ этою мѣрой; многочисленная партія при дворѣ агитировала въ такомъ смыслѣ, огромное большинство средняго сословія было настроено подобнымъ же образомъ, и король выразилъ наконецъ свое согласіе. Если кто-нибудь долженъ былъ особенно упорно сопротивляться означенной мѣрѣ, то конечно Тюрго: ему было хорошо извѣстно прошлое Парижскаго парламента, онъ уже изготавлялъ въ описываемое время проекты своихъ реформъ, долженъ былъ знать что реформы эти возбуждаютъ противъ правительства сильную вражду и что парламентъ не поколеблется занять мѣсто во главѣ оппозиціи. Лудовикъ XVI очень дорожилъ своимъ генераль-контролеромъ, онъ только-что торжественно обѣщалъ дѣйствовать съ нимъ заодно, и если бы Тюрго поставилъ вопросъ прямо и рѣшительно, то есть основаніе предполагать что успѣхъ склонился бы на его сторону. Ничего подобнаго однако не было предпринято

путь. Правда, онъ возражалъ противъ восстановления парламентовъ, но возраженія его не были достаточно настоятельны и сильны. Съ этимъ согласенъ даже такой ревностный его поклонникъ какъ г. Фонсенъ. Тюрго какъ будто не замѣчалъ грядущей опасности въ то время какъ другіе не могли скрыть своихъ опасеній. Когда королева съ обычнымъ своимъ поверхностнымъ взглядомъ на вещи писала Маріи-Терезіи: „Я въ восторгѣ оттого что парламентъ возвратится, что отнынѣ никто не будетъ томиться въ изгнаніи и несчастіи“, императрица послѣдила ей отвѣтить: „Для меня совершенно непостижимо что король и его министры разрушаютъ дѣло Моу.“ Чѣмъ же объяснить далеко не энергическій образъ дѣйствій Тюрго въ упомянутомъ событіи? Не обольщалъ ли онъ себя мыслью что королю нечего страшиться оппозиціи какъ скоро выступитъ онъ на путь радикальныхъ реформъ во имя „разума“ и „справедливости“? Не считалъ ли онъ вполне достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ этихъ реформъ слова сказанныя ему Людовикомъ XVI въ то время когда обсуждался вопросъ о восстановленіи парламентовъ: „Не бойтесь ничего, я всегда готовъ васъ поддерживать“?

Между тѣмъ Тюрго со страстью, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ принялся за дѣло. Императрица Марія-Терезія, въ письмахъ своихъ къ Мерси-Аржанто, изумлялась отвѣгъ министра, который хотѣлъ разомъ измѣнить существовавшій порядокъ вещей; удивлялась или, вѣрнѣе сказать, проникнуты были опасеніями даже многія доброжелательныя ему лица, они указывали ему на необходимость обуздать отчасти это рвеніе, но слышали отъ него всегда одно и то же: „Мнѣ нужно слѣшить, въ семействѣ нашемъ живутъ не долго,—никогда долѣе пятидесяти лѣтъ.“ Подъ вліяніемъ этой неотвязной мысли и твердаго убѣжденія что только онъ одинъ способенъ переродить Францію, Тюрго какъ бы ставилъ самый непродолжительный срокъ для выполненія своей задачи: онъ не соглашался съ тѣмъ что было бы достаточно приступить серіозно и съ твердыми намѣреніями къ преобразованіямъ, переходить постепенно отъ одного изъ нихъ къ другому и тщательно подготавливая почву каждаго изъ нихъ; въ нетерпѣніи своемъ онъ рѣшился затронуть одновременно всѣ вопросы, возбудить всѣ страсти. При этомъ необычайная его увѣренность въ

самомъ себѣ равнялась только презрѣнію съ какимъ онъ относился ко враждебнымъ ему партіямъ.

Мы уже видѣли сейчасъ что Тюрго не оцѣнилъ значенія парламентовъ, допустивъ возстановленіе ихъ со всѣми принадлежавшими имъ правами. Онъ не задумался также бросить перчатку и другому, быть-можетъ еще болѣе опасному своему врагу—католическому духовенству. Онъ выбралъ для этого ту самую минуту когда вниманіе публики было въ высшей степени возбуждено предпріятымъ имъ дѣломъ и когда духовенство слѣдило за тѣмъ въ какой мѣрѣ реформы коснутся его привилегій. Тюрго не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки чтобы расположить его въ свою пользу, а предпочелъ прямо начать съ нимъ борьбу. Въ 1775 году предстояла коронація Лудовика XVI; коронація эта, по вѣковому обычаю, должна была совершиться въ Реймсѣ, при чемъ королю слѣдовало, по примѣру своихъ предшественниковъ, произнести не одну, а нѣсколько присягъ: присягу оказывать покровительство католической церкви, присягу въ готовности своей „истреблять еретиковъ“, присягу не нарушать привилегіи орденовъ Св. Духа и Св. Лудовика и присягу сохранять законы относительно дуэлей. Особенное значеніе имѣла вторая изъ нихъ, гласившая слѣдующее: „Клянусь обезлечить миръ церкви и христіанскихъ моихъ подданныхъ, противодѣйствовать грабежамъ и всякимъ беззаконіямъ, соблюдать справедливость и милосердіе въ судебныхъ приговорахъ, совершенно истреблять (*exterminer entièrement*) въ предѣлахъ моего государства всѣхъ еретиковъ, а именно тѣхъ которые осуждены церковью.“ Весьма понятно что формула такого рода должна была возбуждать негодованіе всѣхъ просвѣщенныхъ умовъ; если изъ того что глава государства принималъ на себя подобное обязательство еще отнюдь не слѣдовало чтобъ онъ былъ дѣйствительно связанъ имъ,—мало ли сколько есть такихъ формулъ которыя не отиѣнены послѣ того какъ давно уже отжили свой вѣкъ,—но съ другой стороны, гоненія на протестантовъ были у всѣхъ свѣжи въ памяти. Еще не далѣе какъ въ 1762 году былъ самымъ неправильнымъ образомъ осужденъ въ Тулузѣ пасторъ Рошетъ только потому что былъ протестантскимъ пасторомъ. Нельзя удивляться поэтому что Тюрго, подобно своимъ друзьямъ, возмущался при мысли что король долженъ былъ официально при-

нять на себя призваніе врага и гонителя религіозной терлимости, но вопросъ свелся лишь къ тому, умѣстно ли было среди тогдашнихъ обстоятельствъ требовать отъ жны старинной присяги. Тюрго не только требовалъ этого, но предлагалъ также перенести церемонію коронаціи изъ Реймса въ Парижъ. Одно изъ соображеній побуждавшихъ его къ этому было довольно странно, а именно: что торжество обошлось бы гораздо дешевле; другое же состояло, какъ выражается г. Фоксенъ, въ томъ что Тюрго „хотѣлъ подорвать преданіе, приписывавшее сосуду съ муромъ, который хранился въ Реймсѣ, чудотворную силу“. Что касается до присяги, то онъ самъ сочинилъ новую ея форму, въ которой о еретикахъ не упоминалось ни слова. Лудовикъ XVI не рѣшился однако отступить отъ примѣра своихъ предковъ, онъ короновался въ Реймсѣ и произнесъ установленную присягу и единственнымъ памятникомъ вмѣшательства въ это дѣло Тюрго осталась представленная имъ королю подробная записка о свободѣ совѣсти. Краснорѣчиво клеймилъ онъ въ ней фанатизмъ, въ жертву которому католическое духовенство не разъ приносило интересы государства. „Если монархъ, говорилось въ заключеніе этой записки, долженъ сообразоваться съ предписаніями церкви во всемъ что касается личной его совѣсти, то онъ не въ состояніи требовать такой же покорности отъ своихъ подданныхъ, ибо надъ ихъ совѣстью не можетъ быть судьей. Но духовенство, преимущественно придворное духовенство, постоянно смѣшивало эти двѣ вещи и злоупотребляло довѣріемъ государей чтобы превратить ихъ въ орудіе своихъ страстей и упрочить свое вліяніе.“ Тюрго не достигъ цѣли, но разрывъ между нимъ и духовенствомъ былъ полный и притомъ по вопросу который не относился непосредственно къ сферѣ его дѣятельности.

Въ этомъ случаѣ Лудовикъ XVI не поддерживалъ своего министра, но подобный образъ дѣйствій съ его стороны отнюдь не былъ въ противорѣчіи съ торжественно даннымъ имъ обѣщаніемъ. Вопросъ о присягѣ не имѣлъ связи съ вопросомъ о коренныхъ реформахъ, которыя были задуманы Тюрго. Мы увидимъ что относительно этихъ послѣднихъ король оставался непреклоннымъ несмотря на врожденную слабость своего характера.

Первая изъ наиболѣе важныхъ реформъ коснулась хлѣбной торговли. Чтобы оцѣнить ее по достоинству нужно перенестись мыслями въ описываемое время, когда промышленность существовала еще въ весьма незначительныхъ размѣрахъ, когда не было еще ни машинъ, ни желѣзныхъ дорогъ, когда постоянно слышались жалобы на крайне-неудовлетворительное состояніе всѣхъ путей сообщенія и когда земля служила главнѣйшимъ источникомъ народнаго хозяйства. Но и земля не приносила того дохода, какой она могла бы приносить, потому что крупные землевладѣльцы проживали въ городахъ и мало занимались хозяйствомъ, а люди небогатые и крестьяне не имѣли достаточно средствъ, чтобы воздѣлывать землю надлежащимъ образомъ. Заслуга физиократовъ заключалась, какъ извѣстно, въ томъ что они настаивали на необходимости возвысить находившееся въ пренебреженіи земледѣліе и Тюрго поставилъ себѣ задачей освободить его ото всѣхъ окружавшихъ его стѣсненій. Стѣсненія эти были весьма значительны. Нельзя было производить торговлю хлѣбомъ не выполнивъ множества формальностей; нельзя было продавать хлѣбъ иначе какъ въ опредѣленные дни и непремѣнно на городскихъ рынкахъ, такъ что крестьянинъ не могъ купить его у своего соседа или даже у помѣщика, а долженъ былъ нарочно ѣздить для этого по непроходимымъ иногда дорогамъ въ городъ: въ городахъ хлѣбные торговцы обязаны были улачивать разнообразныя и обременительныя пошлины. Все это затрудняло торговлю и подавало поводъ къ монополіямъ. Тюрго положилъ конецъ этому порядку вещей королевскимъ эдиктомъ 13го сентября 1774 года, которымъ установлена была полная свобода хлѣбной торговли. Извѣстный историкъ Маше оцѣнилъ въ слѣдующихъ словахъ значеніе этой мѣры: „Быль во Франціи жалкій плѣвникъ—хлѣбъ, который оставляли гнить на самыхъ мѣстахъ его производства. Каждая область держала свой хлѣбъ въ плѣну, каждая провинція, отдѣленная преградами отъ другихъ, служила какъ бы кладбищемъ находившагося въ уладкѣ земледѣлія. Уже болѣе ста лѣтъ вопили противъ подобнаго варварства. Не задолго до Тюрго * вознамѣрились было отмѣнить препоны, но

* Генералъ-контролеръ Маше сдѣлалъ въ 1763 году эту попытку, но распоряженія его были отмѣнены въ 1770 году предшественникомъ Тюрго аббатомъ Терре.

погруженный въ невѣжество народъ стоялъ за нихъ. Чѣмъ ничтожнѣе было производство хлѣба, тѣмъ сильнѣе опасался народъ чтобъ и этотъ хлѣбъ не ушелъ отъ него если бы возникла свобода. Паника не рѣдко порождаетъ мятежи. Чтобы произвести счастливую перемену требовалось правительство твердое, вполнѣ увѣренное въ самомъ себѣ; тотчасъ по вступленіи своемъ въ министерство Тюрго сѣлъ за столъ и написалъ великодушный декретъ 13го сентября,—декретъ благородный, ясный, краснорѣчивый. Смыслъ его былъ таковъ: „Свѣте и разчитывайте смѣло на продажу; отнынѣ можете продавать гдѣ хотите“—магическія слова, отъ которыхъ земля встрепенулась, плугъ забылъ объ отдыхѣ и воды какъ бы пробудились отъ сна.“ Этотъ пышный дифирамбъ передаетъ лишь приблизительно вѣрно настроеніе интеллигентной части тогдашняго французскаго общества. Вольтеръ писалъ д'Аламберу: „Мнѣ кажется что предо мною открылось новое небо и новая земля“. Самолю-себѣ упомянутая мѣра заслуживала дѣйствительно полное сочувствіе и если—какъ увидимъ сейчасъ—она повлекла за собою весьма прискорбныя явленія, то виной этого были съ одной стороны неблагопріятныя обстоятельства, а съ другой быть-можетъ то что Тюрго не принялъ мѣръ съ цѣлью обезпечить немедленный ея успѣхъ. 1774 годъ былъ тяжкимъ годомъ для Франціи; урожай оказался крайне плохимъ и цѣны на хлѣбъ стали быстро возвышаться. Масса народа болѣе чѣмъ когда-нибудь терпѣла нужду и въ невѣжествѣ своемъ объясняла свои дѣйствія только-что состоявшимся новымъ закономъ, тѣмъ болѣе что враги министра усердно распространяли слухъ будто положеніе дѣлъ должно съ каждымъ годомъ ухудшаться. „Къ сожалѣнію, говорить одинъ современникъ, весьма расположенный къ Тюрго, генераль-контролеръ не предвидѣлъ всѣхъ неудобствъ сопряженныхъ со свободой хлѣбной торговли, не предвидѣлъ происковъ монополистовъ и не принялъ мѣръ, чтобы противодѣйствовать имъ.“ Все это породило въ высшей степени прискорбныя явленія. Смуты вспыхнули сначала въ Дижонѣ, а затѣмъ приняли особенно опасный характеръ въ Версали и Парижѣ. При этомъ произошли сцены, служившія предвѣстіемъ революціи: толпы народа съ неистовыми криками собирались предъ королевскимъ дворцомъ, Лудовикъ XVI выходилъ на балконъ, пытался вразумить

мятежниковъ, но никто не хотѣлъ его слушать и онъ обливаясь слезами возвращался въ комнаты. Въ эти тяжкія минуты нисколько не поколебалось однако довѣріе его къ Тюрго; онъ написалъ ему между прочимъ записку, содержащую слѣдующія слова: „Чѣмъ многочисленнѣе ваши враги и чѣмъ опаснѣе ихъ происки, тѣмъ болѣе заслуживаете вы уваженія“. Тюрго назначенъ былъ даже временно военнымъ министромъ съ полномочіемъ принимать всѣ необходимыя мѣры для подавленія возстанія: „Дѣйствуйте рѣшительно, сказалъ ему Лудовикъ XVI,—когда совѣсть чиста такъ какъ она чиста у меня и у васъ, то нечего бояться людей“. Парламентъ не упустилъ случая заявить о своей оппозиціи, одобрилъ всѣ распоряженія правительства имѣвшія цѣлью оградить общественное спокойствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ ходатайствовать предъ королемъ о регулированіи цѣнъ на хлѣбъ; парламентъ былъ потребованъ въ Версаль, гдѣ долженъ былъ выслушать строгое порицаніе изъ устъ короля. Смуты продолжались нѣсколько дней сряду и кончились тѣмъ что какіе-то два проходимца, отнюдь не болѣе виновные чѣмъ множество другихъ, были повѣшаны на Гревской площади.

Въ современныхъ мемуарахъ разсказанныя нами печальныя смуты извѣстны подъ громкимъ именемъ „guerre des farines“. Объясняются онѣ, какъ кажется намъ, очень просто, но еще до сихъ поръ различные писатели толкуютъ ихъ въ ту и другую сторону, а г. Фонсенъ утверждаетъ даже что навсегда должны онѣ остаться „неразрѣшимой загадкой“. Происходить это отъ того что непремѣнно хотятъ видѣть въ нихъ слѣдствіе заговора и не согласны только въ томъ, кто именно были заговорщики. Г. Фонсенъ подробно разсматриваетъ вопросъ: слѣдуетъ ли обвинять королеву, или парламентъ, или духовенство, или партію Шуазёля или же начальника полиціи Ленуара? По его мнѣнію главными виновниками были откупщики, для которыхъ въ прежнее время хлѣбная торговля служила выгодною монополіей. Очень возможно что они старались раздуть пожаръ; между мятежниками было не мало лицъ у которыхъ нашли довольно крупныя суммы денегъ, хотя нельзя утверждать ничего положительнаго, ибо событія 1775 года не были предметомъ формальнаго судебнаго слѣдствія. Главную причину

зла все-таки слѣдуетъ искать въ бѣдственномъ и невѣ-
жественномъ состояніи народа.

Какъ бы то ни было, но популярность Тюрго нѣсколько
пострадала. Удивительное зрѣлище представляло это обра-
зованное, но легкомысленное и развращенное французское
общество, которое тотчасъ же готово было наброситься на
человѣка безупречнаго по своимъ добрымъ намѣреніямъ и
безлечно заигрывало съ революціей. Дамы стали носить
bonnets à la revolté; Парижъ громко распѣвалъ пѣсенки въ
родѣ слѣдующей:

Est ce Maupéou tant abhorré
Qui nous rend le blé cher en France?
Ou bien est-ce l'abbé Terray?
Est-ce le clergé, la finance?
Des jesuites est-ce vengeance?
Ou de l'Anglais un tour fallot?
Non, ce n'est point là se fin mot...
Mais voulez-vous qu'en confidence
Je vous le dise?.. C'est Turgot. *

Не прощали Тюрго и того обстоятельства что двое ви-
новныхъ были преданы смертной казни, разказывали чув-
ствительныя исторіи о томъ какъ даже сами судьи проли-
вали слезы, изрекая приговоръ этимъ несчастнымъ, и все
это съ цѣлью оставить министра въ противорѣчіе съ его
гуманными теоріями. Но наиболѣе чувствительный ударъ
нанесъ генералъ-контролеру Неккеръ своею брошюрой: *Sur
la législation et le commerce des grains*. Прежде чѣмъ напеча-
тать ее онъ явился съ нею, разказываетъ аббатъ Морелле,
къ Тюрго, „предложилъ ему прочесть эту брошюру и рѣ-
шить можетъ ли она быть издана въ свѣтъ; министръ нѣ-
сколько сухо отвѣчалъ автору что никто не запрещаетъ ему
издавать что угодно, что правительство не боится ничего,
что пусть сама публика будетъ судьей, не захотѣлъ даже
заглянуть въ рукопись—и все это съ тою презрительною
манерой которая была такъ свойственна ему когда дѣло шло
о противныхъ ему мнѣніяхъ. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго

* Не ненавистный ли Молиу причиной того что хлѣбъ вздорожалъ
во Франціи? Или аббатъ Терре, или же духовенство, капиталисты?
Не мѣсть ли это іезуитовъ или коварная продѣлка Англичанина?
Нѣтъ, разгадка не тутъ, но хотите ли чтобы по секрету я сказалъ
вамъ кто виновникъ? это—Тюрго.

преувеличенія, продолжаетъ аббать, ибо я самъ былъ у г. Тюрго и собственными ушами слышалъ разговоръ его съ Неккеромъ“. Брошюра появилась: кромѣ весьма суровой критики правительственныхъ распоряженій о хлѣбной торговлѣ она содержала въ себѣ немало ядовитыхъ замѣчаній о теоріяхъ экономистовъ вообще, но особенный успѣхъ имѣли тѣ ея страницы гдѣ, говоря о качествахъ какими долженъ былъ бы обладать настоящій государственный человѣкъ среди тогдашнихъ обстоятельствъ, Неккеръ, по общему убѣжденію, направилъ мѣткую сатиру противъ Тюрго.

Въ высшихъ сферахъ положеніе генераль-контролера было однако полпрежнему прочно. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ описанныхъ нами смуть король, по настояніямъ Тюрго, назначилъ министромъ Мальзерба, на содѣйствіе коего своимъ планамъ Тюрго могъ не безъ основанія разчитывать. Гжа Леспинасъ писала по этому поводу: „Оба они одинаково добродѣтельны, одинаково одушевлены любовью къ общественному благу. Никогда еще, рѣшительно никогда два человѣка столь просвѣщенные, безкорыстные и трудолюбивые не соединяли своихъ усилій для служенія болѣе высокимъ интересамъ. Можно быть увѣреннымъ что министерская ихъ дѣятельность оставитъ глубокіе слѣды въ памяти людей.“ Относительно характера между Мальзербомъ и Тюрго была однако значительная разниа; о первомъ изъ нихъ г. Фонсенъ выражается такимъ образомъ: „Человѣкъ прямодушный, но свисходительный, готовый искоренять зло, щадя однако виновниковъ этого зла, болѣе рѣшительный на словахъ чѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не столько государственный мужъ, сколько литераторъ и философъ, онъ былъ облеченъ властью вовсе не помогаясь ей и безъ сожалѣнія отказался бы отъ этой власти чтобы возвратиться къ изысканнымъ удовольствіямъ жизни спокойной, независимой и окруженной уваженіемъ.“ Противоположность между двумя министрами какъ нельзя лучше изображаетъ слѣдующій случай: въ королевскомъ совѣтѣ шла однажды рѣчь о какой-то радикальной административной мѣрѣ; Мальзербъ колебался и у него вырвалось восклицаніе: „Мѣрой этой я возстановлю противъ себя рѣшительно всѣхъ, а у меня уже и безъ того много враговъ.“—„Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Тюрго, пусть отвѣтственность падетъ на меня; я не страшусь увеличивать число своихъ недоброжелателей,—напро-

тивъ, чѣмъ сильнѣе ненавидятъ меня приверженцы злоупотребленій, тѣмъ болѣе доставляетъ мнѣ это удовольствіе.“ Въ томъ же году, нѣсколько поздне, занявъ мѣсто въ совѣтахъ короля челоувѣкъ, отъ котораго друзья государственнаго контролера ожидала чудесъ: графъ Сень-Жерменъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. То былъ, по выраженію г. Фонсена, „бѣшеный реформаторъ“ (un engagé réformateur). Предполагали даже будто Морело облегчилъ ему доступъ въ министерство съ коварною цѣлью внушить королю отвращеніе отъ реформъ. Когда-то Датское правительство возложило на него реорганизацію своей арміи; здѣсь возымѣлъ онъ о себѣ самое высокое мнѣніе и возвратившись въ отечество не давалъ покою министрамъ обширными записками, въ которыхъ излагалъ проекты различныхъ преобразованій. Одна изъ этихъ записокъ попала въ руки Тюрго, который на основаніи ея имѣлъ неосторожность заключить что такой-то челоувѣкъ и нуженъ былъ среди тогдашнихъ обстоятельствъ. Никто не отказывалъ графу Сень-Жермену въ извѣстномъ остроуміи, блескѣ, но умъ его былъ поверхностный, лишенный чувстватры, и протекло не много времени какъ Тюрго долженъ былъ убѣдиться что подобный союзникъ способенъ былъ своими безтактными дѣйствіями причинить ему только вредъ. Въ послѣдствіи не рѣдко была выражаема мысль что если онъ потерпѣлъ неудачу, то въ значительной степени былъ обязанъ этимъ графу Сень-Жермену.

Конечно, никакъ нельзя сказать чтобы въ это время не приходилось ему вести борьбы съ придворными интригами, съ происками людей, корыстные интересы коихъ уже были затронуты его преобразованіями или которые страшились что интересамъ этимъ будетъ скорѣ нанесенъ ударъ, но борьба эта еще не представляла ничего опаснаго. Королева не противилась реформамъ вообще, быть-можетъ потому что, литая отвращеніе ко всякимъ слишкомъ сложнымъ и серіознымъ вопросамъ, она не вникала въ ихъ смыслъ; различныя дѣйствія съ ея стороны, которыя возбуждали неудовольствіе Тюрго, ограничивались покровительствомъ фаворитамъ,—покровительствомъ, всегда сопряженнымъ съ значительными расходами. Такъ напримѣръ она настаивала чтобы жалованье гжи Ламбалль, вступившей въ завѣдываніе ея дворомъ, было назначено не менѣ

какъ въ 150.000 ливровъ. „Графъ Морело, лишетъ Мерси-Аржанто, воспользовался этимъ случаемъ чтобы заслужить милость королевы и вызвался изыскать средства которыми можно было бы исполнить ея желаніе. Ея величество осталась не менѣе довольна и г. Мальзербомъ, совершенно вошедшимъ въ ея виды; она холодна только къ генераль-контролеру, оказывающему противодѣйствіе, но надѣюсь что во время пребыванія двора въ Фонтенбло удастся расположить ее къ этому министру, ибо въ сущности она не имѣетъ причинъ жаловаться на него и онъ постоянно оказываетъ ей почтительную преданность.“ Дѣло гжи Ламбалль было улажено согласно волѣ Маріи-Антуанеты, но непрерывно возникали другія въ томъ же родѣ: нужно было противъ всякихъ правилъ назначить пенсію графинѣ Ла-Маршъ, улажить долги графа Эстергази, пріискать доходное мѣсто г. Базенвалю и т. п. Тюрго противился окольо было возможно, противился даже въ тѣхъ случаяхъ когда расходъ не превышалъ какихъ-нибудь 600 червонцевъ; установить разомъ строгую экономію тамъ гдѣ господствовала до него крайняя расточительность было конечно трудно и быть-можетъ простой расчетъ требовалъ чтобы онъ оказывался снисходительнымъ въ этомъ отношеніи, лишь бы обезпечить себѣ полную свободу дѣйствій на другомъ болѣе широкомъ полприщѣ. Во всякомъ случаѣ всѣ факты свидѣтельствуютъ, что въ этотъ періодъ времени всѣ дѣйствія короля отличались такою твердостью, какая не была вовсе въ его характерѣ. Онъ не дѣлалъ никакой существенно важной уступки противникамъ своего министра. Мы увидимъ что и въ послѣдствіи онъ еще долго оставался непоколебимъ среди усилившихся интригъ.

Наступилъ 1776 годъ, годъ паденія Тюрго. Въ самомъ началѣ его генераль-контролеръ представилъ на утвержденіе короля шесть узаконеній, надъ которыми трудился онъ очень долго и которыя касались наиболѣе важныхъ изъ задуманныхъ имъ реформъ. Они должны были произвести существенныя измѣненія въ прежнемъ порядкѣ вещей, и враги Тюрго ожидали ихъ, быть-можетъ, еще съ большимъ нетерпѣніемъ чѣмъ его друзья. Необходимо остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе, ибо ими и оцѣнивается главнымъ образомъ дѣятельность знаменитаго министра. Первое изъ упомянутыхъ узаконеній

имѣло въ виду замѣнить барщину (*corvée*) при проведеніи и исправленіи дорогъ денежною повинностью. Давно уже необходимость этой реформы сознавалась просвѣщенными людьми, но находилось также не мало людей которые не хотѣли о ней и слышать. До какой степени дикія понятія на этотъ счетъ существовали во французскомъ обществѣ, можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующаго письма къ Тюрго одного изъ его пріятелей, Трюдена: „Вчера провелъ я вечеръ съ президентомъ Флѣри (однимъ изъ президентовъ Парижскаго парламента), который принадлежитъ, какъ вамъ извѣстно, къ партіи принца Конти: эта партія сильно возстаётъ противъ намѣренія привлечь къ платежу повинностей дворянство и вообще привилегированныя сословія. Президентъ прямо высказалъ мнѣ, что по его мнѣнію всѣ повинности должны падать исключительно на народъ, который уже по самому происхожденію своему долженъ быть облагаемъ податями и барщиной по произволу. Въ разговорѣ я позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе что неблагоразумно роптать на короля если онъ рѣшается выступить защитникомъ угнетенныхъ, но президентъ Флѣри возразилъ что именно подобная система деспотизма процвѣтаетъ въ Константинополѣ, гдѣ считаютъ долгомъ возстановлять народъ противъ знати.“ Тюрго приходилось конечно и прежде слышать подобныя мнѣнія и вотъ почему въ объяснительныхъ запискахъ къ проектамъ своихъ реформъ онъ постоянно и весьма подробно излагалъ взгляды, вѣрность коихъ не подлежала, съ его точки зрѣнія, ни малѣйшему сомнѣнію. Къ сожалѣнію эти официальные документы, выходившіе изъ-подъ его пера, отличались недостатками общими его школѣ,—недостатками, вызвавшими слѣдующее глубоко вѣрное замѣчаніе Токвилля: * „На каждой страницѣ встрѣчаемъ мы общія фразы, отвлеченные термины, претензіи въ литературной отдѣлкѣ; этотъ стиль проникъ во всѣ классы общества, до самыхъ низшихъ его слоевъ; задолго до революціи въ эдиктахъ короля Людовика XVI упоминалось о естественномъ законѣ и правахъ человѣка.“ Къ проекту реформы о которой мы говоримъ Тюрго также присоединилъ объяснительную записку. Онъ развивалъ въ ней между прочимъ ту мысль что содержаніе и исправ-

* *L'ancien regime et la revolution.* 247.

леніе казенныхъ дорогъ падало до того времени на неимущій людъ, тогда какъ „дороги доставляютъ пользу людямъ богатымъ, обезпечивая правильный сбытъ произведеній принадлежащихъ имъ земель.... Вотъ почему, продолжалъ генераль-контролеръ, исключительно одни землевладѣльцы обязаны нести расходы по содержанію дорогъ, ибо лишь они извлекаютъ изъ нихъ выгоды.... Справедливо ли, читаемъ далѣе, побуждать къ этому людей которые лишены всякой собственности? Справедливо ли отнимать у нихъ безплатно и время и трудъ, заставляя ихъ работать на грабдавъ несравненно болѣе ихъ богатыхъ? Вотъ до какихъ заблужденій способно дойти общество, забывая что только справедливость (*la justice*) можетъ поддерживать равновѣсіе между всеми правами и всеми интересами“. Если мы удивляемся приведенному выше мнѣнію президента Флёрі, который желалъ возложить все бремя повинностей на низшее сословіе на томъ основаніи что одно будто бы только для того и создано, то не менѣе удивителенъ взглядъ Тюрго, что удобными путями сообщенія могутъ пользоваться лишь зажиточные классы общества. Это не было однимъ изъ случайныхъ заблужденій замѣчательнаго мыслителя и государственнаго человѣка. Оно находилось въ тѣсной связи со всеми вообще воззрѣніями неукротимо распространившимся тогда во французскомъ обществѣ и нельзя не согласиться съ Токвиллемъ что провозглашая ихъ съ подобавшимъ ему авторитетомъ Тюрго долженъ быть причисленъ къ числу тѣхъ которые безсознательно подготавливали революцію.

Другое не менѣе важное узаконеніе было направлено противъ промышленныхъ корпорацій и цеховъ. Выставивъ на видъ до какой степени эти замкнутыя въ самихъ себѣ и не допускавшія никакого съ собою соперничества учрежденія не соответствуютъ духу времени, Тюрго совершенно отмѣнялъ ихъ. Полная свобода была предоставлена заниматься какимъ угодно ремесломъ и безпрепятственно продавать свои произведенія. И тутъ впрочемъ обнаружился радикальный характеръ предначертаній генераль-контролера, который не только наносилъ ударъ стариннымъ, злоупотреблявшимъ своею монополіею цехамъ, но не хотѣлъ чтобъ они возникли даже на другихъ, свободныхъ началахъ: „воспрещаемъ, гласилъ декретъ, всемъ хозяевамъ, работникамъ, ученикамъ образовывать изъ себя какую бы то ни было

ассоціацію и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“. Остальные проекты реформъ — имѣвшіе цѣлью окончательно обезпечить свободу торговли хлѣбомъ и скотомъ въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ, а также отмѣнявшіе лошаины на сало во всемъ королевствѣ — представляли сравнительно съ упомянутыми выше менѣе важности. Можно замѣтить только что и въ нихъ Тюрго не пощадишь поборниковъ отжившаго порядка вещей. Говоря наприимѣръ о полицейскихъ постановленіяхъ относительно продажи хлѣба онъ сильно напалъ на судебное сословіе, ибо „означенныя постановленія даютъ только поводъ членамъ парламента щеголять во время голода своею отеческою заботливостію (*faire parade de leur sollicitude paternelle*) и приказывая производить обыски въ жилищахъ земледѣльцевъ и торговцевъ выставлѣть себя покровителями народа“.

Проекты Тюрго возбудили волю негодованія въ высшихъ слояхъ французской пубрики, подразумѣвая тутъ не одно только аристократическое сословіе. Въ книгѣ г. Фонсева приведено много фактовъ, изъ которыхъ видно до какихъ крайностей доходило раздраженіе умовъ. Даже друзья Тюрго не скрывали отъ него этого прискорбнаго явленія и старались только по мѣрѣ силъ противоудѣствовать ему: такъ наприимѣръ Сень-Ламберъ извѣщалъ министра что среди тогдашнихъ обстоятельствъ, въ виду нерасположенія къ нему общественнаго мнѣнія (*dans ce moment où la voix du public, qui n'est pas la voix publique, est contre vous*), академія желала бы доказать до какой степени она цѣнитъ его заслуги избравъ его своимъ членомъ. Тюрго откровенно сознавался что вся его надежда только на короля, и надежда эта не была обманута. Извѣстны слова которыя вырвались у Лудовика XVI именно въ описываемое время: „только я и г. Тюрго любимъ народъ“. Г. Фонсенъ ставитъ въ упрекъ королю что предварительно онъ пожелалъ знать мнѣніе о проектахъ Тюрго хранителя государственной печати Миромениля, всегда склонявшагося на сторону парламента, но — какъ увидимъ сейчасъ — желаніе выслушать и противную сторону вовсе не обозначало со стороны Лудовика XVI намеренія подчиниться ей. Миромениль составилъ записку, содержавшую нѣсколько основательныхъ замѣчаній: оставляя въ сторонѣ странный для насъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли обременять повинностями и высшіе классы общест ва

онъ взглянулъ на реформы Тюрго, преимущественно на превращеніе повинности дорожной изъ натуральной въ денежную, съ практической стороны, доказывалъ что если мѣра эта будетъ примѣнена круто, то дороги очутятся въ самомъ жалкомъ положеніи, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ барщина служила единственнымъ средствомъ поддерживать ихъ, что слѣдовало бы только облегчить ее или же предоставить возможности отъ нея откупаться. Король прочелъ записку Миромениля, но не былъ убѣжденъ ея доводами.

Попрежнему считалъ онъ дѣло генераль-контролера своимъ собственнымъ дѣломъ, хотя уже предвидѣлъ ожесточенную оппозицію со стороны парламента, и намѣренія Людовика XVI на этотъ счетъ были такъ тверды, что никто изъ самымъ ближнихъ ему лицъ не отваживался открыто противорѣчить имъ. Именно въ эти дни королева Марія-Антуанета писала своей матери: „Эдикты о которыхъ такъ много говорятъ теперь подадутъ вѣроятно поводъ къ новымъ распрямъ съ парламентомъ; надѣюсь что дѣло не зайдетъ такъ далеко какъ въ предшествовавшее царствование и что король заставитъ уважать свою власть.“

Парламентъ дѣйствительно послѣшилъ занять мѣсто во главѣ оппозиціи, лишь только пронеслась вѣсть что законоположенія выработанныя Тюрго были утверждены королемъ. Прежде чѣмъ разыгралось генеральное сраженіе происходили мелкія стычки, доказывавшія что парламентъ не отступалъ ни предъ какими средствами съ цѣлью досадить министру. Онъ началъ съ того что возбудилъ цѣлый рядъ преслѣдованій противъ близкихъ ему лицъ. Такъ напримѣръ запрещена была имъ брошюра Кондорсе *De l'abolition des corvées*, но еще болѣе шума надѣлало подобное же запрещеніе, которому подверглась брошюра Бонсерфа: *Les inconvénients des droits féodaux*. Объ авторѣ ея было извѣстно что онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Тюрго, слѣдовательно представлялся удобный случай нападая на него задѣтъ косвенно и генераль - контролера, къ чему и не задумался прибѣгнуть въ своей рѣчи генераль-адвокатъ Серье. Тюрго настоялъ тогда на отмѣнѣ приговора, что еще болѣе усилило взаимное раздраженіе. Съ одной стороны министръ оказывалъ явное покровительство Бонсерфу, а съ другой, парламентъ утверждалъ что брошюра

этого послѣдняго „оскорбительна для законовъ и обычаевъ страны, нарушаетъ священные и неотъемлемыя права короны, колеблетъ частную собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ основы государственнаго устройства, стремясь возстановить вассаловъ противъ сувереновъ, права коихъ выставлены въ ней несправедливыми, обременительными для другихъ и смѣшными“. Послѣднее слово въ этой борьбѣ принадлежало королю. „Было бы чудомъ, писалъ Кондорсе Вольтеру, еслибы вся эта исторія разыгралась спокойно и чуда этого мы ожидаемъ исключительно отъ твердости короля.“ Парламентъ съ своей стороны разчитывалъ, напротивъ, что въ рѣшительную минуту у Лудовика XVI не хватитъ мужества идти наперекоръ общественному мнѣнію. Онъ постановилъ обратиться къ нему съ „почтительными возраженіями“ по поводу новыхъ законовъ. По истеченіи двухъ дней король отвѣчалъ: „я разсмотрѣлъ ваши возраженія и не нашелъ въ нихъ ничего такого что еще прежде не было со стороны правительства предметомъ зрѣлаго и внимательнаго обсужденія“. Тогда парламентъ отважился на крайнюю мѣру, а именно онъ узаконилъ (т.-е. занесъ въ свои реестры или протоколы, обнародовалъ) лишь одинъ и самый неважный изъ королевскихъ эдиктовъ и отвергъ всѣ остальные. Чтобы сломить эту оппозицію не было другаго средства какъ прибѣгнуть къ такъ-называемому *lit de justice*,—торжественному засѣданію, въ которомъ король, призвавъ парламентъ, повелѣвалъ ему своею властью исполнить то, къ чему тотъ не склонялся по доброй волѣ.

Современные мемуары сохранили намъ много подробностей объ этомъ засѣданіи, извѣстно также и содержаніе рѣчей произнесенныхъ представителями парламента. Въ нихъ проглядывало явное намѣреніе залугать Лудовика XVI изобразивъ ему картину бѣдствій которымъ должна подвергнуться Франція если правительство не уклонится отъ избраннаго имъ лута. „Вся окружающая насъ въ эту минуту обстановка, говорилъ между прочимъ первый президентъ Амигръ, и рѣшительная мѣра къ которой обратились ваше величество, внушаютъ вашимъ подданнымъ чувство невольнаго страха. По какой причинѣ—куда бы ни обратились ваши взоры—вы видите повсюду выраженіе мрачной грусти? Народъ встревоженъ, столица въ смятеніи, дворянство погружено въ глубокую печаль.... Боюсь продолжать, чтобы не

смутить горькою правдой чувствительное сердце вашего величества.“ Одинъ за другимъ ораторы парламента старались выставить весь вредъ новыхъ узаконеній, которыя встрѣтили официальнаго защитника въ лицѣ Миромениля, исполнившаго свою задачу съ большимъ искусствомъ, хотя, какъ уже извѣстно намъ, онъ вовсе не принадлежалъ къ приверженцамъ Тюрго. Въ теченіе этихъ долгихъ прерій король ничѣмъ не обнаружилъ волювавшихъ его чувствъ и выслушивая возраженія парламента приказывалъ заносить въ реестры (*enregistrer*) одинъ изъ эдиктовъ за другимъ.

Такимъ образомъ если Тюрго одержалъ полную побѣду, то онъ былъ обязанъ этимъ исключительно твердости обнаруженной Лудовикомъ XVI. Даже г. Фоссеъ, относящійся несочувственно къ королю, долженъ сознаться что положеніе его было крайне затруднительно. „Не трудно представить себѣ его, замѣчаетъ онъ, во время этого торжественнаго засѣданія, когда подъ вліяніемъ тревожной мысли о лежавшей на немъ отвѣтственности, всюду обращалъ онъ неуверенные взоры и старался прочесть на лицахъ окружающихъ его членовъ парламента тѣ опасенія и ту печаль, о которыхъ они ему говорили. Мы понимаемъ тайное безпокойство его когда пришлось ему выслушать отъ главнаго представителя французской юстиціи что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ реформъ будетъ общее неудовольствіе, смуты, нищета, финансовое разореніе, словомъ, гибель государства.“ Два враждебные лагеря вступили въ ратоборство на глазахъ короля и онъ призванъ былъ явиться судьей правоты ихъ дѣла. Многіе повторяютъ что Лудовику XVI не слѣдовало колебаться въ этомъ случаѣ, что ему нужно было только прислушиваться къ голосу лучшей части общественнаго мнѣнія: мы скажемъ сейчасъ объ этомъ общественномъ мнѣніи, а теперь замѣтимъ лишь что даже мнѣніе людей требовавшихъ радикальныхъ реформъ вовсе не было такъ единодушно какъ привыкли обыкновенно думать. Во главѣ ихъ находился Вольтеръ; съ начала и до конца онъ былъ восторженнымъ поклонникомъ Тюрго; онъ писалъ между прочимъ: „вамъ суждено положить начало прекрасной эпохѣ, но я буду присутствовать только при первой ея зарѣ“; онъ посвятилъ свое перо прославленію дѣятельности министра и велъ безпощадную войну съ его врагами. Среди разгара страстей, возбужденнаго королевскими эдиктами, онъ издалъ

между прочимъ два памфлета: (*Lettre du révérend père Polycarpe à M. Segquier* и *Lettre d'un bénédictin de Franche-Comté à M. Segquier*), въ которыхъ съ неподражаемою ироніей клеймилъ образъ дѣйствій парламента. Но даже и Вольтеръ не думалъ отрицать что едикты подавали поводъ ко многимъ вѣскимъ возраженіямъ, особенно самый важный изъ нихъ, касавшійся замѣны натуральной повинности денежною для содержанія дорогъ. Онъ полагалъ что барщина могла бы быть сохранена съ нѣкоторыми ограниченіями. „Почему барщина такъ ненавистна? говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дюлоу: потому что крестьянъ посылаютъ за три или четыре мили отъ ихъ жилища не давая имъ ни какой платы, ни даже пищи и заставляя ихъ трудиться по цѣлымъ суткамъ, которые они могли бы употребить гораздо болѣе производительно для обработки своихъ полей. Пусть каждый изъ нихъ работалъ бы по близости отъ своего участка, пусть каждый приходъ (*paroisse*) исполнялъ бы эту повинность въ своихъ предѣлахъ и тогда тягость ея сдѣлалась бы почти незамѣтною.“ Въ другомъ письмѣ Вольтеръ говоритъ: „сознаюсь что нѣкоторые аргументы генералъ-адвоката Сегье произвели на меня сильное впечатлѣніе“. Вопросъ представлялся слѣдовательно далеко не столь яснымъ, какимъ считалъ его Тюрго, и тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ оцѣнить поддержку оказанную ему Лудовикомъ XVI.

Успѣхъ лишь поощрилъ его къ дальнѣйшимъ и столь же энергическимъ мѣрамъ. Ни для кого не было тайной что онъ подготовлялъ проекты новыхъ преобразованій, хотѣлъ ограничить бюджетъ королевскаго двора, установить подъ названіемъ *subvention territoriale* новый налогъ, долженствовавшій ластъ безразлично на всѣ движимыя и недвижимыя имущества, измѣнить систему соляной регалии, установить законность протестантскихъ браковъ и т. д., но вражда окружала его со всѣхъ сторонъ. Много повредилъ ему военный министръ графъ Сенъ-Жерменъ, который избралъ именно эту минуту, чтобы довершить свои неудачныя реформы цѣлымъ рядомъ самыхъ странныхъ распоряженій. Съ цѣлью поддержать въ арміи простоту и суровость воинскихъ нравовъ онъ распредѣлялъ сколько товарищей офицеръ каждаго чина можетъ приглашать къ себѣ на обѣдъ и сколько блюдъ должно появляться на его столѣ, требовалъ чтобы

офицеры по праздникамъ ходили съ своими командами въ церковь, предписавъ наконецъ употреблять относительно нижнихъ чиновъ тѣлесныя наказанія фухтелями, ибо наказаніе это, по словамъ его: „слѣдуетъ считать по преимуществу военнымъ, и наиболѣе знаменитыя націи, у которыхъ было сильно развито чувство чести, не прибѣгали почти ни къ какому другому“. Конечно, было бы въ высшей степени несправедливо возлагать на Тюрго отвѣтственность за эти неслѣпости, но враги его разсуждали иначе: они указывали на то что Тюрго способствовалъ возвышенію Севъ-Жермена, что онъ рекомендовалъ его хорошо и что между ними должна существовать тѣсная солидарность. Брошюры и памфлеты, направляемыя противъ министра, появлялись почти ежедневно; особенный успѣхъ имѣли куллеты, подъ названіемъ: *Prophetie Turgotine*, въ которыхъ выставлена была судьба ожидавшая Францію еслибъ осуществлены были всѣ реформы Тюрго:

On verra tous les états
 Entre eux se confondre,
 Les pauvres sur leurs grabats
 Ne plus se morfondre.
 Des biens on fera des lots
 Qui rendront les gens égaux.
 De même pas marcheront
 Noblesse et roture;
 Les Français retourneront
 Au droit de nature.
 Plus de moines langoureux,
 De plaintives nonnes;
 Au lieu d'adresser aux cieux
 Matines et nones,
 On verra ces malheureux
 Danser abjurant leurs vœux *.

---

* Тогда всѣ сословія сольются между собою; бѣдные перестанутъ дрожать отъ холода на своихъ одрахъ; имущества раздѣлятся на части, которыми обогатятся уравниваемые въ правахъ люди. Въ однихъ и тѣхъ же рядахъ пойдутъ дворянство и чернь; Французы возвратятся къ состоянію природы. Не будетъ болѣе томныхъ монаховъ и жалобныхъ монахинь: вмѣсто того чтобы возносить утреннія и вечернія молитвы къ Небу, эти несчастные станутъ плясать, отрекшись отъ своихъ обѣтовъ.

Къ этому-то времени относится брошюра графа Прованскаго, брата короля: *Le songe de M. Maureraz*, о которой мы упоминали въ началѣ нашей статьи. Если человѣкъ столь близкій къ Лудовику XVI позволялъ себѣ прибѣгать къ самой озабоченной полемикѣ, то какой же сдержанности можно было ожидать отъ другихъ? Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ что вина падала тутъ не на одну только сторону: приверженцы Тюрго въ своихъ брошюрахъ высказывали такія вещи, которыя не могли не компрометтировать ихъ, напримѣръ, Ланжюине, выступившій въ обширномъ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ *Le parfait monarque* (типомъ этого образцоваго монарха служилъ для него императоръ Іосифъ II) съ апологіей народнаго возмущенія. Парламентъ, вѣрный своей обычной тактикѣ, старался направлять удары не столько противъ поклонниковъ Тюрго сколько противъ ихъ могущественнаго покровителя; онъ запретилъ упомянутую сейчасъ книгу, но вся обвинительная рѣчь Сегье была направлена, хотя и косвенно, противъ генераль-контролера. Тюрго отвѣчалъ ему запальчивымъ письмомъ; парламентъ обратился съ жалобой къ королю и такимъ образомъ послѣднее слово, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, принадлежало Лудовику XVI, стоявшему среди двухъ враждебныхъ лагерей.

Онъ долженъ былъ бы обладать лишившійся необычайною силой воли чтобы сохранить непоколебимое спокойствіе въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Лудовикъ XVI могъ бы еще выполнить ту роль, которую навязывалъ ему Тюрго, еслибъ общественное мнѣніе раздѣлилось, еслибы хотя въ одной части его онъ встрѣчалъ себѣ опору, но нужно кажется считать несомнѣннымъ фактомъ что все общественное мнѣніе было противъ генераль-контролера. Г. Фоксенъ подробно исчисляетъ въ своей книгѣ изъ какихъ элементовъ состояла враждебная ему партія: ненавидѣли его, говоритъ онъ, придворные, ибо они-то главнымъ образомъ и питались всякаго рода злоупотребленіями, а Тюрго намѣревался еще ограничить бюджетъ королевскаго двора; ненавидѣло его духовенство за его либеральный образъ мыслей, за его вѣротерпимость и близкія сношенія съ энциклопедистами; ненавидѣли его откупщики казенныхъ доходовъ, потому что онъ старался обуздать ихъ алчность

и ввести болѣе порядка въ финансовомъ управленіи; ненавидѣли парламенты, по причинамъ о которыхъ было бы излишне распространяться здѣсь послѣ всего сказаннаго выше; ненавидѣли торговцы и фабриканты, заинтересованные въ сохраненіи прежнихъ цеховъ; ненавидѣла армія, ибо не дѣлала различія между нимъ и графомъ Сенъ-Жерменомъ; не любилъ его и народъ, не выдавшій еще никакихъ непосредственныхъ выгодъ для себя отъ отмены запрещеній стѣснявшихъ хлѣбную торговлю. „Словомъ, говоритъ г. Фоксенъ (не забудемъ что это, признаніе вырывается у человека который безусловно оправдываетъ Тюрго и рѣзко обвиняетъ Лудовика XVI), *все* классы общества были одинаково встревожены, *все* они находились подъ вліяніемъ неотвязной мысли что имъ угрожаетъ какая-то неизвѣстная катастрофа.“ Если Тюрго и пользовался въ самомъ началѣ популярностью, то чрезъ короткое время онъ совершенно утратилъ ее, вотъ чего не слѣдуетъ упускать изъ виду. Трудно сказать въ какой средѣ сохранилъ онъ за собою прежнее свое обаяніе; въ средѣ ли людей стоявшихъ тогда во главѣ умственнаго движенія страны? Правда, энциклопедисты, экономисты, философы, какъ ихъ называли, были очень преданы ему, но они составляли лишь кружокъ, хотя и очень вліятельный, и къ тому же въ кружкѣ этомъ далеко не было единодушія по отношенію къ Тюрго. Въ салонахъ гжи Дюдефанъ напримѣръ, вражда къ нему проявлялась отнюдь не менѣе рѣзко чѣмъ между придворными въ Версали. Сенъ-Ламберъ, какъ упомянуто выше, увѣрялъ будто бы Французская Академія хотѣла избрать его своимъ членомъ; не знаемъ дѣйствительно ли это было такъ, ибо избраніе не состоялось, но намъ хорошо извѣстно что когда Тюрго удалился отъ дѣлъ, то въ торжественномъ засѣданіи этой Академіи одинъ изъ ея членовъ произнесъ рѣчь, которую нельзя назвать иначе какъ сатирой на него. До Лудовика XVI доходили выраженія недовольства не со стороны только приверженцевъ отживавшаго порядка вещей но и со стороны людей которые не принадлежали къ ихъ числу и сами мечтали о смѣлыхъ реформахъ. Доказательствомъ служить между прочимъ Неккеръ, пользовавшійся позднѣе популярностью несравненно болѣе обширною чѣмъ Тюрго, чуть не сдѣлавшійся одно время идоломъ Французскаго народа. Онъ не довольствовался тѣмъ что ослари-

валъ генераль-контролера въ своихъ брошюрахъ, а старался повліять на самого короля. Въ послѣдніе мѣсяцы министерства Тюрго, одинъ изъ его друзей, маркизь Пезе, нашелъ доступъ къ королю, имѣлъ съ нимъ тайныя совѣщанія и совѣщанія эти были такого рода что многіе въ послѣдствіи считали Неккера главнымъ виновникомъ паденія Тюрго. * Ясно изъ всего этого что Лудовикъ XVI поколебался не вслѣдствіе только придворной интриги, а подъ вліяніемъ того, что куда ни обращалъ онъ взоры, нигдѣ не встрѣчалъ онъ ничего такого что могло бы поддержать въ немъ увѣренность въ успѣхѣ усвоеннаго имъ образа дѣйствій.

Интрига начала дѣйствовать смѣло лишь послѣ того какъ король уже разочаровался въ Тюрго. Разказываютъ будто бы впервые выразилъ онъ свои сомнѣнія графу Морепа, который отвѣчалъ ему: „Я очень радъ что у вашего величества открылись наконецъ глаза; генераль-контролеръ—сумашедшій; романическая голова его постоянно наполнена бреднями.“ Изъ писемъ Мерси-Аржанто къ Маріи-Терезіи мы видимъ что именно въ эту минуту враги Тюрго при дворѣ старались выдвинуть на первый планъ Марію-Антуанету, которая съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ поддавалась ихъ наветамъ. Она никогда не любила Тюрго, но до сихъ поръ сдерживалась по крайней мѣрѣ въ выраженіи своихъ чувствъ; теперь же явно сдѣлалась руководительницей или вѣрнымъ орудіемъ противной ему партіи. Особенно возстановило ее противъ министра слѣдующее обстоятельство: мѣсто французскаго посла въ Лондонѣ занималъ графъ Гивъ, человекъ съ изящными манерами и очень пріятный въ обществѣ, но пользовавшійся самою незавидною репутаціей. Онъ былъ замѣшанъ въ скандальномъ процессѣ, въ которомъ главнымъ его обвинителемъ явился секретарь Французскаго же посольства Туръ - де-ла-Сондъ. Исторія эта тянулась нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Гивъ былъ другомъ ближайшихъ друзей Маріи-Антуанеты и королева употребляла все свое вліяніе въ его пользу; она настояла на томъ чтобы ему было разрѣшено обнародовать въ свое оправданіе различные дипломатическіе документы,

---

* Въ послѣднее время, подъ заглавіемъ *Journal de Louis XVI*, обнародованы были замѣтки короля, достаточно подтвердившія основательность этого обвиненія противъ Неккера.

долженствовавшіе составлять тайну, и она же непременно хотѣла сохранить за нимъ званіе посла, хотя это представлялось совершенно невозможнымъ. Не только Тюрго, но и министръ иностранныхъ дѣлъ Верженъ указывалъ на необходимость отозвать его изъ Англіи. Король одно время согласился на это, но затѣмъ, не будучи въ состояніи противиться своей супругѣ, отменилъ свое прежнее рѣшеніе, даровалъ Гиню герцогскій титулъ и даже собственноручно, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, извѣстилъ его объ этой милости. Вотъ какъ Мерси-Аржанто разказывалъ императору объ этомъ событіи, сильно занимавшемъ Версальскій дворъ: „Не могу и не хочу скрывать отъ вашего величества что съ нѣкотораго времени дѣла приняли здѣсь оборотъ столько же неблагоприятный для истиннаго блага королевы, сколько приводящій меня въ отчаяніе; вы изволите усмотрѣть что королева пользуется своимъ вліяніемъ такимъ образомъ что можетъ въ послѣдствіи навлечь на себя справедливыя нареканія какъ со стороны своего супруга, такъ и со стороны всей націи. Въ дѣлѣ графа Гиня король очутился въ явномъ противорѣчій съ самимъ собою. Письмами къ графу Вержену и графу Гиню, написанными почти одновременно, но находящимися въ рѣзкомъ противорѣчій одно съ другимъ, онъ компрометтировалъ и себя и всѣхъ своихъ министровъ въ глазахъ публики, которой хорошо извѣстно что во всемъ этомъ главную роль играетъ капризъ королевы. Вслѣдствіе того генераль-контролеръ хотѣлъ отказаться отъ своей должности, а королева настаивала чтобъ онъ былъ просто - на - просто выгнанъ (*chassé*) или даже отправленъ въ Бастилію въ тотъ самый день когда графъ Гинъ получитъ герцогскій титулъ. Потребовались самыя сильныя и неотступныя увѣщанія чтобы смягчить ея гнѣвъ, хотя въ сущности единственною причиною этого гнѣва слѣдуетъ считать то что г. Тюрго совѣтовалъ отозвать графа Гиня изъ Англіи. Ея величество требуетъ также, и по той же причинѣ, отставки графа Вержена и я еще не знаю удастся ли отклонить ее отъ этого намѣренія. Ваше величество удивитесь конечно что графъ Гинъ, къ которому королева не чувствуетъ никакой личной склонности, является виновникомъ столь сильнаго переполоха; разгадку этого нужно искать въ лицахъ окружающихъ королеву и связанныхъ узами тѣсной дружбы съ графомъ

Гинемъ. Королеву буквально осаждаютъ со всѣхъ сторонъ; она хочетъ отдѣлаться отъ этой назойливости, но тогда стараются затронуть ея самолюбіе, раздражить ее, очернить въ глазахъ ея тѣхъ которые для ея же блага противятся ея прихотямъ; все это устраивается на скачкахъ или среди другихъ развлеченій, а также на вечерахъ у придѣссы Гемене; словомъ интрига не даетъ времени королевѣ сосредоточиться на чемъ-нибудь, отрезвиться отъ празднествъ и удовольствій и въ иные минуты положительно невозможно обратиться къ ней со словами разсудка....“

Поводомъ къ катастрофѣ послужилъ выходъ въ отставку Мальзербъ. Онъ добровольно удалился отъ дѣлъ, ибо его утомляла борьба, для которой онъ вовсе не былъ созданъ. Придворная партія тотчасъ же выставила преемникомъ ему интенданта Амело, извѣстнаго—по выраженію Кондорсе— „глупостью выходящею изъ обычнаго уровня“ (*une bêtise au-dessus de l'ordre commun*) и король согласился на это назначеніе. Тюрго понялъ что ударъ нанесенъ и ему и поспѣшилъ въ Версаль для объясненій съ Лудовикомъ XVI, но не могъ добиться аудіенціи. На другой день, 12го мая 1776 года, графъ Морепъ сообщилъ ему указъ объ его отставкѣ. Современные мемуары излагаютъ это событіе нѣсколько иначе: по словамъ ихъ между королемъ и Тюрго произошла сцена, доказавшая министру что онъ безвозвратно утратилъ свое вліяніе. Онъ читалъ будто бы королю подробную записку касавшуюся одной изъ задуманныхъ имъ реформъ, которую тотъ слушалъ съ видимымъ нетерпѣніемъ и подъ конецъ сухо спросилъ его: „это все?“—„Все, ваше величество.“—„Тѣмъ лучше“, произнесъ Лудовикъ и повернулся къ нему спиной. Не говоря уже о томъ что разказъ этотъ идетъ изъ такого источника которому нельзя безусловно довѣрять, едва ли согласуется онъ съ тогдашнимъ настроеніемъ короля; Лудовикъ XVI не устоялъ противъ оппозиціи въ которой соединились почти всѣ классы общества, но болѣе чѣмъ когда-нибудь предвидѣлъ онъ въ эту минуту сколько тяжкихъ испытаній ожидаетъ его въ будущемъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ слова сказанныя имъ Мальзербу при разставаньи: „какъ вы счастливы! Какъ я завидую вамъ что не могу также покинуть своего мѣста“...

Отставка Тюрго была событіемъ столь важнымъ что

даже лица бывшія главными ея виновниками не рѣшались открыто принять на себя отвѣтственность за нее. Къ числу этихъ лицъ принадлежала между прочимъ и королева Марія-Антуанетта. Она старалась всячески оправдаться предъ своею матерью. „Сознаюсь, писала она ей, что я очень довольна удаленіемъ министровъ, но я не принимала въ этомъ никакого участія.“ Марія-Терезія, зная правду чрезъ Мерси-Аржанто, не пощадила ее въ своемъ отвѣтѣ. „Пріятно было слышать мнѣ, говорила она, что вы не принимали участія въ удаленіи министровъ, которые пользовались хорошею репутаціей и сдѣлали ошибку по моему мнѣнію развѣ только въ томъ отношеніи что предприняли заразъ слишкомъ много. Вы сознаетесь что въ сущности довольны выходомъ ихъ въ отставку; должно-быть у васъ есть для этого основательныя причины, но мнѣ извѣстно что съ нѣкотораго времени публика не отзывается о васъ съ такими похвалами какъ прежде и приписываетъ вамъ различныя мелкіе проулки (toute sorte de petites menées) не приличные въ вашемъ положеніи...“ Партія къ которой болѣе или менѣе принадлежалъ Тюрго по своему образу мыслей предавалась глубокому отчаянію. „Вы видите что я не умеръ, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Вольтера, потому что пишу вамъ, но въ сущности нужно считать меня умершимъ съ тѣхъ поръ какъ г. Тюрго не стоитъ уже во главѣ управленія.“ „Увы, восклицалъ Кондорсе, все это былъ лишь сонъ, хотя сонъ обольстительный; къ несчастію онъ длился слишкомъ не долго; теперь не остается мнѣ ничего болѣе какъ возвратиться къ геометріи и философіи.“ За то масса публики торжествовала; „чтобъ имѣть понятіе объ ея восторгѣ, писалъ кому-то Мармонтель, представьте себѣ шайку разбойниковъ въ Бондійскомъ лѣсу, которымъ вдругъ пришла сказать что начальникъ полиціи выгнанъ изъ службы“.

Къ какому же выводу приходимъ мы относительно дѣятельности Тюрго?

Изъ того что дѣятельность его не увѣнчалась успѣхомъ еще нельзя заключать будто бы положеніе Франціи было таково что время мирныхъ реформъ миновало для этой страны и что уже не было средства оградить ее отъ революціоннаго разгрома. Быть-можетъ подобная попытка и удалась бы еслибы во главѣ Франціи очутился настоящій государственный человѣкъ, но Тюрго не былъ имъ, несмотря

на все свои блестящія способности, обширныя свѣдѣнія и безкорыстную заботливость объ общемъ благѣ. Онъ слишкомъ много полагался на свои теоріи и слишкомъ мало принималъ въ расчетъ живыя силы съ которыми приходилось ему имѣть дѣло; онъ хотѣлъ однимъ осуществить все реформы и осуществить ихъ такъ чтобы чрезъ десять лѣтъ (это его собственныя слова) Франція была неузнаваема; онъ не допуская никакихъ уступокъ, не вступалъ ни въ какія сдѣлки и принадлежалъ въ этомъ отношеніи къ числу людей для которыхъ на французскомъ языкѣ есть мѣткій терминъ—*intransigent*; какъ скоро тотъ или другой принципъ казался ему вѣренъ, онъ не колебался примѣнять его съ крайнею послѣдовательностью, не обращая вниманія на интересы долженствовавшіе отъ того пострадать. Отсюда радикальный, насильственный характеръ его преобразованій. Въ вопросѣ объ отмѣнѣ натуральной дорожной повинности со всѣхъ сторонъ совѣтовали ему отмѣнить эту повинность не вдругъ, а постепенно, но Тюрго не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ, подъ вліяніемъ несправедливой и опасной, но глубоко укоренившейся у него мысли, которую онъ и высказалъ въ объяснительномъ введеніи къ королевскому эдикту: „За исключеніемъ немногихъ провинцій, почти все дороги въ государствѣ были устроены безвозмездно самою бѣдною частью народонаселенія; бремя содержанія ихъ падало на людей своими руками зарабатывающихъ себѣ пропитаніе и не имѣющихъ прямого интереса въ дорогахъ; наиболее же заинтересованы ими землевладѣльцы, пользующіеся привилегіями, помѣстья коихъ возвышаются въ цѣнности вслѣдствіе улучшенныхъ путей сообщенія; принуждая бѣдныхъ заботиться о дорогахъ они отнимаютъ единственное средство оградить себя отъ нищеты и голода и заставляютъ ихъ трудиться въ пользу богатыхъ (*et les font travailler au profit des riches*).“ Точно также и въ вопросѣ о цехахъ: никто не сомнѣвается конечно что эти средневѣковыя корпораціи были большимъ зломъ, но въ нихъ участвовало значительное большинство всего городского населенія страны и отмѣнить ихъ однимъ почеркомъ пера значило ввести сильную смуту въ міръ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ. Тюрго не остановился и предъ этимъ, полагая что принципъ на основаніи коего онъ дѣйствовалъ служилъ ему достаточнымъ оправданіемъ: „право на трудъ есть одно изъ наиболее

священныя правъ, гласить королевскій эдиктъ; всякое противорѣчащее ему постановленіе нарушаетъ естественное право и уже по этому самому должно считаться не имѣющимъ законной силы; сверхъ того существующія нынѣ корпорациа являются учрежденіями безобразными, тираническими, порожденными эгоизмомъ, алчностью и насиліемъ...“ Такимъ путемъ продолжалъ идти Тюрго не обращая вниманія ни на что и стараясь заручиться только содѣйствіемъ короля. При вступленіи своемъ въ должность онъ сказалъ ему: „Государь, примите во вниманіе что я отдаюсь всецѣло не королю, а честному человѣку.“—„Довѣріе ваше ко мнѣ не будетъ обмануто,“ отвѣчалъ Лудовикъ XVI. Читатели могли видѣть изъ нашего разказа что король дѣйствительно поддерживалъ Тюрго до послѣдней возможности. Искренность его была залодозрѣна между прочимъ на слѣдующемъ основаніи: въ позднѣйшее время, а именно въ 1801 году одинъ изъ французскихъ писателей Сулави (Soulaŕie) издалъ обширный сборникъ документовъ подъ заглавіемъ: *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI* и въ сборникѣ этомъ помѣстилъ между прочимъ записку о реформахъ Тюрго, испещренную собственноручными замѣтками короля,—замѣтками изъ которыхъ видно что онъ далеко не сочувствовалъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ своего министра. Теперь вполне доказано что записка эта была составлена не самимъ Тюрго, а по его порученію однимъ изъ его друзей Дюлономъ (Dupont de Nemours), что Тюрго не успѣлъ дать ей ходъ въ то время когда еще занималъ должность генераль-контролера, что лишь гораздо позднѣе попалась она въ руки Лудовика XVI и что Лудовикъ читалъ ее когда и въ окружавшихъ его обстоятельствахъ и въ его образѣ мыслей произошла рѣзкая перемѣна. Напротивъ въ 1775 и 1776 годахъ онъ очевидно возлагалъ большія надежды на Тюрго, до тѣхъ поръ пока не смутился распространившимся повсюду недовольствомъ.

Если дѣятельность знаменитаго министра возбуждаетъ противъ себя много возраженій, то гораздо труднѣе сказать, какого же пути слѣдовало бы держаться ему чтобы достигнуть великой цѣли, которую должны были имѣть въ виду всѣ люди искренно преданные подобно ему благу своего отечества? Отвѣчать на этотъ вопросъ значило бы вдаваться въ область предположеній и догадокъ, но тѣмъ

не менѣе многіе писатели обвиняютъ его преимущественно въ одной ошибкѣ, которая, по мнѣнію ихъ, была главнымъ источникомъ и всѣхъ остальныхъ. „Заблужденіе Тюрго, говорилъ г. Фюстель-Куланжъ въ Академіи Политическихъ и Нравственныхъ Наукъ, состояло въ томъ что онъ хотѣлъ ввести экономическія реформы, не подготовивъ общество къ воспріятію ихъ реформами политическими. Послѣ войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ экономическое положеніе Англіи было отнюдь не лучше чѣмъ положеніе Франціи при вступленіи на престолъ Лудовика XVI, но Питтъ старался расположить страну къ своимъ преобразованіямъ посредствомъ публичнаго обсужденія дѣлъ. Онъ старался вразумить и убѣдить общество, о чемъ вовсе не заботился Тюрго: вотъ почему Питтъ достигъ успѣшныхъ результатовъ, а Тюрго потерпѣлъ неудачу.“ Такой же взглядъ выраженъ былъ и другимъ академикомъ г. Леонсомъ Лавернемъ: „все несчастіе Тюрго, по его словамъ, заключалось въ томъ что реформы его, отмѣченныя исключительно экономическимъ характеромъ, не давали никакого удовлетворенія политическимъ потребностямъ общества“. Съ подобными же упреками обращается къ знаменитому министру Лудовика XVI и Токвилль въ извѣстномъ своемъ сочиненіи *L'ancien régime et la revolution*. Дѣйствительно Тюрго очень мало останавливался на мысли о томъ чтобъ утвердить свободныя политическія учрежденія во Франціи и въ этомъ отношеніи былъ какъ нельзя болѣе вѣренъ своимъ теоріямъ. Въ 1775 году представилъ онъ королю проектъ административной организаціи, чрезвычайно характеристичный для его образа мыслей: еслибы проектъ этотъ былъ осуществленъ, то во Франціи водворилось бы извѣстнаго рода самоуправленіе; выборные въ городахъ, сельскихъ общинахъ, округахъ и наконецъ въ провинціяхъ были бы призваны распределять налоги, заботиться о публичныхъ работахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, а въ концѣ всего этого долженствовало служить представительное собраніе, состоящее изъ депутатовъ отъ собраній провинціальныхъ. Тюрго предлагалъ даровать ему только совѣщательный голосъ и кромѣ того требовалъ чтобы занималось оно исключительно лишь административными вопросами. „Такимъ образомъ, говорилъ генераль-контролеръ, королевская власть пользовалась бы

необходимыми для нея указаніями, но отнюдь не была бы стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нашла бы средство удовлетворить общественное мнѣніе безо всякой опасности для самой себя. Собраніе такого рода не имѣло бы достаточнаго авторитета для того чтобы воспротивиться намѣреніямъ правительства; если же сверхъ чаянія оно не захотѣло бы подчиниться подобной роли, то перенѣсь въ борьбѣ съ нимъ всегда остался бы на сторонѣ королевской власти.“ Токвиль полагаетъ что подобное народное представительство не привело бы ровно ни къ чему, нисколько не улучшило бы тогдашняго положенія дѣлъ; онъ убѣжденъ—и убѣжденія этого держатся и въ настоящую минуту другіе писатели, о которыхъ мы упоминали выше—что Тюрго слѣдовало призвать французское общество къ болѣе широкому и самостоятельному участию въ политическихъ дѣлахъ. Предотвратилъ ли бы онъ этимъ революцію? Едва ли можно отвѣчать на такой вопросъ вполне утвердительно въ томъ или другомъ смыслѣ, къ тому же мы и не ставимъ себѣ задачей подробно разсматривать его. Намъ хотѣлось лишь объяснить до какой степени неосновательно мнѣніе многихъ историковъ, которые безусловно преклоняясь предъ Тюрго и считая дѣятельность его безупречною, считаютъ печальный исходъ ея однимъ изъ сильныхъ аргументовъ въ пользу необходимости и неизбежности переворота постигшаго Францію въ концѣ прошлаго столѣтія.

Р.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ОТРОЩЕНКО *

IX.

3го января 1814 года, весь отрядъ графа Воронцова перешелъ по льду рѣку Эльбу, хотя съ большою опасностію. Ледъ такъ былъ непроченъ что во многихъ мѣстахъ наступали солому и поливали водой чтобы болѣе морозомъ скрѣпило его.

Для переправы артиллеріи употреблены были длинныя бревна въ которыхъ сдѣланы были выемки для колесъ. Для каждаго орудія скрѣплено было по два таковыхъ и орудія поставлены на нихъ. Этимъ средствомъ тяжесть орудій раздѣлилась на большую площадь льду, и такъ уже тащили ихъ, впрягая лошадей гуськомъ.

Переправаясь черезъ рѣку, ночевали по домикамъ разбросаннымъ по обѣ стороны лѣтны въ длину на десять верстъ. По причинѣ низменныхъ мѣстъ, всѣ здѣшнія равнины покрыты лѣтинами какъ сѣтью, къ которымъ прилѣплены съ боковъ домики. Отсель слѣдовали черезъ города Бременъ, Мюнстеръ, графство Оснабрюкъ.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9й и 10й.

У города Кельна переправились чрезъ рѣку на летучемъ паромѣ, несмотря на то что шелъ еще сильный ледъ.

Летучій паромъ устраивается такъ чтобы самъ ходилъ отъ одного берега къ другому, безъ помощи гребцовъ. Для этого бросаютъ на срединѣ рѣки якорь съ крѣпкимъ канатомъ, на дальнемъ разстояніи выше перевоза куда прикрѣпляется паромъ. Чтобы канатъ не ложился на дно, поддерживаютъ его нѣсколькими легкими лодками. Паромъ ходитъ отъ берега до берега, описывая дугу; стоитъ только поворотить руль къ берегу и тотчасъ быстрымъ теченіемъ воды погонитъ паромъ къ другому берегу.

Городъ Кельнъ древній и обширный, строенія имѣетъ прекрасныя, но улицы извилисты и узки, отъ высокихъ строеній имѣютъ темноту, и сверхъ того содержатся неопрятно. Здѣсь дѣлается славная колонская вода извѣстная во всей Европѣ. Изъ числа предметовъ достойныхъ замѣчанія есть огромная церковь которая начата предъ симъ за 400 лѣтъ, но до сего времени еще не докончена, по неимѣнію достаточной суммы и по трудности затѣливой архитектуры. При выходѣ нашемъ изъ ларома на берегъ граждане кричали *ура!*

Въ Кельнѣ, пришедши на квартиру, я увидѣлъ на окошкѣ стоящую низенькую клѣточку, на клѣточкѣ была большаго размѣра хрустальная бутылъ съ прозрачною водою, въ ней плавали золотыя рыбки, и между ними сидѣла на примосточкѣ канарейка. Канарейка въ водѣ! это меня удивило; но осмотрѣвъ увидѣлъ что въ бутылкѣ дно широко и вдавлено глубоко въ середину, такъ что канарейка свободно могла влетать туда и сидѣть, послѣ сего сознался самъ себѣ что я очень не догадливъ.

Отсель слѣдовали черезъ города Лиежъ и Намюръ. Послѣдній лежитъ при рѣкѣ сего же названія, въ немъ имѣются фабрики столовыхъ ножей. Жители Французы и очень грубы. Въ городѣ Лиежѣ служили молебны на городской площади съ лущечною пальбой, отъ чего пострадало много окошекъ; но тѣ на которыхъ поставлена была въ стаканахъ вода остались невредимы.

Проехавши крѣпостцу Шарлеруа, расположились по квартирамъ въ Бургоніи, по деревнямъ не доходя города Реймса.

Въ каждой деревнѣ меръ встрѣчаетъ команду у заставы, для того чтобы разводить людей по квартирамъ, порядокъ

этотъ заведенъ Наполеономъ не только во Франціи, но и во всей Германіи.

Но мы потребовали чтобы доставили провізію въ сборныя избы, и это тотчасъ было исполнено. Меры никуда изъ деревни не отлучались и всегда готовы были для исполненія нашихъ приказаній. Здѣсь простояли не болѣе недѣли и потомъ пошли къ укрѣпленному городу Суассону, въ которомъ находился французскій гарнизонъ.

Пришедши къ оному 19го февраля, расположились въ полѣ, пославъ къ коменданту парламентаря съ предложеніемъ о сдачѣ города и съ угрозой что въ противномъ случаѣ взять будетъ штурмомъ. Но комендантъ отвергъ предложеніе. Послѣ сего послали охотниковъ впередъ ближе къ городскому валу, которые встрѣчены изъ крѣпости картечью, но потомъ пальба прекратилась и комендантъ объявилъ что завтра городъ сдастся, что и исполнено было дѣйствительно. Для насъ это весьма нужно было, потому что Наполеонъ тѣснилъ сильно фельдмаршала Блюхера отступавшаго къ Суассону.

20го числа поутру, въ 8 часовъ, вышелъ изъ крѣпости гарнизонъ, а въ 12 часовъ слышали пушечную пальбу по дорогѣ. Это было подкрѣпленіе, шедшее къ гарнизону; оно встрѣтилось съ казачьими полками, и его разбили. Вскорѣ потомъ показали прусскія войска и пошли черезъ городъ, за коими вслѣдъ приказано было перейти и нашему отряду за городъ. Потомъ перешелъ корпусъ графа Ланжерона, и въ крѣпости оставленъ былъ гарнизонъ.

21го поутру выступили въ походъ къ мѣстечку Краону, но не доходя пяти верстъ, ночью расположились по квартирамъ въ деревнѣ. Тутъ на правой сторонѣ дороги была гора, и изъ-подъ этой горы выѣзжали жители деревенскіе на лустыхъ телѣгахъ, а подъ гору выѣзжали съ разнымъ имуществомъ.

Какъ должно полагать, они прятали въ подземельныя проласты свое имущество, изъ опасенія чтобъ оно не было разграблено, если произойдетъ близъ этого мѣста сраженіе.

22го числа поутру, въ шесть часовъ, получено приказаніе чтобы 13й и 14й егерскіе полки выступили послѣдніе для воспрепятствованія непріятелю переправы. Генералъ Красовскій находился при отрядной квартирѣ, по немъ оставался старшій, командиръ 13го Егерскаго полка полковникъ

Маевскій. Баталіоны 18го полка были уже готовы, изъ 14го же одинъ только которымъ командовалъ я.

Полковникъ Маевскій приказалъ мнѣ идти впередъ по дорогѣ къ переправѣ, а самъ слѣдовалъ позади моей колонны съ полкомъ. Такъ прошли мы около трехъ съ половиною верстъ, потомъ вышли на широкую равнину, подобную равнобедренному трехугольнику, которой обтекаетъ рѣка Лѣсна. Переправа Французами устроена сверху трехугольника. Мы были на его основаніи, позади насъ было возвышенное мѣсто покрытое виноградными плантаціями. Переправа была прикрыта множествомъ артиллеріи; за рѣкой, берега коей окаймлены были частымъ кустарникомъ, разбѣяны вооруженные жители; непріятельскія густыя кавалерійскія колонны перешедши рѣку слѣдовали уже по дорогѣ къ мѣстечку Краону, лѣвѣ насъ. За нами вслѣдъ тянулась лѣхота. Полковникъ Маевскій остановился на возвышеніи съ полкомъ, а мнѣ велѣлъ идти съ баталіономъ къ самой переправѣ, уничтожить ее и взять батареи. Приказаніе это удивило меня. Но я не смѣлъ ему сказать что исполнить этого невозможно, онъ былъ тогда врагъ мой и искалъ случая для мщенія.

При исполненіи приказанія, я долженъ былъ пройти около двухъ верстъ по ровной, чистой равнинѣ, подвергая себя спереди артиллерійскому сильному огню, съ правой стороны, ружейному отъ гражданъ, а съ лѣвой, многочисленной кавалеріи, которая могла совершенно истребить мой баталіонъ, однимъ словомъ баталіонъ былъ обреченъ на явную, бесполезную гибель.

Я началъ дѣлать мои приготовленія разными маневрами на мѣстѣ, безо всякой перестрѣлки, въ ожиданіи прибытія кого-нибудь изъ старшихъ начальниковъ, будучи увѣренъ что приказаніе это будетъ отмѣнено. Я выслалъ одну роту впередъ шаговъ за двѣсти, половину ея разсыпалъ въ цѣль, а другою составилъ резервъ, потомъ перемѣнилъ фронтъ направо, и въ это время замѣтилъ проѣзжающаго мимо моего фронта позади генерала Бенкендорфа. Тотчасъ побѣжалъ къ нему, объявилъ данное мнѣ приказаніе и просилъ дать мнѣ наставленіе, какимъ порядкомъ должно приступить къ дѣлу; онъ выслушалъ меня и съ неудовольствіемъ сказалъ: „извольте отступать вслѣдъ за 13мъ полкомъ, который пошелъ уже назадъ“.

Мы оставили вѣнво то селеніе въ которомъ ночевали, и пошли въ мѣстечку Краону, гдѣ уже слышна была перестрѣлка.

Не доходя до мѣстечка получено отъ графа Воронцова приказаніе чтобы 13й полкъ расположился возлѣ самаго мѣстечка въ виноградникахъ, а одинъ баталіонъ послать для занятія мѣстечка, баталіонамъ же 14го полка стать на возвышенности позади 13го полка.

Часу во второмъ полудни въ мѣстечкѣ началась перестрѣлка, которая усиливалась постепенно, а потомъ открылась канонада. Полковникъ Маевскій употребилъ весь 13й полкъ въ дѣло и удержалъ постъ свой почти до вечера, потомъ отступилъ въ весьма маломъ числѣ людей. Мнѣ приказано остаться съ баталіономъ на мѣстѣ для встрѣчи непріятеля, коего застрѣльщики не замедлили явиться. Я началъ съ ними перестрѣлку и отступалъ какъ мнѣ приказано. Наступившая ночь прекратила сраженіе, и я отступалъ до самаго узкаго дефілея, который составляли съ восточной стороны глубокая долина покрытая лѣсомъ, а отъ запада вершина глубокаго и широкаго утесистаго оврага. Здѣсь получилъ приказаніе отъ генерала Красовскаго расположить мой баталіонъ на этомъ узкомъ перешейкѣ, въ фольваркѣ мимо коего проходила дорога въ Краонъ отъ Суассонскаго шоссе, выставить впереди цѣль по моему усмотрѣнію и остаться тамъ ночевать.

При осмотрѣ мѣста въ потемкахъ я слоткнулся на мертваго французскаго солдата и былъ въ недоумѣніи какимъ образомъ онъ явился здѣсь; мнѣ объявили что Французы намѣрены были въ сумерки захватить эту дорогу. Но стоявшіе тутъ лѣхотные баталіоны приняли ихъ штыками и опрокинули въ лѣсъ направо.

Ночью непріятель производилъ въ цѣли моей тревогу выстрѣлами въ лѣсу, но рѣшительнаго предпріятія дѣлать не отважился. 23го числа, поутру въ 9 часовъ, замѣчено движеніе непріятельскихъ войскъ; я приказалъ казакамъ имѣть наблюденіе, въ которую сторону они потянутся, но въ то же время началась перестрѣлка и живо усиливалась; казаки отступили отъ натиска непріятельскихъ фланкеровъ, между тѣмъ я получилъ приказаніе удерживать свой постъ пока возможно будетъ.

День былъ свѣтлый, войска наши позади стояли уже въ

боевомъ порядкѣ, солнечные лучи играли на штыкахъ, стрѣлки мои начали уже перестрѣлку съ непріятельскими, которые усиливаясь наступали. Казаки проскакали назадъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднялись облака дыма и загремѣла артиллерія непріятельская. Она послала привѣтныя ядра въ наши колонны; наши артиллеристы отвѣчали имъ и загорѣлась сильная кононада, наконецъ зажегъ непріятель градатами мызу гдѣ я стоялъ. Тогда я подъ облаками дыма отступилъ и занялъ мѣсто надъ оврагами. Я отражалъ здѣсь непріятельскихъ застрѣльщиковъ пробиравшихся безпрестанно къ нашему правому флангу. Въ это время разѣзжалъ графъ Воронцовъ между цѣлюю и хладнокровно замѣчалъ движенія непріятельскихъ войскъ, которыя проходили мимо горящей мызы, несмотря на жестокой огонь нашей артиллеріи.

Значительное превосходство непріятельскихъ силъ и стремительный напоръ ихъ заставили насъ отступать; стрѣлки сблизились къ кареямъ, непріятель занялъ тотчасъ наши мѣста и пустилъ свою кавалерію на нашу, которая отступила за пѣхоту, а непріятельская была поражена картечью и принуждена бѣжать обратно. У насъ кавалеріи было очень мало, потому что генераль Винцингероде ночью посланъ былъ въ обходъ и къ дѣлу не успѣлъ. У непріятеля же хотя и много было, но мѣстоположеніе не позволяло дѣйствовать, глубокіе, широкіе и скалистые овраги на флангахъ были намъ спасительною защитой.

Послѣ неудачной попытки кавалеріи непріятель открылъ жестокую кононаду. Наши войска начали отступать эшелонами. Французы еще возобновляли нѣсколько разъ кавалерійскія атаки, но всегда возвращались съ урономъ.

При началѣ дѣла командовалъ всѣми войсками графъ Строгановъ, но когда убитъ былъ сынъ его, онъ поручилъ команду графу Воронцову. Искусный генераль этотъ при семъ случаѣ показалъ свое глубокое знаніе военнаго дѣла, достойное подражанія, хладнокровное его распоряженіе и разчетливое предупрежденіе непріятельскихъ намѣреній суть достоинства принадлежащія великому полководцу. Наполеонъ самъ сознался официально что онъ преслѣдовалъ десяти тысячный отрядъ съ тридцатитысячнымъ, и не могъ ничего сдѣлать. Конечно много споспѣшествовала нашему отступленію удобная позиція, но слава неотъемлемо принад-

лежитъ графу Воронцову, умѣвшему воспользоваться обстоятельствами.

25го числа мы двинулись къ городу Лаону.

На разсвѣтѣ прошаи съ лѣвой стороны у подошвы горы на которой стоитъ Лаонской замокъ, и остановились на правомъ флангѣ нашей арміи, по дорогѣ идущей къ городу Реймсу.

26го, поутру, спустился густой туманъ который закрылъ противныя войска, но когда поднялся онъ, то началась перестрѣлка и потомъ произошло сильное сраженіе продолжавшееся съ промежутками цѣлый день.

Предъ закатомъ солнца прусская кавалерія обошедши Лаонскую гору съ южной стороны явилась на правомъ неприятельскомъ флангѣ. Французская кавалерія замѣтивъ это бросилась на Прусаковъ, которые осадивъ центръ назадъ обхватили ихъ быстро флангами и разбили совершенно, взявъ притомъ 40 орудій. Этимъ быстрымъ ударомъ рѣшена участь сражавшихся и викторія вручила лавровый вѣнокъ союзнымъ войскамъ.

27го числа была только перестрѣлка, вечеромъ приказано 13му и 14му егерскимъ полкамъ смѣнить на аванпостахъ 6й Егерскій полкъ. Мы заняли его мѣсто по кустарникамъ.

Ночью пойманъ французскій солдатъ, отъ коего узнали что армія ихъ ретировалась; мы заняли ея мѣсто, гдѣ много было на полѣ убитыхъ и непогребенныхъ людей.

28го перешли въ разоренное мѣстечко, гдѣ наши большіе погреба съ бургонскимъ виномъ и много разныхъ припасовъ. Здѣсь простояли для заготовленія провіанта по 5е марта.

7го прибыли къ городу Реймсу. Предъ закатомъ солнца наши казаки имѣли уже перестрѣлку, при стѣнахъ города мы расположили артиллерію и бросили нѣсколько гранатъ.

Въ сумерки 14й Егерскій полкъ подошелъ къ городскимъ воротамъ, но они были залерты и завалены камнемъ. Мы ихъ разбили изъ орудій; тогда граждане стали сами рубить лапсидъ внутри города возлѣ воротъ сдѣланный и забрасывать ровъ выкопанный въ воротахъ. Когда же мы вошли въ городъ, то увидѣли что во всякомъ домѣ, на каждомъ окнѣ поставлено по двѣ свѣчки, и такъ мы прошли торжественно освѣщенною улицей до главной площади, гдѣ расположились покойно спать на соломѣ принесенной гражданами.

Французскій отрядъ находившійся въ городѣ Реймсѣ намѣренъ былъ защищаться. Онъ затворилъ городскія ворота, выкопалъ въ нихъ ямы, позади ямъ поставилъ палисады и отбивалъ казаковъ ружейнымъ огнемъ изъ-за стѣнъ съ помощію гражданъ, когда же приближался отрядъ графа Воронцова, тогда отрядъ оставя городъ ушелъ по Шалонской дорогѣ.

Въ Реймсѣ достоинъ замѣчанія соборъ, гдѣ короновались французскіе короли; это есть огромное готическое зданіе съ мудреными наружными украшеніями, внутри украшенъ тканями, картинами, окошки всѣ изъ разноцвѣтнаго стекла.

11го числа отрядъ нашъ выступилъ къ городу Шалону съ намѣреніемъ захватить тамъ отрядъ французскій, ушедшій изъ Реймса, но онъ не дождавшись насъ ушелъ.

Мы сдѣлали тутъ дневку дабы пропустить впередъ корпусъ графа Ланжерона шедшаго къ Парижу.

17го и мы ночевали уже въ двадцати верстахъ отъ Парижа. 18го на разсвѣтѣ слышенъ уже былъ громъ орудій съ полей парижскихъ. Отрядъ нашъ пріостановился. Офицеры одѣлись въ лучшіе мундиры и построивъ взводныя колонны въ 1мъ часу пополудни, двинулись по большой дорогѣ къ парижскому предмѣстью Лавилетъ.

Предъ нами явился городъ Парижъ. Онъ разлегся на необозримой равнинѣ; надъ нимъ виситъ черная полоса тумана, какъ проклятіе разгнѣванныхъ небесъ. Подъ этимъ локровомъ возносятся башни Нотрѣ-Дамъ и кулолы Пантеона и Инвалиднаго Дома.

По обѣимъ сторонамъ города килѣло еще сраженіе. Справа сражались Прусаки и корпусъ графа Ланжерона, слева же гвардія наша; впереди насъ разъѣзжало нѣсколько Прусаконъ между труловъ валавшихся на полѣ. Подполковнику Букинскому приказано идти впередъ съ 1мъ баталіономъ 14го Егерскаго полка. Онъ выслалъ застрѣльщиковъ и открылъ перестрѣлку. Намъ же приказано съ 3мъ баталіономъ и двумя легкими орудіями идти вслѣдъ за нимъ въ 300хъ шагахъ; за мною въ такомъ же разстояніи слѣдовалъ 13й Егерскій полкъ и прочіе лѣхотные баталіоны. Мы шли прямо на форштатъ, у выѣзда коего видѣлась батарея, изъ которой брошено къ намъ два ядра, но они перенеслись чрезъ колонны безъ всякаго вреда. Застрѣльщики наши съ крикомъ ура бросились въ форштатъ; въ колоннахъ загре-

мѣли барабаны и удвоенъ шагъ. Французы, видя прибытіе свѣжихъ войскъ, бросили орудія на батареи, побѣжали въ городъ, заперли ворота и, разсылавшись за стѣнами, производили ружейную пальбу. Когда же голова колонны нашей приблизилась къ воротамъ, то вышелъ изъ города парламентеръ съ предложеніемъ что городъ сдастся съ тѣмъ только чтобы войска вступили на другой день.

Послѣ сего ударенъ отбой для прекращенія сраженія и парламентеръ отправленъ былъ къ государю императору, но по сторонамъ сраженіе еще продолжалось. На горѣ Монмартръ сражался корпусъ графа Ланжерона, а съ лѣвой стороны—гвардія. Ядра наши досягали далеко въ городъ. Въ скоромъ времени затихла пальба вездѣ и войска наши уже въ сумерки расположились ночевать возлѣ самыхъ стѣнъ Парижа. Австрійцы не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Кажется что они не охотно соглашались на взятіе Парижа и потому оставлены были для отдохновенія.

Такъ кончились кровопролитныя битвы 1814 года. Союзныя войска увѣнчаны безсмертною славой. Французы истощили всѣ усилія въ борьбѣ. Но геній Наполеонъ лишень уже своей силы. Всевышній укротилъ гнѣвъ свой на Европу.

Въ тотъ моментъ когда выходилъ парламентеръ, я раненъ былъ въ правую скулу пулей съ поврежденіемъ кости, генералъ Красовскій контуженъ, капитанъ Красовскій раненъ пулей въ бедро, прапорщикъ Милащенко и Саранча тоже ранены.

X.

19го числа марта, поутру рано, народъ поджидалъ вступленія въ городъ союзныхъ войскъ. Между тѣмъ многіе Французы спрашивали у насъ, что будемъ мы дѣлать съ Парижемъ, будемъ ли мы жечь какъ Москву Французы? Въ отвѣтъ на это мы дали имъ лукъ прокламацій. Они схватили ихъ всѣ вдругъ и отнимая другъ у друга, разорвали на доскутки, потомъ собравшись въ кучки складывали доскутки и читали.

Вотъ характеристика низкаго класса Парижанъ, и между ними вѣроятно было много такихъ которые намѣрены были грабить городъ еслибы Русскіе не были благоразумнѣе ихъ. Александръ Благословенный пощадилъ Парижъ и никакого безпорядка допущено не было.

Въ 9 часовъ утра вступилъ въ городъ Парижъ отрядъ казаковъ, вслѣдъ за нимъ вѣхали императоръ Александръ и король Пруссій окруженный блестящею свитой, за ними пошла гвардія и прочія войска. Народъ, увидѣвъ императора, закричалъ: „Vive Alexandre, vive l'empereur“, и крикъ этотъ отозвался въ городѣ далеко; онъ не умолкалъ до прибытія государя на Тюильрійскую площадь. Тутъ онъ остановился и войска проходили мимо его. Народъ бросился къ нему, цѣловалъ ноги его и лошадей, говоря: „почему онъ не прежде прибылъ къ намъ?“—„Храбрость Французовъ препятствовала мнѣ“, отвѣчалъ государь. По проходѣ войскъ государь изволилъ расположиться въ домѣ князя Талейрана.

Того же числа временный Парижской сенатъ отрѣшилъ Наполеона отъ престола Французскаго и разослалъ повелѣнія вездѣ чтобы войска оставили его. Войска исполнили волю народа, сложили оружіе и разошлись по домамъ. Наполеонъ остался одинъ съ приверженцами своими—вотъ урокъ для людей возвышающихся на лонѣ счастія! Тотъ предъ которымъ трепетала Европа, теперь смиренъ до униженія. Народъ равнявшій его съ божествомъ лишилъ его престола имъ воздвигнутаго и хотѣлъ предать его суду. Но Александръ не изъявилъ на это своей воли.

Геніи суть посланники Небесъ, являются въ опредѣленное время исполнить только то что имъ предназначено по чертѣ судьбы; когда же назначенное время исполнится, тогда самъ собою человѣкъ при всѣхъ усиліяхъ ничего произвести не можетъ.

Послѣ Лаонскаго сраженія Наполеонъ полагалъ что всѣ союзныя войска отступаютъ за Рейнъ, между тѣмъ какъ только одинъ генералъ Винценгероде съ кавалеріей былъ предъ нимъ. Когда же узналъ отъ лѣннскихъ что главная армія пошла къ Парижу, тогда онъ поспѣшилъ къ своей столицѣ; но опоздалъ: войска наши уже вступили въ Парижъ. Онъ остановился въ двѣнадцати верстахъ не доходя города и прислалъ маршала Коленкура для переговоровъ, которому объявлено что теперь переговоровъ съ нимъ имѣть не нужно. Потомъ послано къ нему опредѣленіе сената о лишеніи Французскаго трона; тогда просилъ онъ чтобы предоставили престолъ сыну его, но и въ томъ ему отказали.

Когда союзныя войска вступили въ городъ, то молодые

люди ходили партіями по улицамъ съ бѣлыми платками привязанными на палкахъ, а женщины разтѣзжали въ фіа-крахъ, раздавали бѣлыя кокарды мушкетерамъ и всѣ кричали: *vive le roi!*

Того же числа вечеромъ, толпы пьянаго народа собрались на площади Вандомской, хотѣли сорвать статую Наполеона съ бронзовой колонны. Они накинули ей веревку на шею, подпрягли дрянныхъ водовозныхъ лошадей и сами толпой уцѣпившись тащили; нѣкоторые взобрались по лѣстницѣ устроенной внутри колонны и напильниками подпиливали ноги статуи. Императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ остановить этотъ безпорядокъ. Спустя лотомъ недѣлю статуя эта была снята посредствомъ машинъ. Она была колоссальнаго размѣра и прикрѣплена къ колоннѣ лѣтью желѣзными болтами. Наполеонъ представленъ былъ въ лавровомъ вѣнкѣ, въ лѣвой рукѣ держалъ шаръ, а въ правой свитокъ, черезъ плечо накинута римская сенаторская тога. По снятіи статуи поставлено на мѣсто ея бѣлое знамя съ тремя лилійнными цвѣтками. Колонна эта очень высока, она высотой равняется четырехэтажному дому. Она вылита изъ орудій взятыхъ Французами на поляхъ сраженій, гдѣ они одерживали побѣды. На лентѣ вокругъ колонны обвитой изображены всѣ сраженія Наполеономъ выигранныя; на пьедесталѣ представлены всякаго рода оружія нынѣшняго времени.

На другой день въ Парижѣ открыты были всѣ лавки и магазины, все приняло обыкновенный порядокъ, несмотря на то что городъ наполненъ былъ иностранными войсками. Императоръ Александръ принялъ его подъ свое покровительство, и спокойствіе жителей ни чѣмъ не было нарушаемо. Народъ толпился на улицѣ предъ его квартирой и на крышахъ домовъ. Они ожидали выхода его чтобы привѣтствовать изъявленіемъ восторга.

Того дня Французы желали чтобы на главномъ театрѣ играна была піеса *Тріумфъ Траяна*, но государь приказалъ играть *Весталку*. Въ театрѣ встрѣченъ онъ былъ привѣтствіемъ восторженнаго народа, и во время представленія взоры всѣхъ обращены были къ нему.

По окончаніи піесы когда императоръ вышелъ изъ ложи, Наполеоновскій орелъ бывшій надъ царскою ложей упалъ на полъ и народъ растолталъ его.

Улица по которой вступили въ Парижъ союзныя войска называется Сентъ-Дени, другая въ близкомъ разстояніи тянется съ нею параллельно чрезъ весь городъ, на нихъ построены въ прежнее время триумфальныя ворота. Въ предметахъ улицы широки, въ старомъ городѣ узки. Высокія строенія почернѣвшія отъ времени производятъ темноту въ улицахъ и притомъ на чистоту города не обращается вниманія, вездѣ слышенъ непріятный запахъ, а по утрамъ надобно идти осторожно чтобы съ верхняго этажа служанки не окропили ночью росой—онѣ имѣютъ сію дурную привычку.

Улицы вымощены известнякомъ, камнемъ отъ котораго въ сухое время происходитъ тонкая пыль, вредная для глазъ и для груди. Старый городъ обведенъ бульваромъ. Площадей имѣется много; знаменитѣйшая изъ нихъ Тюльрійская, на которой былъ казнень Французскій король. Съ нею граничить съ полуденной стороны Тюльрійскій садъ, а къ сѣверу Елесеискія Поля. Вторая по ней Вандомская, на которой Наполеонъ воздвигнулъ бронзовую колонну и на верху ея поставилъ образъ свой, какъ Навуходоносоръ, царь Вавилонскій.

Тюльрійскій дворецъ, украшенный колоннадой, растянутъ отъ улицы Сентъ-Оноре до Сенской набережной. Къ этому старому зданію пристроено новое, вдоль набережной вверхъ по Сентъ. Въ новомъ зданіи надъ каждымъ окномъ высѣчена литера N. Въ этомъ зданіи помѣщенъ музей и картинная галлерея: первый въ нижнемъ этажѣ, а послѣдняя въ верхнемъ. Въ первой залѣ на срединѣ группа Лаокона, греческаго жреца съ двумя сыновьями, борющагося съ двумя змѣями, обвинившимися вокругъ его. Эта статуя весьма древняя, высокой греческой работы. У Лаокона отломлена часть руки; за придѣлку ея назначена значительная сумма, однако же до сего времени никто изъ новыхъ художниковъ не взялся.

Въ картинной галлерей помѣщены лучшія произведенія древнихъ и новыхъ художниковъ. Въ первой залѣ поставлены картины большаго размѣра. Одна изъ нихъ представляетъ судъ Брута надъ сыновьями своими; имъ уже отрубили головы и трупы накинута холстомъ, сквозь который пробивается кровь. Въ другомъ отдѣленіи работы знаменитаго Рафаеля и многихъ другихъ артистовъ. Въ особомъ отдѣленіи поставлены картины безъ рамъ. Тутъ на-

ходится образъ Божіей Матери, вѣроятно онъ взятъ изъ Москвы для рѣдкости. Примѣтно что образъ этотъ былъ украшенъ ризой, но она снята. Я не могъ всего осмотрѣть внимательно, потому что глаза мои залуخلы отъ раны.

Съ полуденной стороны отъ Тюльрійскихъ палатъ воздвигнуты триумфальныя ворота. На нихъ искуснымъ рѣзцомъ изсѣчены элохи заключенія Наполеономъ мира съ разными государями, и вездѣ онъ сдѣланъ очень схожъ. На верху воротъ бронзовая колесница съ четырьмя лошадьми; ихъ ведутъ два крылатые геніи. Лошади эти принадлежатъ Венеціи.

Палероаль былъ прежде королевскій дворецъ, но во время революціи разграбленъ народомъ. Теперь въ нижнемъ этажѣ помѣщаются магазины съ разными товарами; въ среднемъ трактиры и хозяева живутъ; въ третьемъ сборъ прелестей, доступныхъ всякому за деньги. Внутри дворца площадь съ аллеями; подъ ними, въ землѣ, устроены трактиры, гдѣ изнѣженные Парижане прохлаждаются въ жаркое время.

Въ Парижѣ расположены были только гвардейскія войска союзныхъ государей, а прочія въ окрестностяхъ его. Отрядъ графа Воронцова расположенъ былъ по дорогѣ къ Орлеану въ двѣнадцати верстахъ отъ Парижа, гдѣ мы простояли нѣсколько недѣль, потомъ пошли обратно къ рѣкѣ Рейну. При обратномъ слѣдованіи чрезъ Парижъ, войска наши слѣдуя по бульвару съ южной стороны города, прошли чрезъ Аустерлицкій мостъ, построенный на рѣкѣ Сентъ. Французы изъ угожденія Александру хотѣли изгладить изсѣченную на немъ надпись, но государь не изъявилъ на это согласія, но приказалъ тутъ же сдѣлать надпись, что въ 1814 году прошли чрезъ этотъ мостъ русскія войска. Близъ моста показывали дѣвочку девяти лѣтъ, она имѣла большой ростъ и девять пудовъ вѣсу.

Въ это время Парижане ожидали прибытія брата короля Людовика XVIII. Для встрѣчи его поставлена была національная гвардія отъ Тюльрійскаго дворца до самой заставы. Она занимала одну сторону улицы, другую народъ. Въ домахъ окошки занимали женщины, а на землѣ и кровляхъ помѣщался всякій народъ. Мальчики взлѣзли на деревья и безпрестанно кричали: *viv le roi!*

Отъ города Парижа мы слѣдовали къ рѣкѣ Рейну, чрезъ города Мо, Шалонъ и Реймсъ; потомъ продолжали маршъ

мимо крѣпости Вердена (здѣсь дорога пролегаетъ нѣсколь-
ко верстъ между безпрерывныхъ садовъ), до города Ней-
штадта.

Здѣсь 14й Егерскій полкъ остановился, простоялъ апрѣль
и май мѣсяцы, и въ продолженіе этого дѣлали обмундировку.

Городъ этотъ прилегаетъ западною стороною къ самымъ
горамъ; мѣстоположеніе его роскошное. Онъ окруженъ ви-
ноградными садами, на горахъ видны руины древнихъ ры-
царскихъ замковъ. Къ востоку разстилается большая ра-
внина; на окраинахъ ея далеко синѣютъ горы съ руинами.
По срединѣ равнины протекаетъ Рейнъ.

Жители этого города Нѣмцы: католики и лютеране. Фран-
цузская революція истребила здѣсь дворянство, теперь всѣ
вообще называются гражданами; предпочтеніе отдается
богатымъ только. Мы познакомились и подружились съ
гражданами и они полюбили насъ — особенно гражданки.
Нѣкоторые изъ друзей предлагали мнѣ вступить въ обще-
ство масоновъ. Я пожелалъ знать цѣль его. Мнѣ сказали
что обязанность членовъ состоитъ въ томъ чтобы благодѣ-
тельствовать тайно такимъ людямъ которые стыдятся про-
ситъ себѣ помощи, съ тѣмъ чтобы благодѣтельствуемый не
зналъ кто ему благодѣтельствуетъ, и потомъ помогать вза-
имно другъ другу. Но мнѣ нечаянно попалась масонская
книжка, изъ которой я удостовѣрился что масонство при-
крывается только благонамѣренною цѣлью. Прямое же его
намѣреніе въ томъ чтобы дѣйствовать къ ниспроверженію
правительствъ и всѣхъ властей. Чтобы всякій человѣкъ былъ
самъ себѣ евангелистъ и судья. Послѣ этого я не изъявлялъ
согласія.

Любопытство повлекло меня осмотрѣть одинъ изъ раз-
рушенныхъ замковъ, называемый Гамбахъ, который распо-
ложенъ на высокой горѣ. Высокія стѣны его сложены
изъ тесаныхъ камней большого размѣра. Но теперь уже
большая часть ихъ обвалилась. Думалъ ли строитель его
что время разрушитъ не только его твердыню, но вмѣстѣ
съ нею и память его сотретъ навсегда. Вѣроятно мысль
эта ему на умъ не приходила; онъ мечталъ что проходящіе
вѣки будутъ удивляться стѣнамъ его крѣпости и время
не посмѣетъ прикоснуться къ сей святынѣ. Суета суетъ!
Алчность когтями своими разрушаетъ и пирамиды египет-
скія, а время изгладитъ и слѣды ихъ. Со вздохомъ я

взобрася на полуразвалившуюся стѣну и съ удовольствіемъ любовался предестнымъ видомъ Рейнской долины на которой видно было болѣе двухсотъ деревень.

Съ полуденной стороны замка въ маѣ мѣсяцѣ 1814 года пострадало нѣсколько деревень отъ наводненія, случившагося внезапно при сильномъ дождѣ. Вода собравшаяся въ горахъ разорвала встрѣтившуюся ей преграду и хлынула съ такимъ стремленіемъ внизъ что вырывала деревья съ корнемъ, и камни вѣсомъ болѣе четырехсотъ пудовъ выкатывала на возвышенныя мѣста; на пути своемъ она занесла цѣломъ много виноградныхъ садовъ на поляхъ, а въ деревняхъ совершенно завалила колодези и погреба. Несчастные жители спасались отъ смерти на кровляхъ домовъ своихъ.

Простоять столько времени на мѣстѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безпрерывныхъ походовъ много значитъ и особливо въ здѣшнихъ мѣстахъ. Миленькія Нѣмочки такъ привлекательны, така любезны, что воины наши, закопѣлые въ пороховомъ, бивуачномъ и табачномъ дыму, такъ и прильнули къ нимъ всѣмъ сердцемъ. Признаюсь и я грѣшный влюбился въ миленькую Бетхенъ, дочь хозяйскую, да какъ и не влюбиться, здѣшнія дѣвицы не уходятъ отъ насъ, но стараются занять мило разговорами, лѣтніемъ или музыкой, словомъ вотъ такъ и разстилаютъ стѣги, а мы такъ смѣло подъ нихъ идемъ какъ куролатки въ зимнюю пору. Хозяинъ мой Іоркъ Рефель былъ вдовъ, дочь его Елизавета была хозяйка. Онъ отъѣзжая къ Баденскимъ водамъ поручилъ мнѣ подъ охраненіе и домъ и дочь свою. Она уже имѣла около 28 лѣтъ и значительное приданое. Я уговаривалъ ее за себя, но она не согласилась, опасаясь русскихъ свѣтовъ, которые такъ глубоки что въ 1812 году закрыли Французовъ навѣки.

17го числа іюня 14й Егерскій полкъ простился съ добрыми своими хозяевами и выступилъ въ походъ въ Россію. Первый ночлегъ имѣли въ восемнадцати верстахъ отъ Нейштата, въ селеніи гдѣ всѣ жители фокусники; одна изъ женщинъ среднихъ лѣтъ могла доставать зубами малую серебряную монету положенную позади пять ея. Для этого она легибадась всѣмъ тѣломъ назадъ.

18го перешли рѣку Рейнъ по мосту на судахъ устроенному, прощаи черезъ городъ Мангеймъ церемоніально и за городомъ сдѣлали привалъ. Городъ Мангеймъ принадлежитъ

великому герцогу Баденскому. Въ немъ родилась императрица Елисавета Алексѣевна. Теперь герцогскій дворецъ опустѣлъ до разрушенія. Городъ построенъ регулярно, на прекрасномъ мѣстоположеніи: съ южной стороны катится рѣка Рейнъ, а съ сѣверо-западной рѣка Неккеръ, и при немъ обѣ рѣки сливаются въ одно русло. Городъ раздѣленъ правильными квадратами, каждый квадратъ имѣетъ свою литеру, на каждомъ домѣ литера квадрата и номеръ дома. На средней площади стоитъ бронзовая статуя превосходной работы.

27го у города Гейдельберга перешли рѣку Неккеръ по каменному мосту, украшенному статуями. Въ этомъ городѣ древній замокъ, въ которомъ находится огромнаго размѣра винная бочка, на которой могутъ вальсировать двѣнадцать паръ. 28го ночевали въ маленькомъ смрадномъ городкѣ, жители коего католики, бѣдные и неопрятные. Здѣсь въ костелѣ показываютъ за рѣдкость святой платокъ на коемъ явилось чудо. Разказываютъ что за лятьсотъ лѣтъ предъ симъ во время служенія миссы, начала капать кровь сверху на это полотно, лежавшее на жертвенникѣ. Священникъ увидѣвъ это испугался до обморока, пришедши же въ чувство, объявилъ предстоящимъ что Духъ Святый сказалъ ему что это кровь Христова. Платокъ оставленъ былъ на томъ же мѣстѣ. На другой день нашли на платкѣ изображеніе представляющее опрокинутую чашу и изъ нея разлившуюся кровь на одиннадцать потоковъ, на концѣ каждого потока была голова Христова въ терновомъ вѣнцѣ; на срединѣ потоковъ крестъ съ распятіемъ. Платокъ этотъ хранится на жертвенникѣ въ ковчегѣ за стекломъ. Но теперь нѣтъ на немъ никакого изображенія кромѣ темныхъ латенъ; однако же имѣютъ къ нему уваженіе какъ къ святынь и много приходятъ поклонниковъ.

Когда отворилъ священникъ ковчежецъ, я видя полотно изъ латнати хотѣлъ было приподнять его, полагая что за этимъ полотномъ хранится святыня, но онъ удержалъ мою руку, сказавъ это есть тотъ самый платокъ.

30го юня прибыли въ Вирцбургъ, резиденцію герцога Виртембергскаго. Городъ этотъ обведенъ широкимъ ровомъ и на горѣ сдѣлано укрѣпленіе, которое можетъ покровительствовать весь городъ своею артиллеріей. Черезъ городъ протекаетъ рѣка Майнъ. На главной городской площади герцогскій

дворецъ; прекрасная желѣзная рѣшетка фигурнаго вкуса отдѣляетъ палаты отъ площади. Во дворцѣ палаты убраны со вкусомъ, но небогато. Говорятъ что Французы при отступленіи забрали что было лучшаго.

Въ городѣ живутъ превосходные художники, въ особенноти живописцы. Профессоръ Стефани сдѣлалъ на стеклѣ, по золоту, картину представляющую Союзъ. На ней изображены государи: Францъ Австрійскій, Александръ I и Фридрихъ Вильгельмъ Пруссійскій король; при нихъ фельдмаршалы: Кутузовъ, Блюхеръ и Шварценбергъ. Въ низу картины помѣщены гербы Россійскій, Австрійскій и Пруссійскій: при Россійскомъ Сила, при Австрійскомъ и Прусскомъ Изобиліе. По обѣимъ сторонамъ горящіе факелы и трубы Славы. Вокругъ картины расположенъ лавръ, который вверху соединяется при звѣздѣ Славы; звѣзда обнята змѣей, означающею вѣчность; подъ звѣздой земной шаръ. Мысль высокая и работа превосходная.

12го іюля перешли чрезъ городъ Галле, мѣстечко Цербстъ въ городъ Дессау. Здѣсь живетъ родной братъ императрицы Екатерины. Онъ приказалъ сдѣлать триумфальныя ворота въ честь руссійскихъ войскъ. Городъ чистъ, улицы прямыя и широкія. Черезъ него протекаетъ рѣка Мульда; земля каменистая съ лескомъ. Въ окрестностяхъ города простираются по нѣскольку верстъ фруктовые сады до самыхъ береговъ Эльбы. Съ южной стороны къ самому городу лѣсъ примыкаетъ, гдѣ ходятъ стадами лоси, дикія козы и зайцы недалеко отъ дороги и не пугаются людей.

21го, поутру, прибыли къ Берлину. Въ лѣсу прилегающемъ къ самымъ городскимъ стѣнамъ остановились, переодѣлись и вступили въ городъ церемоніально. Но при вступленіи полка никто изъ королевской фамиліи для смотра не выѣзжалъ. Мы тутъ имѣли дневку. Граждане предложили намъ свой хлѣбъ-соль по распоряженію правительства. Городъ обширенъ, содержится опрятно; улицы обсажены липами и площади украшены статуями героев Фридриховыхъ временъ.

23го мы выступили изъ города Берлина и продолжали маршъ до города Тильзита. Здѣсь осматривалъ войска графъ Милорадовичъ и поздравлялъ съ квартирами.

Перешедши Нѣманъ мы прослѣдовали на кантониръ-квартиры въ Лифляндію; въ Ригѣ расположилась дивизіонная

квартира 2й Гренадерской дивизіи. Бригадная квартира 3й бригады въ Дерптѣ, а полковая квартира 4го Карабинернаго полка въ Валькѣ. Дивизионный начальникъ былъ тогда генераль-лейтенантъ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ, бригадный командиръ Борисъ Владиміровичъ Полукетовъ.

Я съ моимъ баталіономъ расположился въ городѣ Верро. Городокъ этотъ имѣлъ всего восемьдесятъ домовъ, большею частію дворянскихъ. Граждане меня полюбили, мнѣ тоже пріятно было между ихъ. Но одно крайне было мнѣ больно: меня сокрушало что солдаты расположенные по квартирамъ въ города очень похудѣли отъ недостатка хорошей пищи и отъ дурнаго провіанта. Тогда мука ржаная была очень дорога, четверть доходила до тридцати рублей ассигнаціями. Это былъ соблазнъ непреодолимый для коммиссіонеровъ, они дѣлали всевозможныя злоупотребленія, въ магазинахъ была мука смѣшанная не только съ золой и лескомъ, но даже находили цѣлые кирпичи въ куляхъ. Я запечаталъ магазинъ и представилъ объ этомъ командиру полкомъ, но отъ него получилъ выговоръ, потому что онъ былъ въ интересной дружбѣ съ коммиссіонерами.

Въ это время я намѣренъ былъ оставить военную службу и перейти въ гражданскую. О намѣреніи моемъ я говорилъ почтенному генералу Аѳанасію Ивановичу Красовскому, бывшему нашему полковому командиру, который не изъявилъ на это согласія, увѣряя что я скоро получу полкъ; но я опасался принимать на себя обязанность полковаго командира, не сознавая въ себѣ достаточной способности; однакоже чтобъ успокоить его обѣщалъ не выходить въ отставку, просилъ только уволить меня въ отпускъ на четыре мѣсяца (имѣя тайное намѣреніе подать потомъ просьбу объ увольненіи отъ службы). Онъ согласился на это и принялъ отъ меня прошеніе.

По окончаніи войны велѣно генераламъ командовавшимъ полками сдать полки немедленно старшимъ по себѣ въ полкахъ штабъ-офицерамъ, каковымъ былъ въ нашемъ полку подполковникъ Соколовъ. Онъ вступилъ въ командованіе по наружности, но во внутренности встрѣтилось затрудненіе. Соколовъ требовалъ придачи 40.000 рублей. Генераль Красовскій, видя несправедливое требованіе, жаловался дивизионному начальнику, и притомъ зная неспособность Соколова для командованія полкомъ, просилъ о назначеніи ме-

на полковымъ командиромъ; но Соколовъ уже представленъ былъ на высочайшее утвержденіе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1815 года получено извѣстіе что я произведенъ въ полковники, за отличіе оказанное въ сраженіи при Краонѣ. Прочитавъ это въ нѣмецкихъ газетахъ и предполагая что буду переведенъ въ другой полкъ, побѣхалъ парадно проститься съ храбрыми солдатами и добрыми товарищами, но на первомъ ночлегѣ получилъ отъ генерала Красовскаго поздравленіе съ полковничьимъ чиномъ и съ командирствомъ 14го Егерскаго Гренадерскаго полка. При этомъ приложено было и предписаніе дивизіоннаго начальника о принятіи полка на законномъ основаніи, вмѣстѣ съ этими бумагами и увольненіе въ отлускъ.

Я подумалъ, и полагая надежду на помощь Божію, рѣшился принять полкъ. Возвратился въ Верро, простился съ добрыми моими почтенными знакомыми и отправился въ городъ Валакъ.

Такой переворотъ обстоятельствъ не понравился бывшему моему начальнику Соколову и старшему по немъ подполковнику Букинскому, потому что вдругъ изъ начальниковъ сдѣлались моими подчиненными. Однакоже когда прибылъ я въ полковую штабъ - квартиру, то у развода они поздравили меня съ монаршею милостью; я поблагодарилъ ихъ и отдалъ приказъ что вступаю въ командованіе полкомъ и чтобы г. подполковникъ Соколовъ представилъ мнѣ всѣ бумаги полученныя имъ отъ Красовскаго. Такимъ образомъ отмстилъ я Соколову и началъ принимать полкъ.

Полкъ этотъ былъ славный, боевой; солдаты храбрые и офицеры свое дѣло знали, во всякомъ случаѣ въ продолженіе Отечественной войны и за границей вездѣ отличались. Полковой командиръ нашъ былъ молодецъ, отважный, храбрый, смѣтливый и заботливый о своихъ подчиненныхъ; но находясь безпрестанно въ передвиженіяхъ и сраженіяхъ не было возможности содержать все въ надлежащемъ видѣ и исправно, тѣмъ болѣе что даже мундирныя вещи и аммуниціи не могли быть доставляемы въ надлежащее время изъ Россіи. Посему мундиры и панталоны испещрены были разноцвѣтными залатами, между ними были и кожаные, да и самихъ мундировъ нельзя было узнать какого они были цвѣта, потому что вовсе потеряли цвѣтъ. Кивера были всѣхъ

формъ, какія только употреблялись въ Россіи и въ непріятельскихъ войскахъ. Шинели до того изношены, что вовсе къ употребленію не годились; ранцовые ремни были даже и веревочные, а фляжекъ водоносныхъ вовсе не было, ихъ истребили солдаты, на бивуакахъ употребляя для варки въ нихъ для себя пищу. Сумы патронныя были разныхъ формъ и величины, въ ружьяхъ была смѣсь: русскихъ, англійскихъ, французскихъ и прочихъ державъ. Они требовались отъ комиссаріата, какъ требовались и аммуниціи вещи, но не были еще доставлены, — однимъ словомъ это была безпорядочная масса ветоши. Полковой обозъ, то есть провіантскія фуры, казались на видъ исправны, но въ существѣ дѣла непрочно, потому что сдѣланы были изъ сыраго лѣса наскоро высушеннаго въ печахъ, а шины на колесахъ сдѣланы изъ непріятельскихъ ружейныхъ стволовъ; лошади были порядочныя.

Полковой лазаретъ расположенъ былъ въ весьма невыгодномъ строеніи. Холодъ проникалъ сквозь стѣны, по которымъ текла вода отъ сырости стѣнъ. На пищу и одѣяніе лазаретное не обращено было вниманія. Полковой обозъ стоялъ всю осень и зимнее время безъ защиты на открытомъ воздухѣ.

Въ такомъ видѣ былъ этотъ полкъ когда я его принялъ; фронтовая часть также была залущена.

Надобно было заняться немедленно работою, но на помощь моихъ штабъ-офицеровъ я не могъ надѣяться: они были уязвлены моимъ назначеніемъ, потому что были всѣ старше меня, и по службѣ и въ подполковничьихъ чинахъ (несмотря на то что я произведенъ былъ въ полковники за отличіе въ сраженіи при Краонѣ) и тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ командовалъ уже этимъ полкомъ и началъ было уже принимать на законномъ основаніи.

Лазаретное строеніе я приказалъ одѣть тройными матами изъ соломы, симъ средствомъ сырость и холодъ были устранены, и все прочее приняло другой видъ и порядокъ. Длябереженія полковаго обоза я потребовалъ у городского начальства какого-нибудь строенія съ крышей, имѣя тайное намѣреніе принудить гражданское начальство города Валькъ сдѣлать для помѣщенія пороха въ полѣ погребъ. По требованію моему отведена была большая корчма. Туда я приказалъ везти провіантскія фуры и патронныя ящики;

потомъ потребовалъ письменно чтобы запрещено было живущимъ въ корчмѣ арендаторамъ топить печки, потому что въ обозахъ имѣется порохъ, и чтобы не могло случиться несчастія городу отъ взрыва. Нѣмцы испугались и просили чтобы вывезти обозъ изъ корчмы, но я рѣшительно сказалъ что сдѣлать этого невозможно, потому что это есть интересъ казенный, а не угодно ли имъ будетъ сдѣлать въ полѣ пороховой погребъ, тогда опасность устранивается. Послѣ сего назначено было въ полѣ мѣсто, на которомъ раскладывали костры дровъ, зажигали ихъ для того чтобы растаять землю и чрезъ четыре дня пороховой погребъ былъ готовъ.

Я сказалъ уже выше, что не могъ ожидать себѣ помощи отъ штабъ-офицеровъ и даже опасался чтобы они не мѣшали мнѣ своими интригами; но не хотѣлъ также оставлять ихъ въ покоѣ, ибо они всѣ сказались больными и говорили о моихъ распоряженіяхъ ротнымъ командирамъ дурно, находя во всемъ наглое притѣсненіе. Почему я рѣшился показать себя заботящимся о состояніи ихъ здоровья. Я каждый день послѣ развода навѣщалъ ихъ всѣхъ на квартирахъ, спрашивалъ какъ они себя чувствуютъ, посѣщаетъ ли ихъ лѣкарь и не имѣютъ ли они нужды въ чемъ-либо. Заботливость моя подѣйствовала на нихъ, они возстали съ одра болѣзни, и принялись усердно попрежнему кто за карты, кто за веселость, а кто за любовныя интриги. Я мысленно пожелалъ изъ нихъ каждому счастливаго успѣха въ ихъ предпріятіяхъ, а самъ обратился къ ротнымъ командирамъ.

Ротные командиры были всѣ старые офицеры, всѣ украшены орденами за сраженія. Я обратилъ ихъ взоры на весь безпорядокъ и подстрекнулъ ихъ честолюбіе. Они признали справедливыя мои требованія и принялись за дѣло со рвеніемъ. Изъ комиссаріата доставлено было на шинели сукно крестьянское съ примѣсью большого количества коровьей шерсти; а также и годовыя вещи; но мундирнаго сукна доставлено было весьма мало.

XI.

Въ это время получено было повелѣніе о выступленіи въ походъ во Францію, потому что Наполеонъ вопреки давнему слову послѣ отреченія отъ престола возвратился съ острова Эльбы во Францію, и Французскій король возведенный на тронъ общимъ усиліемъ Европы долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано выбрать людей изъ резервнаго баталіона на укомплектованіе двухъ дѣйствующихъ.

Баталіонъ этотъ квартировалъ въ городѣ Воммары. Я отправился туда для выбора людей, и при семъ случаѣ замѣтилъ и удостовѣрился въ несчастномъ состояніи баталіона.

Баталіонный командиръ имѣлъ въ виду только свои интересы. Ротные командиры лѣнствовали и молчали, а солдаты терпѣли и не знали что имъ слѣдуетъ отъ казны. Это обнаружилось тогда когда я приказалъ имъ раздать четырехдневный запасъ сухарей. Они спросили, на сколько это имъ дается; и когда объявлено имъ что на четыре дня, то они съ удивленіемъ сказали: намъ не давали по столько и на двѣ недѣли. Но какъ баталіонъ этотъ не былъ причисленъ къ полку, то я сдѣлавъ замѣчаніе баталіонному командиру предоставилъ имѣть наблюденіе за нимъ резервному начальству, у котораго онъ находился въ непосредственномъ распоряженіи.

Я приказалъ послѣднѣе кроить мундиры, шинели, лѣтніе панталоны и отдать въ роты вмѣстѣ съ рубашечнымъ холстомъ и сапожнымъ товаромъ и возложивъ на обязанность ротныхъ командировъ чтобы производить шитье во время ночлеговъ и роздыховъ. А для дѣланія музыкантской тесьмы собраны были къ полковому штабу ткачи-солдаты двадцать человекъ; велѣно сдѣлать легонькіе ткацкіе станки складные; распускать фламское полотно, дѣлать изъ него нитки и ткать тесьму. Шинели были спиты, мундиры также, насколько достало сукна, пока мы дошли до Франціи.

Я забылъ сказать что при выступленіи въ походъ полученъ былъ высочайшій приказъ о томъ что командовавшій полкомъ подполковникъ Соколовъ утвержденъ полковымъ

командиромъ. Я испугался и полагалъ что вся моя служба будетъ потеряна при сдачѣ полка обратно сему человѣку, потому что онъ требовалъ отъ прежняго полковаго командира придачу 40.000 рублей ассигнаціями, а я взялъ только пять, и посему не могъ удовлетворить его жадности, и опасался чтобы не быть подъ судомъ. Но страхъ мой напрасенъ былъ; я остался командиромъ полка и командовалъ имъ девять лѣтъ.

Я уже было порадовался что кончилось дѣло, но вдругъ получено повелѣніе чтобы готовиться къ высочайшему смотру (ибо война съ Наполеономъ окончена Англичанами въ содѣйствіи Прусаковъ при селеніи Ватерлоо), со строжайшимъ подтвержденіемъ чтобы привести всѣ какъ мундирныя, такъ и аммуничныя вещи въ единообразный видъ. А срокъ высочайшаго смотра назначенъ чрезъ полтора мѣсяца.

Прочитавъ этотъ приказъ я ужаснулся, видя что времени остается мало, а работы предстоитъ весьма много и въ средствахъ большой недостатокъ. Хотя при этомъ повелѣніи препровождено денегъ 4.000 рублей ассигнаціями и всемиловѣйше пожаловано государемъ императоромъ въ каждый полкъ для вспоможенія полковымъ командирамъ, сверхъ того отпущено нѣсколько контрибуціоннаго сукна на мундиры, которое употреблено на мундиры для унтеръ-офицеровъ; но этого было весьма мало и особенно для моего полка, потому что дивизіонный начальникъ настоятельно требовалъ чтобы всѣ ременные вещи были вылакированы маслянымъ лечнымъ лакомъ, о составѣ котораго никто не имѣлъ понятія; нѣкоторые говорили что онъ дѣлается изъ янтара.

Терять времени въ разсужденіяхъ не приносило никакой пользы, а надобно было дѣйствовать. Я велѣлъ распороть старые мундиры, выкрасить черною краской и олять шить, положивъ новую вылушку; наточить колодокъ, распороть кивера, перевернуть сукна и олять шить, приводя ихъ въ одинаковую форму. Послалъ въ Парижъ закупить ютовыхъ и глядовыхъ кожъ, которыя вдвое дороже во Франціи; велѣлъ кроить изъ нихъ рядцевые ремни и лортулеи и дѣлать трочку. Послалъ въ Парижъ двухъ офицеровъ купить хотя французскія фляги, которыя весьма малы противъ нашихъ; приобрести также чешуи къ киверамъ, сыскать

лакировщика на кожаные вещи, подрядить его и привезти въ мою штабъ-квартиру. Работа закидѣла: кроенье, шитье и вмѣстѣ съ тѣмъ ученье. Все шло съ успѣхомъ, хотя тяжело было для солдатъ, потому что для нихъ оставалось мало покою. Но лакировка вещей никакъ не давалась, во первыхъ, потому что лакъ былъ скилидарный, а во вторыхъ, еще болѣе потому что грунть никакъ не сохъ, ибо масло было сурфальное, а коноплянаго нельзя было достать, притомъ и сушка была на солнцѣ. Грунть покажется высохшимъ, но когда покроютъ лакомъ и когда онъ высохнетъ, то представляеть видъ блестящій и прекрасный, но вдругъ отдирается, и подъ лакомъ является грунть никакъ не засохшій. Парижскій лакировщикъ, видя неудачу и не зная какъ пособить дѣлу, бѣжалъ; тогда уже принялись сами лакировать; тутъ уже всѣ были заняты: унтеръ-офицеры и офицеры; я показывалъ всѣмъ примѣръ.

Къ счастью нашему была постоянно свѣтлая и жаркая погода. Мы лакировали съ отчаяннымъ усердіемъ, ибо знали что этотъ лакъ не проченъ, но желали хоть на одинъ разъ представиться предъ лицо царя и глаза всей Европы въ блестящемъ видѣ; для киверныхъ круговъ лакъ этотъ могъ по необходимости быть удовлетворителенъ, но для аммуниционныхъ вещей вовсе не годился, потому что ежели положить вещи одна на другую, то лакъ будетъ отдираться. Посему во время перехода вещи не были надѣваемы на людей, а переносили ихъ на шестахъ.

Французы съ удивленіемъ смотрѣли на всѣ наши работы и быть-можетъ думали что всѣ солдаты у насъ мастеровые. Наконецъ приказано было выступить въ походъ и расположиться на поляхъ Шампаніи, близъ города Верта, въ лагерьхъ возлѣ мѣста назначеннаго для высочайшаго смотра. Переходя къ сему мѣсту, солдаты несли по прежнему порядку аммуницію на шестахъ.

Впередѣ лагеря на западѣ возвышалась гора, а правѣ ея, верстахъ въ двухъ или въ трехъ подъ горой, находился городъ Вертъ.

Поля, на которыхъ войска были расположены лагеремъ, были пахотныя, изобилующія тонкою известковою пылью, отъ натурального свойства земли и отъ удобреній полей пережженою известью. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтра и отъ хожденія людей въ сухую погоду пыль эта подымается и

садится слоємъ вездѣ, и въ шалахахъ, и въ палаткахъ, такъ что нельзя безъ нея ничего ни съѣсть, ни выпить.

Наканунѣ смотроваго дня выведены были войска на смотровое мѣсто для релетиціи въ десять часовъ поутру и въ сумерки уже возвратились въ лагерь, да иначе и успѣть было не возможно, при движеніи полутораста тысячъ войска, хотя въ колоннахъ сомкнутыхъ лобаталіонно и въ двѣ линіи, нужно много времени.

Въ назначенный день для высочайшаго смотра выведены были войска на парадное мѣсто, а мы построились въ три линіи лицомъ къ западу и предъ нами была выше упомянутая гора. Она отдѣлялась отъ гряды горъ за которыми находился городокъ; съ лѣвой стороны на скатѣ ея стоялъ телеграфъ.

Въ 10 часовъ прибыли на холмъ государь, Австрійскій императоръ и Прусскій король съ многочисленною свитой; телеграфъ сдѣлалъ знакъ [.]

Выстрѣлъ на горѣ изъ пушки былъ сигналомъ о прибытіи высокихъ особъ. Войска взяли ружья на плечо, музыка заиграла и люди закричали троекратно *ура!* и открыли батальный огонь вмѣстѣ съ артиллеріей по три заряда.

Молодые артиллерійскія лошади испугались и понеслись съ зарядными лицами и съ передками между линій. При этомъ случаѣ нѣсколько человѣкъ дашились жизни.

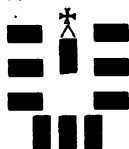
По окончаніи пальбы построили колонны справа лобаталіонно, и потомъ сомкнули двѣ общія колонны, сдѣлали переѣзъ дирекціи налѣво, взяли къ ногѣ и ожидали пока прѣѣхалъ государь на назначенное мѣсто для церемоніальнаго марша.

Начался церемоніальный маршъ, и полки пошли сомкнутыми колоннами лобаталіонно, имѣя между себя интервалы на взводную дистанцію.

При движеніи войска поднялась ужасная пыль и легла на насъ толстымъ слоємъ, покрыла все наши изъянности и недостатки. Удивительно какъ могли вытерпѣть государи на сильномъ жару жгучую пыль. Все имѣли равнаго цвѣта одежду, сѣрая пыль покрыла всехъ. Промедши такимъ образомъ войска возвратились въ лагерь при закатѣ солнца.

На другой день назначенъ былъ церковный парадъ. Для

этого поставлены были три походныя церкви, на покатости горъ склонявшихся отъ города къ юго-западу. Средняя была поставлена уступомъ впередъ выше крайнихъ.

Войска собрались къ этому мѣсту безъ ружей и построились. Баталіонныя колонны, стали возлѣ церквей покоемъ, Гренадерскій корпусъ расположился при средней, гдѣ присутствовали императоръ Александръ I, императоръ Французъ и Прусскій король со многими принцами. Аммуниція наша уже не имѣла лаку, но и тутъ намъ помогла услужливая французская пыль. По окончаніи обѣдни, войска пошли обратно къ своимъ мѣстамъ въ лагерь, который находился отъ этого мѣста не менѣе четырехъ верстѣ. День былъ жаркій, но пѣхотные солдаты пришли всѣ, а кирасиры безъ привычки попадали многіе на дорогѣ.

Вслѣдъ за этимъ получено приказаніе чтобы всѣ генералы и командиры полковъ прибыли къ царю нашему на обѣдъ... но не сказано въ какой быть формѣ. Я не имѣлъ счастья до сего времени быть за царскимъ столомъ и не зналъ въ какой формѣ должно быть. Спросилъ у своего товарища Клевовскаго, но и онъ вѣрно столько же зналъ сколько я. Однакоже сказалъ рѣшительно что должно въ шляпахъ, и такъ мы оба отправились въ шляпахъ. Когда же прибыли на дворъ гдѣ была квартира государя императора и гдѣ приготовлены были уже подъ навѣсомъ обѣденные столы, мы увидѣли что всѣ полковые командиры въ киверахъ. Мы бросились со двора и сыскали какихъ-то офицеровъ которые одолжили намъ киверовъ, а мы имъ отдали свои шляпы. Но по несчастію мнѣ попался киверъ съ прожженною дырой, однакоже благодареніе Богу никто этого не замѣтилъ, потому что мы ихъ не надѣвали. Въ это время за столомъ у царя никого изъ иностранныхъ не было. Одинъ былъ Русскій царь, съ своими Русскими подданными. Послѣ обѣда вышедши со двора мы едва могли отыскать тѣхъ офицеровъ, отдавши имъ кивера и взявши свои шляпы возвратились въ лагерь.

XII.

На другой день государь изволилъ выбирать изъ полковъ людей въ гвардію, и отдалъ приказъ о выступленіи войскъ въ Россію.

Обратный луть назначенъ былъ черезъ городъ Вердунъ, мимо крѣпости Меца, на Реймсъ, Фраакфуртъ что на Майнѣ, Лейпцигъ и крѣпость Торгау, и потомъ въ Царство Польское.

Проходя городъ Шалонъ, я купилъ шампанскаго вина 150 бутылокъ и положилъ его въ провіантскія фуры, въ надеждѣ провезть ихъ въ Россію безпашинно, но за грѣшный умыселъ мой наказанъ по справедливости.

Проходя у самыхъ стѣнъ крѣпости Меца, узналъ я что братъ мой Андрей Осиповичъ взятъ въ плѣнъ, не въ сраженіи, а такъ лодошедши съ другими офицерами на прогулку къ французскимъ аванпостамъ. Тамъ наши за что-то поспорились съ французскими офицерами и ихъ всѣхъ отвели въ крѣпость; но чрезъ нѣсколько дней они были возвращены.

Крѣпость эта считается одною изъ лучшихъ во Франціи. Рѣка Мозель обтекаетъ ее съ западной стороны у самыхъ стѣнъ. Она залпужена каменною рѣшеткой изъ тесаннаго камня, вода съ большимъ шумомъ льется чрезъ нее; для нашего прохода устроены были временныя мосты ниже плотины. Несмотря на то что война уже кончилась, насъ въ крѣпость не пустили; многіе жители, выходя изъ крѣпости, приносили для продажи разныя галантерейныя вещи. Здѣсь дѣлаютъ, какъ увѣряютъ жители, самыя мѣлкія золотыя цѣпочки, и я купилъ ихъ десять аршинъ.

Имѣя дневку на западной сторонѣ крѣпости Меца, не переходя еще рѣки Мозеля, вечеромъ предъ закатомъ солнца я пошелъ съ полковымъ лѣкаремъ Скородумовымъ прогуляться по небольшой дорожкѣ между виноградныхъ садовъ. Въ одномъ мѣстѣ вытекала изъ каменной щели ключевая какъ хрусталь вода; лѣкарь пошелъ впередъ, а я стоя любовался смотря на чистую воду, видя только на днѣ ея бѣлый лошадиный волосъ въ четверть аршина. Присматриваясь замѣтилъ я, что волосъ этотъ не отъ движенія воды, а самъ согнулся нѣсколько и опять пришелъ въ

первое положеніе. Это меня удивило, я позвалъ лѣкаря, онъ поднималъ его лалочкой изъ воды и оказалось что это былъ живой волосяной червь.

При выступленіи нашихъ войскъ изъ Франціи, солдаты наши, ознакомившись уже съ благосклонными Французами, подружались съ ними. Притомъ продовольствіе имъ хозяева доставляли хорошее: давали кофе и всякій день говядину. Потому много дезертировало; хозяева ихъ скрывали и отыскать было невозможно. Глупцы эти воображали что имъ будутъ всегда такъ заниматься, но когда Французы стали ихъ принуждать къ работѣ, то многіе изъ дезертировъ возвращались назадъ.

Не доходя рѣки Рейна я имѣлъ дневку близъ желѣзнаго завода и изъ любопытства ходилъ посмотрѣть. Тутъ расплавлялась въ большой домѣ каменная желѣзная руда, камень былъ сѣраго цвѣта, разбитый въ малые куски, въ нихъ много было изображеній окаменѣлыхъ рыбъ и разнаго растенія.

При вступленіи въ Царство Польское сдѣлалась погода осенняя, пасмурная и дождливая. 18го ноября прошли городъ Ломжу, полки 2й Гренадерской дивизіи расположились на ночлегъ по окрестнымъ деревнямъ, а дивизіонная квартира въ самомъ городѣ и отдано приказаніе на завтрашнее число слѣдовать въ городъ Остроленку. Съ вечера сдѣлалось свѣжо и ночь была свѣтлая, вокругъ мѣсяца явился большой кругъ радужнаго цвѣта; поутру при выступленіи въ походъ дулъ холодный вѣтеръ съ сѣверо-запада, и порошилъ изрѣдка снѣжокъ, потомъ сталъ морозъ усиливаться и постепенно крѣпчать. Переходъ былъ отъ Ломжи и до Остроленки 30 верстъ, и на этомъ протяженіи не было ни одной деревни, исключая корчемъ, и по этой причинѣ полки должны были съ маленькими роздыхами слѣдовать въ Остроленку. Съ половины дня морозъ сдѣлался такъ силенъ, что много солдатъ и даже офицеровъ приморозили сильно носы, уши и ноги, пока дошли до ночлега. Въ Таврическомъ Гренадерскомъ полку замерзъ часовой полковаго лица, и во всѣхъ полкахъ много приморозено было людей, въ 4мъ Карабинерномъ полку оказалось пострадавшихъ отъ мороза нижнихъ чиновъ 76 человекъ. При этомъ несчастномъ неожиданномъ случаѣ я вспомнилъ о моемъ шампанскомъ винѣ, которое оказалось все

замерзшимъ и въ каждой бутылкѣ дно такъ правильно отстало какъ будто ножомъ отрѣзано. Отсель слѣдовали на крѣпость Грауденсъ что на берегу Вислы, потомъ на городъ Бѣлостокъ, на Гродно. 25го числа декабря во время дневки въ городѣ Новогрудкѣ, приглашены были бригадный командиръ генералъ Полуехтовъ и я 26го числа на обѣдъ къ предводителю дворянства. Я однакоже хотѣлъ идти вмѣстѣ съ полкомъ въ походъ, но генералъ Полуехтовъ уговорилъ остаться съ нимъ, съ тѣмъ условіемъ чтобы послѣ обѣда немедленно отправиться за полкомъ. Обѣдъ былъ поздно и генералъ послѣ обѣда еще оставался съ часъ времени, будучи въ надеждѣ что по обѣщанію предводителя лошади съ санными уже готовы, но пришедши на квартиру увидали что еще ни саней, ни лошадей нѣтъ. Генералъ имѣлъ дурную привычку послѣ ночлега оставаться у добрыхъ хозяевъ обѣдать, а послѣ отправлялся въ безплатномъ экипажѣ до слѣдующаго ночлега и часто случались съ нимъ смѣшныя продѣлки, но онъ не переставалъ дѣлать это по экономическимъ своимъ расчетамъ. Послали за санными и собирать лошадей жидовскихъ. Извѣстно какой порядокъ у Жидовъ по этому предмету. Привели дрянныхъ лошадей, разнаго росту, но упряжи не было. Поднялся шумъ, крикъ: кто несъ постромку веревочную, кто вожжу, кто узду, да и сани разслаблены уже были въ своемъ составѣ отъ долговременнаго употребленія, но другихъ достать было невозможно и особенно въ ночное время. Пришлось связать кое-какъ веревочками и луститься въ дорогу. Генералъ изъ престо­рожности чтобы не простудиться надѣлъ на рубашку плафортъ, потомъ овечью шубу, подвязался кушакомъ, потомъ медвѣжьей шубу и также подвязался кушакомъ, на ноги также двое теплыхъ сапогъ и на голову мѣховую шапку съ ушами. Я имѣлъ только на ватѣ шкель.

Снарядившись такимъ образомъ, мы помѣстились въ сани, не имѣя никого съ собой, кромѣ логонщика Еврея. Снѣгъ повалилъ густой, съ вѣтромъ, ночь была темная, но мы лустились въ дорогу. При выѣздѣ изъ города надобно было объѣзжать гору. Я замѣтилъ что лошади шли по дорогѣ, а сани лѣзли на гору, приказалъ Жиду остановиться; генералъ спросилъ:

— Что значить? зачѣмъ остановились?

— Чудо я замѣтилъ, сказалъ я ему, — лошади идутъ по дорогѣ, а сани лѣзутъ на гору, съ которой намъ остается ка-
титься на дорогу.

Но это его не встревожило.

Я всталъ и вмѣстѣ съ извозчикомъ кое-какъ спустили са-
ни на дорогу. Тутъ я увидѣлъ что дышло выскочило изъ
своего мѣста и лошади тащили его по дорогѣ, а сани ѣхали
вверхъ. Привязавъ кое-какъ дышло, лоѣхали, но дорога
была занесена снѣгомъ, притомъ съ вѣтромъ прямо несло
его въ глаза. Проѣхавъ кое-какъ около восьми верстъ, из-
возикъ потерялъ дорогу. Генералъ кричалъ чтобъ онъ
ѣхалъ поскорѣе, а тотъ съ плачемъ отвѣчалъ что лошади
не идутъ, и что волки насъ здѣсь съѣдятъ. Генералъ въ сво-
емъ уборѣ не замѣчалъ опасности, но я принялъ въ уваженіе
что, сбившись съ дороги ночью, можетъ быть худо. Всталъ,
пошелъ впередъ, и съ возвышеннаго мѣста увидѣлъ въ сто-
ронѣ огонекъ, и сказалъ что въ теперешнемъ нашемъ поло-
женіи лучше всего отправиться на огонекъ въ деревню для
ночлега. Но надобно было найти дорогу къ ней. Я пошелъ
въ сторону, и отойдя шаговъ двадцати или болѣе, по-
палъ въ глубокую яму занесенную снѣгомъ. Выбрав-
шись оттуда, я хотѣлъ генерала сколько-нибудь утѣшить
въ семъ случаѣ; вызвалъ его изъ саней, предложилъ ему
присмотрѣться не найдетъ ли онъ дороги, и не доходя до
ямы остановилъ его, позвалъ Жида и велѣлъ ему идти впе-
редъ. Онъ сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, рухнулъ въ яму, иску-
гался и закричалъ: „ой вей, ой вей, ой вей“, то-есть бѣда, бѣда,
бѣда, а генералъ хохоталъ, видя мою продѣлку. Я пособилъ
Жиду выбраться изъ ямы, послѣ чего я сказалъ генералу
чтобъ онъ сѣлъ въ сани и ѣхалъ за мной, а я шелъ впе-
редъ на видѣнный мною огонекъ, но лошади едва тащились
по глубокому снѣгу, извозикъ потерялъ меня изъ виду, а
я чрезъ полчаса, пробираясь черезъ сугробы снѣга, пришелъ
въ деревню и узналъ что предводитель который насъ
угощалъ въ городѣ живетъ здѣсь. Пошелъ прямо къ нему
въ домъ; тотъ увидѣлъ меня, удивился и спросилъ: „гдѣ же
генералъ?“ На это я сказалъ: „въ полѣ, не знаю гдѣ“, и про-
силъ послать его людей поискать. Чрезъ часъ привезли
генерала. Хозяинъ насъ принялъ радушно, а генералу при-
ятно было то что онъ сдѣлаетъ честь хозяину, оставшись
на обѣдъ и завтра у него, но я съ разсвѣтомъ нанялъ

подводу и выѣхалъ къ полку своему, давъ себѣ клятвенное обѣщаніе не отставать никогда отъ полка на походѣ, и особливо на походѣ въ зимнее время; случись что-нибудь, генералъ оградилъ бы себя отъ отвѣтственности, а полковой командиръ отвѣчай.

XIII.

По возвращеніи въ Россію, 2я Гренадерская дивизія расположена въ Смоленской губерніи, дивизіонная квартира въ городѣ Смоленскѣ, 4му Карабинерному полку назначенъ Сычевскій уѣздъ. Уѣздный городъ расположенъ при рѣкѣ Вазузѣ, но она здѣсь не была судоходная, въ лѣтнее время переѣзжали ее въ бродъ, и потому городъ не могъ имѣть никакихъ промышленныхъ средствъ. Граждане были незажиточны.

Городничій, получивъ предварительное увѣдомленіе о томъ, что Карабинерному полку назначена здѣсь штабъ-квартира, полагалъ, что это конный полкъ, въ чемъ убѣждены были и граждане, испугались и не знали гдѣ расположить лошадей полковыхъ; а для полковаго лазарета очистили каменный большой флигель гдѣ были присутственные мѣста, кои помѣстили теперь въ частныхъ домахъ. Когда же прибылъ полкъ, то страхъ ихъ миновался; они увидѣли, что это былъ лѣвшій полкъ, познакомились скоро съ нами и подружились.

Въ другомъ каменномъ флигелѣ, по доброму расположенію градоначальника, квартировалъ отставной генералъ-майоръ Вастуцкій съ двумя сестрами-дѣвцами не молодыхъ уже лѣтъ. Несмотря на хорошее состояніе, они жили провинціальнымъ порядкомъ, не отступая далеко отъ древнихъ праотческихъ обычаевъ. Я тотчасъ сдѣлалъ ему визитъ, и онъ былъ весьма радъ моему знакомству. Въ день его тезоименитства съѣхались въ городъ окрестные помѣщики и градскія власти для поздравленія его, со своими любезными половинами и съ дочерьми. Я конечно не былъ пропущенъ въ приглашеніи. Пришедши вечеромъ засталъ здѣсь все избранное общество; мужчины сидя за ломберными столиками занимались бостономъ и за каждымъ туромъ для освѣженія лапяти подкрѣплялись травничкомъ, а дамы сидя по стульямъ вели между себя дамскій разговоръ, дѣвцы же ходили

ло вытолтавшемся уже полу и что-то шушукали между собой; свѣчей восковыхъ не было, но горѣли салныя въ подсвѣчникахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за недостаткомъ подсвѣчниковъ вставлены были въ пустыя бутылки. Известковыя стѣны покрытыя пылью и потемнѣвшія отъ времени, шлифованныя треніемъ плечей, отражали тусклый свѣтъ. Изъ этого видно было что на чистоту здѣсь не обращали вниманія. Слуги въ передней были полусонные или полупьяные, и особенно старшій изъ нихъ. Видя что здѣсь ничѣмъ не оживляется общество дамъ, я отдалъ приказаніе ординарду моему чтобы пришли полковые музыканты. Они вошли тихо въ залу, а изъ людей никто не предупредилъ ни хозяина, ни гостей. Я почтительно доложилъ генералу: не позволить ли онъ призвать полковую музыку. Онъ съ радостью благодарилъ меня; я далъ знакъ музыкантамъ и раздался оглушительный ударъ въ большой барабанъ; неожиданность эта перепугала не только дамъ, но даже и мушья. Но вслѣдъ за тѣмъ огласилъ комнаты прекрасный лѣтучій полонезъ. Я первый предложилъ старшей сестрѣ генерала сдѣлать мнѣ честь пройтись со мною, и все общество приняло въ томъ участіе. По исполненіи этого церемоніальнаго обряда пошли потомъ разные живые танцы, и веселились до двухъ часовъ пополудни. Такимъ образомъ я приобрѣлъ себѣ знакомство и доброе расположеніе отъ всѣхъ. Въ Сычевскомъ уѣздѣ было нѣсколько знаменитыхъ помѣщиковъ; но они въ имѣніяхъ не были, а проживали въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Одинъ только Никита Петровичъ графъ Панинъ жилъ здѣсь постоянно со всѣмъ своимъ семействомъ въ селѣ Дугинѣ. Нарышкинъ пріѣзжалъ временно, вдова же Нарышкина съ дочерью своею дѣвицей хотя жила у самого города за рѣкой Вазузой, но сама нигдѣ не бывала и къ себѣ никого не принимала.

Я съ моими штабъ-офицерами поѣхалъ къ графу Панину съ почтеніемъ, желая познакомиться съ нимъ. Онъ принялъ насъ ласково; но въ это время доложили ему что въ шести верстахъ отъ его деревни лежатъ на дорогѣ нѣсколько волковъ. Онъ предложилъ намъ остаться у него откушать, а самъ онъ на самое короткое время поѣдетъ поохотится на волковъ. Вельможа этотъ, будучи человѣкъ государственный, жилъ въ деревнѣ среди сосѣдей несоотвѣтствующихъ съ его образованіемъ и высокими достоинствами. Такіе сосѣди не могли

доставить ему пріятнаго сообщества, и потому онъ для развлеченія занимался охотой исключительно на медвѣдей и волковъ, которыхъ было въ его обширныхъ владѣніяхъ по лѣсамъ достаточно. Онъ стрѣлялъ весьма мѣтко, на сто шаговъ дистанціи безъ промаха попадалъ въ двухкопѣечникъ, и для сего устроена была въ саду каменная стѣна для мишени. Арсеналъ былъ у него большой, лучшія ружья и пистолеты выписывалъ изъ-за границы и имѣлъ собственныхъ хорошихъ слесарей обучавшихся въ Англіи. Иногда занимался также на токарномъ станкѣ и имѣлъ перелиску съ иностранными знаменитыми знакомыми своими. Мы остались въ домѣ управляющаго его имѣніемъ отставнаго майора. Графъ скоро возвратился, и насъ пригласили къ обѣду. Онъ объявилъ что волки ушли не дождавшись его.

Къ обѣденному столу собралось все его семейство, именно: его супруга, графиня Софья Владиміровна, урожденная Орлова, двѣ дочери уже взрослые и одна малолѣтняя, и два сына также взрослые, кои находились при домѣ; младшій Викторъ Никитичъ, имѣвшій восемнадцать лѣтъ, занимался еще науками. Къ столу также явились гувернантки и гувернеры и другія лица находившіяся при домѣ.

Графиня была веселаго характера. Обласкала насъ и привлекла къ себѣ своимъ пріятнымъ вниманіемъ. Когда мы откланивались, то графиня весьма обязательно приглашала пріѣзжать къ нимъ почаще, и приглашеніе это мнѣ было по сердцу, ибо давало возможность послѣ учебныхъ и прочихъ занятій по полку отдохнуть въ свѣтломъ, тепломъ кругу, гдѣ соединена была радужная простота съ приличіемъ и веселостъ. Графъ постоянно былъ серіозенъ, приходилъ только къ общему обѣденному столу, а прочее время проводилъ на своей половинѣ дома, въ кабинетѣ. Однажды, когда я былъ одинъ съ нимъ въ кабинетѣ, онъ между разговоровъ сказалъ: „Я сыновей моихъ не отпущу за границу, пока они не познакомятся хорошо съ отечественными нашими законами, нравами и обычаями. Тогда пусть они ѣдутъ куда хотятъ, со здравымъ разсудкомъ разсматриваютъ все иностранное. Я увѣренъ что не увлечетъ ихъ чужое.“

Графиня была постоянно весела и пріятлива, и столько была обязательна что нельзя было не любить и не уважать ея. Ознакомившись поближе въ лѣтнее время когда полкъ

былъ въ лагеряхъ при городѣ Сычовкѣ, она пріѣзжала ко мнѣ со всѣмъ своимъ семействомъ смотрѣть ученіе, слушать музыку и доставить удовольствіе молодымъ людямъ попотанцовать въ моей большой палаткѣ, въ которой я положилъ паркетный полъ. И кромѣ сего пріѣзжала на полковой праздникъ и на мои именины. Однимъ словомъ я былъ счастливъ какъ будто одинъ изъ членовъ ея семейства. Пріѣзжаетъ ли кто-либо изъ начальниковъ для смотра полка, по ея распоряженію является ея поваръ ко мнѣ со всѣми нужными припасами для приготовления кушанья; она такъ была внимательна и благодѣтельна не только ко мнѣ, но и ко всѣмъ моимъ офицерамъ. Въ городѣ же Сычевкахъ, во время пріѣзда начальниковъ моихъ, генералъ Вестницкій столько былъ добръ и обязателенъ ко мнѣ что всегда, для препровожденія времени, являлся съ увлекательными своими разговорами о разныхъ ученыхъ предметахъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, а мнѣ оставался промежутокъ заняться своимъ дѣломъ. Въ городѣ Сычевкахъ расположена была также одна рота артиллеріи, и когда бывали празднества по какому-либо случаю у графа, то моя музыка и пѣсенники тамъ бывали всегда, а иногда даже въ ночное время разсыльной строй съ палубой для акомпанированія фейерверку, который дѣлали артиллеристы. Такъ мы проводили наше время въ Сычевскомъ уѣздѣ и при выступленіи оттоль простились со взаимнымъ сожалѣніемъ. При выступленіи въ походъ графиня, какъ полечительная мать, прислала намъ пироговъ, и знакомыхъ офицеровъ наградила холстами и другими подарками. Мнѣ всегда пріятно вспомнить о томъ счастливомъ времени которое провелъ я въ семействѣ графа Панина.

По возвращеніи полковъ изъ-за границы, въ 1816 году, предписано было полковымъ командирамъ принять на законномъ основаніи резервные баталіоны, которые до сего времени были отдѣльно. Баталіонъ моего полка расположенъ былъ Гжатскаго уѣзда въ селѣ Пречистенскомъ, въ имѣніи князя Голицына, для прекращенія возмущенія крестьянъ. Баталіономъ этимъ командовалъ майоръ Романовичъ. Обстоятельство это было не по сердцу ему, да и мнѣ также не пріятно, ибо я зналъ въ какомъ несчастномъ состояніи находится сей баталіонъ и кромѣ сего мнѣ подъ рукой извѣстно было что баталіонный командиръ пользуется сильною протекціей въ дивизіонномъ дежурствѣ.

Я отдалъ приказъ по полку что буду смотрѣть баталіонъ ему ввѣренный въ баталіонной квартирѣ. Такъ какъ это было еще въ зимнее время, по пріѣздѣ моемъ туда онъ встрѣтилъ меня съ музыкой, состоявшею изъ двѣнадцати человѣкъ, со старыми изломанными и ломатыми инструментами. Я принялъ эту почесть при почетномъ караулѣ. Хотя при баталіонахъ музыки не положено, но онъ думалъ лустить мнѣ пылъ въ глаза чтобы затмить несчастное состояніе баталіона. Я понималъ это и приказалъ распустить караулъ и музыкантовъ.

Въ юнѣ мѣсяцѣ баталіонная квартира переведена была въ городъ Гжатскъ и я пріѣхалъ посмотреть одежду, аммуницію, ученіе людей, подѣмныхъ лошадей и обозъ. Увидѣвъ все это я ужаснулся: все не годилось въ употребленіе, мундиры съ заллатами, панталоны изорваны, кибера прожженные, чешуя съ узлами, обозы, сбруя негодныя, людей много больныхъ. На ученіи онъ чтобы удлинить фронтъ поставилъ солдатъ на шагъ другъ отъ друга. Когда же спросилъ я для чего онъ это сдѣлалъ, онъ сказалъ: чтобы казался больше фронтъ и чтобы свободнѣе дѣлать ружьемъ солдату. Это ясно открыло мнѣ что высшее начальство, которому ввѣрены были эти баталіоны, не имѣло никакого наблюденія за дѣйствіемъ баталіонныхъ командировъ, довѣряя слѣпо всему что они доносили на бумагѣ. Увидѣвъ это я разчелъ за нужное испытать какъ сильно протекторство дивизіоннаго дежурства, отдалъ приказъ чтобы приготовленъ былъ баталіонъ къ сдачѣ мнѣ на законномъ основаніи, но за смотръ баталіона не сказалъ ничего баталіонному командиру.

Къ этому случаю онъ созвалъ къ себѣ знакомыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ было семейство Жеребцовыхъ. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я дѣвицу Жеребцову Ирину Николаевну и она мнѣ понравилась. Смѣтливый баталіонный командиръ и его супруга замѣтили это, и расхваливали мнѣ ее до небесъ, хотя для меня и не нужно было этого, ибо я прошедшись съ нею нѣсколько танцевъ понялъ ея достоинства и образъ ея глубоко вѣтзался въ мою память: я видѣлъ ее всегда живо предъ собою. Между тѣмъ я получалъ приказъ изъ дивизіоннаго дежурства чтобы принять баталіонъ на законномъ основаніи, но продовольствіе подѣмныхъ лошадей и всѣ хозяйственныя распоряженія оставить

въ вѣдѣніи баталіоннаго командира. Ого! подумалъ я, видно что жертва приносится щедрая дивизіонному дежурству, и рѣшился опять не принимая баталіона на законномъ основаніи, выжидать удобнѣйшаго случая. Между тѣмъ я по-свадтался и совершилъ свадьбу въ февралѣ мѣсяцѣ.

Въ началѣ 1817 года получено повелѣніе чтобы приготовить полки къ высочайшему смотру и вслѣдъ за симъ предписаніе отъ дивизіоннаго начальника о томъ чтобы про-извести слѣдствіе о двухъ крестьянахъ князя Голицына, со-державшихся въ Гжатскомъ острогѣ за возмущеніе кре-стьянъ къ бунту. Они бѣжали изъ острога и подали проше-ніе государю въ С.-Петербургѣ, а такъ какъ караулъ со-держанъ былъ при острогѣ отъ сего баталіона, то и отвѣт-ственность падала на слабость баталіоннаго командира. Я потребовалъ отъ него объясненій, но онъ мнѣ сказалъ что не можетъ дать объясненій, потому что дивизіонный на-чальникъ приказалъ ихъ отпустить изъ острога для проше-нія милостыни. Я, видя что со временемъ это можетъ по-служить къ моему пользѣ, замолчалъ.

Съ открытіемъ весны мнѣ предстояло много заботъ: по-стройка мундировъ, ременная аммуниція, кожаные вещи мно-гія сдѣланы новыя; но лакировка лѣчнымъ лакомъ кивер-ныхъ круговъ, ремешковъ, перевязей, портупей оружейныхъ и ранцовыхъ, ремней патронныхъ, сумъ и огнивыхъ чех-ловъ, приводила меня въ отчаяніе. Я разорился на это во Франціи при высочайшемъ смотрѣ безъ всякой пользы, и теперь предстояло то же, хотя это была прихоть начальни-ка, ибо не было на то высочайшей воли, и во всѣхъ егер-скихъ полкахъ и даже въ 3й Гренадерской дивизіи, кромѣ сумъ и киверовъ, всѣ ремни натирались чернымъ воскомъ. Это самое заставляло всякаго солдата имѣть заботу о томъ чтобъ аммуниція его была чиста какъ и въ пѣхотныхъ пол-кахъ, а въ лакированной аммуниціи не было ему заботы о чистотѣ ея, онъ смахнетъ только бывало съ нея иль и на-дѣваетъ на себя; соскочить ли гдѣ лакъ, это не его дѣло, за это отвѣчаетъ полковой командиръ. Лакъ лѣчный даетъ трещины отъ морозовъ, туда набивается тонкая пыль, и весной опять аммуницію должно покрывать лакомъ и класть въ жаркую печь на трое сутокъ, а при лакированіи новой она должна быть въ жаркой печи цѣлую недѣлю, раз-умѣется что аммуниція отъ сего теряетъ прочность и ле-

регораетъ, но начальники не обращали вниманія, а требовали только чтобы воля ихъ исполнена была. Послѣ сего что оставалось дѣлать полковому командиру? Жертвовать своею собственностью, или не давать солдатамъ провіанта и просить жителей чтобы подарили слѣдующій имъ за кормъ солдата провіантъ. Просить для пользы солдата я готовъ, чтобы въ лагерное время была у нихъ хорошая пища; но если я дѣлаю это для береженія своей собственности, то съ какимъ видомъ стану я предъ фронтомъ моихъ подчиненныхъ и могу ли требовать исполненія моихъ приказаній не опасаясь справедливой ихъ жалобы на неотдачу имъ того что положилъ государь? Нѣтъ, я неспособенъ былъ на такое дѣло, опасеніе быть виновнымъ не дало бы мнѣ покою. Итакъ я рѣшился истощить всѣ мои средства для того чтобы представить полкъ мой на смотръ царю, но не грабить солдатъ. Собралъ 5.000 рублей изъ крохъ береженныхъ во время походовъ и военныхъ дѣйствій, подрядилъ лакировщика въ Москвѣ для облакировки полковой аммуниціи. Онъ привезъ изъ Москвы матеріалы и сталъ лакировать, но дѣло на ладъ не шло, ибо лакъ этотъ каретный былъ. Лакировщикъ бѣжалъ и моихъ задаточныхъ денегъ пропало 1.500 рублей. Принялся я составлять лакъ въ полку по разказамъ, и пережегши много ремней, кое-какъ приготовилъ полкъ на смотръ его величеству. Я началъ обучать людей набранныхъ въ военное время изъ разныхъ полковъ, бывшихъ по разнымъ госпиталямъ; я рѣшился перебрать всѣхъ ихъ по одиночкѣ и подбирать лицо къ лицу; но ротные командиры не поняли моего намѣренія и были убѣждены въ томъ что роты ихъ по фронтальной части усовершенствованы, но я выбралъ изъ полка нѣсколько человѣкъ имѣющихъ хорошую стойку и маршировку, показалъ имъ примѣръ и сказалъ что я хочу чтобы весь полкъ былъ таковъ, и такимъ образомъ принудилъ ихъ исполнять мою волю. Къ счастью былъ у меня отличный помощникъ майоръ Денебекъ, а прочимъ баталіоннымъ командирамъ изъяснилъ также мое желаніе, чтобы они приняли въ этомъ участіе. Полкъ собралъ въ лагерѣ при городѣ Сычевкѣ, присоединивъ и резервный баталіонъ, началъ обмундировывать его и исправлять аммуницію, не улуская изъ виду ученій. Въ мѣсяцъ пріѣхалъ фельдмаршалъ Барклай-де-Толли для осмотра полковъ, ибо къ моему полку присоединенъ былъ лаге

ремъ и 3й Карабинерный полкъ; поутру, въ 3 часа, приказано приготовить 1й баталіонъ изъ моего полка на смотръ главнокомандующаго.

Ночь была свѣтлая и теплая; я велѣлъ вывести людей въ сосновую рощу, бывшую возлѣ города, велѣлъ имъ тутъ чиститься и приготовиться. Въ 3 часа разсвѣло; я приказалъ баталіонному командиру вывести людей на равнину и продолжать ружейные приемы, и это сдѣлано было хорошо, но когда двинулъ впередъ фронтомъ, то фронтъ безпрестанно колебался и даже разрывался, понятно что люди проведши всю ночь безъ сна дремали. Видя это я не ожидалъ ничего хорошаго, но вооружась терпѣніемъ положился на милость Божію. Выѣхалъ главнокомандующій, началось ученіе, оружейные приемы и пальба дивизіонами и баталіонами прошли хорошо, но при маршировкѣ фронтомъ баталіонъ волновался, когда же приказалъ идти по рядамъ и пришлось мѣсто съ кочками, тутъ люди потеряли ногу и разрывались. Главнокомандующій обратясь ко мнѣ сказалъ: „Г. полковой командиръ, 9й баталіонъ долженъ быть у васъ какъ брилліантъ, а онъ въ безпорядкѣ, займитесь прилежнѣе имъ“. Я отвѣчалъ: „Сознаюсь предъ вашимъ сіятельствомъ что баталіонъ этотъ въ первый разъ только сведенъ; я перебиралъ всѣхъ людей по одиночкѣ и подбиралъ ихъ по виду чтобы привести въ порядокъ людей, собранныхъ тутъ изъ разныхъ полковъ, но надѣюсь что къ смотру Его Величества будетъ полкъ въ совершенной исправности“. Между тѣмъ дивизіонный начальникъ съ неудовольствіемъ безпрестанно мнѣ твердилъ: „что, испугался, потерялся? видишь какъ все скверно“. И скрѣпя сердце молчалъ. По окончаніи несчастнаго смотра пошелъ я къ дивизіонному начальнику, который съ гнѣвомъ мнѣ сказалъ, что онъ представитъ обо мнѣ что я хорошій офицеръ въ военное время, но командовать полкомъ не способенъ. Я поклонился и ушелъ; а онъ утѣшалъ себя надеждой что 3й Карабинерный полкъ поправитъ дѣло, но я зналъ что выйдетъ противное, ибо въ томъ полку двигалось все палками безъ толку и полковой командиръ въ этомъ способѣ былъ весьма убѣжденъ. Полку сему назначено было ученіе послѣ обѣда въ 3 часа и по времени онъ имѣлъ преимущество предъ моимъ баталіономъ. Выѣхалъ главнокомандующій, начались оружейные приемы, явился безпорядокъ, но когда

дошло до стрѣльбы, тогда главнокомандующій разсердился велѣлъ арестовать на 24 часа полкового и баталіонныхъ командировъ, а бригадному строжайшій выговоръ и не докончивъ ученія уѣхалъ. Я опять явился къ дивизіонному начальнику, но теперь и онъ уже молчалъ.

На другой день главнокомандующій выѣхалъ смотрѣть Екатеринославскій полкъ въ городъ Ржевъ. Лошади полковыя были у меня хороши и выставлены были для перемѣны въ двухъ мѣстахъ; туда же долженъ былъ ѣхать и дивизіонный начальникъ съ своими адъютантами. Я просилъ у него позволенія отправиться и мнѣ туда. Я имѣлъ намѣреніе поѣхать къ женѣ моей въ деревню и взять ее въ городъ Сычевку. Онъ велѣлъ мнѣ ѣхать съ собою, итакъ сѣвъ съ нимъ въ мою коляску, а его адъютанты въ мой новый фаetonъ (только-что привезенный изъ Москвы) пустились въ дорогу съ тѣмъ чтобы обогнать главнокомандующаго. Едва выѣхали изъ города, онъ началъ меня бранить, а я отдѣлывался молчаніемъ, когда же истощилъ онъ свой начальничій гнѣвъ и началъ дремать, тогда я подумалъ: теперь пора и мнѣ начать свое дѣйствіе, обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ваше превосходительство, какъ прикажете мнѣ кончить дѣло о бѣжавшихъ крестьянахъ изъ острога, о которыхъ вы поручили мнѣ произвести слѣдствіе?

Онъ вспыхнулъ гнѣвомъ и закричалъ на меня:

— Почему до сихъ поръ не кончили?

— Потому, отвѣчалъ я ему, — что баталіонный командиръ не даетъ мнѣ отвѣтовъ на мои запросы.

— Отчего?

— Онъ говоритъ что вы прикосновенны къ этому дѣлу и потому онъ не можетъ дать объясненій.

При этомъ отвѣтѣ онъ измѣнился въ лицѣ и закричалъ:

— Какъ, я съ нимъ вмѣстѣ, я участникъ съ нимъ?

И тутъ соскочилъ его гнѣвъ съ меня и перенесся на баталіоннаго командира; тутъ онъ въ досадѣ честилъ его всячески и наконецъ сказалъ:

— А, такъ онъ такой, а я хотѣлъ его представить въ полковые командиры.

На это я ему отвѣчалъ:

— Увѣряю васъ чистосердечно что онъ не только не способенъ въ полковые командиры, но даже плохой и баталіонный командиръ.

Когда же утихъ его гнѣвъ, то онъ началъ мнѣ совѣтовать чтобъ я выпросилъ у командира Екатеринославскаго полка офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для обученія моего полка. Это мнѣ было не по сердцу, но я промолчалъ. Изъ Ржева отправился я къ женѣ, а дивизионный начальникъ обратно въ Сычевку. Баталіонный командиръ явился къ нему веселый, полагаясь на прежнее его къ нему расположение, но грозный гнѣвъ дивизионнаго начальника неожиданно какъ громъ поразилъ его и уничтожилъ. По возвращеніи моемъ въ Сычевку, я нашелъ его въ болѣзни и началъ уже дѣйствовать прямо и рѣшительно. Онъ понималъ свое худое положеніе и вслѣдствіе старался подбиться ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько времени по приказанію дивизионнаго начальника явились ко мнѣ въ Сычевку безъ моей просьбы Екатеринославскаго Гренадерскаго полка шесть человекъ офицеровъ и двадцать человекъ унтеръ-офицеровъ для обученія моего полка. Это жестоко уязвило мое самолюбіе, я приказалъ имъ расположиться въ городѣ, но не поручая имъ ничего написалъ къ бригадному своему командиру о томъ, выражая ему въ скромномъ смыслѣ мое огорченіе. Еслибъ я не имѣлъ счастья служить подъ его начальствомъ, писалъ я, то не встрѣтилъ бы затрудненія въ допущеніи учителей присланныхъ изъ другой бригады въ полкъ состоящій подъ его начальствомъ, для обученія людей, а потому испрашиваю его разрѣшенія. Эта тонкая игла могла бы уколоть человека чувствительнаго и знающаго свое достоинство, но для него это не значило ничего. Офицеры мои узнавъ о цѣли прибытія Екатеринославцевъ почувствовали свое оскорбленіе, возненавидѣли присланныхъ и не сходились съ ними, они находясь въ такомъ непріятномъ положеніи нѣсколько разъ обращались ко мнѣ съ просьбой чтобъ отпустить ихъ, но я объявилъ имъ что ожидаю разрѣшенія отъ своего бригаднаго командира. Но не получая никакого отвѣта на мое письмо, велѣлъ собраться имъ въ лагерь и призвалъ своихъ офицеровъ, ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, объявилъ что дивизионному начальнику угодно чтобы полкъ нашъ маршировалъ такъ какъ Екатеринославскій; предложилъ Екатеринославцамъ пройти предъ нами церемоніальнымъ маршемъ и отпустилъ ихъ въ полкъ. Ротныхъ командировъ и офицеровъ оскорбило это, и они сознавалъ свое достоинство удвоили свои старанія чтобы не уступить ни въ чемъ Екатеринославцамъ, и исполнили это на дѣлѣ.

Послѣ сего происшествія, дивизіонный начальникъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ солутствовать великому князю Николаю Павловичу за границу, но при отъѣздѣ своемъ, онъ наговорилъ много худаго о моемъ полку старшему по немъ бригадному командиру генералу Писареву, и просилъ чтобъ онъ осмотрѣлъ строго мой полкъ.

По пріѣздѣ генерала Писарева въ Сычевку, когда я былъ къ нему изъ лагеря съ рапортомъ, онъ съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ: „у тебя скверный полкъ“, и много наказывалъ непріятностей. Я ему отвѣчалъ: „ваше превосходительство не изволили видѣть моего полка“. Онъ съ неудовольствіемъ сказалъ: „въ четыре часа пополудни представить мнѣ одинъ баталіонъ на ученіе.“ Когда кончилось ученіе онъ не сказавъ ни слова уѣхалъ на квартиру и приказалъ чтобы на другой день лоутру представить весь полкъ. Когда же на ученіи увидѣлъ что всѣ эволюціи дѣлаются правильно, безъ ошибокъ и люди хорошо себя держатъ, обратился ко мнѣ сказавъ: „что они у тебя смотрѣли?“ (относя это къ главнокомандующему и дивизіонному начальнику.)—„То что и вы изволите видѣть“, отвѣчалъ я ему.—„Я сейчасъ готовъ предстать на смотръ съ этимъ полкомъ къ самому государю“, весело сказалъ онъ, и уѣхалъ на квартиру. Того же дня пріѣхалъ корпусный командиръ графъ Остерманъ-Толстой съ дурнымъ предубѣжденіемъ о моемъ полку, но генералъ Писаревъ нѣсколько успокоилъ его. Онъ приказалъ чтобы на другой день представленъ былъ полкъ для полковаго ученія. Когда ученіе кончилось, то онъ, обратясь къ Писареву, сказалъ: или они выучились, или я не такъ смотрѣлъ. Я сдѣлалъ славный завтракъ; графъ съ веселымъ удовольствіемъ далъ за разводъ 50 руб., музыкантамъ 50 р. и пѣсенникамъ 50 руб. и такъ съ сего времени началъ нѣсколько очищаться надо мною горизонтъ.

Въ августѣ мѣсяцъ собрался Гренадерскій корпусъ для Высочайшаго смотра при селѣ Тарутинѣ; однажды, когда я проходилъ съ моимъ полкомъ черезъ мостъ на ученіе, увидѣлъ стоящаго на другой сторонѣ моста корпуснаго командира Рота, котораго я вовсе не зналъ. Онъ приказалъ перестать играть моей музыкѣ, а велѣлъ играть музыкѣ Сибирскаго Гренадерскаго полка. Эта музыка была лучшая въ корпусѣ. Полкъ мой прошелъ мимо его повзводно и онъ сказалъ: хорошій полкъ. На другой день дошли до

меня слухи что Ротъ прокричалъ во всеуслышаніе что этотъ полкъ лучше всѣхъ карабинерныхъ полковъ; это меня нѣсколько утѣшило, ибо всѣ полковые командиры выхваляли свои полки, а я молчалъ и надѣялся на милость Божію.

На Высочайшемъ смотрѣ, начинающемся всегда церемониальнымъ маршемъ, когда окончился церемоніаль, то государь собравъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и полковыхъ командировъ громко сказалъ: Во второй Гренадерской дивизіи отличные полки Екатеринославскій Гренадерскій и 4й Карабинерный, а въ 3й дивизіи всѣ полки равны. Тутъ товарищи мои поздравили меня съ такимъ милостивымъ отзывомъ государя о моемъ полку, а я вознося благодареніе Богу пожелалъ отъ всей души и имъ такого же счастья.

При выступленіи въ походъ къ Тарутину, я простился съ моею женой, которая была уже близка къ разрѣшенію, и отправилъ ея въ село Раминки, съ теткой при ней бывшею и съ родною ея сестрой дѣвицей Авдотьей, къ роднымъ братьямъ не женатымъ. Послѣ смотра при Тарутинѣ дивизионная квартира назначена въ городъ Калугѣ, а штабъ для моего полка въ городъ Козельскъ. Расположивъ полкъ мой въ трехбатальонномъ уже составѣ въ Козельскомъ уѣздѣ, испросилъ дозволеніе дивизионнаго начальника отправиться къ женѣ моей, и засталъ ее уже готовою къ разрѣшенію. Начались жестокія страданія продолжавшіеся девять дней и кончились ужасною катастрофой,—но она оставшись еще въ живыхъ просила меня ѣхать обратно въ Козельскъ и приготовить тамъ всѣ хозяйственные припасы для зимняго времени. Я исполнилъ ея волю; но чрезъ недѣлю времени увидѣлъ во снѣ, что въ какомъ-то прекрасномъ саду ходила она въ бѣломъ длинномъ платьѣ, съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Я подошелъ къ ней; но она не обратила на меня вниманія, меня оскорбило это, я оставилъ ее и пошелъ по аллеѣ возлѣ каменной стѣны въ раздраженіи, но увидѣлъ четвероугольную небольшую ямочку, въ глубинѣ которой сидѣла пестрая курица, и на ямочкѣ этой лежали накрестъ четыре лалочки. Я остановился и отъ этой курицы посылались слова что чрезъ недѣлю мы будемъ въ городѣ. Послѣ сего я проснулся и разбудилъ спавшаго у дверей моихъ деньщика, спросилъ: не видѣлъ ли ты во снѣ Ирины Николаевны?—„Видѣлъ, ска-

залъ ояъ, она въ какой-то веселой компаніи и народу очень много“. Получивъ такой отвѣтъ я встревоженный духомъ пошелъ къ женѣ полковаго священника и спросилъ, не видала ли она сегодня во снѣ жены моей. Она также сказала что видѣла ее веселую въ какой-то многочисленной компаніи. Меня поразило сомнѣніе и страхъ. Приказавъ заложить лошадей, я немедленно отправился къ ней, но засталъ ее уже на столѣ. Послѣ похоронъ я отправился обратно въ полкъ; вѣсть о ея кончинѣ тронула сожалѣніемъ всѣхъ офицеровъ, потому что она всегда защищала ихъ предо мной и этимъ способомъ стяжала ихъ любовь и уваженіе къ себѣ.

(До слѣд. №.)

КАМЕНЬ СИЗИФА *

VI.

Шерифъ-бей и всѣ родные его испугались, когда узнали что Благовъ вдругъ взялъ Исаакидеса драгоманомъ. Они, какъ ты помнишь, вѣдучь не боялись Исаакидеса, пока онъ могъ вести тяжбу съ ними только какъ простой греческій подданный. Хотя эллинскій консулъ Куркориди былъ несравненно опытнѣе Благова въ коммерческихъ и тяжёбныхъ дѣлахъ Востока (ибо Благовъ умѣлъ только съ необыкновеннымъ достоинствомъ притворяться что онъ все знаетъ), но разница въ политическомъ вѣсѣ семидесятимилліонной Россіи и свободной Эллады, которая по матеріальнымъ силамъ своимъ меньше многихъ отдѣльных областей Русской Имперіи, такова что консулъ русскій, хотя бы и вовсе незнакомый ни съ юриспруденціей вообще, ни съ тайными и нерѣдко очень простыми пружинами турецкихъ дѣлъ, могъ и въ судахъ вліять несравненно больше чѣмъ самый искусный, самый ловкій и знающій Эллинъ.

Поэтому-то Исаакидесъ и сталъ въ глазахъ своихъ противниковъ совѣтъ другимъ человѣкомъ когда онъ явился предъ ними внезапно во всеоружіи русской протекціи.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8 и 9.

Абдурраимъ - эфенди самъ яослѣшилъ немедленно къ Коевино; Коевино пошелъ къ Благову и что-то громко кричалъ у него. Шерифъ-бей, который и въ первые дни по возвращеніи Благова сдѣлалъ ему визитъ, пришелъ тотчасъ же еще разъ, прежде чѣмъ Благовъ успѣлъ заплатить ему этотъ визитъ, и просидѣлъ часа два съ нимъ наединѣ.

Немного погодя бей пришелъ и еще разъ въ консульство вмѣстѣ съ Коевино.

Меня тогда не было дома, но я спросилъ у Кольйо, не замѣтилъ ли онъ чего-нибудь особеннаго? Не слышалъ ли онъ хотя бы отрывками, о чемъ они говорили въ то время когда онъ подавалъ варенье и кофе? Не произносили ли имя отца моего, или Исаакидеса? Кольйо сказалъ, что когда онъ вносилъ прохладительное и кофе, то Шерифъ-бей разказывалъ консулу о томъ, какъ одинъ его знакомый Турокъ былъ въ Россіи въ лѣтнюю и приставивши оба указательные пальца ко лбу мычалъ, а потомъ пальцемъ водилъ по горлу. Это значило: Турокъ не зналъ по-русски и ходилъ по базару покупать себѣ самъ говядину. Всѣ смѣялись. А больше ничего онъ не слышалъ; потомъ замѣтилъ что и Шерифъ-бей и Коевино ушли очень недовольные; Шерифъ-бей былъ прегрустный и что-то шепталъ доктору, уходя; а Коевино все молчалъ, ни на чьи поклоны внизу не отвѣтилъ, собаку повара на дорогѣ тростью ударилъ и брови у него „вотъ такъ прыгали“. (Кольйо сдѣлалъ изъ рукъ себѣ какъ зонтики надъ глазами, и руки эти у него очень выразительно вздрагивали, а лицо стало жестоко и рѣшительно.)

Я понялъ изъ этого что Коевино взбѣшенъ на Благова... Вѣрно онъ приходилъ ходатайствовать за Шерифъ-бея и ничего не достигъ. Вѣрно Благовъ сказалъ съ возмутительною холодною: „Очень жаль, очень жаль, что я въ этомъ ничего не могу. Теченіе тяжбы должно свершиться. Д'эмборо! * д'эмборо!“ Тѣмъ самымъ ужаснымъ тономъ, которымъ онъ мнѣ говорилъ: „злѣаствуй, Одиссей!“ „пѣщай, Одиссей!“ — или съ тою адскою радостью, съ которою онъ иногда раздиралъ на части то Бакъева, то Бостанджи-Оглу...

---

* Не могу.

Потомъ вдругъ что-то измѣнилось; пріѣхалъ къ вечеру въ тотъ же день нарочный изъ Превезы отъ тамошняго вице-консула и привезъ отъ него пакетъ донесеній и письмо отъ Исаакидеса. Г. Благовъ за обѣдомъ * прочелъ все это, обрадовался и даже намъ сказалъ: „Есть надежда повѣсить скоро колоколъ“.

Бостанджи-Оглу послѣдшилъ принять живое участіе въ радости начальника и скорчившись весь спросилъ довольно глупо: „Изъ Превезы лишутъ?“

Но Благовъ, не удостоивъ его отвѣтомъ и не докончивъ даже обѣда, ушелъ къ Коевину и тамъ видѣлся еще разъ съ Шерифъ-беемъ, за которымъ нарочно ходила Гайдуша.

До совершенной ясности для меня еще было однако все-таки далеко въ это время; я началъ только понимать что всѣ три дѣла: дѣло колокола въ Артѣ, дѣло отцовскаго вѣхселя, и дѣло страшнаго убійства въ Чамурѣ, какъ-то связаны между собой въ умѣ ли Благова, или силой самихъ обстоятельствъ.

Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда же начнетъ Благовъ тяжбу въ *туджаретъ*, и мнѣ казалось что изъ-за того одного что Шерифъ-бей человекъ хорошій, нельзя же намъ съ отцомъ вѣкъ свой не расширять круга нашей дѣятельности...

Одно только воспоминаніе нѣсколько лутало и смущало меня. Я припоминалъ что отецъ мой предъ самымъ отъѣздомъ своимъ, именно послѣ того какъ онъ вступилъ въ неизвѣстное мнѣ соглашеніе съ Исаакидесомъ, былъ какъ-то печаленъ и разстроенъ, все вздыхалъ и слишкомъ часто повторялъ: „Увы! всѣ мы люди!“ Значить онъ находилъ себя въ чемъ-то не совсемъ правымъ. Отецъ мой былъ человекъ совѣстливый и честный настолько, насколько позволяетъ быть честнымъ коммерческая жизнь.

Это такъ, конечно, но я сообразилъ однако и то что если и есть отчасти подлогъ въ документахъ Исаакидеса, то вѣдь не во всѣхъ же, а именно—отчасти; и не можетъ же Шерифъ отрицать большую часть своего долга...

Значить— не все нечисто...

Для провѣрки мыслей моихъ, я пробовалъ говорить объ этомъ кое-съ-къмъ; напимѣръ, съ Колью и съ кавассомъ

* Обѣдаютъ на Востокъ въ 7 часовъ и даже позднѣе.

Ставри. Кольцо пожималъ только плечами и отвѣчалъ: „Почемъ я знаю!“ Но почтенный Ставри, который самъ жилъ процентами съ небольшого капитала (нажитаго имъ еще прежде, вѣроятно разбѣежъ), очень ободрилъ меня, сказавъ:

— Конечно такъ! Пусть Турки, если у нихъ есть мозгъ, различаютъ хорошія росписки отъ худыхъ. Развѣ это твое дѣло? Пусть греческій консулъ наказываетъ Исаакидеса за мошенничество, какъ нужно и какъ въ Элладѣ наказывать за это полагается. А что же тутъ худаго, если твой отецъ возьметъ съ Исаакидеса то что прилично? Это ты хорошо самъ понимаешь.

Эта рѣчь Ставри очень меня развеселила. Протѣла еще недѣля; я написалъ второе письмо отцу и просилъ еще разъ настойчиво его наставленій: „что мнѣ отвѣчать, когда у меня будутъ спрашивать что-нибудь, и не нужно ли и мнѣ дѣйствовать какъ-нибудь съ моей стороны?“ Справлялся я разъ и у Бонстанджи-Оглу, не начато ли опять дѣло въ тиджаретѣ, но онъ отвѣтилъ грубо: „Не начнетъ никогда Благовъ этого грязнаго дѣла“. Онъ желалъ, разумеется, оскорбить этимъ моего отца, и повторялъ съ гримасой: „Такое грязное! Такое грязное дѣло!...“ такъ что я уже не сталъ больше обращаться къ нему, а спрашивалъ все у кавассовъ. Они говорили раза три: „нѣтъ“; а на четвертый сказали: „сегодня начали!“

Я вздрогнулъ внутренно и ждалъ что будетъ.

Мечты внезапнаго обогащенія продолжали усаждать меня, и я предавался имъ теперь тѣмъ охотнѣе и тѣмъ безстыднѣе что самъ не могъ, казалось мнѣ, несмотря на всѣ просьбы и совѣты Исаакидеса, ничего сдѣлать для ускоренія благопріятнаго для насъ исхода.

Заговорить самому съ Благовымъ, подойти къ нему униженно и сказать ему, такъ какъ говорили ему у насъ многіе другіе: „Прошу васъ, сіятельнѣйшій мой г. консулъ, вѣрзая ли.“

Нѣтъ! Это ужасно!... Этого я не могъ! Одна мысль о томъ, какъ онъ съ удивленіемъ спроситъ: „Что? что?“ или какъ все лицо его прокически просвѣтлѣетъ, когда я начну говорить.... Эта одна мысль наводила краску стыда на щеки мои и полагала дверь огражденія на уста мои.

А мечтать предоставляя все року и фортуна—я могъ, и мечталъ. Но и то не очень долго. На слѣдующій же день

послѣ того какъ въ торговомъ судѣ возобновилаась тяжба эта, парамана отца Арсенія пришла ко мнѣ и сказала что старый священникъ очень просить меня зайти къ нему поскорѣй, какъ только я буду свободенъ.

Я тотчасъ же пошелъ къ нему. У дверей церковнаго двора я увидѣлъ новую вѣсковую карету Шерифъ-бея.

Въ каретѣ не было никого. Я обратился къ кучеру. Турку, съ вопросомъ: „Кто это прѣхалъ къ священнику?“ но кучеръ окинувъ меня сердитымъ взглядомъ, спросилъ: „А ты самъ кто такой?“

Я сказалъ этому варвару что я сынъ русскаго драгомана и надѣялся этимъ смягчить его; однако напрасно; онъ молча отвернувшись, почти презрительно взглянувъ еще разъ на меня.

Когда я, отвѣтивъ на его видимую грубость тайнымъ презрѣніемъ, вошелъ въ прихожую, то услышалъ довольно громкій, но пріятный, женскій голосъ изъ пріемной отца Арсенія, и парамана, выскочивъ изъ кухни, поспѣшно сообщила мнѣ что тамъ сама мать Шерифъ-бея.

Отецъ Арсеній тотчасъ же вышелъ ко мнѣ. Онъ былъ немного взволнованъ и давъ мнѣ поцѣловать десницу свою, по обычаю спросилъ, все-таки, сначала, здоровъ ли я, здоровъ ли консулъ и т. д.; однако, по безпокойному выраженію лица его я видѣлъ что онъ сейчасъ спросить у меня что-нибудь болѣе важное.

И точно, онъ началъ такъ:

— Что мы теперь будемъ дѣлать съ этою женщиной? Она сокрушается о сынѣ своемъ. У нихъ и безъ того въ домѣ только-что случилось большое несчастіе. Жена молодая убѣжала отъ него къ отцу своему. А *почему* она убѣжала, этого я не могу тебѣ сказать. А тутъ вотъ въ тиджаретѣ вчера началъ Благовъ дѣло отца твоего.... Прѣхала, просить и плачетъ чтобы я уговорилъ митрополита нашего отлучить отъ церкви Исаакидеса и отца твоего, обоихъ, за лжесвидѣтельство и обманъ.... Безумныя вещи!... Что будешь дѣлать съ ней.... мать! женщина.... Что ты скажешь?

— Что мнѣ сказать, старче? отвѣчалъ я.—Развѣ я могу судить о такихъ великихъ дѣлахъ....

— Не суди.... Не суди.... Я тебѣ говорю чтобы ты зналъ только. Надо отцу скорѣе написать. Она просить также, чтобы я къ Благову сходилъ, попросилъ бы его дѣло это

приостановить.... Не могу я и этого сдѣлать.... А ты скажи мамѣ, не знаешь ли какъ отецъ твой въ эту тяжбу занялся?

Я и ему сказалъ то же что Баагову, т.-е. то что зналъ.

— Больше ничего вѣтъ? спросилъ свидѣльникъ пытливо.— Пусть будетъ такъ. А можетъ-быть и еще что-нибудь знаешь. Такъ ты мамѣ скажи. Мамѣ ты можетъ сказать.

Я прибавилъ что самъ только на дняхъ узналъ навѣрное что тяжба въ торговомъ судѣ будетъ вестись отъ имени отца моего, а не отъ имени Исаакидеса.

Отецъ Арсеній подумалъ, подумалъ, ушелъ опять въ приемную и немного погодя я услышалъ голосъ хануисы: „Ничего! Ничего! Пусть войдетъ онъ самъ...“ и вслѣдъ за этимъ отецъ Арсеній отворилъ снова дверь и кликнулъ меня.

Мать Шерифъ-бей сидѣла на диванѣ безъ покрывала на лицѣ. Какъ христіанка, принадлежащая къ турецкой семьѣ и турецкому обществу, она соблюдала всѣ турецкіе обычаи только на улицѣ и при многочислѣннѣй; при свиданіяхъ же залпосто въ домахъ даже и съ мущинами она лица не считала нужнымъ покрывать..

Она взглянула на меня такъ печально и поздоровалась со мной такъ пріятливо что я, какъ прикованный стыдомъ и понтеніемъ, остановился у порога.

— Подойди сюда, подойди ближе, дитя мое, сказала она мамѣ.— Здоровъ ли ты?

Я отвѣтилъ что здоровъ и благодарю „госпожу мою“ и приблизился къ ней робко, но съ глубокимъ, внезапно проникшимъ сердце мое, сыновнимъ чувствомъ.

Я никогда не видалъ въ жизни (и еще такъ близко и такъ просто) важной турецкой дамы... И эта турецкая дама, одѣтая по-турецки въ очень широкія лышья шальвары изъ темносиняго ситца съ красными мелкими букетами, и въ бѣличей шубкѣ, крытой золотистымъ атласомъ, была такая же христіанка, какъ моя родная мать.

Кирия Параскева (такъ звали ее) была не совсѣмъ здорова и голова ея немного качалась.

Меня растрогали и худоба ея красиваго пятидесятилѣтняго лица, и печальные взоры ея очей, и ласковый голосъ, которымъ она сказала мамѣ этотъ простой, обыкновенный привѣтъ: „Здоровъ ли ты, дитя мое?“ И то, наконецъ, что

она была вѣсколько смугла и черноока, подобно моей матери.

Эта тѣнь далекаго сходства поразила меня въ самое сердце до того глубоко и неожиданно что я почувствовалъ даже—не страшно ли?—я почувствовалъ что у меня ноги врезались отъ жалости слабнуть, какъ бываетъ отъ страха... Мы всѣ трое помолчали немного. Ханумиса и овлащеникъ сидѣли; я стоялъ. Она смотрѣла на меня внимательно и пристально; я на нее почтительно и снизу, стараясь немного потуплять очи; отецъ Арсеній, ожидая отъ нея чего-то, глядѣлъ на нее.

Наконецъ киря-Параскева предложила мнѣ сѣсть.

— Нѣтъ, я стою, сказалъ я и продолжалъ стоять.

Тогда она сдѣлала мнѣ вѣсколько вопросовъ одинъ за другимъ.

— Здоровъ ли твой отецъ? Здорова ли мать твоя? Имѣешь ли ты отъ нея письма? Ты въ Русскомъ консултѣ живешь? Хорошо тебѣ у консула жить? Деньги получаешь?

Я на всѣ эти вопросы отвѣчалъ утвердительно.

— Какое же ты дѣло у консула дѣлаешь, что онъ тебѣ деньги платитъ?

Я сказалъ:—Пишу, переписываю.

— Онъ очень грамотенъ, похвалилъ меня отецъ Арсеній.

Кира-Параскева все продолжала вглядываться въ меня, какъ будто собиралась съ силами сказать мнѣ что-то важное или тяжелое; и потомъ вдругъ лицо ея покраснѣло, глаза заблестали; голова затряслась сильнѣе, но все еще сдерживаясь, она начала такъ:

— Хорошо, значитъ, тебѣ жить у Москвича этого? А развѣ онъ добрый человѣкъ? Онъ человѣкъ жесткій, злой... Не жесткій ли и не злой ли онъ человѣкъ? За чтѣ онъ преслѣдуетъ моего сына? Мой сынъ никому вреда не сдѣлалъ. Если Шерифъ дурень, для себя дурень... А изъ людей онъ никогда никого не обидѣлъ.

Я молчалъ въ недоумѣніи. Отецъ Арсеній замѣтилъ съ своей стороны что я почти ребенокъ и въ эти дѣла не вхожу и про благодѣтеля своего дурно говорить не стану. Но киря-Параскева не слушала его и продолжала:

— Нѣтъ! Ты скажи мнѣ, развѣ онъ хорошій человѣкъ? Развѣ человѣкъ такой благородный не долженъ быть въ

своемъ словѣ твердѣ.... Ты знаешь ли что онъ сказалъ моему сыну? Ты знаешь ли....

И она дрожа приподнималась немного съ дивана, приближаясь въ увлеченіи рѣчей своихъ ко мнѣ:

— Ты не знаешь? Ты не знаешь?...

— Почему ему знать, онъ ученикъ и дитя еще, опять защитилъ меня отецъ Арсеній.—Пусть онъ лучше идетъ домой. Онъ ничего не знаетъ.... А ты, господа моя, успокойся. Если можно, онъ напишетъ отцу своему все что слышалъ, и пусть отецъ рѣшаетъ какъ быть дѣлу....

— Нѣтъ! Нѣтъ! Стой, стой, сказала она, — слушай. Если ты не знаешь что Благонъ сказалъ моему сыну, я скажу тебѣ. Онъ сказалъ ему: „Вѣрьте мнѣ, бей-эфенди мой, что душевно я нисколько не расположенъ помогать противу васъ всѣмъ этимъ купцамъ. Вы турецкій бей, я самъ бей московскій. И я очень хорошо понимаю какъ вамъ тяжело съ ними бороться, какъ они съ васъ проценты берутъ, и все, и все!... А буду дѣлать только что надо по закону и черезъ великую нужду!...“ Слышалъ ты это? Слышалъ это? Нѣтъ, ты скажи мнѣ, сыночекъ мой, слышалъ ты эти слова сладкія?

Я сказалъ:

— Теперь отъ васъ слышу, кира моя....

Отецъ Арсеній уныбнулся. Кира-Параскева оскорбилась и утихнувъ на минуту, вздохнула и сказала:

— Не вѣришь мнѣ? Какъ хочешь; это твое дѣло. А я тебѣ говорю что это не благородно. Такія слова говорить, и двухъ недѣль не прошло, какъ и онъ, и Киркориди напали на сына моего и требуютъ продажи имѣнія его съ публичнаго торга для уплаты Исаакидесу. Исаакидесу, вору, мошеннику, подлецу этому. Шерифъ мой никому не вредилъ, никому, никогда. Пусть онъ Турокъ! Пусть! Это для его души гибель, а людямъ что?

Голосъ ея прервался и она начала рыдать. Я не зналъ что мнѣ дѣлать. Отецъ Арсеній съ участіемъ смотрѣлъ на нее и твердилъ:

— Успокойся! Успокойся!... Вотъ онъ напишетъ отцу. Ты напиши, Одиссей, отцу, нельзя ли подождать до его возвращенія.... Успокойся, кира моя, умолкни.... Смотри чтобы здоровье твое хуже не повредилось отъ огорченія.... Отецъ его скоро вернется; онъ человѣкъ хорошій....

Но кира-Параскева вдругъ отерла слезы, встала съ мѣста и съ энергическимъ движеніемъ, простирала руки, начала проклинать Исаакидеса.

— Этого вора! Этого подлеца!... Анаемскій часъ его рожденья.... О! чтобы душа его никогда не осласлась.... О! еслибъ я могла привязать его къ хвосту лошадиному и разорвать его на четыре куска, и кидать ихъ во все четыре стороны. Эти куски анаемскіе проклятаго его тѣла....

Напрасно отецъ Арсеній старался прервать ее, напрасно онъ возвышалъ голосъ, раздраженная мать была неуправима и не обращая никакого вниманія на священника, она подошла ко мнѣ и слегка трогая меня бѣдною, нѣжною рукой своей на груди за одежду, говорила опять уже кротко:

— Слушай, послушай, Одисей, слушай меня, старуху. Я христіанка такая же какъ ты, какъ отецъ твой, какъ мать твою.... Дай Богъ ей много жить и здравствовать бѣдною.... Слушай. Мать твою ты любишь? Ты долженъ ее любить. Мать твоя жалѣетъ тебя? А я, развѣ я не должна жалѣть сына моего оттого что онъ Турокъ? Чтѣ дѣлать мнѣ? Это правда, онъ Турокъ.... А ты знаешь какой онъ Турокъ? Знаешь ли ты что онъ позволялъ людямъ повѣсить колоколъ на церкви въ чифтликѣ своемъ? Да! И виситъ теперь колоколъ ужъ годъ.... „данга-данга!“ звонитъ въ праздники! Тамъ онъ хозяинъ; ни лапа, никто не заставляетъ его и никто не мѣшалъ. А сказалъ онъ деревенскимъ людямъ: „За это дорогу поправьте, по горѣ ѣздить нельзя, ни вамъ, ни мнѣ, ни чужимъ людямъ.“ И поправили люди дорогу, и онъ самъ снявши пальто впереди всѣхъ работалъ... Понялъ ты теперь? И еще одно слово я тебѣ скажу, а потомъ иди себѣ. Я скажу тебѣ что деревенскіе христіане хотѣли у входа на задней стѣнѣ въ церкви его портретъ нарисовать, какъ пишутъ портреты благодѣтелей. Но сынъ мой сказалъ: „Нѣтъ, не надо. Это и по вашей вѣрѣ не совсѣмъ выйдетъ хорошо, и по моей неприлично!“ Теперь иди, иди, иди лишь отцу.... чтѣ хочешь. Я тебѣ сказала.... О! Боже! Боже мой.

И она, утомившись, сѣла на диванъ, утирая платкомъ глаза. Я не зналъ уйти ли мнѣ или нѣтъ и смотрѣлъ на священника вопросительно.

Отецъ Арсеній понялъ мой взглядъ и сказалъ мнѣ: „иди“.

И, поклонившись, вышелъ въ сѣни, а онъ тотчасъ же за мной и сказалъ мнѣ тихо:

— Это правда. Шерифъ-бей, хоть и Турокъ, но человѣкъ хорошій; онъ лучшій изъ всѣхъ Турокъ здѣсь въ городѣ. Они разоряются, и какъ бы не пришлось ему и тотъ домъ въ которомъ Благовъ живетъ продавать. Онъ пьетъ и денегъ не считаетъ. Отцу напиши, что вотъ мать Шерифъ-бея пріѣзжала просить меня, Арсенія, чтобъ Исаакидеса и отца твоего митрополитъ отлучилъ отъ церкви. Но это, конечно, не годится. А ты все-таки напиши что слышалъ... Какъ онъ прикажетъ....

Я возразилъ на это:

— Старче, напишите лучше вы сами моему отцу; а я пошлю вмѣстѣ съ моимъ письмомъ.

Отецъ Арсеній сказалъ что подумаетъ и сообщилъ мнѣ при этомъ, что ему приходитъ въ голову, не оттого ли Благовъ началъ вдругъ, не дождавшись моего отца, дѣло въ тиджаретѣ, что онъ не совсѣмъ доволенъ Шерифомъ; Шерифъ обѣщалъ консулу постараться черезъ другихъ беевъ въ Превезѣ, или Артѣ, чтобы тамъ непременно повѣсили колоколъ. Колоколъ этотъ уже довольно времени привезенъ изъ Россіи и его все не вѣшаютъ.

— Вотъ Благовъ и недоволенъ, прибавилъ отецъ Арсеній съ лукавою улыбкой.—Такъ мнѣ говорилъ знаешь кто? Кое-вино; и просилъ меня уговорить господина консула отложить дѣло Шерифа до возвращенія твоего отца. А мнѣ какъ въ это мѣшаться?... Не знаю, правду-ли говорить докторъ. Тайныя вещи отсюда, тайныя вещи оттуда... Лучше ты узнай отъ кого-нибудь. И мнѣ скажи. Тогда отцу вмѣстѣ и напишемъ.

Я вышелъ очень смущенный отъ отца Арсенія и остановился въ раздумьѣ у воротъ. Я не зналъ, что мнѣ теперь придумать.

Еслибы самъ Исаакидесъ былъ въ это время въ Янникъ, то я пошелъ бы къ нему, и, не говоря ни слова ни о колоколѣ, ни о свиданіи моемъ съ матерью Шерифъ-бея, выспросилъ бы у него только о томъ рѣшительно, какая же именно эта сдѣлка у него съ отцомъ моимъ и большія ли выгоды придутся на нашу долю, если они получатъ всѣ деньги сплоша за конфискацію хотя части имѣній Шерифъ-бея. Я очень боялся чтобы внимательствомъ моимъ не испортить какъ-нибудь отцовскаго оборота. Еслибы я

зналъ тогда навѣрное (какъ узналъ я поздѣе) что дѣло идетъ только о тѣхъ двухстахъ лирахъ, которыя отецъ взялъ у Исаакидеса, чтобъ ѣхать осенью на Дунай, то это еще ничего. Завялъ — отдастъ; а если отецъ безъ отдачи взялъ за веденіе всей тяжбы отъ его имени и съ особыми условіями, то это дѣло совсѣмъ другое.

Что дѣлать? Какъ ловить все это?

Здѣсь наши выгоды, здѣсь страданія и заботы больного отца на чужбинѣ; тамъ политическая тайна, дѣло колокола въ Артѣ, дѣло столь дорогое и для меня, какъ для православнаго Грека элпирскаго. Тутъ убійство это въ Чамурѣ. Джефферъ-Дэмъ другъ Ибрагиму; Благовъ хорошъ съ лашой. У Шерифъ-бея тоже есть друзья и родные въ Чамурѣ. Потомъ отъ Шерифъ-бея убѣжала домою молодая жена. Отецъ Арсеній говоритъ: „А почему, этого я не могу тебѣ сказать!“ Жалко кыры-Параскѣвы, жалко колокола, жалко выгодъ отца (они же вѣдь и мои — все равно!). Жаль даже, очень жаль самого Шерифъ-бея.... Пожалуй, въ иные минуты.... хотѣлось бы и *этому* Исаакидесу быть полезнымъ и пріятнымъ.... *Табачница* Шерифа пойдеть когда-нибудь на расплавку и въ домъ какой-нибудь, а *печатъ*—дѣло вѣсковъ, и въ печатѣ, въ аѳенскихъ газетахъ, на скрижаляхъ исторіи, перомъ *этого*.... да! *этого самаго* Исаакидеса вѣдь написано: „Благородный, мужественный юноша Одиссей Полихроніадесъ подвергся....“ (По дѣлу Назли.)

Что лучше, слава или золото (ну—или серебро, — все равно),—рѣши ты, мой другъ, а я не берусь!

Я хотѣлъ наконецъ видѣть ясно во всемъ этомъ лабиринтѣ, въ которомъ нить Аріадны держалъ одинъ только Благовъ, и рѣшился пойти къ Коевино, чтобы попытаться хоть отъ него узнать еще что-нибудь и о колоколѣ, и о тяжбѣ, и о семейныхъ горестяхъ Шерифъ-бея; отчего это и какъ, и когда это убѣжала отъ него молодая жена?

Случилось это, видно, очень недавно, можетъ-быть вчера, или дня два тому назадъ не болѣе, ибо, хотя о домашней жизни Турокъ мы знаемъ несравненно менѣе чѣмъ о семейныхъ дѣлахъ горожанъ православныхъ, и даже большею частію не совсѣмъ ясно и понимаемъ что у нихъ въ гаремахъ можетъ дѣлаться и случаться, но бѣгство богатой молодой дѣвушки, только-что соединенной узами брака съ

однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ городѣ мусульманъ, случай слишкомъ поразительный и рѣдкій, чтобы не обратить на себя общаго вниманія. Однако, до меня и до всѣхъ меня окружавшихъ объ этомъ и слуху не доходило.

Итакъ, съ твердымъ намѣреніемъ употребить всѣ усилія моего *загорскаго*, кулеческаго и политическаго, хотя и незрѣлаго ума, чтобы узнать отъ Коевино все что онъ знаетъ самъ, я поспѣшилъ отъ отца Арсенія прямо къ нему.

VII.

Доктора за послѣднее время было не легко застать дома.

Все что я разказалъ тебѣ, мой добрый другъ, о Джефферъ-Дамъ, о трагической смерти молодца Панайоти, и о козюкохъ, и объ отъѣздѣ Исаакидеса и Бакъева, и о моемъ свиданіи съ матерью Шерифъ-бей—случилось не разомъ, конечно, не въ два-три дня, а слѣдовало одно за другимъ въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ недѣль, не помню навѣрное.

Пока Александръ Михайловичъ Благое наслаждался своею изобрѣтательностью и тонкимъ соединеніемъ отважной предприимчивости съ тѣмъ макиавелизмомъ, который такъ нравится всѣмъ безъ исключенія христіанамъ Востока и могъ только усилить его популярность; пока Шерифъ-бей и всѣ родные его, подавленные разомъ нѣсколькими неудачами и горестями, забывали турецкую гордость и старались заискивать у всѣхъ: у приближенныхъ Благова и даже у меня,—во все это время докторъ почти не бывалъ дома и всѣ часы свободные отъ визитовъ проводилъ въ домѣ столара Куцо-Влаха, мастера Яни, на дочери котораго онъ задумалъ жениться.

Одѣвшись во все лучшее, онъ уходилъ въ домъ мастера и сидѣлъ тамъ, разговаривая то съ матерью, то съ самой невѣстой (которая, какъ говорятъ, была въ самомъ дѣлѣ довольно мила), вопреки всѣмъ преданіямъ и обычаямъ города.

Бѣдный мастеръ Яни былъ такъ польщенъ что докторъ сватается за его дочь, что рѣшился уступить его требованіямъ и позволялъ ему видѣться ежедневно, и днемъ, и вечеромъ, съ невѣстой и просиживать съ нею по два, по три

часа. Конечно, ихъ ни на минуту не оставляли однихъ; то сидѣла съ ними мать, то приходилъ сынъ, молодой подмастерье въ синемъ куцо-власскомъ безрукавникѣ и пальварахъ и, не обращая вниманія на вздрагиванья докторскихъ бровей и надменные взгляды, съ почитательною улыбкой садилась вдали на край дивана слушать какъ докторъ просвѣщалъ сестру и разказывалъ, то со слезами умиленія, то съ хохотомъ торжества, о свободѣ дѣвичьихъ правъ въ Европѣ, о прогулкахъ подъ руку, о вальсѣ и кадрили, о томъ что кавалеры садятся тамъ около дѣвицъ, а отцы и матери радуются этому и гордятся этимъ. Или, наконецъ, о томъ, что въ Англіи былъ одинъ Шекспиръ, который писалъ про Италію и описывалъ что на балу Юлію (дочь герцога, „кдѣта“!) берутъ молодые люди за обѣ руки безъ перчатокъ! И онъ бралъ невѣсту за руку безъ перчатокъ, а та смотрѣла на брата и глазами спрашивала: „теперь чтѣ жъ дѣлать мнѣ, буря и погибель моя!“ А мать или братъ говорили доктору жалобно: „Гдѣ у насъ у Янѣиговъ такое политическое просвѣщеніе!.. Вотъ вы только идете по улицѣ, такъ крикомъ всѣ сосѣдки кричатъ, и у калитокъ, и въ окна: Коевино къ Мариго столаровой пошелъ! и ставни рѣшетчатые такъ и стучать, всѣ кидаются въ нихъ смотрѣть“.

Было и еще одно затрудненіе; докторъ хотѣлъ чтобы невѣстѣ купили хорошую шальку и сдѣлали бы платья всѣ по послѣдней модѣ, какъ у Madame Брете, чтобы юбки были длинныя и сзади влеклись бы по полу, и чтобы дали два орѣховые комода въ приданое. Но такихъ платьевъ, какъ у Madame Брете, шить никто не брался; всѣ шили здѣсь круглыя и короткія юбки, чтобы онѣ колоколомъ только стояли на огромномъ *малакѣфѣ*. * Шальку тоже негдѣ было въ скорости порядочную достать. И на счетъ комодовъ мастеръ Яни очень затруднялся; скоро великая Четырдесятница; дочь компрометтирована; одинъ комодъ послѣеть, а другой гдѣ взять?... Докторъ уступилъ, но сказалъ чтобы хоть одинъ комодъ кончали скорѣе... Онъ и самъ начиналъ бояться что раздумаетъ жениться, и постоянными посѣщеніями поддерживалъ въ себѣ подобіе любви къ этой

---

* *Малакѣфѣ*—кринолинъ.

простенькой дѣвушкѣ... Поэтому его дома застать было въ это время очень трудно.

Я засталъ одну Гайдуну; и это было къ лучшему. Докторъ почти все что зналъ рассказывалъ ей, а она могла пересказать мнѣ все спокойно и гораздо лучше чѣмъ онъ самъ, безъ крику, безъ вводныхъ эпизодовъ, безъ утомительнаго шума и хохота.

Я не могъ понять, какъ она смотритъ на семью столяра и на желаніе доктора жениться. Казалось какъ будто бы она смирилась предъ мыслію о законномъ бракѣ и не находила себя въ правѣ за это осуждать Коевино.

— Докторъ все у невесты, кира-Гайдуну? спросилъ я, не желая обнаруживать сразу настоящую причину моего посѣщенія.

Гайдуну усмѣхнулась и отвѣчала:

— У невесты. Вся *магала* * голову потеряла. Отъ окошекъ съ утра не отходить. Все сторожатъ, когда онъ пойдетъ къ невестѣ. Варварскій народъ!...

— Но вѣдь у нея нѣтъ приданого? сказалъ я.

— Докторъ не любостяжатель. Съ его ученостью и даромъ который онъ отъ Бога имѣетъ деньги онъ и самъ найдетъ.

— А собой она хороша? спросилъ я еще.

— Молодая, холодно отвѣчала Гайдуну. И какъ бы желая переменить разговоръ, сама начала спрашивать у меня, что дѣлается въ консульствѣ и какія мѣры принялъ Благовъ относительно убійства въ Чамурѣ? Были ли сельские у другихъ консуловъ и что имъ консула сказали, и куда поѣхалъ Исаакидесъ? Правда ли что онъ именно въ Нивиду и поѣхалъ, чтобъ обстоятельно все разслѣдовать? И о колоколѣ Артскомъ даже спросила.

Я очень обрадовался и, отвѣтивъ ей на все это какъ слѣдовало и какъ было прилично, сталъ самъ ее расспрашивать о семьѣ Шерифъ-бея, о бѣгствѣ только-что прибывшей въ домъ его богатой, молодой жены и обо всемъ что мнѣ было нужно.

Гайдуну была истинно великаго ума женщина. Я не шучу, утверждая это.

Она не только съ восхитительною ясностью изобразила мнѣ секретныя семейныя дѣла Шерифъ-бея, но объяснила

* *Кварталь*.

даже мнѣ какъ нельзя лучше многое изъ политики Благова, отчасти по собственнымъ догадкамъ и предположеніямъ, отчасти по тому что знала чрезъ Коевино. Исаакидеоз стараясь нельзя ли теперь, сейчасъ, поскорѣе измѣнить что-нибудь съ Шерифъ-бей, потому что дядя и мать только-что сосватали ему одну изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ вѣвѣсть города, Азизѣ-ханумъ, дочь Пертефъ-эфенди.

Объ этомъ Пертефъ-эфенди Коевино говорилъ, сверкая глазами: „О-о! Пертефъ-эфенди! А-а! Пертефъ-эфенди... Это тотъ Пертефъ-эфенди, котораго отецъ дерзалъ бороться съ самимъ Али-пашой Явнинскимъ.... О-о! А-а!... Пертефъ-эфенди“.....

И не только одинъ Коевино, но и старикъ Мишо, почти нѣмой и ко всему равнодушный, тотъ *красный съ бѣлымъ* старикъ Мишо, котораго такъ уважалъ Благовъ, говорилъ о Пертефъ-эфенди съ глубокимъ вздохомъ: „Поднялъ ношу этотъ человѣкъ въ молодости своей!“

Пертефъ-эфенди именно ношу поднималъ и спина его съ раннихъ лѣтъ не могла уже разогнуться. Безжалостный Али-паша, враждуя съ отцомъ его, возненавидѣлъ и дѣтей. Пертефа еще отрокомъ онъ посадилъ въ подземельѣ своей крѣпости, въ особомъ углубленіи, въ стѣнѣ, и посадилъ на долго, такъ что Пертефъ тамъ росъ, не имѣя мѣста выпрямиться никогда во всю длину тѣла. Такъ онъ выросъ и, когда дверь тюрьмы отворилась предъ нимъ, его станъ былъ уже согбенъ на всю жизнь. Онъ былъ очень богатъ и Азизѣ-ханумъ была его младшая и любимая дочь. Въ Явинѣ привычны люди (и христіане и Турки) давать за дѣвицами большое приданое, и безъ приданого не беретъ никто, ни богатый, ни бѣдный.

Гайдуша о самой Азизѣ-ханумъ говорила мнѣ такъ:

— Эта дѣвушка очень горда и очень благородна. Не могу я сказать чтобъ она была красива, бѣдная.... Бѣла она, это правда и очи имѣетъ черныя, большія и огненные. Докторъ ее лѣчилъ и въ гаремѣ часто бывалъ у нихъ. Онъ съ Турчанками очень простъ и онъ съ ними не стыдится; потому что привыкли къ нему. Онъ хвалитъ ея умъ и говоритъ что она даже хорошія двустипія на греческомъ языкѣ сочинять умѣетъ. И умъ есть,—продолжала Гайдуша,—и глаза огненные, и рода высокаго, и денегъ много, и лицомъ бѣла. Однако

судьбы ей хорошей кѣтъ, куропаточкѣ бѣдной... Худа, и есть у нея, все равно какъ у меня,—прибавила еще Гайдуса съ какимъ-то влезальнымъ лучомъ не то гордости, не то гнѣва въ глазахъ, такихъ же огненныхъ какъ и очи албанской дворянки о которой она говорила,—есть у нея недостатокъ какъ у меня... Я хрома, а она кривобока... Это отъ Шерифъ-бей скрыли. Перѣѣхала невеста къ нему въ домъ. Вошелъ къ ней женихъ. Пробылъ тамъ минутку, возвратился къ матери, и со слезами на глазахъ оказалъ ей: „Матерь моя, что ты сдѣлала! Я ее видѣть не могу... Я не могу приблизиться къ ней!“ Вотъ какое оскорбленіе! И кира-Параскева, и Абдураимъ, его дядя, усовѣщивали его и просили... И говорили: „Вѣдь она молоденькая: ей всего семнадцать лѣтъ. Умъ есть, богата...“ А Шерифъ только вздыхалъ и говорилъ: „Не могу я приблизиться къ ней!“... Вотъ горе! Долги, разоренье, люди роскошные, знатные... Очагъ старинный и славный... Все пропало!... Хорошо. Уговорила его мать возвратиться къ невестѣ. Онъ возвратился; но Азизе-ханумъ заперла дверь и не впустила его. На другой день еще хуже. Турчанки знакомыя пришли поздравлять. Азизе-ханумъ не выходитъ къ нимъ. Пошелъ мужъ просить у нея извиненія, и обѣщаетъ жить съ ней хорошо и любить, и говорить ей: „Послушай, Богомъ я тебя заклинаю, похороны ты меня лучше послѣ, только не срами и выйди къ этимъ женщинамъ!“ А она какъ взглянетъ на него страшно и какъ засмѣется, и спрашиваетъ: „Хорошить? Хорошить люди близкихъ людей. А я тебѣ что?“ Онъ и такъ и эдакъ, и оттуда и отсюда, но Азизе-ханумъ какъ львенокъ озлобилась, схватила себя за волосы и, толпувъ ногой, закричала на него: „Не хочу я!“ Олята затворилась; послала отцу своему оказать чтобы онъ за ней карету прислалъ, и уѣхала... И остался нашъ шерифъ-бей безъ жены молодой и олята безъ денегъ... Былъ онъ тутъ у доктора послѣ этого, и даже заплакалъ, потому что въ эти самые дни и въ тиджаретъ г. Благовъ началъ дѣло Исаакидеса. Ты хотѣлъ знать что случилось. Теперь я сказала тебѣ.

Такъ говорила Гайдуса, и я еще лучше понималъ горе кыры-Параскевы, которая не знаетъ какъ сласти сына отъ дурной жизни и разоренія. Но всего этого мнѣ было мало. Я сказалъ еще Гайдусѣ:

— Кира-Гайдуса, вы съ моего пріѣзда въ этотъ городъ

были добры ко мнѣ; дай Богъ вамъ жить! Окажите мнѣ, очень я васъ умоляю, что говоритъ докторъ объ этой тяжбѣ, и что вы сами знаете? Я хоть и смилъ отца моего, но что такое тутъ кроется, я не знаю...

Гайдуша улыбнулась многозначительно.

— Ты сынъ отца своего? (И она головой покачала.) Я знаю что ты сынъ отца твоего, и что вы оба Загорцы. Только я думаю, когда глаза мои на тебя глядятъ, что отецъ твой въ твои года много меньше твоего дьяволъ былъ... Хорошо ты льстить людямъ умѣешь... Что будетъ изъ тебя, морё, лодырь? Однако я тебя люблю, и хитрость твоя мнѣ нравится... Я тебѣ скажу что я знаю очень многое, больше чѣмъ ты думаешь. Но я хотѣла бы тоже знать, на что это тебѣ?

Я отвѣчалъ ей такъ:

— Полежимъ, кира-Гайдуша, что я Загорецъ, и что въ дѣлахъ имѣю глаза открытые; только по совѣсти я вамъ скажу что мать Шерифъ-бея просила меня отцу моему написать чтобъ онъ помѣшалъ Исаакидесу телерь требовать всякъ денегъ съ ея сына и уговорилъ бы его на сдѣлку пойти. Я вотъ и хочу знать, что это такое тутъ кроется?

Гайдуша сѣла на полъ и, задумчиво помѣшавая щипцами уголья въ мангалъ, сказала:

— Ты не выдашь меня Благову?... Покаялись.

Я поклялся Богомъ.

— Хорошо, сказала она, — я все знаю и все скажу тебѣ. Не липи ничего отцу. Не надо. Благовъ ничего Шерифу не сдѣлаетъ... И твой отецъ даже ничего, ни даже одного лиастра лишняго не получить. А придется твоему отцу возвратить Исаакидесу тѣ двѣсти лиръ которые онъ занялъ у него. А тогда Благовъ возметъ бумаги эти все и броситъ Исаакидесу въ морду... Скажи мнѣ, звонить ли колоколъ въ Артѣ или не звонить?

— Не знаю! прибавилъ я, и сказалъ что было отъ Бакъева извѣстіе, но все-таки кажется еще не звонили.

— Ну, подумай тогда самъ... Подумай о томъ что у Шерифъ-бея есть родные въ Артѣ и Превезѣ, и если будетъ колоколъ звонить, такъ Исаакидесу дѣла своего не выиграть. Благовъ не станетъ имъ заниматься. Ему колоколъ нуженъ, а о томъ есть ли у отца твоего деньги отъ Исааки-

деса или вѣтъ, большая ему забота... Благовъ думаетъ о бодьшихъ вещахъ, а не объ отцѣ твоамъ и объ Исаакидесѣ...

Итакъ, все это было ясно теперь! Шерифъ-бей долженъ былъ хлопотать, какъ знаетъ, о колоколѣ въ Артѣ; Бакъ-евъ долженъ былъ хлопотать о колоколѣ въ Артѣ; вице-консулъ въ Превезѣ долженъ былъ хлопотать о колоколѣ въ Артѣ; Исаакидесъ на свои деньги долженъ былъ захватить въ Превезу и Арту и стараться въ ущербъ себѣ, и не зная даже что его врагъ Шерифъ-бей ему тайно помогаетъ и самою этою помощью вредить, стараться все о томъ же колоколѣ въ Артѣ. Байнакаму артскому былъ обѣщанъ Св. Ставиславъ на шею за этотъ колоколъ. Имя отца моего должно было явиться въ судилищѣ лишь для того чтобы все этотъ же колоколъ возвѣщалъ мѣднымъ гласомъ своимъ на весь Эпиръ православный: „Братья-Греки!... Братья-Греки!... Не измѣняйте Россіи. О! братья-Греки... Заколкли на время ея пушки... Но не заколкъ ея звучный голосъ... Не настало время снова звать васъ къ битвѣ; оно опять придетъ... Но пока глазъ Россіи зоветъ васъ на мирную молитву въ святой храмъ того православія которымъ вы ее, Россію эту ведикую, когда-то просвѣтили... Братья-Греки!... Братья-Греки... Не бойтесь... Пока въ Россіи есть такіе молодцы какъ я, Александръ Благовъ, не попрутъ и васъ, Эллины, никакая вражда, никакое иго, никакія усилія заобы...“

Послѣ этихъ словъ Гайдущи мы оба долго и задумчиво молчали. Она все сидѣла на полу у мангала. Наконецъ она сказала:

— Онъ не любитъ кулцовъ.

— Кто? спросилъ я стремительно.

— Благовъ, отвѣчала Гайдуща, и выраженіе лица ея стало загадочно и таинственно.

— За что? воскликнулъ я обиженно.

— Вотъ постой, сказала она. — Однажды я сидѣла тутъ же на полу у мангала, и говорила съ нимъ и съ докторомъ. И сказала я ему такое слово: „Я безграмотная дочь медцовскаго пастуха... я не архонтская дочь, не кулеческая!...“ А онъ: „Это-то и хорошо... Мнѣ пастухи больше кулцовъ нравятся... Они гораздо благороднѣе!...“

Послѣ этихъ, столь удивительныхъ и обидныхъ для меня и семьи моей словъ, Гайдуща прибавила еще:

— Будь покоенъ, будь покоенъ; ты хотѣлъ правду знать

и то что я объ этомъ думаю... Вотъ я думаю что Благовъ ничего бему не сдѣлаетъ если колоколъ въ Артѣ повѣсятъ... А впрочемъ, не знаю.

Тогда и я рѣшился передать ей слова кира-Параскевы о томъ что Благовъ сказалъ Шерифу: Вы бей турецкій, а бей московскій, и я васъ жалю, а не этихъ купцовъ...

— Видно вы правы! сказалъ я.

Однако на это Гайдуса возразила:

— Ого такъ! Но кира-Параскева и солгала немного. Благовъ это здѣсь, доктору говорилъ. А Турку онъ самъ такихъ словъ не скажетъ. А докторъ ужъ, утѣшая Шерифа, передалъ ему это. Благовъ, не безыкойся, знаетъ какъ поступить надо.

Потомъ Гайдуса встала и пошла варить для меня кофе, а я все сидѣлъ въ большомъ раздумьѣ, понимая наконецъ что не только я, но видно и отецъ мой тутъ ничего не можетъ... И еще гораздо больше чѣмъ тяжба меня занимала теперь столь новая для меня, столь ужасная мысль, что будто бы пастухи благородіе насъ торговцевъ!... Странно! Неслыханно! Обидно это! И почему? И почему же?...

Вдругъ раздался визгу громкій, повелительный стукъ желѣзнаго кольца въ дверь и, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ что стучитъ кавассъ Манолу, а за нимъ стоитъ самъ Благовъ. Я любѣжалъ отворять ему.

Благовъ вошелъ въ сѣни и на лѣстницу такъ послѣдно какъ онъ никогда еще при мнѣ не входилъ; лицо его было также необыкновенно весело и свѣтло. Самое его привѣтствіе: „А! Ты здѣсь, Одиссей! Здравствуй!“ было не обычное, холодное, а въ самомъ дѣлѣ дружеское привѣтствіе.

Онъ велѣлъ скорѣе позвать Гайдусу, и сказалъ и ей по-гречески шуточно и любезно, слегка подражая Грекамъ въ интонаціи и въ выборѣ словъ:

— Какъ поживаете, какъ поживаете, сударыня? Здоровы ли вы? Я здоровъ, я очень хорошо себя чувствую.

Во всѣхъ движеніяхъ его была замѣтна мало свойственная ему радостная живость. Онъ хотѣлъ сначала послать Гайдусу за докторомъ и на словахъ пригласить его возвратиться домой сейчасъ же; потомъ раздумалъ и, написавъ ему записочку, послалъ съ этой запиской кавасса и даже прибавилъ:

— Съ кавассомъ лучше. Докторъ любитъ съ кавассомъ ходить по улицѣ... Не правда ли?

Онъ приказалъ еще и на словахъ просить доктора придти скорѣе и потомъ, обратясь ко мнѣ и Гайдунѣ, сказалъ:

— Знаете, колоколъ повѣсилъ.

— Zito! закричала Гайдунша.

Такъ вотъ чему онъ былъ такъ радъ что даже скрывать своей радости не хотѣлъ!

Итакъ (если только Гайдунша не ошибалась) наше дѣло съ Исаакидесомъ должно быть положено въ мѣшочекъ и повѣшено на стѣну, какъ дѣлають въ турецкихъ канцеляріяхъ, и люди ищи его послѣ въ такомъ мѣшкѣ!

Итакъ унылое, но столь полезное имѣніе съ мельницей, уже не будетъ никогда моимъ!.. Одиссеемъ - эфеяди я не сдѣлаюсь скоро! И мнѣ остается теперь только радоваться на этотъ колоколъ въ Артѣ и восклицать, подобно Гайдуншѣ, въ патріотическомъ восторгѣ: „Zito Россія, столбъ православія!“ Кулцовъ онъ не любитъ! Изволите видѣть, у него пастухи лучше!.. И почему же это они лучше? Э! что жъ и это хорошо!.. Будемъ кричать: „Zito Россія!“ О! свѣтъ! Обманчивый свѣтъ!.. Что ты такое, суетный свѣтъ? Одно медькающее привидѣніе и больше ничего... Строго говоря, впрочемъ, вѣдь Шерифу и кромѣ мельницы осталось бы еще чѣмъ жить, я думаю... Отецъ, мой бѣдный отецъ. Гдѣ ты?.. Но этотъ жесткій человекъ (теперь и я согласенъ что онъ жесткій) вѣдь онъ не любитъ тебя?... И ты купецъ! Zito Россія! Пусть будетъ такъ.

Такъ думалъ я, сидя молча въ уголку, а вѣдьма Гайдунша тоже молча бросала на меня издали сатанински-веселые взгляды.

VIII.

Дѣла! Дѣла!..

Такого рода дѣла волновали меня пріятно... По голубой водѣ пробѣгала то тамъ, то сямъ лишь мгновенная зыбь...

Такого рода дѣла, какъ дѣла Нѣвицы, какъ дѣла колокола, какъ тажба Шерифъ-бея — это наша жизнь на Востока.

Укоровъ совѣсти не было; страхъ (тотъ вечерній страхъ позорнаго изгнанія) давно прошелъ... Забывалось даже по-немногу и непріятное недоумѣніе при мысли: „отчего же этотъ московскій сфинксъ молчить такъ странно и не читаетъ мнѣ наставленій по поводу моихъ грѣховъ съ Зельхой?

Униженъ я никѣмъ теперь не былъ... скорѣе даже я былъ чуть-чуть и незамѣтно для меня самого сначала превознесенъ за этотъ первый мѣсяцъ моей жизни подъ русскимъ флагомъ. Люди старшіе, люди опытные, богатые, даже лица господствующаго мусульманскаго исповѣданія и тѣ почти-что искали моей протекціи. Въ городѣ очень многіе уже знали меня по имени; были даже и такіе люди которые называли меня: „сынъ души Русскаго“.

Вообще я былъ покоенъ духомъ и даже миражъ моего пріятно-полезнаго, уныло-доходнаго чифтлика, внезапно явившійся на дальнемъ небосклонѣ моей карьеры и внезапно исчезнувшій подъ хладнымъ дыханіемъ арктическаго самовластія, даже и миражъ этотъ, разсѣявшись, оставилъ меня не въ мѣстѣ пустынномъ, непроходномъ и безводномъ, а въ милой комнаткѣ моей съ дальнимъ видомъ на черепичныя кровли и сады и на тонкіе минареты горы, величаво увѣнчанные по утрамъ густымъ, синимъ туманомъ, среди котораго то появлялись, то медленно таяли другія, свѣтлыя облака...

Астры и розы моего дивана были все также многоцвѣтны и крупны; столъ письменный — все также просторенъ; окошко свѣтло; обѣдъ обиленъ и вкусенъ. Кавассы и Кольйо любили меня. Алеко-сиротка каждое утро радушно приносила мнѣ еще пылающій слегка мангалъ чтобы мнѣ было теплѣе вставать (такъ какъ февральскіе дни у насъ иногда еще очень свѣжи)... Онъ даже клалъ нерѣдко въ уголья мангала лимонную корку чтобы лучше пахло...

Въ училищѣ все шло хорошо; статистика отцовская, за переписку которой Русское Императорское правительство уже платило мнѣ деньги, сама по себѣ была занимательна и представляла для меня очень много новаго.

Такъ, напримѣръ, ты помнишь что самыя первые мои встрѣчи съ Турками въ Янинѣ оставили въ умѣ моемъ скорѣй довольно благопріятныя для нихъ впечатлѣнія чѣмъ тяжелыя, именно потому что я ждалъ отъ нихъ худшаго...

Ты помнишь также что и на оскорбивших меня молодых мусульманъ я не очень долго гнѣвался искренно; Благотъ такъ скоро и такъ крѣпко отомстилъ имъ за меня и самъ я былъ послѣ столько похваляемъ соротичами за мое самоотверженіе въ дѣлѣ Нэзлі что глубокому гнѣву противъ сеиса и софты не осталось и мѣста среди триумфальныхъ моихъ ощущеній.

Въ свободной Загорской республнкѣ нашей, ты знаешь, тогда даже ни мудира, ни кади не было и сами жандармы заѣзжіе къ намъ держали себя осторожнѣе въ нашихъ селахъ (гдѣ дома такіе архонтскіе и люди такіе богатые, грамотные и со связями), чѣмъ держать они себя въ округахъ порабощенныхъ и глухихъ.

Въ отцовской же статистикѣ я находилъ, между прочимъ, печальную и точную картину прежнихъ, еще недавнихъ албанскихъ набѣговъ, разореній и убійствъ, отъ которыхъ не умѣла или не хотѣла защитить насъ бессильная власть, царящая вдали на божественномъ Босфорѣ.

И если все это утихло и умиротворилось на время, то не ясно ли было всякому что и роздыхъ этотъ былъ бы невозможень, еслибы холмы и камни Севастополя не обогрились русскою кровью, и еслибы западные союзники Турціи, поужажденные Россіей, не вынуждены были требовать отъ нея хоть сколько-нибудь снѣговой жизни для подвластныхъ ей христіанъ.

И мало ли что было еще въ этихъ отцовскихъ тетрадяхъ!...

Мнѣ хотѣлось переписать ихъ для Благота какъ можно больше и скорѣе; и не разъ, а много разъ, я, приготовивъ вечеромъ уроки, съ величайшимъ подужденіемъ и скукой, брался снова за перо и писалъ до полуночи, ободрая себя лишь надеждой на будущее.

Въ такомъ постоянномъ трудѣ и благомъ настроеніи, развиваемый развѣ только всѣми дѣлами этими, цѣнностями политическими, чифтарками, колоколами, убійствами и тяжбами, я прожилъ долго.

О „горькой и душистой травкѣ“ моей я вспоминалъ нерѣдко, но, слава Богу, съ равнодушіемъ.... (Такъ мнѣ казалось тогда!)

Иногда, впрочемъ, проснувшись поутру, я нечаянно взглядывалъ на окно и прежде еще чѣмъ увидать горы и клубы

сияго и сѣраго тумана, одѣвающего ихъ, я видѣлъ волшебна-зеленый лѣсъ моей стороны, и чернаго франкскаго воина, который съ кольцемъ въ рукѣ все недвижно вѣхалъ на черномъ конѣ къ далекому замку.

Въ той явинской лѣсенкѣ, которую Зельха лѣла такъ неправильно и такъ мило, тоже поется о башнѣ какой-то и о томъ что молодецъ „встанетъ съ постели своей, возьметъ оружіе, наловитъ куропатокъ и зайчиковъ, и птичекъ малыхъ настрѣляетъ, и освободитъ изъ башни ту которую онъ зоветъ: „О, мой ангельскій ликъ!“

И вотъ прежде еще чѣмъ „Патеръ имонъ“ * звучала въ ушахъ моихъ эта лѣсенка.

Я вскакивалъ съ дивана, молился, гналъ прочь непотребныя, опасныя мысли и спѣшилъ въ училище.

Такъ длилось долго....

Но вотъ она опять пришла; пришла сама, безъ зова... Въ одинъ воскресный полдень. И пришла она къ намъ въ консульство съ такимъ честнымъ и добрымъ намѣреніемъ что душевный вредъ мой былъ только еще глубже отъ новой симпатіи которую она во мнѣ возбудила, именно какъ въ Грекѣ и христіанинѣ!

Она пришла просить консула защитить и избавить отъ тюрьмы ту самую христіанку Нѣцу, которую она такъ недавно желала заточить куда-нибудь за то что Нѣца назвала ее мать „лѣшивую собакой“. Она давно видно забыла объ этой уголовной тяжбѣ и помирилась съ Нѣцой.

Нѣца же между тѣмъ поссорилась съ турецкою полиціей и ее присудили на шесть мѣсяцевъ въ отвратительную, грязную тюрьму.

Мы только-что кончили завтракъ и сидѣли всѣ въ кабинетѣ когда Зельха пришла и, не обращая на насъ почти никакого вниманія, подошла къ Благову, поклонилась ему и поздоровалась съ нимъ.

Благовъ съ притворною строгостью спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты пришла? Кто тебя звалъ?

Зельха очень хорошо видѣла что онъ шутитъ и ничуть не смутившись, еще разъ прикоснулась къ его одеждѣ и сказала:

— Эфенди мой! У меня есть до тебя великая просьба! Великая просьба.

* Отче нашъ!

— Что такое! Что такое?... спросил Благовъ, какъ бы испуганно.... Садись, говори.

Но Зельха не сѣла и продолжала стоять почтительно, и сказала:

— Смотри, эфенди, какое дѣло. Эту Нидзу, о которой я тебѣ говорила, заперли въ тюрьму. У нея есть старая мать и маленькая дочь. Безъ Нидзы имъ кушать нечего. *Нна!*... (Зельха, говоря это *нна!* раскрыла ротъ и провела тихонько ногтемъ по концамъ верхнихъ зубовъ, то-есть „вотъ ни такой крошки!“)

И еще прибавила: — *Хичъ-тиноте!* * такъ мило и забавно изображая лицомъ и руками свой ужасъ при видѣ подобной нищеты что мы всѣ были тронуты и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣялись.

— Что жъ мать съ этимъ дѣлать? спросилъ Благовъ весело.

— Эфенди! отвѣчала Зельха, — ты такъ друженъ съ Пашой. Попроси его, чтобъ ее, бѣдную, отпустили. Мать плачетъ, дочка кричить.... Жалко.

— А за что ее посадили въ тюрьму? спросилъ еще консуль.

Зельха пожала плечами и серьезно отвѣчала:

— Развѣ я знаю за что?

— Ты лжешь! Знаешь! сказалъ консуль.

Зельха клялась что не знаетъ и повторяла:

— На шесть мѣсяцевъ заперли!... Эфенди! Я прошу, скажи пашѣ....

— Посмотрю! сказалъ Благовъ и, обратившись къ Бостанджи—Оглу, прибавилъ: — Не совѣмъ идетъ въ такія дѣла изъ предмѣстья Канлы-Чешме намъ мѣшаться.... Какъ ты думаешь, Бостанджи—Оглу?...

Глаза Бостанджи—Оглу заблестали отъ радости что консуль вдругъ вздумалъ спросить его мнѣнія; но онъ мнѣнія этого и не имѣлъ; задумавшись, онъ, вѣроятно, спрашивалъ себя не о томъ, что онъ *самъ* теперь думаетъ обо всемъ этомъ, а, напротивъ, лишь о томъ, что думаетъ консуль? Какъ бы угодить ему. И на этотъ разъ угодила, хотя и не сразу.

---

* Два раза—*ничего*, по-турецки—*хичъ* и по-гречески — *тиноте*, для усиленія.

— Какъ вамъ угодно! сказалъ онъ сначала.

— Это глупо! сказалъ Благовъ.

Бостанджи послѣшилъ поправиться:

— Мнѣ кажется, воскликнулъ онъ, — надо помочь. Турчанка за Христіанку проситъ. Примѣръ хорошій...

Г. Благовъ одобрительно взглянулъ на него и началъ спрашивать опять Зельху, что это была за исторія? За что посадили Ницу?

— Не знаю, сказала Зельха. — У насъ на улицѣ всѣ люди жгли соръ въ кучкахъ. * Пришли залтіе. „Оставьте, оставьте. Чтобъ не было пожара!“ — „Не оставимъ, не оставимъ!“ — „Оставьте! Не оставимъ!“ Шумъ и драка! Я вижу потомъ повели нѣсколько человѣкъ въ *Паша-капуси*. ** У одного кровь здѣсь на лицѣ.... И Ницу взяли и увели.

Благовъ сказалъ: „Посмотримъ“, и тѣмъ этотъ разговоръ кончился.

Зельха вѣроятно бы ушла еслибы почти въ эту самую минуту не явился въ дверяхъ Коевино.

Онъ былъ мраченъ.

Поздоровался, сѣлъ и молчалъ нѣсколько времени, обмѣниваясь съ Благовымъ незначительными фразами.

Бостанджи-Оглу ушелъ, а я радъ былъ видѣть ея толстыя губы, и дѣтскій круглый носикъ, и остался.

Зельха между тѣмъ разсматривала картины Благова. Поднимала одну, раскрывала другую; смѣялась, говорила мнѣ въ полголоса, изъ лочтенія къ старшимъ:

— Одиссей, посмотри, посмотри сюда.... Хаджи-Сулейманъ дервишъ!... Ха-ха-ха!... Посмотри, посмотри, кузумъ.... И сѣкира его въ рукахъ. Какой сердитый!

И качала головой, и дивилась.

— Это, кузумъ Одиссей что такое?... Ба! ба! Это крѣпость наша!... Ходжа сидитъ! Какъ прекрасно!...

Я уже нѣсколько свыкъ со свободой обращенія въ консульствѣ, подошелъ и тихонько отвѣчалъ ей на ея глупенькіе вопросы....

Должно-быть со времени возвращенія Благова, я незамѣтно для самого себя сдѣлалъ огромныя успѣхи въ цивилизаціи; я уже съ ней теперь игралъ ту роль, которую нѣ-

* Изъ домовъ выметаютъ соръ на середину улицы и жгутъ его.

** Въ Порту.

сколько времени прежде игралъ относительно меня кавассъ Маноли.

Когда она спросила меня тихо: „Заѣмъ онъ это дѣлаетъ?“ Я отвѣчалъ: „Э! любить! Искусство такое!“ А она сказала: „Это очень хорошо!“

Пока мы говорили тихо, Коевино мало-по-малу все возвышалъ и возвышалъ голосъ.

Наконецъ онъ вскочилъ и закричалъ громко:

— Нѣтъ! Это невозможно... Я сказалъ что это невозможно.... У нихъ не готовъ еще комодъ.... И я не могу на ней жениться.

Я сказалъ Зельхѣ: „Оставь меня, подожди“; и сталъ слушать. Зельха взяла картинку, сѣла съ ней въ кресло и качаясь, разсматривала ее.

— Я сказалъ самому отцу, продолжалъ докторъ,—что комодъ необходимъ съ самаго начала и далъ ему двѣ недѣли срока.... Прихожу сегодня, спрашиваю: Комода нѣтъ. Я отказался и очень радъ!... И очень радъ.... N'est-ce pas, mon ami? n'est-ce pas?... Свобода лучше.... а? а? а? Свобода лучше.... Я отказался.... Ха-ха-ха! Чтѣ можетъ замѣнить сладость и прелесть свободы.... А! Одиссей! Ганимедъ мой прекрасный.... Чтѣ ты скажешь на это?... Свобода лучше брака?

— Не знаю право, докторъ, сказалъ я,— чтѣ лучше....

— Все такой же невинный и неопытный.... Когда же будетъ твой отецъ? скажи мнѣ мой.... Эротъ.

— Я писалъ ему, докторъ, что господинъ Благовъ его ждетъ.

— А! а!... весело наступалъ на меня докторъ съ томными глазами и все смѣясь.

Потомъ онъ поглядѣлъ на Зельху и сказалъ:

— Бѣдная Зельха! Здравствуй моя бѣдная! Здорова ли ты? Здорова? Аферимъ! Аферимъ! Ха, ха!

— Другъ мой, знаете чтѣ, сказалъ еще Коевино, вдругъ обращаясь къ господину Благову:—Сдѣлайте мнѣ къ Пасхѣ подарокъ. Изобразите мнѣ вмѣстѣ на одной небольшой картинѣ Зельху и Одиссея. А? Зельху и Одиссея... Поцѣлуй! изобразите поцѣлуй молодой любви... Молодой любви какъ первый и нѣжный цвѣтокъ весны.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Благовъ,—это вовсе не такъ занимательно. Я хочу представить семью дервиша. Зельха будетъ

дочь и будетъ сидѣть у ногъ стараго Судеймана и работать что-нибудь... А Одиссей, въ этой его турецкой одеждѣ, будетъ подавать ему наргилѣ; онъ будетъ сынъ.

Я содрогнулся немного отъ страха упасть на полотно въ такомъ обществѣ, но полагая что консулъ дразнить только меня, улыбнулся и молчалъ.

Коевино былъ недоволенъ; лицо его подергивалось какъ всегда, когда кто-нибудь противорѣчилъ ему, и онъ прибавилъ серьезно:

— Пусть будутъ двѣ картины. Но прежде моя, прежде моя. Зельха, дитя мое! Слушай, чтобы мнѣ на глазки твои радоваться! Слушай, сдѣлай то что я попрошу тебя.

Зельха положила картинку, встала съ большимъ готовностью и отвѣчала:

— Прикажи мнѣ, хекѹмъ-башѹ, * я сдѣлаю...

— Сейчасъ?

— Сейчасъ...

— Подѣлуй Одиссея... Я Али-паша Янинскій. Я ужасный Али-паша!

Я никакъ не ожидалъ этого и прежде чѣмъ успѣлъ я встать съ моего мѣста, Зельха спокойно, не улыбаясь, даже не колеблясь, не стыдась, прыгнула ко мнѣ и обнявъ меня за шею, поцѣловала въ губы. Я хотѣлъ отстраниться въ стыдѣ и страхѣ... Но было поздно.

Коевино хохоталъ, прыгалъ и кричалъ:

— Я Али-паша! Али-паша Янинскій... О! изобразите, изобразите мнѣ, мой другъ, эту мѣстную картину. Это очаровательный genre!... Вотъ мысль этой картины: Турчанка-танцовщица и стыдливый юноша-Грекъ. А? Развѣ не такъ? Это дѣйствительность, это истина... Весна! Зелень! Старый фонтанъ, покрытый плесенью и мохомъ... и онъ стыдится, а она не стыдится! Двѣ простоты! Двѣ наивности! Два міра! Двѣ души!

Но Благоевъ на эту веселую рѣчь Коевино замѣтилъ съ большимъ равнодушіемъ:

— Напрасно вы, докторъ, беспокоитесь такъ о немъ (то-есть обо мнѣ). Онъ лучше насъ съ вами умѣетъ устраивать свои дѣла по этой части. Спросите у него чѣмъ онъ занимался съ ней въ своей комнатѣ въ тотъ вечеръ когда здѣсь былъ Хаджи-Хамамджи.

* Главный докторъ.

Она (счастливая!) не обратила на слова эти никакого внимания и продолжала смотреть картинки. А я? Я изумленный, пораженный въ глубь сердца стыдомъ и почти ужасомъ, взглянулъ только на мигъ туда, откуда исходилъ этотъ ровный, насмѣшливый голосъ, я бросилъ на лицо его только одинъ быстрый взглядъ испуга и удивленія. И увидавъ на этомъ блѣдномъ, продолговатомъ и правильномъ лицѣ столь знакомое мнѣ, хладное и весело-злое, тихое сіяніе, послѣшно всталъ и хотѣлъ идти къ дверямъ. Онъ видѣлъ! онъ видѣлъ все, и онъ молчалъ... О, Боже!

Коевино хотѣлъ удержать меня; онъ ласково звалъ, просилъ возвратиться, но я уже былъ далеко. Мнѣ было до того стыдно что я и въ комнатѣ моей, сѣвъ у стола, закрылъ лицо руками. Онъ видѣлъ все! Отчего же онъ молчалъ? Отчего же онъ не бранилъ меня? Отчего не дѣлаалъ мнѣ наставленій? Снова тайна, снова загадка сфинкса. И мнѣ придется можетъ-быть разбить себѣ голову, если я не разгадаю ея.

Опять какъ и тогда „тѣмъ печальнымъ вечеромъ“ я слышалъ шаги по большей залѣ.

Консулъ и докторъ ходили по ней взадъ и впередъ и разговаривали по-французски.

Они то подходили къ моей двери, то удалялись отъ нея. Обо мнѣ они не говорили ни слова. Видно было что они всему тому что меня такъ тревожило не придавали никакой важности. Я слышалъ отрывки изъ бесѣды, но эти отрывки были мнѣ не совсѣмъ понятны, и я прислушиваясь не зналъ къ чему они относятся. Я слышалъ то Благова, то Коевино, то конецъ, то начало фразы.

— Какъ это говорится homo sum...? спрашивалъ Благовъ у моихъ дверей.

— Et nihil humanum.... отвѣчалъ Коевино, и они отходили.

И вдругъ съ того конца залы раздавался крикъ доктора.

— Великій Цезарь гордился побѣдой надъ женщиной столько же сколько....

Опять у дверей моихъ говорилъ Благовъ:

— Madame Бреше ужасна. Madame Атенбрехеръ развѣ женщина? Это мать и кухарка.

Я заинтересовался; я въ первый разъ въ жизни моей слышалъ что „мать и кухарка не женщина!“ Что за рѣчи! Не мужина же быть матерью и кухаркой!

Опять Коевино все громче и громче:

— Я почитаю двѣ страсти: одну дикую, грубую, звѣрскую....

И удаляясь онъ доканчивалъ свою мысль глухимъ рыканьемъ и ревомъ.

Потомъ они ушли гулять куда-то. Зельха тоже ушла домой, я и не видалъ когда и какъ. И когда я вышелъ опять изъ комнаты моей, кабинетъ Благова былъ запертъ на ключъ, а всѣ остальные комнаты были безмолвны и пусты.

И почему же, я, глупый мальчикъ, думалъ что тутъ есть новая тайна и новая загадка ядовитого сфинкса?

О, какъ проста! какъ проста разгадка этой тайны!

Ему было все равно; и онъ ни меня, ни ее и никого изъ насъ здѣсь не любилъ всею душой и всѣмъ сердцемъ своимъ.

И любилъ ли онъ, этотъ человѣкъ, когда-нибудь, и кого-нибудь, и гдѣ-нибудь, сильно, я не знаю. Мнѣ часто кажется что никогда, никого и нигдѣ!

IX.

Ты помнишь какъ пришло изъ Арты и Превезы извѣстiе что колоколъ наконецъ повѣшенъ... Ты не забылъ, конечно, какъ пришелъ Благовъ къ доктору на домъ, какъ онъ засталъ меня тамъ въ совѣщанiи съ Гайдудшей и какъ Гайдудша пророчила мнѣ неуспѣхъ въ дѣлѣ съ Шерифомъ...

Правда колоколъ висѣлъ очень красиво надъ воротами Артской церкви, подъ одною изъ небольшихъ арокъ, изъ которыхъ состоитъ эта колокольня.

Христиане могли любоваться на эти бѣлыя арки, одна надъ другой узорно возведенныя, на голубые просвѣты неба сквозь нихъ и на самый колоколъ. Но кто тотъ смѣльчакъ, котораго рука впервые ударить въ него при Туркахъ въ Эпирскомъ городѣ?.. Ему ничего, быть-можетъ, не сдѣлаютъ сейчасъ, но послѣ и поздѣе... когда-нибудь при случаѣ! Кто же? Кто первый извлечетъ звукъ изъ безмолвной бронзы этой и восхититъ христiанскiя сердца?..

Благовъ хмурится, узнавъ объ этомъ.

„Паша все болѣетъ, и это вѣрно интриги Ибрагима!..“ думаетъ онъ. „Теперь Ибрагимъ здѣсь сталъ пашой, а не

Рауфъ... Лучше бы смѣнять наконецъ этого слабого старика...“ Подумавъ еще, онъ веселѣетъ и рѣшается въ первый разъ звонить *самъ*... Не рукой своею конечно, а другимъ слособомъ, не менѣе того однако явнымъ и дерзкимъ.

Кавассы Маноли и Ставри призваны и онъ спрашиваетъ ихъ:

— Можете ли вы звонить въ Артѣ въ первый разъ сами, и посмотреть что дѣлають Турки?...

— Можемъ! говорить скромно, но съ язвительною улыбкой старый Ставри.

— Чего мы не можемъ для вашего сіятельства и для Самодержца всѣхъ Россіянъ! восклицаетъ Маноли.

— Такъ потѣжайте, и звоните, завтра суббота и посмотрите что дѣлають Турки.

— Чѣмъ имъ дѣлать! презрительно отвѣчаетъ Ставри.

— Они противу вашего благородія ничего не могутъ дѣлать; они не имѣють никакой независимости, ни куражу, ни даже ничего они не имѣють, исключая своей варварозности! восторженно подтверждаетъ Маноли.

— Я нахожу, эфенди, что это... хочеть онъ еще сказать... Но Благовъ говоритъ ему:

— Хорошо, иди, иди...

Кавассы прѣзжаютъ въ субботу вечеромъ, и воскреснымъ утромъ, вдругъ... ударъ... одинъ, другой... звонять! звонять!.. кто? кто звонить?.. звонять! звонять все громче, громче... Zito! кто рѣшился?...

Во всѣхъ христіанскихъ семьяхъ движеніе, радость, смѣхъ отъ радости, боязнь... недоумѣніе...

Мѣстный артекій вице-консулъ, подчиненный Благову, и г. Бакѣвъ (который все еще тамъ гоститъ тоскуя и скучая отъ досады и стыда послѣ исторіи съ Бреше), оба въ форменныхъ фуражкахъ идуть къ литургіи и церковь и улицы предъ церковью полны народа.

Что дѣлають Турки? Ставри былъ правъ: „что имъ дѣлать!“ Не убить же кавассовъ, не кинуться на христіанскій народъ, который здѣсь не то что боязливые Болгары давно угнетенной Эракіи!.. И время было другое! Совсѣмъ другое!

Турки артскіе уныло молчатъ. Есть между ними беи согласные съ Абдурраимомъ и Шерифомъ... На нихъ, черезъ ливійскихъ беевъ, черезъ Шерифа старался вліять Благовъ.

Эти Турки говорятъ: Чтò дѣлать! Нельзя во всемъ Грекамъ перечить.... Нельзя все противъ Русскихъ идти... Надо иногда одну десятину земли отдать чтобы сохранить себя сто!..

Каймакамъ ждетъ себя Станислава, онъ радъ, онъ счастливъ что мусульмане покойны.

Въ поведѣльникъ утромъ у насъ скрипять ворота, раздается веселый стукъ копытъ на консульскомъ дворѣ.

Кавассы соскакиваютъ съ утомленныхъ лошадей.

Манолы кричатъ, простирая руки къ небу: „Радость, триумфъ въ Артѣ! Ужасъ!..“ Благовъ, наградивъ ихъ щедро, тотчасъ же лишаетъ своему начальству бумагу съ настоятельною просьбой выслать каймакаму какъ можно скорѣе командорскіе знаки Св. Станислава и я самъ удостоиваюсь переписывать эту бумагу, на которой въ одномъ мѣстѣ стоитъ даже и таинственный значокъ....

Бумага отправлена въ Петербургъ прямо черезъ Триестъ а копія послана въ Арту Бакъеву для утѣшенія каймакама, которому перевели ее по-турецки, на словахъ конечно, а не письменно.

— Благодарю! Благодарю! восклицалъ каймакамъ внѣ себя отъ волненія.—Это честь! Это честь!.. Благодарю... Напишите господину Благову что я ему вѣчный другъ и слуга.

Итакъ всѣ были довольны: духовенство наше, каймакамъ, не только артекіе, но и янинскіе христіане, самъ Благовъ, Шерифъ-бей и вся семья его; отецъ Арсеній былъ до нельзя радъ и приходилъ поздравлять Благова; Коевино кричалъ „Zito!“ Гайдуша перепрыгивала отъ одной сосѣдки къ другой съ этою пріятною вѣстью... *Блѣтый и красный*, помнившій времена Али-паши и Байрона, старикъ Мишо качалъ головой и говорилъ, стараясь сдѣлать страшное лицо.

—Говорю я что этотъ консулъ муштина, я говорю это давно!

Было только два человѣка которыхъ смущало нѣсколько это всеобщее торжество.

Эти два человѣка были Исаакидесъ и я. Мечты о конфискаціи имѣній, домовъ и мельницъ Шерифъ-бея становились менѣе осуществимыми съ той минуты, какъ тайное сдѣйствіе Шерифа дало Благову возможность удовлетворить общественное мнѣніе Грековъ.

Рѣшившись писать тебѣ всю правду, я не хочу скрывать отъ тебя и того что въ этомъ первомъ столкновеніи латрі-

отическихъ чувствъ съ личными интересами въ молодой душѣ моей... не то чтобы превозмогли послѣднѣе, но они охладили нѣсколько мою радость... Неслыханный еще дотолѣ въ Элирскихъ городахъ смѣлый и праздничный звонъ православнаго колокола раздавался вѣдь не въ самой же Янии, близко отъ меня... Онъ въ дальней Артѣ призываетъ вѣрующихъ къ молитвѣ. Я могъ только воображать этотъ звонъ и воображая повторять за другими: „Zito Rossia! молодецъ Благовъ!“ Повторять я повторялъ это и очень часто повторялъ, и съ жаромъ повидимому и съ убѣжденіемъ даже...

Но... я не долго вытерпѣлъ и послѣдшилъ къ Исаакидесу чтобъ узнать радуется ли онъ.

Да, и онъ радовался, но былъ и лучъ сомнѣнія...

Неужели Гайдуса была права? Неужели все сбудется по ея предсказанію и Благовъ броситъ бумаги Исаакидесу „въ морду“?

Я пришелъ къ Исаакидесу.

Г. Вамвакосъ былъ опять тутъ. Онъ стоялъ въ пріемной предъ зеркаломъ и расчесывалъ себѣ гребешкомъ жидкіе волосы.

Исаакидесъ показался мнѣ задумчивѣе обыкновеннаго.

Впрочемъ онъ улыбался и не слишкомъ унывалъ.

— Вотъ, господинъ Одиссей, сказалъ онъ мнѣ,—надо намъ всѣмъ радоваться, — въ Артѣ звонили въ колоколъ.

— Да, отвѣчалъ я,—каждый православный Элиротъ будетъ отнынѣ возсылать теплыя мольбы къ небу за здравіе и долготѣіе господина Благова.

Исаакидесъ продолжалъ:

— Паша ничего не хотѣлъ помочь ему; но помогли другіе Турки... Ты слышалъ?

— Слышалъ, сказалъ я и опустилъ глаза.

— Труднѣе намъ будетъ теперь, сказалъ Исаакидесъ.— Господинъ Благовъ очень благороденъ, и я боюсь что онъ не станетъ теперь стѣснять тѣхъ Турокъ которые ему помогали... Кто знаетъ, что онъ объ этомъ думаетъ... Что ты скажешь, господинъ Одиссей?

— Почему я знаю! отвѣчалъ я, пожимая плечами.

Я подумалъ въ эту минуту: не сказать ли мнѣ Исаакидесу что консулъ зоветъ его мошенникомъ вовсе не въ шутку и нисколько не уважаетъ его?... Но мнѣ показалось что это было бы низко съ моей стороны и я не сказалъ ничего.

Вамвакосъ тогда вдругъ повернулся къ намъ и сказалъ:

— Господинъ Исаакидесъ! вы напрасно говорили мнѣ давеча, что не надѣетесь принудить русскаго консула начать дѣло ваше съ этимъ Туркомъ до возвращенія господина Полихроміадеса. Я берусь его вынудить... Я докажу ему категорически, что онъ не правъ... Если вамъ угодно, я представляюсь ему какъ аѳинскій адвокатъ и, конечно, одно слово „Аѳины“ уже подѣйствуетъ на него электрически. Эти русскіе аристократы имѣютъ только одни военныя наклонности, а въ законовѣдѣніи и вообще въ наукѣ слабы. Человѣку который подобно мнѣ изучилъ всѣ кодексы не трудно будетъ подавить его глубиной моихъ свѣдѣній.

— Не разсердился бы онъ на меня? сказалъ Исаакидесъ.

— Необходимы пріятные пріемы! возразилъ Вамвакосъ, поднимая глаза къверху, — я привыкъ вращаться въ высшемъ свѣтѣ и постараюсь позолотить ему эту пилюлю.

На это Исаакидесъ ему ничего не отвѣтилъ, но провожая меня въ сѣни, онъ постарался снова оживить мои надежды.

— Пусть Вамвакосъ поговорить съ Благовымъ... Это не вредитъ, сказалъ онъ мнѣ. — Но у меня есть и другое средство расположить консула къ уступчивости... Я ему покажу сегодня же такую *фигуру* что онъ восхитится! Ты увидишь самъ... Тахиръ-Аббасъ-бей, врагъ убійцы Джеффера, здѣсь въ городѣ... Я его приведу сегодня въ консульство... Я въ Чамурѣ былъ, Одиссей мой, и дѣло мое знаю хорошо... будь покоенъ!

Я ушелъ домой размышляя такъ:

— Нѣтъ, видно не надо терять еще надежды!...

Увы! на мигъ только, на одинъ краткій мигъ, я могъ опять съ веселіемъ думать что „колоколъ“ и „мельница“, Богъ и Маммонъ, духъ православія и моя личная плоть, гордость отчизны и богатство семьи моей ничуть не помѣшаютъ другъ другу... И *фигуру* Тахиръ-бея Исаакидесъ показалъ Благову, и Вамвакосъ приходилъ въ консульство, съ намѣреніемъ подавить консула своею образованностью и законовѣдѣніемъ... но все напрасно!

Исаакидесъ, правда, въ Чамурю не даромъ ѣздилъ, какъ ты поймешь позднѣе... Онъ все развѣдалъ, все узналъ; онъ даже сдѣлалъ гораздо больше чѣмъ приказалъ и позволялъ ему Благовъ... Но что жъ изъ этого?...

ъ-Аббасъ пришелъ. Онъ не былъ похожъ ни на нѣж-

наго романческаго злодѣя и врага своего Джеффера, ни на добраго и мягкаго, но неопрятнаго и по-европейски одѣтаго Шекира. Тахиръ ростомъ былъ очень высокъ, очень плечистъ; бѣлъ и румянъ; все у него было крупно и страшно; усы черны, густы и длинны; глаза выпуклы и почти безъ выраженія; носъ грубый и большой. Одѣтъ онъ былъ не такъ изящно какъ Джефферъ въ тотъ день когда проходилъ подъ балкономъ нашимъ, но все-таки очень хорошо: юбка его такая же была бѣлая какъ юлки нашихъ кавассовъ и цвѣтная куртка расшита золотомъ. Оружіе за золотымъ поясомъ было богато.

Казалось онъ занялъ собою всю комнату, когда Исаакидеъ ввелъ его въ нашу канцелярію... Маѣ стало страшно на него смотрѣть.

Тахиръ едва-едва отвѣтилъ на наши съ Бостанджи поклоны и посидѣлъ нѣсколько минутъ на диванѣ, пока Исаакидеъ поспѣшилъ самъ на верхъ доложить Благому.

Бостанджи тотчасъ подалъ ему палироску и уголекъ изъ мангала.

Бей закурилъ и продолжалъ сидѣть молча, ни разу не измѣняя ни позы, ни выраженія лица. Самая легкая улыбка благодаренія и привѣтствія не озарила его каменнаго лица, когда Бостанджи подалъ ему палироску.

Я все время, подъ разными предлогами, не садился при немъ. Такъ онъ былъ страшенъ... Наконецъ, Тахиръ промолвилъ слово:

— Вы мѣстный человѣкъ, Яніотъ? спросилъ онъ у Бостанджи.

Бостанджи поспѣшно отвѣчалъ ему что онъ изъ Константинополя.

— Очень хорошо... Радуюсь... сказалъ бей, и опять ни слова.

Къ счастью, Исаакидеъ очень скоро пришелъ за нимъ и со всевозможными комплиментами повелъ его къ Благому.

Любопытно до нельзя было видѣть вмѣстѣ и какъ бы въ союзѣ этого дикаго и прекраснаго, если хочешь, въ своей народной грубости феодальнаго азіятскаго воина, одѣтаго такъ чисто и хорошо и едва грамотнаго; и нашего подобострастнаго и униженнаго горожанина Грека корреспондента длиннѣйшихъ газетъ, въ его отвратительной, перашливой одеждѣ à la française, съ этими висячими и кривыми усами, съ салымъ воротникомъ и старою шляпою въ ру!

Тахиръ-Аббасъ просидѣлъ у Благова около часу и все такъ же важно, такъ же безстрастно и гордо озирая все стеклянными и выуклыми глазами своими, спустился съ лѣстницы и ушелъ въ сопровожденіи двухъ слугъ, ожидавшихъ его въ сѣняхъ.

Мы переглянулись съ Бостанджи-Оглу когда Тахиръ-Аббасъ исчезъ изъ глазъ нашихъ и сказали другъ другу:

— Ну, это бей! Это Арнаутъ! Избави насъ Боже!

А Бостанджи прибавилъ еще:

— Ахъ, я бы всѣхъ такихъ помучилъ хорошенько, если Турція падетъ, чтобъ они всѣ приняли христіанство!... Какіе бы они воины для насъ были!...

Я же воскликнулъ:

— Какъ бы они насъ съ тобой прежде не помучили! Смотрѣть даже неприятно...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не забылъ и того что мнѣ шелъ Исаакидесъ: „надо угодить консулу, а тамъ увидимъ... Я покажу ему такую *фигуру*...“

И вотъ *фигура* показана...

Что будетъ дальше... Не подѣйствуетъ ли теперь краснорѣчіе г. Вамвакоса на умягченіе сердца молодого честолюбца? Вѣрно онъ очень радъ, что такой страшный бей пришелъ къ нему на поклонъ...

Послѣ полудня пришла почта: привесли бумаги отъ начальства, пришли русскія газеты. Г. Благовъ пошелъ въ канцелярію и сѣлъ на диванъ разбирать все это. Мы съ Бостанджи-Оглу переписывали статистику на зеленыхъ столикахъ.

Консулъ, читая, чему-то улыбался про себя; потомъ кинулъ Бостанджи нѣсколько бумагъ и сказалъ ему весело:

— Посмотри, мы съ тобой что надѣлали. Я забылъ въ разсѣянности подписать имя свое подъ нѣсколькими бумагами, а ты такъ и отправилъ. Теперь начальство вернуло ихъ и бранить меня.

И онъ отдалъ ему бумагу изъ министерства со строгимъ выговоромъ за небрежность. Это его болѣе позабавило, чѣмъ смутило. И онъ не сталъ даже и укорять Бостанджи за то что тотъ не напоминаетъ ему.

Потомъ онъ сталъ читать газеты и сообщилъ намъ что еще нѣсколько партій польскихъ повстанцевъ разбито наголову.

— Еще пощечина этой Европѣ! сказалъ онъ.

Въ это время доложили что пришелъ г. Вамвакосъ, афинскій законникъ.

— Кто? Кто? повторилъ Благовъ съ изумленіемъ.

— Одинъ законникъ, сказалъ Ставри.

— Ну, зови законника сюда, отвѣтилъ консулъ.

Вамвакосъ былъ и здѣсь все также счастливъ и развязенъ какъ и въ пріемной Исаакидеса.

Благовъ принялъ его какъ всѣхъ: всталъ медленно, не спѣша подавъ ему руку, сухо пригласилъ сѣсть и помолчавъ немного, спросилъ съ предвѣренною нерѣшительностью въ голосъ: „Вы по дѣлу... извините... или...“

— Господинъ консулъ, закатывая глаза къ небу, сладостно и быстро залепеталъ Вамвакосъ: — я столько слышалъ объ имени вашемъ, что счелъ за самый пріятный долгъ явиться къ вамъ и приподвести вамъ выраженіе моего почтенія. Ваша популярность между Эллинами Эпиро-Фессалийскихъ странъ слишкомъ извѣстна вамъ самимъ, чтобы мнѣ было нужно многословіемъ утомлять просвѣщенное вниманіе ваше... Никакая тяжба, никакой, такъ-сказать, интересъ не руководилъ мною при этомъ посѣщеніи моемъ... Дружба моя съ господиномъ Исаакидесомъ, драгоманомъ вашимъ, который исполненъ къ вамъ любви и преданности, я надѣюсь будетъ достаточною рекомендаціей меня въ вашихъ глазахъ...

Благовъ на все это не отвѣчалъ ни слова. (И украдкой взглянувъ на лицо его, чтобы понять какое впечатлѣніе производитъ на него это бѣглое риторское вступленіе, мнѣ, впрочемъ, показавшееся прекраснымъ и завиднымъ, и увидалъ что по лицу Благова чуть-чуть пробѣгаетъ что-то знакомое мнѣ и насмѣшливое.)

Помолчавъ, консулъ спросилъ:—Вы изъ Афинъ?

Рѣчи Вамвакоса полились олять потокомъ... „Я воспитанникъ Аттической Всенаучницы...“ и лилась, и лилась, и головка качалась на тонкой шеѣ, и качалась, и качалась...

Благовъ все молчалъ. Молчалъ онъ четверть часа, молчалъ двадцать минутъ.

Вамвакосъ все изливался, все лѣлъ очень краснорѣчиво, но однообразнымъ и скучнымъ голосомъ...

Благовъ не возражалъ ему ни слова и, не мѣняясь въ лицѣ, глядѣлъ на него гостепріимно и покойно.

Наконецъ, Вамвакосъ сказалъ:

— Впрочемъ, быть-можетъ, я пришелъ не вовремя... У васъ есть слѣшныя дѣла... Я вижу столько газетъ и бумагъ предъ вами.

Тогда Благовъ всталъ и, очень любезно улыбувшись ему, отвѣчалъ:

— Если хотите, это правда... Я очень занятъ...

Вамвакосъ, который ожидалъ что его будутъ удерживать, покраснѣлъ, поклонился и ушелъ.

Когда за нимъ затворилась дверь, консулъ спросилъ:

— Какъ это воробей называется по-гречески?

Бостанджи сказалъ: „Споргѹти“.

— Вотъ голова маленькая какъ у споргѹти...

Мерзавецъ Бостанджи залился звонкимъ хохотомъ, не понимая что этотъ неуспѣхъ Вамвакоса огорчилъ меня. И этого мало: онъ не только хохоталъ, но онъ даже и сказалъ консулу нѣчто для насъ съ Исаакидесомъ очень вредное.

Онъ сказалъ такъ:

— Господинъ консулъ, вы не думайте что этотъ Вамвакосъ такъ просто приходилъ; это его Исаакидесъ навѣрное подослалъ чтобы съ вами объ его тяжбѣ поговорить... Онъ ему, видите, другъ и законникъ...

— Я ужъ почти догадался, сказалъ Благовъ.

Мы все писали; консулъ все читалъ газеты. Никто не приходилъ. Наконецъ пришелъ самъ Исаакидесъ. Вѣроятно онъ узналъ что изъ бесѣды его аѳинскаго друга съ консуломъ ничего не вышло и былъ немного задумчивъ.

Помодчавъ онъ доложилъ консулу о событіяхъ дня, о которыхъ онъ только-что успѣлъ узнать и между прочимъ о томъ что христіанъ Турки сгоняютъ изъ селъ дѣлать дорогу и не только денегъ имъ не платятъ, но и хлѣба за это, кажется, не даютъ; сказалъ еще что папа все нездоровъ, не можетъ сегодня выходить изъ гарема, и докторъ безпрестанно ходитъ къ нему; наконецъ, повременивъ еще, началъ было такъ съ заискивающей улыбкой:

— Вы приказали напомнить вамъ о дѣлѣ въ тиджаретъ...

— О какомъ дѣлѣ? притворно спросилъ Благовъ.

— О моемъ дѣлѣ, значить... съ Шерифомъ...

— Нѣтъ, я передумалъ, сказалъ спокойно и даже лѣчально консулъ.—Я не буду возобновлять его...

Воцарилось на минуту молчаніе. Они поглядѣли другъ

на друга. Исаакидесъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Даже губы его шевельнулись сказать что-то, но не сказали.

У Благова блеснули глаза опять столь знакомою уже мнѣ радостью злаго триумфа. Но и онъ не сказалъ ничего. Немного погодя Исаакидесъ взялъ дрожащею рукою свою скверную шляпу и поклонившись почтительно, вышелъ изъ канцеляріи.

Благовъ едва отвѣтилъ на его страдальческій поклонъ. И тѣмъ разговоръ этотъ кончился. Консулъ потомъ довольно долго сидѣлъ на диванѣ, читая русскія газеты и не говоря никому ни слова. Мы съ Бостанджи-Оглу прилежно писали.

Потомъ Благовъ бросилъ газету, потянулся и сказалъ обращаясь къ Бостанджи-Оглу:

— Вотъ въ газетахъ нашихъ лишутъ всякій вздоръ. Описываютъ, напримѣръ, какъ мошенники обманываютъ порядочныхъ людей. Это не ново. Занимательнѣе было бы описать, какъ иногда порядочный человѣкъ... проводитъ мошенника. Бостанджи, какъ сказать по-гречески „порядочный человѣкъ“?

Бостанджи отвѣтилъ выраженіемъ въ буквальномъ смыслѣ означающимъ „человѣкъ какимъ должно быть“.

Благову это не понравилось.

— Нѣтъ, сказалъ, это не то! Порядочнымъ человѣкомъ еще можно себя назвать въ веселый часъ... Но какъ сказать про себя „человѣкъ какимъ должно быть“! Это слишкомъ высоко и непристойно. И какимъ это именно человѣкомъ надо быть... еще вопросъ... Одиссей, ты вѣдь ученый мужъ; когда вырастешь совсѣмъ, придумай и публикуй для этого новое эллинское слово..

Но я остался глухъ къ этой благосклонной шуткѣ. Пророчица Гайдума! Оракулъ, Пиеія Гайдума! Радуйся!.. „Когда повѣсятъ колоколъ, Благовъ броситъ бумаги Исаакидесу въ морду и до выгодъ твоего отца ему дѣла нѣтъ.“ Радуйся! Радуйся вѣдьма!

Я вспомнилъ кстати и слова кира-Параскевы, матери бей: „Развѣ онъ хорошій человѣкъ? Развѣ онъ добрый? Нѣтъ, онъ человѣкъ жестокій и не добрый.“

Теперь кира-Параскева находитъ его, вѣроятно, очень добрымъ; а я не согласенъ съ ней!

Да! пока эта жестокость, эта паликарская, дерзкая

хитрость, молча хвастливая... Эта сіяющая нѣмымъ тщеславіемъ предприимчивость касалась другихъ, а не меня, и не отца моего, котораго я такъ жалѣлъ и котораго я съ такимъ блаженствомъ увидалъ бы наконецъ въ Загорахъ (или хоть въ близкой отъ Загоръ Явнѣ), на локоѣ, задумчиво и кротко бесѣдующимъ о старинѣ и о нынѣшнихъ дѣлахъ въ тѣни платана, до тѣхъ поръ эта хитрость, молодечество, эта веселая рѣзкость никого не щадящая мнѣ казались прекрасными!.. Но едва лишь эти самыя свойства обратились на меня самого и затронули въ одно и то же время и самыя корыстныя, и самыя священные сыновнія чувства мои... такъ я вмѣсто любви и благоговѣйнаго страха почувствовалъ къ консулу какую-то ненависть и отвращеніе, и самый страхъ мой сталъ страхъ *не хороший*, а дурной... Эти самыя сѣрые, сарматскіе глаза, большіе, весело пожирающіе, показались мнѣ наглыми и безстыдными, они надѣли мнѣ... опротивѣли...

И я отвернувшись продолжалъ молча писать, думая про себя:

„Не хорошій онъ человѣкъ!.. Не люблю я его больше!.. Какъ онъ противно гордится! Какъ онъ любитъ огорчать людей!...“

Х.

Нѣтъ! Не хорошій онъ человѣкъ! Не добрый! Почему жь, не разобравши еще внимательно дѣла съ Шерифъ-беемъ, онъ слѣштитъ отъ него отказаться? Почему онъ такъ радъ всегда когда кому-нибудь больно: Исаакидесу или Бакъеву, Бостанджи-Оглу или мнѣ?...

И какъ это онъ въ самомъ дѣлѣ непріятно расширяетъ все глаза свои какъ левъ веселясь на ужасъ добычи!.. Извольте видѣть „онъ московскій бей“! Онъ не любитъ купцовъ!.. Это онъ доктору сказалъ; и докторъ передалъ Турку, чтобы тотъ не боялся и чтобы хлопоталъ о колоколѣ въ Артѣ—для чего? Все для *его* же прославленія!..

Онъ только доктору по дружбѣ сказалъ... Чѣмъ онъ бѣдный виноватъ что докторъ передалъ кому слѣдуетъ!..

Знаемъ мы, знаемъ! Мы тоже что-нибудь да понимаемъ, потому что Греки всегда были великаго и тончай-

много ума люди!... Насъ обмануть невозможно, даже и знаменитой этой великорусской дипломатіи!... Знаемъ мы что вы Турку самому хорошему ничего неприличнаго для православной политики не скажете, а сдѣлаете все искусно... Но и мы, во славу Божию, тоже не слѣзлы!...

Купцовъ не любятъ! Отца моего значить тоже не любить... Отца моего, который такъ боготворить Россію и такъ хвалить его, мальчишку богатаго и судьбой облакканнаго... Отца моего дорогаго!... Хорошо! Похвально это!... Предпочитать распутнаго льяниду бѣя (хотя бы и не злаго) почтенному, сѣдому руссофилу Полихроніадесу...

Но, однакоже, колоколъ этотъ... Слава имени православному...

Но, спросимъ себя однако еще и о томъ: православный ли онъ человѣкъ? и насколько?...

Несториди славится у насъ умомъ и ученостью и о сборникахъ его упоминали даже недавно въ Германіи; онъ можетъ судить.

Вѣдь и Несториди тоже очень радъ что колоколъ повѣсили въ Артѣ, и онъ тоже находитъ что все это было сдѣлано ловко; но отчего же онъ при мнѣ, въ отвѣтъ на возгласы по этому поводу Бакырѣ-Алмаза и другихъ болѣе его довѣрчивыхъ людей о православіи Благова, принявъ лаутовато-суровый видъ, который онъ принималъ когда хотѣлъ язвительно пошутить надъ чѣмъ-нибудь и только головой покачалъ.

Сказалъ бы, напримѣръ, православный человѣкъ, то что Благовъ еще вчера говорилъ доктору, сидя съ нимъ на балконѣ?

Я тутъ уже не случайно слышалъ отрывки ихъ бесѣды, какъ тогда когда они ходили вмѣстѣ по залѣ и говорили что „страна наша прекрасна, но что въ ней иногда задыхаешься“; что „мать и кухарка“ можетъ быть и „не женщиной“!... Нѣтъ, на этотъ разъ я, движимый любознательностью, взялъ книжку учебную въ руки и сѣлъ невинно на диванѣ въ столовой, нарочно чтобъ услышать отъ нихъ что-нибудь новое, тонкое, европейское... Они и не замѣтили меня и разговоръ былъ для меня истинно новъ.

Уста Коевино источали сладчайшій медъ. Онъ хвалилъ хорошее сулружество.

— Пріятно, говорилъ ояъ,—увидать около себя, пробудившись поутру, уснувшее честнымъ своимъ покорное вамъ и любящее существо!... Существо, которому вы можете безъ стыда и боязни довѣрить все сердечныя движенія ваши...

Такъ говорилъ докторъ съ большимъ чувствомъ; я слушалъ эти рѣчи его, и каждое слово его находило самый живой отзывъ въ сердцѣ моемъ... Не этими ли самыми чувствами жили мои родители? Не ими ли дышала семья моего загорскаго наставника Несторида, только съ виду облакавшаго ихъ суровостью? Не о такой ли жизни приучали и меня рано мечтать окружающіе меня почтенные люди, восхваляя нескончаемымъ и дружнымъ хоромъ кроткихъ и покорныхъ, добрыхъ и вѣрныхъ супруговъ?... Докторъ потомъ началъ говорить о прогулкахъ вдвоемъ за городъ съ доброю женой, о радости при рожденіи дѣтей...

Безумца умудрилъ на этотъ разъ Господь, и рѣчь его была такъ искренна, такъ горяча и трогательна что она дѣйствовала на меня даже гораздо глубже, чѣмъ подобныя же похвалы честному браку которыя произносили отъ времени до времени отецъ мой, всегда мимоходомъ и отрывочно, или слова Несторида, котораго лицо даже было неспособно выразить какое бы то ни было нѣжное чувство. Не удивительно ли это?...

Безумецъ былъ мудръ въ этотъ день; а досточтимый, мудрый не по лѣтамъ, искусный защитникъ православія и возноситель колоколовъ во славу имени христіанскаго, помолчавъ довольно долго и не подозрѣвая, вѣроятно, до чего внимательно ждуть его отвѣта юношескія уши мои за дверьми балкона, отвѣчалъ ему, безумцу, на эти трезвенныя рѣчи его рѣчами... ужасными (другаго эпитета я тогда не нашелъ для этого страшнаго отвѣта).

— Нѣтъ! сказала Благовъ медленно, печально и задумчиво,—нѣтъ!... Я очень завидую вамъ, докторъ, что вы можете любить подобную жизнь и утѣшаться такими картинками.... Для меня, къ несчастію, это неслостижимо. Эта фамиллярность, эта близость. Эти какія-то права какой-то женщины на меня!... Этотъ неопрытанный, отвратительный союзъ въ одной комнатѣ!... Эти смѣшныя разѣзды съ визитами вмѣстѣ... „Вотъ, смотрите все: мы мужъ и жена!“ Я не могу безъ отвращенія видѣть какого-нибудь умывальника общаго въ супружескомъ домѣ. Я не знаю,

какими роскошными и раззолоченными чертогами надо окружить себя чтобъ эта проза была сносна для меня!... Къ тому же я не влюбчивъ, и какъ скоро любовь принимаетъ какой-то вѣрный характеръ, такъ я кромѣ отвращенія ничего не чувствую!...

— Послушайте, возразилъ Коевино, — но если вы въ горести, въ болѣзни... Кто! О кто лучше женщины усмотритъ за вами.

Благовъ засмѣялся.

— Когда я боленъ, я люблю повернуться лицомъ къ стѣнѣ и никого не видать. На что мнѣ жена въ эти минуты, когда я кромѣ ненависти и скуки ничего не нахожу въ себѣ? Не для того ли (тутъ смѣхъ Благова сталъ какимъ-то сатанинскимъ), не для того ли чтобъ она видѣла меня въ такую именно минуту, въ которую я жалокъ и безсиленъ? Не лучше ли обыкновенный слуга, нанятый за деньги? Или старая сидѣлка, которая уже утратила всякій половой характеръ. Нѣтъ! болѣзни и недуги—это только новый поводъ ненавидѣть бракъ.... Я говорю, поймите, не про учрежденіе брака, не объ этой нравственной такъ-сказать конскрипціи, которую требуетъ отъ насъ общественный строй. Я говорю лишь о себѣ самомъ. „Да идетъ мимо меня сія чаша!“ А учрежденіе я самъ защищать готовъ, хоть съ оружіемъ въ рукахъ. Есть люди которые ненавидятъ молочную пищу, но изъ этого не слѣдуетъ что надо перебить всѣхъ коровъ, или перестать доить ихъ. Пусть это во мнѣ развратъ и порокъ. Но я имъ доволенъ, для моихъ личныхъ нуждъ и вкусовъ.

Я не могъ видѣть сквозь стѣну что дѣлалось въ это время съ лицомъ Коевино; я слышалъ только что стулъ его стучалъ и двигался не разъ, я слышалъ что онъ пытался не разъ прервать Благова горячимъ возгласомъ: „А я! а я! ха, ха! Je vous comprends, mais moi!“ Но Благовъ всякій разъ ударяя звонко рукой по желѣзной рѣшеткѣ балкона, говорилъ: „pardon, je vais finir“, и возвышая свой рѣзкій голосъ, опять медленно и систематически продолжалъ.

Они говорили еще долго и я долго ихъ слушалъ съ изумленіемъ. Коевино уже давно согласился со всѣмъ, все уступилъ, опять сталъ безумцемъ, опять хохоталъ и сказалъ даже такъ:

— Après tout, la meilleure femme du monde, c'est la femme d'autrui.

И Благовъ... Благовъ отвѣтилъ на это... Какъ бы ты думалъ что?

— Да, пожалуй... если только это не надолго. А если привязаться и привыкнуть къ этой чужой женѣ, и если мужъ при этомъ не ревнивъ, не опасенъ, равнодушенъ, какъ у насъ въ Россіи, напримѣръ, равнодушны многіе мужья, то и это становится очень плохо и гадко!

Нѣсколько секундъ послѣ этого молодой консулъ помолчалъ и потомъ вставая сказалъ доктору:

— Подождите, я вамъ прочту одно стихотвореніе.

Съ этими словами онъ показался въ дверяхъ балкона. Я закрылъ себѣ лицо моею книжкой; но такъ что могъ видѣть его немного. Благовъ замѣтивъ меня свачала какъ будто удивился и сказалъ:

— Ты здѣсь?

Потомъ прибавилъ послѣ минутнаго колебанія (ахъ! какъ бы дорого я далъ чтобы знать что онъ думалъ обо мнѣ въ эту минуту? Не подумалъ ли онъ что при мнѣ не надо читать эти стихи?):

— Поди, у меня на столѣ развернутая желтая книжка...

Я принесъ желтую книжку и Благовъ возвратясь на балконъ къ доктору, прочелъ ему съ большимъ чувствомъ нѣсколько французскихъ стихотвореній, изъ которыхъ одно я запомнилъ легче, потому что оно было очень просто, но поразительно.

Adieu, Suzon, ma rose blonde
 Qui fut à moi pendant huit jours...
 Les courts plaisirs de ce monde—
 Font souvent les meilleurs amours!
 .....
 Paff! C'est mon cheval qu'on apprette...

Какъ онъ громко, какъ страстно читалъ эти простые стихи (и какъ скоро, увы! привыкъ и я въ обществѣ Русскихъ цѣнить такую простоту!).

Нагнувшись немного въ сторону на диванѣ, я могъ видѣть лицо Благова. Я видѣлъ красивое движеніе прекрасной руки его. „Paff! c'est mon cheval qu'on apprette!“ я видѣлъ хорошо строгій профиль его немного длиннаго и блѣднаго лица, лица даже слишкомъ строгаго и властительнаго для его возраста. (Ему вѣдь было всего еще двадцать шесть лѣтъ.)

Докторъ слушалъ. И его я видѣлъ. Его голова вздрагивала, смуглое лицо было томно, глаза задумчивы.

Благовъ остановился и сказалъ серьезно, такъ серьезно какъ будто бы дѣло шло о родинѣ или вѣрѣ:

— Вотъ идеалъ жизни! „*Raffic'est mon cheval qu'on apprette.*“

Докторъ потомъ сказалъ:

— Молодые Французы XVIII вѣка имѣли обычай восклицать и даже писали на стѣнахъ такого рода правила: „Шлага дворянина должна быть всегда готова на защиту Бога, короля и любовницы.“

Разговоръ этотъ длился между ними два часа, я думаю, пока наконецъ кто-то проходившій по улицѣ ни поклонился имъ и, остановясь подъ балкономъ, ни прервалъ ихъ разговора извѣстіемъ что Рауфъ-паша опять немного поумише, что онъ сталъ выходить.

Я послѣ этого покинулъ свой уголокъ поученія и ушелъ. Но, Боже мой! Никакая рѣчь, никакое чтеніе дотолѣ не поражали меня такъ какъ поразили эти слова Благова.

„А таинство? Таинство брака? думалъ я долго, долго еще послѣ этого. Отчего же ни тотъ, ни другой не упоминали ни разу о смертномъ грѣхѣ? О священныхъ заповѣдяхъ Божіихъ? О страшной карѣ загробной? О томъ какъ святые отцы, учителя наши, говорили что изъ всѣхъ злыхъ духовъ самый отвратительный даже *по виду*, это демонъ плотскаго грѣха, и милая личина которую принялъ онъ на этой землѣ назначена лишь для того дабы лучше скрыть тѣ отвратительныя свойства которыя таятся подъ нею!“

Мнѣ хотѣлось не разъ выйти на балконъ и сказать имъ:

— Простите, господа мои, вы забыли одно... вотъ то-то и вотъ то-то!

И потомъ что за жесткость и къ себѣ, и къ другимъ!.. Отчего же ненавидѣть нѣжность такъ уже искренно и глубоко? Зачѣмъ такъ презирать благодушный уходъ юной... или хоть бы и не юной супруги... Что за холодное, что за желѣзное сердце...

Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!.. Онъ мнѣ чужой, онъ не *нашъ*, не *мой*, не близкій сердцу... Онъ только повелитель мой... Онъ не отецъ, не братъ, не другъ... Онъ господинъ господствующій. Онъ чуждый богъ, сошедшій на мигъ въ нашу простую среду, надъ которой онъ ларитъ высоко несатымъ сердцемъ и гордою мыслью!..

И опять, опять, вспомнилъ я прощальныя слова отца моего у дверей горнаго хана, гдѣ я въ послѣдній разъ, со слезами провожая его опять на Дунай, поцѣловалъ его десницу. Вотъ эти слова:

„Ходи въ хорошіе дома, бери въ нихъ полезныя примѣры благородства и образованности, а отъ того что твоему возрасту непристойно и что несообразно со строгою нравственностью добраго православнаго, отъ того устранийся... Вотъ тебѣ мое слово отеческое. Я сказалъ, а ты это помни!“

Но гдѣ же эти предѣлы подражанія? Предѣлы поученія? Гдѣ этотъ критеріумъ познанія блага и зла?.. Какъ уловить эти измѣнячивыя и незримыя предѣлы моему уже смущенному молодому уму, когда великіе мудрецы всѣхъ временъ были несогласны другъ съ другомъ въ начертаніи ихъ?..

„Бери примѣры благородства...“ сказалъ отецъ...

Но вотъ Бостанджи-Оглу разсказываетъ будто бы этотъ самый Благовъ получилъ года два тому назадъ въ наследство отъ дяди своего восемь тысячъ русскихъ рублей и прожилъ ихъ въ одинъ мѣсяцъ въ отпуску, въ Россіи, говоря что „обезлечить его такая небольшая сумма по его понятіямъ не можетъ, а память хорошую подобный мѣсяцъ оставить ему на всю жизнь“... Восемь тысячъ рублей!.. Для меня это цѣлая жизнь... Цѣлый міръ еще недостижимый, но понятный... Для меня это хорошій домъ въ Загорахъ, это торговля ессалійскимъ хлѣбомъ или рыбой и русскою шкурой на Дунаѣ; чистый расчетъ съ заимодавцами утомленнаго отца, для меня это бракъ счастливый, это первый камень большой торговой, или даже банкирской конторы въ Галацѣ, въ Галацѣ, въ Смирнѣ, Букурештѣ...

Куда же онъ прожилъ эти деньги? На *гетеръ*, на театры, на огромныя *батчиши* какимъ-нибудь слугамъ, чтобы они льстили и притворно угождали ему...

Школу ли онъ воздвигъ на родинѣ своей для просвѣщенія тѣхъ поробощенныхъ Русскихъ съ „рубашкой наружу“, которыхъ я еще въ первомъ дѣтствѣ моемъ видалъ на Дунаѣ и о которыхъ даже во всеобщей географіи для руководства въ греческихъ училищахъ пишутъ такъ: „простолюдины русскіе грубы и порабощены, тогда какъ благородный классъ въ Россіи весьма образованъ“..

На что же онъ прожилъ эти деньги? На что? Бостанджи смѣется моему ужасу и моему удивленію, и говорить:

— Развѣ эти *благородные Русскіе* знаютъ счетъ деньгамъ?..

Что жь, не этому ли благородству подражать мнѣ?.. Не расточительности ли мнѣ учиться?..

Или не тому ли о чемъ говорилъ Коевино.... на балканѣхъ, во всемъ такъ охотно и быстро уступая Благову.... „Un gentilhomme doit avoir son épée toujours prête pour defendre son Dieu, son roi et sa *maitresse*....“

Sa maitresse! Да! а не законную свою супругу... Или не внимать ли съ любовью Благову, когда онъ законный бракъ, согласный, дружный, исполненный вѣрности и твердой довѣренности, зоветъ *отератительною вещью* и съ такою гордостью любитъ своимъ порочностью.... И, говоря такъ долго о бракѣ, оравнивая его съ необходимымъ, принудительнымъ наборомъ солдатъ, ни разу не упомянуть о христіанскомъ освященіи его, при которомъ все становится такъ ясно, такъ хорошо, такъ понятно. Да! безъ этой дальней, бесконечно дальней, но глубокой музыки, то кротко-усласительно, то грозно-звучащей гдѣ-то и откуда-то о загробномъ вѣдѣннѣ и загробной ужасной и нестерпимой карѣ, — быть-можетъ и правда что лѣсня брака была бы скучна и суха для иныхъ.

Для иныхъ,—я говорю тебѣ теперь, но въ то время, когда солнце жизни только-что начинало восходить для меня, я другаго идеала не зналъ!

Счастливый бракъ съ красивою и не бѣдною дѣвушкой, которая бы меня любила и боялась какъ должна жена бояться мужа, вотъ о чемъ я думалъ еще въ Загорахъ. Переступить въ свое время, во время подобающее, мирно и неслѣшно пороги привѣтливаго *гинекея*, хозяиномъ благосклоннымъ, но строго-ревнивымъ о своей чести, не понижая себя ни на лядъ общественно, но поднимаясь этимъ союзомъ еще выше, если только можно. Вотъ что снилось мнѣ и наяву!

И когда я видѣлъ на улицѣ не доросшихъ еще до заклоченія * дочерей архонтовъ нашихъ, когда онѣ, потупивъ

---

* Въ городахъ Эпира дѣвушекъ (высшаго круга особенно) перестаютъ показывать мужчинамъ со дня ихъ зрѣлости и до брака. Онѣ даже причащаются ночью и мужчинамъ въ церковь тогда не пускаютъ.

очи, слѣзшили въ женское училище съ книжками въ рукахъ въ сопровожденіи служанокъ, то я, какъ ястребокъ разводящій по воздуху высокіе круги, выбиралъ иногда въ ихъ толпѣ съ улыбкой мою будущую добычу, въ одно и то же время любуясь на ихъ нѣжную юность и считая золото ихъ отцовъ.

И когда подобная дѣвушка, когда такой керувимъ невинный и пугливый будетъ покорно подходить ко мнѣ за позволеніемъ и цѣловать при другихъ мою супружескую руку осторожно и почтительно, какъ цѣлуютъ у іерея, а наединѣ обниметъ меня и назоветъ такъ свободно и смѣло: „Одиссей мой! мой мальчикъ милый! Очи мои Одиссей!...“ И когда надъ ничѣмъ дотолѣ ни съ той ни съ другой стороны неоскверненнымъ ложемъ нашимъ будутъ летать незримо, благославляя насъ, свѣтые ангелы Божіи (такъ не разъ пророчила мнѣ мать моя, убѣждая меня хранить цѣломудріе). Неужели же это такая отвратительная, такая скучная вещь какъ говорить Благовѣ?

О, нѣтъ! О, нѣтъ! Онъ мнѣ чужой.... И я не знаю чему мнѣ учиться у него, кромѣ того развѣ чтобы руки были очень чисты, чтобы рѣчь была смѣла и умна въ собраніяхъ людей и чтобы европейское платье было шито по модѣ у лучшаго портнаго на берегахъ Босфора, или Невы.

Это конечно все мнѣ очень нравится! Но понравится ли это отцу? вотъ вопросъ. Отецъ самъ одѣвается не красиво и вовсе не по модѣ, хотя и довольно опрятно, но не говорилъ ли онъ при мнѣ столько разъ:

— Не въ многоцѣнныхъ и „мягкихъ“ одеждахъ виденъ смолоду хорошій хозяинъ и человѣкъ-дѣлецъ, а въ предпріятіяхъ и оборотахъ своихъ. Некогда трудящемуся и умному купцу смотрѣться въ зеркало и возлагать душистыя умащенія на голову свою.... Будутъ деньги у тебя, такъ и въ старой одеждѣ ты будешь всякому нуженъ...

И глядя на то что происходило вокругъ меня, я видѣлъ сколько въ этомъ было правды. Кавасъ Маноли и милый Кольйо сіяли чистотой; Маноли даже щеточкой чистилъ себѣ ногти, какъ Европеецъ, и въ то же время при княжеской роскоши восточной одежды, казался гораздо великолѣпнѣе самого Благова, но они оба, и Кольйо и Маноли, стояли у дверей, или подавали варенье, чубуки и кофе, а богатый Куско-бей, котораго грязный и блестящій отъ грязной вет-

хости сюртукъ и меня неопытнаго съ перваго раза неприятно удивилъ, Куско-бей сидѣлъ небрежно на диванѣ рядомъ съ Благовымъ и шепотомъ бесѣдовалъ съ нимъ о высшихъ дѣлахъ восточной политики.

Чему подражать, о Боже! И у кого чему мнѣ учиться!

Такъ я гнѣвался тогда на Благова и такъ вдругъ строго и слѣпно началъ судить его. Но тебя, мой другъ, я объ одномъ прошу, не слѣши ты карать его, не принимай слишкомъ горячо къ сердцу и мои тогдашніе интересы... Благовъ былъ во многомъ лучше меня. И я во многомъ, въ очень многомъ былъ вовсе неправъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПОѢЗДКА ПО ЛОМБАРДИИ И АВСТРИИ *

VII. Вѣна и Вѣнды.

IV.

Возвратимся на Рингъ по Альбертовой улицѣ, идущей вдоль Дворцоваго Сада. Прямо напротивъ—Шиллерова площадь и Академія Художествъ, громадное зданіе, въ позолоченныхъ нишахъ котораго выѣлены изъ терракоты статуетки боговъ и богинь Олимпа. Тутъ же статуя Шиллера: она плохо выдѣляется на этомъ яркомъ фонѣ. Еслибы вмѣсто бронзы употребили мраморъ, эффектъ былъ бы совсѣмъ другой. Какъ бы то ни было, замѣчательно это поклоненіе Германіи своимъ литературнымъ дѣятелямъ: Шиллеру и Гёте возведено на германской почвѣ по крайней мѣрѣ сорокъ статуй; а сколько ихъ во Франціи посвящено Корнею и Мольеру?

Наѣво отъ Ринга Опера, плохонькое сооруженіе сравнительно съ Парижскою. Несчастный строитель ея умеръ съ горя вслѣдствіе ожесточенныхъ наладокъ вызванныхъ его сооруженіемъ... За то внутреннее расположеніе выкупаетъ недостатки вѣнкости съ ея мизерными колонками

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 7, 8, 9 и 10.

и скучающими промежъ нихъ лѣтъ статуйками. Съ практической точки, въ Европѣ кажется нѣтъ залы болѣе удобной. Три тысячи зрителей помѣщаются въ ней совершенно свободно, и сцена, одна изъ самыхъ обширныхъ въ свѣтъ, одинаково видна со всѣхъ сторонъ.

Поодаль отъ Оперы два зданія останавливаютъ на себѣ вниманіе: дворецъ эрцгерцога Вильгельма и отель г. Думба. Эрцгерцогскій дворецъ—въ стилѣ италіянскаго Возрожденія, съ рѣзными колонками, съ прихотливыми карнизами на окнахъ, весь въ барельефахъ. Знаменитый живописецъ Макартъ расписалъ ложи г. Думба аллегорическими изображеніями земаедѣлія и торговли (г. Думба промышляетъ зерновымъ хлѣбомъ).

По близости Городской паркъ (Stadt-Park), живописный холмистый садъ съ прудомъ усыпаннымъ утками и лужайками усыпанными дѣтьми. Напротивъ его Іоганнесъ-Гассе. Здѣсь-то, въ домѣ подъ № 5, остановился 9го ноября 1725 года у графа Кестена герцогъ Ринелье, посланный къ Австрійскому двору съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Лошади его свиты были подкованы серебромъ, его конь—золотомъ, и подковы нарочно были укрѣплены такъ слабо что терялись въ проѣздѣ по улицамъ... Въ теченіе своего пятимѣсячнаго пребыванія въ Вѣнѣ, герцогъ-волокута по обыкновенію былъ героемъ различныхъ приключеній. Однажды онъ отправился вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ графомъ Цинцендорфомъ къ одному извѣстному тогда гадалщику. Послѣ отвѣтовъ на различные вопросы, чернокнижникъ самъ спросилъ у посѣтителей: „что имъ всего желательнѣе было бы имѣть?“

— Ключъ къ сердцу монарховъ, молвилъ Ринелье.

— Ключъ къ женскимъ сердцамъ, отозвался Цинцендорфъ.

— Для иныхъ особъ, замѣтилъ колдунъ,—ключъ къ женскимъ сердцамъ вовсе не нуженъ, потому что они любятъ женщинъ безъ сердца.

— Ты клеветешь на мою возлюбленную! вскричалъ Цинцендорфъ,—мерзкій ты агунъ, бери сейчасъ назадъ свои подлые рѣчи!

Но чернокнижникъ, вмѣсто извиненій, сталъ распространяться на счетъ гжи ***, и Цинцендорфъ, видя себя, выхватилъ шпагу. Колдунъ обнажилъ свою, и такъ какъ онъ сохранилъ полное присутствіе духа, а графъ былъ ослѣпленъ

гнѣвомъ, то онъ уже занесъ остріе на послѣдняго, когда Рашелье положилъ черно книжника на мѣстѣ. Полиція не посмѣла привлечь герцога къ ответственности за убійство, когда же о немъ заговорили разъ у императора, онъ отвѣтилъ сѣбясь: „Да, дѣйствительно: я покончилъ съ чортомъ“.

Въ концѣ города находится Австрійскій Музей Промышленности и Искусствъ. Первая зала заключаетъ въ себя драгоценности Гвельфской династіи (принадлежавшія Королю Ганноверскому) и Тевтонскаго ордена, гроссмейстеръ котораго живалъ когда-то въ Вѣнѣ. Алмазы блещутъ, томя сияетъ жемчугъ, сверкаетъ золото... Тутъ есть Евангелія усыпанные бриліантами, топазами и рубинами и какъ бы предназначенныя для праздничнаго служенія въ небесахъ; есть чаши изумительной работы XV столѣтія; восточныя князяды, которыхъ каинки блещутъ какъ молнія, а рукоятка сплошь залита бирюзой и смарагдами....

Во второй и третьей залѣ—коллекція вещей присланныхъ изъ Мексики Максимиліаномъ и богемскихъ хрусталей XVI, XVII и XVIII вѣковъ, также лучшія произведенія Вѣнской фарфоровой фабрики, процвѣтавшей отъ 1790 до 1820 года.

Въ четвертой залѣ, посвященной тканямъ и вышивкамъ, показываютъ роскошно вышитую коробочку съ монограммами Генриха II и Дианы Пуатье.

Весь этотъ музей—родъ постоянной выставки замѣчательнѣйшихъ произведеній вѣнской промышленности. Здѣсь, на примѣръ, цѣлая пирамида флаконовъ, кубковъ, вазъ, бокаловъ г. Лобмейера, открывшаго способъ фабриковать радужныя стекла посредствомъ металлических паровъ и котораго прозрачныя издѣлія сіяющія всеми цвѣтами радуги легки какъ мыльный пузырь. Здѣсь же образцы вѣнскаго ювелирнаго искусства, отличающіеся изящностью и тонкостью работы. Переплетное мастерство тоже имѣетъ здѣсь достойныхъ представителей. Вообще, кожевенное производство—одна изъ спеціальностей Вѣны. Альбомы, бумажники, портсигары г. Клейна извѣстны всему міру. При музеѣ состоитъ школа прикладныхъ искусствъ, посѣщаемая 240 молодыми рабочими. Кромѣ того, зимой здѣсь читаютъ художественныя лекціи, доступныя и для дамъ.

Рингъ тянется дальше вдоль рѣчки Вѣны, но напрасно взоры ищутъ величественный Дунай, этотъ поэтический „Синій Дунай“: столица не отражается въ спокойномъ и прозрачномъ великолѣпіи его водъ; рукавъ его, протекающій подъ Аспераскимъ-мостомъ, тощій ручеекъ съ трудомъ поднимающій небольшіе пароходы отходящіе къ Пратеру. Иностранецъ испытываетъ разочарованіе не находя Вѣны на берегу Дуная, какъ ему воображалось, и видя что приходится отыскивать легендарную рѣку за городомъ.

Но я забылъ упомянуть о вывѣскахъ удивившихъ или позабавившихъ меня во время этой первой прогулки по вѣнскимъ улицамъ. Однѣхъ вывѣсокъ надъ второстепенными гостиницами и заѣзжими дворами достаточно для засвидѣтельствованія глубокой древности имперскаго града. На каждомъ шагу попадаются *Золотые Гуси*, *Золотые Ягнята*, *Золотые Кресты*, *Золотые Вѣнцы*, *Золотые Олени*, *Золотые Быки*. Имѣются также *Синіе Козлы*, *Черныя Медведи*, *Красныя Павлины* и *Зеленыя Кролики*. Лавочки щеголяютъ нѣжными или граціозными названіями: *Любовь*, *Райская Птичка*, *Камелія*. Множество вывѣсокъ написаны на французскомъ языкѣ и отличаются болѣе замысловатостью, чѣмъ правильностью, напримѣръ: „Выборъ готоваго платья для мушья по послѣднему вкусу, здѣшняго и иностраннаго сукна.“ „Заведеніе большихъ модъ.“ „Спеціальность ботинокъ для дамъ на особыхъ подошвахъ.“ „Бѣлое вино вкусное для устрицъ“, и т. д.

Вѣнскія улицы отличаются своимъ оживленіемъ и веселостью. Та часть Ринга которая лежитъ между Городскимъ Паркомъ и Оперой, напоминаетъ своимъ одушевленіемъ Елисейскія Поля въ хорошій весенній и осенній день. Катятся придворные экипажи съ кучерами въ короткихъ желтыхъ штанахъ и трехуголкахъ съ позументами; летятъ щегольскія барскія коляски, молодежь скачетъ верхомъ, раскланиваясь съ дамами въ изящныхъ туалетахъ; тамъ и сямъ австрійскіе офицеры въ своихъ небольшихъ шалочкахъ и стальнаго цвѣта ланталонахъ, венгерскіе военные въ салогахъ, расшитыхъ ментикахъ и киверахъ съ султаномъ, сходятся въ живописныя группы. Дамавоволосые студенты, живописцы въ островерхихъ шляпахъ, нянюшки въ красныхъ юлкахъ, вышитыхъ корсажахъ и *парчевыхъ* ботинкахъ, Турки въ чалмахъ съ полумѣсяцемъ на спинѣ,

воспитанники военныхъ училищъ въ красивыхъ ловко пригнанныхъ мундирахъ, маленькіе продавцы фіалокъ, торговцы собаками, а у каждаго дома величавые швейцары,—все это придаетъ бульвару оригинальный и лестный видъ, исполненный привлекательности.

Рингъ снабженъ двойнымъ тротуаромъ, двумя параллельными шоссе для экипажей, аллеей для пѣшеходовъ и другою аллеей для всадниковъ. По особому большому среднему шоссе ходятъ вагоны желѣзно-конной дороги испещренные снаружи объявленіями, ѣздятъ омнибусы и извозицы кареты.

Вѣнская желѣзно-конная дорога имѣетъ 18 верстъ протяженія и обошлась въ миллионъ шестьсотъ тысячъ марокъ (500.000 металлическихъ рублей). Извозицы кареты—прекрасные экипажи, запряженные парой ретивыхъ коней, могущихъ поспорить съ лучшими рысакими; внутри онѣ убраны занавѣсками и зеркалами: недостаетъ лишь камина и столовыхъ часовъ, а то онѣ были бы ни дать ни взять маленькая гостиная.

Большую частію, карета и лошади принадлежатъ самому извозчику; этотъ послѣдній обыкновенно отпускаящій путешники разбитной весельчакъ, красноречивъ пузатый толстякъ, весь обликъ котораго дышетъ счастьемъ. Лѣтомъ онъ одѣтъ въ нанку, зимой величественно кутается въ шубу купленную на толкучкѣ. Плата полагается по часамъ, но извозчики все-таки возятъ шибко и за честь себѣ поставляютъ гнать лошадей по тѣмъ улицамъ гдѣ дозволена скорая ѣзда (разрѣшенная не вездѣ). Вѣжливости они замѣчательной. Когда вы проходите мимо мѣста ихъ стоянки, гдѣ они собравшись въ кучу разсуждаютъ о политикѣ или внимательно прислушиваются къ чтенію романа Вальтеръ-Скотта, всѣ со шляпой въ рукахъ летятъ къ вамъ на встрѣчу: „Угодно карету вашей милости?“ За то если проходившій надменно удаляется, оставляя ихъ предложеніе безъ всякаго отвѣта, вслѣдъ ему посылается насмѣшливое: „Не безпокой его милость; развѣ не видишь что доктора приказали ему ходить пѣшкомъ.“

Рѣдко случается чтобы вѣнскіе извозчики опрокинули или зацѣпили проѣздомъ другой экипажъ; ловкость ихъ вошла въ поговорку, и о нихъ говорится что они въ состояніи оборотить карету вокругъ мелкой монеты. Въ искусствѣ править имѣли они только одного соперника: графа Сандоза, отца княгини Меттернихъ, и всѣ они почтительно

снимали шляпы предъ этимъ знаменитымъ спортсменомъ, говоря, что „онъ правитъ своею четверкой какъ прирожденный кучеръ.“ Вѣнская знать охотнѣе пользуется фіаками чѣмъ собственными экипажами: на скромность извозчиковъ можно вполне положиться... Ко всему, они большіе философы, презирающіе вѣшностью; сколько ни пытались нарядить ихъ въ однообразную ливрею, прельщая блестящимъ костюмомъ, никогда это не удавалось; красные жилеты и галуны не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Что касается о ихъ любви къ своему „искусству“, то вотъ тому примѣръ. Въ Вѣнѣ есть извозчикъ, тридцать лѣтъ уже извѣстный всему городу. Разъ призываетъ его къ себѣ одинъ адвокатъ.

— Вы, говоритъ,—вовсе не извозчикъ сынъ какъ воображаете. У меня бумаги доказывающія что вы много происхожденія. Вы родились въ аристократической семьѣ, но такъ какъ явились вы на свѣтъ Божій хромымъ, то васъ и вымѣняли за деньги на другаго ребенка; и сынъ извозчика Б. сталъ графомъ, а графскій сынъ К. очутился извозникомъ. Я могу доказать ваши права и возвратить вамъ общественное положеніе котораго лишилъ васъ этотъ подмѣлъ.

— Извозчикъ я, извозникомъ и останусь, отвѣчалъ Б. минуту подумавъ,—хорошо быть графомъ, а извозникомъ еще лучше; я привыкъ къ воздуху сидя на козлахъ: въ лозолоченныхъ хромахъ задохнусь...

И никакіе доводы не убѣдили его. Вѣнскій драматургъ Бауерле сочинилъ изъ этого совершенно истиннаго происшествія піесу, сыгранную очень успѣшно подъ заглавіемъ:
Извозчикъ-маркизъ.

Не всегда вѣнскія средства сообщенія были такъ удобны, хотя уже съ XVII столѣтія была здѣсь правильно-организованная система лаланкиновъ (носильныхъ экипажей), съ платой по шести крейцеровъ въ часъ и по полтора гульдена за цѣлый день. Разказываютъ, что когда однажды, въ отвратительнѣйшую погоду, секретарь государственнаго совѣта Антоній Куранда уместился въ лаланкинъ отправляясь на балъ, дно подъ нимъ провалилось. Между тѣмъ дождь хлесталъ и вѣтеръ завывалъ съ такою силой, что крикъ его не былъ услышанъ носильщиками, продолжавшими усердно бѣжать, такъ что ему пришлось послѣвать за ними шлепая по грязи...

Вѣнскіе омнибусы раздѣлены на два отдѣленія, въ одномъ изъ которыхъ дозволено курить. Имперіаловъ у нихъ нѣтъ; кондукторъ въ высокихъ салюгахъ и мѣховомъ платьѣ трясется сзади на неудобной подложкѣ. Эти ужасные, неуклюжіе, грязные, сырые омнибусы, выкрашенные въ ярко-желтый цвѣтъ, составляютъ какъ бы безобразное пещадіе стариннаго мальпюста и допотопной колымаги.

Рингъ—модный кварталъ города. Здѣсь сосредоточиваются всѣ ювелиры, торговцы художественными произведеніями, цвѣтами и т. п. Но представьте мое отчаяніе, когда здѣшняя цвѣточница повѣдала мнѣ что она выписываетъ свои розы, фіалки и камеліи... прямо изъ Парижа... Вотъ вамъ и вѣнская флора, которую я такъ недавно восхвѣлъ!

Зимой на Рингъ водятъ гулять предъ полуднемъ дѣтей, и презабавно видѣть какъ эти миниатюрные кавалеры и дамы жеманно раскланиваются другъ съ другомъ, корча взрослыхъ. Личность Фанфана Бенуатона комедіи Сарду теперь уже не исключительно парижскій типъ, а повидимому всемірный!

Самый бойкій часъ на Рингъ—предъ вечеромъ отъ пяти до шести, особенно по воскресеньямъ въ концѣ осени и въ началѣ весны, когда дамы щеголяютъ новыми модами. Знакомые встрѣчаются здѣсь какъ въ гостиной. Это точно мадридское Прадо. Сюда собирается весь большой свѣтъ, даже дипломатическій и придворный. Безпрестанно останавливаются кареты, два ливрейныхъ лакея распахиваютъ дверцы, и вылархиваетъ княгиня такая-то или графиня такая-то. Императорскій принцъ прогуливается здѣсь почти ежедневно, несмотря на постоянно слѣдующую за нимъ толпу, которая очевидно его стѣсняетъ. Сюда приходитъ поболтать, заложивъ руки за спину и локуривая сигару, графъ Андраши. Когда г. Гамбетта сдѣлалъ Вѣнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, онъ не преминулъ показаться на Рингъ, подъ-руку съ г. Этьеномъ, главнымъ редакторомъ наипродажаѣйшаго изъ всѣхъ вѣнскихъ листковъ, газеты *Neue freie Presse*. Число расхаживающихъ здѣсь эфвактъ, флаанеровъ, праздношатающихся, щеголей и посольской молоддежи—несмѣтно: и у всѣхъ тросточка съ золотымъ набалдашникомъ. Не такъ еще давно уважающій себя и свое общественное положеніе видный человѣкъ не иначе могъ показаться на эту прогулку какъ въ сопровожденіи пса.

непремѣнно померанскѣй породы, и непремѣнно бѣлаго какъ молоко или чернаго какъ уголь, безъ малѣйшей отмѣтины...

Одинъ англійскій туристъ утверждаетъ что чѣмъ далѣе отъ солнца, тѣмъ менѣе на свѣтѣ вѣжливости и граціи. Вѣна, согрѣваемая лучами италіянскаго солнца, привѣтлива и любезна, Вѣнды очаровательны въ обращеніи, Вѣнки отличаются столь рѣдкимъ даромъ запечатлѣвать моды своею индивидуальностью. Онѣ изобрѣтательны въ своихъ туалетахъ, которые изготовляютъ и носятъ какъ истыя художницы. Костюмъ ихъ всегда простъ, однако изящень и такъ-сказать принадлежитъ къ хорошему обществу. Телерешнѣй головной ихъ уборъ очень милъ; онъ напоминаетъ собою мужскую форму, и придаетъ всѣмъ этимъ хорошенькимъ умненькимъ головкамъ особенно привлекательный видъ какой-то игривой кокетливости. „Повнимаю, говорилъ мнѣ одинъ пріятель, почему Турки два раза осаждали Вѣну.“ Всѣ Вѣнки—красивы и красота ихъ открываешь, безыскусственныя красоты Парижанокъ. Утверждаютъ, будто бы ни одна еще вѣнская горничная не спрашиваетъ по утрамъ у своей барыни „какіе волосы прикажете сегодня подать?“ Волосы и зубы у нихъ—свои. И ихъ здоровыя розовыя щечки не испачканы никакими химическими препаратами. Прекрасные, выразительные, открытые, смѣло глядящіе на васъ пытливымъ взоромъ глаза, правильныя носикъ, улыбающійся ротъ дополняютъ обликъ, не имѣющій пожалуй чистоты греческаго тѣла,—но вѣдь женщина можетъ быть красавицей и не будучи похожа на Венеру Милосскую, особенно если у нея крошечныя ручки и дѣтскія ножки, да гибкая талія, придающая походкѣ граціозность ласковаго и смѣлаго котенка.

V.

Покинемъ Рингъ, оставимъ въ сторонѣ рынокъ и взойдемъ въ *Зингерштрассе*, „Пѣвчую улицу“. Вотъ мы предъ императорскою типографіей, однимъ изъ самыхъ любопытныхъ вѣнскихъ учрежденій. Здѣсь-то родилась на свѣтъ хромолитографія, изобрѣтеніе составляющее одну изъ самыхъ доходныхъ статей вѣнской промышленности.

Въ императорской типографіи работаетъ 800 наборщиковъ и служащихъ. Она печатаетъ книги на всевозможныхъ

языкахъ: при мнѣ здѣсь набирали японскій романъ, найденный извѣстнымъ филологомъ Зульцмейеромъ. Управляющій типографіей, г. фонъ-Бекъ, собирается послать на Парижскую выставку замѣчательный по исполненію трудъ: хромо-литографическое воспроизведеніе такъ-называемаго „Вердѣнскаго“ алтаря, относящагося къ XIII столѣтію и получившаго это названіе по имени мастера, Николая Вердѣнскаго, создавшаго его для монастыря Клостерненбурга что близъ Вѣны.

Въ императорской типографіи изготовляютъ бумагу для ассигнацій, почтовые марки и конверты и бланки для открытыхъ писемъ. Входитъ въ то отдѣленіе зданія гдѣ все это фабрикуется загражденъ желѣзною дверью, день и ночь оберегаемою часовымъ. Рабочіе этой мастерской подвержены постоянному надзору и назначаются сюда съ большимъ разборомъ. Приходятъ они утромъ, расходятся по домамъ вечеромъ, отлучекъ въ теченіе дня не полагается; во временахъ при выходѣ ихъ обыскиваютъ. Печатаніе производится подъ наблюденіемъ особыхъ правительственныхъ комиссаровъ, записывающихъ каждую новорожденную ассигнацію, точно явившагося на свѣтъ ребенка. Всякій неудачный оттискъ уничтожается. Формы сохраняются въ желѣзныхъ сундукахъ. Съ нихъ снимаютъ гальванопластическія клише...

Всего въ Австріи ассигнацій въ оборотѣ на четыреста милліоновъ гульденовъ. Съ 1866 года новыхъ выпусковъ не производится, а происходитъ лишь замѣна истрепанныхъ бумажекъ свѣженькими. Ассигнаціи возвращающіяся изъ своихъ странствованій въ отчій домъ въ оборванномъ видѣ, напоминающемъ блуднаго сына, подвергаются проверкѣ ихъ личности по упомянутымъ выше метрическимъ книгамъ, потому что промежъ родовыхъ дѣтей втираются иногда и лобочныя; потомъ онѣ запираются въ желѣзный ящикъ, гдѣ сохраняются два или три года, и затѣмъ предаются сожженію... Въ одинъ день нѣсколько милліоновъ гульденовъ летитъ въ огонь.

Г. фонъ-Бекъ значительно улучшилъ производство ассигнацій, почтовыхъ и гербовыхъ марокъ. Съ художественной точки зрѣнія австрійскія ассигнаціи очень красивы. Тиснуты онѣ на плотной бумагѣ въ родѣ пергамента, что ублажаетъ ихъ жизнь двумя-тремя годами долговѣчнѣе жизни

французскихъ банковыхъ билетовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Галиціи составилось общество Евреевъ, собиравшее бывшія въ употребленіи гербовыя марки и возвращавшее имъ видъ первоначальной чистоты и неприкосновенности. Такъ-какъ есть марки по 50 гульденовъ (30 р.) каждая, то занятіе было очень выгодное. Послѣ долгихъ изысканій и опытовъ, г. фонъ-Бекъ нашелъ наконецъ такія краски которыя измѣняются отъ прикосновенія кислотъ, и такимъ образомъ положилъ конецъ іудейскому „гешефту“. Онъ ввелъ также особый способъ рѣзать и складывать почтовые конверты, доставляющій казнѣ ежегодно 50.000 гульденовъ (30.000 р.) экономіи.

Идемъ далѣе, въ Шулерштрассе и Вольцелль: это въ одно и то же время вѣнскій Латинскій кварталъ и штабъ-квартира здѣшней журналистики. Вотъ университетъ, а вотъ по ту сторону пассажа на сводахъ, цѣлая вереница газетъ: *Presse*, *Neue freie Presse*, *Deutsche Zeitung*, *Tagblatt*, и т. д., съ ихъ лестными зазывающими вывѣсками на конторахъ.

Журналистика разрослась въ Австріи почти также быстро, какъ въ Америкѣ. До 1848 года Австрійцы не знали даже что такое значитъ слово „политика“. Изъ иностранныхъ газетъ князь Меттернихъ разрѣшалъ имъ читать только одну *Augsburgerische* (купленную имъ), въ самой Вѣнѣ выходили лишь *Wiener-Zeitung*, органъ правительства, и два-три литературныхъ листка, бдительно очищаемыхъ цензурнымъ карандашомъ. „Какъ мы глупы тогда были, говорилъ мнѣ одинъ вѣнскій старожилъ,—за то какъ мы были счастливы!“ Какъ-то разъ Смолка, издававшій театральную газету, упоминалъ о видѣнномъ имъ въ одномъ частномъ домѣ портретѣ Наполеона I,—упомянулъ о немъ разумѣется съ художественной точки зрѣнія, однако статью не пропустили. Отчего? Оттого что въ ней стояло имя Наполеона...

Актрисѣ запрещено было называть „госпожа“ или „дѣвица“ полнымъ словомъ, а сокращенно: „гжа“, „дца“. Цензурѣ подвергались даже модныя картинки, и не дозволялись тѣ изъ нихъ которыя были съ недостаточно высокимъ корсажемъ.

Въ самый день провозглашенія свободы печати, 20го марта 1848, появилась въ Вѣнѣ *Die Constitution*, Гофнера. Что это была за птица, Гофнеръ? Приземистый желчный горбунъ, надувающийся какъ лягушка и озлобленный противъ

всякаго кто носить чистое, бѣлье. Газета его свалилась на вѣнскія головы какъ бомба и напумѣла какъ и всякій разрывной снарядъ. Для возбужденія большаго эффекта, Гофнеръ писалъ почти-рыночнымъ языкомъ, напалъ на всѣхъ и на вся и вопилъ пронзительно какъ лавина.

Вскорѣ основался другой листокъ, *Австрійская Газета*, потомъ послѣдовательно стали выходить *Сатана*, *Знамя Прогресса*, *Другъ Народа*, *Молодая Австрія*, и т. д.: въ теченіе одного года народилось двѣсти семнадцать газетъ, между прочимъ увидѣла свѣтъ и *Presse*, которая благодаря свѣжести и основательности своихъ справокъ быстро приобрѣла значеніе и вліяніе.

Основатель *Presse* — бывшій булочникъ, жившій въ Парижѣ, гдѣ онъ продавалъ превосходный вѣнскій хлѣбъ. Тамъ онъ познакомился съ Эмилемъ де-Жирарденомъ, только-что осуществившимъ свои идеи о дешевой журналистикѣ, и задумалъ приняться за изготѣвленіе также и духовной пищи. Г. Зангъ отправился въ Вѣну, пустилъ золотую пыль въ глаза двумъ даровитѣйшимъ сотрудникамъ *Австрійской Газеты*, и выпустилъ изданіе сразу имѣвшее громадный успѣхъ. На другой же день своего появленія, *Presse* не только покрывала уже свои затраты, но имѣла значительный чистый доходъ: она печаталась въ количествѣ полутора ста тысячъ экземпляровъ. Велика была досада соперничающихъ листковъ; они пустили слухъ что г. Зангъ получаетъ субсидіи отъ полиціи. А онъ вовсе не нуждался въ субсидіяхъ: просто завелъ въ Вѣнѣ парижскую Жирарденовскую меркантильную печать. Съ этого дня и въ Вѣнѣ, говоря словами Эдмона Тексье, газетные столбцы, переставъ быть вмѣстителями идей, сдѣлались столбами для наклеиванія оплаченныхъ заявленій.

За вѣнскимъ смутнымъ временемъ послѣдовала реакція. Обыкновенно первая задача вновь овладѣвшихъ властью политическихъ партій состоитъ въ томъ чтобы зажать ротъ своимъ противникамъ. Газеты подверглись запрещенію, книги были подчинены строжайшей цензурѣ. За малѣйшее выраженіе не по вкусу бюрократіи писатели обвинялись чуть не въ государственной измѣнѣ. Стали закрывать книжныя лавки продающія непріятныя для администраціи изданія. Дошло до того что для чтенія у себя на дому „подозрительныхъ“ сочиненій потребовалось особое разрѣшеніе. Нѣкоторыя книги не выдавались изъ публичныхъ библио-

текъ даже профессорамъ и ученымъ. Изъ журналистики исчезла не только оппозиціонная, но даже независимая консервативная печать. Газета г. Занга сумѣла въ эти трудныя времена сочетать мудрость змѣя съ чистотой голубки.

Потомъ настали болѣе легкіе порядки и для австрійской печати возродился золотой вѣкъ: рабочій кабинетъ г. Занга наполнился различными личностями испрашивающими одной милости, дозволенія переложить содержаніе своихъ бумажниковъ въ его собственный. Во время Польскаго возстанія, *Presse* почтила инсургентовъ нѣсколькими оочувственными словами: признательные за это Поляки прислали г. Зангу изъ Галиціи четверку лихихъ коней... Увы, эти благородные скакуны хоть и не происходили отъ Троянской лошади, однако внесли въ газету губительный раздоръ. Одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ молодыхъ сотрудниковъ *Presse*, г. Этьенъ, пожелалъ получить изъ нихъ свою долю. Г. Зангъ, находившій что четырехъ коней едва-едва достаточно для его триумфальной колесницы, отказалъ наотрѣзъ, и г. Этьенъ покинулъ его, пылая местию.

Черезъ недѣлю стѣны Вѣны локрылись афишами, возвѣщающими появленіе новой большой ежедневной газеты подъ заглавіемъ *Neue Freie Presse*. Уже самое заглавіе составляло кровную обиду для г. Занга. Публикѣ оно полюбилось; читатели бросились ко вновь испеченному листку, и благодаря несомнѣнному дарованію г. Этьена, его *умѣнію* и *чутію*, новая *Presse* быстро затмила старую. Г. Этьенъ имѣлъ *личные поводы* не любить Вторую Имперію. Говорятъ, будто *Neue Freie Presse* требовала миліонъ гульденовъ за свои услуги, и получила отказъ... Я этому не вѣрю, это очевидно клевета. Скорѣе полагаю что г. Этьенъ *самъ* предлагалъ миліонъ Наполеону, и разумѣется обидѣлся отверженіемъ его приношенія.

Какъ бы то ни было, свою ненависть къ Наполеоновской династіи онъ распространялъ и на всю страну, опять-таки говорятъ потому что Пруссія сумѣла предъ войной *оцѣнить* его таланты.

И Франція также пріобрѣла себѣ предъ войной союзниковъ въ Вѣнѣ при посредничествѣ одного парижскаго журналиста нарочно за этимъ ѣздившаго въ столицу Австрійской имперіи. Но какія газеты куплены этою сдѣлкой! Тѣ которыхъ Пруссія не захотѣла прибрать къ своимъ рѣкамъ:

Die Tagespresse, листокъ не имѣющій рѣшительно никакого значенія (которому однакоже Французское правительство обязалось платить по 600 франковъ въ день), нѣтъ не читаемая *Österreichische Zeitung* (сама оцѣнившая свои услуги въ 200 франковъ въ день), наконецъ—*Militär Zeitung*, выговорившая себѣ по 400 франковъ за каждое провозглашеніе превосходства Шасспо надъ игольчатыми ружьями!..

Пруссія нашла что вліяніе ея черезъ вѣнскую журналистику на Австрію полезно сохранить и послѣ войны, и не отступила предъ издержками необходимыми для достиженія этой цѣли: она завела въ Вѣнѣ отдѣленіе своей извѣстной конторы для сношеній съ „гадинами печати“ (*Reptilien-Presse*) и поручила его въ управленіе одного бывшего парижскаго корреспондента *Kölnische-Zeitung*, который впрочемъ года два тому назадъ высланъ изъ Вѣны.

Въ Вѣнѣ не то что въ Парижѣ, гдѣ журналистика ведетъ къ депутатству, къ министерству, къ академическому креслу. Въ Вѣнѣ она можетъ доставить лишь одно: богатство. Газета эксплуатируется здѣсь на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ какъ заводъ, фабрика, лавка; печатный станокъ не мысль пускаетъ въ обращеніе, а чекавитъ деньги. Съ тѣхъ поръ какъ найдено средство „металлизировать“ идеи, газета сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ золотой россыпи, откуда добывается по милліону въ годъ. То что алхимики напрасно искали въ глубинахъ своихъ ретортъ, получается теперь со дна чернилицы.

Изъ преній процесса Плахта (дѣло шло объ основаніи одного банка) оказалось что главныя вѣнскія газеты поживились взятками на 35.000 гульденовъ, изъ которыхъ на долю *Neue Freie Presse* и *Presse* досталось по полторы тысячи. Въ одинъ изъ выпусковъ турецкихъ облигацій, „Англо-Банкъ“ затратилъ значительныя суммы чтобы купить рекомендацію или только молчаніе журналистики: *Neue Freie Presse* и *Presse* положили въ карманъ по 50.000 гульденовъ, *Tagblatt*—32.000, *Vorstadt's Zeitung*—16.000, *Fremdenblatt*—12.000...

Для мелкихъ вѣнскихъ листковъ придумано особое имя „пистолетная печать“, обозначающее ихъ разбойническій образъ дѣйствій. Репортеры этихъ газетокъ заняты собираніемъ различныхъ скандаловъ: платите, иначе доброе имя ваше печатно забросаютъ грязью.

Директоръ одного желѣзнодорожнаго общества попытался было отказать въ выдачѣ вымогаемой съ него суммы: тотчасъ тиснули о немъ гнуснѣйшую исторію, съ обѣщаніемъ „продолженія впредь“. Онъ заплатилъ — фельетонъ разомъ оборвался.

Другой тоже желѣзнодорожный директоръ поступилъ едва ли не умнѣе. Когда къ нему явились съ корректурными листами направленной противъ него оскорбительной статьи и съ требованіемъ денегъ, онъ полпросто выгналъ подосланное лицо, предупреждая что если статья будетъ напечатана, онъ побьетъ ея автора... Угроза возымѣла надлежащее дѣйствіе.

Въ 1871 году главный редакторъ *Adel-Zeitung* пришелъ къ надворному совѣтнику Эйхзеру съ изготовленною противъ него рукописью, требуя за ненапечатаніе ея сто гульденовъ единовременно и столько же ежегодной субсидіи. Г. Эйхзеръ возбудилъ формальное преслѣдованіе, и журналиста приговорили къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Въ томъ же самомъ году и за подобное же вымогательство былъ осужденъ, по жалобѣ правленія желѣзной дороги Франца-Иосифа, главный редакторъ сатирическаго листка *Die Floh*. Въ 1872 году разбиралась жалоба одной дамы которой вопреки данному обѣщанію и несмотря на полученную плату, грозилъ напечатаніемъ ласкательнаго романа противъ нея и всѣхъ ея родныхъ....

Особенно достается дебютантамъ, забывшимъ вовремя внести свою лепту въ кассу вѣнскихъ газетъ. Горе имъ въ такомъ случаѣ! Съ прекраснымъ помомъ обходятся нѣсколько вѣжливыѣ: не ждутъ ихъ личнаго посѣщенія, а журналисты сами отправляются къ роднымъ дебютанткѣ и устанавляютъ плату за свои похвалы по обоюдному соглашенію. Многіе изъ артистовъ во избѣжаніе напadoкъ производятъ театральнымъ критикамъ постоянное ежегодное жалованье.

По статистическимъ свѣдѣніямъ въ Вѣнѣ выходило въ 1860 году—103, въ 1865 году—182, въ 1870—258, въ 1873 году—355 періодическихъ изданій.

Presse, которая теперь уже не принадлежитъ г. Зангу—газета умѣренно либеральнаго направленія, поддерживающая (съ сохраненіемъ однакоже своей независимости) правительство.

Neue Freie Presse гораздо радикальнѣе и невоздержнѣе на

языкъ. Сотрудники ея все народъ западный. Въ общемъ, эта газета разнообразна и интересна, богата иностранными корреспонденціями и снабжена литературнымъ фельетономъ серьезнаго достоинства.

Редакціи обѣихъ *Presse*—настоящія министерства. У каждаго сотрудника своя специальность. Завѣдующіе иностранными отдѣлами говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ и по долгу живали въ тѣхъ странахъ дѣла которыхъ поручены ихъ обсужденію. Иначе какъ же и имѣть газетъ разнообразный, толковый и серьезный иностранный отдѣлъ?

Официальнымъ органомъ Австрійскаго правительства служитъ *Politische Correspondenz*, литографированное изданіе. Берлинскій корреспондентъ ея г. Лудвигъ Шнейдеръ. Г. Шнейдеръ доставляетъ ей также и корреспонденціи изъ Петербурга, составляемыя имъ на основаніи справокъ почерпаемыхъ изъ самаго высшаго берлинскаго круга, ибо г. Шнейдеръ занимаетъ должность личнаго чтеца императора Вильгельма. Онъ каждое утро прочитываетъ газеты и отмѣчаетъ карандашомъ все заслуживающее вниманія его величества. Прежде, когда еще существовала *Шпенерова Газета*, императоръ выслушивалъ ее всю, отъ первой строки до послѣдней. Теперь, говорятъ, ему прочитываютъ цѣликомъ одинъ лишь не-политическій листокъ, *Fremdenblatt*. Когда въ прошломъ году *Berliner Tagblatt* печаталъ извѣстный романъ Шпильгагена *Наводненіе*, по желанію императора г. Шнейдеръ читалъ ему этотъ фельетонъ изо дня въ день. *Наводненіе* очень понравилось Вильгельму I, но онъ нашелъ развязку неудачною. Г. Шнейдеръ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ впечатлѣніи автора, который немедленно написалъ другой конецъ, напечатанный въ *Tagblatt* къ большому изумленію читателей считавшихъ всѣхъ героев романа лотоувшими безвозвратно.

Упомяну кстати что императоръ Вильгельмъ и самъ былъ однажды авторомъ: по возвращеніи изъ Богемской кампаніи, онъ собственноручно написалъ для жившей еще тогда *Шпенеровой Газеты* большую статью, въ которой доказывалъ что его политика служить лишь продолженіемъ политики Фридриха Вильгельма I. Г. Шнейдеръ, переписывавшій рукопись, бережно сохраняетъ подлинникъ.

Крайнихъ газетъ въ Вѣнѣ всего одна, *Vorstadt's Zeitung*, клерикальныхъ тоже одна: *Vaterland*.

Tagblatt взялъ себѣ въ образецъ американскіе листки: онъ состоитъ изъ очень коротенькой передовой статьи, изъ нѣсколькихъ особыхъ замѣтокъ и изъ громаднаго количества телеграфическихъ делепей, напечатанныхъ разнообразнѣйшимъ шрифтомъ.

Успѣхъ *Tagblatt* породилъ изданіе *Extrablatt*, имѣющаго то преимущество что онъ иллюстрированъ. Онъ тоже расходуется въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Французскихъ газетъ въ Вѣнѣ двѣ: *Messenger de Vienne* и *Danube*. Первая есть продолженіе *Courrier d'Orient*; она благополучно достигла сепятилѣтняго уже возраста. Основанная цѣлою группой вліятельныхъ на Востокъ лицъ, выходитъ она подъ редакціей г. Воловскаго, племянника покойнаго экономиста, французскаго сенатора Воловскаго. *Messenger de Vienne* преслѣдуетъ двѣ задачи: защиту угнетенныхъ національностей и ознакомленіе Запада съ литературой восточныхъ народовъ: каждый его номеръ сопровождается посвященнымъ ей прибавленіемъ.

Danube—это нѣчто въ родѣ придунайскаго *Фигаро*: живая газетка, только нѣсколько неостесанная.

Юмористическихъ и иллюстрированныхъ изданій въ Вѣнѣ не оберешься. Они остроумны. *Kykureky* (Kikireki) оригинальна и забавна, въ рисункахъ и текствѣ ея бездна веселости и юмору.

Два года тому назадъ, издаваемый въ Лейпцигѣ иллюстрированный журналъ *Gartenlaube* напечаталъ статью противъ императрицы Австрійской, возбуждшую всеобщее негодованіе; вслѣдствіе этого обстоятельства, доступъ *Gartenlaube* въ предѣлы Австрійской имперіи былъ запрещенъ на одинъ годъ. Тогда-то основанъ въ самой Вѣнѣ подобный же иллюстрированный журналъ *Die Heimath*, и редакторъ этого сборника, г. де-Виренти, сгруппировалъ вокругъ себя извѣстнѣйшихъ литераторовъ и артистовъ Австро-Венгріи.

Presse, *Neue Freie Presse*, *Tagblatt*, *Extrablatt*, *Fremdenblatt* выходятъ по два раза въ день. Главное изданіе—утреннее. Въ немъ никогда не бываетъ менѣе восьми страницъ. Романы и повѣсти появляются обыкновенно въ вечернемъ изданіи; утренній фельетонъ занятъ научнымъ обзорѣмъ, путешествіями, художественною и театральною критикой. Весь собственно-литературный отдѣлъ вѣнскихъ газетъ составляетъ съ величайшимъ стараніемъ. Торговые, промышленные и экономическіе вопросы исчерпываются до дна.

Мѣстной хроники въ парижскомъ смыслѣ здѣсь почти не существуетъ: оно и понятно. Въна только-что начинаетъ жить настоящею общественною, свѣтскою и полусвѣтскою жизнью. Полусвѣта въ парижскомъ смыслѣ, знаменитыхъ и кулающихся въ золотѣ „камельй“, здѣсь тоже еще нѣтъ. Одной только бѣлокурой Аслазіи удалось какъ-то прославиться и завести себя.... наемный экилажъ! Это было неслыханное диво.

Господствуютъ въ вѣнскихъ газетахъ объявленія. Они скрываются подъ всевозможными масками, говорятъ всяческимъ языкомъ, и преслѣдуютъ васъ, дергая за полу, какъ назойливый попрошайка на улицѣ. Часть изъ нихъ не просто-коммерческая, но постыдная, и притомъ наивно-безстыдная. „Жаль, говорилъ мнѣ одинъ Вѣнецъ,—что у насъ такъ мало нравственнаго смысла.“

Вотъ нѣсколько обращиковъ, собственноручно вырѣзанныхъ мною изъ вѣнскихъ газетъ (*Presse, Neue Freie Presse и Tagblatt*) и представляемыхъ въ буквальный переводъ:

„*Слушайте, мужчины, слушайте!*“

„Я молода и хороша собою, средняго роста, брюнетка; хочу выйти замужъ поскорѣе. Приданого всего 800 гульденовъ,—осчастливаю мужа иначе. Принадлежу къ классу горничныхъ; кого мое общественное положеніе не пугаетъ, пусть доставитъ мнѣ свои предложенія, адресуя ихъ туда-то. Предпочитаю военныхъ. Слѣшите: письма принимаю до такого-то числа.“

„Бѣдная сиротка желаетъ познакомиться со старичкомъ. Готова и выйти за него замужъ если сойдутся характерами.“

„Сердце и рука предлагаются богатой дамѣ которая доставитъ красивому двадцатидвухлѣтнему студенту средства окончить курсъ.“

„Мужчина хорошаго общества желаетъ познакомиться съ разсудительною и безкорыстною дамою.“

„Желаютъ познакомиться съ молодою и любезною Француженкой хорошихъ манеръ, по возможности Парижанкой.“

„Какой добрый человекъ приметъ участіе въ судьбѣ несчастной женщины, Швейцарки, крѣпко-сложенной и образованной?“

„Супруга моего сердца! Находясь еще въ улоеніи отъ блаженнаго четверга, посылаю тебѣ привѣтъ сопровождаемый горячимъ лобзаніемъ. Уста твои говорятъ что ты меня

любишь, взоры подтверждаютъ. Я тоже не могу жить безъ тебя. Итакъ, до воскресенья.“

„Зажиточный молодой человѣкъ ищетъ подругу. Условіе *zine qua non*—чтобы была Француженка родомъ, молода и хороша собой.... Адресоваться туда-то, предварительно приславъ фотографію.“

Такими и подобными запросами и предложеніями наполнены листки. И мало того что вѣнскія объявленія неприличны, они посягаютъ на семейную жизнь. Увидѣлъ человѣкъ въ театрѣ или концертѣ дѣвушку находившуюся въ ложѣ со своими родными и которая ему понравилась, тотчасъ объявленіе:

„*Царь-Морковь*. Сосѣдъ по ярусу покорно проситъ молоденькую блондинку въ лиловомъ платьѣ и черной шляпкѣ съ браслетомъ на правой рукѣ, бывшую прошлую субботу въ *Вѣнскомъ Театрѣ* на представленіи *Царя-Моркови*,* позволить ему надѣяться что онъ вновь ее увидитъ и дать ему знать возможно ли разчитывать на обличеніе. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидается нѣсколько строкъ по такому-то адресу.“

„*Диркѣ Ренца*. Хорошенькая дама въ черномъ платьѣ, находившаяся въ одной ложѣ въ сопровожденіи блондинки и пожилаго мушкетера, плѣнила своего сосѣда изъ ложи справа, того самаго который слѣдовалъ потомъ за нею до экипажа. Усердная просьба извѣстить двумя строками когда и гдѣ можно поговорить съ нею.“

„*Воскресенье, вагонъ Жельзно-конной дороги*. Двѣ милыя сестрицы, заснувшія между полуднемъ и часомъ въ вагонѣ, идущемъ на Пратеръ, благоволятъ сообщить молодому человѣку, сидѣвшему съ ними рядомъ до Карлова-Театра, гдѣ онъ могъ бы еще встрѣтиться съ ними.“

Одинокій иностранецъ безпрестанно читаетъ въ вѣнскихъ листкахъ приглашенія такого рода:

„Двѣ молодыя благовоспитанныя дамы желали бы давать у себя, по вечерамъ, уроки въ произношеніи одинокому прѣзжему, умному и образованному, для сокращенія длинныхъ зимнихъ вечеровъ.“

И наоборотъ: „Молодой благородный иностранецъ, не имѣющій въ Вѣнѣ знакомыхъ, желаетъ провести нѣсколько зимнихъ вечеровъ въ обществѣ дамы его возраста, изъ

* Волшебная піеса Сарду.

хорошаго семейства. Предложеніе серьезное: Анонимныя письма останутся безъ отвѣта. Въ скромности рѣшаются честнымъ словомъ.“

Объявленія до такой степени вошли въ вѣнскіе нравы что торговцы начинаютъ рекомендовать свой товаръ уже стихотворными рекламами. Предъ моими глазами лежитъ картинка изображающая влюбленную чету прогуливающуюся въ романтической мѣстности. Молодой человѣкъ курить сигару, дымъ которой живописными струйками поднимается къ небу. Внизу подписано:

Дж у л ь е т а. О, милый мой, какимъ благоуханьемъ
Пропитаны сегодня небеса!

Р о м е о. Нѣтъ, Юленька, ты это обонянемъ
Разнюхала земныя чудеса...
То дымъ моей сигары.

Дж у л ь е т а. Боже!
Скажи же мнѣ, не мучь, ну кто же
Ихъ продаетъ?

Р о м е о. Хорошо вопросъ!
Одинъ всего купецъ до нихъ доросъ:
Желаетъ кто слыть фиміамомъ въ полѣ,
Тотъ пусть идетъ къ нему, Э. Одіоле!

Замѣчательно что въ Австріи, странѣ гдѣ печать свободна почти въ такой же степени какъ въ Англіи, розничная продажа номеровъ *на улицѣ* не допускается: отдѣльными листками газеты дозволено продавать лишь въ табачныхъ лавочкахъ, и только тѣмъ кто заказалъ себѣ экземпляръ наканунѣ.

Штемпельная пошлина съ періодическихъ изданій существуетъ въ Австріи и взимается и съ туземныхъ газетъ, и съ иностранныхъ. Послѣднія оплачиваются (двумя крейцерами за номеръ) при полученіи, прямо на руки почталіону. Вѣнскіе журналисты предусмотрительнѣе парижскихъ: они составили ассоціацію подъ именемъ *Concordia*, имѣющую цѣлью оказывать вспомошествованіе неимущимъ журналистамъ или ихъ вдовамъ и снабжать средствами для воспитанія ихъ дѣтей. При вступленіи въ ассоціацію уплачивается единовременно 250 гульденовъ (150 рублей), затѣмъ ежегодно вносится 12 гульденовъ (7 р. 20 к.). Зимой въ принадлежащемъ Обществу помѣщеніи даются балы и концерты и читаются лекціи: сборъ идетъ на увеличеніе обще-

ственного фонда. Вмѣстѣ съ благотворительною цѣлью *Concordia* соединяетъ и значеніе клуба для литераторовъ. Сюда собираются всѣ писатели, находящіе здѣсь газеты всего свѣта, главнѣйшіе журналы, всѣ новыя книги и брошюры.

VI.

Въ такихъ живописныхъ и оживленныхъ улицахъ каковы вѣнскія, гдѣ все занимаетъ васъ и развлекаетъ, усталости не чувствуешь. Вѣнскія улицы, подобно парижскимъ, имѣютъ свои популярныя тилы и свои особые промыслы. Если здѣсь неизвѣстенъ ветошникъ съ корзиной за плечами и трубящій въ трубу „починитель“ домашнихъ фонтановъ, за то вы встрѣчаете здѣсь Словака-лудильщика въ широкополой шляпѣ съ олутовчаными до колѣнъ тесьмой ногами, Чеха-музыканта сломяющагося изъ двора во дворъ съ гитарой или скрилкой подъ лолой фрака, снующаго вверхъ и внизъ по лѣстницамъ торговца яблоками и лукомъ съ корзиной въ рукѣ или на головѣ. Этихъ послѣднихъ почему-то называютъ „Кроатами“, хотя они точно также не происходятъ изъ Кроаціи какъ продающіеся по всѣмъ угламъ „франкфуртскія“ колбасы не приготовлены во Франкфуртѣ.

Замѣчу что во Франкфуртѣ точно такія же колбасы величаются вѣнскими... Обмѣвъ вѣжливостей, какъ видите. Какъ бы то ни было, ѣдятъ ихъ на улицѣ прямо руками, и для Вѣнцевъ онѣ то же что макароны для Неаполитанцевъ.

Ежеминутно на улицѣ раздается воинственная музыка, привлекающая стараго и малаго къ окну: то полкъ возвращается съ ученья, въ сопровожденіи мальчугановъ и звѣзды марширующихъ вмѣстѣ съ нимъ до самой казармы.

Такой впечатлительный народъ какъ Вѣнцы разумеется ладокъ на все что бросается въ глаза и не въ состояніи устоять противъ искушенія представляемаго афисами. Отсюда особенное стараніе какъ можно болѣе ухитриться и отличиться въ сочиненіи и наборѣ этихъ громадныхъ красныхъ, синихъ, бѣлыхъ простынь покрывающихъ всѣ стѣны, лѣзущихъ одна на другую, заливающихъ всѣ заборы рекламой. Афиси извѣщающія о публичныхъ балахъ украшены изображеніями танцорокъ, которыя посылаютъ вамъ поцѣ-

луй не ручкой, а кончикомъ ботинки. Объявленія о лотереяхъ снабжены рогомъ изобилія, откуда червонцы сыпятся какъ дождь, и каждый изъ выпускающихъ билеты банкировъ клянется что его-то контора особенно взыскана благоволеніемъ гослужи Фортуны.

На всемъ пространствѣ Австро-Венгерской имперіи правительство открыто держитъ лотерейную лавочку и извлекаетъ изъ нея великолѣпнѣйшіе барыши. Вотъ эта черная доска съ рядами цифръ на полоскахъ бѣлой бумаги, предъ которою стоитъ толпа женщинъ—это выѣска официальной лотерейной конторы. По временамъ одна изъ женщинъ срываетъ полоску съ выбраннымъ ею номеромъ, и идетъ „записаться“ къ находящемуся внутри конторы, за рѣшеткой, чиновнику. Но мало разъ купить билетъ за 10 или 20 крейцеровъ: чтобъ онъ имѣлъ право на участіе во *всѣхъ* розыгрышахъ, надобно возобновлять его послѣ cadaго,—и выходить что на издержанныя такимъ образомъ деньги можно было бы вырастить и выхлупить ребенка....

Да, лотерея въ томъ видѣ какъ она существуетъ въ Австріи, несомнѣнно поощряетъ лѣность и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаетъ накопленію небольшихъ сбереженій. Лотерейныя конторы отбиваютъ народъ отъ Сохранной Казны.

Что особенно поражаетъ въ Вѣнѣ иностранца, это огромное количество кофеенъ, удивляющее даже привычный парижскій глазъ. Находишься точно въ какомъ-нибудь восточномъ городѣ. Самъ я не считалъ, но увѣряютъ что кофеенъ здѣсь болѣе четырехсотъ.

И то сказать: вѣдь Вѣна—*первый* европейскій городъ въ которомъ открылась *первая* кофейня...

Дѣло было въ 1683. Столицу во второй разъ осаждали Турки. Все трепетало. Несмотря на отчаянную оборону, близилась минута въ которую пришлось бы сдать если не подоспѣетъ помощь извнѣ. Во всѣ стороны разсылали гонцовъ съ вѣстями къ имперской арміи подъ начальствомъ Карла Лорренскаго, но всѣ они лопадали въ руки Турокъ, которые и вздергивали ихъ на висѣлицу подъ стѣнами города, такъ что съ каждымъ днемъ увеличивался обуявшій населеніе ужасъ.

Карлъ Лорренскій находился неподалеку, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Вѣны, но ни у кого уже

не хватало духа оповѣстить его о положеніи осажденнаго города.

Въ это время жилъ въ Вѣнѣ Полякъ, по имени Явъ Кульчицкій, молодой двадцатитрехлѣтній негоціантъ Леопольдштадтскаго предмѣстья, поступившій охотникомъ въ роту волонтеровъ капитана Франка. Прежде онъ былъ переводчикомъ одного товарищества торгующаго съ Востокомъ, и совершилъ нѣсколько путешествій въ Турцію, живалъ въ Бѣлградѣ... Онъ-то вдругъ явился къ доблестному начальнику обороны, графу фонъ-Штармгернбергу, заявляя, что беретъ пробраться черезъ непріятельскія линіи.

— Какую же вамъ за то положить награду? спросилъ комендантъ.

— Никакой, отвѣчалъ молодецъ, — Вѣнцы стоятъ того чтобы за нихъ рискнуть жизнью. Какъ-нибудь проскользну, а если Турки поймаютъ меня и убьютъ, отслужите ланни-хиду, помолитесь о спасеніи нашихъ душъ, моей и сопровождающаго меня слугителя.

Въ ночь съ 13го на 14е августа, какъ разъ въ ту минуту какъ разразилась страшная гроза, Кульчицкій съ слугителемъ Юріемъ Михайловскимъ (тоже лобывавшимъ на Востока), вышли изъ города переодѣтые Турками. Непріятель на другой же день замѣтилъ ихъ, схватилъ и потащилъ къ какому-то агѣ. Привели, допросили. Кульчицкій назвался бѣлградскимъ купцомъ и заявилъ что онъ прибылъ сюда предложить поставку провіанта для Турецкой арміи. Поставки подобнаго рода были тогда совершенно неизвѣстны: мысль очень понравилась агѣ. Онъ накормилъ обоихъ минимыхъ Бѣлградцевъ и посовѣтывалъ имъ не слишкомъ удалаться отъ турецкихъ аванпостовъ, чтобы не попасть въ руки имперской арміи, которая находится неподалеку, у подножья Леопольдовой горы.

Только этой справки и нужно было Кульчицкому. Онъ принялся разгуливать посвистывая по турецкому лагерю, и благополучно выбрался изъ него къ христіанской рати, такъ что 17го числа могъ уже возвратиться въ Вѣну съ отрадною вѣстью о приближеніи выручки.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Собіесскій обратилъ Турокъ въ бѣгство. Графъ Штармгернбергъ позвалъ Кульчицкаго, вновь спрашивая, какой онъ желаетъ награды.

— Вельможный господинъ, отвѣчалъ тотъ,—я уже вознагражденъ тѣмъ что удалось мнѣ сласти городъ. Впрочемъ, если ваше сіятельство непременно хотите оказать мнѣ милость, подарите мнѣ всѣ тѣ мѣшки набитые небольшими зеленоватыми зернами, которые Турки бросили въ лагерь, спاسаясь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ графъ.—Но развѣ эти зерна на что-нибудь годятся?

— Какже! молвилъ Кульчицкій, и разказалъ слѣдующее:

— Въ 1285 году одинъ дервишъ, Ходжи-Омеръ, за что-то изгнанный изъ Меккской обители въ которой онъ жилъ нашелъ себѣ убѣжище въ пещерѣ соседней горы. Питаться ему было нечѣмъ, кромѣ зеренъ дикаго растенія называемаго „кахва“. Сперва онъ попробовалъ ѣсть эти зерна сырыми, но какъ они показались ему нѣсколько горьковатыми, то онъ вздумалъ изжарить ихъ, потомъ истолочь и развести горячею водою. Получился крѣпительный напитокъ, очень вкусный. Когда черезъ нѣсколько времени его посетили пріятели, они съ удовольствіемъ отвѣдали предложеннаго имъ питья, и разнесли вѣсть объ этомъ открытіи. Она дошла до ушей шерифа, который увидѣлъ въ томъ знакъ божественнаго покровительства и водворилъ дервиша обратно въ его обитель. Съ тѣхъ поръ Турки употребляютъ эти зерна для приготовленія своего любимаго напитка, который достоинъ сдѣлаться любимымъ напиткомъ и христіанъ. Если ваше сіятельство отдадите мнѣ мѣшки, я берусь поить Вѣнцевъ такимъ же отличнымъ кофе, какой пьютъ Турки.

— Охотно, согласился графъ.—Берите мѣшки и дѣлайте съ ними что хотите. Кромѣ того городъ даритъ вамъ домъ въ Леопольдштадтѣ въ полную собственность.

Кульчицкій тотчасъ принялся за работу. Сперва онъ самъ разносилъ чашки кофе по домамъ на поднось, потомъ открылъ распивочное заведеніе его у себя на дому, подъ вѣвской *Зеленой Бутылки*, потому „зеленой бутылки“ что когда онъ предъ тѣмъ былъ раненъ во время осады Вѣны, то невѣста его, дочь одного хирурга, исцѣлила его бальзамомъ который принесла въ зеленой стеклянкѣ.

Такъ и торговалъ онъ, съ большимъ успѣхомъ, до самой смерти.

А внутренность открытой имъ первой вѣнской кофейни была такова. Въ глубинѣ комнаты на сильномъ огнѣ кипѣла вода въ большомъ мѣдномъ сосудѣ. Посрединѣ висѣло съ потолка два фонаря. Вдоль стѣны стояли лавки, безъ столовъ: поспѣтители держали чашки въ рукахъ или ставили ихъ возлѣ себя прямо на лавку, не то и вовсе не присѣдая лакомились вкуснымъ напиткомъ. Курить было тогда еще не въ обычаѣ. Одинъ только Кульчицкій курилъ, и рассказывалъ промежъ гостей съ длиннымъ чубкомъ, пуская вокругъ себя клубы дыма. Пили кофе безъ сахара (позже стали класть въ него сиропъ), и вмѣстѣ съ гущей.

Первоначально кофе пришелся Вѣнцамъ не очень-то по душѣ, но вскорѣ они такъ къ нему пристрастились что не могли уже жить безъ него и въ *Зеленой Бутылкѣ* негдѣ было поворотиться. Почти каждый день являлся сюда старый рубака графъ Штармгербергъ; по временамъ заходили также принцъ Евгений Савойскій и знаменитый калуций Маркъ, духовникъ Собіесскаго, тотъ самый что благословилъ австрійскую армию съ высоты Коленберга. Народный любимецъ Августинъ приходилъ сюда распѣвать свои новыя лѣсны.

Портретъ Кульчицкаго въ польскомъ національномъ костюмѣ до сихъ поръ сохраняется въ цехѣ содержателей вѣнскихъ кофейнь.

Въ Вѣнѣ кофейни посѣщаются рѣшительно всѣми, мужчинами, дамами, духовенствомъ, дѣтьми. Это центры общественной жизни. Здѣсь ведутъ переговоры, совершаютъ сдѣлки, узнаютъ новости, обсуждаютъ политику правительства. Это вѣнскій форумъ.

Все подаваемое здѣсь превосходнаго качества, прислуга образцовая, какъ нигдѣ. Вѣнскіе половые неподражаемы. На нихъ большой запросъ по всей Германіи, вслѣдствіе ихъ расторопности, вѣжливости, веселости и честности. Вѣнскій половой по лицу узнаетъ, какой вы національности, и едва вы вошли, тотчасъ, не ожидая спроса, съ предупредительностью не имѣющею ничего раболобнаго, подаетъ вамъ французскія газеты, если вы Французъ, италіянскія если вы Италіянецъ, и т. д. Если вы Русскій, вмѣстѣ съ газетами онъ принесетъ вамъ пачку лали-рося.

Вѣнскія кофейни—настоящія библіотеки для чтенія. Наиболѣе требуемыя газеты *Presse* и *Neue freie Presse*, получаютъ въ нихъ въ количествѣ до двѣнадцати экземпляровъ каждая.

У каждой кофейни свои посѣтителѣ, своя исторія, своя собственная фizioномія. Въ *Европейской Кофейнѣ*, на площади Св. Стефана, встрѣчается всего болѣе проѣзжихъ иностранцевъ. Аристократическая молодежь собирается въ роскошныхъ кофейняхъ Грабена и Ринга. *Національная Кофейня* въ Леопольдштадтскомъ предмѣстьи — мѣсто сборища кутилъ. Придворные и высшіе военные кружки, политическіе люди, всѣ знаменитости Вѣны обыкновенно толпились въ *Кофейнѣ Даума*, которая теперь закрыта. Эта знаменитая кофейня состояла изъ шести залъ: въ каждой собирались отдѣльныя кружки, здѣсь военные, тамъ журналисты и артисты, далѣе любители карточной игры, и т. д. Министры избрали своимъ пріютомъ большой салонъ, гдѣ вдоволь могли наговориться о новостяхъ и происшествіяхъ дня....

Исторія *Кофейни Даума*—та же австрійская исторія. До 1848 года сюда приходили лишь одни чиновники, молча прочитывавшіе нѣсколько тогдашнихъ рѣдкихъ политическихъ листковъ и *Театральную Газету*. Время отъ времени выходка юмориста Сафира разглаживала эти восковыя лица.

Промежъ военныхъ разговоры были нѣсколько оживленіе: трактовалось о новой комедіи Скриба или Бауернфельда и превозносилась ловкость модной наѣздицы мѣстнаго цирка.

Потомъ вдругъ какая внезапная метаморфоза! Кофейня наполнилась личностями въ поярковыхъ шляпахъ съ кокардами, „представителями народа“ въ разноцвѣтныхъ фракахъ, съ саблями и ботфортами, Чехами, Поляками, Венгерцами... Женщины въ революціонныхъ костюмахъ сновали въ этой лестрой толпѣ, и все это кричало и орало, какъ въ парижскихъ кофейняхъ во время коммуны. Ораторы лѣзли на столы чтобы съ высоты этой импровизованной трибуны гремѣть своими рѣчами. Консервативныя газеты рвались въ клочки и лолирались ногами...

Смутные дни смѣнились осаднымъ положеніемъ, *Кофейня Даума* стала главною квартирою военныхъ властей. Вокругъ столиковъ вновь размѣстились серіозныя фигуры въ высо-

Жихъ воротникахъ, коротко стриженныя, съ очками на носу, съ неподвижнымъ невозмутимымъ лицомъ. У дверей затолпились поглядывающіе на мимо идущихъ дамъ молодые офицеры съ цвѣткомъ во рту, со стеклышкомъ въ глазу.

Такъ шло до Сольферинской битвы, послѣ которой посѣтителями *Кофейни Даула* стали исключительно частые люди. Сюда зачастили медики, адвокаты, банкиры, писатели, артисты, а послѣ спектаклей особый салонъ наполнялся депутатами и дипломатами. Болтовня длилась до утра, ибо въ вѣнскія кофейни имѣютъ право оставаться открытыми всю ночь.

Такъ какъ для вѣнскаго жителя кофейня—второй домъ, то всякая изъ нихъ имѣетъ два выхода и входа для двухъ различныхъ категорій посѣтителей, для „завсегдателей“ (*Stammgäste*) и для случайныхъ гостей (*Laufende*). Въ кабакахъ „завсегдатели“, именующіеся здѣсь „братьями заведения“ (*Wirthshaussbrüder*), имѣютъ свои особые столики. Горе профану который сдурю осмѣлился бы завладѣть однимъ изъ этихъ священныхъ мѣстъ! Иные изъ обычныхъ посѣтителей по тридцати лѣтъ садятся въ одинъ и тотъ же часъ на одинъ и тотъ же стулъ, пьютъ одно и то же вино изъ того же самого стакана и читаютъ одну и ту же газету, покуривая одинъ и тотъ же табакъ изъ той же самой трубки.

Водятся еще въ Вѣнѣ погреба, не уступающіе знаменитѣйшимъ лейпцигскимъ, бременскимъ и гамбургскимъ погребамъ. Въ нихъ поливаютъ вино и лакомятся „деликатессами“: лаштетами, устрицами, икрой, колченою рыбой, вестфальскими окороками и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ *Скалистый погребъ* (*Felsenkeller*) Бамбергской улицы, устроены въ видѣ грота или пещеры, гдѣ каждый можетъ требовать общую или отдѣльную „пустыньку“.

Изъ всѣхъ вѣнскихъ погребовъ самый оригинальный и живописный—погребокъ *Эстергази*, открытый для пубрики ежедневно отъ 11 до 1 пополудни и отъ 5 до 7 вечера. Здѣсь ни столовъ, ни стульевъ, ни газовыхъ рожковъ; вдоль стѣны тянутся ветхія грязныя лавки, двѣ-три свѣчи мерцаютъ въ темнотѣ, въ которой неопредѣленно обрисовываются самыя разнообразныя фізіономіи и типы. Вотъ кулеческій прикащикъ въ тѣсномъ потертомъ сюртукѣ съ короткими рукавами изъ которыхъ высовывается грязное бѣлье: онъ обдастъ полбутылкой вина и принесенною съ собою завернутою

въ бумагу котлеткой. Подалъ же два солдатики любезничаютъ съ „кумой“: толстуха хохочетъ во все гърло запрокинувъ голову назадъ, потому что одинъ изъ кавалеровъ щекочетъ ее, а другой нашелтываетъ что-то ужъ больно смѣшное. Около нихъ исхудалый старикъ, живой скелетъ, ищетъ въ виноградномъ соку подкрѣпленія гаснущихъ силъ. Повсюду женщины въ черныхъ платкахъ, въ кацавейкахъ, въ кофтахъ, въ шляпкахъ, въ чепцахъ и простоволосыя, молодыя и дряхлыя, съ ослабительными зубками и блестящими глазами, и съ черепашьими головами на морщинистой шеѣ, сжимающія стаканъ рукой какъ ногтями. Въ углу, вытянувъ ноги, хрюкаетъ совсѣмъ „готовый“ уже пьяница съ трубкой въ саляновомъ рту, съ развязаннымъ галстукомъ, не замѣчая что онъ сидитъ на своей шляпѣ.

Въ глубинѣ погреба свѣтлѣе; тамъ точно жертвенникъ съ возжженными огнями: это стойка изъ залатанныхъ и залитыхъ саломъ досокъ положенныхъ на двѣ бочки. По ту ея сторону сидитъ на соломенномъ стулѣ буфетчикъ въ надвинутомъ на глаза картузѣ, въ стальныхъ очкахъ, съ развернутою предъ нимъ книгой, съ чернилицей направо и кружкой вина налѣво; тутъ же лежитъ мокрый платокъ и табатерка: онъ получаетъ деньги записывая каждый отпущенный стаканъ. Два половыхъ съ засученными рукавами рубахи, въ длинномъ передникѣ до лачъ и до коленъ, перемываютъ и наливаютъ стаканы. Въ сторонѣ выглядываютъ изъ тѣни, какъ сфинксы изъ таинственнаго мрака ассирійскаго храма, два ряда бочекъ. А предъ стойкой, живописными группами освѣщенными желтоватымъ отблескомъ сальныхъ свѣчей, тѣснятся оборванные простолоудины, господа въ богатыхъ шубахъ, проѣзжіе иностранцы, жулики, мазурики и агенты сыскной полиціи „Хорошенько смотрите за своими карманами“, гласитъ надпись у одной изъ дверей. Давка неимоверная, едва пробьешься впередъ чтобы получить или возвратить свой стаканъ. Промежъ ногъ вашихъ шмыгаютъ ребятки съ пустыми бутылками посланные за живительною влагой. Горничныя зажиточныхъ домовъ ждутъ своей очереди (потому что вино этого погреба превосходнѣйшаго качества)... Вотъ подвернулась къ вамъ торговка горячими колбасами и пеклеванымъ хлѣбомъ; котелокъ ея кипитъ въ одномъ изъ угловъ полахивая ларомъ какъ изъ машины. Курятъ, шумятъ, ползываютъ; слышно какъ, промежъ двухъ глот-

ковъ, гладкая кожа колбасы лопається на зубахъ. И какой повсюду отвратительный запахъ! Васъ охватываетъ влажная атмосфера, вся пропитанная испареніями вина и испачканныхъ мокрыхъ лохмотьевъ просушивающихся здѣсь на человеческихъ тѣлесахъ...

Кабаки въ общепринятомъ смыслѣ этого слова неизвестны въ Вѣнѣ. Если и существуетъ нѣсколько заведеній продающихъ спиртные напитки, то они прячутся въ закоулки, какъ бы стыдясь открыто показаться на свѣтъ Божій.

У виноторговцевъ можно и закусить или поѣсть вполноту, но такъ какъ это не ресторанъ, то они не въ правѣ имѣть ни скатертей, ни салфетокъ: для рукъ вамъ подають листочки тонкой бумаги, украшенные хорошенькими и „аллетитными“ картинками.

Австро-Венгрія производитъ вино лятнадцати различныхъ сортовъ. Въ Нижней Австріи виноградники находятъ даже на высотѣ восьмисотъ сажень надъ уровнемъ моря. Гумпольдскирхенъ, Вёслау, Клостернейбургъ могутъ соперничать съ бурговскими, нѣкоторыя другія вина — съ рейнскими. Въ Южномъ Тиролѣ, въ Форарльсбергѣ, въ Штиріи, Каринтіи, Моравіи и Далматіи, въ Венгріи, Трансильваніи и Кроаціи, на Военной Границѣ, повсюду производится отличное вино; и въ славянскихъ провинціяхъ вино составляетъ обычный напитокъ богача и бѣдняка.

Въ виноторговляхъ тоже свои „завсегдатели“, какъ въ кофейняхъ. Категоріи ихъ очень разнообразны. Одни пьютъ напролетъ всю ночь, другіе поливаютъ не иначе какъ вмѣстѣ съ семьей, третьи — непременно въ одиночку. Для одиночнаго лутуха виноторговля — это храмъ. Сосредоточенный и молчаливый, онъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ взираетъ на свой стаканъ и потягиваетъ изъ него какъ бы священнодѣйствуя. Это родъ особой секты, состоящей изъ музыкантовъ и пѣвцовъ, престарѣлыхъ живописцевъ, отставныхъ актеровъ, чиновниковъ, даже судей. Секта имѣетъ свои знаменитости. Всякій ея членъ съ умиленіемъ поразкажетъ вамъ о музыкальномъ критикѣ Петрѣ Лизерѣ, поэтѣ Саутерѣ, композиторѣ Бургмюллерѣ...

Вкусно поѣсть въ Вѣнѣ довольно трудное дѣло, хотя въ этомъ отношеніи Вѣна городъ непосредственно слѣдующій за Парижемъ и Петербургомъ. Вѣнская кухня космополитка, даже слишкомъ: трудно распознаться въ этомъ смѣ-

шеніи яствъ, и языковъ. Венгерскія, италіянскія, французскія, нѣмецкія выраженія перепутываются вмѣстѣ и ставятъ васъ въ тупикъ. Что такое, напримѣръ, *Braune mit Fridaten*? Надобно быть колдуномъ чтобъ узнать въ этой тарабарщинѣ похлебку изъ турецкихъ бобовъ, попросту фасолу. Подобнымъ же образомъ, цвѣтная калуста, вмѣстѣ того чтобъ значиться на картѣ подъ своимъ нѣмецкимъ именемъ *Blumen-Kohl*, прячется подъ маской какой-то *Carfiol* (испорченное италіянское *Cavalofiore*). А какъ вы полагаете, что такое *Caprica-gulas*?... Говядина подъ соусомъ приправленнымъ краснымъ (стручковымъ) перцемъ!

Замѣчательно, что вопреки этой поваренной неурядицѣ, Вѣнецъ любитъ хорошій и тонкій столъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ Гарлагономъ, утверждавшимъ что ѣсть слѣдуетъ лишь для поддержанія жизни. Вѣнды живутъ для того чтобы сладко покусать. Лучшіе вѣнскіе рестораны содержатся при гостиницахъ. Почти при каждой ресторановъ этихъ три: въ подвальномъ этажѣ, для кучеровъ и тому подобнаго люда; въ нижнемъ этажѣ — для туземной публички вообще, и въ бель-этажѣ — для пріѣзжихъ. Общаго стола въ гостиницахъ нѣтъ; подаютъ по заказу, по картѣ. Лучшій изъ вѣнскихъ ресторановъ, наиболѣе приближающійся къ парижскому типу, содержится нѣкимъ Захеромъ и находится напротивъ Оперы.

Большинство Вѣнцевъ столуется въ павильонахъ, гдѣ за одинъ гульденъ даютъ порцію мяса, порцію зелени и какое-нибудь мучное блюдо, пирожное. Пирожныя — вотъ торжество вѣнской кухни. Какое разнообразіе и какое искусство въ приготовленіи этихъ яблочныхъ пироговъ, оладій, вафель, рисовыхъ луддигговъ подъ краснымъ виномъ!

По распредѣленію времени, вѣнскія трапезы чрезвычайно неудобны для занятій, но приходится подчиниться этому распредѣленію, потому что вѣнскій урочнаго часа нигдѣ не найдешь ни куска: обѣды — отъ часу до трехъ, ужины отъ семи до одиннадцати. Театры кончаются въ десять часовъ: послѣ спектакля и отправляются ужинать. Пивныя и ресторации переполняются посѣтителями. Не завернуть сюда послѣ театра со всею семьей, съ женой и дѣтьми, значило бы провиниться нарушеніемъ всѣхъ правилъ, чуть не уголовнымъ преступленіемъ...

VII.

Вотъ мы обѣгали кругомъ весь городъ, и опять очутились на своемъ исходномъ пунктѣ, на площади Св. Стефана, столь богатой воспоминаніями.

Шагахъ въ тридцати отъ собора, между Грабеюмъ и Карнилійскою улицей, торчитъ какое-то странное дерево, сажени въ полторы или двѣ вышиной, охватенное по стволу широкою желѣзною полосой съ висячимъ замкомъ, точно узникъ закованный по поясу. Все дерево усыпано гвоздями, вбитыми такъ часто что они покрываютъ его какъ бы стальною корою. Это знаменитое *Stock in Eisen*, „дупло въ желѣзахъ“, любопытная исторія котораго стоить передачи.

Въ половинѣ XV столѣтія, въ 1450 году, на Базарной площади стоялъ старый, закоптѣлый домъ, почти омерзительнаго вида. Отъ утренней зари до вечерней надъ островерхю его крышей покачивался длинный хвостъ дыма. Удары молотовъ о наковальню, визжаніе пилъ, шумное лыхтѣніе двухъ раздувальныхъ мѣховъ, трескъ угольевъ въ громадномъ горнѣ наполняли всю его внутренность адскимъ грохотомъ, отъ котораго глухо тряслась земля.

Домъ принадлежалъ Эргарду Марбахеру, первому слесарныхъ дѣлъ мастеру города Вѣны.

Марбахеръ былъ толстакъ со славными красными щеками, приплюснутымъ носомъ, живыми блестящими глазами. Онъ столько же славился своимъ брюхомъ, сколько и своими работами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ему не было подобнаго; онъ творилъ просто чудеса и возвелъ слесарное дѣло на степень искусства. Когда онъ выходилъ на порогъ своей мастерской въ кожаномъ передникѣ, съ засученными рукавами, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, весь въ дыму и въ сажѣ, онъ походилъ на гипопотама, выѣзшаго изъ рѣки на берегъ перевести духъ. Эргардъ несмотря на свою толщину былъ неутомимъ въ работѣ; подмастерья и ученики обожали его, потому что взыскательный когда слѣдовало, онъ былъ всегда справедливъ и добръ.

Рядомъ съ домомъ слесарнаго мастера находилась булочная. Марбахеръ, любившій потолковать, часто ходилъ туда, присаживался на мѣсткѣ съ зерномъ, уперши руки въ боки, пускался въ разговоръ, прерывая себя взрывами

веселаго смѣха. Булочница Гретъ Муксъ вдовѣла. Старшій ея сынъ, здоровый малый лѣтъ восемнадцати, хотъ и воспитанный въ страхъ Божіемъ, тѣмъ не менѣе много печалитъ ее и вѣшалъ ей большія опасенія на счетъ своей будущности: онъ вышелъ какимъ-то непокорнымъ, ослушивался по десяти разъ въ день и знатъ не хотѣлъ работы. Чтò у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, находя въ разказѣ своего горя утѣшеніе. Особенно разливалась жалобами скорбная мать предъ своимъ другомъ Эргардомъ.

Разъ вечеркомъ, когда этотъ послѣдній завернулъ къ ней еще въ болѣе веселомъ расположеніи духа чѣмъ обыкновенно, бѣдная вдова проливала горькія слезы: сынъ до того забылся что пригрозилъ ей!

— Сосѣдка, молвилъ слесарь, растроганный ея словами.— Нечего такъ печалиться. Слушайте, я сдѣлаю вамъ предложеніе. Если согласитесь на него, обещаю что выйдетъ изъ вашего сына бравый и честный молодецъ.

— Да благословитъ васъ Богъ за ваши добрыя рѣчи, отозвалась булочница вытирая глаза кончикомъ передника.

— Слушайте же!

— Навострила уши, продолжала вдова положивъ локти на столъ и опираясь головой на руки.

— Дѣло самое простое, какъ дважды-два—четыре. Племянникъ мой поступитъ къ вамъ въ обученіе, а вашъ сынъ перейдетъ ко мнѣ. Идетъ?

— Идетъ! идетъ! проговорила мать, вставая съ мѣста и схватывая протянутую ей руку.— Душой рада; только вы пожалуста съ нимъ постройте!

— Ну, ужъ на этотъ счетъ не безпокойтесь: подтяну. И не съ такими молодчиками справлялся какъ Мартынъ. Онъ у васъ молодъ, обойдется; да будь онъ и желѣзный, я его выкую!

Слесарь подчеркнул эти слова жестомъ, окончательно убѣдившимъ бѣдную мать въ возможности выучки.

— Да будетъ воля Божья, прошептала она нѣсколько напуганная угрозой Марбахера.

На другой день въ слесарной мастерской было ученикомъ больше: туда явился Мартынъ.

Въ началѣ все шло какъ по маслу. Молодой человѣкъ казался пріохотился къ работѣ и былъ къ ней усерденъ. Онъ казался понялъ что для успѣха въ жизни необходимо прилежаніе и трудъ.

Булочница была въ восхищеніи, зная услышанныя ея теплыя молитвы. Что до Марбахера, онъ земли подъ собою не слышалъ отъ удовольствія и еще болѣе толстѣлъ отъ гордости.

Какъ-то разъ послѣ полудня, Эргардъ позвалъ Мартына.

— Возьми вотъ эту кадочку, приказалъ онъ,—и принеси мнѣ въ ней глины. Нужно для формы. Найдешь глину на опушкѣ Зихенгаюскаго лѣса, за Георгіевскою заставой. Дорогой прошу не зѣвать, чтобы возвратиться пораньше. У меня вѣдь нельзя почевать внѣ дома.

Мартынъ обѣщалъ возвратиться до сумерекъ.

День былъ исполненъ весенней прелести. Небо точно задернулось голубымъ пологомъ, посрединѣ котораго солнце сіяло какъ громадный алмазъ. Дуга лестрѣли милыми цвѣтками, мотыльки порхали какъ заигрывающіе другъ съ другомъ влюбленные.

На дворѣ былъ апрѣль, и Мартынъ, цѣлую зиму не выходявшій изъ мастерской, почувствовалъ и у себя крылья какъ у бабочекъ. Онъ свернулъ съ дороги и пошелъ прямо по полю.

Къ лѣсу добрался онъ не ранѣе четырехъ часовъ, послѣ долгой, долгой прогулки.

Когда онъ закончилъ съ глиной, горизонтъ былъ еще облитъ свѣтомъ; соборныя стрѣлки и городскія башни отчетливо рисовались въ дали. Онъ поднялъ кадочку на голову, и посвистывая пустился въ обратный путь. Дорога лежала черезъ обсаженную липами лужайку, гдѣ молодые Вѣяцы обыкновенно собираются играть въ мячъ. Къ этому времени тамъ уже сошлось множество любителей. Мартынъ узналъ въ числѣ ихъ нѣсколько старыхъ товарищей. Онъ поставилъ кадочку подъ дерево и вмѣшался въ игру. Слесарная работа развила его мускулы. Никто не былъ въ состояніи бросить мячъ дальше его; удача разгорячила его, увлекла и заставила забыть о заходящемъ солнцѣ.

Вдругъ загудѣлъ колоколъ; печальныя и однообразныя его звуки злоѣще раздались въ пространствѣ... Молодежь подняла головы, насторожила уши, и въ одинъ мигъ всѣ разомъ со всѣхъ ногъ бросились бѣжать къ ближайшей заставѣ...

То звенѣлъ призывъ къ тушенію огней. Мартынъ машинально последовалъ за товарищами... Вдругъ онъ остано-

вился какъ вкопанный... Вѣдь о кадоchkъ онъ и не вспомнилъ!

Онъ поворотилъ назадъ, и хотя боязнь хозяина придавала ему крылья, потеряннаго времени наверстать онъ не могъ. Онъ явственно слышалъ какъ проскрипѣвъ летаями захолопнулись ворота Георгіевской заставы... Когда, залыхавшись, обливаясь потомъ, онъ примчался наконецъ къ жодѣмному мосту, ключи сторожей повернулись уже въ замкахъ.

Мартынь сталъ звать, кричать, просить и молить...

Никто не откликнулся на его мольбы. Наступила ночь, мракъ сгустился; невидимая кисть словно чернилами замазала небо, землю, поля, городъ и его стѣны.

Мартынь рыдая сбѣгъ на камень; мысленно онъ перенесся на слѣдующее утро, и представлялъ себѣ какъ его побьютъ и прогонять...

Вскорѣ луна отбѣлалась отъ заслонявшихъ ее облаковъ; Мартынь поднялъ голову: предъ нимъ стояла такая страшная фигура что онъ весь задрожалъ.

Стоялъ предъ нимъ мушкетеръ худой какъ смерть, съ желтыми глазами, съ носомъ загнутымъ какъ ястребиный клювъ, съ черными усами, съ остроконечною бородкой. На бархатной шалочкѣ его покачивалось красное перо, блестящее и переливающееся какъ пламя; крючковатыми пальцами онъ придерживалъ полы своего плаща, волочившагося по землѣ. Изъ-за пояса торчалъ кинжалъ съ рукояткой слоновой кости...

Мартынь хотѣлъ бѣжать...

Неизвѣстный замѣтилъ его движеніе, подошелъ къ нему и, фамиллярно тронувъ его за плечо, произнесъ:

— Не плачь, мой милый. Дѣло твое поправимо. Вотъ тебѣ талисманъ, который все устроитъ.

Онъ вынулъ изъ кармана кожаный кошелекъ, открывшійся самъ собою; потомъ взявъ изъ него секинъ, дунулъ на него. Изъ секина сдѣлалось десять новенькихъ червонцевъ.

— Возьми, продолжалъ незнакомецъ, подавая золото Мартыну, — позвени этимъ металломъ въ ушахъ заставныхъ сторожей и, клянусь моею бородой, ворота откроются предъ тобою на распаху.

Молодой человѣкъ вздохнулъ свободнѣй. Однако ему показалось что полученные деньги жгутъ ему руку, и его вновь обудала боязнь.

— Я въ жизнь свою не видалъ столько золота, прошелъ-тады онъ.

— Когда истратишь его, послѣдовалъ отвѣтъ, — только жликии меня, получишь еще и еще, сколько понадобится.

— Покликать васъ? А какъ васъ звать?

— Крикнешь три раза *Баабъ-Бебекъ-Кардекъ*, я тотчасъ и явлюсь.

— Чѣмъ отблагодарить васъ за ваши милости? началъ разсыпаться Мартынь.

— Объ этомъ не безпокойся; сочтемся при твоей смерти.

— Какъ при моей смерти?

— Очень просто: ты завѣщаешь мнѣ свою душу.

— Какъ это можно! удивился Мартынь, — душа моя принадлежитъ Богу: развѣ я имѣю право располагать ею?

— Ха, ха, ха! рѣзко разсмѣялся странный незнакомецъ. — Ахъ ты невинный пленецъ! Чтѣ ты въ рай что ли соби-раешься поласть!

— Разумѣется, спокойно отвѣчалъ Мартынь.

— Вотъ дуракъ! И всѣ они таковы: воображаютъ что рай — нѣчто привлекательное! Я тамъ лобывалъ, любезный другъ, и не могъ выдержать. Представь себѣ что тамъ живутъ воздухомъ и свѣтомъ, на подобіе цвѣтовъ. Нѣтъ, вотъ если душа твоя послѣ смерти послѣдуетъ за мною, обѣщаю тебѣ всяческія радости. Я живу въ мраморномъ дворцѣ, на берегу большого озера; каждый вечеръ у меня балъ, на озерѣ иллюминація и потѣшныя огни; пирушка идетъ за пирушкой. Души облакаются новымъ тѣломъ и вновь вкушаютъ всѣ земныя удовольствія, на этотъ разъ вѣчно... Ну, чтѣ, говори: хочешь?

Мартынь поникъ головой во внутренней борьбѣ.

— При жизни всѣ дороги будутъ тебѣ открыты, продолжалъ незнакомецъ, — имя твое покроется славой, сердце пресытится любовью; ты станешь превыше всѣхъ; ты познаешь тайны добра и зла. Хочешь?

— Подъ однимъ условіемъ, отвѣчалъ Мартынь глухимъ голосомъ: — душа моя достанется вамъ только въ такомъ случаѣ, если я хоть одинъ разъ въ жизни пропущу воскресную обѣдню по своей винѣ.

— Изволь, я добрый чортъ и принимаю условіе. Подпишись внизу этой страницы.

Незнакомецъ подалъ Мартыну небольшую книжку въ

перелетѣ изъ слоновой кости, а какъ несмотря на луну было довольно темно, то онъ подулъ на свои пальцы: всѣ они тотчасъ загорѣлись какъ свѣчи.

Мартынъ, никогда не учившійся грамотѣ и часъ назадъ не умѣвшій взять перо въ руки, подписалъ свое имя очень четко.

Огонь погасъ, незнакомецъ исчезъ.

Мартыну казалось что онъ очнулся отъ тяжелаго сна; въ ушахъ его шумѣло, голова трещала, глаза смыкались, дыханіе спиралось, коѣнны подкашивались.

Однако онъ чувствовалъ червонцы въ карманѣ, и медленно направился къ заставѣ. При звукѣ золота, которымъ онъ позвенѣлъ въ рукѣ, чей-то голосъ немедленно крикнулъ „сейчасъ“, черезъ минуту молодой человекъ очутился въ Вѣнѣ, а черезъ четверть часа, никого не разбудивъ, лежалъ на своей постели.

Утромъ Эргардъ не выбрали ученика какъ тотъ ожидалъ: нѣтъ, онъ *видѣлъ* его возвращеніе засвѣтаю, *видѣлъ* его за вечернимъ столомъ...

Для черезъ два незнакомецъ появился въ мастерской слесаря. Онъ назвался Марбахеру придворнымъ, и сказалъ:

— Мнѣ поручено заказать вамъ желѣзный кругъ на шпалерахъ, съ такимъ замкомъ, который никто на свѣтѣ не былъ бы въ состояніи открыть. Можете сдѣлать?

— Трудновато, трудновато! отвѣчалъ Эргардъ подумавъ.— Такой замокъ, который никто бы на свѣтѣ...

— Да, такой нужно, подтвердилъ незнакомецъ.

— И скоро?

— Какъ можно поскорѣе.

— Въ такомъ случаѣ я не могу принять заказъ. Эту работу нужно сначала обдумать хорошенько, поразмыслить, поприкинуть...

— Фи, Марбахеръ, какъ вамъ не стыдно! Бьюсь объ закладъ что любой изъ вашихъ подмастерій возьмется за такое пустое дѣло.

Эргардъ измѣнился въ лицѣ.

Незнакомецъ, котораго козлиная бородка насмѣшливо тряслась, обратился къ подмастерьямъ и ученикамъ:

— Кто изъ васъ сработаетъ мнѣ такой замокъ чтобы никто на свѣтѣ не могъ его открыть?

Минуту продолжалось молчаніе. Все казалось вымерло въ мастерской.

— Ну что жь? Никто не отзывается? продолжалъ мнимый придворный.

Мартынь, видя что никто не трогается съ мѣста, всталъ, выступилъ впередъ, и твердымъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Я берусь сдѣлать.

Марбахеру почудилось что земля проваливается у него подъ ногами.

— Ты, Мартынь недоучка, берешься за то за что не рѣшается взяться Эргардъ?... Да я тебя!..

— Молчать, произнесъ незнакомецъ такимъ поведительнымъ тономъ, что слесарь опустилъ голову и вышелъ вонъ.

— Я найду дней чрезъ шесть, прибавилъ мнимый придворный.—Смотрите, чтобъ работа была готова.

Мартынь въ тотъ же вечеръ принялся за дѣло. Заря бѣлѣла въ окнахъ, а онъ все еще сидѣлъ надъ станкомъ, разчитывая, приговая, изобрѣтая пружины неслыханнаго еще и невиданнаго механизма. Увы, всѣ старанія его были напрасны: выходилъ какой-то вздоръ. Наступилъ вечеръ, настала слѣдующая ночь, а онъ все возился попустому. Видя его тщетныя усилія, Эргардъ оправился отъ своего смущенія. „Не удастся ему“, шепталъ онъ, засыпая.

Около двухъ часовъ утра, молодой человѣкъ, истощенный продолжительнымъ и непривычнымъ бдѣніемъ, задремалъ на стулѣ. И привидѣлся ему сонъ. Снилось ему что ходитъ онъ по древнему замку на берегу Адриатическаго моря. Замокъ этотъ принадлежалъ морскому разбойнику, который собралъ въ одной изъ его залъ коллекцію замковъ изъ всѣхъ дворцовъ и замковъ которые онъ разграбилъ. Тутъ висѣли по стѣнамъ, образу фантастическія арабески, венеціанскіе замки, турецкіе, испанскіе, французскіе. Мартынь не могъ налюбоваться на ихъ пружины, лопнувшіяся малѣйшему давленію, двигающіяся какъ живое существо, мягкія какъ воскъ, упругія какъ сталь, цѣлкія какъ когти. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ его,—похожій на небольшого лаука, съ механизмомъ сложнѣе механизма карманныхъ часовъ. Привязанный къ нему ярлыкъ гласилъ что графъ Оттонъ заказалъ его одному волшебнику для дверей башни въ которую онъ заключилъ свою невѣрную супругу. Тутъ же находился и ключъ,—настоящая игрушка, тонкой ажурной работы...

Мартынъ скопировалъ механизмъ. Едва онъ окончилъ свой рисунокъ, полъ замка провалился подъ нимъ, онъ полетѣлъ и упалъ на спину.

Потрясеніе пробудило его. Онъ очнулся. Солнце ярко освѣщало его каморку и озаряло своими золотыми лучами рисунокъ чудеснаго замка, сдѣланный имъ во снѣ. Онъ провелъ рукой по лбу, стараясь убѣдиться не продолжаетъ ли онъ грезить, потомъ спустился въ мастерскую и немедленно принялся за работу. Съ рисункомъ механизма предъ глазами, смастерить его было не трудно. Черезъ нѣсколько дней, когда мнимый придворный пришелъ за заказомъ и съ провищескою улыбкой спросилъ ученика Мартына, этотъ послѣдній бодро выступилъ впередъ, держа въ рукахъ желѣзный кругъ съ готовымъ замкомъ.

Незнакомецъ повернулъ ключъ въ замкъ, затѣмъ потребовалъ всѣ имѣющіяся въ мастерской отмычки, пробуя нельзя ли отворить замокъ ими. Испытаніе кончилось благополучно для Мартына. Замокъ его удался на диво.

— Отлично! вскричалъ незнакомецъ, и обращаясь къ Марбахеру и окружающимъ ихъ подмастерьямъ, сказалъ, указывая на Мартына:—Онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи благодаря твердой волѣ и настойчивости... Я дарю ему кошелекъ золота. А вы что подарите, хозяинъ?

— Освобождаю отъ дальнѣйшаго ученія, хрипло проговорилъ Эргардъ.

Мнимый придворный наложилъ кругъ на дерево, растущее тутъ же на Базарной площади неподалеку, залеръ замокъ, и ключъ унесъ съ собой.

На слѣдующей недѣлѣ Мартынъ уѣхалъ въ Нюренбергъ, и прославился тамъ своими работами, до сихъ поръ сохранившимися въ одной изъ тамошнихъ церквей. Онъ отличился своимъ искусствомъ также и въ Аугсбургѣ, и возвратился въ Вѣну какъ разъ въ ту минуту когда городъ предлагалъ почетный дипломъ и различныя преимущества мастеру который сработаетъ ключъ что открылъ бы замокъ на желѣзной полосѣ дерева, прозваннаго между тѣмъ „дупломъ въ желѣзахъ“.

Многіе пытались уже исполнить задачу, никому не удалось. Мартынъ, твердо помнившій форму своего ключа, въ нѣсколько дней выковалъ точно такой же.

Бургомистръ и муниципальные совѣтники въ парадномъ

Костюмъ, въ длинныхъ бархатныхъ мантияхъ съ золотымъ позументомъ, цехъ слесарей и кузнецовъ съ развѣвующимися значками, собрались, въ сопровожденіи несмѣтной толпы, на площадь присутствовать при новой пробѣ. Мартынъ, отвѣсивъ поклонъ бургомистру и цеховымъ старшинамъ, подошелъ къ дереву, вынулъ изъ кармана небольшой ключикъ, показалъ его всѣмъ присутствующимъ и, вложивъ въ замѣкъ, повернулъ съ силой, потому что пружины должны были заржавѣть.

Замѣкъ немедленно отперся.

Толпа закричала и захолопала въ ладоши. Слесарные подмастерья, обрадованные побѣдой товарища, замахали молотами привѣшенными къ ихъ поясамъ и залясали вокругъ дерева; потомъ каждый изъ нихъ вбилъ въ него гвоздь чтобъ увѣковѣчить событіе. Мартыну всенародно вручили дипломъ, возводящій его въ званіе мастера. Бургомистръ осѣнилъ его своимъ мечомъ, призывая на него благословеніе Божіе. Цеховые старшины пожали ему руку, а четыре подмастерья подняли его на плечи и торжественно понесли домой.

Мартынъ открывалъ въ Вѣнѣ свою мастерскую. Слава его увеличивалась съ каждымъ днемъ. Онъ-то выковалъ рѣшетки Вѣнскаго собора столь замѣчательной работы. Говорятъ что когда ихъ устанавливали, рѣшетки оказались коротки, не доходили до стѣны: Мартынъ взялъ, потянулъ—и дотянулъ куда слѣдовало.

Но таинственный договоръ связывавшій Мартына съ лукавымъ сильно безпокоилъ его, и всякое воскресенье онъ выслушивалъ не одну обѣдню, а цѣлыхъ двѣ. Ночи онъ проводилъ безсонныя, все ворочался на своей постели, борючись молитвы, прерываемыя глухими стenanіями.

Мартынъ обладалъ богатствомъ, извѣстностью, любовью, знакомствами, всѣмъ что составляетъ счастье на землѣ,—и не былъ счастливъ.

— Ну, право, чего я такъ мучусь, рѣшилъ онъ разъ возвращаясь съ веселаго пира,—охота же мнѣ тревожиться! Къ чорту заботы! Жить, такъ жить какъ слѣдуетъ!

Съ этой поры, чтобы разогнать тяжелыя думы, онъ сталъ выходить изъ дому каждый вечеръ и отправлялся въ трактиръ *Трефовою Дамы* проводить время съ самыми завзятыми вѣнскими игроками.

Вотъ однажды въ субботу, когда у него была слѣшная работа, онъ пришелъ туда позднѣе обыкновеннаго и такъ заигрался, что и не замѣтилъ какъ бѣжали часы. Разсвѣло, хозяинъ отворилъ двери и окна. Игроки ни на что не обращали вниманія, ничего не видѣли и не слышали, и продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ точно ихъ пригвоздила къ стульямъ какая-то невидимая сила.

Заблаговѣстили къ ранней обѣдѣ; Мартынъ не шевельнулся.

— Хе, хе, хе, молвилъ хозяинъ, входя въ комнату въ праздничномъ платьѣ,—здорово рѣжетесь, господа! И понюхавъ табаку, онъ прибавилъ:—Хе, хе, хе, игра все равно что охота: знаешь когда начнешь, не знаешь когда кончишь.

Потомъ, нагнувшись къ игрокамъ, онъ прибавилъ отеческимъ тономъ.

— Я ужъ отстоялъ раннюю обѣдню, поздняя началась... Хе, хе, хе, пожалуста не шумите, а то бургомистръ провѣдаетъ что игра идетъ во время службы. Старъ онъ сталъ и взыскателемъ.

— Поздняя обѣдня началась? повторилъ Мартынъ блѣднѣя и рокая карты.

— Хе, хе, хе, не заутреню же теперь служить, отозвался хозяинъ.—Скоро уже десять часовъ: хе, хе, хе, заигрались молодцы.

Мартынъ вскочилъ, шатаясь. Онъ вышелъ не говоря ни слова, хватаясь за столы и за стѣну. Игроки провожали его удивленнымъ взглядомъ покачивая головой и съ сожалѣніемъ говоря другъ-другу: „бѣдняга сошелъ съ ума.“

Первый кого встрѣтилъ Мартынъ по выходѣ изъ трактира, былъ незнакомецъ котораго онъ не видѣлъ со времени своего пребыванія у Марбахера. Мнимый придворный прогуливался покручивая усы, въ шляпѣ на бекрень, положивъ руку на эфесъ длинной шпаги, которая высывалась изъ-подъ плаща. Сардоническая улыбка играла на его губахъ, глаза свѣтились какъ раскаленные уголья.

— Поздно, Мартынъ, поздно! произнесъ онъ гробовымъ голосомъ.

Но при видѣ его Мартынъ почувствовалъ въ себѣ силы и опрометью лобѣжалъ по направленію къ церкви.

Незнакомецъ послѣдовалъ за нимъ, и хотя шелъ тихимъ шагомъ, однако не отставалъ.

Еле дыша отъ быстрого бѣга, Мартынъ однимъ скачкомъ очутился на лалерти, и проникъ въ церковь...

— Съ миромъ изыдемъ, раздавалось подъ сводами храма. Обѣдня кончилась.

— Господи, спаси меня и помилуй! вскричалъ Мартынъ, и упалъ безъ чувствъ. Его вынесли. Пока довели его домой, все тѣло его почернѣло, когда же онъ скончался то клубъ дыма вылетѣлъ изъ его гортани.

Похоронили его съ большою пышностью. По вечерамъ же, въ тотъ самый часъ когда Мартынъ отправлялся обыкновенно въ трактиръ, чей-то жалобный голосъ стоналъ: „Молитесь о моей душѣ“...

Съ этой поры, всякій приходящій въ Вѣну или покидающій ее слесарный подмастерье вбиваетъ гвоздь въ дерево на Базарной площади, произнося молитву за упокой души бѣднаго Мартына....

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВИКТОРЪ ТИССО.

ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ

I.

Это было въ ноябрѣ 1875 года, въ послѣднихъ числахъ мѣсяца. Я находился въ Рагузѣ, гдѣ отдыхалъ и отогревался среди дивной южной природы, подъ живительными лучами „италіянскаго“ солнца, отъ стужи и всяческихъ невзгодъ претерпѣнныхъ за время послѣдней поѣздки „въ горы“.

Рагуза казалась въ то время чѣмъ-то въ родѣ станціоннаго дома или теплой избы, встрѣченныхъ среди голой стели въ зимнюю ненастную ночь продрогшимъ измученнымъ путешественникомъ. Дѣло въ томъ что эти мѣстасосѣднія мѣстности Герцеговины и Рагузскій округъ—представляютъ, а въ то смутное время представляли въ особенности единственную въ своемъ родѣ почву для искателей сильныхъ ощущенийъ и необычайныхъ, рѣзкихъ до боли контрастовъ.

Въ двухъ-трехъ часахъ разстоянія предъ вами смѣнялись такіа картины.

Дивная, пышная избыткомъ силъ, обильная до пресыщенія природа. Картинная идеальная мѣстность, залитая роскошѣйшею растительностью, украшенная какъ бы рукой художника великолѣпными развалинами, старинными замками, средневѣковыми стѣнами, среди которыхъ весело гнѣздятся, утопая въ зелени, новѣйшія постройки: розовые

и бѣлые домики и виллы съ яркими крышами, бѣлыми террасами, зеленѣющими бесѣдками. Растительность бьетъ роскошью, безумно раздвигая и разбивая камни, и сладострастно разстилается подъ знойною лаской солнца и влажными дыханіями моря. А море!.. оно у вашихъ ногъ, окаймляющее эти великолѣпія; то темносинее, то зеленоватоголубое, то гладкое какъ зеркало, то подернутое серебристою зыбью, то сердитое, бурное, свинцовое, съ сѣдыми гребешками на расходившихся волнахъ. И весь этотъ дивный ландшафтъ, вся эта благодать залита безконечно щедро и великолѣпно живительнымъ золотомъ южнаго солнца.

Это—Рагуза.

Безлюдная голь. Направо, налево, впереди, позади, уродливыя известковыя и кварцовыя скопленія, мѣстами сѣрыя и блесоватыя, мѣстами подернутыя черно-зеленою плесенью. Тамъ и сямъ глубокія промоины съ желтовато-грязнымъ снѣгомъ на днѣ. Кой-гдѣ вылѣзаютъ на свѣтъ Божій огромныя каменныя глыбы, растресканныя вдоль и поперекъ, и скалистые зубья, отвратительная плѣшивость которыхъ убого прикрыта мхомъ. Совершенная безжизненность. Изрѣдка корявый кустикъ терновника или голое тщедушное деревцо. Часами не видно жилья; только попадающіеся большіе конусообразные *тумулусы*, грубо сложенные изъ плоскихъ неправильныхъ камней, напоминаютъ о томъ что попираешь не совершенно дѣвственную почву. Мѣстами глубокій снѣгъ. Стужа, постоянный ледяной, пронизывающій насквозь вѣтеръ свищетъ въ скважинахъ и ущельяхъ или дико воетъ, пронизываясь и протискиваясь сквозь густыя тучи заволакивающія всю зиму эти мѣстности.

Это—„горы“, т.-е. Герцеговина.

Вы завтракаете въ отелѣ по-европейски. Гарсонъ во фракѣ подаетъ вамъ затѣйливую „карточку“, на которой красуются десятки блюдъ, подаетъ вамъ „карточку“ всевозможныхъ винъ и ликеровъ...

Обѣдаете вы въ разсѣланѣ скалы подъ истрепаннымъ гнилымъ соломеннымъ навѣсомъ; обѣдаете полусырымъ кускомъ барана только что убитого и цѣлкомъ сытаго съ углей, разрѣзаннаго тѣми же кинжалами которыми накануне или въ тотъ же день рубили турецкія головы;

заливаете грязною водою, зачерпнутою *kanoy* (шалкой) гдѣ-нибудь поблизости въ лужѣ...

Утромъ, вы сидите на террасѣ, предъ вами мелькаетъ легкая гуляющая публика; веселый говоръ, смѣхъ, шутки. По дорогѣ снуютъ коляски. Вдали вы видите кипящую дѣятельность на пристани, отходящіе суда, проходящіе пароходы...

Нѣсколько часовъ спустя, голая, каменная, избородженая, изорванная, исковерканная, мертвящая мѣстность. Гдѣ-нибудь у терновника валяется окоченѣлое, голое обезглавленное тѣло. Поперекъ извивается оставленный тутъ длинный красный *насеке* (поясъ) убитаго. Тамъ и сямъ битыя головы низама съ закатившимися зрачками...

Вы слышите сдержанные стоны раненыхъ, заунывное пѣніе „голосящихся“ надъ убитыми, визгъ и предсмертное хрипѣніе закалываемаго барана на *вечеру* (ужинъ)...

Нѣсколько часовъ спустя, вечеромъ въ Рагузѣ, военная австрійская музыка художественно исполняетъ увертюру *Оберона*, квартетъ изъ *Риголетто*, увлекательные, жгучіе чардаши...

При крѣпкихъ нервахъ и крѣпкой натурѣ, эти контрасты полны какого-то страшнаго, ѣдкаго обаянія.

Это было, какъ я сказалъ, въ послѣднихъ числахъ ноября. Дней за семь, за восемь пришло въ Рагузу извѣстіе о первой значительной побѣдѣ одержанной возставшими въ одной изъ неприступнѣйшихъ и удаленныхъ въ глубь мѣстностей Герцеговины.

Я говорю о первой битвѣ при Муратовицѣ, гдѣ злосчастный Селимъ-паша, сложившій въ послѣдствіи свою бездарную голову въ свалкѣ у Врбцы, былъ разбитъ на голову соединенными отрядами Пеко Павловича, Лазаря Социцы, пола Богдана (Зимонича) и Максима Бачевича (теперь тоже лежащаго въ сырой землѣ).

Турки, по обыкновенію, отрицали побѣду возставшихъ. Мало того, Селимъ-паша телеграфировалъ изъ Гацко, куда онъ бѣжалъ съ остатками войска, что одержалъ чуть ли не блестящій успѣхъ, причемъ въ реляціи на каждого лавшаго Турка, разумѣется, приходилось по десяти „матежниковъ“.

Турецкій консулъ въ Рагузѣ, Давишъ-эфенди, юркій Армянинъ выбивавшійся изъ силъ, при каждомъ извѣстіи о новомъ дѣлѣ въ горахъ, убѣдить всѣхъ и каждого въ жи-

ности и несостоятельности христіанскихъ сообщеній и въ безпристрастной справедливости и безусловной истинѣ турецкихъ бюллетеней, Данишъ-эфенди носился вездѣ съ телеграфною реляціей Селима о Муратовецкой битвѣ, какъ дурьякъ съ писаною торбой.

На всѣ возраженія у него былъ одинъ отвѣтъ:

— Нѣтъ, позвольте! Это вотъ,—и при этомъ усердный консулъ быстро залускалъ руку въ боковой карманъ за депешей,—это официальное сообщеніе! Лжи тутъ не можетъ быть. Это не фантастическія безконтрольныя бредни свободныхъ репортеровъ! Это не безсовѣстныя цетинскія извѣстія! Это официальные свѣдѣнія: видите? Это донесеніе по начальству.... Вы говорите о восьмистахъ убитыхъ солдатъ его величества, а мы вамъ отвѣчаемъ правдой, а именно, что вышло изъ строя всего сорокъ восемь человѣкъ! Вы утверждаете что его превосходительство Селимъ-паша бѣжалъ, а я утверждаю *напротивъ*, что онъ вернулся въ Гацко, исполнивъ побѣдоносно предположенное движеніе.

Эта настойчивая тактика Данишъ-эфенди имѣла нѣкоторый успѣхъ. Многие корреспонденты не покидавшіе Рагузы, и даже англійскій и французскій консулы, поддавались наконецъ этимъ усиленнымъ завъреніямъ, и составляли свои сообщенія подъ влияніемъ фантастическихъ реляцій мѣстнаго блюстителя турецкихъ интересовъ.

Мнѣ это надоело. Особенно неприятно было нахальное отрицаніе послѣдняго несомнѣнно крупаго успѣха. Я рѣшился немедленно отправиться въ горы и осмотрѣть подробно поле битвы (гдѣ, какъ извѣщалъ Пеко, оставались непогребенными всѣ турецкія тѣла), чтобъ имѣть возможность наблюденія на мѣстѣ. При этомъ я имѣлъ въ виду подкрѣпить будущее свое показаніе свидѣтельствомъ одного или двухъ лицъ не подозреваемыхъ въ пристрастіи къ Славянамъ.

Найти этихъ добровольныхъ свидѣтелей было далеко не легко. Свидѣтельство преданныхъ дѣлу людей не могло имѣть силы въ глазахъ предупрежденныхъ и равнодушныхъ, а тѣмъ болѣе у недоброжелателей. При этомъ, трудность путешествія, такъ какъ на этотъ разъ приходилось углубиться не на нѣсколько часовъ, а на нѣсколько дней въ самое сердце мрачной, безлюдной страны; имѣлось въ виду бороться съ тысячами лишеній, трудностей и опасностей

не говоря уже о стужѣ и свирѣлствовавшей обыкновенно въ то время года періодической непогодѣ.

Найти между равнодушными добровольца на такую прогулку, послѣ трехдневныхъ тщетныхъ поисковъ, оказалось немыслимымъ. Уже, *en désespoir de cause* я хотѣлъ отпра- виться одинъ, когда случай неожиданно помогъ мнѣ.

Придя вечеромъ домой измученный и усталый, я не от- кладывая болѣе занялся нѣкоторыми приготовлениями къ отъѣзду, такъ какъ пароходъ на которомъ мнѣ приходи- лось доплыть до мѣстечка Ризано въ Каттарской Боккѣ долженъ былъ придти въ Гравозу * ночью, и отплыть да- лѣе рано утромъ. Слѣдующій же пароходъ приходилъ толь- ко чрезъ три дня.

Собирая на столѣ письма и бумаги, я вдругъ увидѣлъ незнакомую мнѣ визитную карточку, оставленную вѣроятно въ мое отсутствіе:

Melton Prior

Illustrated London News.

На оборотѣ приписанъ карандашомъ рагузскій адресъ: *Hôtel de Miramar.*

Вотъ онъ можетъ быть мой „свидѣтель“, милѣндо у меня въ умѣ. Только-что пріѣхалъ, жаждетъ вѣроятно по- скорѣ увидѣть „инсургентовъ“; притомъ англійскій кор- респондентъ, слѣдовательно не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи, слѣдовательно легкокъ на подъемъ и не остановится предъ трудностями путешествія, слѣдова- тельно....

Нѣсколько минутъ спустя я уже стучался въ дверь указаннаго мнѣ нумера въ пресловутомъ отелѣ Мирамара, изображающемъ, впрочемъ болѣе чѣмъ неудачно, мѣстный *Grand-Hôtel*.

Прайдора я засталъ съ оружіемъ, то-есть съ карандашомъ въ рукѣ, усердно доканчивающаго нѣсколько эскизовъ на- бросанныхъ въ теченіе дня. Онъ объяснилъ на ужаснѣй- шемъ французскомъ языкѣ что хотѣлъ познакомиться со мною, что желаетъ очень присутствовать воочию при борь- бѣ и потому обратился къ турецкому консулу за *teskerè* **, намѣреваясь вѣхать въ „турецкій лагерь“, что *teskerè* свой онъ получитъ завтра утромъ и пр. и пр.

* Гравоза—портъ Рагузы, лежитъ въ трехъ верстахъ отъ послѣдней.

** Турецкій видъ для свободного проѣзда по странѣ.

Хотя послѣднія слова меня нѣсколько разочаровали, но, видя его желаніе не засиживаться въ Рагузѣ, я не потерялъ надежду отбить Англичанина у вкрадчиваго Данишъ-эфенди и сманить его ѣхать со мною.

— Послушайте, турецкіе солдаты въ походѣ, на бивуакахъ, въ сраженіи, картины турецкихъ городовъ и мѣстечекъ, портреты разныхъ лашей, все это сотни разъ уже появлялось во всѣхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и въ вашемъ въ томъ числѣ. Новаго вы почти ничего не найдете если отправитесь къ Туркамъ. Между тѣмъ есть другая сторона—инсургенты, совершенно еще новая и невѣдомая. Здѣсь вы найдете массы живописнѣйшаго, куріознаго, нетронутого еще матеріала. Для вашего журнала это была бы чистая находка.... Вы вѣдь не получили положительныхъ инструкцій отъ редакціи о томъ чтобы заняться именно Турками?

— Нѣтъ, я напротивъ совершенно свободенъ. Я сопровождалъ принца Вельскаго на *Сераписъ* *, когда въ Афинахъ пришла изъ „дома“ ** телеграмма приказывавшая мнѣ ѣхать сюда.... Я тоже думаю что было бы хорошо *крокировать* инсургентовъ, но вѣдь это невозможно....

— Почему же?

— Турецкій консулъ и англійскій тоже очень предупреждали меня остерегаться инсургентовъ. Они говорятъ что это чистые разбойники; ограбятъ, а то пожалуй и убьютъ, особенно меня, не знающаго ни слова по-ихнему.

Я принялся разубѣждать Англичанина, объяснилъ ему причину такихъ наговоровъ почтеннаго Данишъ-эфенди, объяснилъ что англійскій консулъ по *болѣзненному состоянію* *** и по тѣсной дружбѣ съ Данишемъ вторилъ за послѣднимъ совершенно бездоказательно. Наконецъ поручился честнымъ словомъ что, отправляясь со мною, онъ могъ быть со стороны инсургентовъ вполне спокоенъ за себя и за свое имущество. Словомъ, полчаса спустя мы уже находились въ магазинѣ братьевъ Бошковицъ—мѣстные братья Елисеевы—гдѣ Прайоръ, рѣшившійся отправиться со мною рано утромъ, закупалъ, какъ истый Англичанинъ, цѣлыя горы съѣдобнаго на дорогу.

* Пароходъ на которомъ принцъ Вельскій совершилъ путешествіе въ Индію.

** Англійскіе корреспонденты называютъ такъ свои редакціи.

*** Онъ былъ запоемъ. Теперь уже смѣняется.

II.

Въ шесть часовъ утра мы вѣхали въ *karrooz* на парохонъ.

Эти *karroozы*—четырехъ-и двумѣстные коляски запряженныя парой чахлахъ, но прыткихъ лошадедокъ, и съ кучеромъ непремѣнно въ красной фескѣ—служать преимущественно для рейсовъ между Рагузой и Гравозой, потому что въ самой Рагузѣ экипажей не полагается. Единственный способъ передвиженія производится по образцу пѣшаго хожденія, что впрочемъ вполне достаточно для города состоящаго изъ одной только улицы, *Страдоне*, въ полверсты длиною, и множества переулковъ вправо и влево со ступеньками.

Насколько я могъ судить по первому знакомству, лучшаго спутника нельзя было желать для предстоящаго путешествія.

Прайоръ изображалъ типъ практичнаго и методичнаго Англичанина. Онъ желалъ ознакомиться впередъ и обстоятельно со всѣмъ что отъ него потребуетъ физически и нравственно за время экспедиціи. Чрезвычайно наивный по самымъ простымъ вопросамъ отвлеченнаго порядка мыслей, поразительно несвѣдующій во всемъ стоящемъ внѣ его специальности, игнорирующий совершенно мѣстные условія, причины и прецеденты борьбы, законность или незаконность ея, онъ твердо зналъ только одно: пользоваться всѣмъ живописнымъ встрѣчающимся по дорогѣ, стараться возможно добросовѣстно передать на бумагѣ видимое и пытаться присутствовать при „интересныхъ событіяхъ“ для интересныхъ рисунковъ. У него не было и не могло быть какихъ-нибудь лицепріятій и предвзятыхъ мыслей, для него не существовало ничего кромѣ видимаго факта, и въ силу того это *видимое* онъ долженъ былъ передавать фотографически вѣрно и неукоснительно честно.

Такой свидѣтель былъ для меня кладъ.

Къ тому же онъ уже успѣлъ искутиться въ трудностяхъ походной жизни, совершивъ при англійской арміи всю кампанію противъ Ашантиевъ.

По наружности Прайоръ невзрачная фигурка маленькаго роста, довольно неуклюже сложенный, съ большою головою

изъ тѣхъ что называютъ *tête carrée*, рыжій, почти совершенно лысый, не смотря на свои двадцать восемь лѣтъ, выбритый по-англійски, т.-е. съ одними бакенбардами подрѣзанными *комлетками*. Замѣчательно что этотъ человѣкъ, заключающій все въ „пищѣ глаза“, страшно близорукъ, вслѣдствие чего неопредѣленные, блуждающіе, какъ у всѣхъ близорукихъ, зрачки его прикрыты золотыми очками сильнѣйшаго нумера. Одѣтъ онъ былъ, какъ и подобало Англичанину туристу, съ головы до ногъ въ „мелкую кавтку“.

Мы подѣхали къ пароходу разводившему пары.

На наше горе это была слишкомъ извѣстная всѣмъ плававшимъ нѣсколько разъ по Адриатическому морю, почтенная, сугубо почтенная *Австралиа*, кажется самый дряхлый изъ судовъ австро-венгерскаго Ллойда, извѣстнаго однако своею замѣчательною коллекціей морскихъ паровыхъ *бравоковъ*.

Самъ капитанъ, называвшій вѣренную ему каракатицу не иначе какъ *cette vieille carcasse*, сожалѣлъ о несчастныхъ поладавшихъ на нее.

— Это отчаянный ходокъ! замѣчалъ онъ пронычски.

И дѣйствительно, нетерпѣливаго спѣшащаго куда-нибудь пассажира *Австралиа* должна была доводить до отчаянія.

Палуба парохода была пуста, благодаря раннему часу и отвратительной погодѣ. На Гравозскомъ рейдѣ было еще довольно тихо, но на морѣ слѣдовало ожидать волненія.

Я поморщился, потому что былъ уже достаточно знакомъ съ *Австралией* чтобъ ожидать всякихъ удовольствій при такой погодѣ, и подѣлился своими мыслями насчетъ этого съ Прайоромъ.

— Какъ вы думаете, на сколько часовъ мы ояоздаемъ? спросилъ меня методическій Англичанинъ, уже разчитавшій возможно приблизительно время нашего прибытія къ инсургентамъ.

Мы поторопились укрыться отъ дождя въ каюту. Въ то время какъ мы спускались по лѣстницѣ, внизу послышался рѣзкій повелительный голосъ отдававшій приказаніе на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Такъ понимаете? на это вотъ—смотрите хорошенько!— вы приложите пятнадцатикрейцерную марку, а на это,—глядите! — десятикрейцерную.... Поняли? Ну такъ живо и не перемѣшайте смотрите!

Голосъ и тонъ показали мнѣ знакомыми. Я бросилъ взглядъ въ буфетную, гдѣ происходилъ разговоръ, и очень удивился, увидѣвъ нѣкогого г. Мяскова, личность которую часто встрѣчалъ въ Парижѣ, а здѣсь уже никакъ не ожидалъ встрѣтить. Хотя эта личность и не герой моего разказа, но не могу воздержаться чтобы не очертить эту своеобразную фигуру, замѣчательный типъ въ своемъ родѣ.

Пріѣхавъ лѣтъ пять назадъ въ Парижъ съ кой-какими деньжонками, онъ вообразилъ себя владѣющимъ Калифорніей или скорѣе ничего не вообразилъ, а по безпутности своей пошелъ жить „во всю“, не считая и не заботясь о будущемъ.

Это „во всю“ было довольно своеобразно. Кутежа и разгуда особеннаго тутъ не было. Мясковъ помѣшанъ былъ на другомъ, на представительности и на политикѣ. Представительность, шикъ, его заѣли. Онъ лаялся изъ силъ чтобы казаться выше, чтобы казаться чѣмъ-нибудь. Притомъ политика и политическіе люди производили на него неотразимое обаяніе, въ особенности парламентаризмъ, для котораго онъ, говоря неумолкаемый и хлесткій, считалъ себя рожденнымъ. Онъ захотѣлъ разыграть на даровщинку роль политическаго дѣятеля, приправляя такую роль тончайшимъ шикомъ и вмѣстѣ легкою клубничкой. Тутъ пошла хлестаковщина необычайная. Врать и завираться, на чужой сторонѣ, среди люда не имѣющаго понятія ни о чемъ кромѣ нѣсколькихъ кварталовъ Парижа, можно было всласть, до упаду, особенно когда при этомъ враньѣ приправлялось угощеніемъ.

Въ этотъ счастливый періодъ Мясковъ произведенъ былъ своими невзыскательными пріятелями въ графы. Въ разговоръ его слышалось: *mes propriétés, mes domaines, mes haras, mes forêts*, мои подольскія имѣнія, мои подмосковныя... все больше во множественномъ числѣ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такой жизни, гдѣ главную роль играло задаваніе шiku, Мясковъ долпнулъ, долпнулъ сразу, съ вечера на утро.

Когда второй или третій недѣльный счетъ въ отелѣ не былъ уплаченъ и ключъ отъ номера отказанъ Мяскову возвращавшемуся домой, несчастный очутился въ самомъ безпомощномъ положеніи. Въ карманѣ нѣсколько франковъ, вездѣ гдѣ только можно было уже перехвачено, имѣвшіяся

кой-какія цѣнныя вещицы находились у „тетки“, * и къ довершенію всего, остальное имущество конфисковано за неплатежъ въ отелѣ... Тутъ началось для него существованіе ужасное, „юрдонское“, по его выраженію.

Взяться за дѣло, найти исходъ въ трудѣ, у него не хватало силы духа, не взирая на то что человѣкъ не безъ способностей. Ему мѣшала хлестаковщина, прососавшая его до того что онъ наконецъ и самого себя постоянно морочилъ. Вездѣ онъ представлялся или развѣнчаннымъ грандомъ, или преслѣдуемымъ политическимъ тузомъ, или не понятымъ гениемъ; говорилъ, говорилъ безъ умолку и, понятно, производилъ на практичный, положительный людъ самое неблагоприятное впечатлѣніе. Кончалось обыкновенно тѣмъ что заявивъ невозможныя требованія, которыя тутъ же отклонялись, онъ лускался на дерзости и грубости.

— Гордая, широкая натура лугаетъ этихъ мерзавцевъ, утѣшалъ онъ себя въ такихъ случаяхъ.—Ну ужь попались они только!..

Себя онъ, разумѣется, ничуть не винилъ въ постигшей его катастрофѣ и сваливалъ все на судьбу, на безобразіе общественнаго строя, и на людей, главное на людей.

Онъ озлился на всѣхъ вообще и на каждого въ особенности. Богатство и роскошь выводили его изъ себя; видное положеніе, почетъ, талантъ, извѣстность приводили въ совершенное бѣшенство.

Онъ утѣшался нѣсколько и отходилъ, когда могъ кому-нибудь сдѣлать мерзость, въ особенности болѣе счастливымъ міра сего. Когда послѣднее ему удавалось, онъ млѣлъ отъ удовольствія и отъ избытка чувствъ дѣлился съ кѣмъ могъ своею радостью, разказывая невѣроятно цинично, съ ужимками, жестами и подпрыгиваніями о совершенной гадости.

При всемъ этомъ удивительная, необузданная страсть къ парламентаризму, къ версальскимъ засѣданіямъ, страсть дѣйствительная, заставлявшая его иногда отказываться отъ необходимѣйшаго, чтобы заплатить за проѣздъ до Версаля для присутствованія при какомъ-нибудь засѣданіи палаты.

Изъ себя онъ средняго роста, чрезвычайно узкій въ плечахъ—что придаетъ ему тщедушный видъ; руки, ноги, шея

* Chez ma tante—условное выраженіе у парижскаго люда чтобы выразить заложенное въ Mont de Piété.

худобы страшной; лицо худое, блѣдное, съ большимъ широкимъ лбомъ, всегда гладко выбритое, безъ малѣйшаго признака растительности; взглядъ неслокойный, нахальный, съ претензійей на глубину и фатализмъ; ротъ съ тонкими безцвѣтными губами, подвижной, ослабляющійся по-старчески, не взирая на то что Мяскову едва перевалило за тридцать.

Изъ тѣхъ фигуръ что кажется можно сшибить щелчкомъ. Чрезвычайно юркій. Лицо замѣчательно выразительно и подвижно. Въ разговорѣ постоянно сопровождаетъ рѣчь жестами рѣзкими, отрывистыми; до того жестикулируетъ, поясняя павтоминой разказываемое, что кто-то выразился будто онъ прежде „служилъ въ глухонѣмыхъ“.

Вотъ человекъ котораго, къ немалому удивленію, я увидалъ въ буфетной парохода отдающимъ приказанія рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ.

Мясковъ былъ въ жилетѣ безъ сюртука и передавалъ два письма пароходному *камериере*, т.-е. лакею.

Я не скажу чтобъ онъ особенно обрадовался увидавъ меня, но скрывъ тотчасъ же настоящія свои чувства подъ принужденною улыбкой, онъ подскочилъ стѣменя ножками, и пустился распространяться, съ ужимками и громкимъ рѣзкимъ смѣхомъ, о странностяхъ подобной встрѣчи.

— Куда это вы плывете? спросилъ я его.

— Да такъ.... въ эти мѣста, отвѣчалъ онъ съживъ губы и щурясь въ сторону.—Хочу посмотрѣть что тутъ дѣлается.

Это было сказано такимъ тономъ и съ такимъ видомъ что каждый долженъ былъ, мало того, обязанъ былъ догадаться о существованіи какой-нибудь другой, важной и скрытой цѣли, дипломатически замаскированной равнодушнымъ, незначащимъ и туманно неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

— А теперь вы куда же именно? спросилъ я не обращая вниманія на его налускную воздержность.

— Да думаю побывать въ Цетиньѣ, въ Рагузѣ, по окраинамъ....

Онъ остановился. Я не сдѣлалъ никакого замѣчанія.

— А за тѣмъ можетъ-быть дерну въ Константинополь, бракнулъ онъ вдругъ, посмотрѣвъ на меня пристально и многозначительно.

За Константинополемъ должна была слѣдовать околесная; и дѣйствительно послѣдовала стремительно и обильно.

Мясковъ сообщилъ мнѣ что ѣдетъ въ Герцеговину съ миссіей важною и секретною. „Отъ кого? Нѣтъ ужъ извините, батюшка, не скажу“, спросилъ и отвѣтилъ онъ за меня, хотя я не подалъ ни малѣйшаго повода предполагать что желаю знать чей именно онъ уполномоченный. Прибавилъ что сперва намѣренъ прослѣдить всѣ вѣти и свестись съ руководителями возстанія, имѣть въ виду собрать всѣхъ представителей, разъяснить имъ ихъ обязанности, сплотить все дѣло, расширить его и поставить на настоящую почву.... и пр. и пр.

Расходившійся Мясковъ вѣроятно еще долго бы разглаговетствовалъ, еслибы наша бѣда, или скорѣе его монодотъ, не былъ прерванъ: колеса парохода зашумѣли, явился *камеріере* за билетами, и въ каюту вошли дамы, при видѣ которыхъ Мясковъ юркнулъ въ уборную чтобы пріодѣться.

— Это актеръ? спросилъ меня совершенно наивно Прайоръ, сидѣвшій въ сторонкѣ за лорціей чая съ десяткомъ сэндвичей, и сидѣвшій внимательно, не понимая ни слова, за необычайною жестикуляціей Мяскова.

Черезъ нѣсколько минутъ насъ начало порядкомъ качать; лузатые борта дряхлой *Австрали* заскрипѣли и залищали; сверху слышались мѣрные раскаты чего-то грузнаго: стулья и скамейки стали выдѣлывать зигзаги съ паузами; посуда зазвенѣла въ буфетной; вислая лампа надъ общимъ столомъ пошла двигаться какъ маятникъ; въ дамской каютѣ слышались стоны, охи, ахи и удушливый кашель; *камеріере* съ тазомъ и лимонами засновалъ то въ ту, то въ другую сторону; пассажиры исчезли по каютамъ.

Мы вышли въ море.

III.

Отъ Гравозы до входа въ Бокку Катарскую, гдѣ никогда нѣтъ чувствительнаго волненія, путь дается въ хорошую погоду три часа, въ дурную часовъ пять-шесть.

Послѣ четырехъ часовъ пути я рѣшился высунуться на палубу чтобы справиться о пройденномъ разстояніи.

Погода была ужаснѣйшая; дождь налетавшій порывами стегалъ насъ въось. Калитанъ закутанный въ гутталерче-

вый плацъ съ башлыкомъ—*императу*, по-здѣшнему, стоялъ съѣжившись на кожахъ. и пытался справляться со своимъ несчастнымъ судномъ.

— Что, капитанъ, скоро Бокка?

Онъ только махнулъ рукой.

— Какая тутъ Бокка! Посмотрите-ка, вонъ сна еще тутъ, проворчалъ она указывая вправо, гдѣ кромѣ мглистаго дожда я ничего не могъ различить.

— Кто она?

— Да Рагуза *la bella!* чортъ ее побери.... Ни шагу почти не подвинулись впередъ: вѣтеръ намъ не подъ силу.

Оказалось что мы не прошли и семи верстъ за четыре часа. Это выходило уже совершенно безобразно.

— Что же мы будемъ дѣлать, капитанъ? не ждать же намъ здѣсь погоды!

— Я самъ это знаю! надо будетъ выждать въ *Bekkiu* *.

— Чего-же выждать? Не того, надѣюсь, чтобы вѣтеръ спалъ? Такъ вѣдь мы недѣлю можемъ выждать.

— Нѣтъ, это *Трамонта* **, долго не дуетъ. Къ вечеру навѣрно спадетъ.

— Когда же мы будемъ въ Боккѣ?

— Да въ такомъ случаѣ придется переночевать въ *Bekkiu*—ночью нельзя идти.... Если Богъ дастъ, завтра часовъ въ семь будемъ въ Кастельново, а въ девять въ Ризано.

— Это чортъ знаетъ что! Въмѣсто трехъ или пяти часовъ, болѣе сутокъ.... Что же вы дѣлаете съ нами, капитанъ?

— Не я дѣлаю, не такъ вы говорите. Скажите: компанія. Вотъ это другое дѣло.... На радость себѣ что ли я таскаюсь съ этой черепахой и слушаю каждый Божій день жалобы да нареканія отъ пассажировъ? Пять лѣтъ твержу одно: не пароходъ это, а дрызга, страмить только! Ничего не помогаетъ.... Все экономія! а не хотятъ того понять что эта экономія пожалуй дороже обходится: одного угля сколько сожжешь напрасно.

— Ну не сердитесь, прибавилъ капитанъ мягчайшимъ голосомъ, сойдя съ мостика и подойдя ко мнѣ.—Увидите,

---

* То-есть въ *Старой*. Сокращеніе *Рагузы Bekkiu* или *Старой Рагузы* (древній *Эпидавръ*), лежащій по прямой линіи верстахъ въ пятнадцать отъ Рагузы, на противоположномъ берегу залива.

** Названіе одного изъ вѣтровъ дующихъ въ Адриатикѣ.

все будетъ къ лучшему.... Мы лообѣдаемъ спокойно въ „тихой водѣ“; у меня вотъ какой *ястогъ* * приготоуленъ на обѣдъ.—Онъ разставилъ руки чуть-ли не на аршинъ.—И *барбоне* превосходныя. А если будетъ лунная ночь, мы придемъ и раньше и локойнѣе.... Посмотрите, вѣдь теперь это чистый госпиталь—всѣ пассажиры больны.

— Все это прекрасно; я знаю что вы милѣйшій человекъ, калитанъ, и нисколько не виноваты, но отъ этого не легче. Я тороплюсь очень.

— А что же? перебилъ онъ меня, пригнувшись ближе, не взирая на то что мы были совершенно одни.—Развѣ *тамъ* есть что-нибудь новаго?

Тамъ, значило Герцеговина, возстаніе.

Надо вамъ сказать что калитаны пароходовъ австро-венгерскаго Ллойда дѣлились на двѣ категоріи: на друзей и недруговъ славянскаго движенія. Средины, равнодушныхъ, не было; по крайней мѣрѣ мнѣ не случалось встрѣчать такихъ. Друзей и недруговъ между ними въ ту пору было приблизительно равное количество; я говорю: въ ту пору, потому что вѣсколько времени до возстанія, преданнѣйшіе „друзья“ оставили службу Ллойда по слѣдующему характеристичному случаю.

Когда совершился *дуализмъ*, то-есть когда Австрія превратилась въ Австро-Венгрію, коммерческій флагъ Имперіи подвергся также измѣненію, обогатившись зеленымъ квадратомъ, изображающимъ венгерскій національный цвѣтъ.

И что же? До того въ этой аномальной амальгамѣ претящихъ другъ другу національностей, называемой Австріей, сильна и живуча ненависть однихъ народностей къ другимъ, что всѣ калитаны и помощники ихъ, принадлежавшіе къ славянской національности, имѣвшіе малѣйшую возможность приткнуться въ другомъ мѣстѣ, бросили службу компаніи, не чувствуя себя въ состояніи переварить на „своемъ“ флагѣ венгерскаго придатка.

Такъ какъ Далматскіе и Иллиріѣцкіе Славяне, считающіеся лучшими моряками въ Австріи, составляли почти весь мореходный персоналъ австро-венгерскаго Ллойда, то пришлось замѣстить ушедшихъ исключительно Мадырами и Итальянцами, потому что Нѣмцевъ между

* Омаръ по-здѣшнему.

моряками коммерческаго австрійскаго флота вѣтъ совершенно.

Оттого эти крайности симпатій и антипатій капитановъ плававшихъ въ здѣшнихъ водахъ: Славяне были наши друзья преданные, старались помочь и оказать услуги по мѣрѣ возможности, иногда даже подъ страхомъ серьезной ответственности за нарушение правительственныхъ распоряженій и компанейскаго устава; Мадыары и левантійскіе Италіянцы, напротивъ, дѣлали гдѣ могли затрудненія, придирались ко всему, ябедничали на своихъ славянскихъ товарищей, трунили и лодымали на смѣхъ возставшихъ, когда чувствовали себя поддержанными, что выпадало на ихъ долю въ этихъ мѣстахъ не часто, и даже занимались шпіонствомъ, сообщая въ Антивари, первомъ турецкомъ портѣ послѣ Далматіи, о слышанномъ и развѣданномъ въ „водахъ возстанія“, то-есть отъ Цары до Будуи.

Капитанъ *Австрали* принадлежалъ къ „друзьямъ“, что заставляло отчасти переваривать его несчастную карака-тицу. Вопросъ его о происходящемъ тамъ не былъ дѣломъ простаго любопытства, тутъ чувствовалось искреннее участіе.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я ему,—ничего нѣтъ особеннаго новаго, по крайней мѣрѣ я не слышалъ.

— Ну, не секретничайте; зачѣмъ это между нами?

— Да съ какой стати мнѣ секретничать?

— Ну ужъ!... Знаемъ вѣдь и мы тоже кой-что...

Онъ хитро подмигнулъ глазомъ, и послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ съ укоризной въ голосъ:

— Вотъ вы жалуетесь на остановку и сердитесь, а господинъ делегатъ такъ тотъ ни слова, терпите.... А ужъ кому какъ не ему торопиться пріѣздомъ.

— Какой делегатъ, капитанъ?

— Ну, ну, будто вы не знаете, отвѣтилъ онъ съ значительною усмѣшкой.—Говорили съ нимъ часъ битый, а теперь хотите меня увѣрить....

Я догадался. Дѣло шло о Мясковѣ; онъ изложилъ, по всему вѣроятію, цѣлый ворохъ вранья за свое четырехдневное плаваніе на пароходѣ. *

— Зачѣмъ обижать старика, продолжалъ простодушный добрякъ.—Вѣдь знаете что свой.... Пригожусь еще.

---

* Пароходы Ллойда приходятъ изъ Триеста въ Рагузу на третій или четвертый день.

Мнѣ стало досадно на нахада поставившаго меня, правда неумышленно, въ непріятное положеніе предъ этимъ добрымъ и полезнымъ человекомъ. Сказать же капитану насколько можно было вѣрить фантастическимъ розказнямъ Мяскова я считалъ бесполезнымъ и неудобнымъ: разуверить его въ его упрямомъ убѣжденіи мнѣ вѣроятно бы не удалось, и онъ только счелъ бы меня за человека рѣшающагося на самыя неблаговидныя средства для скрытія истины.

— Я васъ не появляю, капитанъ, поспѣшилъ я сказать пожимая ему руку.—Вы вѣроятно говорите о господинѣ Мясковѣ.... Я съ нимъ дѣйствительно знакомъ, но даю вамъ слово что не знаю, делегатъ онъ или нѣтъ, и чей.

Старикъ посмотрѣлъ на меня недоувѣрчиво.

— Вы можетъ-быть не знаете именно делегата *Мяскова*, а кого-нибудь *другаго* кто скрывается подъ этимъ именемъ, настаивалъ онъ хитро улыбаясь.

Экая безшабашная лустая голова этотъ Мясковъ! подумалось мнѣ. Онъ должно-быть выдаетъ себя тутъ за другаго.

И такъ мнѣ показалось смѣшно это, происходящее въ дѣйствительной жизни, новое воплощеніе Хлестакова что я разсмѣялся.

Добродушный капитанъ былъ видимо доволенъ эффектомъ произведеннымъ своими словами, понявъ мой смѣхъ по своему, то-есть какъ сознаніе изобличеннаго человека.

Меня заинтересовало однако узнать за кого выдавалъ себя Мясковъ, такъ какъ нѣсколько времени назадъ былъ уже такой случай: одинъ изъ иностранныхъ волонтеровъ явившихся въ Герцеговину при самомъ началѣ возстанія вздумалъ было выдавать себя за Карагеоргиевича.

— Кто же такой по вашему господинъ Мясковъ на самомъ дѣлѣ, капитанъ? скажите пожалуйста.

Онъ принялъ серьезный видъ.

— Я можетъ-быть не хорошо постулаю что разспрашиваю васъ, хотя, вы знаете, не дѣлаю это съ какимъ-нибудь злымъ умысломъ; можетъ-быть, такъ какъ секреты не ваши, то вы и хорошо дѣлаете что не высказываетесь.... но позвольте же вамъ сказать что мы всѣ знаемъ отлично *настоящее* дѣло.... Мы всѣ знаемъ что Россія помогаетъ теперь Герцеговинцамъ, какъ поможетъ и всѣмъ другимъ

Славянамъ когда придетъ время.... Чтѣ бы они дѣлали безъ Россіи? пропали бы вы за чтѣ!... Вы и не говорите мнѣ и не увѣряйте напрасно.... Вотъ вы тутъ, на примѣръ, вѣдите какъ корреспондентъ, а вы между тѣмъ не корреспондентъ, я это навѣрно знаю; вы только зоветесь такъ. И про оружіе, и про деньги которыя Россія посылаетъ, мы тоже знаемъ про все!... И какъ вы хотите,—продолжалъ онъ горячась все болѣе и болѣе,—чтобы мы повѣрили тому что *Россія* тутъ безучастна, когда *этого не можетъ никакъ быть, никакъ*, простой здравый смыслъ говорить что *никакъ!*

И это говорилось въ то время когда у насъ едва смѣли мыслить о сборахъ для вспоможенія разоренныхъ герцеговинскихъ семействъ—нѣчто въ родѣ сбора на погребеніи! когда и рѣчи не могло быть о какой-либо помощи воюющимъ, когда нѣкоторые изъ нашихъ заграничныхъ представителей дѣлали все возможное чтобы заглушить раздавшійся, наконецъ, послѣ вѣковыхъ мученій, вопль отчаянія нашихъ братьевъ, когда Герцеговинское возстаніе выставлялось умыленно какъ возрожденіе какой-то коммуны и отрицалась *народность* Герцеговинскаго движенія!

IV.

Часамъ къ двумъ мы добрались наконецъ до „тихихъ водъ“ Рагузы-Веккии, сдѣлавъ такимъ образомъ двадцать съ чѣмъ-то верстъ за восемь часовъ плаванія. На древнихъ триремахъ ходили вѣроятно съ подобною же скоростью, но для 1875 года, принимая даже въ разчетъ безнаказанность монополіи востро-венгерскаго Ллойда, это было уже со-всѣмъ несообразно.

Въ маленькой, отлично укрытой бухтѣ Рагузы-Веккии или Цастава (перваго названія упорно держатся Италіяны, втораго—не менѣе упорно Славяне), ничтожнаго, захудалаго, умирающаго мѣстечка, нѣкогда богатаго промышленнаго города,* мы избавились отъ качки и непріятной ея слутницы, не пощадившей, какъ кажется, никого изъ пассажировъ кромѣ Прайора и меня.

---

* Epidaurus.

Камеріере со своимъ помощникомъ быстро накрылъ столъ, сталъ звонить къ обѣду, и черезъ нѣсколько минутъ, одинъ за другимъ, стали появляться, пошатываясь и расправляясь, немногочисленные пассажиры непрекраснаго пола, съ блѣдными вытянутыми лицами. Вышелъ и Мясковъ, разбитый совершенно, зеленый, съ вылученными глазами.

Делегатъ пристѣлъ ко мнѣ въ ожиданіи обѣда и сталъ разносить вся и всѣхъ: пароходы, море, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ въ Далматіи, сонливость мѣстнаго населенія, и пр. и пр.

— Проклятая качка, продолжалъ онъ,—не даетъ писать. Сообщеній пропасть и слѣшныхъ, нужныхъ. На привалахъ писать рѣшительно некогда: сношенія, свиданія, передача инструкцій... Одно время — на ходу, а тутъ качка, а *тамъ* ждутъ.

— Гдѣ *тамъ*?

— *Тамъ*.

— Что жь, это секретъ?

— Пока, да.

Зная характеръ Мяскова, мнѣ показалось несомнѣннымъ что таинственные *тамъ* и *они* — мины, иначе малый давно бы уже высказался.

— Вы, знаете, брякнулъ я ему вдругъ,—что васъ тутъ принимаютъ за другаго?

Онъ на мало ни смутился, и принялъ только удивленный видъ.

— Да? за кого-же? вамъ сказали? спросилъ онъ бросивъ на меня быстрый пыливый взглядъ.

— Нѣтъ, но подозрѣваютъ что вы русскій агентъ.

Онъ громко и провозительно захохоталъ, ёжась и покачиваясь.

— Не правительственный ли!... Вотъ это прелесть! Я, и казенная агентура! Чудесно, неправда ли?... Вы ихъ разувѣрили конечно?

— Я говорилъ съ однимъ только капитаномъ. Онъ мнѣ это сказалъ.

— Ну а что же вы?

— Я ему отвѣтилъ конечно что не знаю за вами никакого делегатства, и что вы дѣйствительно господинъ Мясковъ и не кто-нибудь другой.

— Отлично!... Ну а онъ? спросилъ Мясковъ уже съ нѣкоторою тревогой въ голосъ.

— Онъ кажется не подтвердилъ мнѣ.

Мясковъ прояснилъ и видимо успокоился.

— Знаете что, заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія;—подають обѣдать. Мы сейчасъ сядемъ за столъ..... Не будемъ говорить при всѣхъ объ инсurreкціи.... Чортъ ихъ знаетъ, кто такіе; еще пожалуй шлюны какой-нибудь есть между ними.... Будемъ говорить о постороннихъ вещахъ.

За обѣдомъ Мясковъ сначала былъ, что называется, не въ своей тарелкѣ. Калитанъ и пассажиры величали его все время „господиномъ делегатомъ“, при чемъ онъ каждый разъ бросалъ искоса взглядъ въ мою сторону чтобъ уловить выраженіе лица; но вскорѣ вѣроятно успокоился на мой счетъ, природа взяла свое, и онъ пустился ораторствовать, избѣгая однако затрогивать все касающееся Герцеговинскаго возстанія.

Пришлоренный, улоенный внимательною аудиторіей обѣдающихъ, онъ разошелся во всю. Тутъ было и гражданское негодованіе оттъненное мелодраматическими жестами, и скорбь, причемъ лицо его выражало безграничную грусть, губы сдергивались трагически концами книзу, а взоръ, страдальческій и мутный, виталъ неопредѣленно въ пространствѣ; и „развитіе идей“, причемъ жесты дополняли и безъ того замѣчательную образность рѣчи.

— Выникаемъ глубже въ вопросъ. Для этого, упрѣстимъ его, господа, возьмемъ такъ-сказать скелетъ дѣла, единую остеологическую его структуру, разчистимъ его изъ-подъ готическихъ наслоеній.... Да вотъ, лучше всего: представьте себѣ артишокъ....

При этомъ, изображеніе сведенными вмѣстѣ пальцами формы артишока.

— Что мы видимъ? Что? колючки, листья, жесткость, терлкость... Ничего не говоритъ вамъ вещь, колется и больше ничего. А если мы его возьмемъ вотъ такъ и станемъ щипать...

Изображеніе щипанія листьевъ артишока.

— И щипать, и щипать, и чистить, и перебирать....

Голосъ начинается возвышаться, чувствуется подымающееся раздраженіе.

— Когда мы сорвемъ всѣ эти безобразныя оковы, ненужныя атрибуты, когда мы избавимъ плодъ отъ калпризной готической амплификаціи природы, то получится что?

Последнія слова рѣзко и быстро, почти грозно.

— Получится наконецъ сердцевина....

Изображеніе ладонью сердцевины, и свѣтлая улыбка.

— Простая, сочная, вкусная, питающая, полезная сердцевина!

И все такъ. Это была цѣлая мимическая поэма.

Публика была повидимому чрезвычайно довольна ораторомъ и слушала его молча, выпуча глаза. Прайоръ, ловимая изъ девяти словъ на десятое—разговоръ шелъ по-французски—смотрѣлъ на разнузданнаго Мяскова какъ на даровое представленіе. Старикъ капитанъ восхищался болѣе слововерткостью, необычайными оборотами и въ особенности образными сравненіями „господина делегата“, не вникая кажется далѣе въ смыслъ рѣчи.

— Знаете что, обратился по-русски ко мнѣ Мясковъ, закуривая папиросу и прихлебывая кофе,—мнѣ нужно было бы переговорить съ вами на счетъ кой-чего.... Вы вѣдь теперь къ инсургентамъ ѣдете?

— Да.

— Такъ-таки прямо въ горы?

— Да.

— Скажите мнѣ пожалуйста ваше мнѣніе объ этомъ возстаніи.

— Мнѣніе въ какомъ отношеніи? серьезное ли это движеніе или нѣтъ? есть ли надежда? вы это хотите сказать?

— Нѣтъ. Такія движенія *дѣлаютъ* серьезными или не серьезными.... Это зависитъ отъ рукъ въ какія они попадаютъ, оборвалъ меня Мясковъ докторальнымъ тономъ.— Нѣтъ, я не то хочу знать. Вы мнѣ скажите вотъ что: запустилъ здѣсь кто-нибудь лалу, или нѣтъ? Я особенно интересуюсь этимъ, капитальнымъ пунктомъ.

— Почему же васъ такъ интересуетъ этотъ „капитальный пунктъ“?

— А вотъ почему: если дѣло тутъ настоящее, если они подыались чувствуя сами пробужденіе свободной гражданственности, то это прекрасно — работа моя упрощена на пятьдесятъ процентовъ; если же они подыались просто по наказу, то прежде придется еще учинить надъ ними, такъ-сказать, предварительную операцію. Я получилъ очень важныя, конечно секретныя, сообщенія относительно роли которую играетъ во всемъ этомъ Черногорія.... Я по всему замѣчаю что лалу-то запустила должно-быть она.

— То-есть что она помогаетъ герцеговинскимъ семействамъ укрывшимся у ней, и не перехватываетъ возставшихъ? Да какъ же вы хотите чтобъ она оставалась равнодушною при видѣ страданій своихъ единокровныхъ, и не помогла бы имъ?

Мясковъ скорчилъ скелтически сострадательную, ядовитую улыбку.

— „Осталась равнодушною“, „страданія“, „единокровные братья“, „спасеніе погибающихъ“! оставимъ эти нѣжности. Это вѣдь хорошо въ литературѣ.... Я и та группа которой я представитель смотримъ на дѣло такъ: Первое, запросъ инсургентамъ: Свободы хотите или присоединенія?.... Отвѣтъ: свободы! безусловной свободы! Мы и будемъ дѣйствовать сейчасъ же въ этомъ смыслѣ: общее собраніе, выборное начало, провозглашеніе временнаго правительства, исполнительный комитетъ, разрѣшеніе соціальныхъ задачъ, провозглашеніе правъ человѣка, выясненіе нормальныхъ отношеній индивидуума къ обществу, увѣдомительныя ноты правительствамъ, и пр. и пр. и пр.... А отвѣтять они, — Мясковъ приподнялся и низко, убого поклонился, съ забитою гаулою улыбкой. — А отвѣтять они: Присоединиться, батюшка, хотимъ къ этой самой Черногоріи.... А, въ такомъ случаѣ дѣйствовать придется иначе. Планъ готовъ и для этого казуса: Черногорія здѣсь что? ретроградное начало, деспотизмъ, преграда, тормазъ!... Слѣдовательно, прочь его съ дороги; слѣдовательно, сбить его надо на сторону!... Пропаганду въ ходъ, разъяснить этому мужичью настоящее дѣло, представить возможность немедленнаго освобожденія... при этихъ событіяхъ это не большого труда будетъ стоить.... А затѣмъ ужъ дѣло пойдетъ какъ по маслу: собрать народъ въ избирательные комитеты, то что у насъ во Франціи называется *comices électoraux*.... Сейчасъ почувствуется что дѣло поставлено на серіозную ногу!... Затѣмъ, заставить избрать семь или восемь—больше не нужно—членовъ, которыхъ тотчасъ же подъ салогъ. Принимаемъ мѣры обороны, и заявляемъ. Сливаемся съ возстаніемъ, и заявляемъ. Провозглашаемъ временную диктатуру, и заявляемъ. Назначаемъ свое временное правительство, и заявляемъ.... Тотчасъ же все заявляемъ нотами. Тогда посмотреть!...

Я слушалъ внимательно этотъ вздоръ. Меня интересовало одно: самъ ли онъ вбилъ себѣ въ голову всю эту ахинею и

явился делегатомъ своей собственной персоны, выдавая себя для лучшей важности за посланнаго цѣлою группой дѣятелей, или же въ самомъ дѣлѣ нашлась сумасбродная клика взявшаяся такъ разумно содѣйствовать начинающему возстанію. Зная обстоятельства въ которыхъ находился Масковъ въ Парижѣ, трудно было представить чтобъ онъ принималъ такое путешествіе на собственный коштъ.

Появленіе такого удивительнаго „делегата“ было видимому въ связи съ тѣми неаппетитами какія распускались о Герцеговинскомъ возстаніи въ первые его мѣсяцы. Французскія газеты извѣщали что во главѣ движенія стоятъ французскіе коммунары 1871 года, упоминались даже имена братьевъ Мэ, Гальяра и пр.; нѣмецкія, а главное австрійскія анти-славянскія газеты говорили о чисто-демагогическомъ характерѣ возстанія, инсинуировали что это движеніе социалистическое, и что чуть ли не всѣ племенныя Интернаціоналки съѣхались въ Герцеговину чтобъ изъ этого забытаго уголка разлить пожаръ по Европѣ; италіянскія и французскія клерикальныя газеты указывали, между прочимъ, на наплывъ „Гарибальдйскаго сброда“ въ Герцеговину и Далматію какъ на доказательство искусственности движенія и его демагогическаго характера. Туркофильскіе органы, нѣкоторые изъ англійскихъ журналовъ (напр. *Daily Telegraph*, *Standard*), вѣнская *Neue Freie Presse*, мадьярская *Pester Lloyd* и другія, пользовались почти исключительно сообщеніями турецкихъ консуловъ, которые разумѣется раскусили всѣ выгоды представленія чисто народнаго движенія въ ложномъ социалистско-космополитическомъ освѣщеніи.

Съ другой стороны, нѣсколько разноплеменныхъ авантюристовъ появившихся въ первыхъ бандахъ, а также положеніе глухо-враждебное Черногоріи, принятое Любиградичемъ, окружившимъ себя, „интеллигентнымъ персоналомъ“ состоявшимъ почти исключительно изъ италіянскихъ, французскихъ и австрійскихъ проходимцевъ, все это по видимому до нѣкоторой степени оправдывало вышедшій слухи. О настоящемъ возстаніи въ первую пору не имѣли понятія, такъ какъ оно происходило внутри страны куда никто не рѣшался заглядывать. Народъ дрался себѣ въ горахъ, ломышляя не о программахъ, а только объ одномъ: отбиться и освободиться отъ лютаго врага. Рѣдкихъ иноплеменныхъ волонтеровъ, рѣшившихся

проникнуть въ глубь страны, онъ принималъ радушно въ свои отряды, но не сближался съ ними и не внималъ никакимъ политическимъ инсинуаціямъ.

Къ началу ноября (1875) много изъ напыливаго „инсurreкціонно-интеллигентнаго“ люда исчезло изъ Герцеговины и окраинъ. Не видя для себя выгодъ въ такой странѣ гдѣ прожить было нечѣмъ, не находя послушныхъ прозелитовъ въ возставшихъ, и видя что послѣдніе все болѣе и болѣе чуждались своихъ непрошенныхъ наставниковъ, космополитическая интеллигенція отправилась искать счастья въ другихъ мѣстахъ.

Въ такую неблагоприятную для своихъ плановъ минуту явился несчастный Мясковъ.

Разговоръ нашъ прекратился, и на этой почвѣ не возобновлялся болѣе за остальное время нашего пребыванія на пароходѣ. Разъ только Мясковъ попытался повернуть рѣчь на свою организацію благосостоянія Черногоріи.

— Я много думалъ, сказалъ онъ. — Я вижу, имъ особенно нужны серіозные аграрные законы, конечно рядомъ съ другими реформами.

— Аграрные законы?!

— Разумѣется.

— Когда почти вся страна занимается скотоводствомъ? отвѣтилъ я стараясь сохранить серіозный видъ.

— А луга? вы забываете это важное условіе....

— Они посылаютъ скотину пастись въ горы.

Я не могъ удержаться отъ смѣха. Мясковъ, очень недовольный, отошелъ и больше не заикался о реорганизаціи турецко-славянскихъ земель.

V.

На слѣдующее утро, часамъ къ семи, пришли мы въ Ризано.

Дождь продолжалъ лить какъ изъ ведра, такъ что на этотъ разъ всѣ прелести Каттарской Бокки пропали для бѣднаго Прайора, который, основываясь на моихъ словахъ, приготовился было набросать *кроки* этихъ дивныхъ видовъ. Англичанинъ былъ тѣмъ болѣе въ отчаяніи что не предвидѣлъ возможности послать вскорѣ рисунки своему журналу.

Видъ съ лалубы представлялся грустный и угрюмый.

Густые облака лежали низко, гораздо ниже гребней горъ окружающих насъ со всѣхъ сторонъ. Впереди, черноватая стѣна исчезающая въ темныхъ тучахъ. У подножія этой мрачной громады съ полсотни каменныхъ домиковъ, съ виду налѣпленныхъ другъ на другъ и скученныхъ тѣсно, боязливо, будто страшась грознаго сосѣдства огромныхъ глыбъ нависшихъ со всѣхъ сторонъ надъ маленькимъ городкомъ. Ближайшіе домики вытѣзаютъ собою на воду, поставленные переднюю частью на сваи и каменные устои. Миниатюрная набережная въ нѣсколько аршинъ шириной. Пять-шесть далматскихъ барокъ и нѣсколько лодокъ привязанныхъ къ сваямъ торчащимъ изъ воды вдоль набережной.

Во всѣ другія стороны куда ни взглянешь, направо, налѣво, назадъ, вездѣ проглядывала по временамъ сквозь дождь та же сплошная черняющая стѣна горъ упирающаяся въ тучи.

Мы съ Прайоромъ высадились на берегъ.

— Послушайте! такъ я на васъ вполне разчитываю! Ни слова обо всемъ говоренномъ.... Вы дали слово! закричалъ мнѣ Масковъ когда я спускался по трапу. Масковъ долженъ былъ высадиться въ Каттаро.

— Вамъ вѣдь ужъ сказано что можете быть спокойны!

— Ну да, ну да, знаю; я это только такъ для памяти.... Да кстати, я какъ высажусь, мѣняю имя, лучше будетъ. Я хочу назваться: Алеко.... просто, Алеко.... Какъ вы находите? хорошее имя? *C'est local*....

— Отличное! закричалъ я ему чтобъ отвязаться.

Пока мы отчаливали, Масковъ продолжалъ кричать, но слова уже не долетали до насъ, и наконецъ, неизвестно почему, показалъ рукой масонскій знакъ.

— *Mon ami*, обратился ко мнѣ совершенно серьезно Прайоръ слѣдившій въ недоразумѣніи за Масковымъ, — неужели это не актеръ?

— Да вѣтъ же, отвѣчалъ я смѣясь, — я вамъ уже сказалъ.

— Какъ жаль! продолжалъ Прайоръ съ убѣжденіемъ.

— Почему же?

— Чтò за мимикъ! И все это пропадаетъ такъ, даромъ. Отличныя бы деньги могъ зарабатывать и извѣстность бы получилъ....

Городокъ уже давно проснулся. На крошечной площади, составляющей вѣчто въ родъ уступа у лѣваго конца набережной, происходило необычайное движеніе, не смотря на отвратительную погоду.

Нѣсколько десятковъ маленькихъ горскихъ лошаденокъ и *мазгъ* (муловъ), навьюченныхъ сърыми мѣшками, занимали часть площади. Вокругъ суетились крича немилосердно и перебраниваясь человекъ двадцать логовщиковъ изъ „Поморянъ“ (прибрежныхъ жителей). Тутъ же, мѣрно и важно расхаживали нѣсколько Черногорцевъ въ грязныхъ *бѣлочкахъ*, черныхъ *капахъ* и безъ оружія, что производило странное впечатлѣніе, до того глазъ привыкъ видѣть при этомъ платья всегда оружіе.

Черногорцы не имѣютъ права появляться вооруженными на австрійской территоріи; съ другой стороны, по своимъ обычаямъ, они ходятъ всегда при оружіи, а по существующему закону не могутъ отлучаться безоружными болѣе чѣмъ на часъ разстоянія отъ своего жилища. Поэтому они обыкновенно расстаются на самой границѣ, и крайне нехотя, со своими неразлучными друзьями, *пушкой* (ружье) и кинжаломъ. Оружіе хранится, до ихъ возвращенія, или въ австрійскомъ таможенномъ домикѣ или у кого-нибудь изъ знакомыхъ пограничныхъ поселенъ.

Мѣрно разгуливавшіе Черногорцы присматривали повидому за навьючкой коней и мазгъ.

Въ другомъ углу площади стояла толпа человекъ въ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ въ лохмотьяхъ. Мужчины истощеннаго вида, страшно загорѣлые, почти черные, въ однихъ рубахахъ съ широко раскрытымъ воротомъ; грудь ихъ черная, морщинистая, покрытая густо волосами, обнажена почти по поясъ; широкія *гачи* (шаровары) изъ толстѣйшей ларусины нѣкогда бѣлой, доходящія до коленъ, ободранныя и протертыя; красный широкій поясъ, дыравые невыразимо засаленные *чаранты* (шерстяные чулки) и сбитыя, проквашенныя въ слякоти *опанки* (лапти изъ бараньей шкуры); на головѣ, у однихъ грязнѣйшія красныя шалки въ родѣ турецкаго феса, у другихъ красные пояса скрученныя и обмотанныя чалмой. Женщины въ неменьше засаленныхъ ларусиновыхъ продранныхъ рубахахъ и такихъ же юлкахъ; на головѣ красныя шалки и черныя повязки въ родѣ платка.

Эта жалкая толпа, отъ которой вѣяло горестью, заботостью, ужасающею нищетой, страшною безпомощностью, молчаливо стояла туло поглядывая по сторонамъ и будто чего-то ожидая. Несчастные едва прикрыты своимъ ру-

бищемъ, не обращали вниманія на холодъ и непогоду, и стояли по щиколку въ грязи.

То были Герцеговинцы укрывшіеся въ Черногоріи и посланные въ Ризано за полученіемъ провіанта для своихъ семействъ.

По недостатку перевозочныхъ средствъ, Черногорское правительство было вынуждено возложить доставку продовольствія на самихъ потребителей, вслѣдствіе чего, по два раза въ недѣлю, въ Ризано и нѣкоторые другіе пункты являлись посланные отъ ближайшихъ герцеговинскихъ ко-чевокъ за *кукурузкой*.

Это тяжелое и прѣсное до приторности тѣсто, испеченное плоскими четырехфунтовыми хлѣбами, составляло въ то время единственную пищу бѣжавшихъ герцеговинскихъ семействъ.

Въ Ризано я зналъ отличнаго человѣка, чрезвычайно усаужливаго и всею душой преданнаго славянскому дѣлу, купца Илью Радовича. Онъ былъ, что называется, золотымъ человѣкомъ для отправляющихся въ горы: находилъ лошадей, торговался съ эксплуататорами, далматскими Поморянами, промысляющими наймомъ верховыхъ коней до Грахова и обыкновенно „сдирающими шкуру“ съ новичковъ-путешественниковъ, притягивалъ на себя скучную заботу заготовленія съѣстной провизіи на дорогу, и пр.

Окинувъ бѣглымъ взглядомъ площадь, мы послѣдними укрылись отъ дождя въ *гостиницу* считающейся мѣстнымъ *Café Anglais*.

Маленькій одноэтажный домъ плачевнаго вида выходящій угломъ на площадь; надъ входомъ черная доска съ упомянутою надписью и полцѣявшимъ изображеніемъ какой-то страшно усатой головы въ черногорской шалкѣ; полъ вровень съ улицей, вслѣдствіе чего высочайшій порогъ, нѣчто въ родѣ платформы отъ уличной грязи; прилавокъ съ графинами *сливовицы* (водка), бутылками пива и кувшинами вина; направо маленькая билліардная съ продранымъ и затасканнымъ до невѣроятія билліардомъ,—такова главная *гостиница*, или *траптория*, или *алберга* Ризано.

Тамъ я нашелъ цѣлое общество знакомыхъ сидѣвшихъ за *кавою* (кофе): Илью Радовича, черногорскаго сенатора Матановича, прѣзжавшаго для наблюденія за выгрузкой и отправкой въ горы муки и сухарей, другаго Матановича

исполнявшаго должность надзирателя за раздачей хлѣбнаго пособія Герцеговинцамъ, и одного русскаго волонтера.

Отъ Матановича я узналъ о движеніи Реуфъ-паши изъ Гацко къ Никшичу. Пришедшій только-что посланный изъ горъ сообщалъ что паша двинулся два дня предъ тѣмъ, что ожидается битва, что къ Лазарю (Сочицѣ) оставшемуся у Пивы слѣзать другіе отряды, и пр.

Мы съ Прайоромъ очень обрадовались этимъ извѣстіемъ.

— Итакъ, вскричалъ Прайоръ, — мнѣ наконецъ удастся срисовать самую битву! Это великолѣпно! Поѣдемте сейчасъ не теряя ни минуты... Только вотъ что, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія и нѣсколько охлажденнымъ голосомъ, — насъ вѣдь не заставятъ, топ ами, принять участіе въ сраженіи?

Я его успокоилъ насчетъ этого, и мы не теряя ни минуты стали собираться въ дальнѣйшій путь. Радовичъ принялся было насъ уговаривать не лускаться въ горы по такой погодѣ и предлагая выждать въ Ризано пока не перестанетъ ливень; онъ даже, по добротѣ своей душевной, вздумалъ было увѣрить меня что теперь ни лошадей ни проводника нельзя будетъ найти, но видя что всѣ эти невинныя хитрости ни къ чему не ведутъ, онъ кончилъ тѣмъ что отправился на поиски, съ обѣщаніемъ часа черезъ два приготовить намъ все къ отъѣзду.

Въ десять часовъ мы выѣзжали изъ Ризано, при еще болѣе ужасной погодѣ: дождь продолжалъ лить ливнемъ, а въ горахъ слышались частые раскаты грома—къ дождю присоединилась гроза.

Мы достали двухъ верховыхъ горскихъ лошадей, мула для вещей и проводника Поморянина. Онъ долженъ былъ доставить насъ только до Грахова, гдѣ намъ предоставлялось пріискать самимъ средства для дальнѣйшаго пути. Я зналъ что въ Граховѣ будетъ очень трудно найти лошадей, и предлагалъ Поморянину нанять его коней на весь путь, но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

— Помилуй, *господине*, — отвѣчалъ онъ упорно, — *чушиш* (слышишь) *битка* (битва) будетъ, *велика* битка, *кажетсѣ* (говорить) воевода *... Не будь коней—другое дѣло, а бы пошелъ съ вами, а то съ конями нельзя—поранить могутъ.

— Да ты же говоришь что одинъ пошелъ бы съ нами

* Матановичъ.

въ битку. Тебя развѣ не могутъ поранить? За коней ты боишься, а за себя нѣтъ?

— Разумѣется, кони мои каждый по пятидесяти дукатовъ малъ-мало стоятъ. Не пропадать же имъ!

— А себя ты значить цѣнишь дешевле?

— Я *ништа* (ничего). Мы, господине мой драгій, и такъ пойдемъ безъ *новаца* (безъ денегъ) съ Турчиной драться. Не въ первой, *Богамъ!* (ей Богу)... Я *зерна* (пули) не боюсь, ну а кони друга *стварь* (вещь)... Хочешь, купи, господине, ну и забирай ихъ въ битку, а такъ, *Богамъ!* хоть ты мнѣ по пяти дукатовъ въ день давай, нельзя... *Мазгу* такъ и быть дамъ поденно, а самъ пойду съ *пушкой*.

Поморяне не отличаются храбростью и отвагой, и стоять очень не высоко во мнѣнїи славянскихъ горцевъ; поэтому не взирая на всѣ его божбы, благородное заявленіе проводника насчетъ готовности идти самому „въ битку“, но съ предварительнымъ условіемъ продажи коней, слѣдовало отнести къ попыткѣ эксплуатаціи *en grand*.

Отъ Ризано въ упоръ путь поднимается по крутизнѣмъ зигзагами. Это военная дорога къ пограничному форту Драгай, построенная Австрійцами послѣ событій 1869 года (бунтъ Боккезовъ, т.е. прибрежныхъ горцевъ Бокки Каттарской). Послѣ двухчасоваго утомительнаго подъема мы достигли перваго гребня и здѣсь были наконецъ охвачены тучами, чтѣ насъ тотчасъ же избавило отъ ливня подъ которыми мы до того все время квасились.

(До слѣд. №).

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

ЯНТАРНАЯ КОМНАТА

ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ДВОРЦА

Съ нѣкотораго времени разные должностныя лица Министерства Императорскаго Двора стали обращаться къ директору Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ вопросомъ: не найдется ли возможность отыскать во вѣренномъ ему учрежденіи документовъ о присылкѣ въ подарокъ Прусскимъ дворомъ Россійскому Яantarной комнаты, устроенной, какъ извѣстно, въ большомъ * Царскосельскомъ дворцѣ?

Нѣкоторые изъ нихъ ссылались при семъ случаѣ на преданіе о томъ что эта комната первоначально устроена была въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, и лишь въ послѣдствіи времени переведена была въ Царскосельскій, и что о ней упоминается въ нѣсколькихъ старинныхъ сочиненіяхъ.

* Таково официальное названіе, собственно говоря, *старо*го дворца, въ отаціе отъ выстроеннаго при Императорѣ Александрѣ I и потому называемаго Александровскимъ.

Вслѣдствіе сего, по распоряженію барона Ф. А. Бюера, первые розыски произведены были въ богатой архивской библіотекѣ, и въ принадлежащихъ ей книгахъ найдено: 1) въ *Описаніи С.-Петербурга 1703 — 1751* Богданова, дополненномъ Рубаномъ, Спб. 1779, стр. 65, что постройка Царскосельскаго дворца начата въ 1744 году и еще продолжалась въ 1779; а 2) въ *Описаніи С.-Петербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго*, соч. І. Г. Георги, Спб. 1794, на стр. 689, § 1.071, слѣдующее извѣстіе о Янтарной комнатѣ: „Знатная комната обита, вмѣсто обоевъ, янтарными дощечками и украшена четырьмя досками, на которыхъ пять чувствъ изображены мозаическою работою. Король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ Первый подарилъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ сіи янтарныя дощечки, а императрица ему обратно 80 большихъ рекрутъ.“

Если вышеупомянутое *преданіе* ограничивало начало розысковъ 1762 годомъ (когда Зимній Дворецъ, еще не вполне достроенный графомъ Растрелли, освященъ былъ въ празднованіе Св. Пасхи, при императорѣ Петрѣ III), то указаніе Іеорги позволяло восходить до 1730 года, т. е. ко времени воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

Это обстоятельство побудило г. директора поручить чрезъ мое посредство, какъ старшаго архивариуса, разнымъ лицамъ пересмотрѣть подѣ моимъ наблюденіемъ съ 1730 по 1740 годъ, т. е. за все время царствованія императрицы Анны Іоанновны, всѣ принадлежащія ко внутреннему составу Архива 26 картоновъ „Сношеній съ Пруссіей“; но эти труды оказались напрасными.

Наконецъ, перелистывая недавно одинъ изъ находящихся въ Архивѣ двѣнадцати томовъ *Писемъ Императора Петра I*, мнѣ посчастливилось найти тамъ копію съ его письма къ П. М. Бестужеву-Рюмину слѣдующаго содержанія:

„Monsieur, — Когда присланъ будетъ въ Мемель изъ Берлина отъ графа Александра Головкина кабинетъ янтарной (который подарилъ намъ королевское величество Прусской) и оный въ Мемель прійми и отправь немедленно чрезъ Курляндію на курляндскихъ подводахъ до Риги съ береженіемъ съ тѣмъ же посланнымъ, который вамъ сей нашъ указъ объявить, и придайте ему до Риги въ камвой одного ундеръ-офицера съ нѣсколькими драгунами; такожь дайте тому посланному въ дорогу до Риги на пищу денегъ, дабы онъ былъ

доволенъ и ежели будетъ требовать подъ тотъ кабинетъ савей, и оныя ему дайте.

„Петръ“

Изъ Амстердама, генваря

въ 7 день 1717 года.

Господину Бестужеву въ Курляндію.

Изъ надписи сдѣланной на этой копіи видно что она списана съ оригинала принадлежавшаго статскому совѣтнику А. П. Курбатову; причемъ вѣрность ея съ подлинникомъ засвидѣтельствована секретаремъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Ждановскимъ.

А такъ какъ это письмо писано въ январѣ мѣсяцѣ 1717 года, то оставалось обратиться снова къ „Сношеніямъ съ Пруссіей“ за послѣдніе мѣсяцы 1716 и за весь 1717 годъ.

Въ картонахъ перваго изъ сихъ годовъ ничего относящагося до Янтарной комнаты не оказалось; а въ картонахъ 1717 года найдено *Дѣло о присылкѣ отъ Прусскаго короля въ даръ къ государю Петру I янтарнаго кабинета, 1717 года, января 13*, которое состоитъ: 1) изъ описи на нѣмецкомъ языкѣ янтарныхъ досокъ, за подписью какихъ-то должностныхъ лицъ, по фамиліи Меерманъ и Шванъ, 2) двухъ переводовъ съ оной на русскій языкъ и 3) наставленія какимъ образомъ слѣдовало распаковывать янтарныя украшения, съ фамиліей Француза мастера дѣлавшаго ихъ въ Данцигѣ.

Помѣщаемъ здѣсь подлинникъ описи, переводъ ея на русскій языкъ и наставленіе о распаковкѣ.

I. Specification.

Des Bernstein Gemaches, so Sr Königl: Mayst: in Preussen, Unser Allergdt: Herr, Se Czarische Mayst: praesentire, so bestehet in nachfolgenden Stücken.

Als:

1. Zwey Grosse Wandstücken, worinnen zwey Spiegelrahme mit Spiegeln.

2. Zwey dergleichen Stücke, bey welchen nur ein lediger Spiegel Rahm

3. Vier dergleichen Wandstücken, ein wenig schmäler, ein jedes mit einem ausgeschweifflen Spiegel zum Blaker. *

4. Zwey Flügel etwas breit, und noch zwey, so etwas schmaeler. Diese 12 Stücke sind alle einer Höhe.

* Стѣнной подсвѣчникъ соединенный съ зеркаломъ (gespiegelter Wandleuchter).

5. Zehen aparte Paneel-Stücken, von egaler Höhe, aber differenter breite, alle complet besetzt.

6. Noch sind dabey gegeben, folgende Stücke, so da können mit gebraucht werden, alsz: "ein viereckt Brett gantz belegt ein fertig Schildt mit einem palmiten Kopff, drey fertige palmiten Köpffe auf Holtz. Sieben kleine Köpffe. Vierzehen fertige Tulipanen, zwölf fertige Rosen. Drey Stücken mit Murscheln und Schnecken ausgemacht. Zwey fertige Gesimse. Zwey klein Eckstücken. Ein klein länglicht Brett, mit zwey Schrauben. Vier kleine aussgeschweifte gantz belegte Bretter. Drey und zwantzig kleine aussgeehweifte Bretter, so nur hin und wieder belegt. Noch zu einem Flügel aussgeschweiffter klarer Bernstein so in hundert nnd sieben kleine Stücken bestehet.

Obige Specificeirte Bernstein Sachen, seynd in diesen achzeihen grossen, und kleinen Packen befindlich. Berlin d. 13ten Januarij. 1717.

Iohann Wilhelm Meermann.

M. Schwaan.

Роспись

Янтарной каморы, которую его королевское величество Прусское его царскому величеству презентовать изволил и которая состоитъ въ слѣдующихъ штукахъ:

1. Двѣ большія стѣнные штуки, въ которыхъ двои рамы съ зеркалами.
2. Двѣ таковыя же штуки, при которыхъ токмо одни поуже рамы.
3. Четыре таковыя же стѣнные штуки, немного поуже и каждая съ отдѣльными зеркалами.
4. Два крыла пошире и еще два немного поуже. Сии 12 штукъ все равной вышины.
5. Десять особливыхъ панельныхъ штукъ равной вышины, но разной ширины. Всѣ сполна.
6. Еще къ тому приданы слѣдующія штуки, которыя такожъ употреблены быть могутъ; четырехугольная доска, обложенная янтарежъ, изготовленный щитъ съ большою главою, три изготовленные большія головы на деревѣ, семь малыхъ головъ, четырнадцать изготовленныхъ тулипановъ, двѣнадцать изготовленныхъ розъ, три штуки съ раковинами, двои изготовленные зимцы (?), двѣ малыя наугольныя штуки, маленькая долговатая доска съ двумя шурулами, четыре маленькія янтарежъ обложенныя доски, двадцать три маленькія доски, которыя еще къ одному крылу чистаго янтара, которыя въ ста семи малыхъ штукахъ состоятъ.

Вышеописанныя янтарныя вещи въ 18ти большихъ и малыхъ связкахъ находятся. Берлинъ, 13го Генваря 1717 году.

Иоаннъ-Вильгельмъ Меерманъ.

М. Шванъ.

II. Наставленіе о распаковкѣ.

Не въ припіть * данное обученіе какимъ образомъ потребно янтарной кабинетъ вынимать и что при томъ смотрѣть.

1. Все тюки подписанныхъ Овен или вверху, когда все ящики изъ содомы и укладки вынуты, то надлежитъ смотрѣть, чтобъ верхнюю сторону всегда поднимать.

2. Все ящики крѣпкими трубами назади крѣпко укрѣпить, оныя напередъ раструбовать и ящикъ положить на сторону гдѣ были трубы, ибо сіе есть нужнее дна.

3) Другая сторона, яко верхняя часть ящика, отойдетъ и тогда найдешь подъ елонелемъ крѣпко придѣланной ятаръ и напередъ малые штапкалоцы и поперечные полочки, которые между елонелевою крышкою и янтарежъ крѣпко сидятъ вскорѣ извнутри вынять и елонель снять, чтобъ зеркала, которые въ стѣнѣ вскорѣ мочно было увидѣть, и не разломать.

4) Съ великимъ прилежаніемъ все гвозди, которые въ четырехъ стѣнахъ или побочныхъ доскахъ къ серединѣ имѣютъ быть вынаты и тогда мочно верхнюю или нижнюю побочную доску выломать, чтобъ рукаміъ мѣсто было и тогда янтарную стѣну мочно вынять.

5. Малые ящики, которые снаружы никакихъ шрубовъ не имѣютъ внутри затрубованы и надлежитъ сего смотрѣть, чтобъ верхнюю сторону по внутреннему знаку (Овен) сперва отворить, ибо въ иныхъ двухъ, а въ иныхъ четырехъ, разные штуки находятся.

6. Въ самомъ большомъ ящике, гдѣ зеркало, малой ящичекъ придѣланъ, въ которомъ всякія мелкія штучки, которые по приложенной росписи разобрать мочно, такожъ передломанные штуки, которые еще мочно употреблять, оныя надлежитъ выбрать изъ большаго ящика, понеже онѣ крѣпко въ комнату уложены.

7. А въ трехъ малыхъ четвероугольныхъ тюкахъ двойные ящики, въ которыхъ зеркальные рамы, а въ четвертомъ зеркало само, которое круглымъ номеромъ особливо назначено и съ которыми особливо скоро надлежитъ поступать выниманіемъ и тако мы, по указу всемогуществѣшему королевскому, положили съ прилежаніемъ и для сего сіе за руками нашими подали. Въ Берлинѣ, дня 13 января 1717 году.

Юганъ Вильгельмъ Меерманъ. М. Шванъ. Мастеръ который сей янтарный кабинетъ пзготовилъ называется Гофринъ Тусо; а живетъ во Гданскѣ.

---

* То-есть экстренное.

Кромѣ вышепоказанныхъ трехъ документовъ мнѣ удалось найти въ картонѣхъ съ принадлежащими Архиву „Письмами разныхъ лицъ на русскомъ языкѣ“ и четвертый, приложенный къ письму адресованному графомъ Головкинымъ, изъ Амстердама, въ май мѣсяцъ (безъ обозначенія числа) 1717 года, къ секретарямъ Посольскаго Приказа Шафирову и Ларионову; а именно: счетъ разныхъ издержекъ сына его, графа Александра Головкина, по которому деньги слѣдовало отправить къ нему въ Берлинъ.

Въ этомъ счетѣ, выпуска изъ коего помѣщается ниже, кромѣ издержекъ на платья, экипажи, книги и проч. исчислены также и издержки на провозъ Янтарнаго кабинета.

Видѣніе деньгамъ издержаннымъ на государевы чрезвычайные расходы.

Курантъ
талеры.

Посланнымъ съ янтарнымъ кабинетомъ одному надзирателю, а другому королевскаго величества Прусскаго ширмейстеру дано на подъемъ..... 30

Да кормовыхъ имъ же до Мемля на шесть недѣль по четыре талера человѣку на недѣлю, итого..... 24

Онымъ же на заплату трехъ лошадей до Мемля..... 37

Имъ же на починку восьми телегъ въ дорогу..... 20

Олонеля для перекаладыванія помянутаго кабинета и вошпанки для покрытія отъ дождя ящичковъ, въ которыхъ оный укладенъ..... 52

Плотникамъ которые работали при убраніи янтарнаго кабинета.... 10

Вышепомянутому надзирателю послано въ Королевецъ что онъ на починку телегъ сверхъ даннаго числа издержать принужденъ былъ, также и ящички вновь покрывалъ кожею, понеже вошпанка изодралась..... 42

Мая 22го дня 1717.

Но насъ спросятъ: почему же не отыскивается извѣщеніе короля прусскаго Фридриха Вильгельма I Петру Великому о принесеніи ему въ даръ Янтарной камеры? Извѣщеніе это быть-можетъ находится въ иномъ архивѣ, на примѣръ въ С.-Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Однакожь объ этомъ подаркѣ могло и не быть никакого письменнаго извѣдомленія; ибо онъ по всей вѣроятности былъ лично предложенъ и согласіе на принатіе его изъявлено самимъ Россійскимъ

монархомъ, *въ проездъ его чрезъ Берлинъ*, гдѣ тогда возобновленъ былъ прежде заключенный между Россіей и Пруссіей союзъ противъ Швеціи *, такъ какъ письмо къ Бестужеву Петръ I написалъ по прибытіи въ Амстердамъ.

Такимъ образомъ оказывается что преданіе относительно Янтарной комнаты гораздо вѣрнѣе чѣмъ указаніе Георги. Янтарная комната могла дѣйствительно быть первоначально устроена въ маломъ Зимнемъ Дворцѣ, въ которомъ жилъ и скончался Петръ Великій, гдѣ нынѣ Эрмитажный театръ, у Зимней канавки; а перенесена она въ Царское Село когда графъ Растрелли строилъ тамъ каменный дворецъ, т.-е. съ 1744 приблизительно по 1780 годъ (см. выше свидѣтельство Рубана).

Что же касается до увѣренія Георги относительно того будто король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ получилъ (но, во всякомъ случаѣ не отъ императрицы Анны Іоанновны) въ подарокъ, въ обменъ за янтарныя дощечки, 80 большихъ рекрутъ, то хотя въ Московскомъ Главномъ Архивѣ и находится дѣло объ отправленіи Петромъ Великимъ къ сему королю съ камеръ-юнкеромъ Толстымъ, въ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 года, не 80ти, а 55 *самыхъ великорослыхъ солдатъ*; однакожъ, за отсутствіемъ въ семъ дѣлѣ какихъ-либо опредѣлительныхъ указаній, остается *догадываться* что эта посылка великановъ служила выраженіемъ признательности Россійскаго монарха его союзнику за присылку Янтарной комнаты.

Теперь, при *положительномъ* опредѣленіи года полученія въ даръ этой комнаты и даже *имени* дѣлавшаго ее мастера, легко будетъ найти въ дѣлахъ гофъ-интендантской конторы и въ архивѣ Царскосельскаго дворцоваго управленія слѣды всѣхъ распоряженій относительно перенесенія Янтарной комнаты въ Царскосельскій Дворецъ.

Цѣль настоящаго сообщенія заключается отчасти въ томъ чтобы вызвать и облегчить по этому предмету дальнѣйшія справки. Печатаю нашу замѣтку руководствуемся тою мыслью что все касающееся Петра Великаго не можетъ не интересовать русскаго читателя.

Ноябрь 1877 года.

К. ЩУЧЕНКО.

* *Исторія Россіи* С. М. Соловьева, т. XVII, стр. 92.

НОВЫЙ ТИПЪ ВЪ НАШЕЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ

Вельно пріискивать. Повесть О. Забытаго. (Вѣстникъ Европы 1877)

Быть нашего провинціального и въ особенности сельскаго духовенства давно уже сдѣлался одною изъ любимыхъ темъ современныхъ беллетристовъ. Къ этой темѣ они обратились съ тѣхъ самыхъ поръ какъ вообще въ нашей литературѣ обнаружилось стремленіе къ новымъ пріемамъ и формамъ, отличающимся отъ преданій сороковыхъ годовъ, и къ новымъ общественнымъ слоямъ, не тронутымъ или мало тронутымъ прежнею литературой. Вмѣстѣ съ бурлаками, съ фабричными, съ крестьянскимъ міромъ, въ беллетристику нашей выступили бурса, сельскій причтъ, провинціальное духовенство. Рядомъ съ весьма естественнымъ желаніемъ обратиться къ новой, еще нетронутой почвѣ, авторами 60хъ годовъ руководило въ этомъ случаѣ и то обстоятельство что многіе изъ нихъ сами вышли изъ сословія церковно-служителей, сами прошли бурсу и близко знали ту жизнь, за изображеніе которой взялись съ большимъ усердіемъ и можетъ-быть съ наилучшими намѣреніями. Къ сожалѣнію, большинству ихъ недоставало одного существеннаго условія—таланта; а потому ихъ произведенія хотя обратили на себя вниманіе новизной сюжетовъ и формъ, но

собственно литературнаго, а тѣмъ болѣе художественнаго значенія не имѣли. Притомъ, личная близость къ той жизни, которая давала содержаніе ихъ произведеніямъ, должна была отразиться на этихъ произведеніяхъ также и съ невидной стороны: у авторовъ были свой счетъ съ изображаемою жизнью, ставшіе источникомъ односторонняго, какъ бы полемическаго къ ней отношенія. Оттого въ новой беллетристикѣ, такъ много занимающейся духовенствомъ, мы знаемъ очень мало повѣстей или романовъ въ которыхъ жизнь и типы духовенства предстали бы предъ нами въ спокойномъ, выукломъ изображеніи. Мы можемъ указать только на хронику г. Лѣскова *Соборане* и еще на два-три небольшіе отрывка, какъ на такія произведенія которымъ принадлежитъ замѣтное мѣсто въ литературѣ, и въ которыхъ церковныя типы отразились съ положительной стороны. Надо притомъ замѣтить что эта завидная участь выпала на долю только старыхъ типовъ, безъ сомнѣнія и новыхъ украшающихъ наше духовенство, но уже опереженныхъ другимъ поколѣніемъ, воспитавшимся подъ иными вліяніями и представляющимъ иныя, новыя черты.

Что эти „другія“ вліянія должны быть очень сильны, едва ли можно сомнѣваться. Какъ ни замкнута церковная среда, но общій переворотъ въ нашей жизни совершившійся въ послѣднія двадцать лѣтъ не могъ не коснуться и ея, тѣмъ болѣе что литература, занимаясь почти преимущественно бытомъ духовенства, должна была проложить въ этотъ быть широкій луть. Если мы припомнимъ что рѣдкій изъ писателей новаго поколѣнія обходилъ въ своихъ произведеніяхъ бурсу, что рѣдкая современная повѣсть или книжка журнала не заключаетъ въ себѣ страницъ относящихся непосредственно къ жизни и типамъ духовенства и что наконецъ въ 60хъ годахъ питомцы бурсъ занимали первенствующее положеніе въ очень бойкой части журналистики,—если мы припомнимъ всѣ эти условія, то необходимо будетъ предположить очень большую долю вліянія новой литературы и вообще такъ-называемыхъ новыхъ идей и новаго общественнаго склада въ средѣ нашего духовенства. Литература, вошедшая въ такія близкія отношенія къ духовенству, какъ бы звала его изъ міра представленій унаслѣдованныхъ отъ мало подвижной старины, изъ замкнутаго круга спеціальныхъ интересовъ и отвер-

дѣвшихъ понятій. Подъ этими вліяніями, столь противоположными тому чѣмъ литались служители нашей церкви въ прежнее время, въ средѣ духовенства должны были образоваться совершенно новые тилы, нисколько не похожіе на Савелія Туберозова, и на дьякона Ахиллу, талантливо изображенныхъ г. Лѣсковымъ. Уловить эти тилы нашей литературѣ еще не удавалось, и первую удачную попытку мы встрѣчаемъ въ повѣсти г. Забытаго, только - что появившейся въ *Вѣстникъ Европы*.

Чтобы сразу познакомить читателя съ героемъ этой повѣсти, приведемъ значительную выдержку:

Андрей Андреевичъ учился въ семинаріи, какъ говорится, такъ себѣ. Онъ былъ ларень со способностями, но не зналъ что дѣлать съ этими способностями, на что ихъ употребить. Влеченія къ наукамъ онъ не чувствовалъ и стимула къ занятіямъ ими ни откуда не получалъ. Онъ постоянно сознавалъ что лучше кончить курсъ чѣмъ не кончить; но для чего это нужно и что изъ этого выйдетъ, объ этомъ онъ знать не хотѣлъ. Съ одинаковымъ равнодушіемъ онъ изучалъ физику и пророка Іезекиіля, философію и гомиетику, педагогику и греческій языкъ. Ни одного семинарскаго учебника онъ не зналъ вполнѣ. Въ цѣлый мѣсяцъ изъ каждаго учебника онъ готовилъ только по одному уроку, именно къ тому классу, въ который по его соображеніямъ учитель долженъ былъ спросить его. (А эти соображенія у семинаристовъ очень тонки и основательны.) Экзаменовъ Андрей Андреевичъ не боялся, да и нечего было ихъ бояться, такъ какъ билеты къ экзамену дѣлали по каждому предмету сами же ученики, дѣлали на нихъ предварительно мѣтки, и на экзаменѣ каждый изъ учениковъ отвѣчалъ что лучше зналъ и что *хотѣлъ* отвѣчать. Учителя хотя большею частью и знали эти продолки, но не мѣшали ученикамъ, вспоминая свою юность и зная изъ опыта что система надувательства выставляетъ на экзаменѣ плоды ихъ педагогической дѣятельности гораздо въ лучшемъ свѣтѣ чѣмъ система неліцемерной прямоты и нагой правды. Отецъ о томъ только и твердилъ Андрюшѣ, чтобъ онъ „ничѣмъ не маралъ себя, ни во что не вовлекался, и чтобы старался кончить курсъ безъ всякаго лятна“. Андрюша рано успѣлъ убѣдиться что отецъ проповѣдуетъ ему не глубокую евангельскую мораль, а житейскую, полицейскую, и тщательно выполнялъ завѣтъ родителя.

У него было своего рода *savoir-vivre*, въ силу котораго онъ всегда искусно лавировалъ между Сциллами и Харибдами семинарской жизни. Онъ жилъ все время школьнаго воспитанія на квартирѣ, находившейся на одной изъ окра-

и въ города. Хотя суровыя правила семинарской инструкторіи были одинаково обязательны какъ для „казеннокоштныхъ“, „корпусныхъ“, такъ и для „квартирныхъ“ учениковъ, но жизнь „квартирная“, по силѣ самыхъ вещей, была несравненно вольготнѣе жизни „корпусной“. Въ корпусѣ ученикъ неизбежно долженъ былъ приспособляться къ узаконеннымъ для него условіямъ; въ квартирѣ напротивъ, сами условія свободно и искусно приспособлялись къ ученикамъ. Всѣ лица инспекторскаго надзора жили въ корпусѣ, и если не въ, то какое-нибудь одно изъ нихъ въ каждую данную минуту въѣхавшаго времени непременно стояло надъ душой и тѣломъ ученика до тѣхъ поръ пока онъ въ 10 часовъ ночи не заснетъ сладкимъ сномъ отогнавшимъ отъ себя нечистыхъ духовъ праведника. Въ жизни квартирныхъ учениковъ инспекція, сконцентрированная въ корпусѣ, заглядывала рѣдко: большею частью въ праздники, и то въ случаѣ хорошей погоды и притомъ никакъ уже не позже восьми часовъ вечера. „Квартирные“ ученики знали это очень хорошо, и такъ искусно прилаживались къ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ что инспекція рѣдко ставила ихъ въ примѣръ „корпуснымъ“. Но на дѣлѣ жизнь квартирныхъ учениковъ далеко не согласовалась съ идеаломъ и дисциплинарными предначертаніями начальства. Они общими силами прорывали себѣ нѣсколько каналовъ, по которымъ въ удобное время выплывали изъ тѣснаго русла казенной школьной жизни въ русло просторнаго, заманчиваго, но запрещеннаго моря житейскаго—и рѣдко доплывали до Геркулесовыхъ Столбовъ... Тогда какъ въ корпусѣ усердно слѣдили за тѣмъ чтобъ ученикъ занимался уроками къ слѣдующему дню и позволяли читать книги только предварительно просмотрѣнныя инспекціей и имѣющія близкое отношеніе къ изучаемымъ имъ предметамъ,—въ квартирѣ можно было или ничего не дѣлать, или читать что кому угодно, что кому нравится. Люди серьезные умѣли извлекать для себя крупную пользу изъ этой свободы, но такихъ было немного; они составляли отдѣльный кружокъ, къ которому Андрей Андреевичъ не примыкалъ. Андрей Андреевичъ, подобно своимъ квартирнымъ товарищамъ, тоже пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію, но къ такому чтенію которое Смайльсъ называлъ „особаго вида лѣтностью“. Онъ читалъ для того чтобъ убить время, занять чѣмъ-нибудь праздное воображеніе. Онъ читалъ обыкновенно *святскія* книги, и читалъ безъ всякаго разбора и плана. Ему безотчетно, самъ онъ не зная почему, нравились тѣ теоріи естествознанія которыя противорѣчили какому-нибудь пункту догматики, хотя онъ и мало понималъ эти теоріи. Но съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ онъ такія повѣсти и разказы, въ которыхъ въ смѣшномъ видѣ изображалось духовенство. Онъ испытывалъ при этомъ чувство какого-то невольнаго злорадства.

Впрочемъ чтеніе книгъ было не единственнымъ развлеченіемъ въ школьной жизни Андрея Андреевича. Удобства „квартирной“ жизни открывали ему пути и способы къ разнообразнымъ удовольствіямъ. Тогда какъ „корпусные“ ученики ночью были обыкновенно кругомъ залерты и обставлены стражей, „квартирные“, просидѣвъ дома опасное время—до восьми часовъ вечера—смѣло затѣмъ отправлялись искать приключеній, гдѣ кому и какихъ было угодно. Хозяйки величали ихъ *большими*, были съ ними на ты, называли непремѣнно по имени и отчеству и услужливо отпирала имъ ворота во всякое время. Если же иногда не хотѣлось выходить со двора, то и дома можно было провести время не въ примѣръ веселѣе чѣмъ въ корпусѣ. На гитарѣ играй сколько хочешь; захотѣлось лѣтъ—ори хоть во все горло, никто ни скажетъ: тише, замолчите! Послѣ ужина затѣвался иногда такой разговоръ что только успѣвали животы подхватывать со смѣху. Разговоръ продолжался иногда далеко за полночь, въ потьмахъ, когда каждый уже лежалъ на своей постели. И сколько тутъ слышалось грубаго кощунства, непокрытаго, безстыднаго цинизма, Богъ-знаетъ когда и откуда начерпанаго! и все это было шитокрыто; слышали одна стѣна, да свой братъ-товарищъ, который не осудить и не выдать. Начальство этого не подозрѣвало, родители и вообразить не могли.

И кончилъ Андрей Андреевичъ курсъ съ клочками и хвостиками изъ обширнаго курса наукъ и съ бродячими, отрывочными, мимолетными свѣдѣніями изъ чего-то *такого-этакого*. Серіозной подготовленности—ни къ чему, убѣжденій—никакихъ, взглядъ на жизнь—верхъ легкомыслія, понятіе о себѣ—самое высокое,—вотъ добродѣтели съ какими Андрей Андреевичъ выступилъ изъ школы въ жизнь. Семнадцати выпустила его въ началѣ втораго разряда и оцѣнила его нравственность балломъ 5. Отецъ принялъ „незалепазнаго“ сына съ распростертыми объятіями, любовался имъ и всѣмъ ставилъ въ примѣръ. Андрей услаждался ухаживаньемъ за нимъ отца, ни въ чемъ не противорѣчилъ ему и въ глубинѣ души чувствовалъ неизмѣримое надъ нимъ превосходство. Жизнь отца ему казалась „челухой“, „ерундой“, но какова должна быть настоящая, истинная жизнь—объ этомъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе и не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія размышлять объ этомъ. Сдѣлавшись мужемъ красивой, „родовитой“ женщины, священникомъ и самостоятельнымъ хозяиномъ, онъ первое время постоянно чувствовалъ себя какъ послѣ сытнаго, питательнаго обѣда... У Андрея Андреевича источникомъ этого чувства служило прозаическое сознаніе, что онъ „слава Богу, устроился вообще не хуже многихъ“. Въ будущее онъ не заглядывалъ, ни о чемъ не мечталъ, а доволенъ былъ тѣмъ что ему въ данную минуту хорошо.

Если такимъ образомъ герой повѣсти является съ весьма незначительными правами на симпатію читателя, то во всякомъ случаѣ представляетъ совершенно новый типъ въ нашей литературѣ и весьма интересное явленіе въ нашей жизни. Семинаристъ новой формаціи, воспитавшійся подъ новыми вліяніями какъ литературными, такъ и житейскими, представитель (хотя заурядный) поколѣнія, умственный и нравственный складъ котораго выражаетъ, вѣчто среднее между нигилизмомъ и практическимъ „себѣ на умѣ“—этотъ семинаристъ, вступающій въ роль пастыря, заслуживаетъ изученія. Изъ приведенной выдержки видно что авторъ приступаетъ къ своей задачѣ очень смѣло и не затрудняется показать своего героя такимъ какимъ наблюдалъ его въ жизни. Это условіе сообщаетъ повѣсти серьезный общественный интересъ, независимо отъ ея беллетристическихъ достоинствъ, съ которыми вышеприведенная выдержка еще не могла познакомить, такъ какъ въ литературномъ отношеніи она принадлежитъ къ болѣе слабымъ страницамъ повѣсти. Г. Забытый несомнѣнно обладаетъ беллетристическимъ талантомъ, хотя повидимому и не крупнаго разбора, и съ этой стороны его повѣсть оставляетъ назади прежнія попытки къ изображенію семинарскаго и священническаго быта, во множествѣ появлявшіяся въ нашей литературѣ 60хъ годовъ. Дарованіе и манера г. Забытаго — чисто реальныя и хотя можно указать въ его повѣсти нѣкоторыя излишества, владающія въ цинизмъ и несомнѣнно вредящія произведенію, но живая наблюдательность и умѣнье пользоваться ею выкупаютъ недостатки. Нѣкоторыя сцены, весьма удачно выхваченныя изъ жизни, позволяютъ думать что въ лицѣ г. Забытаго наша беллетристика приобрѣла бы дарованіе, которое въ нынѣшнее скудное новыми талантами время могло бы занять въ ней довольно видное мѣсто, еслибы въ авторѣ не обнаруживалось неумѣнье дать болѣе сильное развитіе общей задачѣ повѣсти. Во всякомъ случаѣ мы находимъ не лишнимъ познакомить читателей съ наиболѣе удачными страницами этого произведенія.

Разказъ начинается съ того что по смерти кафедральнаго протоіерея владыко, принявъ участіе въ оставшихся послѣ него сиротахъ, „велѣлъ пріискивать“ старшей изъ нихъ жениха. Отсюда и названіе повѣсти—не совсѣмъ кра-

сивое и не совсѣмъ даже удачное, потому что задача автора оказывается обширнѣе чѣмъ обличеніе застарѣлаго обычая выдавать поповскихъ дочерей за новыхъ ставленниковъ. Старый полъ Арсеній, узнавъ о такой милости владыки, раздумываетъ кого бы послать свататься къ сиротѣ, и останавливается на сынѣ знакомаго священника, съ годъ какъ окончившемъ семинарію и не находящемъ мѣста. Этотъ-то молодой богословъ и есть герой повѣсти, Андрей Андреевичъ, съ которымъ читатель уже познакомился. Въ домѣ невѣсты скоро узнали что слаживается сватовство. „Извѣстіе объ открытіи жениха подѣйствовало на невѣсту совсѣмъ иначе чѣмъ на ея опекуновъ. Дядя ея, высокій, плечистый, рыбой блондинъ, какъ-то просіялъ и ожилъ: онъ замѣтно сталъ ласковѣе къ женѣ, чаще и продолжительнѣе бесѣдовалъ съ нею наединѣ; даже движенія и жесты его сдѣлались быстрѣе и рѣшительнѣе. На физиономіи высокой, поджарой, сутуловатой супруги его заиграла небывалая улыбка, и хозяйственная дѣятельность ея приняла отпечатокъ суетливости. Что же касается Лёнушки (какъ звалъ невѣсту покойный отецъ ея), то она, получивъ извѣстіе о присканіи ей жениха, стала особенно задумчива и молчалива. Ею овладѣлъ безотчетный страхъ, какъ будто она ждала бѣды на свою голову. Ея отношенія къ дядѣ и теткѣ значительно измѣнились: она даже стала избѣгать съ ними встрѣчи и разговора, особенно послѣ одной лаковической бесѣды съ нею дяди. Разъ, найдя ее одну на крыльцѣ, дядя подскѣлъ къ ней и съ серьезнымъ видомъ скороговоркой, проговорилъ: „вотъ, того и гляди женихъ пріѣдетъ; не осрами себя, старайся всячески понравиться ему. Человѣкъ хороший, священниковъ сынъ; не будь разборчива, иначе—живи какъ хочешь и гдѣ хочешь.“ Лёнушку точно что-нибудь въ сердце кольнуло; она промолчала и невольно отвернулась отъ дяди.“ Покойный отецъ ея, человѣкъ созерцательнаго и даже нѣсколько мистическаго склада, воспитывалъ ее какъ друга, любилъ съ нею бесѣдовать, читать, водить ее лѣтомъ въ поле и въ лѣсѣ собирать аптекарскія травы. Изъ Лёнушки, говоритъ авторъ, слагалась какая-то дѣвочка-монашка: кроткая, наивная, нѣсколько созерцательная. Отецъ Яковъ такъ высоко цѣнилъ ее что, перебирая въ своей головѣ извѣстныхъ ему молодыхъ людей своей среды, не находилъ между ними никого кто бы могъ быть достойнымъ

женухомъ его Лёнушки. „Женихъ Лёнушки долженъ быть съ ангельскою душой,“ иногда размышлялъ онъ, шагая въ сумеркахъ по комнатамъ.

Вскорѣ пріѣхалъ женихъ съ отцомъ. Молодые люди едва только успѣли взглянуть другъ на друга, какъ дѣловитый отецъ жениха пожелалъ осмотрѣть домъ и службы. По окончаніи ревизіи, приперевъ двери и удостовѣрившись что за ними никто не подслушиваетъ, отецъ Андрей обратился въ полголоса къ сыну:

— Ну, ты теперь все видѣлъ, ну, какъ твое мнѣніе?

— Да что жъ? ничего... не задумываясь отвѣтилъ Андрейша.

— То-то... смотри... Нужно говорить подумавъ и поразмысливъ. Я вотъ нарочно водилъ тебя вездѣ, чтобъ ты собственными глазами видѣлъ, гдѣ что и какъ... чтобы потомъ ужъ ни на кого не пенялъ. Ну, что домъ и надворное?

— Да ничего... домъ, какъ домъ... Годится... жить можно...

— Можно... Ты, я говорю, обдумай... Вѣдь гнилья много!

— Это лустяки!.. Чего тамъ...

— Ну, смотри... Я свое сказалъ, а тамъ — какъ хочешь... Ну, а того... невѣста? Ты говори прямо, тутъ ужъ нечего... Я вѣдь отецъ...

— И невѣста ничего... Довольно красивая.

— Я тоже нахожу что она какъ будто... какъ слѣдуетъ дѣвушка. Породы-то она вѣдь хорошей; должно-быть жена изрядная выйдетъ. Ну, такъ ты стало-быть согласенъ?

— Да, я согласенъ. Чего же еще? Другое-то мѣсто либо найдемъ, либо нѣтъ... Маѣ и такъ ужъ надоѣло толкаться въ консисторіи-то. Все—нѣтъ, да нѣтъ...

Послѣ такого скорого рѣшенія, оставалось только условиться на счетъ приданого. У отца Степана, опекуна и дяди Лёнушки, все это было уже соображено и высчитано въ умѣ, и онъ какъ по писаному сталъ выкладывать, пригиная палецъ за пальцемъ: Божіе милосердіе въ серебряной ризѣ, шубу суконную на кошачьемъ мѣху, пальто на ватѣ, вѣнчалное платье кисейное, три шерстяныя платья да пять ситцевыхъ, пару столовыхъ ложекъ да полдюжины чайныхъ, корову и деньгами сто рублей на посвященіе въ санъ. Этими дарами онъ надѣялся совершенно угодить отцу Андрею, но не тутъ-то было: послѣдній вовсе не удовлетворился предложеніями отца Степана и завелъ такое препирательство, что дѣло почти совсѣмъ разстроилось. Выслушавъ своего собесѣдника, онъ „сперва молча покачалъ головой, потомъ лѣнливо и медленно потянулъ за уголъ изъ

кармана платокъ, высморкался и началъ возражать и торговаться. Ни одинъ пунктъ детальныхъ (?) условій, предложенныхъ отцомъ Степаномъ, за исключеніемъ перваго—о Божіемъ милосердіи—не былъ оставленъ въ покоѣ. Такъ, въ прибавокъ къ шубѣ на кошачьемъ мѣху и къ лалѣ, отецъ Андрей требовалъ шубу на заячьемъ мѣху—въ случаѣ куда поѣхать, и полушубокъ—въ случаѣ зимой по хозяйству около дома. Въмѣсто кисейнаго вѣнчалнаго платья требовалъ шелковаго (это будетъ поосновательнѣе и постелеянѣе, пояснилъ онъ при этомъ). Къ тремъ шерстянымъ платьямъ онъ просилъ прибавить четвертое „для круглоты“; для той же цѣли онъ вырашивалъ шестое ситцевое платье. Далѣе отецъ Андрей выразилъ удивленіе по поводу отсутствія въ „реестрѣ“ лошади.

— Теперь, Господи благослови, на чемъ онъ поѣдетъ? воскликнулъ сердобольный отецъ и развелъ руками.— Охъ, же вотъ на посвященіе... всего сто рублей, продолжалъ онъ:— да развѣ на это посвятиться? Къ тому же еще вѣдь и *окопироваться* надо... тамъ расу и все такое... А вы: сто рублей! Вѣдь, съ позволенія сказать, дычку какому-нибудь—и то больше дадутъ! Такъ хорошо Господь приводитъ—и вы такъ крѣпитесь, сводите на такую малость... я... тово... я, признаться, никакъ не предполагалъ... Чтѣ жъ это такое? Господи помилуй! Вотъ и выходитъ что намъ съ этого бы слѣдовало начать-то, а не съ другаго...

Отецъ Андрей надвинулъ брови и, покивши головой, умолкъ. Отецъ Степанъ, не предвидѣвшій такихъ послѣдствій, нѣсколько струсилъ и пошелъ на уступки, хотя относительно нѣкоторыхъ пунктовъ упорно остался при своемъ мнѣніи. Такъ онъ не согласился уступить своему будущему преемнику ни одного изъ своихъ двухъ любимыхъ коней, какъ ни усиливался отецъ Андрей доказать что безъ лошади все равно что безъ рукъ. Но отецъ Андрей, проигравъ на одномъ, наверсталъ на другомъ. Именно онъ добился того что къ молодой коровѣ была присоединена еще телка.

Дѣло въ концѣ-концовъ устроилось мирно, и не откладывая въ долгій ящикъ отпраздновали свадьбу. Но еще раньше Андрюшѣ пришлось пройти чрезъ многія мытарства въ консисторіи, и какъ ни крѣпился онъ, а долженъ былъ поднести секретарю малую толику за билетъ, да и прочимъ кое-что переложить. Въ назначенный день онъ явился наконецъ къ консисторскому столоначальнику и спросилъ, готовъ ли билетъ на женитьбу Андрею Златокрылову?

— Готовъ-то готовъ, отвѣчать столоначальникъ, взглянувъ на Андрюшу сквозь огромныя очки,—да только надо его выкупить.

— Да что, на бѣдныя приходъ-то я поступаю, полпробоваль было отговориться Андрюша.

— Ну, нечего тамъ... Вашего брата къ голой есины при-
вяжи и то обростетъ. Нужно вѣдь тоже знать честь и бла-
городство. Тутъ сидишь, гнешь горбъ—почти можно ска-
зать даромъ...

Андрюша сунулъ столоначальнику рубль.

— И это не стыдно будущему священнику?

— Ей-Богу, больше нѣтъ!

— Нѣтъ... Знаемъ мы васъ! Вотъ продержатъ бы въ го-
родѣ-то недѣли двѣ... Нашлось бы тогда...

Съ этими словами столоначальникъ заложилъ рубль въ
карманъ жилета и съ неудовольствіемъ сунулъ Андрюшѣ би-
летъ.

Только-что Андрюша вышелъ въ ебни какъ его сзади
кто-то тронулъ за плечо. Андрюша оглянулся. Предъ нимъ
стоялъ взъерошенный, небритый писецъ въ сѣромъ истер-
томъ ладжакѣ.

— Письмоводителю-то что-нибудь, проговорилъ калли-
графъ, склонивъ голову на бокъ.

Андрюша слѣшно вынулъ изъ кармана двугривенный и
молча подаль ему.

— Это обидно, ломите! воспротестовалъ каллиграфъ—
старался, переписывалъ, нарочно поскорѣе снесъ подли-
сать....

— Ей-Богу же больше нѣту, отрѣзалъ Андрюша и дви-
нулся впередъ.

— Это даже недобросовѣстно, проговорилъ вслѣдъ ему
каллиграфъ.

Наблюдавшій эту сцену высокій плечистый солдатъ по-
спѣшилъ къ двери, и одною рукою отворилъ дверь, а другую
протянулъ къ Андрюшѣ, пробасилъ:

— Сторожу-то не забудьте что слѣдуетъ...

Андрюша сунулъ ему лятакъ.

Свадебная вечеринка очень живо описана въ разказѣ
г. Забытаго, и два поколѣнія священниковъ, старое и молодое
охарактеризованы весьма наблюдательно и остроумно... Ихъ
разговоры, подхваченные безъ всякаго шаржа и сатириче-
скихъ украшеній, очевидно записаны съ натуры. Особенно
хорошъ молодой священникъ, ссылающийся на *Отечествен-
ныя Записки* и обнаруживающій наклонность къ обвинитель-
ному авторству...

Лёнушка въ первое время была совершенно счастлива.
Весь міръ для нея сосредоточился въ одномъ лицѣ—въ ея

миломъ Андриушѣ. Не ощущая до своего замужества никакихъ любовныхъ похлѣбствъ, она полюбила его со всею пылостью первой любви, предлагая въ немъ совмѣщеніе всехъ совершенствъ, какими только могъ, по ея понятіямъ, обладать человѣкъ. Она не замѣчала что мужъ отвѣчаетъ на ея чувство только пренебрежительною снисходительностью. Натура совершенно матеріальная и ограниченная, онъ готовъ былъ скорѣе подсмѣиваться надъ душевными и сердечными движеніями жены чѣмъ оцѣнить и раздѣлить ихъ. Очень скоро послѣ свадьбы между ними стали повторяться сцены въ такомъ родѣ:

— Андриуша, ты знаешь какъ я тебя люблю, обратилась Лѣнушка къ мужу за вечернимъ чаемъ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣтилъ съ улыбкой Андриуша.

— Какъ лапашу своего.

— Гм... гм... промычалъ Андрей Андреевичъ.

— Что я, какъ лапашу? поправилась Лѣна.—Я тебя такъ люблю, такъ люблю, какъ... ужъ и не знаю какъ.

— Гм... гм... снова промычалъ супругъ.

— Бывало, лапаша мнѣ книжку читаетъ, рассказываетъ мнѣ обо всемъ, изъяснила Лѣнушка.—Ты вѣдь тоже будешь мнѣ читать и рассказывать—а?

— Гм-гм... отозвался Андрей Андреевичъ.

— Да что ты все: угу, угу! передразнила Лѣнушка,—ты скажи какъ слѣдуетъ.

— Тогда видно будетъ, проговорилъ Андрей Андреевичъ, приглаживая себѣ волосы.

Лѣнушка пристально посмотрѣла на него и задумалась.

У мужиковъ о новомъ лаптырѣ скоро составилось определенное мнѣніе. „Батька—ничего... говорили они:—только есть маленько... Это онъ вѣрно сказалъ о себѣ въ проповѣди: прислали, говорить, меня къ вамъ худого, плохого... Истинно что худого. Голосокъ чуть-чуть... лищитъ себѣ тамъ... Почитай ничего не слышать. То ли дѣло, бывало, отецъ Степанъ: какъ заржотъ по церкви-то, духъ радуется! Опять же насчетъ проповѣди... супротивъ отца Степана далече не выйдетъ. Тотъ, бывало, рѣдко дамѣтко. „Кому сныи очи? пьяницѣ!“ А этотъ: верть-верть... туда-сюда... Ровно бы въ избѣ аль на заваденкѣ съ тобой калякаетъ, а вовсе не въ церкви. Кто, говорить, пьянствуетъ, у того голова, говорить, трещитъ, работа стоитъ, ребятишки голодны, разуты, раздѣты... Ну что это такое? Этакъ-то и я, и Максимъ, и всякій скажетъ, и всякій понять можетъ. А ты по Цисанію произведи... Вотъ это такъ!“

Дома у молодыхъ между тѣмъ все болѣе сказывалось раз-

личіе ихъ характеровъ и вкусовъ, Лёнушка искала христіанской ластырской дѣятельности, хотѣла по мѣрѣ силъ и умѣнья помогать прихожанамъ; Андрей Андреевичъ смотрѣлъ на эти затѣи свысока, подсмѣивался надъ ними и считалъ ихъ даже для себя лично безпокойными. Лёнушка любила говорить о своемъ чувствѣ, искала нравственнаго сближенія съ мужемъ, хотѣла чтобъ онъ больше говорилъ съ нею, читалъ бы что-нибудь съ нею, сообщалъ бы ей свои мысли и взгляды; молодому батюшкѣ все это представлялось „ерундой“, читать духовное онъ не любилъ, да и вообще видъ книги производилъ на него не особенно пріятное впечатлѣніе. Онъ все больше и больше скучалъ, и чтобы какъ-нибудь разсѣяться поѣхалъ навѣстить небогатаго помѣщика Бочкина, стараго холостака, человѣка неглупаго и крайне развратнаго. Бочкинъ надъ религіей острилъ такъ же какъ и надъ своею кухаркой, хотя каждый почти праздникъ ѣздилъ къ обѣдѣ и каждый годъ исповѣдывался. Онъ любилъ выпить, поиграть въ стуколку и поразвратничать. У него была тетрадка скамдалезныхъ стихотвореній и коллекція особаго рода фотографій, которыя онъ съ наслажденіемъ разсматривалъ. Съ людьми образованными онъ не знался, но любилъ покутить съ богатымъ мужикомъ, со слившимся съ кругу чиновникомъ и т. д. Андрей Андреевичъ съ перваго же раза понравился ему своею развязностью и вовсе не поповскимъ тономъ, такъ что Бочкинъ при первомъ же свиданіи сказалъ ему: „вы, батюшка, вовсе не походите на своихъ предшественниковъ: въ васъ есть нѣчто свѣжее, выдающееся“. — „Да ужъ пора намъ отстать отъ затхлой рутинѣ“, самодовольно отвѣтилъ Андрей Андреевичъ, и этою фразой окончательно восхитилъ Бочкина.

Пріѣзду молодого батюшки Бочкинъ чрезвычайно обрадовался, угостилъ его больше чѣмъ слѣдовало, показалъ ему коллекцію фотографій и снабдилъ „свѣтскими“ книгами. Лёнушка, промучившись до поздней ночи въ ожиданіи мужа, была поражена его спиртуознымъ дыханіемъ, и сердце ея защемило безотчетною болью...

На другой день богатый мельникъ, вдовецъ и кутила, пріѣхалъ звать батюшку къ себѣ на именины. Андрей Андреевичъ не отказался. Въ первыя минуты онъ чувствовалъ себя нѣмного неловко среди собравшагося тамъ общества; но нѣсколько рюмокъ, вылитыхъ по совѣту Бочкина, ободрила его.

Онъ съ удовольствіемъ выслушивалъ различныя остро-ти захолустныхъ вольтеріанцевъ и Балакиревыхъ и самъ силился отпустить какую-нибудь шутку, гармонирующую съ общимъ тономъ. Все пошло какъ по маслу; во всѣхъ Андрей Андреевичъ расположенъ былъ видѣть друзей и братьевъ... Послѣ имениннаго обѣда начали организовываться картишки.

— Батюшка, не угодно ли и вамъ? вѣрнѣе всего пред-ложилъ хозяинъ, почесывая въ затылкѣ.—Извините, я попро-сту,—продолжалъ онъ:—можетъ-быть вы... Извините, ради Бога...

— Ничего, ничего, ободрительно проговорилъ Андрей Андреевичъ:—я тоже иногда участвовалъ...

— Вотъ и прекрасно, оживленно произнесъ мельникъ, и тотчасъ возгласилъ:—Господа, приладьте вотъ и батюшку: они тоже желаютъ.

— А кто же въ этомъ сомнѣвался? отозвался Бочкинъ, стоя за разложеннымъ зеленымъ столомъ и разбивая карты.— Нынче ужъ дураковъ-то мало стало... Ну-ка!...

При послѣднихъ словахъ онъ вытянулъ руку съ распу-щенною вѣеромъ колодой и пригласительно мигнулъ ба-тюшкѣ.

Андрей Андреевичъ отвернулъ рукавъ рясъ и двумя паль-цами выдернулъ одно изъ звеньевъ вѣера.

— И все въ хламидѣ, все въ хламидѣ! съ гримасой за-мѣтилъ Бочкинъ.—Вѣдь ужъ сказано разъ: все это долой!

Батюшка оставилъ свою карту на столѣ и пошелъ счи-мать хламиду.

— Впрочемъ вы, можетъ-быть, по большой? сказалъ онъ, снова приближаясь къ столу уже въ одномъ подрясникѣ.

— Нѣтъ, тридцать копѣекъ ставка, отвѣтило сразу нѣ-сколько голосовъ.—А разыграемся, по шестидесяти поста-вимъ, выдѣлился голосъ Бочкина.

— О нѣтъ, я боюсь такой, заявилъ Андрей Андреевичъ;— да со мной и денегъ очень мало. Я не предполагалъ...

— Да что вы сомнѣваетесь? ввернулъ именинникъ:—а хозяинъ-то на что жь? Выручимъ, въ случаѣ ежели... Свои люди...

Батюшка выбралъ мѣсто, заложилъ обѣими руками во-лосы за уши, раза три кашлянулъ отъ волненія и по-лѣзъ въ карманъ за деньгами.

Андрей Андреевичъ, въ первый разъ успѣвшій играть по большой какъ ему казалось игрѣ, игралъ робко и осторож-но, между тѣмъ какъ его партнеры рисковали во всю ива-новскую. Скоро ему карта повалила валомъ, и онъ едва успѣвалъ собирать деньги. Бочкинъ хотя проигрывался, но весьма сочувствовалъ батюшкѣ и послѣ каждаго порядоч-наго куша взятаго послѣднимъ, тянулъ его за руку въ уголокъ, къ столу, уставленному разнаго рода подкрѣпленіями, и пилъ съ нимъ удачу. Ставилъ ли батюшка ремизъ, это

опять давало Бочкину поводъ пригласить его выпить съ горя. Время шло часъ за часомъ, головы туманились, нервы раздражались, кушъ возвышался. Вечеромъ Андрей Андреевичъ сталъ уже смѣшивать пики съ червями; но счастье все-таки не измѣняло ему, и карманъ его все болѣе и болѣе пополнялся.

Лёнушка провела мучительный день, поджидая мужа. Уже въ два часа ночи, когда она лежала въ постели, тщетно стараясь заснуть, раздался громкій стукъ со двора. Бѣдная лопатка вскочила и бросилась на встрѣчу мужу.

— Побойся ты Бога, Андрюша, жалобно начала Лёнушка, едва давъ мужу ввалиться въ дверь:—развѣ можно такъ мучить?... У мельника сидѣть цѣлыя сутки! А еще давнѣе сказалъ...

— А ты заплачь, заплачь... а то не жалостно, грубо отозвался Андрюша.

— Господи! да онъ едва на ногахъ держится! воскликнула Лёнушка, присмотрѣвшись къ походкѣ мужа, когда онъ, не поздоровавшись съ нею, поплелся въ залу.

Усѣвшись возлѣ стола, Андрей Андреевичъ молча началъ вынимать изъ разныхъ кармановъ сматые кредитные билеты и складывать ихъ на столѣ въ кучу.

— Что это? спросила Лёнушка.

— Деньги—не видишь?

— Гдѣ же это ты взялъ?

— Выигралъ.

— Какъ это выигралъ?

— Въ карты.

— Да неужели ты въ карты игралъ... съ мельникомъ? съ удивленіемъ спросила Лёнушка.—Сващенникъ—и съ мужиками въ карты.

— А что? нельзя? потому что тятенька твой не игралъ съ кислою улыбкой сострилъ Андрей Андреевичъ.

— Да, съ живымъ чувствомъ сказала Лёнушка:—палаша въ карты не игралъ.

— Ну, за твоимъ тятенькой не уговяешься. Онъ тебѣ ни копѣйки не оставилъ, а я тебѣ вотъ сколько принесъ. (При этомъ онъ потрясъ въ рукахъ толстый лукъ ассигнацій).

— Да что мнѣ деньги, Андрюша, что мнѣ деньги? кротко произнесла Лёнушка:—мнѣ развѣ деньги!

Лёнушка опустилась на диванъ подлѣ мужа, и припавъ къ его плечу, истерически зарыдала.

Потянулась однообразная, скучная, томительная канитель жизни, соединившей двухъ людей, совершенно чуждыхъ другъ-другу и не умѣющихъ сладиться. Андрей Андреевичъ, переставъ ѣздить на попойки, сталъ скучать, и чтобы за-

нять время присматривалъ кое-какъ за весенними полевыми работами; въ которыхъ впрочемъ не много смыслилъ. Лёнушка попрежнему мечтала о христіанской дѣятельности, хотѣла быть полезна прихожанамъ своего мужа. Когда первые опыты благотворительности и „нравственнаго воздѣйствія“ окончились довольно неудачно, она заинтересовалась школой и стала частенько ходить туда помогать учителю. Мужъ и жена теперь меньше оставались другъ съ другомъ и отношенія ихъ замѣтно охлаждались, хотя Лёнушка попрежнему любила „своего Андрюшу“ и радостно бросалась ему навстрѣчу, когда онъ возвращался домой. Но Андрей Андреичъ въ этихъ случаяхъ напускалъ на себя дѣловый видъ, твердилъ что ему некогда разтабарывать и слѣшилъ отдѣлаться отъ жены. „Ему все болѣе и болѣе не нравилось что жена интересуется со всѣмъ не тѣмъ чѣмъ онъ, и что она сдѣлалась какая-то *кислая*, какъ онъ выражался. Иногда его подмывало даже изругать ее, но взглянувъ на ея исхудалое лицо, на блестящіе, дѣтски незлобивые глаза, онъ ограничивался гримасой, глухимъ кашлемъ недовольства и энергическимъ плевкомъ.“ Жизнь разлаживалась.... На бѣду еще Лёнушка, находившаяся въ половинѣ беременности, не остереглась и сильно повредила свой и безъ того слабый организмъ, такъ что приглашенный къ ней докторъ вызвалъ серьезныя опасенія.

Къ концу рабочаго лѣтнаго времени, къ Лёнушкѣ пріѣхала погостить сестра ея Маша. Ей было пятнадцать лѣтъ и она мало походила на старшую сестру и физически, и нравственно. Веселая, бойкая, здоровая, она понимала жизнь по-дѣтски, не смущалась никакими смутными загадками и не испытывала никакихъ неосуществимыхъ стремленій. На мѣсто Лёнушки она безъ сомнѣнія скорѣе и проще сошлась бы съ Андреемъ Андреевичемъ и пожалуй забрала бы его въ руки. Она сразу произвела на него очень выгодное и живое впечатлѣніе. Несмотря на ея пятнадцать лѣтъ, онъ не умѣлъ обращаться съ ней иначе какъ со взрослою дѣвушкой и невольно сравнивалъ ее съ женой. „Пятнадцать лѣтъ, а какъ уже сложилась“, думалъ онъ вечеромъ въ день ея пріѣзда, ворочаясь на постели. „И какая бѣдовая“.... Онъ слышалъ какъ сестры за перегородкой долго разговаривали и смѣялись.

— Будетъ вамъ, пора спать! возгласилъ наконецъ Андрей Андреичъ изъ своей темницы.—Еще наговоритесь.

— А вы еще наспитесь, отозвалась Мама.

Эка бестія, мелькнуло въ головѣ Андрея Андреича. Онъ началъ мысленно сравнивать сестеръ, но въ состояніи дремоты, которая наконецъ овладѣла имъ, ткань мыслей его разбредлась, такъ что онъ могъ уловить своимъ сознаніемъ только нѣкоторые отдѣльныя клѣточки этой ткани, въ родѣ слѣдующихъ: Есть что-то... Но нѣтъ.... Та.... А у этой.... Пятнадцать лѣтъ.... мелькало у него уже предъ самымъ моментомъ наступленія безсознательнаго снаго состоянія.

На другой день, расхаживая по залѣ, въ то время какъ сестры сидѣли тамъ надъ работой, онъ ловилъ свои впечатлѣнія. „Возвращаясь отъ двери во внутренность залы, онъ окинулъ глазами дорожный станъ Маши и получилъ результатъ: лаптыще чистенькое... сидитъ ловко... словно обтянуто. При слѣдующемъ поворотѣ отъ двери, онъ обратилъ вниманіе на станъ жены и нашелъ: лаптые измятое, залащанное.... сидитъ мѣшкомъ.... какъ-то обвисло.... Дѣлая третій поворотъ, онъ мелькомъ взглянулъ на голову свояченицы и въ умѣ своемъ записалъ: волосы намазаны до блеска и причесаны... косы еложены красиво и крѣпко. При четвертомъ поворотѣ Андрей Андреичъ бросилъ взглядъ на голову Лёнушки и оказалось: изъ косъ торчатъ какіе-то усики.... Кончикъ одной косы отшпилился, расплелся и повисъ за ухомъ.... Надъ вискомъ къ волосамъ прилѣпилась лущинка. Андрей Андреичъ, продолжая налѣзвать, подвелъ итоги, сдѣлалъ обобщеніе, потомъ крикнулъ, остановился среди комнаты и досталъ папиросу. Тутъ только обѣ сестры подняли на него глаза, но онъ стоялъ къ нимъ спиною. Къ вечеру того же дня Андрей Андреичъ сталъ говорить свояченицѣ ты и называть ее Машей. Дѣвочка была рада его простому и ласковому обращенію, нисколько не подозрѣвая чувства которое она внушала сестриному мужу. Но Лёнушка тотчасъ замѣтила что мужъ совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе, и что Мама нравится ему больше чѣмъ бы слѣдовало. На болѣзненный, хрулкій организмъ молодой женщины открытіе это подѣйствовало разрушающимъ образомъ. Она попробовала упрекнуть, усовестить мужа. Разъ Андрей Андреичъ, вернувшись откуда-то, спросилъ у кухарки: Мама дома? Лёнушку это сильно обидѣло.

— О женѣ не спросилъ, дома ли? съ упрекомъ сказала она, когда Андрей Андреичъ попался ей на глаза.

— Что же мнѣ о тебѣ спрашивать? Ты всегда почти дома сидишь, холодно и сурово отозвался онъ.

— Нѣтъ, не потому, а такъ... ужь видно... чуть слышно проговорила Лёнушка.

Андрей Андреичъ сильно вслылилъ.

— А почему же ты думаешь? воскликнулъ онъ, свирѣло наморщившись.—У тебя должно-быть черти въ головѣ-то! Подслушивать ужь начала.... Подлость какая! Я за тобой не подсматривалъ, какъ ты таскалась по волостнымъ правленіямъ.... къ разнымъ учителямъ.... къ лакостникамъ всякимъ....

Лёнушка затрепетала отъ страха и глубокаго оскорбленія.

— Андриша! Господи! Перекрестись.... съ трудомъ выговорила она, задыхаясь, и опустилась на диванъ.

Андрей Андреичъ плюнулъ, схватилъ шапку и ушелъ.

Дьячокъ Прохорычъ, подсмотрѣвшій разъ что батюшка любезничаешь съ свояченицей въ саду, разсудилъ за лучшее повѣдать о томъ матушкѣ. Лёнушку этотъ ударъ сразилъ окончательно. Болѣзнь ея приняла оласный характеръ, и чрезъ нѣсколько недѣль она умерла.

Заканчивая свой разказъ, авторъ намекаетъ на дальнѣйшую судьбу своего героя. Овдовѣвшій Андрей Андреичъ выдержалъ при семинаріи экзаменъ по первому разряду (онъ былъ выпущенъ по второму), поступилъ въ академію, принявъ монашество и поѣхалъ вверхъ какъ по лѣстницѣ....

Такова повѣсть г. Забытаго. Мы не останавливались много на ея литературныхъ достоинствахъ, потому что они проявляются болѣе въ отдѣльныхъ сценахъ, схваченныхъ съ натуры и исполненныхъ наблюдательности, чѣмъ въ общей постройкѣ произведенія, довольно слабой. Но повѣсть читается съ большимъ интересомъ благодаря любопытному, хотя крайне антипатичному типу героя. Типъ этотъ составляетъ новостъ въ нашей литературѣ, и говоря языкомъ старинной критики—„вызываетъ на размышленіе“....

А.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВѢРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сентъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ВЪ 1878 ГОДУ СЕМЬЯ И ШКОЛА

(годъ восьмой),

иллюстрированный журналъ домашнего и общественнаго воспитанія **БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЕСЯЧНО**, по 10—12 листовъ печати, въ двухъ книгахъ (за исключеніемъ мѣсяцевъ іюня и іюля, когда выходитъ только по одной книгѣ), въ $\frac{1}{2}$ долю листа.

Въ теченіе семилѣтняго существованія *Семья и Школа* постоянно имѣла цѣлью: во1хъ) содѣйствовать правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла и распространенію въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій; во2хъ) давать возможно лучшій матеріалъ для умственнаго и физическаго развитія нашего общества.

Сообразно этой цѣли, *Семья и Школа* выходитъ въ двухъ книгахъ.

Книга I (СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ). Сюда входятъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Книга II (ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ). Содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному, нравственному, умственному и физическому, критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогики; смѣсь; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса средне-учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ; историческія замѣтки; библіографія и т. п.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

<i>На полный журналъ (22 кн.).</i>		<i>На Семейное</i>	<i>На Воспи-</i>
		<i>ченіе</i> (12 кн.).	<i>таніе и об-</i> <i>ученіе</i> (10 кн.).
I. Въ С.-Петербургѣ 1) безъ до- ставки.....	11 р.	9 р.	4 р.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ достав- кою.....	11 „ 50 к.	9 „ 50 к.	4 „ 50 к.
II. Въ Имперіи.	12 „	10 „	5 „
III. За границу..	16 „	13 „	7 „

Подписка принимается: а) при городской конторѣ редакціи, *Васильевскій Островъ, по 9 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, д. № 24, кв. № 6*; б) ИНОГОРОДНЫЕ и ЗАГРАНИЧНЫЕ высылаютъ по почтѣ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ **ГЛАВНУЮ КОНТОРУ** (С.-Петербургъ, Васил. Остр., 15 линія, д. № 8, кв. № 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса, имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Издатель **К. КРАЕВИЧЪ.**

Редакторъ **ЮЛ. СИМАШКО.**

3.234.

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ИЛ-
ЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ
ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССИИ, СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

**Подписка на 1878 годъ открыта. Ну-
мера 1й и 2й этого журнала выйдутъ
въ концѣ декабря 1878 года.**

Годовая цѣна ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ, съ 12
раскрашенными картинками и со всѣми прило-
женіями: безъ доставки 4 р., съ доставкою 5 р.
50 к., съ пересылкою 6 р. Годовая цѣна ВТО-
РОМУ ИЗДАНИЮ съ 24 раскрашенными кар-
тинками и со всѣми приложеніями: безъ до-
ставки 5 р., съ доставкою 6 р. 50 к., съ пере-
сылкою 7 р. Главная контора редакціи „МОД-
НАГО СВѢТА“ (Германа Гоппе) находится въ
С.-Петербургѣ, на Большой Садовой, въ д. Ко-
ровина, № 16.

К. 10.628.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ,

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ,

съ бесплатнымъ приложеніемъ

„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ ВОЙНЫ“.

Съ 1 января 1878 года журналъ „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ начнеть X годъ (т.-е. томы XIX и XX) своего существованія и будетъ выходить такъ же аккуратно какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (т.-е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“, благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, приобрѣла въ теченіе девятилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь предъ расходами и всегда давая больше чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная что въ теченіе своей дѣятельности она достаточно заявила себя, редакция считаетъ излишними всѣ пышныя рекламныя и ограничивается только обѣщаніемъ что употребитъ всѣ усилія чтобы оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Программа „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная летопись.—III. Изысканная словесность. Повѣсти, разказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—IV. Наука и художества. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ есте-

ственныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданий, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніемъ художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. Прикладныя науки и промышленность. Новые и старыя открытія и изобретенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр.—VI. Критика и библіографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная летопись. Обзоръ журналовъ.—VII. Театральныя и музыкальныя обозоры. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя піесы (ноты).—VIII. Смѣсь и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новая книга. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. Юмористическій листокъ. Каррикатуры.—XI. Шахматныя задачи, ребусы и т. п.—XII. Частныя объявленія.

Въ случаѣ продолженія Россійско-Турецкой войны въ 1878 году, редація „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ будетъ продолжать давать своимъ подписчикамъ бесплатно, при каждомъ номерѣ своего изданія, отдѣльное приложеніе подъ названіемъ: „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ВОЙНЫ“. Гг. новые подписчики, не выпускивавшіе „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ за 1877 годъ и стало-быть не имѣющіе номеровъ „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ ВОЙНЫ“, вышедшихъ въ 1877 году, могутъ получить таковыя по уменьшенной цѣнѣ, именно: I томъ въ бумажкѣ за 6 р., съ перес. 8 р.; въ календарномъ переплетѣ за 8 р., съ перес. 10 р.; остальные же номера по 20 коп. безъ перес. и по 25 коп. съ перес. за каждый.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ НА 1878 ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.....	13 р.
Безъ доставки въ Москвѣ.....	14 „
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.....	14 „ 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города.....	16 „

К. 10.629.

будетъ говорить о ней... Всѣ критики ослы... А публика? громадный зобъ съ тремя этажами подбородковъ... А между тѣмъ, когда въ прошедшее воскресенье герцогъ де-Мора призвалъ съ главнымъ директоромъ изящныхъ искусствъ смотрѣть ея группу въ мастерской, она была такъ счастлива, такъ гордилась похвалами которыя ей расточали, такъ радовалась своей работѣ, которою она любовалась въ отдаленіи, какъ чужою, теперь, когда инструментъ не проводилъ болѣе между нею и ея произведеніемъ связи, стѣснительной для безпристрастія художника!

Но каждый годъ повторяется та же исторія. Мастерская лишенная послѣдняго произведенія, ея славное имя снова преданное на произволъ непредвидѣнному капризу публички, стремленія Фелиции, не имѣющія уже видимой цѣли, все это оставляя въ ея сердцѣ такую пустоту, пробуждаетъ съ такою силой таящаяся въ душѣ ея потребности ея женскаго существованія, вышедшаго изъ спокойной колеи, что она остается въ постоянно раздраженномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не примется за другую работу. Она запирается, не хочетъ никого видѣть. Можно сказать что она не довѣряетъ самой себѣ. Только одинъ добрый Дженкинсъ выноситъ ее въ такія минуты. Онъ даже какъ будто радуется имъ, какъ бы ожидая чего-нибудь отъ нихъ. А Богъ знаетъ, однако, какъ она недобезна съ нимъ! Еще вчера онъ оставался два часа съ этою скучающею красавицей, которая даже ни разу не заговорила съ нимъ. Если такой же пріемъ она готовитъ вечеромъ высокой особѣ которая удостоитъ ихъ честью обѣдать съ ними... При этомъ кроткая Кренмицъ, мирно предававшаяся всѣмъ этимъ мыслямъ, глядя на концы своихъ башмаковъ съ бантиками, вдругъ вспомнила что она обѣщала состряпать вѣнское пирожное для обѣда означенной особы, и тихо вышла изъ комнаты на кончикѣхъ своихъ маленькихъ ножекъ.

Все-таки дождь, все-таки грязь, все-таки облокотившійся прекрасный сфинксъ, съ глазами устремленными въ грязный горизонтъ. О чемъ онъ думаетъ? Кого онъ ждетъ по этимъ грязнымъ дорогамъ, сомнительнымъ при наступающихъ сумеркахъ, съ морщиной на лбу и съ выраженіемъ отвращенія на губахъ? Ужъ не судьбы ли своей ожидаетъ онъ? Грустная судьба, пустившаяся въ путь по такой погодѣ, не опасаясь ни мрака, ни грязи...

Кто-то вошелъ въ мастерскую поспулю болѣе тяжелою чѣмъ мышиная походка Констансы. Маленькій слуга конечно. И Фелиція, не оборачиваясь, рѣзко сказала:

— Стулай спать... Меня ни для кого нѣтъ дома...

— Мнѣ очень бы желательно было сказать вамъ нѣсколько словъ, отвѣчалъ дружескій голосъ.

Она вздрогнула, выпрямилась и смягченная, почти смѣясь, сказала неожиданному гостю.

— Какъ? это вы, юная Минерва... Какимъ образомъ вы вошли?

— Очень просто. Всѣ двери открыты.

— Это меня не удивляетъ. Констанса съ утра какъ помѣшанная съ своимъ обѣдомъ...

— Да, я видѣлъ. Передняя полна цвѣтами. У васъ гости?...

— О! да, обѣдъ глупый, обѣдъ официальный. Не знаю, какъ я могла... Да садитесь же вотъ тутъ, подлѣ меня; я очень рада что вижу васъ.

Поль сѣлъ нѣсколько смущенный. Никогда еще она не казалась ему столь прекрасною. Въ полумракѣ мастерской, посреди смѣшаннаго блеска художественныхъ произведеній, бронзы, обоевъ, блѣдность ея сіяла кроткимъ свѣтомъ; глаза сверкали какъ алмазы, и длинная амазонка обрисовывала ея чудный станъ. Потомъ она говоритъ такъ ласково, кажется такъ счастлива этимъ посѣщеніемъ. Почему онъ такъ долго не былъ у нея? Почти мѣсяцъ. Развѣ они уже не друзья больше? Онъ извиняется какъ умѣетъ. Дѣла, путешествіе. Къ тому же, если онъ не былъ у нея, то часто говорилъ о ней; да, очень часто, почти каждый день.

— Право? съ кѣмъ же это?

— Съ... „Алимоу Жуайбѣзъ“, хотѣлъ было онъ сказать, но какое-то стѣсненіе остановило его, невыразимое чувство какъ бы стыда произносить это имя въ мастерской, гдѣ раздавалось столько другихъ именъ.

Поль предпочитаетъ отвѣчать ложью, которая ведетъ его прямо къ цѣли его посѣщенія:

— Съ однимъ отличнымъ человѣкомъ, котораго вы совершенно лоналрасну огорчаете... Скажите мнѣ, почему вы не кончили бюста бѣднаго Набаба?... Для него великое счастье, великая гордость этотъ бюстъ на выставкѣ... Онъ такъ разчитывалъ на него.

При имени Набаба она нѣсколько сконфузилась.

— Правда, сказала она,—я не сдержала своего слова... Что прикажете дѣлать? Я такъ капризна... Но мое желаніе приступить къ нему снова на дняхъ... Вамъ видите на немъ мокрое полотно, чтобы глина не высохла...

— Да, мы слышали что его постигла какая-то бѣда.... Знаете ли вы что мы не повѣрили этому слуху.

— Совершенно напрасно... Я никогда не лгу... Паденіе, страшное паденіе... Но только глина была свѣжая.—Я легко исправила поврежденіе. Смотрите!

Она сдернула полотно и Набабъ выставилъ свое доброе лицо, совершенно счастливое что его выдѣлили изъ гдины, и до такой степени натуральное что Поль вскрикнулъ отъ удивленія.

— Не правда ли, онъ хорошъ? простодушно спросила она.—Еще нѣсколько поправокъ тамъ и самъ... (Она взяла инструментъ, губку и повернула бюстъ къ свѣту.) Работы тутъ на нѣсколько часовъ; но онъ все-таки не послѣдетъ на выставку. У насъ 22е; всѣ вещи давно отосланы.

— Ба!... съ протекціей...

Она нахмурила брови и со злымъ выраженіемъ сказала:

— Правда... Протекція герцога де-Мора... О! намъ нечего возражать. Я знаю что обо мнѣ говорятъ и я дорожу этими рѣчами вотъ столько же... (Она бросила нарикъ глины въ стѣну.) Но оставимъ эти глупости, сказала она, поднимая свою повелительную головку.—Я хочу сдѣлать вамъ удовольствіе, Минерва... Вашъ другъ отпрадится въ нынѣшнемъ году въ Салонъ.

Въ эту минуту запахъ сахара и теплаго тѣста пронесся по мастерской, гдѣ опускались сумерки мелкою безцвѣтною пылью, и фея явилась съ блюдомъ пирожного въ рукѣ, настоящая фея, разряженная, помолодѣвшая, одѣтая въ бѣлую тюнику, выставлявшую на показъ изъ-подъ ложелѣвшихъ кружевъ двѣ красивыя старушечьи руки — красота рукъ, какъ извѣстно, сохраняется долѣе всего.

— Посмотри мои *Kischen*, душечка, удалась ли они на этотъ разъ... Ахъ, извини, я не видала что у тебя гости... Да это господишь Поль... Какъ поживаете, господишь Поль? Попробуйте моихъ пирожковъ.

И любезная старушка, которой ея костюмъ какъ бы придавалъ особенную живость, приблизилась подпрыгивая и

держа въ равновѣси тарелку на концахъ своихъ кукольныхъ пальцевъ.

— Оставь его, спокойно сказала ей Фелиція.—Ты поподчuessь его за обѣдомъ.

— За обѣдомъ?

Танцовщица была такъ изумлена что едва не уронила своего красиваго парожнаго, подобно ей раздутаго, легкаго и вкуснаго.

— Ну да, я его оставляю обѣдать съ нами... О, я прошу васъ, прибавила она со странною настойчивостью, видя движеніе отказа со стороны молодаго человѣка, — прошу васъ не говорите мнѣ: нѣтъ... Оставляясь со мною вы оказываете мнѣ истинную услугу... Вспомните, я не поколебалась ни на минуту, когда вы попросили меня...

Она взяла его за руку; между ея просьбой и умоляющимъ, болзливымъ тономъ которымъ она ее дѣлала была какая-то странная несообразность. Поль еще отговаривался. Онъ не одѣтъ... Какъ же она требуетъ?... Обѣдъ, на которомъ у нея гости...

— Мой обѣдъ?... Я отменяю его... Мнѣ такъ хочется... Мы останемся втроемъ съ Констансой.

— Но, Фелиція, дитя мое, ты не подумала... Но, вотъ тамъ... Тотъ можетъ прѣхать сейчасъ.

— Вотъ еще! Я напишу ему чтобъ онъ остался дома.

— Несчастная! ужъ слишкомъ поздно...

— Нисколько. Бьетъ шесть часовъ. Обѣдъ назначенъ въ половинѣ восьмага.... Ты вотъ сейчасъ доставишь ему это.

Она послѣшнво писала на углу стола.

— Боже мой! Боже мой! какая странная дѣвушка! шептала танцовщица совершенно озадаченная, между тѣмъ какъ Фелиція, радостная, преображенная, весело залечатывала письмо.

— Вотъ я и извинилась... Мигрень придуманъ ненапрасно...

Потомъ когда было отосламо письмо она продолжала:

— О! какъ я рада, какой славный вечеръ мы проведемъ... Подѣлуй же меня, Констанса... Это не помѣшаетъ намъ сдѣлать честь твоимъ *Kischen*, и мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть тебя въ костюмъ въ которомъ ты моложе меня.

Этого достаточно было для танцовщицы чтобы простить новый калпризъ ея „малаго чертенка“, и преступленіе въ оскорбленіи величества, въ которомъ ее заставили принять

участіе. Поступать такъ безцеремонно съ такою высокою особой! Только она одна на свѣтѣ, она одна... Что касается до Поля де-Жери, то онъ и не пытался сопротивляться, охваченный снова тѣмъ обаяніемъ, отъ котораго онъ считалъ себя свободнымъ въслѣдствіе разлуки, по которое, какъ только онъ переступилъ порогъ мастерской, подавляло его волю, и предавало его, связаннаго и побѣжденнаго, чувству, которому онъ рѣшился сопротивляться.

Очевидно обѣдъ, настоящій лакомый обѣдъ, подъ надзоромъ Констансы въ мельчайшихъ подробностяхъ, приготовленъ былъ для знатнаго гостя. Начиная отъ высокаго лодовѣчника съ семью вѣтками изъ рѣзнаго дерева; блиставшаго на екатерти покрытой шитьемъ, до кушниковъ съ дщцами горашками странной и изысканной формы, вся великолѣпная обстановка стола, изысканность блюдъ, обнаруживали важность ожидаемаго гостя и заботу угодить ему. Вы чувствовали что находитесь у художницы. Мало серебра, но превосходный фаянсъ, много ансамбля безъ малѣйшаго подбора. Старый руанскій, розовый севрскій фарфоръ, голландскій хрусталь со старинною оправой встрѣчались на этомъ столѣ какъ на этажеркѣ съ рѣдкими вещами; собранными знатокомъ поклочительно по его вкусу. Нѣсколько безпорядка примѣшивалось къ этому хозяйству, устроившемуся случайно. Чудно одѣланный судокъ былъ безъ пробокъ. Изъ разбитой солонки сыпалась соль на столъ, и ежеминутно слышалось: „Послушай! что съдѣлалось съ горчицницей?... куда дѣвались вилки?“ Это нѣсколько конфузило Жери за молодую хозяйку дома, но та не обращала на это ни малѣйшаго вниманія.

Но нѣчто другое смущало Поля еще болѣе, а именно мысль, какого привилегированнаго гостя онъ занималъ мѣсто за этимъ столомъ,—гостя, котораго можно было угощать съ такимъ великолѣпиемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою полнѣйшею безцеремонностью. Несмотря на то, онъ чувствовалъ его присутствіе, этого непріятнаго гостя, оскорбительное для его личнаго достоинства. Напрасно онъ пытался забыть о немъ; все о немъ напоминало, до костюма доброй феи, сидѣвшей напротивъ, и сохранившей еще нѣчто отъ важнаго вида которымъ она запаслась для такого торжественнаго событія. Эта мысль смущала Поля и портала все его удовольствіе.

За то, какъ часто бываетъ во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ унысыи весьма рѣдки, никогда Фелиція не бывала такъ привѣтлива, въ такомъ веселомъ настроеніи. То было веселье бывшее черезъ край, почти дѣтское, одно изъ тѣхъ горячихъ чувствъ, которыя испытываетъ лю мимованіи опасности,—реакція свѣтлаго, согревающего огня послѣ волнений кораблекрушенія. Она хохотала отъ души, подтрунивала надъ выговоромъ Поля, надъ тѣмъ что она называла его мѣщанскими идеями.

— Вѣдь вы отчаянный буржуа, какъ вамъ извѣстно... Но это мнѣ и нравится въ васъ... Вѣроятно по контрасту, потому что я родилась подъ палубой, во время бури, я всегда любила натуры положительныя, разумныя.

— О, дочь моя, что это ты вздумала увѣрять господина Поля, будто ты родилась подъ палубой... говорила добрейшая Крекиндъ, которая не могла привыкнуть къ преувеличенію нѣкоторыхъ образовъ и все понимала буквально.

— Пусть его думаетъ что хочетъ, моя милая фея... Мы не прочтемъ его себѣ въ мужья... Я увѣрена что онъ не пожелаетъ себѣ такого чудовища, какъ женщина-артистъ. Онъ подумалъ бы что женится на чортѣ... Вы совершенно правы, Минерва... Искусство—деспотъ. Ему необходимо отдаться вполнѣ. Въ свое созданіе, артистъ полагаетъ все что у него есть идеальнаго, энергическаго, честнаго, искреннаго, такъ что ему не остается ничего для жизни, и по окончаніи работы онъ похожъ на ладью безъ мачты и руля, предавную прихоти волнъ.... Такая жена—грустное пріобрѣтеніе.

— Однако, робко замѣтилъ молодой человѣкъ, — мнѣ кажется что искусство, какъ оно ни требовательно, не можетъ одно овладѣть женщиной. Что же одѣляетъ она со всею присущею ей нѣжностью, съ потребностью любить, жертвовать собою, которыя составляютъ побужденіе морфх ея дѣйствій?

Она подумала съ минуту прежде чѣмъ дала отвѣтъ.

— Вы можете быть правы, мудрая Минерва.... Дѣло въ томъ что бываютъ дни когда жизнь звучитъ мнѣ страшною пустотой.... Я вижу отверстую бездну предъ собою. Все что я ни брошу въ нее чтобы ее наполнить, исчезаетъ безслѣдно.... Мои лучшіе артистическіе восторги погружаются туда и умираютъ со стономъ. Тогда я думаю о замужествѣ. Мужъ, дѣти, цѣлая стая дѣтей, которыя бы катались по мастерской, заботы о гнѣздѣ для нихъ, удовлетво-

реніе этой физической дѣятельности, которой недостаетъ нашему артистическому существованію, занятія правильныя, лѣсны, наивныя радости, которыя заставили бы васъ играть, а не витать въ пустомъ мрачномъ пространствѣ, смѣяться надъ оскорбленными самолюбіемъ, быть только довольною матерью, когда публичка сдѣлаетъ васъ артисткой устарѣлою, негодною....

И предъ этимъ видѣніемъ цвѣтѣ жизни, красота дѣвушки приняла выраженіе, какого никогда не видалъ въ ней Поль,—выраженіе которое охватило его всего, внушило ему безумное желаніе унести въ своихъ объятіяхъ эту прекрасную дикую птицу, мечтающую о голубятнѣ, для защиты и охраненія ее вѣрною любовью честнаго человѣка.

Она продолжала, не смотря на него.

— Я вовсе не такая неукротимая, какъ кажусь.... Спросите у моей доброй крестной матери, когда она меня отвезла въ пансіонъ, ухитая ли я держать себя прямо, ходить по ниточкѣ.... Но потомъ, какая кутерьма въ моей жизни.... Беслѣбны вы знали какова была моя молодость, какой преждевременный опытъ омрачилъ мой умъ, какое смѣшеніе въ моемъ дѣтскомъ сужденіи о дозволенномъ и запрещенномъ, о разсудительномъ и безумномъ! Одно искусство оставалось неприкосновеннымъ во всемъ этомъ, и въ немъ я находила себя приютъ.... Вотъ почему можетъ-быть я никогда не буду ничѣмъ инымъ какъ артисткой, женщиной не похожей на другихъ, бѣдною амазонкой съ сердцемъ запертымъ въ желѣзной брѣтѣ, лущенною въ битву какъ мушкетеръ и осужденною жить и умереть какъ мушкетеръ.

О, почему онъ не сказалъ ей тогда: „Прекрасная воительница, оставьте ваше оружіе, оденьтесь въ граціозныя брачныя одежды. Я васъ люблю, я васъ умоляю выйти за меня замужъ чтобы быть счастливою и сдѣлать меня также счастливымъ.“

Онъ не сказалъ этого. Онъ опасался чтобы тотъ который долженъ былъ обѣдать сегодня вечеромъ у нея, и который оставался между ними, несмотря на свое отсутствіе, не улыбаясь этимъ словъ его, и былъ бы въ правѣ посмѣяться надъ нимъ или, что еще хуже, пожалѣть о немъ....

— Во всякомъ случаѣ, я клаянусь, продолжала она,—что если у меня будетъ когда-нибудь дочь, то я сдѣлаю ее настоящею женщиной, а не такою безтолковою какъ я сама...

О, ты знаешь, моя фея, что я это говорю не на твоей счетъ.... Ты всегда была такъ добра съ твоими чертенкомъ, такъ нѣжно заботилась о немъ. Да, посмотрите же, какая она хорошенькая, какъ она молода сегодня вечеромъ!

Оживленная обѣдомъ, освѣщеніемъ, однимъ изъ тѣхъ бѣлыхъ одѣяній, отблескъ которыхъ сглаживаетъ морщины, Креницъ, опрокинувшись на стулъ, держала на высотѣ своихъ полураскрытыхъ глазъ стаканъ шато-д'юкема, принесеннаго изъ погреба ихъ сосѣда Муленъ-Рузна; и ея маленькая розовая рожица, ея развѣвающіяся украшенія, отражающіяся въ золотистомъ винѣ, которое имъ придавало особую прелесть, наминали старинную героиню роскошныхъ ужинковъ по выходѣ изъ театра. Креницъ добраго стараго времени, не дерзкую на подобіе знаменитостей нашей современной оперы, но беззаботную и погруженную въ свою роскошь, какъ жемчугъ въ свою перламутровую раковину. Фелиція, которая рѣшительно желала всего нравиться въ этотъ вечеръ, навела ее незамѣтно на воспоминаніе о прошломъ, заставила ее снова разказать о своихъ великихъ торжествахъ въ *Жизели*, въ *Пери* и объ оваріяхъ лубяки, о пощеніи принцами ея ложи, о подаркѣ королевы Анжели, сопровождавшей его такими милыми словами. Воспоминаніе объ этихъ славныхъ дняхъ приводило въ упоеніе бѣдную фею, глаза ея блистали, и слышно было какъ маленькія ножки ея постукивали подъ столомъ, какъ бы объятія неистовствомъ лаяски.... И дѣйствительно, по окончаніи обѣда, когда возвратились въ мастерскую, Констанса начала рассказывать взадъ и впередъ, пробовать ла, лируеты, продолжая разговаривать, перерывая себя чтобы нагнѣвать балетъ, въ тактъ которому качала головой, потомъ вдругъ она присѣла и однимъ прыжкомъ очутилась на другомъ концѣ мастерской.

— Она вдохновилась, сказала Фелиція тихо Полю.—Посмотрите. Это стоить того: вы увидите какъ танцуетъ Креницъ.

То было зрѣлище восхитительное и волшебное. Во глубинѣ обширной комнаты, покрытой тѣнью и освѣщенной лишь свѣтомъ изъ округленнаго стекляннаго павильона, гдѣ всходила луна на очистившемся небѣ, синемъ небѣ ночи, совершенно театральномъ, силуэтъ знаменитой танцовщицы отдѣлялся весь бѣлый какъ маленькій веселый при-

зракъ, легкій, воздушный, который казался летающимъ: поднявшись на тонкіе концы маленькихъ ногъ, поддерживаемая на воздухъ только своими протянутыми руками, съ лицомъ на которомъ не видно было ничего кромѣ улыбки, она съ живостью приближалась къ свѣту или удалялась отъ него маленькими прыжками, столь быстрыми, что вы такъ и ожидали что услышите легкій трескъ стекла и увидите какъ она поднимется вверхъ по широкому лунному лучу, освѣщавшему мастерскую. И особенную прелесть, необыкновенную поэзію этому фантастическому балету, придавало отсутствіе музыки; единственный ритмъ, могущество котораго выступало въ полумракѣ, былъ живой и легкій стукъ ногъ раздававшійся по ларкету не сильнѣе паденія лепестка за лепесткомъ далѣй съ которой осылаются листья.... Это продолжалось нѣсколько минутъ, потомъ по ея учащенному дыханію стало замѣтно что она утомляется.

— Довольно, довольно... Садись, сказала Фелиція.

Тогда маленький блѣлый призракъ прибѣлъ на краю кресла, и остался на немъ, готовый повестись снова съ веселою улыбкой, до тѣхъ поръ пока дремота не охватила маленькую фею и не начала тихо убаюкивать ее; не разстроивая ея красивой позы, въ которой она казалась стрекозой на вѣткѣ ивы окунувшейся въ воду и колеблемой потокомъ.

Пока они смотрѣли какъ она раскачивалась на своемъ креслѣ, Фелиція сказала:

— Бѣдная, маленькая фея! вотъ что у меня было лучшаго, самого серьезнаго въ моей жизни въ сферѣ дружбы, охраненія, покровительства.... Эта бабочка была моею крестною матерью.... Удивляйтесь же послѣ этого зигзагамъ и увлеченіямъ моего ума... счастье еще что я этимъ ограничиваюсь....

Потомъ вдругъ, какъ будто охваченная порывомъ радости, она продолжала:

— Ахъ, Минерва, Минерва, какъ я рада что вы пришли ко мнѣ сегодня вечеромъ.... Но вотъ видите ли, вамъ не сядуетъ такъ долго оставлять меня одну.... Мнѣ нужно имѣть подлѣ себя такой прямой умъ, какъ вашъ, видѣть настоящее лицо посреди окружающихъ меня масокъ.... Правда, вы ужасный буржуа, сказала она смѣясь,—да еще кромѣ того провинціалъ... Но все равно! все-таки на васъ мнѣ всего пріятнѣе смотрѣть.... И я думаю что симпатія

моя главнымъ образомъ зависитъ отъ одного обстоятельства. Вы напоминаете мнѣ одну особу, которую я всего больше любила въ юности, маленькое, серьезное и также разсудительное существо, не пренебрегающее ежедневною жизнью, но вносящее въ нее все то идеальное что мы, артисты, отдаемъ исключительно нашимъ произведеніямъ.... Когда вы говорите, то я какъ будто слышу ее.... У васъ обоихъ одинъ ротъ по античному образцу. Не это ли придаетъ сходство вашимъ словамъ? Или же прозвученныя слова придаютъ вашимъ губамъ одинаковое выраженіе? Не знаю, но вѣрное вы похожи другъ на друга.... Вотъ вы сейчасъ увидите....

На столѣ, заваленномъ рисунками и альбомами, у котораго она сидѣла, разговаривая съ нимъ, она рисовала, не переставая говорить, съ наклоненнымъ лбомъ, съ локонами вѣсколько фантастическими, отбывавшими ея чудную головку. То было уже не красивое чудовище съ лицомъ мрачнымъ и боязливымъ, проклинающее собственную жизнь, но женщина, настоящая женщина, которая любить и хочетъ нравиться.... На этотъ разъ Поль забывалъ все свои поддартіи въ виду такой искренности и граціи. Онъ готовъ былъ говорить, убѣждать: минута была рѣшительная.... Но дверь отворилась и появилась маленькій слуга....

Господинъ герцогъ присматривая спросить все такъ ли же страдаетъ отъ мигрени мадемуазель Рюцъ...

— Все также!... отвѣчала она сердито.

Слуга вышелъ, и между ними водворилось молчаніе, пробѣжалъ холодъ. Поль всталъ. Она продолжала свой рисунокъ все съ наклоненною головою.

Онъ прошелся по мастерской, потомъ возвратясь къ столу спросилъ тихо, самъ изумленный своимъ спокойствіемъ:

— Герцогъ де-Мора долженъ былъ обѣдать у васъ сегодня?

— Да... мнѣ было скучно... день сплывалъ... Дни эти⁶ не хороши для меня.

— А герцогиня также собиралась обѣдать у васъ?

— Герцогиня?... Нѣтъ, я не знакома съ нею.

— На вашемъ мѣстѣ я бы никогда не сталъ принимать у себя женатаго человѣка, съ женой котораго я бы не былъ знакомъ.... Вы жалуетесь что васъ оставляютъ всѣ; зачѣмъ же вы сами не отдѣдите за собою? Когда мы безупречны, то

необходимо остерегаться подозрѣнія... вы не сердитесь на меня?

— Нѣтъ, нѣтъ, брагите меня, Минерва... Я одобряю вашу нравственность. Она прямая и откровенная и не виляетъ, какъ нравственность Дженкинсовъ... Я вамъ говорила, мнѣ нужно чтобы мною руководили...

И бросивъ ему рисунокъ, который она кончила, она сказала:

— Посмотрите, вотъ подруга о которой я вамъ говорила... Преданность глубокая и вѣрная, которую я имѣла безуміе потерять по своей нестычности... Ее я призывала въ трудныя минуты когда сѣдовало принять какое-нибудь рѣшеніе, принести какую-нибудь жертву... Я говорила себѣ: „Что скажетъ она?“ какъ мы останавливаемся въ нашей художественной работѣ чтобы подумать о великомъ образѣ, объ одномъ изъ нашихъ учителей... Необходимо чтобы вы были этимъ для меня. Хотите?

Поль не отвѣчалъ. Онъ рассматривалъ портретъ Алины. То была дѣйствительно она, ея чистый профиль, ея добрый и насмѣшливый ротъ и длинный локоть падавшій на тонкую шею.

О, теперь могла явиться въ герцога де-Мора. Фелиція не существовала для него болѣе.

Бѣдная Фелиція, одаренная высшими способностями, была похожа на тѣхъ волшебницъ, которыя ссылаются и разрѣшаютъ участь людей и ничего не могутъ сдѣлать для собственнаго счастья.

— Подарите мнѣ этотъ портретъ, сказалъ онъ тихо, взволнованнымъ голосомъ.

— Очень охотно... Она мила, не правда ли?.. О, если вы встрѣтите ее, то любите ее, женитесь на ней. Она лучше всѣхъ другихъ... Однако за неимѣніемъ ея... за неимѣніемъ ея...

И прекрасный, прирученный сфинксъ поднималъ на него глаза влажные и смѣющіеся, загадка которыхъ уже не имѣла въ себѣ ничего неразрѣшимого.

XIV. В ы с т а в к а.

— Превосходно!..

— Успѣхъ громадный. Баря не создавалъ ничего лучше.

— А видѣли бують Набаба?... Кто оцѣнивалъ, такъ это Констанса Кремицъ. Посмотрите, какъ она подпрыгиваетъ...

— Какъ? Кремицъ—эта маленькая старушка въ горностаевомъ плащѣ?.. Ахъ, Боже мой! я думалъ что она умерла лѣтъ двадцать тому назадъ.

О! вѣтъ, напротивъ, она жива совершенно. Восторженная, помолодѣвшая торжествомъ своей крестницы, которой рѣшительно принадлежитъ первый уотѣхъ на выставкѣ, она расхаживаетъ посреди толпы артистовъ, свѣтскихъ людей, составляющихъ въ двухъ мѣстохъ гдѣ выставлены произведенія Фелиции какъ бы двѣ массы черныхъ сливъ, свѣтлыхъ туалетовъ, тѣсящихся чтобы смотрѣть. Констанса, столь застѣнчивая обыкновенно, пробирается въ первый рядъ, слушаетъ споры, ловить на лету обрывки фразъ, формулы, которыя удерживаетъ, киваетъ одобрительно головой, улыбается, пожимаетъ ладони когда услышитъ глупость, и готова поразить каждаго кто бы посмѣлъ не удивляться произведеніямъ ея крестницы.

Добрѣйшая ли Кремицъ или кто другой, но на всѣхъ выставкахъ этотъ перебѣгающій силуэтъ, прислушивающійся ко всѣмъ разговорамъ съ напряженнымъ вниманіемъ, съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ; иногда старикъ-отецъ, взглядъ котораго благодаритъ васъ за любезное слово, сказанное мимоходомъ, или принимаетъ грустное выраженіе вслѣдствіе эпитаграммы направленной противъ произведенія искусства, и долженствующей поразить сердце художника. Фигура, которой конечно не забудетъ живописецъ если когда-нибудь вздумаетъ изобразить на полотнѣ одно изъ самыхъ типическихъ проявленій парижской жизни—открытіе выставки живописи и ваянія.

При освѣщеніи нѣсколько холодномъ, блѣдномъ отъ зеленыхъ обоевъ боковыхъ галлерей, гдѣ лучи какъ бы разрѣжаются, придавая вѣрность глазу гуляющихъ, медленная толпа двигается взадъ и впередъ, останавливается, распола-

гается по скамьямъ, тѣсясь въ группы и смѣшивая всѣ классы общества лучше, чѣмъ какое-либо другое собраніе, подобно тому какъ это измѣнчивое время года смѣшиваетъ всѣ наряды и выставляетъ на видъ черныя кружева, величественный шлейфъ знатной дамы, пріѣхавшей посмотрѣть какое впечатлѣніе производитъ ея портретъ, и сибирскій мѣхъ актрисы, возвратившейся изъ Россіи, и непремѣнно желающей чтобы это было всѣмъ извѣстно.

Здѣсь нѣтъ ни ложъ, ни бекуаровъ, ни особыхъ мѣстъ, а это-то и придаетъ этому первому представленію среди бѣлаго дня такую прелесть оригинальности. Настоящія свѣтскія дамы могутъ вблизи судить объ этихъ писанныхъ красавицахъ, которымъ такъ рукоплещутъ при свѣчахъ; маленькая шляпка новой формы маркизы де-Буа-Ланари смотритъ свысока на болѣе или менѣе скромную одежду жены или дочери артиста; между тѣмъ какъ модель, позировавшая для великолѣпной Андромеды что красуется у входа, проходитъ побѣдомосно, одѣтая въ слишкомъ короткую юбку, и въ лоношенное платье, наброшенное на ея красоту со всѣми фальшивыми модными складками. Всѣ изучаютъ другъ друга, удивляются, подсмѣиваются, обмѣниваются взглядами пренебреженія, презрѣнія или любопытства, и вдругъ останавливаются при появленіи знаменитости, того славнаго критика, котораго мы кажется еще видимъ предъ собою, спокойнаго, величественнаго, съ его мощною головой покрытою длинными волосами; онъ обходитъ произведенія скульптуры, сопровождаемый дюжиной юныхъ учениковъ, опирающихся на его благосклонный авторитетъ. Шумъ голосовъ исчезаетъ въ этомъ огромномъ зданіи, звучащемъ только подъ двумя сводами при входѣ и выходѣ, за то лица принимаютъ въ немъ изумительное напряженіе, выуклость движеній и одушевленія сосредоточивающагося въ особенности въ обширномъ черномъ пространствѣ буфета, переполненнаго и жестикулирующаго, гдѣ свѣтлыя шляпки женщинъ, бѣлые фартуки прислуги, выдѣляющіеся на фонѣ черной одежды, и въ большомъ пролетѣ по срединѣ, гдѣ непрерывное движеніе прогуливающихся являетъ странный контрастъ съ неподвижностью выставленныхъ статуй, торжественно встающихъ среди нечувствительнаго трепетанія окружающаго ихъ мраморную бѣлизну.

Вотъ крылья распростертыя въ гигантскомъ полетѣ, сфера поддерживаемая четырьмя аллегорическими статуями, кружащееся положеніе которыхъ напоминаетъ неопредѣлимый тактъ смутнаго вальса, фигура равновѣсія, возбуждающая иллюзію вращенія земли. Фигуры героически выступающія содержатъ въ себѣ аллегорію, символъ поражающій ихъ смертію и безсмертіемъ, отдающій ихъ исторію, легендѣ, идеальному міру музеевъ, посѣщаемыхъ любопытствомъ и удивленіемъ народовъ.

Хотя бронзовая группа Фелиціи и не имѣла размѣровъ большихъ произведеній, но ея исключительное достоинство доставило ей честь украсить одну изъ среднихъ площадокъ, отъ которой публика держалась въ эту минуту на почтительномъ разстояніи, смотря поверхъ шпалеры сторжей и городскихъ сержантовъ на Тунисскаго бей и его свиту, въ длинныхъ бѣлыхъ буркусахъ со складками, достойными изваянія, и похожихъ на живыя статуи. Бей, прибывшій въ Парижъ нѣсколько дней тому назадъ и ставшій лавомъ всѣхъ „первыхъ представленій“ и всакихъ новинокъ, пожелалъ видѣть открытіе выставки. То былъ „государь просвѣщенный, любитель искусствъ“, имѣвшій въ Бардо галерею удивительныхъ турецкихъ картинъ и хромолитографическія воспроизведенія всѣхъ сраженій Первой Имперіи. При самомъ входѣ его поразило изображеніе большой арабской собаки породы *слуи*. То былъ настоящий тонкій и нервный сауги его страны, товарищъ всѣхъ его охотничьихъ экскурсій. Бей смѣялся изъ-подъ своей черной бороды, щупая спину животнаго, лаская его мускулы, какъ будто стараясь возбудить его еще болѣе между тѣмъ какъ, открывъ ноздри, оскаливъ зубы, вытянувъ граціозно всѣ члены, аристократическое животное, хищное, пламенное въ любви и преслѣдованіи, отуманенное двоякимъ опьянѣніемъ, устремило на одну точку глаза, уже наслаждаясь своею добычей, съ вытянутымъ наружу кончикомъ языка, и какъ бы заостривая зубы свирѣпымъ смѣхомъ. Смотри только на собаку, зритель говорилъ: „она схватитъ ее!“ Но видъ лисицы тотчасъ же успокоивалъ. Подъ бархатомъ своего глянцевого крупа, почти касаясь земли пушистою шерстью она неслась безъ усилія; она казалась чѣмъ-то волшебнымъ, и ея тонкая голова съ острыми ушами, которую

она на бѣгу оборачивала въ сторону собаки, имѣла видъ проницательной увѣренности, ясно указывавшей на даръ полученный ею отъ боговъ.

Между тѣмъ какъ инспекторъ изящныхъ искусствъ, прибѣжавшій послѣднимъ, въ криво надѣтомъ мундирѣ и лысый до спины, объясняя безъ смысла аполлога о *собакѣ* и *миссизъ*, подписъ „что будетъ, когда они встрѣтятся“, и указавше: „принадлежитъ герцогу де-Мора“, толстый Гемерлингъ, сопровождавшій его высочество, сидѣлъ лотвъ и задыхаясь увѣрить его что это великолѣпное изваяніе есть произведеніе прекрасной амазонки, которую они наканунѣ встрѣтили въ Лѣсу. Какимъ образомъ женщина со слабыми руками могла согнуть такую крѣпкую бронзу, чтобы придать ей формы животнаго? Изъ всѣхъ парижскихъ чудесъ это чудо всего болѣе поразило бѣа. Оттого онъ и обратился съ вопросомъ къ инспектору, нѣтъ ли еще чего-либо изъ произведеній того же художника?

— Есть, ваше высочество, еще одно образцовое произведеніе... Если вамъ благоугодно пожаловать сюда, я вамъ покажу его.

Бѣа двинулся со своею свитой. То были удивительные типы, изваяныя черты и чистыя линіи, горячая блѣдность, самая тѣна которой поглощала бѣлизна ихъ *гаикозъ*. Великолѣпно драпируясь, они представляли контрастъ съ бюстами, расположенными по обѣ стороны аллеи, которою они шли; бюсты эти стоя на своихъ высокихъ колонкахъ, одинокіе, какъ бы изгнанные изъ своей среды, изъ того окруженія гдѣ они могли бы напоминать о большихъ работахъ, о нѣжной привязанности, о существованіи мужественномъ и полномъ, имѣли печальный видъ людей сбившихся съ дороги, и какъ бы стыдящихся занимаемаго ими мѣста. За исключеніемъ двухъ, трехъ женскихъ фигуръ съ роскошными плечами, окаймленными окаменѣлыми кружевами, съ мраморными волосами, воспроизведенными съ мягкостью, которая придавала имъ видъ наудренныхъ головъ, и нѣсколькихъ дѣтскихъ профилей съ простыми линіями, которымъ гляциозность казалось придавала гибкость жизни, все остальное было морщины, складки и гримасы, такъ какъ наше изліиство труда, движенія, наши нервные болѣзни и лихорадки не согласуются съ искусствомъ полнымъ спокойствіемъ и прекрасной ясности.

По крайней мѣрѣ на сторонѣ безобразія Набаба была энергія, его свойства авантюриста и простолюдина, и его выраженіе доброты, столь превосходно схваченное художницей, которая, сверхъ того, постаралась затемнить гилсъ слоемъ охры, что почти придавало ему загорѣлый смуглый видъ оригинала. Увидѣвъ его, Арабы не могли не воскликнуть сдержаннымъ голоомъ: Бу-Саидъ! (отецъ счастья). То было прозвище Набаба въ Тунисъ, какъ обозначеніе его удачъ. Бей съ своей стороны, полагая что его вздумали мистифицировать, приводя его такимъ образомъ къ ненавидимому мерканти, посмотрѣлъ на инспектора съ недоувѣрчивостію.

— Жансуле? сказалъ онъ своимъ горловымъ голоомъ.

— Точно такъ, ваше высочество, Франсуа Жансуле, новый депутатъ Корсики....

На этотъ разъ бей обратился къ Гемерлингу, нахмуривъ брови.

— Депутатъ?

— Да, ваше высочество, съ сегодняшняго утра, но дѣло еще не кончено.

И банкиръ, возвысивъ голосъ, присовокупилъ шепелява:

— Никогда Французская палата не приметъ этого авантюриста.

Пусть такъ! Но ударъ былъ нанесенъ слѣпому доувѣрію бея къ его финансовому барону. Тотъ увѣрялъ его такъ усиленно, что Жансуле никогда не будетъ избранъ и что можно свободно и безъ опасеній дѣйствовать противъ него. И вотъ вмѣсто человѣка злѣтнаннаго, пришибленнаго, предъ нимъ представитель націи, каменнымъ изображеніемъ котораго собирались любоваться Парижане, ибо для жителя Востока публичная выставка соединялась съ идеей почета, и бюстъ имѣлъ все обаяніе статуи воздвигнутой на площади. Пожелтѣвъ болѣе обыкновеннаго, Гемерлингъ обвинялъ самъ себя въ неловкости и неосторожности. Но могъ ли онъ подозрѣвать что-либо подобное? Его увѣрили что бюстъ еще не оконченъ. И дѣйствительно, бюстъ появился на выставкѣ только съ утра и казалось былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, трепеща отъ удовлетворенной гордости и подсмѣиваясь надъ своими врагами добродушною улыбкой своихъ вздернутыхъ губъ. Настоящая безмолвная отмстка за Сень-Романскую катастрофу!

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, бей столь же холодный, какъ изваянный ликъ, пристально смотрѣлъ на бюстъ, не говоря ни слова, съ прямою морщиной на лбу, гдѣ только придворные могли усмотрѣть его гнѣвъ; потомъ, сказавъ два слова по-арабски, чтобы подавали экилажи и собрали его разсѣянную свиту, важно двинулся къ выходу, не желая ни на что болѣе смотрѣть... Кто скажетъ, что происходитъ въ этихъ высокихъ мозгахъ, пресыщенныхъ властью? У нашихъ западныхъ государей бываютъ непонятныя фантазіи, но онѣ ничто въ сравненіи съ восточными капризами. Инспекторъ изящныхъ искусствъ, вполне увѣренный что онъ покажетъ всю выставку его высочеству и надѣявшійся заслужить красивую, зеленую съ краснымъ ленточку Нишамъ-Ифтикаръ, никогда и не узналъ тайны этого внезапнаго бѣгства...

Въ ту минуту, когда бѣлые гауки исчезали подъ навѣсомъ крыльца, Набабъ входилъ въ среднія двери какъ разъ вовремя чтобы увидѣть развѣвajícíя ихъ складки. Утромъ онъ получилъ извѣстіе: *Избранъ подавляющимъ большинствомъ*, и послѣ обильнаго завтрака, гдѣ много пили за здоровье новаго корсиканскаго депутата, онъ явился съ нѣкоторыми изъ своихъ гостей, показаться публикѣ, посмотрѣть на самого себя, насладиться своею новою славой.

Первое лицо которое онъ замѣтилъ при входѣ была Фелиція Рюисъ, стоявшая опершись на цоколь статуи, осылаемая привѣтствіями и комплиментами, къ которымъ онъ послѣдшилъ присоединить и свои. Она была одѣта просто, въ черномъ платьѣ, вышитомъ чернымъ стекларусомъ; строгость костюма умѣрялась отблескомъ прелестной маленькой шляпки, украшенной лерьями, продолженіемъ которыхъ казались ея густые, тонко завитые волосы, раздѣлявшіеся на затылкѣ на двѣ широкія пряди.

Толпа артистовъ, свѣтскихъ людей тѣснилась предъ гениальною дѣвушкой, блиставшею такою необыкновенною красотой, а Дженкинсъ, съ непокрытою головой, разсыпался въ горячихъ привѣтствіяхъ, переходилъ отъ одного къ другому, возбуждая восторгъ и расширяя кругъ около этой юной славы, которой онъ выставлялъ себя хранителемъ и корифеемъ. Между тѣмъ жена его разговаривала съ молодою дѣвушкой. Бѣдная гжа Дженкинсъ! Ей сказано было тѣмъ свирѣлымъ, хорошо извѣстнымъ ей голосомъ: „Нужно чтобы

вы пошли поздороваться съ Фелиціей“.... И она пошла, сдерживая свое волненіе, ибо ей уже извѣстно было что скрывалось подъ личиною этой отеческой привязанности, хотя она и избѣгала всякаго объясненія съ докторомъ, какъ бы опасаясь его исхода.

Послѣ гжи Джекинсъ, бросился къ ней Набабъ, и схвативъ въ свои толстыя лалы обѣ длинныя и затянутыя въ изящныя перчатки руки артистки, выразилъ свою благодарность съ горячностью, отъ которой у него самого показались слезы на глазахъ:

— Вы сдѣлали мнѣ величайшую честь соединивъ мое имя съ вашимъ, мою смиренную особу съ вашимъ торжествомъ, и показавъ всей этой сволочи, готовой загрызть меня, что вы не вѣрите клеветамъ распущеннымъ на мой счетъ. Увѣряю васъ что я этого никогда не забуду. Еслибъ я pokrылъ этотъ великолѣпный бюстъ золотомъ и алмазами, то я все-таки остался бы вашимъ должникомъ....

Къ счастью для добраго Набаба, болѣе чувствительнаго чѣмъ краснорѣчиваго, онъ долженъ былъ уступить мѣсто тому что всегда привлекаетъ къ себѣ сіяющій талантъ, выдающаяся личность: неистовые восторги, за неумѣніемъ словъ для выраженія, исчезающіе какъ появились, выраженія свѣтскаго удивленія, одушевляемыя самою доброю волей, живѣйшимъ желаніемъ сдѣлать пріятное, но каждое слово которыхъ похоже на душъ холодной воды, и затѣмъ крѣпкія рукожатія солерниковъ, товарищей, однѣ вполнѣ искреннія, другія, въ которыхъ чувствуется принужденіе; какой-нибудь глауецъ съ претензіями, котораго нелѣпая похвала должна по его мнѣнію привести васъ въ восторгъ, и который, чтобы не избаловать васъ, сопровождаетъ ее „нѣкоторыми маленькими оговорками“, и критикъ осылающій васъ комплиментами и въ то же время доказывающій что вы не имѣете понятія объ искусствѣ, и добрый торопящійся малый, который останавливается ровно столько времени чтобы шепнуть вамъ на ухо: „тотъ знаменитый критикъ, кажется, недоволенъ“. Фелиція все это слушала съ величайшимъ спокойствіемъ, поднятая своимъ успѣхомъ выше всѣхъ мелочей зависти, и совершенно счастливая, когда какой-нибудь славный ветеранъ, бывшій товарищъ ея отца, произносилъ: „Очень хорошо, малютка!“ что переносило ее къ прошедшему, къ маленькому уголку, нѣкогда предоставленному ей въ отцовской мастер-

ской, когда она начинала выдѣлять себя нѣсколько славы изъ репутаціи стараго Рюиса. Но вообще она холодно принимала поздравленія, потому что не слыхала еще того которое было ей желательнѣе другихъ и которое къ ея удивленію еще не было высказано ей.... Рѣшительно она думала о немъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было о какомъ-нибудь мушинѣ. Была ли то наконецъ любовь, великая любовь, столь рѣдкая въ душѣ артиста, неспособной отдаться вполне чувству, или же простая мечта о жизни честной и обыкновенной, огражденной отъ скуки, этой невыносимой скуки, предшественницы бурь, которой она имѣла столько права не довѣрять? Какъ бы то ни было, она обманывалась этимъ, жила нѣсколько дней въ очаровательномъ волненіи, ибо любовь такъ сильна, такъ прекрасна что даже образъ ея, копія обманываетъ насъ и можетъ взволновать также какъ и она сама.

Случалось ли вамъ, когда вы идете по улицѣ, занятые кѣмъ-нибудь отсутствующимъ, но близкимъ вашему сердцу, предугадывать его появленіе при встрѣчѣ съ лицомъ имѣющимъ съ нимъ смутное сходство, и являющимся какъ бы приготовительными образами, эскизами типа, готового явиться, возникающими изъ толпы какъ призывъ къ вашему возбужденному вниманію? Эти ощущенія магнетическія и нервныя, надъ которыми не слѣдуетъ слишкомъ смѣяться, ибо изъ нихъ слагается способность страдать. Уже нѣсколько разъ въ подвижной и все возобновляющейся толпѣ посетителей Филиція воображала видѣть кудрявую голову Поля де-Жери, какъ вдругъ вскрикнула отъ радости. То былъ не онъ, однако, но нѣкто очень на него похожій, чья правильная и спокойная фізіономія теперь постоянно примѣшивалась въ умѣ ея къ фізіономіи друга Поля, вслѣдствіе сходства болѣе нравственнаго чѣмъ физическаго и кроткаго авторитета, какой они оба имѣли надъ ея мыслями.

— Алма!

— Филиція!

Если нѣтъ ничего ненадежнѣе дружбы двухъ свѣтскихъ женщинъ, раздѣляющихъ между собою владычество въ салонахъ и расточающихъ одна другой самые лѣстивые эпитеты, то нѣтъ ничего искреннѣе нѣжной граціи женской привязанности, дружбы дѣтства, связи сплетенной прочно

и простоудшно, какъ тѣ работы маленькихъ дѣвочекъ, гдѣ неопытная рука въ изобиліи разсѣяла крѣпкія нитки и толстые узлы. И какое счастье рука въ руку — гдѣ вы лансіонскія прогулки? — возвратиться на нѣсколько часовъ назадъ съ одинаковымъ знаніемъ дороги и ея малѣйшихъ подробностей и съ тѣмъ же задушевнымъ смѣхомъ! Отошедши нѣсколько въ сторону, молодая дѣвушка, которымъ стоило только встрѣтиться лицомъ къ лицу чтобы забыть пять лѣтъ разлуки, не могли наговориться другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ пала Жуайёзъ, красноватая голова котораго отъивалась новымъ галстукомъ, съ гордостью поднималъ голову что дочь его такъ дружески бесѣдуетъ со знаменитостью. И гордиться онъ имѣлъ полное право, такъ какъ эта маленькая Парижанка, даже подлѣ ея блестящей подруги, сохраняла всю прелесть своей граціи, юности и простоты и одушевленная радостью встрѣчи казалась свѣжимъ, только-что распустившимся цвѣткомъ.

— Какъ ты должна быть счастлива!... Я еще ничего не видала, но слышу отъ всѣхъ, какъ это прекрасно!...

— Счастлива особенно потому что увидѣла тебя, милая Алина... Такъ давно уже!

— Конечно давно, злая... А кто виноватъ?...

И въ самомъ мрачномъ уголкѣ своей памяти Фелиція отыскала день разрыва, совпавшій съ другимъ днемъ, гдѣ ея юность умерла посреди сцены, которой забыть невозможно.

— А что ты дѣлала, моя душечка, все это время?

— Я-то? да все одно и то же.... ничего такого о чемъ бы стоило говорить....

— Да, да.... мы знаемъ что ты называешь ничего не дѣлать, моя мужественная крошка.... Отдать свою жизнь другимъ,—не такъ ли?

Но Алина уже не слушала ея. Она дружески улыбалась, смотря прямо предъ собою, и Фелиція, обратясь назадъ, чтобы посмотрѣть къ кому относилась эта улыбка, увидѣла Поля де-Жери, который отвѣчалъ на скромное и нѣжное привѣтствіе дѣвицы Жуайёзъ.

— Значитъ вы знакомы?

— Съ господиномъ Полемъ!... Конечно. Мы довольно часто разговариваемъ о тебѣ. Развѣ онъ никогда не говорилъ тебѣ объ этомъ?

— Никогда.... Онъ страшный притворщикъ....

Она вдругъ остановилась, какъ бы озаренная молніей, и съ живостью, не слушая Жери, который подошелъ къ ней, поздравляя ее съ ея торжествомъ, наклонилась къ Али-нѣ и заговорила съ ней шепотомъ. Та краснѣла, возражала улыбками и полусловами: „Полно, что ты... въ мои дѣта....“ Она послѣдила схватить руку отца чтобъ уклониться отъ какой-нибудь новой дружеской насмѣшки.

Когда Фелиція увидѣла какъ молодые люди удалялись ровнымъ шагомъ, когда она поняла—чего они сами еще не знавали—что они любятъ другъ друга, то она почувствовала что все рушится вокругъ нея. Потомъ, когда мечта ея рассыпалась по землѣ на тысячи обломковъ, она принялась съ яростью топтать ее... Какъ бы то ни было, она была правъ, предпочитая ей эту маленькую Алину. Развѣ честный человѣкъ осмѣлится когда-нибудь жениться на дѣвицѣ Рюисъ? Она и домашній очагъ, семья,—что за вздоръ!... Ты дочь дѣвицы, милая; нужно чтобы ты и оставалась дѣвицей, если хочешь быть чѣмъ-нибудь...

Время приближалось къ вечеру. Заколыхавшаяся толпа съ промежутками тамъ и сямъ начинала направляться къ выходу послѣ долгаго стоянія около знаменитыхъ произведеній, насыщенная, нѣсколько усталая, но все еще возбужденная этимъ воздухомъ, зараженнымъ артистическимъ электричествомъ. Яркій солнечный свѣтъ четырехъ часовъ дня ударялъ въ окна, бросалъ на песокъ аллеи цвѣта радуги, тихо поднимавшіеся до бронзы или мрамора статуй, отбѣня наготу прекраснаго тѣла, придавая музею блестящій видъ сада. Фелиція, погруженная въ свою глубокую и прискорбную думу, не видала того кто приближался къ ней горделивый, изящный, очаровательный между рядами публики почтительно разстулившейся и шептавшей имя „Мора“.

— Вотъ полный успѣхъ, *mademoiselle!* Жалѣю только объ одномъ, о зломъ символѣ, который вы скрыли въ вашемъ изящномъ произведеніи.

Увидѣвъ герцога предъ собою, она затрепетала.

— Ахъ, да! символъ... сказала она, обращаясь къ нему съ унылою улыбкой; и опершись на цоколь большой сладострастной статуи, подлѣ которой они стояли, и которая изображала женщину съ закрытыми глазами, которая отдается или уступаетъ, Фелиція прошептала тихо, очень тихо:

— Рабле солгалъ какъ лгутъ всѣ мужчины.... Истина въ

томъ что лисица уже не въ состояніи бѣжать, что она теряетъ духъ и мужество, готова упасть въ ровъ, и что если собака еще употребитъ силы....

Мора затрепеталъ, сдѣлался еще нѣсколько блѣднѣе, такъ какъ вся кровь прилила ему къ сердцу. Два мрачныя пламени сверкнули и встрѣтились, два быстрыя слова были разнѣмлены едва слышно; потомъ герцогъ низко поклонился и отошелъ быстрымъ и легкимъ шагомъ, какъ будто его несли боги.

Въ эту минуту на выставкѣ былъ только одинъ человѣкъ счастливѣе его—Набабъ. Сопровождаемый своими друзьями онъ занималъ одинъ большій пролетъ, говоря громко, жестикулируя, до такой степени радостный что онъ казался почти красивымъ, какъ будто бы вслѣдствіе наивнаго и продолжительнаго созерцанія своего бюста, онъ нѣсколько заимствовалъ той великолѣпной идеализаціи, которою художница сгладила вульгарность его типа. Голова, поднятая на три четверти, освобожденная отъ широкаго полукрытаго ворота, вызывала относительно сходства противорѣчивыя замѣчанія проходящихъ; и имя Жансуле, повторившееся столько разъ избирательными урнами, повторялось еще болѣе самыми хорошенькими парижскими устами и самыми вліятельными голосами. Всякаго другаго кромѣ Набаба смущали бы восклицанія на его пути не всегда симпатичныя. Но эстрада, выставка совершенно шла къ этой натурѣ, пріобрѣтавшей мужество подъ огнемъ взглядовъ, подобно тѣмъ женщинамъ которыя прекрасны и остроумны только въ свѣтѣ и которыхъ малѣйшее поклоненіе преобразуетъ и пополняетъ...

Потомъ, когда онъ чувствовалъ что укрощалась эта неистовая радость, когда онъ полагалъ что испилъ до дна все ея горделивое упоеніе, ему стоило только сказать себѣ: „Депутатъ!... я депутатъ!“ И торжественная чаша снова была черезъ край. То было снятіе эмбарго со всѣхъ его имуществъ, пробужденіе отъ двухмѣсячнаго кошмара, порывъ мистрала, уносящій всѣ мученія, всѣ тревоги, даже Сень-Романское оскорбленіе, память о которомъ была столь для него тягостна....

Депутатъ!...

Онъ смѣялся въ душѣ, помышляя о лицѣ барона, когда тотъ узналъ эту новость, объ изумленіи бея при видѣ его бюста, и вдругъ при мысли что онъ уже болѣе не авантю-

ристъ, подбитый золотомъ, возбуждающій глупое удивленіе толпы, подобно огромному, необдѣланному самородку на выставкѣ у мѣнялы, но что въ немъ видятъ уже одного изъ избранниковъ націи, его добродушное и подвижное лицо принимало выраженіе подобающей важности, ему приходили въ голову проекты будущаго, реформы и желаніе воспользоваться уроками судьбы въ это послѣднее время. Уже вспоминая обѣщаніе данное имъ Полю де-Жери, онъ выказывалъ къ стаду рабовъ, пресмыкавшемуся по его слѣдамъ, нѣкоторую презрительную холодность, рѣшимость противорѣчія... Онъ называлъ Буа-Ландри „мой милый“; очень рѣзко остановилъ директора, восторгъ котораго становился скандальнымъ, и клялся избавить себя какъ можно скорѣе отъ этой нищей и постыдной богемы, какъ вдругъ представился случай привести въ исполненіе его планы. Расталкивая толпу его окружавшую, Моассаръ, красавецъ Моассаръ, въ галстукѣ небснаго цвѣта, блѣдный и надутый, затянутый въ щегольскомъ сюртукѣ, увидѣвъ что Набабъ, двадцать разъ прошедшись по скульптурной залѣ, направлялся къ выходу, бросился къ нему и взявъ его подъ руку сказалъ:

— Знаете, вы возьмете меня съ собой...

Въ послѣднее время, особенно въ избирательный періодъ, онъ забралъ себѣ на Вандомской площади власть почти одинаковую съ Монлавономъ, только съ бѣльшимъ нахальствомъ, ибо относительно нахальства любовники королевъ не имѣли себѣ равнаго на тротуарѣ идущемъ отъ улицы Дроу до Маделены. На этотъ разъ его постигла неудача. Мускулистая рука которую онъ сжималъ потряслась энергически, и Набабъ очень сухо отвѣчалъ ему:

— Очень сожалѣю, мой милый, но я не могу предложить вамъ мѣста въ моей каретѣ.

Нѣтъ мѣста въ каретѣ величиной съ домъ и привезшей ихъ пятерыхъ!...

Моассаръ поглядѣлъ на него съ изумленіемъ.

— А мнѣ очень нужно было сказать вамъ два слова... Касательно моей записочки... Вы получили ее?

— Конечно, и господинъ де-Жери долженъ былъ отвѣчать вамъ сегодня же утромъ... Вы требуете невозможнаго. Двадцать тысячъ франковъ!... Чортъ возьми, это ужъ чересчуръ!

— Однако, мнѣ кажется что мои услуги... проговорилъ заикаясь щеголь.

— Щедро были олачены. Такъ мнѣ кажется. Двѣсти тысячъ франковъ въ пять мѣсяцевъ!... Мы этимъ ограничимся, если позволите. У васъ сапшкомъ длинны зубы, молодой человѣкъ, не мѣшаетъ ихъ подточить нѣсколько.

Они обмѣнялись этими словами на ходу, подталкиваемые густою толлою при выходѣ. Моассаръ остановился.

— Это ваше послѣднее слово?

Набабъ поколебался секунду, подъ вліяніемъ предчувствія, въ виду этого злаго и блѣднаго рта, потомъ вспомнилъ слово данное имъ своему другу.

— Это мое послѣднее слово.

— Ну такъ увидимъ! сказалъ красавецъ Моассаръ, троточка котораго разсѣкла воздухъ со свистомъ ехидны, и повернувшись на каблукахъ, онъ удалился быстрыми шагами, какъ человѣкъ котораго гдѣ-то ожидаютъ по неотложному дѣлу.

Жансуле продолжалъ свое торжественное шествіе. Въ этотъ день нужно было нѣчто болѣе важное чтобы разстроить равновѣсіе его счастья; напротивъ того онъ чувствовалъ себя подкрѣпленнымъ экзекуціей, исполненною такъ живо.

Обширныя сѣни были загромождены густою толлою, которую выгоняла близость закрытія выставки, но которая задержана была одною изъ тѣхъ ввезалныхъ волнъ, какія составляютъ ловидимому необходимую принадлежность открытія выставки. Зрѣлище было куріозное, чисто парижское.

Извнѣ длинныя солнечныя полосы пересѣкали дождь, пронизывая его прозрачныя нити блестящими лезвіями, оправдывающими пословицу: *il pleut des hallebardes*; молодая зелень Елисейскихъ Полей, кустарники шумящихъ и мокрыхъ родондедровъ, кареты, разставленныя въ рядъ по аллеѣ, клеенчатые плащи кучеровъ, великолѣпная збруя лошадей выступали съ особеннымъ эффектомъ посреди дождевыхъ капель и солнечныхъ лучей, и яркая синева неба озарялась какъ бы улыбкой солнца въ промежутокъ между двумя ливнями.

Внутри смѣхъ, болтовня, привѣтствія, нетерпѣливыя движенія, поднятыя юлки, атласные буффы на тонко сложенныхъ юлкахъ, и нѣжныя полоски шелковыхъ чулокъ, волны бахромы, кружевъ, развѣвающихся платковъ, сдерживаемыхъ какъ попало одною рукою... Далѣе, подъ сводомъ крыльца, какъ бы для связи обѣихъ сторонъ картины, толпа

задержанная дождемъ, и въ тѣни свода съ громаднымъ оевѣщеннымъ фономъ, лакеи, бѣгающіе съ зонтиками, выкрикивая имена кучеровъ и господъ, шагомъ подѣвжающія кареты, куда садились нетерпѣливыя четы.

— Карета господинъ Жансуле!

Всѣ обернулись, но это, какъ извѣстно, не смущало его нисколько. И между тѣмъ какъ посреди этихъ щеголихъ, этихъ знаменитостей, посреди всего изящнаго, чѣмъ изобилуетъ разнообразный Парижъ, тамъ находившійся, добрый Набабъ рисовался нѣсколько въ ожиданіи своихъ людей, нервная и затянута въ красивую перчатку рука протянулась къ нему, и герцогъ де-Мора, готовившійся сѣсть въ карету, сказалъ ему съ живостью, которую придаетъ счастье самымъ сдержаннымъ людямъ:

— Поздравляю, мой милый депутатъ....

Это сказано было громко и всякій могъ слышать слова: „Мой милый депутатъ!“

Въ жизни каждаго человѣка бываетъ золотой часъ, блестящая вершина, гдѣ его ожидаетъ или гдѣ достается ему все чего онъ могъ надѣяться—радость, наслажденіе, торжество. Вершина болѣе или менѣе опасна, болѣе или менѣе извилиста и болѣе или менѣе доступна для поднимающагося на нее; и она существуетъ одинаково для всѣхъ, для могущественныхъ и смиренныхъ. Но только, подобно самому долгому дню въ году, когда солнце доставило весь свой свѣтъ, и когда слѣдующій день уже первый шагъ къ зимѣ, это *иттит* человѣческаго бытія длится только одну минуту для наслажденія, послѣ которой возможно только спускаться внизъ. Помни, бѣдный смертный, этотъ вечеръ перваго мая, ислещренный дождемъ и солнцемъ, и измѣнячивый блескъ его навсегда запечатлѣн въ своей памяти! То былъ часъ твоего полнаго лѣта съ распустившимися цвѣтами, съ золотыми вѣтвями, гнувшимися подъ тяжестью плодовъ, съ золотыми жатвами, колосья которыхъ ты расточилъ такъ безумно. Звѣзда поблѣднѣетъ теперь, мало-по-малу затмѣвалась и падала, и въ скоромъ времени не способна будетъ прорѣзывать мрачную ночь, въ которую погрузится твоя судьба.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II.

I. Залиски конторщика. Въ передней.

Въ прошедшую субботу былъ большой праздникъ на Вандомской площади.

Въ честь своего избранія г. Франсуа Жансуле, новый депутатъ Корсики, давалъ великолѣпный вечеръ, съ жандармами у дверей, съ иллюминаціей всего отѣла и съ двумя тысячами приглашеній, разосланныхъ по всему знатному Парижу.

Изяществу моихъ манеръ, звучности моего органа, которую могъ оцѣнить президентъ административнаго совѣта на собраніяхъ *Земельной Кассы*, я обязанъ тѣмъ что мнѣ удалось фигурировать на этомъ пышномъ празднествѣ, гдѣ въ продолженіе трехъ часовъ, стоя въ передней, посреди цвѣтовъ и занавѣсокъ, облеченный въ лурпуръ и золото, съ величіемъ чловѣка болѣе или менѣе могущественнаго, съ икрами обтянутыми въ трико въ первый разъ въ моей жизни, я прорѣзывалъ подобно лушечному выстрѣлу лять саломовъ шедшихъ амфиладой именемъ каждаго приглашеннаго, котораго блестящій швейцаръ привѣтствовалъ каждый разъ ударомъ своей булавы по плитамъ стѣны.

Сколько интересныхъ наблюденій успѣлъ я сдѣлать въ этотъ вечеръ, сколько забавныхъ выходокъ, сколько отборныхъ остротъ я услышалъ между прислугой насчетъ всѣхъ этихъ проходившихъ мимо гостей! Ужъ конечно, не удалось бы это услышать между Монбарскими виводѣлами. Надо сказать что достойный г. Борро всѣхъ насъ угостилъ сначала въ своемъ отдѣленіи, наполненномъ до потолка прохладительными напитками и яствами, солидною закуской, приправленною какъ должно виномъ, которое привело насъ въ отличное расположеніе духа, поддерживаемое весь вечеръ стаканами лунша и шампанскаго, достававшимися намъ при пронесеніи подносовъ съ десертомъ.

Хозяева, однако, не казались въ такомъ хорошемъ расположеніи, какъ мы. Въ девять часовъ, по прибытіи моемъ на мой постъ, я былъ пораженъ безпокойною, нервною фи-

экономіей Набаба, который прохаживался съ г. де-Жери по-
среди освѣщенныхъ и пустыхъ салоновъ, говоря съ жи-
востью и страшно размахивая руками.

— Я убью его, говорилъ онъ,—я его убью...

Тотъ пытался его усовестить, потомъ появилась хозяйка
дома и разговоръ перемѣнился.

Великолѣпный экземпляръ женщины эта Левантика,
вдвое толще меня, ослабительная въ своей брилліантовой
діадемѣ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ покрывавшихъ ея
громадныя бѣлыя плечи, ея сливу столь же круглую какъ
грудь, съ таліей сжатою въ золотой зеленой кирасѣ, ниспа-
давшей длинными полосами во всю длину ея прямой юлки.
Никогда мнѣ не случалось видѣть ничего величественнѣе
и богаче. Она была похожа на одного изъ тѣхъ красивыхъ
бѣлыхъ слоновъ съ башней на спинѣ, которыхъ мы видимъ
на картинкахъ въ описаніяхъ путешествій. Когда она шла,
тяжело опираясь на мебель, то все тѣло ея дрожало, и укра-
шенія ея производили шумъ подобный звону бубенчиковъ.
При этомъ тонкій, пронзительный голосъ и прекрасное ли-
цо, которое во все время освѣжалъ негренокъ олахаомъ
изъ бѣлыхъ перьевъ, широкимъ какъ лавинный хвостъ.

Въ первый разъ эта дѣлавая и нелюдимая особа показы-
валась парижскому обществу, и г. Жансуле казался очень
счастливымъ что она согласилась предсѣдать на праздни-
ствѣ, что впрочемъ не слишкомъ обременило эту госпожу,
потому что, предоставивъ своему мужу принимать гостей
въ первомъ салонѣ, она развалилась на диванѣ въ мален-
комъ японскомъ салонѣ, между двумя рядами подушекъ, и
оставалась неподвижною, такъ что издали она была похожа
на истуканъ подъ большимъ олахаомъ, которымъ махалъ
надъ нею ея негръ съ регулярностью машины. Эта цво-
странка держится съ такимъ апломбомъ!...

Тѣмъ не менѣе раздраженіе Набаба поразило меня, и уви-
дѣвъ его камердинера, спускавшагося по лѣстницѣ, я оста-
новилъ его и прошепталъ ему на ухо:

— Что дѣлается съ вашимъ буржуа, господинъ Нозль?

— Статья *Messenger*! отвѣчалъ онъ, и мнѣ пришлось на
эту минуту отказаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, такъ
какъ громкій звонокъ извѣстилъ о прибытіи первой кареты,
за которою вскорѣ послѣдовало множество другихъ.

Весь занятый своимъ дѣломъ, стараясь правильно произ-

носить передаваемыя мнѣ имена, чтобъ они передетали изъ салона въ салонъ, я не думалъ ни о чемъ болѣе. Не легкое дѣло—прилично извѣщать о прибытіи особъ, которыя, воображая что имена ихъ должны быть всѣмъ извѣстны, бормочутъ вамъ ихъ сквозь зубы и удивляются потому что ихъ искажаютъ громогласно, и гнѣваются на васъ за улыбки возбужденныя невѣрнымъ возвѣщеніемъ. У г. Жансуле обязанность моя была всего болѣе затруднительна вслѣдствіе массы иностранныхъ именъ, турецкихъ, египетскихъ, персидскихъ, тунисскихъ, ибо все что было въ Парижѣ восточнаго и левантскаго было приглашено къ нему. Я не говорю уже о Корсиканцахъ, весьма многочисленныхъ на этомъ вечерѣ, потому что въ продолженіе моего четырехлѣтняго пребыванія въ *Земельной*, я привыкъ произносить ихъ напыщенныя, безконечныя имена, всегда съ присоединеніемъ названія мѣстности: „Паганетти изъ Порто-Беккио, Бастелика изъ Бонифачіо, Паянатаки изъ Барбикальи“.

Мнѣ пріятно было произносить эти италіянскіе слоги, придавать имъ всю ихъ звучность, и я хорошо видѣлъ по изумленнымъ лицамъ этихъ честныхъ островитянъ, какъ они довольны были что ихъ вводятъ такимъ образомъ въ высшее общество континента. Но съ этими Турками, лашами, беями и эфенди мнѣ было справиться гораздо труднѣе, и случалось произносить имена ихъ на выворотъ, потому что два раза г. Жансуле присылалъ мнѣ сказать чтобъ я выслушивалъ внимательнѣе передаваемыя мнѣ имена и въ особенности возвѣщалъ ихъ правильнѣе. Это замѣчаніе, сдѣланное громко на всю переднюю съ нѣкоторою грубостью, сильно разсердило меня и помѣшало мнѣ — признаюсь въ этомъ—пожалѣть этого толстаго *parvenu*, когда я узналъ въ теченіе вечера что жгучій терновникъ примѣшался къ его розовому ложу.

Съ половины одиннадцатаго до полуночи звонокъ не переставалъ гремѣть, кареты не переставали подъѣзжать, и гости смѣняли другъ друга—депутаты, сенаторы, государственные совѣтники, муниципальные совѣтники, которые, казалось, пріѣзжали скорѣе на собраніе акціонеровъ чѣмъ на свѣтскій вечеръ. Отъ чего это происходитъ? Я никакъ не могъ дать себѣ отвѣта, во одно слово швейцара Никлосса открыло мнѣ глаза.

— Замѣчаете ли вы, Пассажонъ, сказалъ мнѣ этотъ до-

стойный слугитеаь, стоя предо мною съ булавой въ рукѣ,— замѣчаете ли вы, какъ у насъ мало дамъ?

Такъ было дѣйствительно, чортъ возьми!... И мы не одни сдѣлали такое замѣчаніе. Я слышалъ, какъ Набабъ, стоявшій около дверей, восклицалъ съ удивленіемъ каждому вновь прибывшему своимъ толстымъ голосомъ охрипшаго Марсельца:

— Вы одни?

Гость извинялся въ полголоса.... Мм.... мм.... мм.... жена его была не совсѣмъ здорова.... она, разумѣется искренно сожалѣть.... Потомъ прѣвзжалъ другой, и за тѣмъ же вопросомъ слѣдовалъ такой же отвѣтъ.

Слушая безпрестанное повтореніе этого слова: „вы одни“, въ передней начали потѣшаться имъ; егеря и лакеи перебрасывались имъ другъ съ другомъ, когда появлялся новый гость „одинъ“. И было же смѣха.... Но г. Никлоссъ съ своимъ отличнымъ знаніемъ свѣта находилъ что такое почти общее воздержаніе прекраснаго пола было не натурально.

— Это должно-быть все надѣлала статья *Messenger*, говорилъ онъ.

Всѣ толковали объ этой грубой статьѣ, и предъ зеркаломъ, окруженнымъ цвѣтами, въ которое каждый смотрѣлся предъ входомъ въ залу, я разслушалъ разговоръ шепотомъ въ этомъ родѣ:

— Вы читали?

— Это ужасно.

— Ужели вы полагаете это возможнымъ?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, я разцѣль что лучше не привозить съ собой жены.

— Я сдѣлалъ то же.... Муцина можетъ ѣхать повсюду, не компрометтируя себя....

— Конечно... между тѣмъ какъ женщина....

Потомъ они входили, со шляпой подъ рукой, съ побѣдоноснымъ видомъ женатыхъ людей не сопровождаемыхъ своими супругами.

Что же была это за газета, что за статья которая до такой степени могла угрожать вліянію такого богатаго человѣка? Къ несчастію принятая мною на себя обязанность задерживала меня; я не могъ спуститься внизъ или на крыльцо чтобы развѣдать, потолковать съ этими кучерами, лакеями, егерями, которыхъ я видѣлъ внизу

лѣстницы, какъ они подсмѣивались надъ входившими вверхъ.... Чтѣ прикажете дѣлать? Господа сами больно заносчивы. Какъ не смѣяться, когда проходятъ съ надменнымъ видомъ и съ пустымъ желудкомъ маркизъ и маркиза де-Буа-Ландри послѣ всего чтѣ намъ разказывали о торговыхъ оборотахъ маркиза и о туалетахъ его супруги? А семейная жизнь Дженкинса, столь нѣжная, столь согласная; внимательный докторъ покрываетъ плечи своей подруги кружевнымъ платкомъ, изъ опасенія чтобы она не простудилась на лѣстницѣ, а она, довольная и улыбающаяся, вся въ бархатѣ, вотъ съ такимъ длиннымъ шлейфомъ, опирается на руку своего мужа и какъ будто говорить: „Посмотрите, какъ мнѣ хорошо!“ А между тѣмъ мнѣ извѣстно что по смерти своей Ирландки, своей настоящей законной жены, докторъ только и помышляетъ какъ бы избавиться отъ своего стараго крѣпка чтобы жениться на молоденькой, а старый крѣпокъ проводитъ ночи въ отчаяніи и въ уничтоженіи слезами остатка своей красоты.

Забавнѣе всего что никто изъ этихъ особъ не подозревалъ ѣдкихъ остротъ, которыя пускали имъ въ спину при ихъ проходѣ, о томъ сколько грязи захватывали ихъ шлейфы на коврахъ передней, и всѣ эти особы имѣли такой надменный видъ что можно было умереть со смѣху.

Двѣ дамы, которыхъ я называлъ, жена директора, маленькая Корсиканка, которой ея густыя брови, бѣлые зубы и лоснящаяся смуглая щеки придавали видъ вымытой Оверки, добрая женщина, впрочемъ, смѣющаяся безпрестанно, за исключеніемъ тѣхъ минутъ, когда ея мужъ смотритъ на другихъ женщинъ, затѣмъ нѣсколько Левантинокъ съ золотыми и жемчужными діадемами, не такихъ толстыхъ какъ наша, но все въ томъ же родѣ, нѣсколько женъ обойщиковъ, ювелировъ, обычныхъ поставщиковъ дома, съ плечами широкими какъ выставки въ магазинахъ и въ костюмахъ на которые не пощаждено было товаровъ; наконецъ нѣсколько семействъ служащихъ въ *Земельной*, въ платьяхъ сомнительнаго цвѣта и съ пустыми карманами, вотъ все чтѣ имѣлъ своими представителями прекрасный полъ, три десятка дамъ, лотокувшихъ въ тысячѣ черныхъ фраковъ, все равно какъ бы ихъ и не было. Отъ времени до времени Кассанъ, Лалортъ, Гранварле, ходившіе съ подносами, сообщали намъ чтѣ дѣлалось въ салонахъ.

— Ахъ! друзья мои, еслибъ вы видѣли какъ тамъ темно и мрачно.... Мушны не отходятъ отъ буфетовъ. Дамы всѣ сидятъ въ кружокъ, обмахиваясь опахалами и не говоря ни слова. Толстуха ни съ кѣмъ ни слова. Я думаю что она спитъ.... Хозяинъ за всѣхъ отвѣчаетъ!... Ну, лапа Пасса-жонъ, стаканчикъ шато-ларозу, это подкрѣпитъ васъ.

Она была чрезвычайно мила со мною, вся эта молодежь, и не безъ лукавства угощала меня виномъ такъ часто и въ такомъ большомъ количествѣ что языкъ у меня тяжѣлъ, плохо повиновался мнѣ и какъ говорили мнѣ эти молодые люди своимъ нѣсколько свободнымъ тономъ: „Дяденька, вы пошатываетесь“. Къ счастью пріѣхалъ послѣдній изъ эфенди и не о комъ было возмѣщать болѣе; ибо, какъ я ни придавалъ себѣ бодрости, каждый разъ когда я выходилъ изъ-за занавѣсокъ чтобы прокричать какое-нибудь имя, мнѣ казалось что люстры въ салонахъ вертѣлись кругомъ съ тысячами бѣглыхъ огней и паркетъ поднимался скользкими и прямыми полосами, какъ русскія горы. Дѣйствительно, я долженъ былъ пошатываться.

Свѣжій ночной воздухъ, нѣсколько омовеній на дворѣ подъ колодезѣмъ, скоро устранили это непріятное состояніе, и когда я возвратился въ гардеробную, то его и слѣда не осталось. Я нашелъ тамъ многочисленную и веселую компанію вокругъ шампанскаго, въ истребленіи котораго принимали дѣятельное участіе и мои „племянницы“, разряженные въ духъ, со взбитыми кудрями, съ розовыми галстучками на шеяхъ, несмотря на крики и очаровательныя гримаски, никого не обманывавшія. Разумѣется, говорили о пресловутой статьѣ, о статьѣ Моассара, какъ кажется, наполненной страшными разоблаченіями касательно постыдныхъ профессій которыми занимался Набабъ дѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ во время своего перваго пребыванія въ Парижѣ.

То было третье нападеніе въ этомъ родѣ, которое печаталъ *Messenger* въ теченіе недѣли, и негодяй Моассаръ каждый разъ присылалъ нумеръ подъ бандеролью на Вандомскую площадь.

Г. Жансуле получалъ его каждое утро вмѣстѣ съ шоколадомъ, и въ тотъ же часъ его друзья и враги, ибо человѣкъ подобный Набабу не могъ не занимать всѣхъ и cadaго, читали, толковали, составляли планы какъ держать себя съ нимъ

не компрометтируя себя. Надо полагать, однако, что сегоднешняя статья особенно была удачна; ибо Жансуде-кучеръ говорилъ что утромъ въ Лѣсу господинъ его не обмѣнялся и десятью поклонами въ продолженіе десяти круговъ около озера, тогда какъ обыкновенно онъ также рѣдко сохраняетъ шляпу на головѣ какъ и прогуливающийся государь. Когда они возвращались, то произошла новая исторія. Три сына его прибыли домой, растерянные и въ слезахъ, привезенные изъ коллегіи Бурдалу добрымъ латеромъ въ интересъ самихъ бѣдныхъ мальчиковъ, которымъ дали временный отпускъ, чтобъ они не услышали въ приемной залѣ или на дворѣ какого-нибудь злаго слова, оскорбительнаго намека и не сдѣлались противъ воли своей поводомъ къ скандалу. Тогда Набабъ пришелъ въ страшную ярость, отъ которой разлетѣлся въ дребезги цѣлый фарфоровый сервизъ, и кажется что безъ посредничества г. де-Жери онъ бы тотчасъ отправился разможить голову Моассару.

— И какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ, сказалъ г. Нозль, входя при этихъ словахъ и также сильно взволнованный.—Въ статьѣ этого мерзавца нѣтъ ни слова правды. Мой господинъ никогда не бывалъ въ Парижѣ до прошедшаго года. Отъ Туниса до Марсели и отъ Марсели до Туниса—вотъ всѣ его путешествія. Но этотъ мошенникъ журналистъ мститъ за то что мы ему не дали двадцати тысячъ франковъ.

— И вы поступили очень дурно, сказалъ тогда г. Франсисъ, Франсисъ Монловонъ, этотъ старый щеголь, единственный зубъ котораго качается во рту при каждомъ словѣ, но на котораго тѣмъ не менѣе благосклонно смотрятъ всѣ дѣвицы, благодаря его изящнымъ манерамъ.—Да, вы поступили дурно. Необходимо щадить людей до тѣхъ поръ пока они могутъ намъ служить или вредить. Вашъ Набабъ слишкомъ скоро повернулъ своимъ друзьямъ спину послѣ успѣха; и сказать между нами, мой милый, онъ не настолько силенъ чтобы справиться съ этими ударами.

Я счелъ возможностью сказать также нѣсколько словъ.

— Это правда, господинъ Нозль, что вашъ буржуа очень измѣнился со времени его избранія. Онъ принялъ такой тонъ, такіа манеры. Третьяго дня въ *Земельной* онъ надѣлалъ такого переполоха что и вообразить себѣ трудно. Онъ кричалъ въ полномъ засѣданіи совѣта: „Вы мнѣ нагали, обокрали меня и сдѣлали меня такимъ же воромъ какъ вы сами... Пока-

жите мнѣ ваши книги, негодяи вы этакіе“. Если онъ лостулилъ такъ съ Моассаромъ, то я не удивляюсь что онъ мститъ ему въ своей газетѣ.

— Но что же наконецъ сказано въ этой статьѣ, спросилъ г. Барро,—кто читалъ ее?

Никто не отвѣчалъ; многіе хотѣли купить газету, но въ Парижѣ скандалъ продается какъ хлѣбъ. Въ десять часовъ утра ни одного нумера *Messenger* уже не было въ продажѣ. Тогда одна изъ моихъ „племянницъ“, предогладливая, вздумала лорыться въ карманъ одного изъ многочисленныхъ пальто развѣшенныхъ въ гардеробной. Добравшись до перваго, „вотъ онъ!“ воскликнула любезная дѣвочка съ торжествующимъ видомъ, вынимая *Messenger*, сложенный какъ газета которую только-что прочли.

— А вотъ и другой нумеръ! воскликнулъ Томъ Буа-Ландри, также искавшій съ своей стороны. Въ третьемъ пальто третій *Messenger*. И во всѣхъ то же самое, такъ что статья должна была оставаться у всѣхъ въ памяти, и стоило себѣ представить что тамъ наверху Набабъ обмѣнивался любезными фразами со своими гостями, которые могли бы передать ему наизусть ужасы напечатанные на его счетъ. Мы много смѣялись всѣ при этой мысли, но намъ желательно было также узнать эту куріозную страничку.

— Ну, лала Пассажонъ, прочтите намъ это вслухъ.

Всѣ этого желали и я согласился.

Не знаю бываетъ ли такъ съ вами, но когда я читаю вслухъ, то наслаждаюсь звукомъ своего голоса, произвожу оттѣнки и фіоритуры такимъ образомъ что ничего не понимаю изъ произносимыхъ мною словъ, подобно пѣвцамъ, которые не заботятся о смыслѣ словъ, лишь бы вѣрно была нота... Статья носила названіе *Барки съ цвѣтами* (*Bateau de fleurs*). Исторія очень залутанная, съ китайскими именами, въ которой рѣчь шла объ очень богатомъ мандаринѣ, вновь возведенномъ въ 1й классъ, который въ былое время содержалъ „барку съ цвѣтами“, причаленную на краю города близъ заставы, лосѣщаемой воинами... При послѣднемъ словѣ статьи мы знали столько же какъ при первомъ. Пытались, правда, подмигивать глазомъ, принимать лукавый видъ, но откровенно говоря не было никакого къ тому повода. Настоящая шарада безъ образовъ, и мы все оставались бы въ невѣдѣніи, еслибы старый Франсисъ, которъ

рѣшительно собаку съѣлъ во всевозможныхъ свѣдѣніяхъ, не объяснилъ намъ что эта застава съ воинами должна обозначать Военную Школу и что „барка съ цвѣтами“ далеко не имѣетъ такого изящнаго названія на чистомъ французскомъ языкѣ. И названіе это онъ сказалъ громко, несмотря на присутствіе дамъ... Какой взрывъ криковъ, какіе ахъ! и охъ! раздались со всѣхъ сторонъ. Одни говорили: „Я такъ и думалъ“; другіе: „Это невозможно...“

— Позвольте, присовокупилъ Франсисъ, бывшій трубачъ 9го уланскаго полка, полка Мора и Момлавона,—позвольте... Двадцать лѣтъ тому назадъ, во время моего послѣдняго отпуща, я находился въ Военной Школѣ и очень хорошо помню что у заставы былъ грязный танцклассъ, носившій названіе бала Жансуле, съ меблированными комнатами на верху по пяти су за часъ, куда отправлялись ларочки въ промежутокъ между двумя кадрилими.

— Вы гнусный лжецъ, сказалъ г. Ноэль вѣвъ себя, — глупецъ и лжецъ какъ и вашъ господинъ: Жансуле до этого раза никогда не бывалъ въ Парижѣ.

Франсисъ сидѣлъ нѣсколько поодаль отъ кружка гдѣ мы расположились и прихлебывалъ что-то болѣе легкое, такъ какъ шампанское дѣйствовало ему на нервы и такъ какъ это питье было недостаточно шикозно. Онъ всталъ съ важностью, не оставляя своего стакана и подошедши къ г. Ноэлю сказалъ ему спокойнымъ голосомъ:

— Вы не имѣете понятія о приличіи, мой любезный. Уже на прошедшемъ вечерѣ у васъ я замѣтилъ что тонъ вашъ грубъ и непристойенъ. Оскорблять людей не ведетъ ни къ чему, тѣмъ болѣе что я помощникъ фехтмейстера, и если бы мы повели дѣло вдаль, то я могъ бы всадить вамъ на два дюйма желѣзо въ такую часть тѣла въ какую мнѣ заблагоразсудится; но я добрый малый. Вмѣсто удара шпагой, я считаю за лучшее дать вамъ совѣтъ, которымъ вашъ господинъ можетъ воспользоваться. Вотъ что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ: я отправился бы въ Моассару и купилъ бы его, не торгуясь. Гемерлингъ далъ ему двадцать тысячъ франковъ чтобъ онъ говорилъ; я предложилъ бы ему тридцать, сорокъ тысячъ чтобъ онъ замолчалъ.

— Никогда... никогда... заревѣлъ г. Ноэль,—я лучше лойду и раздроблю голову этому мошеннику.

— Вы не раздробите ему ровно ничего. Справедлива ли

клевета или нѣтъ, вы видѣли сегодня вечеромъ какъ она дѣйствуетъ. Вотъ обращикъ удовольствій васъ ожидающихъ. Чтѣ дѣлать, мой любезный? Вы слишкомъ рано бросили костыли и вздумали ходить сами. Это хорошо, когда ноги тверды, но когда онѣ лошатываются и когда вы имѣете несчастье слышать за собою шаги Гемерлинга, то дѣло выходитъ дрянно!... Притомъ у патрона вашего оказывается недостатокъ въ деньгахъ; онъ далъ векселей старому Швальбаху, а чтѣ сказать о Набабѣ дающемъ векселя? Я знаю хорошо что у васъ куча милліоновъ, оставшаяся тамъ; но для полученія этихъ милліоновъ вамъ необходимо чтобъ васъ утвердили, а еще нѣсколько такихъ статей какъ сегодня и я вамъ отвѣчаю что васъ не утвердятъ.... Вы вздумали бороться съ Парижемъ, мой милѣйшій, но вы не досрели до этого, вы не знаете ничего, мы здѣсь не на Востока, и если здѣсь не свертываютъ шею людямъ которые намъ не нравятся, если ихъ не бросаютъ въ воду въ кожаныхъ мѣшкахъ, то имѣютъ другія средства устроить ихъ. Пусть господинъ вашъ подумаетъ объ этомъ, Позволь... Въ одно прекрасное утро Парижъ проглотитъ его какъ я глотаю эту сливу и не выплюнетъ ни кожи, ни косточки!

Онъ былъ страшенъ этотъ старикъ, и несмотря на его шепелянье, я начиналъ чувствовать къ нему уваженіе. Пока онъ говорилъ, на верху раздавались музыка, лѣвіе, а на площади лошади жандармовъ потрясали своими мундштуками. Извѣстъ праздникъ нашъ долженъ былъ казаться блистательнымъ со своими тысячами лампъ, со своимъ иллюминированнымъ фасадомъ. И когда подумаешь что подъ нимъ можетъ быть таится разореніе! Мы были въ сѣняхъ похожи на крысъ, совѣщающихся во глубинѣ трюма, когда вода начинаетъ пробираться въ судно, между тѣмъ какъ экипажъ этого и не подозреваетъ, и я хорошо видѣлъ что лакеи и горничныя тотчасъ же разбѣгутся при первой тревогѣ... Возможна ли подобная катастрофа?... Но въ такомъ случаѣ чтѣ будетъ со мной, и *Земельною*, и съ моими сбереженіями?...

Да! благодаря этому Франсису; у меня мурашки забѣгали по спинѣ!...

II. Общественный дѣятель.

Свѣтлая теплота чистаго майскаго послѣполудня обливала тепличныя стекла высокихъ рамъ дома Мора, коего синія шолоковыя шторы выдѣлялись изъ нихъ сквозь вѣтви, а широкія террасы съ тропическими растеніями въ первый разъ въ эту весну выставленными наружу, шли бордюромъ вдоль всей набережной. Большія грабли, которыя провозили между кустарниками сада, проводили по песку аллеи легкіе слѣды, между тѣмъ какъ тонкій шумъ поливанья зелени казался освѣжающею лѣтнею.

Вся роскошь княжеской резиденціи раскрывалась среди счастливой мягкости температуры, заимствуя грандіозную красоту у молчанія и спокойствія послѣполуденнаго часа, единственнаго когда не слышно стука колесъ подъ сводами, хлопанья большихъ дверей передней, и непрерывнаго сотрясенія, пробѣгающаго по стѣнному плащу отъ дерганья звонковъ, этой лихорадочной дрожи знатнаго дома. Извѣстно было что до трехъ часовъ герцогъ принималъ въ министерствѣ, а что герцогиня, Шведка родомъ, еще оцѣлѣвшая отъ стокгольмскихъ свѣговъ, едва поднималась со своей роскошной постели; оттого никто и не приходилъ, ни посѣтители, ни просители, и лакеи, сидѣвшіе подобно фламингамъ на ступеняхъ пустыннаго крыльца, одни оживляли его тощею тѣнью своихъ длинныхъ ногъ и звѣками отъ скуки и праздности.

Въ видѣ исключенія, однако, въ этотъ день каштановая карета Дженкинса стояла въ углу двора. Герцогъ, нездоровый еще съ вечера, почувствовалъ себя хуже по выходѣ изъ-за стола и тотчасъ же потребовалъ къ себѣ фабриканта пилюль, чтобы разспросить его о своемъ странномъ состояніи. Боли онъ не чувствовалъ нигдѣ; сонъ и аппетитъ обыкновенные; только невѣроятная усталость и ощущеніе страшнаго холода, съ которымъ онъ никакъ не могъ справиться. Такъ и въ эту минуту, несмотря на прекрасное весеннее солнце, заливавшее его комнату и придававшее блѣдный цвѣтъ огню въ каминѣ, разведенному какъ бы среди зимы, герцогъ дрожалъ подъ своимъ голубымъ мѣхомъ, между своими маленькими ширмочками и, подписывая бу-

маги, которыя передавалъ ему чиновникъ его кабинета, на низенькомъ лаковомъ столѣ, трещащемъ отъ близости огня; онъ безпрестанно протягивалъ свои окоченѣлые пальцы къ огню, который бы могъ сжечь ихъ на поверхности, не сообщивъ нисколько жара ихъ блѣдной окоченѣлости.

Была ли то тревога, причиняемая болѣзью его знаменитаго лаціента? Но Джеккинсъ казался нервнымъ, дрожащимъ, расхаживалъ большими шагами по коврамъ, нюхая направо и налево, ища въ воздухѣ чего-то что по его мнѣнію должно было быть тамъ, чего-то тонкаго и неуловимаго, какъ слѣдъ благоуханія или невидимая черта, оставляемая полетомъ птицы. Слышался трескъ дровъ въ каминѣ, шелестъ бумагъ, наскоро перелистываемыхъ, безлечный голосъ герцога, указывающаго всегда точнымъ и опредѣленнымъ словомъ отвѣтъ на письмо въ четыре страницы и почтительные отвѣты чиновника: „Слушаю, господинъ министръ.... Нѣтъ, господинъ министръ“, лотомъ скрилъ тяжелаго и нелокornaго пера. На дворѣ ласточки весело щебетали надъ водой, по направленію къ мостамъ раздавались звуки кларнета...

— Невозможно, сказалъ вдругъ государственный министръ, вставая съ мѣста.—Возьмите все это, Лартигъ, вы придете завтра.... Я не могу писать.... Мнѣ слишкомъ холодно... Возьмите, докторъ, пощупайте мои руки, неправда ли, можно сказать что я вынулъ ихъ изъ ведра замерзлой воды... Вотъ два дня уже все тѣло мое въ такомъ состояніи... Не смѣшно ли это, при такой погодѣ?

— Это меня не удивляетъ... пробормоталъ Ирландецъ угрюмымъ и отрывистымъ тономъ, совершенно необычнымъ на такихъ медоточивыхъ устахъ.

Дверь затворилась за молодымъ чиновникомъ, уносившимъ свои бумаги съ величественною неподвижностью, но вѣроятно весьма счастливымъ что отдѣлался отъ хлопотъ и можетъ до возвращенія въ министерство побродить часъ, другой въ Тюильри, наполненномъ весенними туалетами и молодыми дѣвушками, которыя сидѣли по скамьямъ подъ каштановыми деревьями въ цвѣту, колыхавшимися отъ корня до верхушки. Онъ не застылъ еще, этотъ молодой чиновникъ...

Джеккинсъ, молчаливый, изслѣдовалъ своего больного, выслушивалъ его, постукивая, лотомъ тѣмъ же жесткимъ тономъ, который можно было объяснить его встревоже

преданностью, раздраженіемъ врача, предписанія котораго не соблюдаются, сказалъ:

— Вотъ что, любезный герцогъ; какую это вы жизнь ведете въ последнее время?

Онъ зналъ по лакейскимъ сплетнямъ — докторъ не пренебрегалъ ими у своихъ обычныхъ пациентовъ — что у герцога есть *новая*, что этотъ капризъ недавняго времени охватилъ его, волновалъ его необыкновенно, и это въ соединеніи съ другими замѣчаніями, сдѣланными Дженкинсомъ въ другомъ мѣстѣ, внушало ему подозрѣніе, безумное желаніе узнать имя этой *новой*. Вотъ что онъ силился угадать на любѣднѣвшемъ лицѣ своего больного, стараясь гораздо болѣе проникнуть въ глубину его мысли чѣмъ въ глубину его болѣзни. Но онъ имѣлъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ людей, счастливыхъ въ любви, лица которыхъ герметически закупорены подобно шкатулкамъ съ секретными замками, заключающими въ себѣ драгоценности и женскія лисья, съ одной изъ тѣхъ скрытныхъ натуръ съ холоднымъ и синимъ взглядомъ, стальнымъ взглядомъ, о который разбивается всякая хитрая проникательность.

— Вы ошибаетесь, докторъ, отвѣчалъ спокойно герцогъ. — Я ничего не измѣнилъ въ своихъ привычкахъ.

— Ну, такъ вы дурно сдѣлали, герцогъ, сказалъ Ирландецъ рѣзко, въ бѣшенствѣ, что ему не удалось ничего открыть.

И тотчасъ же, почувствовавъ что онъ зашелъ слишкомъ далеко, онъ излил свою злость и строгость своей диагностики потокомъ пошлостей, аксіомъ... Необходимо было бегаться... Медицина — не волшебство... Могущество лилюль Дженкинса останавливалось предъ человѣческими силами, предъ потребностями возраста, предъ средствами натуры, которыя, къ несчастію, не были неисчислимы. Герцогъ прервалъ его нервнымъ тономъ:

— Полноте, Дженкинсъ, вы хорошо знаете что я не люблю фразъ... Значитъ, напрасно вы ихъ тратите... Скажите мнѣ, что со мною?... Отчего мнѣ такъ холодно?

— Это анемія, истощеніе... недостатокъ масла въ лампѣ.

— Чтѣ же дѣлать?

— Ничего. Полное спокойствіе... ѣсть, спать и ничего больше... Еслибы вы могли провести нѣсколько недѣль въ Гранбуа!

Мора пожалъ плечами:

— А палата, а совѣтъ, а...? Полноте, да развѣ это возможно?

— Во всякомъ случаѣ, герцогъ, необходимо вычеркнуть, какъ говорили вамъ, отказаться совершенно...

Дженкинса прервалъ входъ дежурнаго, который осторожно, на ципочкахъ, какъ танцмейстеръ, передалъ письмо и карточку государственному министру, все еще дрожавшему предъ огнемъ. Увидѣвъ этотъ серебристо-сѣрый пакетъ оригинальной формы, Ирландецъ невольно затрепеталъ, между тѣмъ какъ герцогъ, распечатавъ и пробѣжавъ письмо, всталъ совершенно оживленный, съ легкимъ румянцемъ искусственнаго здоровья на щекахъ, котораго не могъ придать ему весь жаръ камина.

— Любезный докторъ, необходимо во что бы ни стало...

Дежурный стоялъ въ ожиданіи.

— Что такое?... Ахъ да, эта карточка... Просите въ галерею. Я иду туда.

Галерея герцога де-Мора, открытая для посѣтителей два раза въ недѣлю, была для него нейтральною лочвой, публичнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ могъ видѣть всякаго, не принимая никакого обязательства и не компрометтируя себя...

Когда дежурный вышелъ, онъ сказалъ:

— Дженкинсъ, милый мой, вы уже дѣлали чудеса для меня. Сдѣлайте еще одно. Удвойте приѣмъ моихъ писемъ, придумайте что-нибудь, что хотите... Но необходимо чтобы я былъ бодръ въ воскресенье... слышите, бодръ совершенно.

И на записочкѣ, которую онъ держалъ, его согрѣвшіеся и лихорадочно дрожавшіе пальцы сжимались со сладострастнымъ движеніемъ.

— Остерегитесь, ваша свѣтлость, сказалъ Дженкинсъ, весь блѣдный, сжавъ губы,—я не желаю бы тревожить васъ слишкомъ относительно вашей слабости, но мой долгъ...

— Вашъ долгъ и мое удовольствіе одно и то же, мой дорогой, отвѣчалъ Мора, со своею красивою и нѣсколько циническою улыбкой.—Предоставьте мнѣ сжигать мою жизнь когда это мнѣ нравится. Для этого у меня не бывало еще никогда такого превосходнаго случая.

Онъ вздрогнулъ:

— Герцогиня...

Пріотворилась дверь и изъ-подъ занавѣски показалась

маленькая бѣлокурая головка, вся воздушная лодъ кружевами и лентами утренняго туалета.

— Что это мнѣ сказали? Вы не выѣзжали?... Да побрадите же его, докторъ. Не правда ли, онъ напрасно такъ носится со своимъ здоровьемъ?... Посмотрите, какой у него здоровый видъ.

— Вотъ... видите ли, сказалъ герцогъ Ирландцу со смѣхомъ.—Вы не войдете, герцогиня?

— Нѣтъ, напротивъ, я увожу васъ. Дядя д'Эстенъ прислалъ мнѣ цѣлую кѣтку заморскихъ птицъ. Я хочу вамъ показать ихъ.... Чудеса всякъ цвѣтовъ съ маленькими глазами изъ чернаго жемчуга.... И забки, забки почти также какъ вы.

— Посмотримъ, сказалъ министр.—Подождите меня, Дженкинсъ, я вернусь сейчасъ.

Потомъ, замѣтивъ что письмо все еще у него въ рукахъ, онъ небрежно бросилъ его въ ящикъ маленькаго стола и вышелъ за герцогиней, съ ненарушимымъ хладнокровіемъ мужа привыкшаго къ такимъ эволюціямъ.

Какой чудесный художникъ, какой несравненный фабрикантъ игрушекъ сумѣлъ надѣлать человѣческую маску гибкостью ея пружинъ, ея изумительною эластичностью? Ничто не могло быть интереснѣе этого лица знатнаго господина, захваченнаго въ порывѣ прелюбодѣянія, со щеками пылающими отъ призраковъ обѣщаннаго сладострастія, и укрощающагося въ одну минуту ясностью супружеской нѣжности; ничто не могло быть интереснѣе подобострастнаго вида, отеческой Франклиновской улыбки Дженкинса въ присутствіи герцогини, разомъ уступившихъ мѣсто, когда онъ остался одинъ, свирѣлому выраженію гнѣва и ненависти, преступной блѣдности, блѣдности Кастена или Лопоммере, замышляющихъ свои задовѣщія измѣны.

Быстрый взглядъ на обѣ двери, и онъ тотчасъ же стоялъ предъ столомъ, полнымъ драгоцѣнныхъ бумагъ, гдѣ маленький золотой ключикъ оставался на мѣстѣ съ дерзкою небрежностью, какъ бы говорившею: „Не осмѣлится!“

Но Дженкинсъ осмѣлился.

Письмо было тамъ, на кучѣ другихъ, сверху. Кусочекъ бумаги, три слова адреса простаго и смѣлаго дочерка, и затѣмъ запахъ, запахъ ольняющій, самое дыханіе ея божественныхъ устъ.... Итакъ это правда, его ревнивая любовь

не обманула его, ни смущеніе, которое испытывали съ нѣ-
котораго времени въ его присутствіи, ни таинственныя и
помолодѣвшіе взгляды Констансы, ни букеты великолѣпно
раслущившіеся въ мастерской, какъ бы подъ тѣнью таин-
ственного ладенія.... Итакъ, эта неукротимая гордость сда-
валась наконецъ! Но почему же не ему, Дженкинсу? Не
ему, который любилъ ее такъ долго, всегда, который мо-
ложе герцога на десять лѣтъ, и ужь конечно не дрожитъ отъ
холода!... Всѣ эти мысли прорѣзали ему голову, какъ
стальные стрѣлы безлощаднаго лука. И израненный, изби-
тый, съ глазами ослѣпленными кровью, онъ стоялъ тамъ,
смотря на маленькій глянцовитый и холодный конвертъ,
который онъ не смѣлъ открыть изъ опасенія лишиться
последняго сомнѣнія, какъ вдругъ шелесть занавѣски, за-
ставившій его быстро бросить назадъ письмо и задвинуть
плотно закрывавшійся ящикъ лаковаго стола, извѣстилъ его
что кто-то вошелъ въ комнату.

— Ахъ, это вы, Жансуле, какъ вы сюда попали?

— Его свѣтлость сказалъ мнѣ чтобъ я подождать его у
него въ комнатѣ.. отвѣчалъ Набабъ, гордясь тѣмъ что его
допустили во внутренніе апартаменты, да еще въ такой
часъ когда никого не принимали. Дѣло въ томъ что герцогъ
начиналъ чувствовать дѣйствительную симпатію къ этому
дикарю, по многимъ причинамъ: во первыхъ, онъ любилъ
смѣльчаковъ, дерзкихъ, счастливыхъ авантюристовъ. Не
былъ ли и онъ самъ такой же? Потомъ Набабъ забавлялъ
его; его акцентъ, его угловатыя манеры, его лестъ нѣсколь-
ко грубая и безцеремонная развлекали его отъ вѣчно однихъ
и тѣхъ же условій всего окружающаго, отъ фразы, этого
административнаго и придворнаго бича, ненавистнаго ему
до такой степени что онъ никогда не оканчивалъ нача-
таго періода. Набабъ съ своей стороны оканчивалъ иног-
да свои періоды чѣмъ-нибудь рѣзкимъ и неожиданнымъ;
съ тѣмъ вмѣстѣ отличный игрокъ, проигрывавшій, не
моргнувъ бровью, въ клубъ Королевской улицы партію
экарте по пяти тысячъ фишку. И такъ сговорчивъ, ког-
да вздумалось избавиться отъ какой-нибудь картины,
всегда готовъ купить ее за какую бы то ни было цѣну!
Къ этому чувству благосклонной симпатіи присоеди-
нилось въ последнее время чувство жалости и негодованія
въ виду ожесточенія, съ которымъ преслѣдовали этого

несчастнаго, въ виду этой гнусной и безплощадной войны, которая велась такъ ловко что общественное мнѣніе, всегда легковѣрное и готовое прислушиваться ко всякой слетѣи, начинало серьезно возставать противъ Набаба. Надо отдать справедливость герцогу де-Мора что онъ не слѣдовалъ за толпой. Увидѣвъ въ концѣ галлерей всегда добродушное, но нѣсколько разстроенное лицо Набаба, ему показалось бы малодушіемъ принимать его тамъ и онъ пригласилъ его войти къ нему въ комнату.

Дженкинсъ и Жансуле, нѣсколько стѣсненные встрѣчей, обмѣнялись пустыми фразами. Ихъ тѣсная дружба охладѣла съ нѣкотораго времени, такъ какъ Жансуле наотрѣвъ отказалъ въ новыхъ субсидіяхъ для Виленскаго заведенія, что оставляло все дѣло на рукахъ Ирландца и бѣсило его. Въ эту минуту его бѣсило еще болѣе неожиданное прибытіе Набаба, помѣшавшаго ему прочесть письмо Фелиціи. Набабъ съ своей стороны спрашивалъ себя, будетъ ли докторъ присутствовать при разговорѣ который онъ желалъ имѣть съ герцогомъ касательно гнусныхъ намековъ конми его преслѣдовалъ *Messenger* и которые онъ могъ опровергнуть съ помощью доказательствъ, представленныхъ его свѣтаости, но только одному ему; онъ также горѣлъ желаніемъ удостовѣриться, не охладили ли эти клеветы добраго къ нему расположенія герцога, въ которомъ онъ такъ нуждался во время повѣрки выборовъ. Пріемъ сдѣланный ему въ галлерей успокоилъ его въ половину; онъ совершенно успокоился, когда герцогъ возвратился и подошелъ къ нему съ протянутою рукой.

— Ну что, мой бѣдный Жансуле, Парижъ заставляетъ васъ дорого расплачиваться за сдѣланный вамъ радушный пріемъ. Сколько криковъ, ненависти, гнѣва!

— Надѣюсь что ваша свѣтлость не вѣрите этимъ глупостямъ. Къ тому же у меня здѣсь... Я привезъ доказательства...

И своими толстыми, мохнатыми лапами, дрожащими отъ волненія, онъ копался въ бумагахъ огромнаго шагреноваго портфеля, бывшаго у него подъ рукой.

— Не надо... не надо... мнѣ все это извѣстно... Я знаю что съ намѣреніемъ или безъ намѣренія васъ смѣшиваютъ съ другимъ лицомъ, котораго разоблачить вамъ мѣшаютъ самыя почтенныя семейныя соображенія...

Въ виду изумленія Набаба, ошеломленнаго такимъ полнымъ знаніемъ его обстоятельствъ, герцога не могъ не улыбнуться.

— Государственный министр долженъ все знать... Но будьте спокойны, вы будете утверждены во что бы то ни стало. А какъ только вы будете утверждены...

Жансуле вздохнулъ свободно.

— Ахъ, ваша свѣтлость, какъ вы обрадовали меня вашими словами! Я начиналъ терять всякую надежду... Мои враги такъ сильны... Притомъ такая неудача. Представьте себѣ что именно Лемеркье поручено составить докладъ о моемъ избраніи!

— Лемеркье?... Чортъ возьми!...

— Да, Лемеркье, коммиссіонеру Гемерлинга, этому грязному ханжѣ, который обратилъ баронессу конечно потому что его религія запрещала ему имѣть любовницей мусульманку.

— Полноте, Жансуле...

— Чтѣ дѣлать, ваша свѣтлость!... Разсердишься поневолѣ... Подумайте только о положеніи въ которое меня поставили эти негодяи... Вотъ уже недѣля какъ меня сдѣлало утвердить, и они нарочно оттягиваютъ дѣло, потому что знаютъ въ какомъ страшномъ положеніи я нахожусь; все мое состояніе парализовано, бѣй только и ждетъ рѣшенія палаты чтобъ узнать можетъ ли онъ или нѣтъ обратъ меня.... У меня тамъ восемьдесятъ милліоновъ, ваша свѣтлость, а здѣсь я совсѣмъ языкъ высунулъ... Если только это продлится...

Онъ отеръ крупныя капли пота, струившіяся у него по щекамъ.

— Хорошо! я беру на себя дѣло объ утвержденіи, сказалъ министръ съ нѣкоторою живостью.—Я напишу тому чтобъ онъ скорѣе представилъ докладъ, и еслибъ даже меня пришлось нести на рукахъ въ палату...

— Вы больны, ваша свѣтлость? спросилъ Жансуле тономъ участія, въ которомъ, клянусь вамъ, не было ничего притворнаго.

— Нѣтъ... небольшая слабость... крови у насъ мало; но Дженкинсъ подбавитъ ея намъ; не правда ли, Дженкинсъ?...

Ирландецъ, не слушавшій разговора, сдѣлалъ какой-то неопредѣленный жестъ.

— Громъ и молнія! А у меня ея слишкомъ много, крови-то!... И Набабъ ослабилъ галстукъ вокругъ шеи, надувшейся, покраснѣвшей отъ волненія и отъ теплоты въ комна-тѣ.—О, еслибъ я могъ уступить вамъ хотя частицу, ваша свѣтлость!

— Это было бы счастьемъ для насъ обоихъ, сказалъ го-сударственный министръ съ нѣкоторою проныей.—Особен-но для васъ, потому что вы крайне запальчивы, тогда какъ вамъ необходимо полнѣйшее спокойствіе... Примите это во вниманіе, Жаксуле. Остерегайтесь интригъ и взрывовъ гѣ-ва, къ которымъ васъ подстрекають... Укрѣпите себя мыслью что вы теперь общественный дѣятель, занимаю-щій мѣсто на эстрадѣ, жесты котораго видны издали... Га-зеты ругаютъ васъ—не читайте ихъ, если не можете скрыть причиняемаго вамъ ими волненія... Не дѣлайте того что я дѣлалъ съ моимъ слѣпымъ на мосту Согласія, съ мо-имъ убійственнымъ игрокомъ на кларнетѣ, который десять лѣтъ портитъ мнѣ жизнь, насвистывая мнѣ цѣлый день: *De tes fils, Norma*... Я испробовалъ все чтобъ его уда-лить отсюда — деньги, угрозы, ничто не дѣйствовало... Полиція? Да, конечно... Но съ современными идеями, прогнать слѣплаго съ моста было бы важнымъ событіемъ... Оппозиціонныя газеты стали бы толковать объ этомъ, Парижане сочинили бы басню: *Откупщикъ и сапожникъ... Герцогъ и кларнетъ*... Пришлось терпѣть. Впрочемъ выво-вать я самъ. Я не долженъ былъ показывать этому чело-вѣку что онъ надобѣдаетъ мнѣ... Я увѣренъ что мое муче-ніе теперь половина его жизни. Каждое утро онъ выходитъ изъ своей конуры со своею собаченкой и своею страшною музыкой и говоритъ себѣ: „Давай-ка надобѣдать герцогу де-Мора“. И ни одного дня онъ не пропускаетъ, негодный... Вотъ и теперь, стѣдуетъ мнѣ только открыть окно и вы услышите лотокъ маленькихъ рѣзкихъ нотъ, покрываю-щихъ шумъ воды и экипажей... Ну вотъ, журналистъ *Me-sager*—вашъ кларнетъ: если онъ узнаетъ что его музыка надобѣдаетъ вамъ, то онъ никогда не кончитъ... При этомъ я напоминаю вамъ, любезный депутатъ, что у васъ въ три часа собраніе въ отдѣленіяхъ и приглашаю васъ тотчасъ же отправиться въ палату.

Потомъ обратясь къ Дженкиасу, сказалъ:

— Вы знаете, о чемъ я просилъ васъ, докторъ... Пилуль на послѣзавтра... и тройныхъ!

Джевкинсъ вздрогнулъ, отряхнулъ, какъ послѣ сна.

— Рѣшено, любезный герцогъ, вамъ придадутъ силы... Да и какой силы... вы въ состояніи будете выиграть призъ въ Дарби.

Онъ поклонился и вышелъ, смѣясь настоящимъ волчьимъ смѣхомъ, показывая рѣдкіе и скверные бѣлые зубы. Набабъ также откланялся съ сердцемъ полнымъ признательности, но не смѣлъ ничего показать этому скептику, въ которомъ всякое изліяніе возбуждало недовѣріе. И государственный министр, оставшійся одинъ предъ трескучимъ и горячимъ огнемъ, покрытый искусственною теплотой своей роскоши, удвоенною въ этотъ день лихорадочнымъ сіяніемъ прекраснаго майскаго солнца, принался снова дрожать, и дрожать такъ сильно что письмо Фелиции, открытое концами блѣдныхъ его пальцевъ, которое онъ читалъ съ любовью, дрожало у него въ рукѣ съ шелестомъ шелковой ткани.

Весьма странное положеніе депутата въ періодъ слѣдующій за его избраніемъ и предшествующій, какъ говорятъ на парламентскомъ нарѣчіи, повѣркѣ его полномочій. Нѣчто похожее на состояніе новобрачнаго въ теченіе двадцати четырехъ часовъ отдѣляющихъ бракъ въ меріи отъ благословенія его въ церкви. Право, которымъ нельзя пользоваться, полусчастіе, полувласть, непріятность держаться и того и другого, недостатокъ опредѣленнаго положенія. Вы женаты и не женаты, вы депутатъ и не увѣрены въ этомъ; но только для депутата эта неизвѣстность продолжается дни и недѣли, и чѣмъ болѣе она длится, чѣмъ продолжительнѣе повѣрка, тѣмъ болѣе для несчастнаго депутата становится пыткой обязанность его являться въ палату, занимать мѣсто, которое можетъ-быть не останется за нимъ, слышать пренія, окончанія которыхъ ему можетъ-быть не суждено услышать, въ глазахъ и ушахъ сохранить сладкое воспоминаніе о парламентскихъ засѣданіяхъ съ ихъ зыбью лысыхъ или алоплекическихъ головъ, съ ихъ шумомъ скомканной бумаги, съ криками приставовъ, со стукомъ деревянныхъ ножей по столамъ, съ несносною болтовней, посреди которой раздается соло оратора, гремящее или робкое, все съ однимъ и тѣмъ же аккомпаниментомъ.

Это положеніе, столь непріятное, усложнилось еще для Набаба клеветами, которыя сначала разказывались шепотомъ, теперь печатались, расходились въ тысячахъ экземпляровъ и привели къ тому что его товарищи держали его какъ бы въ карантинѣ. Въ первые дни онъ расхаживалъ по корридорамъ, по библіотекѣ, по буфету, по залѣ конференцій, подобно всѣмъ остальнымъ, радуясь что онъ можетъ посѣщать всѣ углы этого величественнаго лабиринта, но незнакомый большинству, отвергаемый нѣкоторыми членами клуба Королевской улицы, избѣгавшими его, ненавидимый всею клерикальною коте́ріей, главой коей былъ Лемеркье, и финансовымъ міромъ, враждебнымъ этому миллионеру, влияющему на повышение и на пониженіе, подобно судамъ большой вмѣстимости, перемѣщающимъ воду въ портѣ, онъ чувствовалъ еще болѣе свое одиночество, перемѣнялъ мѣста, и та же вражда сопровождала его повсюду.

Его тѣлодвиженія, его походка сохранили оттого нѣчто принужденное, въ родѣ колеблющагося недоуверія. Онъ чувствовалъ что за нимъ наблюдаютъ. Если онъ на минуту входилъ въ буфетъ, въ эту обширную свѣтлую залу, окна которой выходили въ садъ президентства, которая ему нравилась потому что предъ этою широкою выставкой на бѣломъ мраморѣ, покрытомъ налитками и кушаньями, депутаты теряли часть своихъ величественныхъ позъ, законодательное высокомеріе смягчалось, призываемое къ естественности требованіями природы, онъ былъ увѣренъ что на другой день насмѣшливая, оскорбительная замѣтка появится въ *Messenger*, выставляя его предъ избирателями образцомъ „горькаго пьяницы“.

А эти страшные избиратели: вотъ еще стѣсненіе!

Они появлялись толпами, наводняли боковую залу, скакали по всѣмъ направленіямъ, какъ черныя козлы, призывая другъ друга изъ конца въ конецъ звучной залы: „О Пе!... О Че!...“ вдыхая съ наслажденіемъ распространенный повсюду запахъ правительства, администраціи, дѣлая глазки проходящимъ министрамъ, слѣдуя за ними, какъ бы ожидая что изъ ихъ почтенныхъ кармановъ, изъ ихъ туго набитыхъ портфелей посыллется какаѣ-нибудь благодѣтели, но въ особенности окружая „мусью“ Жансуле такими настоятельными просьбами, такими требованіями и демонстраціями что для избѣжанія этого жестикулирующаго шума,

на который всё обращались и который дѣлалъ его какъ бы делегатомъ Туареговъ среди цивилизованнаго народа, онъ былъ принужденъ бросать умоляющій взглядъ на какого-нибудь дежурнаго пристава, хорошо знакомаго съ этимъ дѣломъ и подбѣгавшаго сказать ему съ озабоченнымъ лицомъ что „его приглашаютъ немедленно въ восьмое отдѣленіе“. Такимъ образомъ стѣсняемый повсюду, изгоняемый изъ корридоровъ, изъ боковой залы, изъ буфета, бѣдный Набабъ рѣшился не оставлять своей скамьи, на которой онъ и сидѣлъ безмолвный и неподвижный въ продолженіи всего за-сѣданія.

Онъ имѣлъ, однако, друга въ палатѣ, вновь избраннаго депутата отъ департамента Объихъ-Севръ, по имени г. Сарига, бѣднаго человѣка, довольно похожаго на безобидное и неграціозное животное, имя котораго онъ носилъ,* съ его рыжею, рѣдкою шерстью, боязливыми глазами, прыгающею походкой въ бѣлыхъ штиблетахъ. При этомъ робкій до того что не могъ произнести двухъ словъ не заикаясь, почти безголосый, постоянно съ бульдегомами во рту, что окончательно разстраивало его рѣчь; спрашивалось, зачѣмъ явился въ собраніе такой увѣчный, какое безумное женское самолюбіе толкнуло къ общественнымъ должностямъ это существо неспособное даже ни къ какому частному занятію?

По забавной ироніи судьбы, Жансуле, самъ волнуемый всеми тревогами своего утвержденія, былъ избранъ восьмымъ отдѣленіемъ для составленія доклада о выборахъ департамента Объихъ-Севръ, и г. Саригъ, сознавая свою неспособность, исполненный величайшаго страха что его съ позоромъ отправятъ во свояси, бродилъ покорный и умоляющій вокругъ этого высокаго, курчаваго человѣка, широкія плечи котораго подъ тонкимъ сюртукомъ воздымались какъ кузнечные мѣхи и не подозревая какое бѣдное и боязливое существо скрывается подъ такою прочною оболочкой.

Работая надъ докладомъ о выборахъ въ департаментъ Объихъ Севръ, просматривая, многочисленные протесты, обвиненія въ избирательныхъ интригахъ, доносы о данныхъ обѣдахъ, о раздачѣ денегъ, о винныхъ бочкахъ выставленныхъ у входа въ мерію, обо всей обычной обстановкѣ

* *Sarigue*—двуутробка.

выборовъ того времени, Жансуле трепеталъ за самого себя. „Но вѣдь и я все это дѣлалъ“... говорилъ онъ самъ себѣ со страхомъ. О, г. Сартигъ могъ быть слокоенъ; ему трудно было бы найти докладчика болѣе доброжелательнаго, болѣе снисходительнаго, а также и болѣе дѣятельнаго, ибо Набабъ сожалѣлъ о своемъ пациентѣ, зная по опыту, какъ тяжело ожиданіе, ускорилъ дѣло, и огромный портфель, бывшій у него подъ рукой, когда онъ выходилъ изъ отеля герцога де-Мора, заключалъ въ себѣ докладъ совершенно готовый для прочтенія въ отдѣленіи.

Было ли то вліяніе перваго опыта общественныхъ обязанностей, добрыхъ словъ герцога или великолѣпной погоды того дня, съ наслажденіемъ ощущаемой этимъ южаниномъ съ чисто-физическими впечатлѣніями, привыкшаго дѣйствовать подъ синимъ небомъ и жаркимъ солнцемъ, какъ бы то ни было, но пристава законодательнаго корпуса увидѣли въ этотъ день Жансуле гордаго и величественнаго, какимъ они не знали его прежде. Карета Гемерлинга, которую онъ увидѣлъ около рѣшетки и которую можно было узнать по необыкновенной величинѣ дверей, окончательно возвратила ему самообладаніе его натуры, коей смѣлость была главною чертой. „Врагъ тутъ... вниманіе!“ Проходя по боковой залѣ, онъ дѣйствительно увидѣлъ банкира бесѣдующаго въ углу съ докладчикомъ Лемеркье, прошелъ нарочно мимо нихъ и посмотрѣлъ на нихъ съ торжествующимъ видомъ, что заставило другихъ подумать: „Что жъ это такое?“

Затѣмъ въ восторгѣ отъ своего хладнокровія, онъ направился въ отдѣленія, обширныя и высокія залы, выходящія направо и налѣво въ длинный корридоръ, въ которыхъ большіе столы, накрытые зелеными коврами, тяжелыя и однообразныя кресла, носили на себя видъ скучной торжественности. Депутаты пріѣзжали. Группы собирались, спорили, жестикулировали, раскланивались, подавали другъ другу руки, опрокидывали головы, какъ китайскія тѣни на свѣтломъ фонѣ оконъ. Были тамъ люди сгорбленные, одинокіе, какъ бы подавленные тяжестью мыслей хмурившихъ имъ лбы. Другіе говорили другъ другу на ухо, новѣря извѣстія таинственныя и величайшей важности съ пальцемъ на губахъ и со взглядомъ выражавшимъ безмолвное предостереженіе. Провинціальный букетъ слышался во всемъ

этомъ, разнообразіе интонацій, южныя увлеченія, тянущіеся звуки центра, бретонская подвижная рѣчь, сюртуки по модѣ Ландерно, черныя четвероугольные башмаки, бѣлые вытканное дома, и самоувѣренность деревни или кружковъ маленькаго города, мѣстныя выраженія, провинціализмы, внесенныя въ политическій и административный языкъ, эта плоская и безцвѣтная фразеологія, придумавшая „жгучіе вопросы, вырывающіе на воду“ и „индивидуальности безъ полномочій“.

Глядя на этихъ взволнованныхъ людей или на этихъ мыслителей, вы сказали бы что они величайшіе двигатели идей на землѣ; но къ несчастію, они преобразовывались въ дни засѣданій, сѣдѣли неподвижно на своихъ скамьяхъ, боязливые какъ школьники подъ ферулой учителя, подобострастно смѣясь шуткамъ умаге человѣка, представшаго ими, или заговаривая чтобы сдѣлать какое-нибудь изумительное предложеніе, или дѣлая перерывы, заставляющіе предполагать что Анри Моньяе закаеимилъ въ своемъ безсмертномъ очеркѣ не одинъ только тилъ, но цѣлое племя. Два-три оратора на всю палату, остальные умѣющіе удобно сѣсть предъ каминомъ въ провинціальномъ салонѣ послѣ отапливаемаго обѣда у префекта, чтобы проговорить въ нось: „администрація, милостивые государи“... или „императорское правительство“... но затѣмъ неспособные идти далѣе.

Обыкновенно добродушный Набабъ увлекался этими лозунгами, этимъ шумомъ пустой пралки, который производятъ всѣ люди желающіе поважничать; но вынѣ онъ самъ лѣзалъ въ унисонъ съ другими.

Между тѣмъ какъ сидя за зеленымъ столомъ съ портфелемъ предъ собой, положивъ на него локти, онъ читалъ докладъ, составленный Полемъ де-Жери, члены отдѣленія смотрѣли на него съ удивленіемъ.

То было ясное, отчетливое и краткое резюме ихъ двухнедѣльной работы, въ которомъ они видѣли изложеніе ихъ идей, представленныхъ такъ хорошо что они съ трудомъ ихъ узнавали. Потомъ, когда двое или трое изъ нихъ замѣтили что докладъ слишкомъ благопріятенъ, что онъ только вскользь уломинаетъ о нѣкоторыхъ протестахъ, дошедшихъ въ отдѣленіе, то докладчикъ началъ говорить съ изумительною самоувѣренностью, съ краснорѣчіемъ и обиліемъ рѣчей своихъ земляковъ, доказавъ что депутата

можно лишь до нѣкоторой степени признать отвѣтственнымъ за неразуміе его избирательныхъ агентовъ, что безъ того ни одно избраніе не устоитъ противъ слишкомъ мелочнаго контроля, а такъ какъ въ сущности онъ защищалъ собственное дѣло, то онъ внесъ въ свою рѣчь убѣжденіе, увлекательную живость, пуская время отъ времени въ ходъ одно изъ тѣхъ длинныхъ и неопредѣленныхъ существительныхъ, которыя такъ были по сердцу комиссіи.

Остальные слушали со вниманіемъ, передавая другъ другу свои впечатлѣнія, покачивая головами и дѣлая для сосредоточенія своего вниманія замѣтки на тетрадяхъ, что совершенно гармонировало со школьнымъ шумомъ въ корридорахъ, съ ролотомъ отвѣчаемыхъ уроковъ и съ этими стаями воробьевъ, чирикавшихъ подъ окнами на школьномъ дворѣ, окруженномъ сводами, настоящимъ школьнымъ дворѣ. Когда докладъ былъ принятъ, то пригласили г. Сартига для нѣкоторыхъ дополнительныхъ объясненій. Онъ вскорѣ прибылъ блѣдный, заикающійся какъ попавшійся преступникъ, и вы засмѣялись бы, еслибы увидѣли съ какимъ видомъ авторитета и покровительства Жансуле ободрялъ и усложнялъ его: „Оправьтесь же, любезный товарищъ...“ Но члены восьмага отдѣленія не смѣялись, то были всѣ или почти всѣ тѣ же Сартиги въ своемъ родѣ, двое или трое совсѣмъ разслабленные, пораженные различными недугами. Такая самоувѣренность и краснорѣчіе привели ихъ въ восторгъ.

Когда Жансуле вышелъ изъ Законодательнаго Корлуса, сопровождаемый своимъ признательнымъ товарищемъ, было шесть часовъ. Великолепная погода, прекрасное солнце, садившееся надъ Сеной все въ золотѣ по направленію къ Трокадеро, взманило пройтись лѣшкомъ здороваго племени, который для соблюденія приличія садился въ карету и натягивалъ перчатки, но всегда любилъ обходиться безъ нихъ. Онъ отпустилъ свой экипажъ и съ портфелемъ подъ рукой пошелъ по Мосту Согласія. Съ 1го мая онъ не ощущалъ такого пріятнаго настроенія. Передергивая плечами, со шляпой надѣтою нѣсколько назадъ, въ положеніи, которое, какъ онъ видѣлъ, принимали политическіе люди заваленные дѣлами, предоставляя на свѣжѣмъ воздухѣ испариться трудолюбивой горячкѣ ихъ мозга, подобно какъ заводъ выпускаетъ паръ въ ручей при окончаніи рабочаго дня, онъ

шелъ между другими силуэтами, подобными его силуэту, очевидно вышедшими изъ этого храма съ колоннами, который расположенъ противъ Мадлены надъ монументальными фонтанами. Когда они шли, на нихъ смотрѣли, говоря: „Вотъ депутаты...“ И Жансуле чувствовалъ дѣтскую радость, радость простонародную, смѣшанную изъ невинства и простодушнаго тщеславія.

„*Messenger*, купите *Messenger*—вечернее изданіе.“

Воскличаніе это послышалось изъ газетнаго кіоска на концѣ моста, наполненнаго въ этотъ часъ свѣжими листками, которые живо складывали двѣ женщины и отъ которыхъ несло влажною бумагой, послѣдними новостями, услухомъ дня или его скандаломъ. Почти всѣ депутаты покупали нумера, и пробѣгали ихъ быстро, надѣясь встрѣтить свое имя. Жансуле, боясь увидѣть тамъ свое, не остановился, но потомъ тотчасъ же разсудилъ: „Ужели общественный дѣятель не долженъ быть выше этихъ слабостей? Я довольно силенъ чтобы читать все теперь.“ Онъ возвратился и, подобно своимъ товарищамъ, взялъ газету. Онъ открылъ ее очень спокойно, прямо на обычномъ мѣстѣ статей Моассара. Какъ разъ тамъ и статья. Все то же заглавіе: *Chinoiseries* и вмѣсто подписи буква М.

— Ага! сказалъ общественный дѣятель; твердый и холодный какъ мраморъ, съ прекрасною улыбкой презрѣнія. Урокъ герцога де-Мора звучалъ еще у него въ ушахъ, да еслибъ онъ и забылъ его, то звуки *Нормы* раздававшіеся не далеко мелкими прокическими потоками привели бы его на память ему. Но при всякомъ разчетѣ на быстрыя событія въ нашей жизни необходимо отводить долю непредвидѣнному; и вотъ почему бѣдный Набабъ почувствовалъ, что волна крови ослѣпляетъ его, и крикъ ярости сдавливалъ ему горло. Его мать, его престарѣлая Франсуаза, примѣшана на этотъ разъ къ гнусной шуткѣ „барки съ цвѣтами“. Какъ онъ мѣтко попадалъ этотъ Моассаръ, какъ онъ хорошо зналъ чувствительныя мѣста этого сердца, столь простодушно откровеннаго!

— Успокойся, Жансуле, успокойся...

Сколько онъ ни повторялъ себѣ эти слова на всѣ лады, гнѣвъ, безумный гнѣвъ, кровавое опыяніе, требующее крови, охватили его. Первымъ движеніемъ его было позвать извозчицью карету чтобы броситься въ нее, оторваться отъ

раздражающей его улицы, избавить свое тѣло отъ заботы двигаться и направлять себя, взять карету, какъ бы для перевозки раненаго.

Но площадь въ этотъ часъ общаго возвращенія была запружена сотнями викторій, колясокъ, купе, спускавшихся отъ молніеносной славы Триумфальной Арки къ фіолетовой свѣжести Тюильри и обгонявшихъ одна другую по наклонному проспекту до большого перекрестка, гдѣ неподвижныя статуи, твердыя на своихъ пьедесталахъ, смотрѣли какъ въ эти экипажи разъѣзжаются къ Сень-Жерменскому предместью, къ улицамъ Королевской и Риволи.

Жансуле, съ газетой въ рукахъ, переходилъ улицу посреди этой суматохи, не думая о ней и инстинктивно направляясь къ своему клубу, гдѣ имѣлъ обыкновеніе играть партію отъ шести до семи. Онъ былъ еще общественный дѣятель, но взволнованный, говорившій вслухъ, произносившій сквозь зубы угрозы и ругательства голосомъ внезапно умягчившимся при воспоминаніи о доброй старушкѣ... И запутать ее сюда же... О! еслибъ она прочтала, еслибъ она могла понять... Какое наказаніе придумать для такого мерзавца? Онъ дошелъ до Королевской улицы, въ которую погружались съ быстротой вертящихся колесъ видѣнія женщинъ подъ вуалями, бѣлокурыя дѣтскія головки, экипажи всѣхъ видовъ, возвращающіеся изъ Лѣса, приносящіе нѣсколько мягкой земли на парижскую мостовую и весеннія испаренія смѣшанныя съ запахомъ рисовой пудры. Противъ морскаго министерства высокій фэтонъ на легкихъ колесахъ, очень похожій на большого паука, коего маленькій грумъ лѣтившійся позади и двѣ особы занимавшія переднюю лавочку составляли тѣло, едва не зацѣпилъ на поворотѣ за тротуаръ.

Набавъ поднималъ голову и едва не вскрикнулъ.

Рядомъ съ размазанною дѣвицей съ рыжими волосами въ маленькой шляпкѣ съ широкими полями, которая, сидя на высокой кожаной подушкѣ, правила лошадей руками, глазами, всею своею искусственною особой, прямою и наклоненною впередъ, сидѣлъ розовый и также размазанный, разцвѣтшій на томъ же навозѣ и откормленный тѣми же пороками Моассаръ, красавецъ Моассаръ. Куртизанка и журналистъ, и наиболѣе продажнымъ существомъ была не она. Возвышаясь надъ этими женщинами, сидѣвшими въ

своихъ коляскахъ, надъ этими мушкетерами до половины закрытыми пышными одеждами своихъ дамъ, надъ всеми этими позами утомленія и скуки, которыя люди пресыщенные выказываютъ въ публикѣ въ видѣ презрѣнія къ удовольствію и роскоши, они съ нахальствомъ красовались,—она, гордясь тѣмъ что катаетъ любовника королевы, а онъ безъ малѣйшаго стыда рядомъ съ этою тварью, которая задѣвала мушкетера въ аллеяхъ концомъ своего бича, недоступная, благодаря своему высокому сѣдалищу, спасительнымъ толчкамъ полиціи. Можетъ-быть ему нужно было, для развлеченія своей царственной любовницы, пропарадировать такимъ образомъ у нея подъ окнами въ обществѣ Сюзанны Блошъ, по прозванію Сюзы Рыжей.

— Берегись!... берегись!

Лошадь, большой рысакъ съ тонкими ногами, настоящій конь кокошки, возвращалась на прямой путь съ граціозными лиризмами на одномъ мѣстѣ. Жансуле выронилъ свой портфель и съ нимъ вмѣстѣ, какъ бы теряя всю важность, все обаяніе общественнаго дѣятеля, сдѣлалъ страшный скачокъ и прыгнулъ къ лошади, которую и удержалъ своими мохнатыми руками.

Задержка на Королевской улицѣ и среди бѣлаго дня—на такую штуку способенъ былъ только этотъ Татаринъ!

— Долой, сказалъ онъ Моассару, лицо котораго потемнѣло и пожелтѣло при видѣ его.—Долой, сейчасъ же...

— Пустите мою лошадь, дутое чучело!...

— Погоняй, Сюзанна, это Набабъ.

Она пыталась подобрать вожжи, но лошадь, удерживаемая сильною рукой, ударила задомъ, и еслибъ это повторилось, то легкій экипажъ выбросилъ бы изъ себя всѣхъ сидѣвшихъ въ немъ. Тогда, въ порывѣ ярости, отъ которой у женщинъ такого рода спадаетъ вся окраска роскоши и кожи, она нанесла Набабу два удара бичомъ, которые скользнули по его жесткому, загорѣлому лицу и сообщили ему свирѣлое выраженіе, выдавшееся еще болѣе отъ короткаго носа, посинѣвшаго и раздвоившагося на концѣ какъ у охотничьей таксы.

— Сойдите, чортъ возьми, или я все опрокину...

Посреди массы экипажей, остановившихся по невозможности двигаться или объѣзжавшихъ препятствіе, съ тысячами любопытныхъ глазъ, посреди крика кучеровъ, стука мундштуковъ, двѣ желѣзныя руки трясли весь экипажъ...

— Прыгай... прыгай скорѣе... ты видишь что онъ насъ опрокинетъ... Какая ручища!

И куртизанка не безъ нѣкотораго сочувствія посматривала на Геркулеса.

Едва Моассаръ спустился на мостовую и прежде чѣмъ онъ успѣлъ укрыться на тротуаръ, гдѣ послѣшно собирались черныя кепи, Жансуле бросился на него, поднявъ его за шиворотъ какъ кролика, и не обращая вниманія на его возраженія и протесты, воскликнулъ:

— Да, да, я тебѣ дамъ удовлетвореніе, негодяй... Но прежде я сдѣлаю съ тобой что дѣлають съ неопрытными животными, чтобъ ихъ исправить...

И онъ жестоко началъ тереть его по лицу его газетой, которую онъ держалъ свернутую въ комокъ и которою онъ душилъ его и слѣпилъ, дѣлая царалипки, по которымъ струилось притиранье. Его вырвали у него изъ рукъ пунцового, подузадохшагося. Еще минута, и онъ бы убилъ его.

По окончаніи борьбы, оправивъ рукава, поднявшіеся чуть не до локтей и помятое бѣлье, и подобравъ портфель, изъ котораго разлетѣлись бумаги о выборахъ Сарига, Набабъ отвѣчалъ городскимъ сержантамъ, спрашивавшимъ его имя для составленія акта: „Франсуа Жансуле, депутатъ Корсики“.

Общественный дѣятель!

Тогда только онъ вспомнилъ что онъ общественный дѣятель. И кто бы могъ себѣ вообразить это, видя какъ онъ стоитъ съ открытою головою и тяжело дышетъ, подобно какому-нибудь носильщику послѣ драки, посреди любопытныхъ и насмѣшливыхъ взоровъ собравшейся толпы?

III. Видѣніе.

Если вы пожелаете страсти искренней и беззавѣтной, пожелаете нѣжностей, дружескихъ изліяній, смѣха, — того смѣха, который, знаменуя великое счастье, граничитъ со слезами едва замѣтнымъ движеніемъ рта, — и прекраснаго безумія юности, озаренной свѣтлыми глазами, прозрачными до глубины души, то все это вы найдете сегодня, въ воскресенье, утромъ, въ извѣстномъ вамъ домѣ, въ новомъ домѣ; тамъ, въ глубинѣ стараго предмѣстья. Витрина нижняго этажа бле-

ститъ ярче обыкновеннаго. Веселѣе чѣмъ когда-либо пляшутъ дощечки надъ дверью и изъ открытыхъ оконъ раздаются, поднимаются при свѣтѣ яснаго утра радостныя крики, проявленіе счастья.

— Принята, она принята... О, какая радость!... Генріетта, Элиза, идите сюда... Пьеса господина Маранна принята.

Новость эта извѣстна Андрею со вчерашняго дня. Кардельякъ, директоръ театра *Nouveautés*, пригласилъ его чтобы сообщить ему что его драма будетъ поставлена немедленно и пойдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ. Они провели вечеръ въ разговорахъ о декорацияхъ, о распредѣленіи ролей, а такъ какъ по возвращеніи изъ театра было уже слишкомъ поздно стучаться у сосѣдей, то счастливый авторъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣта, и когда услышалъ что внизу раздается ходьба, что окна съ шумомъ открываются на улицу, то онъ послѣшилъ сообщить своимъ друзьямъ радостную вѣсть. Теперь всѣ они вмѣстѣ; дѣвицы въ красивыхъ утреннихъ костюмахъ, съ волосами наскоро завязанными на головѣ, и г. Жуайёзъ, котораго событіе это застигло за бритьемъ и который выставялъ изъ лодъ своего вязаного колпака удивленное лицо, съ одной стороны гладко выбритое, съ другой покрытое щетинистыми волосами. Но взволнованнѣе всѣхъ былъ Андрей Мараннъ; ибо какъ вамъ извѣстно принятіе *Révolte* на сцену значитъ для него исполненіе того, о чемъ они условились съ Бабушкой. Бѣдный малый смотритъ на нее и какъ бы ищетъ въ глазахъ ея поощренія, а эти добрые и нѣсколько насмѣшливые глаза какъ-будто говорятъ: „Попытайтесь. Чѣмъ же вы рискуете?“ Онъ смотритъ также для приданія себѣ бодрости на Элизу, прелестную какъ цвѣтокъ и съ олуцеными рѣсницами. Потомъ, рѣшившись наконецъ, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Господинъ Жуайёзъ, я имѣю сдѣлать вамъ очень важное сообщеніе.

Г. Жуайёзъ удивляется.

— Сообщеніе... Ахъ, Боже мой! онъ пугаетъ меня...

И понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Не мѣшаютъ ли вамъ эти дѣвицы?

— Нѣтъ. Бабушка знаетъ о чемъ идетъ рѣчь. Мадемуазель Элиза также должна подозрѣвать это. Развѣ только дѣти...

Мадемуазель Генріетту и ея сестру просятъ удалиться, что онѣ и исполняютъ, одна съ величественнымъ и недовольнымъ видомъ, какъ истая дочь Сентъ-Амановъ, другая, юная Китайка, Гая, едва удерживаясь отъ хохота.

Наступаетъ глубокое молчаніе. Затѣмъ влюбленный начинаетъ свою исторію.

Мнѣ кажется что мадемуазель Элиза дѣйствительно подорѣваетъ нѣчто, ибо какъ только молодой сосѣдъ заговорилъ о сообщеніи, она вынула изъ кармана своего „Ансара и Рандю“ и тотчасъ же погрузилась въ историческіе факты, столь интересные что книга дрожала у нея въ рукахъ. И какъ не задрожать ей было въ виду изумленія, почти негодованія, съ которымъ г. Жуайёзъ встрѣтилъ это требованіе руки его дочери.

— Возможно ли это? Какъ это случилось? Какое необыкновенное происшествіе! Кто бы могъ вообразить себѣ что-нибудь подобное?

И вдругъ добрякъ разразился громкимъ смѣхомъ. Что же? Онъ только притворялся. Оцъ давно знаетъ въ чемъ дѣло; ему все было сообщено.

Отцу все было сообщено! Значить Бабушка измѣнила имъ!... И предъ взглядами упрека, обращенными къ ней, виновная выступаетъ, улыбаясь:

— Да, друзья мои, я виновата... Тайна была слишкомъ тяжела. Я не могла хранить ее одна... Да и отецъ такой добрый... Можно ли что-нибудь скрывать отъ него?

Говоря такимъ образомъ, она бросилась на шею къ маленькому человѣчку, но такъ какъ въ его объятіяхъ было достаточно мѣста для двухъ, то Элиза присоединилась къ ней, и сверхъ того дружеская, отеческая рука протянулась къ тому, кого г. Жуайёзъ считалъ уже своимъ сыномъ. Безмолвныя объятія, долгіе взгляды, страстные или умиленные, которыми они обмѣнялись, блаженные минуты, которыя бы желательно было удержать всегда за хруלקіе края ихъ крыльевъ! Разговариваютъ, тихо смѣются, припоминая различныя подробности. Г. Жуайёзъ разказалъ, что тайна была ему прежде всего разоблачена стучающими духами, когда онъ оставался когда-то одинъ у Андрея. „Какъ идутъ дѣла, г. Мараннь?“ спрашивали духи, и онъ самъ отвѣчалъ за отсутствіемъ Маранна: „Не слишкомъ дурно по времени

года, гг. духи.“ Нужно было видѣть, какъ лукаво повторялъ маленькій человѣкъ: „не слишкомъ дурно по времени года“... Между тѣмъ какъ Элиза вся сконфуженная мыслью, что она въ этотъ день переговаривалась со своимъ отцомъ, прятала лицо въ свои бѣлокурые волосы.

Послѣ этого перваго волненія, когда всѣ нѣсколько успокоились, начался серьезный разговоръ. Несомнѣнно, гжа Жуайёзъ, урожденная Сентъ-Аманъ, никогда бы не согласилась на этотъ бракъ. Андрей Мараннъ не богатъ, не дворянинъ; но старый бухгалтеръ, къ счастью, не имѣлъ такихъ же идей о величii, какъ его жена. Они любятъ другъ друга, они молоды, здоровы и честны—вотъ отличное приданое, которое въ добавокъ и не трудно будетъ внести въ регистръ у нотариуса. Новое семейство помѣстится на верху. Фотографію сохранять, если только *Révolte* не доставитъ огромныхъ доходовъ (на этотъ счетъ можно довѣриться мечтателю), и во всякомъ случаѣ отецъ будетъ подлѣ нихъ, у него хорошее мѣсто у его биржеваго маклера, и экспертизы для судебной палаты; лишь бы только маленькое судно всегда плавало въ слѣдъ за большимъ, все пойдетъ хорошо, съ помощью волнъ, вѣтра и путеводной звѣзды.

Одинъ вопросъ безпокоить г. Жуайёза: согласится ли родные Андрея на этотъ бракъ? Какимъ образомъ докторъ Дженкинсъ, столь богатый, столь славный...

— Не будемъ говорить объ этомъ человѣкѣ, сказалъ Андрей, блѣднѣя—это негодяй, которому я ничѣмъ не обязанъ... онъ мнѣ ничего...

Онъ остановился на мгновеніе, нѣсколько сконфуженный этою вспышкой гнѣва, отъ которой онъ не сумѣлъ удержаться и которой онъ не можетъ объяснить, и продолжалъ гораздо мягче:

— Моя мать, навѣщающая меня иногда, несмотря на сдѣланное ей запрещеніе, первая узнала о моихъ предположеніяхъ. Она уже любитъ Элизу какъ свою дочь. Вы увидите какъ она добра, какъ она мила и прекрасна. Какое несчастіе что она принадлежитъ этому злому человѣку, который терзаетъ, мучитъ ее до того, что она не смѣетъ произнести имени своего сына!

И бѣдный Мараннъ испустилъ вздохъ, выразившій глубокую печаль, скрываемую имъ во глубинѣ его сердца. Но

какая скорбь можетъ устоять предъ этимъ дорогимъ личикомъ, отъяннымъ бѣлокурыми локонами, и предъ свѣтлою будущностью! Когда важные вопросы были рѣшены, двери были отворены и изгнанныя призваны вновь. Чтобы не наполнить ихъ головокъ мыслями не по лѣтамъ, рѣшено было ничего не говорить имъ о важномъ происшествіи, не сообщать имъ ничего, кромѣ приглашенія одѣваться поскорѣе, завтракать еще скорѣе, чтобы провести послѣдолоуденное время въ Лѣсу, гдѣ Мараннъ прочтетъ имъ свою лѣсу, а потомъ они пойдутъ въ Сюренъ перекусить что-нибудь у Канцена; цѣлая программа удовольствій въ честь принятія *Révolte*, и другой доброй новости, которую онѣ узнаютъ потомъ.

— Неужели?... Что жъ это такое? спросили съ невнятнымъ видомъ обѣ дѣвочки.

Но если вы думаете что онѣ не знаютъ о чемъ идетъ рѣчь, если вы воображаете что когда мадемуазель Элиза стукала въ потолокъ, то онѣ предполагали что это дѣлается специально для того чтобъ осведомиться о занятіяхъ сосѣда, то вы еще простодушнѣе пала Жуайѣза.

— Хорошо, хорошо, мои милыя... вамъ скажутъ это въ свое время... Идите скорѣе одѣваться.

Тогда начинается другой напѣвъ.

— Какое платье надѣтъ, Бабушка? строе?...

— Бабушка, у меня нѣтъ одной завязки у шляпки.

— Бабушка, дочь моя, у меня нѣтъ болѣе накрахмаленнаго галстука.

Въ продолженіе десяти минутъ около прелестной Бабушки всѣ толпятся, всѣ пристають къ ней, всѣ въ ней нуждаются; у нея ото всего ключи, она раздаетъ тонкое бѣлье, вышитые платки, парадныя перчатки, всѣ эти богатства, которыя будучи извлечены изъ картоновъ и шкаловъ и разложены по постелямъ, придаютъ дому видъ яснаго воскреснаго веселья.

Рабочіе, люди дѣловые, одни знаютъ эту радость, возвращающуюся чрезъ каждую недѣлю и освещенную обычаемъ цѣлаго народа. Воскресный день, столь длинный для свѣтскихъ людей, для бульварныхъ Парижанъ, маіи которыхъ онъ разстраиваетъ, столь прискорбный для безсемейныхъ и безпріютныхъ, составляетъ для множества существъ единственную награду за отчаянные усилія

шестидневнаго труда. Ни дождь, ни градъ тутъ не причесть; ни что не помѣшаетъ имъ выдти со двора, запереть за собою дверь пустынной мастерской, маленькой, душной квартиры. Но когда въ дѣло вмѣшается весна, когда майское солнце свѣтитъ какъ въ то утро, когда онъ можетъ одѣться во всѣ яркіе цвѣта, то конечно воскресенье есть праздникамъ праздникъ.

Если желаемъ узнать это вполнѣ, необходимо побывать въ особенности въ рабочихъ кварталахъ, въ этихъ темныхъ улицахъ, которыя освѣщаетъ воскресенье, которыя оно расширяетъ, забирая лавки, убирая большія перевозочныя фуры, оставляя мѣсто для толпы дѣтей, вымытыхъ и наряженныхъ, и для партій въ воланы, взвизгивающія между порхающими повсюду ласточками на какомъ-нибудь обширномъ дворѣ стараго Парижа. Необходимо видѣть его въ тѣсныхъ, зараженныхъ лихорадкой предмѣстьяхъ, гдѣ съ утра чувствуется его кроткое и успокоивающее присутствие, въ безмолвіи фабрикъ, гдѣ оно сопровождается звукомъ колоколовъ и пронзительнымъ свисткомъ желѣзныхъ дорогъ, которые раздаются на горизонтѣ вокругъ пригородныхъ слободъ, какъ неумолкаемая лѣсня отъѣзда и освобожденія. Тогда только его понимаешь и любишь.

Воскресенье парижское, воскресенье рабочихъ и смиренныхъ, я часто проклиналъ тебя безъ причины, изливалъ волны бранныхъ чернилъ на твои шумныя и разнузданныя радости, на пыль станцій полныхъ твоего шума и омнибусовъ которые ты берешь приступомъ, на твои лѣсныя развозимыя въ повозкахъ изукрашенныхъ розовыми и зелеными платями, на твои органы, разносящія пискаивые звуки по пустыннымъ дворамъ; но нынѣ, отрекаясь отъ своихъ заблужденій, я восхваляю и благословляю тебя за все что ты даешь радости, облегченія мужественному и честному труду, за дѣтскій смѣхъ тебя привѣтствующій, за гордость матерей, счастливыхъ возможностью нарядить своихъ ребятшекъ, за достоинство которое ты сохраняешь самымъ мелкимъ помѣщеніямъ, за праздничные наряды, нарочно для тебя убранные во глубинѣ стараго комода; въ особенности благословляю тебя за все то счастье которое ты принесло этимъ утромъ въ большой новый домъ на углу стараго предмѣстья!

По окончаніи туалетовъ и завтрака на скорую руку, всѣ

надѣли шляпки предъ зеркаломъ салона. Бабушка бросала общій взглядъ; тамъ прикалывала булавку, тамъ перевязывала бантикомъ, оправляла отцовскій галстукъ; но между тѣмъ какъ все это маленькое общество билось отъ нетерпѣнія, вызываемое на дворъ прекрасною погодою, раздался звонокъ и нарушилъ празднество.

— Ну если не отворить? предложили дѣти.

И какъ вздохнули всѣ свободно, какъ радостно вскрикнули, когда вошелъ другъ Поль!

— Скорѣе, скорѣе идите, вамъ сообщать добрую вѣсть...

Конечно, онъ зналъ прежде всѣхъ что піеса принята. Не мало стоило ему хлопотъ заставить Кардельяка прочесть ее, такъ какъ послѣдній при видѣ „маленькихъ строчекъ“, какъ онъ называлъ стихи, хотѣлъ отправить рукопись къ Левантинкѣ и ея masseur'у, какъ это дѣлалось для всякихъ новинокъ въ театрѣ. Но Поль ни слова не сказалъ о своемъ внимательствѣ. Что касается другаго событія, о которомъ не говорили ни слова по причинѣ дѣтей, то онъ угадалъ его безъ труда, по восторженной встрѣчѣ Маранна, бѣлокурая грива котораго стояла дыбомъ на лбу, вслѣдствіе того что поэтъ ерошилъ волосы, какъ онъ всегда дѣлалъ въ минуты радости, по сконфуженному виду Элизы, по торжественнымъ манерамъ г. Жуайёза, который топорился въ своемъ новомъ платьѣ, и на добромъ красномъ лицѣ котораго отражалось все счастье его семьи.

Одна Бабушка сохраняла свой всегдашній обычный видъ, но въ ея ухаживаніи за сестрой замѣтно было какое-то особенное нѣжное вниманіе, стараніе придать ей еще болѣе прелести. Восхитительно было видѣть эту двадцатилѣтнюю дѣвушку наряжавшую другихъ безъ зависти, безъ сожалѣнія, съ какимъ-то кроткимъ самоотверженіемъ матери, празднующей юную любовь своей дочери въ память прошедшаго счастья. Поль видѣлъ это; онъ даже одинъ только и видѣлъ это, но, любуясь Алиной, онъ съ грустью спрашивалъ себя, будетъ ли когда-нибудь въ этомъ материнскомъ сердцѣ мѣсто для другихъ привязанностей кромѣ семейныхъ, для заботъ внѣ семейнаго и яснаго кружка, гдѣ такъ мило предсѣдала Бабушка за вечернею работою?

Амуръ, какъ извѣстно, бѣдный слѣпецъ, лишенный сверхъ того слуха, слова, и руководящійся предчувствіемъ, догадками, нервными способностями больного. Нельзя безъ сожа-

лѣнія смотрѣть какъ онъ блуждаетъ ощупью, шатается, пальцемъ ощупываетъ поддержки, къ которымъ прикасается съ недовѣрчивою наивностью разслабленнаго.

Въ минуту когда Поль сомнѣваясь въ чувствахъ Алины извѣщалъ друзей о путешествіи своемъ, которое продолжится нѣсколько дней, можетъ-быть нѣсколько недѣль, онъ не видалъ внезапной бѣдности молодой дѣвушки, не слышалъ прискорбнаго возгласа вырвавшегося изъ ея скромныхъ устъ:

— Вы уѣзжаете?

Онъ уѣзжалъ, онъ ѣхалъ въ Тунисъ, очень тревожась что оставляетъ своего бѣднаго Набаба посреди его яростной стаи; впрочемъ покровительство герцога де-Мора успокоивало его нѣсколько, а къ тому же поѣздка эта была необходима.

— А Земельная? опросилъ старикъ-бухгалтеръ, все-таки возвращаясь къ своей идеѣ. — Чтò съ нею?... Я все еще вижу имя Жансуле во главѣ административнаго совѣта... Ужели вы не можете его вытащить изъ этого вертепа Али-Бабы?... Остерегитесь...

— Эхъ, я все знаю, господинъ Жуайёзъ... Но чтобы выйти изъ него съ честью, нужно денегъ, много денегъ, новое пожертвованіе двумя или тремя милліонами, а у насъ ихъ нѣтъ... Именно для этого я и отправляюсь въ Тунисъ чтобы попытаться вырвать у хищности безъ части этого огромнаго состоянія, которое онъ несправедливо удерживаетъ. Въ эту минуту я имѣю нѣкоторую вѣроятность успѣть въ своемъ намѣреніи, тогда какъ въ послѣдствіи можетъ-быть...

— Ну такъ поѣзжайте скорѣе, мой милый, и если вы возвратитесь съ большимъ мѣшкомъ, чего я вамъ отъ души желаю, займитесь прежде всего шайкой Паганетти. Подумайте что одного нетерпѣливаго акціонера достаточно чтобы все взорвать на воздухъ, чтобы потребовать слѣдствія; а вы знаете чтò оно откроетъ, слѣдствіе-то... Я даже удивляюсь, — присовокупляетъ г. Жуайёзъ, нахмутивъ лобъ — какъ этотъ негодный Гемерлингъ, въ своей ненависти къ вамъ, не добылъ себѣ подъ рукою нѣсколькихъ акцій...

Его прервалъ концертъ проклятій и лорicanій, возбужденный именемъ Гемерлинга между этою молодежью, ненавидѣвшею толстаго банкира за зло которое онъ сдѣлалъ

ихъ отцу, за зло котораго онъ желалъ доброму Набабу, котораго обожали въ домѣ благодаря Полю де-Жери.

— Гемерлангъ безсердечный!... Злодѣй!... Злой человѣкъ!

Но посреди этихъ криковъ, мечтатель продолжалъ свое предположеніе что толстый баронъ дѣлается акціонеромъ *Земельной*, чтобы призвать своего врага къ трибуналамъ. И можно представить себѣ какъ ошеломленъ былъ Андрей Мараннъ, совершенно чуждый всему этому дѣлу, когда г. Жуайёзъ повернулся къ нему съ сердитымъ и раскраснѣвшимся лицомъ и указалъ на него пальцемъ со слѣдующими странными словами:

— Величайшій изъ негодяевъ здѣсь все-таки вы, милостивый государь!

— О, лала, лала!.. что ты это говоришь?

— Гм... Что такое?.. Что я сказалъ? Ахъ! извините, мой милый Андрей... я былъ въ камерѣ у сафдовскаго судьи вмѣстѣ съ этимъ негодяемъ... все мой проклятый мозгъ уноситъ меня чортъ знаетъ куда!..

Раздался громкій хохотъ, слышійся черезъ открытыя окна съ шумомъ тысячи катившихся колесъ и говоромъ праздничной толпы, поднимавшейся по аллеѣ Тернъ, и авторъ *Révolte* воспользовался диверсіей, чтобы спросить, не пора ли въ путь... Ужь поздно... Хорошія мѣста въ Лѣсу будутъ заняты...

— Въ Булонскій Лѣсъ, въ воскресенье! воскликнулъ Поль де-Жери.

— О, нашъ Лѣсъ не вашъ, отвѣчала Алива, улыбаясь... Пойдемте съ нами. Я увѣрена что вы не знаете его...

Случалось ли вамъ, читатель любящій уединеніе и созерцаніе, прогуливаясь по лѣсу лечь на землю въ его травянистой чащѣ, въ этой особой растительности, посреди листьевъ упавшихъ осенью, разнообразной и многоцвѣтной, и смотрѣть вдаль предъ собою по самой землѣ? Мало-помалу сознаніе высоты пропадаетъ, переплетающіяся вѣтки дубовъ надъ вашими головами образуютъ недоступное небо, и вы видите что новый лѣсъ разстилается подъ тѣмъ лѣсомъ, что онъ открываетъ свои глубокія аллеи, проникнутыя зеленымъ таинственнымъ свѣтомъ, состояція изъ хрупкихъ или косматыхъ кустарниковъ, оканчивающихся крутыми вершинами съ видомъ экзотическимъ или дикимъ,

ряды сахарнаго тростника, граціозные стволы пальмъ, тонкія чаши съ каплями воды, жирюдоли съ маленькими желтыми лампами, которыя мимоходомъ качаетъ вѣтеръ. И чудо въ томъ что подъ этими легкими тѣнями живутъ крошечныя растенія и тысячи насѣкомыхъ, коихъ существованіе, наблюдаемое такъ близко, разоблачаетъ вамъ все свои таинства.

Муравей, согнувшійся какъ дровосѣкъ подъ своею ношей, тащитъ соломенку, которая въ десять разъ больше его; жукъ пробирается по травкѣ, переброшенной въ видѣ моста отъ одного ствола къ другому, между тѣмъ какъ надъ высокимъ палоротникомъ въ куртнѣ покрытой мхомъ, маленькое животное синее или красное ожидаетъ съ прямыми щупальцами чтобы другое крошечное животное явилось какою-нибудь пустынною аллеей на свиданіе подъ гигантскимъ деревомъ. Это маленькій лѣсъ подъ большимъ, слишкомъ маленький, чтобы первый могъ его замѣтить, слишкомъ смиренный, слишкомъ скрытый чтобы его могъ достигнуть большой оркестръ лѣсенъ и бурь.

Нѣчто подобное происходитъ въ Булонскомъ Лѣсу. За этими аллеями, песчаными, полутыми и чистыми, гдѣ вереницы колесъ, медленно вращающихся вокругъ озера, проводятъ цѣлый день черты, пробѣгаемыя непрерывно и машинально; за этими удивительными декораціями зелени, воздвигающейся стѣнами каскадовъ и цвѣтущихъ утесовъ, идетъ настоящій лѣсъ, лѣсъ дикій, съ живою чащей, образующею непроницаемые пріюты, пересѣкаемые маленькими тропинками и шумящими ручейками. Это лѣсъ малыхъ, лѣсъ смиренныхъ, маленький лѣсъ подъ большимъ. И Поль, знавшій въ аристократическомъ парижемъ гулянья только длинныя аллеи, блистающее озеро, видное изъ глубины кареты или съ высоты четырехколеснаго брика въ пыли возвращенія съ Лоншана, съ изумленіемъ увидѣлъ этотъ прелестный укромаый уголокъ, куда привели его друзья.

То было на берегу пруда, брошеннаго въ видѣ зеркала подъ ивами, покрытаго кувшинками и водяною чечевицей, пересѣченнаго тамъ и сямъ широкими бѣлыми полосами лучей, падавшихъ на гляцовитую поверхность, которая по временамъ колыхалась и сверкала алмазами.

На крутыхъ отвѣсныхъ берегахъ, покрытыхъ зеленью, размѣстились слушать чтеніе, и красивыя внимательныя

личики, юпки вздушіяся на травѣ наводили на мысль о какомъ-нибудь Декамеронѣ, но наивномъ и цѣломудренномъ и въ атмосферѣ спокойной. Для довершенія этого благосостоянія природы, этого вида отдаленной деревни, въ промежуткѣ между вѣтвями, по направленію къ Сюрентъ, вертѣлись два мельничныя крыла, а отъ ослѣпительно лыснаго видѣнія, мелькавшего на всѣхъ перекресткахъ Лѣса, долеталъ только смѣшанный и непрерывный гулъ, который подъ конецъ и слышенъ не былъ. Голосъ поэта, юный и краснорѣчивый, одинъ раздавался въ молчаніи; стихи вылетали трелетные, повторяемые другими взволнованными устами; полусдержанные признаки одобренія вырывались то и дѣло, а въ трагическихъ мѣстахъ всѣхъ хватывалъ трелетъ. Даже Бабушка утерла крупную слезу. Вотъ что значило что у нея не было шитья въ рукахъ!

Первое произведеніе!... *Révolte* было первымъ произведеніемъ Андрея, а таковое бываетъ очень краснорѣчиво и многословно, ибо авторъ полагаетъ въ него цѣлый запасъ идей и мнѣній, тѣсящихся какъ вода у плюза, и оно не рѣдко бываетъ, если не лучшее, то самое богатое изъ произведеній писателя. Что касается участи его ожидавшей, никто не могъ предусмотрѣть ея, и неизвѣстность, носившаяся надъ чтеніемъ драмы, прибавляла къ общему впечатлѣнію отдѣльное впечатлѣніе каждаго слушателя: свѣтлыя желанія мадемуазель Элизы, фантастическія галлюцинаціи г. Жуайёза и болѣе положительныя предположенія Алины, заранѣе помѣщавшей скромную участь своей сестры въ гнѣздо буруемое вѣтрами, но возбуждающее зависть толпы, — въ-сѣмейную жизнь художника.

О, еслибы кто-нибудь изъ гуляющихъ, въ сотый разъ объѣзжавшій вокругъ озера, прискучившій его однообразіемъ, раздвинулъ вѣтки, какъ бы онъ изумился этой картинѣ! Но могъ ли бы онъ вообразить себѣ, сколько страсти, мечтаній, поэзіи и надежды въ этомъ маленькомъ уголкѣ зелени?

— Вы правы, я не зналъ Лѣса... тихо сказалъ Поль Алинь, опиравшейся на его руку.

Они шли въ эту минуту по узкой и крытой аллеѣ, и разговаривая съ живостью, незамѣтно опередили другихъ. Но не терраса Кондена и его аллетитная стряпня привлекали

ихъ. Объ обѣдѣ они и не думали. Нѣтъ, слышанные ими прекрасные стихи увесели ихъ очень высоко и они еще не спустились на землю. Они шли все прямо къ концу дороги, которая расширялась на оконечности въ блестящей славы, въ роекоши лучей, какъ будто все селѣе этого прекраснаго дня ожидало ихъ спустившись у опушки. Никогда Поля не чувствовалъ себя столь счастливымъ. Эта легкая рука, опиравшаяся на его руку, этотъ дѣтскій шагъ, слѣдовавшій за его шагомъ, сдѣлали бы ему жизнь столь же отрадною и легкою, какъ эта прогулка по мху зеленой аллеи. Онъ сказалъ бы это молодой дѣвушкѣ просто, какъ думалъ, еслибы не боялся разрушить довѣрчивость Арины, какую, конечно, внушало ей чувство питаемое имъ къ другой и которое какъ будто устранило отъ нихъ всякую мысль о любви, несмотря на симпатію ихъ соединявшую и на изумительную гармонію ума и движенія, увлекавшую ихъ въ эту минуту.

Вдругъ, прямо предъ ними, тамъ на свѣтломъ фонѣ, показалась группа всадниковъ, сначала смутная и неопредѣленная, потомъ оказавшаяся мужчиною и женщиною, на прекрасныхъ лошадяхъ, въѣзжавшими въ таинственную аллею, между золотыми полосами, тѣнистою листвою и тысячами свѣтящихся точекъ, покрывавшихъ почву, которыя они перемѣщали двигаясь скачками, и которыя всѣми цвѣтами радуги переходили отъ груди лошадей до голубаго вуала амазонки. Все это двигалось медленно, причудливо, и молодые люди, укрывшись въ чащѣ, могли видѣть какъ ступали, гордо потрясая покрытыми лѣной удилами, два великолѣпные коня, несшіе на себѣ человѣческую чету, близко соединенную узостью тропинки. Онъ, поддерживая рукой стройную талію, плотно затянутую въ корсажъ изъ темнаго сукна; она, положивъ руку на плечо кавалера, и наклонивъ свою маленькую головку полузакрытую вуалемъ, опиралась на него съ вѣжностью. Это любовное солрикосновеніе, укачиваемое нетерпѣніемъ коней, нѣсколько сдерживаемыхъ, это объятіе, стягивавшее поводья, эта страсть, пробѣгавшая по лѣсу среди бѣлаго дня, съ такимъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію, были бы достаточны чтобъ обличить герцога и Фелицію, еслибы ихъ не изобличали уже гордый и привлекательный видъ амазонки и аристократическая свобода ея спут-

ника, его блѣдность, слегка подрумяненная скачкой и водоебными пиллюлями Дженкинса.

Не было ничего необыкновеннаго встрѣтить герцога де-Мора въ воскресенье въ Булонскомъ Лѣсу. Онъ любилъ, подобно своему повелителю, показываться Парижанамъ, поддерживать свою популярность во всѣхъ классахъ публики. Въ этотъ день герцогиня никогда его не сопровождала и онъ совершенно свободно могъ останавливаться въ этомъ маленькомъ Сентъ-Джемскомъ шале, извѣстномъ всему Парижу, розовыя башенки котораго привлекали лицезрѣтцевъ, съ таинственнымъ перешептываніемъ указывавшихъ на герцога съ его спутницей. Но необходима была вся дерзость, все безуміе Фелиціи чтобы выставять себя такимъ образомъ и навсегда терять свою репутацію!... Шумъ убитой дороги, шелестъ кустарниковъ, ослабѣвшій отъ удаленія, нѣсколько примятой травы, поднимавшейся снова, и раздвинутыя вѣтви, принявшія прежнее положеніе—воиъ все что оставалось отъ видѣнія.

— Вы видѣли? сказалъ Поль первый.

Она видѣла и она поняла, несмотря на свою честность и невинность. Краска покрыла ея личико, краска стыда за ошибки того кого любишь.

— Бѣдная Фелиція! сказала она тихо, сожалѣя не только о несчастной, которая промелькнула предъ ними, но также и о томъ, кого это явленіе должно было поразить въ самое сердце. Надо замѣтить, что Поля де-Жери нѣсколько не удивила эта встрѣча, оправдывавшая его прежнія подозрѣнія и инстинктивное отдаленіе отъ прелестницы, которое онъ испыталъ во время обѣда у нея. Но ему было отрадно что о немъ жалѣетъ Алива, что онъ слышитъ болѣе вѣжливости въ ея голосѣ, что ея рука крѣпче опирается на его руку. Подобно дѣтямъ, притворяющимся большими ради материнскихъ ласкъ, онъ предоставилъ своей утѣшительницѣ разсѣивать его печаль, говорить ему о его братьяхъ, о Набавѣ, о предстоящемъ путешествіи въ Тунисъ, прекрасную страну, какъ говорили. „Вы должны писать намъ часто и длинныя письма о достопримѣчательностяхъ пути, о мѣстѣ гдѣ вы будете жить... Лучше видишь тѣхъ кто далеко, когда можешь себя представить средою въ которой они живутъ.“ Говоря такимъ образомъ они дошли до конца крытой аллеи, оканчивающейся большою просѣлкой, гдѣ двигаясь живой шумъ Лѣса, экипажи и всадники сгѣнялись

и толпа на этомъ разстояніи поднимала страшную пыль и похожа была на стадо. Поль пошелъ тише, почувствовавъ себя смѣлѣе въ эту послѣднюю минуту уединенія.

— Знаете ли о чемъ я думаю! сказалъ онъ, взявъ Алину за руку, — большое удовольствіе быть несчастнымъ, когда вы беретесь утѣшать! Но какъ ни дорого мнѣ ваше сожалѣніе, я не могу оставить васъ въ заблужденіи... Нѣтъ, сердце мое не разбито, но напротивъ того, оно живѣе и сильнѣе чѣмъ когда-либо. И еслибъ я сказалъ вамъ, какое чудо предохранило его, какой талисманъ...

И онъ показалъ ей маленькую овальную рамку, окружавшую профиль безъ тѣней, простой контуръ карандашомъ, въ которомъ она узнала себя, въ удивленіи что она такъ хороша, какъ бы отраженная въ магическомъ зеркалѣ любви. Слезы набѣжали ей на глаза, хотя она и сама не давала въ нихъ себѣ отчета, — открытый источникъ, волна котораго колебала ея чистую грудь. Онъ продолжалъ:

— Портретъ этотъ принадлежитъ мнѣ. Онъ былъ для меня сдѣланъ... Но въ минуту отъѣзда, на меня напало сомнѣніе. Я хочу получить его только отъ васъ... Возьмите его, и если вы найдете друга болѣе достойнаго, кого-нибудь кто бы полюбилъ васъ любовью болѣе глубокою, болѣе честною, чѣмъ моя, то я позволяю вамъ отдать ему этотъ портретъ.

Она оправилась отъ своего смущенія и прямо смотря въ глаза Жери, сказала съ серіозною нѣжностью:

— Еслибъ я слушалась только моего сердца, то я не колебалась бы вамъ отвѣчать; если вы меня любите такъ какъ говорите, то я думаю что и я васъ люблю также... Но я не свободна, я не одна въ жизни... посмотрите туда...

И она указала на отца и сестеръ, которые дѣлая ей издали знаки, слѣзили къ нимъ.

— Ну что же? а я-то? съ живостью сказалъ Поль. — Развѣ у меня не такія же заботы, не такія же обязанности... Мы какъ два вдовца, главы семейства... Хотите любить моихъ, какъ я люблю вашихъ?

— Правда?... Правда?... Вы меня оставите съ ними?... Я буду Алиной для васъ и все-таки останусь Бабушкой для нашихъ дѣтей?... О, въ такомъ случаѣ, продолжала милая дѣвушка, сіяя радостью, — вотъ мой портретъ, я вамъ даю его... И съ нимъ всю мою душу и навѣки...

IV. Пилюли Дженкинаса.

Недѣлю спустя послѣ происшествія съ Моассаромъ,—новая компликація въ страшной лутаницѣ его дѣлъ—Жансуле, выходя изъ палаты въ одинъ изъ четверговъ, велѣлъ везти себя въ отель Мора. Онъ тамъ не былъ со времени бѣдственной стычки въ Королевской улицѣ, и мысль явиться предъ лицомъ герцога распространяла по его толстой кожѣ дрожь, въ родѣ той которую испытываетъ лицеистъ призванный къ директору послѣ драки. Нужно однако было вынести это первое свиданіе. Въ отдѣленіяхъ палаты носился слухъ, что Демеркье окончилъ свой докладъ, образецъ логики и свирѣлости, требующій кассации выборовъ и долженствующій восторжествовать, если только Мора, столь могущественный въ собраніи, самъ не явится наравить его рѣшеніе. Дѣло серьезное, какъ видите, и покрывавшее яркимъ румянцемъ лицо Набаба, въ то время какъ онъ въ граненыхъ стеклахъ своего куле изучалъ свою мину, свою придворную улыбку, стараясь приготовиться, какъ поумѣе явиться предъ герцогомъ и пустить въ ходъ одну изъ тѣхъ добродушныхъ наглостей, которыя такъ удавались ему у Ахмеда и до сихъ поръ имѣли успѣхъ у герцога, — все это сопровождается сердцебіеніемъ и тою дрожью между плечами, которая предшествуетъ даже въ раззолоченной каретѣ рѣшительнымъ шагамъ.

Подъѣзжая къ отелю со стороны рѣки, онъ былъ изумленъ видомъ швейцара на набережной, который, какъ въ дни большихъ пріемовъ, отправлялъ экипажи ко входу съ Лилльской улицы, чтобъ оставить свободный выходъ. Онъ подумалъ, нѣсколько смущенный: „Что тамъ дѣлается?“ Можетъ-быть концертъ у герцогини, благотворительный базаръ, какой-нибудь праздникъ, отъ котораго Мора устранилъ его вслѣдствіе скандала его послѣдняго происшествія. И смущеніе это еще усилилось, когда Жансуле, проѣхавъ ларадный дворъ посреди стука закрываемыхъ дверейъ, гаухаго и постоянного движенія колесъ по песку, очутился, по минованіи крыльца, въ обширномъ переднемъ салонѣ, наполненномъ толпой, не переходившею ни за одну изъ внутреннихъ дверей, сосредоточивая свое боязливое движе-

дѣе взадъ и впередъ вокругъ стола швейцара, гдѣ вписывались всѣ знаменитыя имена знатнаго Парижа. Казалось что вихрь бѣдствія пронесся по дому, разстроилъ его грандіозное спокойствіе и распространилъ въ немъ тревогу и опасность.

— Какое несчастіе!...

— Ахъ! это ужасно!...

— И такъ внезапно....

Люди встрѣчались, обмѣнивались подобными словами. Жансуле вдругъ догадался въ чемъ дѣло.

— Не боленъ ли герцогъ? спросилъ онъ у слуги.

— Ахъ! сударь.... онъ умираетъ.... едва ли онъ проживетъ ночь.

Кровля дворца обрушившись на его голову не поразила бы его такъ сильно. У него предъ глазами замелькали красныя бабочки, онъ зашатался и упалъ на бархатную скамью подлѣ большой кѣтки съ обезьянами, которыя, возбужденныя всѣмъ этимъ движеніемъ, ловѣсившись хвостами и длинными рученками, прицѣплялись грулями къ рѣшеткамъ, и любопытныя, озадаченныя, встрѣтили самыми веселыми гримасами этого ошеломленного толстяка, устремившаго глаза въ полъ и повторявшаго вслухъ: „Я пропалъ... пропалъ!...“

Герцогъ умиралъ. Болѣзнь поразила его внезапно въ воскресенье, когда онъ возвращался изъ Лѣсу. Онъ почувствовалъ нестерпимыя боли во внутренности, раздиравшія ему все тѣло какъ бы раскаленнымъ желѣзомъ и перемежавшіяся съ летаргическимъ холодомъ и продолжительнымъ забытѣемъ. Дженкинсъ, призванный въ ту же минуту, не сказалъ ничего особеннаго и предписалъ нѣкоторыя успокоивающія средства. На другой день боли возобновились съ новою силой и сопровождались тою же ледяною неподвижностью, еще болѣе рѣзкою, какъ будто бы жизнь вырванная съ корнемъ улетала въ страшныхъ потрясеніяхъ. Изъ окружающихъ никто не встревожился. „На другой день послѣ Сентъ-Джемса“, говорили шепотомъ въ передней, и красивое лицо Дженкинса сохраняло всю свою ясность. Во время своихъ утреннихъ визитовъ онъ говорилъ о нездоровьѣ герцога двумъ, тремъ лицамъ, и то вскользь, такъ что никто не обратилъ на это особаго вниманія.

Самъ Мора, несмотря на свою крайнюю слабость, хотя

онъ и чувствовалъ рѣшительную пустоту въ своей головѣ и, какъ онъ говорилъ, „въ одной мысли подъ черепомъ“, далеко не подозрѣвалъ опасности своего положенія. Только на третій день, когда онъ пробудился утромъ, видъ тонкой струйки крови, стекавшей по его бородѣ и залачкавшей подушку, заставилъ затрелетать этого деликатнаго, элегантнаго джентльмена, которому внушали ужасъ всѣ человѣческія бѣдствія и въ особенности болѣзнь, и который видѣлъ какъ она подкрадывалась со всею своею грязью, со своими слабостями и забвеніемъ самого себя—первою уступкой сдѣланною смерти. Монлавонъ, входя позади Дженкинса, подмѣтилъ взглядъ вельможи внезапно помутившійся предъ страшною истиною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужаснулся опустошеніямъ которыя совершились въ нѣсколько часовъ на гладкомъ лицѣ герцога, гдѣ всѣ морщины его возраста внезапно выступили вмѣстѣ съ отпечаткомъ страданія и тѣмъ сжатіемъ мускуловъ которое изобличаетъ серіозныя внутреннія пораженія. Онъ отвелъ въ сторону Дженкинса, между тѣмъ какъ герцогу подавали на постель все что нужно для его туалета—цѣлую коллекцію хрусталя и серебра, представлявшаго рѣзкій контрастъ съ желтою блѣдностью болѣзни.

— Ну, что, Дженкинсъ... вѣдь герцогъ очень плохъ?

— Я оласаюсь... отвѣтилъ Ирландецъ шелотомъ.

— Что же съ нимъ?

— То чего онъ самъ добивался, чортъ возьми! отвѣчалъ докторъ съ какою-то яростью. — Въ его лѣта не бываютъ молоды безнаказанно. Страсть эта обойдется ему очень дорого...

Какое-то дурное чувство торжествовало въ немъ, но онъ подавилъ его и, преобразившись, надувая лицо, глубоко вздохнулъ и сжалъ руки своего собесѣдника.

— Бѣдный герцогъ... бѣдный герцогъ... Ахъ, мой другъ! я въ отчаяніи...

— Остерегитесь, Дженкинсъ, холодно сказалъ Монлавонъ, освобождая свои руки: — вы принимаете на себя страшную отвѣтственность... Какъ! герцогу такъ дурно... а вы... кс... кс... кс... не приглашаете никого, не посоветуетесь ни съ кѣмъ...

Ирландецъ поднималъ руки, какъ бы говоря: „Къ чему это послужить?“

Тотъ настаивалъ; необходимо было пригласить Бриссе, Жусселена, Бушера—всѣхъ знаменитостей.

— Вы ислугаете его.

Монлавонъ выставилъ впередъ свою грудь, единственный остатокъ величія стараго, разбитаго ногами скакуна:

— Мой милый, еслибы вы видѣли Мора и меня въ трапезахъ Константины..., Кс... кс... Никогда не потуляли мы глазъ... Мы страха не знаемъ... Предупредите вашихъ сотоварищей, я беру на себя извѣстить его.

Консультація происходила вечеромъ въ величайшей тайнѣ, какъ того требовалъ герцогъ изъ страннаго стыда, который причиняла ему его болѣзнь,—это страданіе, которое развѣчивало его и выводило на уровень съ остальными людьми. Подобно тѣмъ африканскимъ королямъ которые прячутся чтобъ умереть въ глубинѣ своихъ дворцовъ, онъ желалъ бы чтобъ его считали похищеннымъ, преображеннымъ, возведеннымъ въ боги. Затѣмъ онъ всего болѣе опасался сожалѣній, выраженій сочувствія и нѣжности, которыми окружили бы его ложе, слезъ, потому что онъ считалъ ихъ притворными и потому что искреннія слезы ему были еще противныѣ, такъ какъ онъ сопровождается безобразными гримасами.

Онъ всегда ненавидѣлъ сцены, преувеличенныя чувства, все что могло взволновать его, разстроить гармоническое равновѣсіе его жизни. Окружающіе его знали это, и данъ былъ приказъ держать въ отдаленіи бѣдствія, отчаянія, которыя съ одного конца Франціи до другаго обращались къ Мора какъ къ одному изъ освященныхъ убѣжищъ въ лѣсу, куда стучатся всѣ заблудившіеся странники. Это не значитъ чтобъ онъ былъ суровъ съ несчастными; можетъ-быть, напротивъ, онъ чувствовалъ себя слишкомъ допустимымъ жалости, которую онъ считалъ низшимъ чувствомъ, слабостью, недостойною сильныхъ, и, отказывая въ ней другимъ, онъ опасался ея для себя, для цѣлости своего мужества. Итакъ, никто въ его отелѣ, за исключеніемъ Монлавова и камердинера Луи, не зналъ зачѣмъ прибыли эти три лица и таинственно введены были къ государственному министру. Сама герцогиня не знала этого. Отдѣленная отъ своего мужа всѣмъ что высшая политическая и свѣтская жизнь полагаетъ преградъ между супругами въ этихъ исключительныхъ семействахъ, она считала его легко

заболѣвшимъ, приписывая его болѣзнь главнымъ образомъ воображенію, и такъ мало подозрѣвала о какой-нибудь катастрофѣ что въ то самое время когда врачи поднимались по большой полуосвѣщенной лѣстницѣ въ другой половинѣ дворца, половина герцогини была освѣщена для танцевъ двѣницъ, для одного изъ тѣхъ „бѣлыхъ баловъ“ которые остроуміе празднаго Парижа начинало вводить въ моду.

Консультация эта была такая же какъ и всѣ подобныя консультации: торжественная и зловѣщая. Врачи не носятъ уже большихъ париковъ какъ во времена Мольера, но они все-таки облачаются важною жрецовъ Изиды, астрологовъ, переполненныхъ кабалистическими формулами, съ покачиваніемъ головами, которымъ для комическаго эффекта недостаетъ только стариннаго остроконечнаго копака. Здѣсь сцена пріобрѣтала величественный видъ отъ окружавшей ее обстановки. Въ обширной комнатѣ, преобразованной, какъ бы увеличившейся отъ неподвижности хозяйна, всѣ эти важныя лица окружили кровать, на которой сосредоточивался свѣтъ освѣщавшій въ бѣлизнѣ одѣянія и въ пурпурѣ занавѣсокъ изможденную голову, блѣдную отъ глазъ и до губъ, но еще покрытую ясностью, какъ покрываломъ или точнѣе сказать какъ саваномъ. Консультанты говорили тихо, перебрасывались бѣглымъ взглядомъ, жестокимъ словомъ, оставались невозмутимыми, не нахмуривая бровей. Но это нѣмое и замкнутое выраженіе врача и судьи, эта торжественность, которою облачаются врачъ и судья, чтобы скрыть свою слабость или невѣжество, не имѣли въ себѣ ничего что могло бы взволновать герцога.

Сидя на своей постели, онъ продолжалъ спокойно разговаривать съ тѣмъ нѣсколько поднятымъ взглядомъ, въ которомъ мысль поднимается какъ бы для того чтобы бѣжать, а Монлавонъ холодно отвѣчалъ ему, закаливъ себя отъ всякаго волненія, и какъ бы въ послѣдній разъ бралъ урокъ приличія у своего друга, между тѣмъ какъ Луи во глубинѣ прислонился къ двери которая вела къ герцогинѣ, и изображалъ молчаливый призракъ служительскаго класса, долгъ котораго есть полное равнодушіе.

Волненіе, лихорадочный трепетъ изображалъ собою Дженкинсъ.

Полный подобострастнаго вниманія къ „своимъ знаменитымъ собратьямъ“, какъ онъ говорилъ, округляя ротъ,

онъ бродилъ около нихъ, пытаясь вмѣшаться въ ихъ разговоръ; но собратья держали его въ отдаленіи, едва отвѣчая ему, съ высокомеріемъ, какъ Фагонъ — Фагонъ Лудовика XIV — могъ говорить съ какимъ-нибудь эмпирикомъ, призваннымъ къ королевскому одру. Престарѣлый Бушери особенно косо смотрѣлъ на изобрѣтателя Дженкинсовыхъ лилюль. Наконецъ, когда они достаточно изслѣдовали и спросили больного, они удалились для совѣщанія между собою въ маленькій салонъ весь лакированный, съ блестящими и раскрашенными потолками и стѣнами, наполненный коллекціями бездѣлушекъ, ничтожность которыхъ составляла такой рѣзкій контрастъ съ важностью преній.

Торжественная минута, страхъ обвиняемаго ожидающаго рѣшенія своихъ судьей, жизни, смерти, отсрочки, помилованія!

Своею бѣлою и длинною рукой Мора продолжалъ поглаживать усы по своей привычкѣ, бесѣдовалъ съ Монпавономъ о клубѣ, о фойе театра *Variétés*, спрашивалъ что дѣлается въ палатѣ, въ какомъ положеніи избраніе Набаба, все это холодно, безъ малѣйшей аффектаціи. Потомъ, утомясь конечно, или опасаясь чтобы взглядъ его безпрестанно падавшій на дверь противъ него, изъ-за которой сейчасъ послышится приговоръ судьбы, не обнаружилъ волненія, какое должно было таиться у него въ душѣ, онъ наклонилъ голову, закрылъ глаза, и открылъ ихъ, когда возвратились врачи. Тѣ же холодныя и зловѣщія лица, настоящія фізіономіи судьей, на устахъ которыхъ виситъ страшное слово человеческой судьбы, заключительное слово, которое трибуналы произносятъ безъ страха, но котораго врачи, коихъ наука оно уничтожаетъ, избѣгаютъ или заставляютъ ловимать перифразомъ.

— Ну, что господа, что гласитъ факультетъ? спросилъ больной.

Отвѣтомъ было нѣсколько лживыхъ и высказанныхъ сквозь зубы утѣшеній, нѣсколько неопредѣленныхъ совѣтовъ; затѣмъ три ученые мужа послѣшили уйти, избѣгать отвѣтственности за катастрофу. Монпавонъ бросился за ними. Дженкинсъ остался у постели, ошеломленный жестокими истинами которыя онъ выслушалъ во время консультаціи. Сколько онъ ни прижималъ руку къ сердцу, сколько онъ ни повторялъ своего пресловутаго девиза,

Бушери не пощадила его. То былъ не первый паціентъ Ирландца, который разрушался такъ быстро, но онъ надѣялся что смерть Мора будетъ для свѣтскихъ людей спасительнымъ предостереженіемъ и что послѣ этого великаго несчастія, полицейскій префектъ отправитъ этого „торговца шпанскими мухами“ продавать его пилулы на ту сторону Канала!

Герцогъ тотчасъ же понялъ что ни Дженкинсъ, ни Луи не скажутъ ему правды объ исходѣ консультаціи. Онъ и не спрашивалъ ихъ, выслушалъ ихъ притворную увѣренность, даже притворялся что раздѣляетъ ее, что вѣритъ облегченію, о которомъ они говорили. Но когда возвратился Монлавонъ, онъ тотчасъ же подозвалъ его къ постели, и при видѣ джи, замѣтной даже подъ окраской этой развалины, сказалъ:

— Ты знаешь меня, я не терплю гримасъ.... Ты долженъ сказать *мнѣ* правду.... Чтѣ говорить тамъ?... Очень мнѣ плохо, не правда ли?..

Монлавонъ предпослалъ своему отвѣту многозначительное молчаніе, потомъ грубо, цинически, опасаясь самъ разстроиться своими словами, проговорилъ:

— Дѣло дермо, мой бѣдный Огюстъ!

Герцогъ, выслушавъ это, не моргнувъ бровью.

— А! сказалъ онъ просто.

Онъ разгладилъ машинально усы; но черты его остались неподвижны. И рѣшеніе его было тотчасъ же принято.

Если бѣднякъ умирающій въ госпиталѣ безъ пріюта и семейства, безъ инаго имени, кромѣ нумера кровати, встрѣчаетъ смерть какъ избавленіе, или переноситъ ее какъ послѣднее испытаніе; если престарѣлый крестьянинъ, засыпающій, перегнутый надвое, разбитый, измученный въ своей крысѣй норѣ, дымной и темной, удаляется безъ сожалѣнія, наслаждаясь заранѣе вкусомъ этой свѣжей земли, которую онъ столько разъ переворачивалъ — то это понятно. А сколько еще и такихъ дорожатъ жизнью въ своей нищетѣ, кричатъ, цѣпляясь за свою скудную мебель, за свои лохмотья: „я не хочу умирать....“ и отходить съ разломанными и окровавленными ногтями отъ этого послѣдняго усилія! Но здѣсь не было ничего подобнаго.

Все имѣть и все потерять. Какое разрушеніе!

При первомъ молчаніи этой страшной минуты, въ то вре-

мя какъ слышались на другомъ концѣ дворца отдаленные звуки бальной музыки у герцогини, все что привязывало этого человѣка къ жизни—могущество, почести, богатство, вся эта пышность должны были показаться ему уже далекими и какъ бы исчезнувшими въ невозвратномъ прошедшемъ. Необходимо было исключительное мужество чтобы безропотно устоять противъ такого удара. Никого тамъ не было кромѣ друга, врача и слуги, трехъ близкихъ лицъ, знавшихъ все его тайны; отодвинутыя свѣчи оставляли постель въ тѣни и умирающій могъ повернуться лицомъ къ стѣнѣ и подчиниться чувству такъ чтобъ никто не видалъ этого. Но нѣтъ. Ни минуты слабости, никакой безплодной демонстраціи. Не изломавъ ни одной вѣтки каштановыхъ деревьевъ сада, не оборвавъ ни одного цвѣтка на большой лѣстницѣ дворца, неслышно шагая по мягкимъ коврамъ, Смерть пріотворила дверь этого могущественнаго человѣка и подала ему знакъ: „Иди“. И онъ просто отвѣчалъ ей: „Я готовъ.“ Истинный выходъ свѣтскаго человѣка, внезапный, быстрый и тихій.

Свѣтскій человѣкъ! Мора только этимъ и былъ всегда. Расхаживая по свѣту замаскированный, въ перчаткахъ, въ бѣломъ атласномъ ланцырѣ фехтовальныхъ мастеровъ въ дни большой битвы, сохраняя незаметною и чистою свою боевую одежду, жертвуя всемъ этой безукоризненной поверхности, замѣнявшей ему вооруженіе, онъ импровизовалъ себя государственнымъ человѣкомъ, перешедши изъ салона на болѣе обширную сцену, и сдѣлался дѣйствительно перво-степеннымъ государственнымъ человѣкомъ, благодаря только своимъ качествамъ свѣтскаго человѣка, искусству слушать и улыбаться, знанію людей, скептицизму и хладнокровію. Это хладнокровіе не оставило его и въ послѣднюю минуту.

Принимая въ соображеніе краткость времени оставшагося еще въ его распоряженіи, ибо черная гостя торопилась и онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ вѣяніе двери, которой она не затворила, онъ думалъ только, какъ бы съ пользою употребить послѣднія минуты и удовлетворить всемъ обязательствамъ своей кончины, которая не должна оставлять никакой преданности безъ вознагражденія и не скомпрометтировать никого изъ друзей. Онъ позвалъ нѣсколько человѣкъ, которыхъ желалъ видѣть и за которыми тотчасъ же послали,

велѣлъ предупредить начальника своего кабинета, и когда Дженкинсъ находилъ что это слишкомъ его утомляетъ, сказалъ:

— Ручаетесь ли вы что я проснусь завтра утромъ? У меня избытокъ силы въ эту минуту.... Дайте мнѣ имъ воспользоваться.

Луи спросилъ, не прикажетъ ли онъ уведомить герцогиню. Прежде чѣмъ дать отвѣтъ, герцогъ прислушался къ звукамъ бальной музыки, раздававшейся изъ открытыхъ оконъ, потомъ сказалъ:

— Подождемъ.... мнѣ нужно кой-что окончить....

Онъ велѣлъ подвинуть къ постели маленькій лаковый столикъ, чтобы вынуть самому письма, которыя слѣдовало уничтожить, но чувствуя что силы его оставляютъ, онъ позвалъ Монлавона: „Сожги все это“, сказалъ онъ ему ослабѣвшимъ голосомъ, и увидѣвъ что тотъ подходитъ къ камину, гдѣ несмотря на теплую погоду пылало пламя, прибавилъ:

— Нѣтъ.... не здѣсь.... ихъ слишкомъ много.... могутъ придти.

Монлавонъ взялъ столикъ и далъ знакъ слугѣ, чтобы тотъ ему посвѣтилъ. Но Дженкинсъ бросился за нимъ.

— Оставайтесь, Луи.... вы можете понадобится герцогу.

Онъ схватилъ лампу, и вышедши осторожно въ корридоръ, они прошли по немъ, останавливаясь предъ салонами, галереями, гдѣ каминны были закрыты искусственными цвѣтами, но гдѣ не было и слѣдовъ огня; они бродили какъ призраки въ молчаніи и темнотѣ громаднаго дома, оживленнаго только тамъ направо, гдѣ удовольствіе плѣло свою плѣсню подобно птичкѣ на крышѣ готовой обрушиться.

— Нигдѣ нѣтъ огня.... Что дѣлать съ этимъ? спрашивали они другъ друга въ сильномъ затрудненіи. Можно было принять ихъ за воровъ, которые тащутъ ящикъ, съ которымъ не знаютъ что дѣлать. Наконецъ, Монлавонъ, потерявъ терпѣніе, пошелъ прямо къ двери, единственной которую они еще не отворили.

— Тѣмъ хуже, чортъ возьми!... Такъ какъ мы не можемъ ихъ сжечь, то потопимъ ихъ.... Посвѣтите мнѣ, Дженкинсъ.

И они вошли.

Гдѣ были они?... Сень-Симонъ, разказывавшій ладеніе одного изъ такихъ высокихъ существованій, разстройство

церемоній, достоинствъ, величій, причиненное смертью и въ особенности внезапною смертью, одинъ могъ бы разказать вамъ это.... Своими деликатными и выхоленными руками маркизь де - Монлавонъ качалъ воду. Тотъ передавалъ ему разорванныя письма, пакеты писемъ атласистыхъ, разноцвѣтныхъ, раздушенныхъ, украшенныхъ вензелями, гербами, девизами, локрытыхъ почеркомъ тонкимъ, быстрымъ, вѣрнымъ, убѣдительнымъ; и всѣ эти легкія страницы вертѣлись одна за другою въ струяхъ воды, которыя ихъ мѣли, начкали, смывали ихъ вѣжныя чернила до тѣхъ поръ пока они не исчезали наконецъ во глубинахъ клоака.

То были любовныя письма всѣхъ сортовъ, начиная съ записки авантюристки: „Я видѣла какъ вы проѣзжали вчера вечеромъ въ Лѣсу, г. герцогъ...“ до аристократическихъ улпеконъ предпоследней любовницы и до жалобъ оставленныхъ, и свѣжихъ страницъ послѣднихъ признаній. Монлавонъ зналъ всѣ эти тайны и каждую называлъ по имени. „Вотъ это гжа Муръ.... а это гжа Атисъ....“ Смѣшныя короны и инициаловъ, калризовъ и старыхъ привычекъ, все это поглощалось въ странномъ убѣжищѣ, при свѣтѣ лампы, съ шумомъ періодическаго потока, уносясь въ забвеніе позорнымъ путемъ. Вдругъ Дженкинсъ остановился. Два письма изъ сѣро-атласной бумаги дрожали въ его рукѣ....

— Что это? спросилъ Монлавонъ, въ виду незнакомаго почерка и нервной дрожи Ирландца.—Ахъ! докторъ, если вы задумаете все читать, то мы никогда не кончимъ....

Дженкинсъ, съ пылающими щеками, съ двумя письмами въ рукѣ, былъ свѣдаемъ желаніемъ унести ихъ, чтобъ улизнуть ими на свободу, чтобы съ наслажденіемъ измучить себя, прочитывая ихъ, можетъ-быть доставить себѣ этими письмами оружіе противъ неосторожной, подписавшей ихъ. Но строгая поза маркиза пугала его. Какъ отвлечь его вниманіе? Случай представился самъ собою. Полапавшая между тѣми же листочками страничка, написанная старческимъ и дрожащимъ почеркомъ, привлекла любопытство шарлатана, который понялъ все разомъ, но сказалъ простоудушно:

— О, о! Вотъ это не похоже на любовную записку: „Милый герцогъ, помогите, току! Счетная палата опять ввѣзлась въ мои дѣла....“

— Что это вы тамъ читаете? рѣзко спросилъ Монлавонъ, вырывая письмо у него изъ рукъ. И въ ту же минуту,

благодаря небрежности Мора, который такъ мало заботился о самой близкой своей переплѣткѣ, ему пришло на умъ страшное положеніе въ которомъ его оставляетъ смерть его покровителя. Въ порывѣ своей горести онъ и не подумалъ объ этомъ. Теперь онъ вспоминалъ, что посреди этихъ приготовленій къ отъѣзду герцога легко можетъ позабыть о немъ, и оставивъ Дженкинса одного доканчивать потопленіе шкатулки Донъ-Жуана, онъ быстро вернулся въ комнату больного. Предъ входомъ его остановилъ за портьерой шумъ разговора. То былъ голосъ Луи, слезливый, какъ голосъ нищаго подъ воротами, старавшійся возбудить сожалѣніе своего господина къ страшному бѣдствію его ожидавшему и выпрашивавшій позволенія взять нѣсколько свертковъ золота, валявшихся въ одномъ изъ столовъ. О какой отрывистый, нетерпѣливый, едва понятный отвѣтъ, въ которомъ чувствовалось усиліе больного, принужденнаго повернуться на постели и оторвать глаза отъ мелькающей уже вдали будущности.

— Да, да... возьмите все... Но ради Бога дайте мнѣ уснуть... дайте мнѣ уснуть...

Ящики были выдвинуты, задвинуты снова, но слышалось дыханіе отрывистое, тяжелое... Монавонъ не омыхалъ ничего болѣе и не вошелъ въ комнату. Свирѣпая алчность этого слуги возбудила всю его гордость. Скорѣе всѣхъ бѣдствія въ мірѣ, чѣмъ унизиться до такой степени!

Этотъ снъ, котораго Мора такъ настоятельно требовалъ, или точнѣе сказать эта летаргія продолжалась цѣлую ночь и еще утро, съ минутными пробужденіями посреди страшныхъ страданій, укрощаемыхъ каждый разъ усыпительными средствами. Его не лѣчили болѣе, но старались только облегчить послѣднія минуты, вывести его на ту страшную послѣднюю ступень, достигнуть которой такъ тяжело. Глаза его въ продолженіе этого времени нѣсколько разъ открывались, но уже отуманенные, разсматривавшіе въ пустотѣ волнующіяся тѣни, неопредѣляемыя формы, какія представляются водолазу во мракѣ воднаго пространства. Въ четвергъ, часовъ около трехъ пополудни онъ вдругъ проснулся совершенно, и узнавъ Монавона, Карделяка и двухъ-трехъ близкихъ людей, улыбнулся имъ и однимъ словомъ обнаружилъ свою единственную мысль:

— Чтѣ говорить объ этомъ въ Парижѣ?

Говорили объ этомъ много разныхъ и противорѣчащихъ вещей, но разумѣется говорили только о немъ, и вѣсть распространившаяся по городу съ утра, что Мора очень плохъ, волновала улицы, салоны, кафе, мастерскія, стала политическимъ вопросомъ для въ газетныхъ редакціяхъ, въ клубахъ, даже въ ложахъ привратниковъ и въ омнибусахъ, повсюду, гдѣ развернутыя газеты окружали комментаріями этотъ поразительный слухъ.

Этотъ Мора былъ самымъ блестящимъ олицетвореніемъ Имперіи. Издали въ зданіи видны не основанія его, прочныя или шаткія, не его архитектурная масса, но его позолоченная и тонкая игла, блестящая, вырѣзанная, прибавленная для удовлетворенія взгляда. Мора былъ тѣмъ чѣмъ изъ Имперіи было видно во Франціи и во всей Европѣ. Онъ лалъ, и памятники лишались всего своего изящества, давалъ длинную и непоправимую трещину. И сколько существованій увлекало за собой это внезапное паденіе, сколько состояній потрясено было слѣдствіемъ этой катастрофы! И ни одно до такой степени, какъ состояніе этого толстяка, неподвижно сидящаго на скамейкѣ возлѣ клятки съ обезьянами.

Для Набаба эта смерть была его смерть, разореніе, конецъ всему. Онъ чувствовалъ это до такой степени что, узнавъ при входѣ своемъ въ отель объ отчаянномъ положеніи герцога, онъ не выразилъ никакого сожалѣнія, не сдѣлалъ никакой гримасы и только произнесъ свирѣлое слово человеческого эгоизма: „Я погибъ!“ И слово это все возвращалось къ нему на языкъ, онъ машинально повторялъ его каждый разъ, когда весь ужасъ его положенія представлялся ему быстрыми порывами, какъ бываетъ въ тѣхъ опасныхъ горныхъ буряхъ, когда внезапно сверкнувшая молнія освѣщаетъ пролазъ до дна, съ извилинами стѣнъ и кустарниками, грозящими неминуемымъ увѣчьемъ ладающему въ нее.

Эта быстрая дальновзоркость, сопровождающая разрушенія, не давала ему пощады и разоблачала всѣ подробности бѣдствія. Онъ видѣлъ почти несомѣнную кассацию избранія теперь, когда не будетъ герцога де-Мора, который бы защитилъ его; потомъ слѣдствія неудачи, банкротство, нищета и вѣчто еще худшее, ибо эти несмѣтные богатства, обрушаясь, оставляютъ подъ развалинами часть доброй

славы человѣка. И сколько терновъ, шиповъ, параличъ, жестокихъ ранъ, прежде чѣмъ дойдешь до конца! Черезъ недѣлю билеты Швальбаха, т.-е. улаата восьмисотъ тысячъ франковъ, вознагражденіе Моассару, который требовалъ сто тысячъ франковъ, или грозилъ обратиться къ палатѣ за разрѣшеніемъ преслѣдовать его предъ судомъ исправительной полиціи, процессъ еще болѣе заовѣщій, начатый семействами двухъ маленькихъ виллемскихъ мучениковъ противъ основателей заведенія, и надо всемъ этимъ страшная компликація *Земельной Кассы*. Единственная надежда, попытка Поля де-Жери у беа, но столь неопредѣленная, столь химерическая, столь отдаленная!

— Ахъ! я погибъ! погибъ!

Въ огромномъ переднемъ салонѣ никто не замѣчалъ его волненія. Толпа сенаторовъ, депутатовъ, членовъ государственнаго совѣта, вся высшая администрація сновала вокругъ него, не замѣчая его, и останавливаясь у расположенныхъ одинъ противъ друга мраморныхъ каминовъ, чтобъ обмѣняться тревожными возгласами и таинственными совѣщаніями. Столько обманутыхъ, разочарованныхъ, низвергнутыхъ честолюбій встрѣтилось въ этомъ предсмертномъ посѣщеніи, что личныя заботы брали верхъ надъ всѣми остальными соображеніями.

Страшное дѣло! лица не выражали ни печали, ни сожалѣнія, а скорѣе нѣчто въ родѣ гнѣва. Все эти люди какъ будто гнѣвались на герцога за его смерть, какъ за измѣну. Слышались фразы въ родѣ слѣдующей: „Ничего нѣтъ удивительнаго при такой жизни!“ И изъ высокихъ оконъ эти господа показывали другъ другу, посреди смѣняющихся на дворѣ экипажей, какой-нибудь маленькій куле, изъ котораго выставлялась рука, плотно обтянутая перчаткой, и съ шелестомъ кружевнаго рукава о дверцу протягивала карточку лауфъ, передававшему извѣстія.

Время отъ времени кто-нибудь изъ обычныхъ посѣтителей дворца, изъ тѣхъ кого призывалъ къ себѣ умирающій, появлялся въ этой толпѣ, давалъ приказаніе и уходилъ, отразивъ растерянное выраженіе своего лица на двадцати другихъ лицахъ. Такимъ образомъ показался на минуту Дженкинсъ, съ развязаннымъ галстуконъ, съ растегнутымъ жилетонъ, съ изматыми манжетами, во всемъ безпорядкѣ борьбы которую онъ велъ тамъ наверху противъ страшнаго борца. Его тотчасъ же окружили, засылали вопросами. Несомнѣнно

обезьяны, расплющившія свои короткіе носы о рѣшетку кѣтки, возбужденныя необычнымъ шумомъ и весьма внимательныя ко всему что происходило предъ ними, какъ будто готовясь приступить къ философскому изслѣдованію человѣческихъ гримасъ, имѣли великолѣпный образецъ въ ирландскомъ врачѣ. Печаль его была великолѣпная, красивая печаль, мужественная и сильная, сжимавшая ему губы, заставлявшая грудь его дышать тяжело.

— Агонія началась, сказалъ онъ мрачно.—Ему остается жить нѣсколько часовъ.

И когда Жансуле подошелъ къ нему, онъ сказалъ ему напыщеннымъ тономъ:

— Ахъ! мой другъ, какой человѣкъ!... Какое мужество!... Онъ не забылъ никого. Сейчасъ еще онъ говорилъ мнѣ о вась.

— Неужели?

— Бѣдный Набабъ! сказалъ онъ.—Какъ идетъ дѣло объ его избраніи?

И все тутъ. Герцогъ не прибавилъ ни слова.

Жансуле потупилъ голову. Чего же онъ надѣялся? Не довольно ли того что въ подобную минуту такой человѣкъ какъ Мора подумалъ о немъ?... Гальванизованный на минуту безумною надеждой, онъ снова въ отчаяніи опустился на скамейку, присутствовалъ безъ всякой мысли при полномъ почти очищеніи обширной залы и замѣтилъ что онъ единственный и послѣдній посѣтитель, услышавъ разговоръ прислугъ посреди настулавшихъ сумерекъ:

— Я? мнѣ довольно.... я не буду служить болѣе....

— А я останусь при герцогинѣ....

И эти проекты, эти рѣшенія за нѣсколько часовъ до смерти еще вѣрнѣе осуждали благороднаго герцога чѣмъ факультетъ.

Набабъ понималъ что ему пора удалиться, но прежде онъ хотѣлъ записаться въ реестръ швейцара. Онъ подошелъ къ столу, низко наклонился чтобы разсмотрѣть написанное. Страница была полна. Ему указали промежутокъ надъ мелкою волокнистою подписью, какую проводятъ обыкновенно слишкомъ толстыя пальцы, и когда онъ подписался, то имя Гемерлинга оказалось надъ его подписью, какъ бы подавляя ее. Суевѣрный, какъ истый католикъ, онъ пораженъ былъ этимъ предвѣщаніемъ и долго не могъ освободиться отъ чувства страха, его охватившаго.

Гдѣ ему обѣдать? Въ клубъ?... На Вандомской площади?... Слушать снова объ этой смерти, которая удручала его!... Онъ предпочелъ идти на удачу, прямо предъ собою, подобно всѣмъ кого преслѣдуетъ неотвязная мысль и которые думаютъ разсѣять ее ходьбой. Вечеръ былъ теплый, душистый. Онъ шелъ по набережнымъ, все по набережнымъ, дошелъ до деревьевъ *Cours-la-Reine*, затѣмъ возвратился въ это смѣшеніе свѣжести, влажности и запаха тонкой пыли, характеризующее прекрасные вечера въ Парижѣ. Въ это переходное время все было пусто. Тамъ и сямъ зажигались жирандоли для концертовъ, пламя газа мелькало въ зелени. Стукъ стакановъ и тарелокъ въ одномъ ресторанѣ подаль ему мысль войти туда.

Онъ былъ все-таки голоденъ, этотъ здоровякъ. Ему подали обѣдъ подъ верандой, со стеклянными стѣнами, выходящими напротивъ большого крыльца Дворца Промышленности, гдѣ герцогъ, въ присутствіи тысячи людей, привѣтствовалъ его депутатомъ. Тонкое и аристократическое лицо предстало ему въ воспоминаніи подъ мракомъ свода, между тѣмъ какъ онъ видѣлъ его тамъ въ погребальной бѣлизнѣ смертнаго одра; и вдругъ, посмотрѣвъ на карту, которую подавалъ ему слуга, онъ съ изумленіемъ замѣтилъ что на ней значилось 20е мая... Стало-быть не прошло мѣсяца съ открытія выставки. А ему показалось что это было лѣтъ десять тому назадъ! Мало по малу однако теплота обѣда нѣсколько подкрѣпила ему сердце.

Въ корридорѣ онъ услышалъ разговоръ служителей.

— Есть извѣстія о Мора? Говорятъ, онъ очень плохъ...

— Вотъ вздоръ какой. Онъ выздоровѣетъ опять... Только этимъ людямъ удача во всемъ!

И надежда такъ крѣпко сжилась съ человѣкомъ, что несмотря на все что видѣлъ и слышалъ Жансуле, этихъ нѣсколькихъ словъ, приправленныхъ двумя бутылками бургонскаго и нѣсколькими рюмками коньяку, было достаточно чтобы возвратитъ ему мужество. Какъ бы то ни было, бываютъ случаи что люди выздоравливаютъ отъ всякихъ болѣзней. Врачи часто преувеличиваютъ болѣзнь, чтобы потомъ похвалиться что они справились съ нею. „Что если я лобываю тамъ?...“ Онъ отправился снова въ отель Мора, призывая на помощь счастье, которое служило ему столько разъ въ жизни. И сказать правду, видъ герцогскаго жилища могъ

поддержать въ немъ надежду. То была спокойная физиономія обыкновенныхъ вечеровъ, начиная отъ аллея, освѣщенной мѣстами, величественной и пустынной, до крыльца у котораго стояла большая карета старинной формы.

Въ передней, также спокойной, горѣли двѣ огромныя лампы. Выѣздной лакей дремалъ въ углу, швейцаръ читалъ предъ каминомъ. Онъ посмотрѣлъ на вошедшаго сверхъ очковъ и не сказалъ ему ни слова, а Жансуле не смѣлъ ничего спросить. Кипы газетъ, валявшихся на столѣ съ бандеролями на имя герцога, казались брошенными тутъ какъ ненужныя. Набабъ открылъ одну, попробовалъ читать, но быстрые и легкіе шаги, шелоть нарастающія заставили его поднять глаза и онъ увидѣлъ сѣдаго, сгорбленнаго, какъ алтарь украшеннаго шелковымъ кружевомъ старика, который молился, удаляясь большими шагами, и его длинная красная сутана шелестила за нимъ по ковру. То былъ архіепископъ Парижскій въ сопровожденіи двухъ священниковъ. Видѣніе какъ лорывъ ледянаго вѣтра промелькнуло быстро мимо Жансуле, помѣстилось въ большую карету и исчезло, унося его послѣднюю надежду.

— Дѣло приличія, мой милый, сказалъ Монлавонъ, внезапно появившійся подлѣ него. — Мора эликуреецъ, воспитанный въ тѣхъ идеяхъ... знаете? Восемнадцатаго вѣка... Но очень дурно для массъ, если человѣкъ въ его положеніи... кс, кс, кс... Да! онъ вѣтъ намъ учитель... кс, кс... держать себя безукоризненно.

— Значить все кончено? спросилъ Жансуле съ отчаяніемъ. — Нѣтъ болѣе надежды....

Монлавонъ далъ ему знакъ чтобъ онъ слушалъ. Глухо катилась карета по аллеѣ набережной. Звонокъ, возвѣщавшій о прибытіи, быстро пробилъ нѣсколько ударовъ. Маркизъ считалъ вслухъ: разъ, два, три, четыре... При пятомъ онъ всталъ.

— Теперь нѣтъ надежды. Вотъ тотъ пріѣхалъ! сказалъ онъ, намекая на ларижскій предрасудокъ что посѣщеніе государя всегда гибельно для умирающихъ. Лакеи забѣгали, отворяли двери настежъ, становились шпалерами, между тѣмъ какъ швейцаръ въ шпаль на бекрень ударами булавы о плиты возвѣщалъ о проходѣ двухъ царственныхъ тѣней, которыя Жансуле смутно разсмотрѣлъ посреди толпы слугъ, но которыхъ онъ увидѣлъ снова въ длинной перспек-

тивъ отворенныхъ дверей, какъ они поднимались по большой лѣстницѣ, предшествуемые слугою съ канделябромъ въ рукахъ. Женщина шла прямо и гордо, закутанная въ свою черную испанскую маантилью; мущина держался за перила двигаясь медленнымъ и утомленнымъ шагомъ, въ свѣтломъ сюртукѣ съ поднятымъ воротникомъ на нѣсколько сгорбленной спинѣ, поднимавшейся отъ судорожнаго рыданія.

— Уидемъ, Набабъ. Дѣлать здѣсь болѣе нечего, сказалъ старый щеголь, схвативъ Жансуле за руку и увлекая его вонъ. Онъ остановился на порогѣ, поднявъ руку, прикладывая концы перчатокъ къ губамъ, въ видѣ привѣтствія умирающему тамъ наверху. „Прости, дор...“ Жестъ и акцентъ были свѣтскіе, безукоризненные, но голосъ дрожалъ нѣсколько.

Клубъ Королевской улицы, славящійся игрою, рѣдко видалъ такую страшную игру, какъ въ эту ночь! Игра началась въ одиннадцать часовъ и еще продолжалась въ пять часовъ утра. Громадныя суммы катились по зеленому столу, перемѣнявъ направленіе, собирались, разбивались, раздроблялись; цѣлыя состоянія поглощались въ этой чудовищной партіи, къ концу которой Набабъ, пустившій ее въ ходъ, чтобы заглушить свою тревогу въ азартной игрѣ, послѣ странныхъ перемѣнъ, скачковъ фортуны, отъ которыхъ посѣдѣли бы волосы у новичка, удалился съ выигрышемъ въ полмилліона. Пять милліоновъ, говорили на другой день на бульварѣ, и всѣ кричали о скандалѣ, въ особенности *Messenger*, три четверти котораго занимала статья направленная противъ нѣкорыхъ авантюристовъ, терпимыхъ въ клубахъ и вносящихъ разореніе въ почтенныя семейства.

Увы! выиграннаго Жансуле едва доставало на уплату первыхъ векселей Швальбаха...

Во время этой неистовой партіи, невольною причиною и какъ бы душой которой былъ Мора, имя его не было произнесено ни разу. Ни Кардельякъ, ни Дженкинсъ не появлялись. Мойлаванъ слегъ въ постель, пораженный гораздо болѣе чѣмъ показывалъ. Извѣстій не было.

— Умеръ ли онъ? спросилъ себя Жансуле, выходя изъ клуба, и ему пришло желаніе до возвращенія домой посмотреть что тамъ дѣлается. Влекла его туда теперь уже не надежда, но то нервное и болѣзненное любопытство, которое послѣ общаго пожара привлекаетъ несчастныхъ разорив-

шихся и безпріютныхъ на развалины ихъ сгорѣвшаго дома.

Хотя было еще очень рано и на небѣ едва обозначалась розовая полоса зари, весь отель былъ отворенъ какъ бы для торжественнаго отъѣзда. Лампы все еще дымилась на каминѣ, въ облакахъ поднятой пыли. Набабъ приблизился посреди глубочайшаго безмолвія къ первому этажу, гдѣ наконецъ услышалъ знакомый голосъ Карделя-ка, диктовавшаго имена, и скрилъ перьевъ по бумагѣ. Искусный организаторъ празднествъ въ честь бей съ такимъ же жаромъ устраивалъ похоронное торжество герцога де-Мора. Какая дѣятельность! Его свѣтлость умеръ вечеромъ, а съ утра уже печаталось десять тысячъ пригласительныхъ писемъ и все грамотное въ домѣ занималось надписываніемъ адресовъ. Минувя эти импровизованныя канцеляріи, Жансуле дошелъ до пріемнаго салона, обыкновенно столь полного, а нынѣ опустѣлаго. По срединѣ на столѣ шлея трость и перчатки герцога, всегда готовые для внезапныхъ выѣздовъ, чтобъ избавить его отъ безпокойства давать приказанія. Предметы которые мы употребляемъ носить 'на себѣ отпечатокъ насъ самихъ. Изгибъ шлея напоминалъ изгибъ усовъ, свѣтлыя перчатки готовы были охватить гибкій и прочный китайскій тростникъ, все вмѣстѣ трепетало и жило, какъ будто бы герцогъ готовъ былъ появиться, протянуть разговаривая руку къ шлею, взять и выѣхать.

О нѣтъ! герцогъ не готовился выѣхать!... Жансуле стоило только подойти къ двери полурастворенной комнаты чтобъ увидѣть на кровати, возвышенной на три стулени,—все-таки эстрада даже послѣ смерти,—суровую и гордую фигуру, неподвижный и постарѣвшій профиль, измѣнившійся отъ сѣдой бороды, выросшей въ одну ночь; противъ изголовья, на колыняхъ, посреди бѣлыхъ драпир, женщина, бѣлокурые волосы которой вились на свободѣ, готовые ластъ подъ ножницами вѣчнаго вдовства; затѣмъ священникъ, монахиня, молящіеся въ этой гробовой атмосферѣ, гдѣ смѣшиваются утомленіе бессонныхъ ночей и шепотъ молитвы и мрака.

Эта комната, гдѣ столько честолюбій расправили свои крылья, гдѣ волновалось столько надеждъ и разочарованій, была теперь залечатльна присутствіемъ смерти. Ни шума, ни вздоха. Только несмотря на раннее утро, тамъ около

Моста Согаасія, рѣзкій звукъ маленькаго кларнета господствовалъ надъ шумомъ первыхъ каретъ; но его докучная насмѣшливость уже не имѣла значенія для того кто спалъ тамъ мертвымъ сномъ, указывая услуганному Набабу образъ его собственной участи, уничтоженной, поблекшей, готовой для могилы.

Другимъ удалось увидѣть эту гробовую комнату еще въ болѣе мрачномъ видѣ. Окна отворенныя настежь... Ночь и вѣтеръ свободно разгуливаютъ по ней. Какая-то фигура на подмосткахъ. Это тѣло только-что набальзамированное. Голова лустая, наполненная губкой, мозгъ въ тазу. Вѣсъ этого мозга государственнаго человѣка былъ по истинѣ необыкновенный. Онъ вѣсилъ.... вѣсилъ.... цифру его показали тогдашнія газеты. Но кто ихъ помнитъ теперь?

V. П о х ѣ р о н ы .

— Не плачь, моя милая фея, ты отнимаешь у меня все мужество. Повѣрь ты будешь счастливѣе, когда избавишься отъ своего несноснаго чертенка.... Ты возвратишься въ Фонтенбло ухаживать за своими курами.... Десять тысячъ франковъ Брагима дозволить тебѣ обзавестись всѣмъ нужнымъ.... И потомъ, не безпокойся! какъ только я доберусь туда, то буду присылать тебѣ денегъ. Такъ какъ бею желательнѣе имѣть мои извѣстія, то онъ и заплатится за нихъ... Я вернусь богатая, богатая.... Кто знаетъ?... Можетъ-быть султаншей....

— Да, ты будешь султаншей, но я умру и больше не увижу тебя.

И добрая Крекмица въ отчаяніи прижималась въ уголъ кареты чтобы скрыть свои слезы.

Фелиція оставляла Парижъ. Она пыталась убѣжать отъ страшной печали, отъ злобѣющей/пустоты, въ которую погрузила ее смерть Мора. Какой жестокий ударъ для горделивой дѣвушки! Скука, досада бросили ее въ объятія этого человѣка; гордость, стыдъ, она все отдала ему, и вотъ онъ унесъ все, оставляя ее поблекшею на всю жизнь, вдовой безъ слезъ, безъ траура, безъ достоинства. Два, три посѣщенія Сень-Джемса, нѣсколько вечеровъ въ бенуарѣ маленькаго театра, за рѣшеткой, гдѣ прачется лоскутное и за-

преценное удовольствіе,—вотъ единственныя воспоминанія которыя оставляла ей эта двухдѣльная связь, это паденіе безъ любви, въ которомъ даже гордость ея не могла быть удовлетворена блескомъ великолѣпнаго скандала. Пятно безполезное и несмываемое, глупое паденіе въ воду женщины которая не умѣетъ ходить и которой подняться мѣшаетъ проническое сожалѣніе проходить.

Сначала она подумала о самоубійствѣ, но ее остановила мысль что его припишутъ сердечному отчаянію. Она вообразила сентиментальное сожалѣніе саломовъ, глупую роль которую разыграла бы ея мнимая страсть посреди безчисленныхъ любовныхъ похожденій герцога, и пармскія фіалки опцпанная красавцами-Моассарами журналистики на ея могилѣ, вырытой такъ близко отъ той могилы. Ей оставалось отсутствіе, одно изъ тѣхъ отдаленныхъ путешествій, до такой степени отдаленныхъ что они даже измѣняютъ самыя мысли. Къ несчастію у нея не было денегъ. Тогда она припомнила что на другой день послѣ ея великаго успѣха на выставкѣ, къ ней являлся старикъ Брагимъ-бей, сдѣлавшій ей отъ имени своего повелителя великолѣпныя предложенія для исполненія различныхъ работъ въ Тунисѣ. Она отказалась тогда, не поддаваясь ни на восточныя цѣнны, ни на пышное гостепріимство, ни на лучший дворъ въ Бардо для ея мастерской, окруженный кружевными аркадами. Но теперь она одумалась. Ей стоило тодыко дать знакъ, сдѣлка была разомъ заключена, и по обмѣнѣ телеграммъ, послѣшню уложившись и закрывъ домъ, она отправилась на станцію, какъ на восьмидневную прогулку, изумленная сама своею быстрою рѣшимостью и оживленная во всѣхъ фантастическихъ и художественныхъ свойствахъ своей натуры надеждой на новую жизнь подъ незнакомымъ небомъ.

Увеселительная лхта бея должна была ожидать ее въ Генуѣ, и заранѣе, закрывъ глаза въ извожичей каретѣ, увозившей ее, она видѣла бѣлые камни италіянскаго порта, окаймляющіе радужное море, гдѣ небо уже отражало сіяніе Востока, гдѣ все лѣло, даже паруса, раздувавшіеся въ сивевѣ. Именно въ этотъ день Парижъ былъ грязенъ, однообразно сѣръ, затопленъ однимъ изъ тѣхъ дождей, которые какъ будто созданы для него одного, которые поднимаются облаками съ его рѣки, съ его дыма, съ его чудовищнаго дыханія, и опускаются, обливая его крыши, его водосточ-

ныя трубы, безчисленныя окна его мавсардъ. Феліція спѣшила убѣжать изъ него, изъ этого печальнаго Парижа, и ея лихорадочное нетерпѣніе выражалось досадою на кучера, который не двигался, на лошадей, настоящихъ извожичьихъ клачъ, на необыкновенное скопленіе экипажей, омнibusовъ, оттѣсненныхъ до входа къ Мосту Согласія.

— Да погоняйте же, кучеръ, погоняйте!..

— Не могу, сударыня.... тутъ похороны!..

Она высунула голову въ дверцу и со страхомъ отшатнулась назадъ. Строй солдатъ, двигавшійся съ опущенными ружьями, смѣсь касокъ, высокихъ головныхъ уборовъ возвышавшихся надъ головами при проходѣ безконечнаго кортежа. То была процессія похоронъ герцога де-Мора...

— Не стойте тутъ... Обѣзжайте кругомъ... кричала она кучеру.

Карета двинулась съ трудомъ, какъ бы съ сожалѣніемъ отрываясь отъ этого великолѣпнаго зрѣлища, котораго Парижъ уже ожидалъ четыре дня, поворотила въ улицу Монтаня, и своею мелкою рысью пробралась къ Мадленѣ бульваромъ Малерба. Здѣсь скопленіе экипажей было еще тѣснѣе, еще гуще. Въ туманномъ дождѣ, освѣщенныя окна церкви, глухой отголосокъ похороннаго пѣнія въ массѣ черныхъ тканей, подъ которыми исчезала даже форма греческаго храма, наполняли всю площадь совершаемымъ богослуженіемъ, уже приближавшимся къ концу, между тѣмъ какъ большая часть громаднаго кортежа тѣснилась еще въ Королевской улицѣ до мостовъ, длинная черная линія, соединявшая еще покойника съ тою рѣшеткой Законодательнаго Корпуса, которую онъ проѣзжалъ столько разъ. За Мадленой мостовая бульваровъ разстилась вся пустая, широкая, между двумя шпалерами солдатъ съ ружьями у ноги, сдерживавшими любопытныхъ на тротуарахъ, чернѣвшихъ отъ народа; всѣ магазины залерты, а балконы, несмотря на дождь, переполненные зрителями наклонившимися по направленію къ церкви, какъ бы въ ожиданіи прохода карнавалныхъ быковъ или возвращенія побѣдоносныхъ войскъ. Парижъ, жадный до зрѣлищъ, безразлично наслаждается всякими, какъ шумомъ междоусобной войны, такъ и похоронами государственнаго человѣка.

Извожичей каретѣ нужно было возвратиться снова назадъ, сдѣлать новый обѣздъ, и можно представить себѣ

досаду кучера и его клячь, Парижанъ въ душѣ, разгнѣванныхъ, что имъ не дали насладиться такимъ прекраснымъ представленіемъ. Тогда началась по пустыннымъ и молчаливымъ улицамъ, — вся жизнь Парижа прилила къ большой артеріи бульваровъ, — безпорядочная ѣзда, несносная тряска извозничьей кареты. Пришлось довѣзжать до крайнихъ пунктовъ Сень-Мартенскаго предместья и предместья Сень-Дени, возвращаться къ центру и послѣ всѣхъ поворотовъ встрѣчать то же прелѣтство, то же плотное скопленіе, какой-нибудь отрывокъ чернаго кортежа, мелькнувшаго на изгибѣ улицы, медленно двигавшагося подъ дождемъ, подъ звукомъ барабановъ, — звукомъ и глухимъ и тяжелымъ, какъ паденіе земли въ яму.

Какое наказаніе для Фелиціи! Ей казалось что ея собственное паденіе и уприсненія совѣсти перестѣкали Парижъ въ этой торжественной лышности, въ этомъ похоронномъ поѣздѣ, въ этомъ общественномъ траурѣ, отражавшемся даже въ облакахъ; и гордая дѣвушка возмущалась противъ оскорбленія, наносимаго ей положеніемъ вещей, укрывалась отъ него въ глубину кареты, гдѣ она оставалась съ закрытыми глазами, измученная, между тѣмъ какъ старушка Кремицъ, видя ея нервное настроеніе, которое она приписывала печали, старалась утѣшить ее, сама плакала о предстоящей разлукѣ и также пряталась, предоставляя всю дверку кареты огромному алжирскому лсу, который выставивъ голову обнюхивалъ вѣтеръ и деспотически опирался обѣими лапами съ герольдической неподвижностью. Наконецъ послѣ тысячи бесполезныхъ поворотовъ тою же тряскою и лѣнливою рысью, карета вдругъ остановилась, тяжело затряслась посреди криковъ и ругательствъ, лотомъ вдругъ приподнятая, и чуть не опрокинутая, стала наконецъ какъ на якорѣ.

— Боже мой! сколько народу, пробормотала испуганная Кремицъ.

Фелиція вышла изъ своего забытья:

— Гдѣ же мы, наконецъ?

Подъ безцвѣтнымъ, заколченнымъ небомъ, подъ сѣткой тонкаго дождя простиралась площадь, громадный перекрестокъ, залитый океаномъ людей, вытекавшимъ изъ всѣхъ прилегающихъ улицъ и какъ бы остановившихся неподвижно тамъ вокругъ высокой бронзовой колонны господствующей

шей надъ этою зыбью подобно гигантской мачтѣ потерпѣвшаго крушеніе корабля. Кавалерія эскадронами, съ обнаженными саблями, лушки батареями тянулись по сторонамъ свободнаго промежутка, весь мрачный конвой, ожидающій того, кто долженъ пройти сейчасъ, можетъ-быть чтобы попытаться захватить его, лохитить его живою силой у грознаго врага, его уносившаго. Увы! Всѣ кавалерійскія атаки, всѣ канонады были безсильны. Узника везли крѣпко связаннаго, огражденнаго тройною стѣной толстаго дерева, металла и бархата, недоступнаго картечи, и не отъ этихъ солдатъ онъ могъ ожидать избавленія.

— Да утѣжайте же... я не хочу оставаться здѣсь, сказала Фелиція внѣ себя, хватаясь за мокрую шинель кучера, охваченная безумнымъ страхомъ отъ преслѣдовавшаго ее кошмара, отъ всего что она слышала издали въ странномъ грохотѣ, и что каждую минуту все приближалось къ ней. Но при первомъ движеніи колесъ, крики возобновились. Думая что его пропустятъ черезъ площадь, кучеръ съ большимъ трудомъ пробрался до первыхъ рядовъ толлы, теперь замкнувшейся за нимъ и не пускавшей его. Невозможно двинуться ни назадъ, ни впередъ. Необходимо было оставаться тамъ, переносить дыханіе черни и слирта, любопытные взгляды заранѣе воспламененные ожиданіемъ неключительнаго зрѣлища и разсматривавшіе прекрасную путешественницу, переѣзжавшую со столькими чемоданами и съ такимъ огромнымъ лесомъ въ качествѣ охранителя. Кремницъ дрожала отъ страха; Фелиція думала только объ одномъ, что вотъ онъ проѣдетъ мимо нея и что она будетъ смотрѣть на него изъ перваго ряда.

Вдругъ оглушительный крикъ: „Вотъ онъ!“ потомъ молчаніе на всей площади, освободившейся отъ трехчасоваго ожиданія.

Онъ подѣзжалъ.

Первымъ движеніемъ Фелиціи было опустить штору со своей стороны, то-есть со стороны откуда двигался кортежъ. Но при близкомъ грохотѣ барабановъ, объятая нервною яростью отъ невозможности избавиться отъ этого кошмара, можетъ-быть также зараженная зловреднымъ любопытствомъ окружавшимъ ее, она вдругъ подняла штору, и маленькая головка ея, опершись на оба локтя въ дверцѣ, какъ будто говорила:

— Ну вотъ, ты хочешь... я смотрю на тебя!

Трудно себя представить что-нибудь великолѣпнѣе этой похоронной процессіи — послѣднія почести воздаваемые во всемъ ихъ суетномъ блескѣ, столь же звучномъ и лустомъ какъ мѣрный акомпанементъ ослиныхъ кожъ обтянутыхъ креломъ. Сначала бѣлыя одежды духовенства въ первыхъ пяти траурныхъ каретахъ, потомъ влекомая шестью черными лошадьми, настоящими лошадьми Эреба, столь же черными, столь же медленными, столь же тяжелыми какъ его волна, двигалась погребальная колесница вся покрытая перьями, бахромой, расшитая серебромъ, геральдическими коронами, подъ которыми вѣщими инициалами красовались колоссальныя М, казавшіяся инициалами самой смерти (Mort), смерти-герцогини, украшенной восемью цвѣтками.

Множество балдахиновъ и массивныхъ покрововъ скрывали остовъ дрогъ, которыя дрожали и качались на каждомъ шагу отъ вершины до основанія, какъ бы подавляемыя величіемъ своего покойника. На гробъ шлага, мундиръ, шитая шляпа, парадный костюмъ, никогда не употреблявшійся, блистали золотомъ и перламутромъ на темномъ фонѣ покрововъ, посреди живыхъ цвѣтовъ, заявлявшихъ о весennemъ времени, несмотря на нахмуренное небо. Въ десяти шагахъ разстоянія, служители герцога, за ними въ величественномъ одиночествѣ офицеръ въ плащѣ, со всѣми знаками почестей, настоящая выставка орденовъ всего міра, крестовъ, многоцвѣтныхъ лентъ выстулавшихъ на бархатной подушкѣ съ серебряными кистями.

Затѣмъ выступалъ церемоніймейстеръ, за нимъ должностныя лица законодательнаго корпуса, дюжина депутатовъ, назначенныхъ по жребію, посреди коей возвышался огромный станъ Набаба, въ офиціальномъ костюмѣ, какъ будто проницательная судьба пожелала этому представителю на испытаніи дать предвкусить парламентскихъ радостей. Слѣдовавшіе затѣмъ друзья покойнаго составляли довольно ограниченную группу, какъ нельзя лучше подобранную чтобы выставить на свѣтъ поверхностность и пустоту этой жизни высокаго лица, ограничивающейся близостью директора театра, три раза обанкротившагося, продавца картинъ, разбогатѣвшаго ростовщичествомъ, разорившагося дворянина и нѣсколькихъ весельчаковъ и бульварныхъ гулякъ безъ имени. До сихъ поръ

всѣ шли лѣшкомъ съ обнаженными головами; только въ делутатскихъ рядахъ замѣтны были нѣсколько черныхъ шелковыхъ шалочекъ, робко надѣтыхъ по приближеніи къ многолюднымъ кварталамъ. Затѣмъ слѣдовали кареты.

При похоронахъ великаго полководца существуетъ обычай, что за процессіей слѣдуетъ любимый конь героя, его боевой конь, обязанный сообразовать съ медленнымъ движеніемъ кортежа ту боевую поступь которая такъ идетъ къ запаху пороха и къ вѣянію знаменъ.

Здѣсь большая карета герцога де-Мора, та „восьми-рессорная колесница“ которая отвозила его въ свѣтскія или политическія собранія, заступала мѣсто этого товарища по бѣдѣ, обтянутая чернымъ, съ фонарями обвитыми длиннымъ легкимъ креломъ, волнующимся до земли съ какою-то женскою граціей. Эти покрытые креломъ фонари были новою похоронною модой, высочайшій *шикъ* траура, и этому дамѣ вполнѣ слѣдовало дать послѣдній урокъ элегантности Парижанамъ, сбѣжавшимся на его похороны какъ на скачку смерти.

Затѣмъ еще три церемоніймейстера, затѣмъ безстрастная официальная пышность, всегда одна и та же для свадебъ, похоронъ, крестинъ, открытія парламента или пріемовъ при дворѣ: безконечный кортежъ парадныхъ каретъ, блестящихъ широкихъ стеколъ, пестрыхъ ливрей, расшитыхъ золотомъ, мелькавшихъ посреди изумленнаго народа, которому онѣ напоминали волшебныя сказки, запряжки Сандрильйоны, и возбуждали восклицанія удивленія раздающіяся при взрывѣ ракетъ вечеромъ во время фейерверка. И въ толлѣ всегда оказывался услужливый городскій сержантъ, свѣдущій и праздный мелкій буржуа, знакомый съ публичными церемоніями, который громко называлъ всѣ лица сидѣвшія въ каретахъ, по мѣрѣ того какъ онѣ двигались съ обычными эскортами драгуновъ, карасиръ или Парижской гвардіи.

Сначала представители императора, императрицы, всей императорской фамиліи; потомъ въ іерархическомъ порядкѣ тщательно распределенномъ, малѣйшее отступленіе отъ котораго могло бы причинить важныя столкновенія между различными государственными корпораціями, члены тайнаго совѣта, маршалы, адмиралы, великій канцлеръ Почетнаго Легіона, затѣмъ сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ, вся организація судебная и универ-

ситетская, коей костюмы, горностаевыя мантии, головные уборы возвращали васъ ко временамъ стараго Парижа,—нѣчто пышное и устарѣлое, не совсѣмъ умѣстное въ скептическую эпоху блузы и чернаго фрака.

Фелиція, чтобы не думать, добровольно устремляла глаза на эту монотонную и отчаянно длинную процессію, и мало-по-малу на нее нашло отупѣніе, какъ будто бы въ дождливый день на столѣ скучнаго салона она перелистывала раскрашенный альбомъ, исторію официального костюма отъ древнѣйшаго времени до нашихъ дней. И всѣ эти люди, видимые въ профиль, неподвижные и прямые за широкими стеклами, имѣли совершенно видъ размалеванныхъ изображеній выдвинувшихся на край подушекъ, чтобы ничего не пропало изъ ихъ золотого шитья, ихъ галуновъ и шнурковъ, — манекены выставленные на показъ толпѣ и сохраняющіе свой равнодушный и безучастный видъ.

Равнодушіе!... Таковъ характеръ свойственный подобнымъ похоронамъ. Оно чувствовалось повсюду, на лицахъ и въ сердцахъ, какъ между всѣми этими чиновниками, большая часть которыхъ знала герцога только по виду, такъ и въ рядахъ пѣшихъ шедшихъ между дрогами и каретой, знаменуя тѣсную дружбу или ежедневную близость. Равнодушенъ и даже веселъ толстый министръ, вице-президентъ совѣта, который своимъ здоровымъ кулакомъ, привыкшимъ колотить по дереву трибуны, крѣпко держалъ шнуры покровъ, какъ бы тянулъ его впередъ, послѣдняя болѣе лошадей и дрогъ увезти въ шестифутовое пространство земли своего двадцатилѣтняго врага, вѣчнаго соперника, преграду его честолюбію. Три другіе сановника не тянули такъ крѣпко шнуры, но длинныя кисти ихъ развѣвались въ ихъ усталыхъ или разсѣянныхъ рукахъ съ многозначительною небрежностію. Равнодушны священники, равнодушны служители, которыхъ герцогъ называлъ всегда *chore* и съ которыми дѣйствительно обращался какъ съ вещами. Равнодушенъ г. Луи, послѣдній день уже служившій, невольникъ ставшій отлущенникомъ, достаточно богатый, чтобы внести за себя выкупъ. Даже въ среду близкихъ проникъ этотъ ледяной холодъ. А между тѣмъ нѣкоторые были дѣйствительно очень преданы покойному. Но Кардельякъ слишкомъ наблюдалъ за порядкомъ и движеніемъ церемоніи чтобы выказать хотя малѣйшее волненіе, которое, впрочемъ, бы...

и не въ его натурѣ. Старый Монпавонъ, пораженный въ самое сердце, счелъ бы величайшимъ неприличіемъ, совершенно недостойнымъ его знаменитаго друга, малѣйшую неправильность въ своей полотняной кирасѣ и въ своемъ высокомъ ставѣ. Глаза его оставались сухи, столь же блестящи какъ и всегда, напоминая что общества похоронныхъ церемоній доставляютъ для большихъ трауровъ слезы вышитыя серебромъ по черному сукну. Только одинъ плакалъ тамъ между членами палаты, но и тотъ простодушно умилялся надъ самимъ собою. Бѣдный Набабъ, разнѣженный этою музыкой, этою пышностью, какъ будто хоронилъ все свое состояніе, все стремленіе къ славѣ и почестямъ. Но и это можно было принять за особый видъ равнодушія.

Въ публикѣ, довольство прекраснымъ зрѣлищемъ, радость что можно будничныи день обратить въ воскресенье, господствовали надъ всякимъ другимъ чувствомъ. На проѣздѣ по бульварамъ зрители на балконахъ почти готовы были аплодировать; здѣсь, въ многолюдныхъ кварталахъ, неуваженіе къ похоронной процессіи обнаруживалось еще рѣзче. Болтовня, площадныя остроты надъ покойникомъ, надъ его извѣстными всему Парижу любовными похожденіями, насмѣшки надъ костюмомъ участниковъ кортежа перекрещивались въ воздухѣ между раскатами барабановъ. Стоя въ грязи, въ блузѣ, съ приподнятою по привычкѣ фуражкой, нищета, принудительная работа, бездѣлье и забастовка смотрѣли съ насмѣшкой какъ проходилъ мимо обитатель иной сферы, этотъ блестящій герцогъ, спустившійся со всѣхъ почестей и можетъ-быть никогда при жизни не заглядывавшій въ эту окраину города. Но вотъ пришлось же, чтобы добраться къ верху, куда идутъ всѣ люди, пройти общемою дорогою, предмѣстьемъ Сентъ-Антуана, улицей Ла-Рокеттъ, до великой заставы, широко открытой въ бесконечность. Пріятно, чортъ возьми, видѣть что такіе знатные господа какъ Мора, герцоги, министры, всѣ поднимаются однимъ и тѣмъ же путемъ, къ одному и тому же назначенію. Это равенство смерти утѣшаетъ во многихъ несправедливостяхъ жизни. Завтра хлѣбъ покажется дешевле, вино лучше, орудіе не такъ тяжело, когда можно будетъ сказать, поднимаясь съ постели: „Какъ бы то ни было, этотъ старый Мора отправился туда, какъ и всѣ другіе!..“

Процессія все продолжалась болѣе утомительная чѣмъ мрачная. Теперь шли хоровыя общества, депутаціи арміи, флота, офицеры всѣхъ родовъ оружія, тѣсясь какъ стадо вокругъ пустыхъ экипажей, траурныхъ и простыхъ каретъ, танувшихся въ линію; затѣмъ двигались войска, и въ грязномъ предмѣстьѣ, длинная улица Ла-Рокеттъ, уже полная народомъ, пропускала цѣлую армію лѣхотинцевъ, драгунъ, уланъ, карабинеровъ, тяжелыя пушки съ жерлами къ верху, готовые грануть, потрясавшія мостовыя и рамы, но не покрывавшія грохота барабановъ, грохота зловѣщаго и дикаго, переносившаго воображеніе Фелиціи къ тѣмъ похоронамъ африканскихъ царей, гдѣ тысячи убитыхъ жертвъ сопровождаютъ душу повелителя, чтобъ она не попала одна въ царство духовъ, и заставлявшаго ее думать что можетъ-быть эта великолѣпная и безконечная процессія спустится и исчезнетъ въ нечеловѣческомъ рву, достаточно большомъ чтобы поглотить ее всю.

„...И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!“ пробормотала Кремницъ, между тѣмъ какъ ихъ карета задвигалась по очистившейся площади, гдѣ Свобода вся въ золотѣ казалась стремилась унести въ простанство въ волшебномъ полетѣ. И эта молитва старой танцовщицы можетъ-быть была единственною задушевною и искреннею нотой раздавшеюся на громадномъ протяженіи похоронной процессіи.

Всѣ рѣчи окончены, три длинныя рѣчи, столь же холодныя какъ скелетъ куда готовятся опустить покойника, три официальныя декламации доставившія ораторамъ случай громкогласно объявить о своей преданности интересамъ династіи. Пятнадцать разъ лучечные выстрѣлы огласили каадище своимъ грохотомъ, потрясли вѣнки стекляруса и иммортелей, развѣшанные на могилахъ, и между тѣмъ какъ красноватый паръ плаваетъ и перекачивается съ залахомъ пороха по жилищу мертвецовъ и медленно смѣшивается съ фабричнымъ дымомъ плебейскаго квартала, безчисленное собраніе также разсѣивается по наклоннымъ дорогамъ, по высокимъ лѣстницамъ, бѣлѣющимъ въ зелени, со смѣшаннымъ ролотомъ, похожимъ на шумъ волнъ между скалами. Красныя плащи, черныя фракы, синія и зеленыя платья, золотыя шнуры, тонкія шлагы поддерживаемыя рукой при движеніи — все это слѣшитъ къ каретамъ. Проис-

ходить ~~собиравъ~~ низкихъ поклоновъ, скромныхъ улыбокъ, между тѣмъ какъ траурныя кареты несутся по аллеямъ въ галопъ, выказывая очертанія черныхъ кучеровъ, округленные слипы, шляпы на бекрень, плащи развѣвующіеся по вѣтру.

Общее впечатлѣніе—избавленіе отъ продолжительнаго и утомительнаго позирования, законное стремленіе сбросить съ себя административную сбрую, церемоніальный костюмъ, расстегнуть поясъ, опустить воротникъ и расправить физиономію, которая также находилась въ положеніи искусственномъ и принужденномъ.

Тяжелый и малорослый, съ трудомъ передвигая свои опухшія ноги, Гемерлингъ торопился къ выходу, отказываясь отъ предложеній сѣсть въ карету, такъ какъ только его собственная карета могла вмѣстить его раздутое тѣло.

— Баронъ, баронъ, пожалуйте сюда... Для васъ есть мѣсто здѣсь.

— Нѣтъ, благодарю. Я иду лѣшкомъ чтобы расправить себя члены.

И чтобы избѣжать этихъ предложеній которыя стѣсняли его наконецъ, онъ двинулся боковою аллеею почти пустынною, пустынною до такой степени что баронъ тотчасъ же раскаялся когда вошелъ въ нее. Со времени своего прибытія на кладбище онъ озабоченъ былъ только одною мыслію, страхомъ чтобы не встрѣтиться съ Жансуле, заплатачливостъ котораго была ему извѣстна и который легко могъ позабыть величіе мѣста и возобновить на кладбищѣ Перъ-Лашеза скандалъ Королевской улицы. Два, три раза во время церемоніи онъ видѣлъ какъ огромная голова его стараго товарища выстулала изъ среды этого множества безцвѣтныхъ тѣловъ, коими полно было собраніе, и направлялась къ нему съ желаніемъ встрѣчи. Тамъ еще въ большой аллеѣ были бы люди, въ случаѣ несчастія, тогда какъ здѣсь... Брр... Эта тревога побуждала его ускоривать его короткіе шаги, отъ чего онъ задыхался, но все напрасно. Когда онъ обернулся со страхомъ что за нимъ слѣдуютъ, то широкія и сильныя плечи Набаба показались у входа въ аллею. Подстыку невозможно было пробраться между узкими промежутками могилъ сжатыхъ до такой степени что между ними едва можно преклонить колѣна. Ноги его вязли и развѣзжались въ рыхлой и увлажненной почвѣ. Онъ

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 коп.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Каткова)
на Страстномъ Бульварѣ.

К

